

Министерство науки и высшего образования РФ
Министерство просвещения РФ
Российское общество преподавателей русского языка и литературы
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XX Международной научной конференции

г. Элиста, 5-7 октября 2022 года

Волгоград
2022

Главные редакторы:
Н. А. Кичикова, В. И. Супрун

Редакционная коллегия:
Э. Б. Манджиева, Н. С. Джамбинова, Э. В. Эрдниева, Т. С. Есенова, Е. Н. Убушаев

Рецензенты:
Е. Н. Бекасова (Оренбургский педагогический университет),
В. И. Теркулов (Донецкий национальный университет),
Е. В. Брысина (Волгоградский социально-педагогический университет)

О 591 **Ономастика Поволжья** : материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5-7 октября 2022 года / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун ; Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.– Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – 400 с.

ISBN 978-5-98424-297-4

В сборнике представлены материалы XX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», состоявшейся в Элисте в Республике Калмыкия 5-7 октября 2022 г. Сборник содержит статьи, посвященные рассмотрению теоретических и методологических аспектов ономастики, современным проблемам антропонимики, топонимики и зоонимики, литературной и педагогической ономастики. Материалы сборника вносят вклад в теорию и практику ономастических исследований и представляют интерес для широкого круга исследователей.

УДК 413.13
ББК 81.053.13

ISBN 978-5-98424-297-4

© Авторы, 2022
© Н. А. Кичикова, В. И. Супрун, составление, редактирование, 2022
© «ПринТерра-Дизайн», оформление, 2022

Кичикова Н. А., Супрун В. И. Предисловие 7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНОМАСТИКИ

Бахшиева Т. Л. (Баку) Связь топонимики с другими науками 9
Беляева М. Ю. (Славянск-на-Кубани) Модели ономастикона 12
Васильева Н. В. (Москва) Ономастическая нарратология как одно из направлений литературной ономастики 15
Данилина Н. И. (Саратов) Трансонимизация и смежные явления в эргонимии 18
Крюкова И. В. (Волгоград) Коннотативные имена собственные: этапы развития полисемии 23
Попов С. А. (Воронеж) Об использовании информационно-коммуникационных технологий в региональных топонимических исследованиях 26
Робустова В. В. (Москва) Концепция спирального развития значения имен собственных 29
Сулейманова Р. А. (Уфа) Лексема *ир* ‘мужчина’ в башкирском ономастиконе 33
Супрун В. И. (Волгоград) Перевод в ономастике: зависимость выбора передачи (транскрипции) или перевода от ядерно-периферийной отнесенности онима 35
Щербак А. С. (Тамбов) Проблемы изучения диалектной ономастики 41

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОНИМИКИ

Ахметова М. В. (Москва) Ярославна: случаи трансонимизации в XX в. 44
Бардаков А. И. (Волгоград) Традиция наречения именами политиков уходит? 48
Бардакова В. В. (Волгоград) Имя Джангар в современном калмыцком языке 53
Боброва М. В. (Санкт-Петербург) Флористические прозвища русских в Пермском крае: лексический и формально-грамматический аспекты 59
Волков С. С., Дубова С. С., Матвеев Е. М., Смирнова А. С., Шарихина М. Г. (Санкт-Петербург) Варьирование антропонимов в русской поэзии XVIII века 62
Врублевская О. В. (Волгоград) Антропонимы футбольного дискурса: развитие коннотативных значений 66
Галиуллина Г. Р. (Казань) Проблемы орфографии современных татарских личных имен 70
Душиньски-Карабаиш Х. (Быдгощ) Искусственные фамилии верующих православных приходов Восточной Куявии и Добржиньской земли во второй половине XIX и в начале XX века 72
Исмаилов Э. М. (Баку) Происхождение азербайджанских антропонимов и образование от них топонимов 76
Катермина В. В. (Краснодар) Ономастическое пространство английского неологического дискурса 77
Климкова Л. А. (Арзамас) Системные отношения в окско-волжско-сурской неофициальной антропонимии 80
Красовская Н. А. (Тула) Антропонимы в региональной прессе периода Великой отечественной войны 84
Мезенко А. М. (Витебск) Объективация «мужского» набора гендерной асимметрии в системе названий улиц Славии 89
Назаров А. И. (Алматы) Перепись Яицкого казачьего войска 1723–1724 годов как источник по истории и антропонимии калмыков 92
Николаев Е. Р. (Якутск) Калмыцкий антропонимикон и якутский язык: лексико-семантические параллели 96
Орлова О. Е. (Великий Новгород) Изучение отечественных традиций имянаречения: образовательные смыслы 102

<i>Цепкова А. В. (Новосибирск)</i> Особенности современных русских и американских прозвищ-эвентонимов	106
<i>Юсупова А. Ш. (Казань)</i> Личные имена в двуязычных словарях татарского языка XIX века	110
<i>Чаукерова Г. К., Мухамадиева Д. М. (Тюмень)</i> Из истории формирования традиций именования сибирских казахов и сибирских татар юга Тюменской области	113
<i>Шехтман Э. Н. (Оренбург)</i> Имена собственные и их иноязычные соответствия	115

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ И МИКРОТОПОНИМИКИ

<i>Асмондьяров В. Н. (Уфа)</i> Топонимия бассейна реки Лемеза (на материале корневых основ)	118
<i>Багомедов М. Р. (Махачкала)</i> Этнолингвистический потенциал ойконимии полиэтнического региона	121
<i>Бакутов В. А. (Новые Параты)</i> Особенности системы виконимов Волжского района Республики Марий Эл	125
<i>Басангова Т. Г. (Элиста)</i> Топонимы и топонимические предания калмыков	130
<i>Беляев А. Н. (Уфа)</i> О русско-башкирских гибридных топонимах	132
<i>Борлыкова Б. Х. (Элиста)</i> Аpellятивы в калмыцких и сарт-калмыцких гидронимах	135
<i>Бубнова Н. В. (Смоленск)</i> Особенности описания топонимической лексики в учебных лингвокраеведческих словарях (на примере смоленского материала)	138
<i>Гусейнова А. И. (Баку)</i> Отражение этнолингвистических слоев в топонимах Поволжья	142
<i>Дамбуев И. А. (Улан-Удэ)</i> Нормализация топонимов в России: итоги 2021 года	146
<i>Дамбуев И. А. (Улан-Удэ), Меркель Е. В. (Нерюнгри)</i> Эвенкийская топонимия Тунгочеченского района Забайкальского края	150
<i>Жаркынбекова Ш. К., Агабекова Ж. А. (Нур-Султан)</i> Топонимическая трансформация города (на примере Нур-Султана)	153
<i>Кичикова Н.А. (Элиста)</i> Термин <i>балка</i> : происхождение и лексико-семантическое значение	158
<i>Корнеева А. Х. (Элиста)</i> Русские зоотопонимы на территории Республики Калмыкия	161
<i>Королева И. А. (Смоленск)</i> Региональная микротопонимия и ее исследование	164
<i>Лесников С. В. (Санкт-Петербург)</i> Материалы для словаря гидронимов русских говоров Республики Коми	167
<i>Манджиев Н. Ц. (Элиста)</i> К проблеме ареалогической топономастики в национальной картине мира калмыков (по архивным материалам Икицохуровского улуса Калмыцкой степи)	172
<i>Мельникова Т. Н., Хоронко С. С. (Минск)</i> Имя собственное в языковой картине мира	177
<i>Мокиенко В. М. (Санкт-Петербург), Никитина Т. Г. (Псков)</i> Топонимы-аксиологемы в восточнославянской паремиологии: Крым	180
<i>Мызников С. А. (Москва)</i> Легенды и версии (о происхождении некоторых ойконимов в Приневье)	185
<i>Петешова О. В. (Калининград)</i> Особенности переименования мелких водоемов Калининградской области	190
<i>Сабиева Е. В., Какимова М. Е., Козлова Ю. Е. (Петропавловск)</i> Гидронимические кальки на территории Северо-Казахстанской области	194
<i>Сарбашева С. Б. (Горно-Алтайск)</i> К вопросу о происхождении гидронимов <i>Бя, Пея, Бий, Бей, Пий-хем, Оён</i> в Западной Сибири	198
<i>Сусеева Д. А. (Элиста)</i> Об истории села Замьяны Астраханской области (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)	202
<i>Трофимова С. М. (Элиста)</i> Ойконимы калмыцкого региона: лингвокультурологический аспект	204
<i>Шкляр В. А. (Минск)</i> Микротопонимика в Беларуси: современное состояние и перспективы	206

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ УРБАНОНИМИКИ И ГОРОДСКОГО ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>Афанасьева М. А. (Ярославль)</i> Артиэргонимы музеев г. Ярославля	210
<i>Казнина Е. А. (Ярославль)</i> Особенности урбанонимии малого города (на примере городов Ярославской области)	213
<i>Картавенко В. С. (Смоленск)</i> Названия городских объектов в истории	217
<i>Разумов Р. В. (Ярославль)</i> Онимическая ситуация в русских городах в начале XXI века	221
<i>Рассадин А. П., Ильин В. Н. (Ульяновск)</i> Этноурбанонимы в языковом полиэтническом пространстве города	225
<i>Романова Т. П. (Самара)</i> Самарские ойкодомонимы в аспекте формирования имиджа города	230
<i>Шаяхметов Р. А. (Уфа)</i> О годонимах – посвящениях Мустаю Кариму	233

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗООНИМИКИ

<i>Варникова Е.Н. (Вологда)</i> Языковая игра в русской зоонимии	238
<i>Гарькуша А. А. (Волгоград)</i> Зоонимикон конноспортивного дискурса	242
<i>Мельникова А. Р., Попцова О. С., Шеремета Т. В. (Пермь)</i> Анализ распространенности кличек у собак отечественных охотничьих пород	246
<i>Федотова Т. В. (Краснодар)</i> Мотивационные характеристики в зоонимии как элемент языковой картины мира номинатора	250

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ

И АПЕЛЛЯТИВНО-ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

<i>Васильева О. А. (Сызрань)</i> Трансформационные изменения онима Хавронья – от антропонима к аpellятиву	253
<i>Габибли Р. Ю. (Баку)</i> Банконимы Азербайджана как объект исследования	257
<i>Кириллова Е. Д. (Москва)</i> Аpellятивация топонима Кремль в англоязычном медиадискурсе (на примере информационного агентства Reuters)	261
<i>Кирпичева О. В. (Волгоград)</i> Имена фикциональных персонажей как средство социальной оценки	265
<i>Корнейчук Т. А. (Волгоград)</i> Средства прагматизации названий кинофильмов	269
<i>Мустафаев Ф. Н. (Баку)</i> Поэтические и стилистические особенности ономастических единиц в языке кино	272
<i>Рычков С. Ю. (Одинцово)</i> О каронимическом пространстве, каронимической системе и каронимах	274
<i>Салынова О. В. (Элиста)</i> Прецедентные имена в рекламных текстах (на материале рекламных текстов Калмыкии)	277
<i>Соколова А. А., Фатеева Н. А. (Тюмень)</i> К вопросу о фразеологических милитариионах	281
<i>Сулейман М. М. (Волгоград)</i> Онимы телевизионного дискурса с точки зрения языковой нормы	285
<i>Теуш О. А. (Екатеринбург)</i> Ономастические и ономастические наименования в охотничьей лексике Прикамья	289
<i>Цветкова Е. В. (Кострома)</i> Названия луж в Костромской микротопонимии	294

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА

<i>Бражник Л. М. (Набережные Челны)</i> Участие имени собственного в моделировании художественного мышления О. Мандельштама	299
<i>Бурченкова А. А. (Смоленск)</i> Ономастическая картина повести Б. Васильева «Летят мои кони»	302

Бут-Гусаим С. Ф. (<i>Брест</i>) Ономастикон исторической повести Ю.И. Крашевского «Последняя из слущких князей»	306
Брыкова А. А. (<i>Санкт-Петербург</i>) Нарушение ономастических конвенций в текстах детской литературы: стратегии детей и взрослых	309
Верецагина А. Н., Верецагина О. Н. (<i>Ярославль</i>) Имена собственные в лирике Г. Адамовича	313
Генералова Е. В. (<i>Санкт-Петербург</i>) Специфика использования топонимов в паремиях (на материале пословиц и поговорок Петровского времени)	317
Демидович Т. В. (<i>Москва</i>) Антропонимы в рассказе Г. Дубового «Увертюра к плачу кукол»	321
Комлева Н. В. (<i>Вологда</i>) Отражение в имени духовного развития литературного героя (на материале трилогии В. И. Белова «Час шестый»)	325
Ланге Н. В. (<i>Смоленск</i>) Топоним Ленинград, Петербург, Питер в романе Д.И. Рубиной «Маньяк Гуревич»	329
Ларионова М. Ч. (<i>Ростов-на-Дону</i>) Собственные имена персонажей комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» в этнокультурном контексте	332
Ляпидовская М. Е. (<i>Санкт-Петербург</i>) Интертекстовый потенциал антропонимов в творчестве Н. С. Лескова	336
Петрачкова И. М. (<i>Гомель</i>) Значимость антропонимов в постмодернистских драмах М.Ю. Угарова «Зеленые щеки апреля»	340
Сабиева Е. В., Какимова М. Е., Дедоченко О. Б. (<i>Петропавловск</i>) Ономастическое пространство романа И. П. Шухова «Горькая линия»	345
Сироткина Т. А. (<i>Сургут</i>) Ономастическое пространство текстов мемуарных эссе	348
Султангареева Р. А. (<i>Уфа</i>) Башкирский эпос «Заятуляк и Хыгхылу»: мифосемиотическое прочтение названий сакральных мест, орнаментики, ритуальных практик	351
Фокина М. А. (<i>Кострома</i>), Шохра М. (<i>Уэд-Фодда</i>) Прецедентное имя <i>Сталин</i> в романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных»	359
Шаповал В. В. (<i>Москва</i>) Гренада и Гренада в литературном обиходе конца 1920-х годов	363
Шетэля В. (<i>Москва</i>) Названия вин регионов в поэтической строке А.С. Пушкина и в других источниках XIX века	367

ТЕОНИМЫ И МИФОНИМЫ В ПОВОЛЖСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРАХ

Каримова Г. Р. (<i>Уфа</i>) Мифонимы в погребально-поминальном обряде башкир.	370
Менкенов А. В. (<i>Москва</i>), Навашева В. А., Менкенова К. В., Манджиева А. Н. (<i>Элиста</i>) Эпитет будд «Бхагаван»: о некоторых проблемах перевода на калмыцкий язык	372
Семенова В. И. (<i>Иркутск</i>) О названиях бурятских <i>бариса</i>	376
Хисамитдинова Ф. Г. (<i>Уфа</i>) К происхождению аймачных (токумных) этнонимов башкирского языка	380

ОНОМАСТИКА И ОНОМАСТИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Беданоква З. К., Абрегов А. Н., Адзинова А. А., Сокур Е. А. (<i>Майкоп</i>) Филологический компонент проекта: актуализация топонимического пространства и фитоназваний региона в учебном процессе школы и вуза	384
Ганжина И. М. (<i>Тверь</i>), Черненко М. Ю. (<i>Прямухино</i>) О возможностях использования культурно-исторического пространства села Прямухино в образовательной деятельности	388
Пашаева Юнус Ф. Ш., Юнус Я. А. (<i>Карс</i>) Лингвокультурологический аспект имен собственных в преподавании русского языка как иностранного	392
Робустова В. В., Коваленко А. С. (<i>Москва</i>) Эвристические задания как способ развития ономастической компетенции	394

ПРЕДИСЛОВИЕ

12 ноября 2021 года на заключительном заседании XIX Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» в Оренбурге была принята резолюция, в которой предлагалось провести XX Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья» 5-7 октября 2022 года в Элисте на базе Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова [Бекасова, 2022: 269]. Представителям КалмГУ Н. А. Кичиковой и Э. Б. Манджиевой было торжественно передано знамя «Ономастики Поволжья». Выбор места проведения конференции определялся как географическими и историческими причинами, так и уровнем развития ономастических исследований в Калмыкии.

Начиная с XVII века, калмыки постоянно пребывали на берегах Волги [Борисенко, 2000], перекочёвывая от Астрахани до Ставрополя-на-Волге (ныне Тольятти Самарской области), который 20 июня 1737 года был пожалован императрицей Анной Иоанновной калмыцкой княгине Анне Тайшиной для поселения крещённых калмыков [Овсянников, 1997]. В этом году исполняется 300 лет со дня встречи знаменитого калмыцкого хана Аюки (1642-1724) с императором Петром Великим (1672-1725) в Саратове 24 июня 1722 года [Илишкин, 2010: 14]. Нагорная (правая) сторона берега в низовьях Волги называлась Калмыцкой [Вся Астрахань, 1914: 3 справ. отд.].

В настоящее время Юстинский район Калмыкии выходит к Волге и даже имеет часть территории на противоположном берегу (посёлок Цаган Булг). Здесь уже в 1798 году начинает строиться хурул. В 1859 год в Цаган-Амане была главная зимняя ставка Багацохурского (Богоцохурского) улуса, он располагался по обоим берегам Волги, здесь было 55 кибиток и 220 жителей [Списки, 1861: 35]. В 1925 году был образован Цаганаманский сельский совет, в нём в начале 1930-х годов был создан колхоз «Трудовой калмык». После восстановления калмыцкой автономии центром Юстинского района стал посёлок Бурунный, которому 22 марта 1961 года было возвращено историческое название Цаган-Аман. Лаганский район Калмыкии расположен на побережье Каспийского моря неподалёку от впадения в него Волги и её рукавов (дельты).

Идея создания высшего учебного заведения в Калмыкии звучала ещё в 1920 году на 1-м Общекалмыцком съезде советов в Астрахани. До революции в улусах и аймаках было всего 55 начальных школ, в которых обучалось менее 1500 учеников. В открытом 6 декабря 1848 года в Астрахани 4-классном Калмыцком училище в конце XIX века училось всего 30 мальчиков [Эрдниев, 1985]. В нём преподавал родной язык калмыцкий просветитель, переводчик и этнограф Найман Бадмаевич Бадмаев [Учёные, 2006: 9-11].

Уже 26 октября 1920 года в Астрахани были организованы двухгодичные педагогические курсы, которые через год были преобразованы в педагогический техникум. Когда в Саратове 11 июня 1929 года при Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского было открыто калмыцкое отделение (секция на педагогическом факультете), первыми студентами стали в основном выпускники этого техникума. В 1933 году Калмыкия была выведена из состава Нижне-Волжского края, поэтому калмыцкое отделение было переведено в Астраханский педагогический институт имени С. М. Кирова, где вскоре был открыт калмыцкий факультет [Корнилова, 2000].

В 1938 году в Астрахани открыли Калмыцкий учительский институт, а в 1939 году – Калмыцкий педагогический институт, которые в 1941 году были переведены в Элисту. Первым директором (ректором) КПИ был назначен Бата Бадмаевич Бадмаев (1905-1971), диссертация которого «Орфография новокалмыцкого литературного языка» сыграла важную роль в калмыковедении. После восстановления калмыцкой автономии калмыцкое отделение было создано в 1957 году при Ставропольском педагогическом институте, его организацией занялся Б. Б. Бадмаев. В сентябре 1964 года в Элисте возобновил свою работу Калмыцкий педагогический институт, его ректором был назначен Джал Дарбакович Орлов (1905-1984), первый калмыцкий кандидат философских наук, общественный деятель Калмыкии [Первый философ, 2002]. Он проанализировал развитие научных исследований в КПИ, оставил книгу воспоминаний [Орлов, 1981; Орлов, 2005].

1 января 1970 года на базе Калмыцкого педагогического института был образован государственный университет. Большая заслуга в появлении первого университета в Калмыкии принадлежит известному общественному и политическому деятелю страны, Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Басану Бадминовичу Городовикову (1910-1983), который проявил настойчивость и упорство при обсуждении этого вопроса в центральных органах. Его имя было присвоено КалмГУ. Более 20 лет (с 1990 до 2011 года) ректором Калмыцкого государственного университета был Герман Манджиевич Борликов, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. С 2011 года вуз возглавляет Бадма Катинович Салаев, доктор биологических наук, заслуженный учитель Калмыкии, заслуженный работник народного хозяйства Республики Калмыкия.

В настоящее время в структуре университета 10 факультетов и институт калмыцкой филологии и востоковедения, осуществляется подготовка студентов по 35 направлениям бакалавриата, 13 направлениям магистратуры, 14 специальностям среднего профессионального образования и по ряду программ дополнительного образования. В университете обучается около 8 тысяч студентов по очной и заочной формам обучения.

Одним из ведущих в университете является гуманитарный факультет, на кафедрах которого работают более 50 преподавателей, в том числе признанные в России и за рубежом доктора наук, профессора В. Б. Убушаев, А. Н. Команджаев, М. М. Батмаев, П. М. Кольцов, О. Д. Джагаева, Д. А. Сусеева, Т. С. Есенова, С. М. Трофимова, В. В. Убушаева, кандидаты наук, доценты Н. Л. Овшиева, Т. М. Кекеева, Е. С. Котяева, Н. Ю. Микитенко, Н. А. Кичикова, Н.С. Джамбинова, Э.Б. Манджиева, С. М. Мургаев, Е. Ш. Музраева, Е. Н. Убушаев и многие другие. Преподаватели гуманитарного факультета занимаются разработкой актуальных проблем современной лингвистики, литературоведения и истории. Большой вклад калмыцкими учёными сделан в ономастику. Вышли топонимические словари Республики Калмыкия [Кичикова, 2017; Гедеева, 2019], регулярно публикуются статьи по проблемам антропонимики, топонимики, зоонимики и других разрядов ономастики.

На XX конференцию «Ономастика Поволжья» поступили 104 статьи 128 авторов из семи стран (Россия, Белоруссия, Азербайджан, Казахстан, Польша, Турция, Алжир). Россия представлена фактическими всеми известными университетскими городами от Калининграда до Улан-Удэ. Активно включились в подготовку выступлений для конференции представители Москвы (12 заявок), Санкт-Петербурга и Элисты (по 11 заявок), Волгограда (9 заявок), Уфы (7 заявок). По 4-5 участников прислали свои работы из Баку, Смоленска, Петропавловска, Ярославля, Майкопа, Тюмени. Из остальных 40 российских и зарубежных городов и двух сёл предполагают принять участие в конференции 1-2 докладчика.

Пожелаем всем участникам конференции «Ономастика Поволжья» творческого вдохновения, убедительных научных открытий, полезных дискуссий, радости от общения с единомышленниками, коллегами и друзьями.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. XIX Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» / Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 262-269.
2. Борисенко, И. В. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 г. – начало 90-х г. XX в / И. В. Борисенко, С. И. Убушиева. Элиста: Изд-во Калм. ин-та гуманитар. и прикл. исслед. РАН, 2000. – 164 с.
3. Овсянников, В. А. Ставрополь – Тольятти: Страницы истории: книга для учащихся старших классов / В. А. Овсянников. Тольятти: Изд-во фонда «Развитие через образование», 1997. – 364 с.
4. Илишкин, Л. Н. Знаменитые калмыки прошлого / Л. Н. Илишкин. Элиста: Джангар, 2010. – 77 с.
5. Вся Астрахань и весь Астраханский край: Памятная книжка Астраханской губернии на 1914 год. Астрахань: Паровая губ. типогр., 1914. – 512 + 172 + 78 + 48 стлб.
6. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом МВД. II: Астраханская губерния (по сведениям 1859 года) / Обработан ст. ред. А. Артемьевым. Санкт-Петербург: Тип. К. Вульфа, 1861. – XVI + XVI + 51 с.

7. Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. - 282 с.
8. Учёные – исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.): Библиографический указатель / Сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова; науч. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. – 252 с.
9. Корнилова И. М. Становление и развитие высшего образования в Калмыкии, 1920-1999 гг. : дис. <...> канд. ист. наук. Элиста, 2000. – 220 с.
10. Первый философ Калмыкии: очерк жизни и научно-педагогической деятельности Д. Д. Орлова / сост. А. М. Буринов. Элиста: Джангар, 2002. – 71 с.
11. Орлов, Д. Д. Научные исследования в Калмыцком педагогическом институте / Д. Д. Орлов // Развитие науки в Калмыцкой АССР. Элиста: Изд-во Калм. НИИ истории, филологии и экономики, 1981. С. 121-131.
12. Орлов, Д. Д. О времени и о себе (воспоминания) / Д. Д. Орлов. Элиста: Джангар, 2005. – 144 с.
13. Кичикова Н. А. Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н. А. Кичикова, Э. Б. Манджиева, В. И. Супрун. Элиста: Джангар, 2017. – 272 с.
14. Гедеева, Д. Б. Словарь топонимов Республики Калмыкия: Хальмг Таңһчин һазр-усна нердин толь-бичг / Д. Б. Гедеева, Б. Э. Убушиева, Л. А. Лиджиева, Б. В. Баринаова. Элиста: Изд-во Калм НЦ РАН, 2019. – 344 с.
15. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНОМАСТИКИ

***

СВЯЗЬ ТОПОНИМИКИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

Т. Л. Бахшыева

Институт языкознания имени Насими НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан)

Аннотация. В ономастической системе топонимы считаются одними из древнейших лексических единиц. Топонимика рассматривается как источник для изучения истории языка. Этнотопонимы ценны с точки зрения изучения этнической истории. Современные топонимические исследования невозможно представить без контакта с другими науками. С этой точки зрения топонимика взаимодействует с литературоведением, историей, социологией, географией. Топонимическая лексика широко отражена в литературе и фольклоре. Иногда специалисты при изучении топонимов используют народную этимологию. Одной из особенностей сатирического стиля является широкое использование вымышленных ономастических единиц, в том числе вымышленных топонимов.

Ключевые слова: топоним, ономастика, наука, языкознание, история.

Топонимы – это память народа, живой архив его языка и истории, поэтому в последнее время данный класс онимов является объектом рассмотрения определенной области в современном языкознании – топонимики. В ономастической системе топонимы считаются одними из древнейших лексических единиц. Наряду с областью ономастики, топонимика также рассматривается как источник для изучения истории языка. Этнотопонимы ценны с точки зрения изучения этнической истории. Топонимы, помимо исторических источников, подтверждают расселение тюркских племен в Азербайджане с древних времен. Изучение топонимов важно также для того, чтобы проследить некоторые исторические изменения в языке. Т. Ахмедов пишет об этом: «Они (имена) образованы на основе лексико-грамматических правил языков народов, к которым принадлежат, живут долго, переходя из языка в язык, из поколения в поколение. Многие из этих имен относятся к древним народам и древним языкам, а также к определенным историческим событиям. Хотя некоторые из этих названий изменились в силу социально-экономических условий жизни и были

заменены другими, многие племена исторически существовали на той или иной территории и до сих пор их следы видны в истории, культуре, экономике, социально-культурных условиях, обычаях и традициях народов, а также выслеживаются некоторые черты вымершего, архаичного языка» [Əhmədov 1991: 3]. Современные топонимические исследования невозможно представить без обращения к результатам изысканий других наук. Наличие такой связи является одним из важнейших вопросов для всестороннего и углубленного изучения предмета. Порой разные науки, изучающие тот или иной предмет, отличаются друг от друга тем, что каждая из них изучает свои законы и закономерности. Известно, что на основе фактов, полученных в одной области науки, способствует иногда успешному исследованию в другой. Такое взаимодействие и взаимовлияние наблюдается и в топонимике с другими науками. В топонимических исследованиях обращение к другим наукам (история, география) позволяет более точно и объективно изучить некоторые вопросы. Как известно, топонимика также взаимодействует с литературоведением, историей, социологией, географией. Так, топонимическая лексика широко отражена в литературе – в устном народном творчестве и в художественной литературе. В эпосах, легендах, сказках и в других жанрах фольклора, созданных азербайджанским народом, мы наблюдаем большое количество топонимов. Истории возникновения некоторых древних топонимов Азербайджана посвящены мифы и легенды, дошедшие до наших дней, в которых дается представление об образовании некоторых ономастических единиц. В азербайджанском языке также есть пословицы и поговорки, связанные с топонимической лексикой. Иногда специалисты при изучении топонимов используют народную этимологию.

Исследователи отмечают: «До сих пор почти не проводилось исследований в области обширного и систематического изучения азербайджанских топонимов на основе легенд и мифов. Несмотря на недавние успехи в области ономастики, в языкознании этот вопрос рассматривался лишь в отдельных работах. Исследования показывают, что народная этимология во многих топонимических легендах не имеет под собой научной основы. Подобными словами объясняется значение ряда географических названий. Иногда объяснение топонимов в легендах приводит исследователя к неверному толкованию [Вахшйева 2010: 215].

Одним из основных условий в топонимах является этимологическое объяснение, основанное на науке. Часто народная этимология, данная в легенде о происхождении топонимов, не оправдывает себя, приводит к ошибкам. Несомненно, легенды ценны, как образцы устного народного творчества. В художественных произведениях топонимы не только указывают на название места, где происходили события, но и несут определенную стилистическую функцию. Произведения, написанные литературным языком, сохраняют языковые особенности периода, языковые нормы, грамматические правила. Изучение географических названий в азербайджанском языкознании уходит корнями в глубокую древность. Так, в письменной литературе сохранились исследования топонимических единиц, их стилистических особенностей.

Многовариантность географических названий, используемых в художественных произведениях, зависит от знаний и мировоззрения писателя. В зависимости от жанра произведения выбор топонимов различен. По этой причине лингвисты рассматривали стилистические возможности географических названий в литературном языке с разных точек зрения. Иногда писатель употребляет топоним условно, например, указывает, где произошло событие, в этом случае пространство не так важно для писателя. Иногда писатель не указывает место происшествя или использует вымышленные топонимические единицы. Несомненно, в независимости от специфики художественного стиля, использование писателем различных вариантов топонимических единиц вызывает интерес.

Для рассмотрения стилистических особенностей ономастических единиц следует обратиться к анализу произведений отдельных писателей и поэтов. В произведениях, где ведущую роль играют сатира и юмор, топонимы проявляются в двух основных направлениях: 1. топонимы, выражающие реальные, существующие предметы, географические места; 2. топонимы, являющиеся продуктом выдуманного, нереального воображения писателя. В зависимости от индивидуального

стиля каждого художника топонимы в художественном произведении обладают стилистическими особенностями и определенным значением.

а) Одной из особенностей сатирического стиля является широкое использование вымышленных ономастических единиц, в том числе вымышленных топонимов. В зависимости от сатирического стиля Дж. Мамедкулизаде различают топонимы, созданные с целью сатиры и юмора. Названия сел Данабаш, Итгапан, Улаглы, Журнали, использованные в произведениях автора не случайно. Так, вымышленный топоним «Данабаш» создан для создания юмора от слова «данабаш», которое употребляется в народе для выражения безграмотности и отсталости любого человека. Давая имя данабаш селу, писатель хотел передать социальную отсталость и невежество живущих здесь людей. А. Джавадов подчеркивает стилистические возможности топонимов в художественных произведениях и приводит их группировку: а) четко указывается название определенного географического объекта; б) место, где происходят события, обозначено символами; в) район, где происходили события, указывается неопределенно; г) место события общее, названия воображаемых мест даны в положительном ключе; г) пространство дано в негативном плане; д) пространство вымышленное, воображаемое [Azərbaycan dilinin bədii üslubiyatı 1970: 24].

Топонимика также во многом связана с исторической наукой. Историки работают с топонимией иначе, чем лингвисты. Ученые-историки добились определенных успехов в изучении азербайджанской топонимии. Факты, представленные историками, бесценны, особенно при изучении палеотопонимов. Толкование топонимов относится к разным областям исторической науки. Область археологии дает очень ценные факты для топонимики.

Таким образом, письменные памятники, найденные при археологических раскопках, сохраняют информацию о географических названиях древних времен. Некоторые примеры топонимов содержат представления об образовании некоторых ономастических единиц. Помимо исторических источников, топонимы также подтверждают расселение тюркских племен в Азербайджане с древних времен. Исторический материал привлекается к изучению, дается информация о найденных там географических названиях. Таким образом возможно получение интересных фактов, связанных с изучением топонимов в различных областях исторической науки (древние летописи, письменные книги, археологические находки, исторические государственные документы и указы и др.). Исторические документы и дорожные заметки считаются ценными источниками по топонимике Азербайджана. Архивные материалы ценны и как топонимический источник. Для ономастолога ценны не только печатные материалы, но и материалы, хранящиеся в архивах, малоизвестные широкой публике. Поиск фактов из этого источника имеет свои трудности. Хранящиеся в архивах материалы написаны на разных языках, поэтому исследователь, иногда использующий архивные материалы, должен владеть языками, на которых написаны данные памятники.

Известно, что между топонимией и географией существует тесная связь. Помимо языкознания, для правильного объяснения топонимической лексики необходимо использовать знания из области географии. Иногда одноименное название географического места встречается в разных областях, точное местонахождение которых можно определить на основе географических материалов. «Связь топонимии с географией можно объяснить тем, что топоним имеет конкретный адрес определенного объекта, свою физическую, экономическую и социальную географическую зависимость от этого поля и определение своего географического положения» [Məmmədov 2007: 108]. Широко используемую в географии карту невозможно представить без топонима. Как современные, так и древние карты являются ценным ресурсом для изучения топонимов. При изучении топонимов для определения ареалов необходимо рассматривать не только карты Азербайджана, но и карты и топонимические системы других народов и стран. Топонимика также связана с социологией. Известно, что объектом социологического познания является общество, а общество может быть объектом исследования всех социальных и гуманитарных наук. Изучение географических названий является одной из социолингвистических проблем. Если бы не было географических названий, было бы трудно решать социальные проблемы в обществе.

Список литературы

1. Azərbaycan bədii dilinin üslubiyatı. Oçerklər. Bakı: Elm, 1970. – 355 s.
2. Baxşıyeva, T. Qafqazın türk mənşəli toponimləri / T. Baxşıyeva. Bakı, 2010, – 255 s.
3. Əhmədov, T. Azərbaycan toponimikasının əsasları / T. Əhmədov. Bakı: Bakı Universiteti, 1991. – 312 s.
4. Məmmədov, N. Toponimika / N. Məmmədov. Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2007. – 408 s.

***

МОДЕЛИ ОНОМАСТИКОНА

М.Ю. Беляева

Кубанский государственный университет (Славянск-на-Кубани, Россия)

Аннотация. По аналогии с соотношением языка и речи автор рассматривает ономастикон двояко: как модель (схему структурных связей видов онимов) и как результат применения модели (ономастические тексты). Синонимом понятия «ономастикон» как модель признаются термины «ономастическая система», «гиперсистема». Специфику регионального ономастикона предлагается искать как минимум на уровне подвидов, а также в степени распространенности тех или иных конкретных единиц на заданной территории.

Ключевые слова: ономастика; ономастикон; региональный ономастикон; моделирование; стереометрическая модель.

В классическом словаре Н.В. Подольской термин «ономастикон» многозначен [Подольская 1988: 98], при этом первое значение слова архаично, второго недостаточно для характеристики феномена. Термин «онимикон» применим и к одному из видов объединений онимов (топонимикону, антропонимикону и др.) [Балкански 2010: 296].

В настоящий момент под термином «ономастикон» подразумевается лексический свод собственных имен разных разрядов (антропонимов, зоонимов, топонимов, эргонимов и др.) или совокупность онимов той или иной территории, языка, периода, произведения, писателя, пронизанные системными связями.

Очевидно, что ономастике не избежать фундаментальной двойственности объекта лингвистики. Вышеприведенные дефиниции относятся, с нашей точки зрения, к результату применения модели, подобно тому, как сама речь отражает проявленные возможности модели языка. По аналогии с соотношением языка и речи мы имеем здесь дело с ономастиком-моделью (схемой структурных связей видов онимов) и ономастиком-результатом применения модели (ономастическими текстами). Синонимом термина-понятия «ономастикон» в первом случае можно считать термины «ономастическая система», «гиперсистема».

Коль скоро понятие ономастикона как модели (образца, схемы, паттерна) воспринимается в сосюрловском, даже ельмслевском, понимании языка, закономерен вопрос о том, будут ли различаться модели ономастиконов, представляющие различные территории одного государства, например, Белгородской или Челябинской областей, Поволжья или Зауралья. Или модель и ее территориальная (региональная) реализация останутся, перефразируя К. Ажежа, столь же плохо примиримыми в лингвистических теориях, как язык и речь?

До сих пор общепринятой моделью ономастикона остается полевая, предложенная В. И. Супруном [Супрун 2000]. Ядром ономастической системы признаются антропонимы, имеющие общую денотацию (называющие человека как индивида) и выполняющие одни и те же задачи – различение и индивидуальное обозначение лиц. Из всех разновидностей антропонимов (имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы, криптонимы) антропонимическое подполе центрирует личные имена, преимущественно от имен святых покровителей христиан (*агионимов*), служащие производящими для остальных видов онимов. Положение топонимов не вполне ясно: входят

ли они в ядро системы, или все же периферийны [Супрун 2000: 8]. В околоядерное пространство включают теонимы, мифонимы, зоонимы; периферию (дальнюю) составляют все имена артефактов искусственного происхождения из мира вещей (прагматонимы, фалеронимы) и явлений (астронимы, все идеонимы) [Супрун 2000: 16–17]. Из частных моделей ономастикона более других повезло топонимикону, возможно, благодаря непосредственной близости его номинаций к реалиям, особенно ощутимым в составных топонимах (река *Протока*, *Сладкий* лиман, *Кавказский* район, станция *Староцербиновская*, улица *Красных Партизан* и проч.).

Уровневая модель явлений, составляющих ономастикон, выстроенная с позиций когнитивистики, включает три компонента: суперординатный (надбазовый), базовый и субординатный (подбазовый) уровни [Щербак 2017: 187]. На первом опознаются и располагаются имена собственные vs нарицательные, на втором – видовые понятия (антропоним, топоним и др.), на третьем – конкретные реализации собственных имён. Этот последний уровень в значительной мере отвечает за региональные ономастические особенности. Так, с точки зрения логики, связываются в сознании человека ранее указанные компоненты ономастикона (и те только, если учитывать специфику первого уровня).

Отсутствие пространственной, стереометрической модели ономастикона, подобной той, что была выстроена А. А. Гируцким для демонстрации взаимосвязи языка и речи на примере лексемы и лексического слова [Гируцкий 2017: 155], свидетельствует о потере интереса научного сообщества к якобы исчерпавшей свои возможности структурной лингвистике.

Трактовка ономастикона как модели, образца, схемы, паттерна отвечает пониманию структуры языка у Л. Ельмслева. Объединение всех онимов (национального языка, региона и т. п.) относится к *результату* применения модели, подобно тому, как сама речь отражает проявленные возможности модели языка. По аналогии с соотношением языка / речи мы имеем дело с ономастиком-моделью (схемой структурных связей видов онимов) и ономастиком-результатом применения модели. Синонимом термина-понятия «ономастикон» в первом случае можно считать термин «ономастическая система // гиперсистема».

Следуя логике модели А. А. Гируцкого, мы можем выстроить призму, отражающую отношения между ономастиком-моделью в языке и ономастиком-речью. Верхней точкой модели станет собственное имя, центрирующее конструкцию, элементами зеркального отражения – воплощения модели в речи, с нижней точкой – употребления антропонимов, топонимов, зоонимов и др. Модель ономастикона едина для любого этнического языка, по аналогии с моделью общечеловеческого языка у Л. Ельмслева: ономастическая картина мира в терминах изоморфна членению универсума. С нашей точки зрения, векторы связей, исходящих из единой точки, вполне адекватно отражают отношения ономастикона-модели и ономастикона-результата ее применения.

Различия конкретных ономастиконов (напр., региональных) сводятся к подвидовому уровню. В региональных моделях-результатах в зависимости от условий их существования или формирования могут актуализироваться или затухать те или иные подвиды / группы онимов. Так, особенности рельефа местности в Краснодарском крае обуславливают выбор географических терминов в топонимах *Арочный перевал*, *Больничная щель*, *Церковная щель*, *Якорная Щель* (но не *дезертонимов*); в Калмыкии – камелонима (зоономен для верблюда), но не *зубронимов* и т. п.

Отсутствие конкурентов у полевой и уровневой моделей ономастикона объясняется, по видимому, их изоморфностью – делению мира на фрагменты (физиосфера, биосфера, психосфера, культуросфера). Поскольку последний рассматривается с позиций антропоцентризма, наличие таких компонентов, как индивидуальные номинации лиц, предметов, мест, явлений, ожидаемо; в особенности предсказуема ядерность антропонимов. Антропонимикон будет объединять антропонимы (уникальные именованья лиц), топонимикон – топонимы (названия географических объектов естественного или искусственного происхождения), зоонимикон – зоонимы (индивидуальные номинации животных) и т. д.

Появление новых подвидов онимов в эпоху глобализации не разрушает устойчивой структуры модели. Указанные пути расширения и обновления ономастиконов диктуются внешними

и внутренними законами языка: развитие вещного мира или потребности к дифференциации уже существующего континуума порождают новые виды собственных имен. Новые имена, только входящие в обиход, обладают выраженной социальной специфичностью, которая нейтрализуется по мере нарастания их частотности [Вардиц 2019]. Примером нового подвида антропонима служит никнейм (никоним, ник), о которых в 2005 г. шла речь в классической статье М. В. Голомидовой [Голомидова 2005].

Называние бессловесных объектов в современной реальной и виртуальной действительности порождает новые виды онимов или восстанавливает права утраченных (названия ракетных установок вместо собственных имен мечей). Номинируются имитации людей: манекен *Иван Иванович* действительно летал в космос до Юрия Гагарина [Первые, которых не было 2016]. Популярны некрообъекты – мумии умерших относительно недавно людей или их далеких предков, подпадающие под *некронимы*. *Алешенькой* из Кыштыма (Челябинская область) названа мумия некоего существа с необычной «инопланетной» внешностью, к сожалению, ныне утерянная (1996 г.). *Ата* – мумия яйцеголовой женской особи высотой 15 сантиметров – полной копии Алешеньки, обнаруженной в 2003 году в Чили (г. Ла-Нория в пустыне Атакама) [Мумия инопланетянина 2021]. *Э'ци, О'тци* – имя, присвоенное еще одной мумии, вмержшей в лёд в Эцтальских Альпах (Тироле) 5300 лет назад [История ледяного человека...: 2021]; *Фрай Лазеро* (от *Лазарь*) – имя мумии лица мужского пола, 55–60 лет, хранящейся в соборе г. Гуано (Эквадор) со второй половины XVI века. Антропонимы трансформируются в *некрозоонимы*: мамонтёнок *Люба* [Беляева 2011: 133]; *Степан* – чучело мамонта в экспозиции музея-заповедника «Костёнки» (с. Костёнки Воронежской области); *Архип* – имя скелета мамонта в Ставропольском краеведческом музее в результате конкурсного отбора имен и проч.

Перечисленные примеры имеют, на первый взгляд, «очарование случайности» (хотя рост их числа свидетельствует о смене вех современного сознания), но дробность членения мира и номинирование новых объектов повсеместны, «экстерриториальны». Благодаря СМИ факты мгновенно получают прецедентность в немислимых ранее масштабах: ту же тушку мамонтенка *Любы* провезли по разным континентам, где дети запечатлели ее в своих отзывах, рисунках и фотографиях. Ономастика не может не пополняться новыми номинациями, однако в условиях глобализации привязка их к местности весьма условна и не меняет модель ономастикона кардинально. Терминологический ряд понятий дальней периферии в XXI веке активно расширяется не рядовыми носителями языка, для которых тонкие различия *прагматикона*, *эргонимикона* и проч. нерелевантны, но узкими специалистами.

По нашему мнению, специфику регионального ономастикона следует искать не на уровне видов онимов, но как минимум на уровне подвидов, а также в степени распространенности тех или иных конкретных единиц на заданной территории. При этом не подразумевается знака равенства между «конкретным» и «актуальным» (в трактовке С.Н. Смольникова [Смольников 2005]): часть личных имен, повторяющихся, например, в ономастических текстах на территории Кубани и значимых с позиций лингвокультурологии, не принадлежит к актуальным.

Важная роль, с нашей точки зрения, должна отводиться количественному фактору, хотя отследить последний в модели-результате ономастикона национального языка более чем затруднительно. Этот показатель, в частности скорость изменения системы, тесно связан с другими свойствами компонентов ономастикона, с типом языка. Например, в силу агглютинативного характера тюркских языков тюркские имена «очень консервативны и устойчивы», «антропонимы и антропоформанты древнетюркского пласта именной системы в тюркских языках мало подверглись изменениям», что позволяет тюркским личным именам сохраняться в течение двух-трех столетий [Мусабекова 2014: 310–312]. Количественное выражение динамики флективных и агглютинативных языков видится различным.

Список литературы

1. Балкански, Т.Г. Энциклопедия на българската ономастика: към основите на българската ономастика / Т.Г. Балкански, К. Цанков. Велико Търново: Фабер, 2010. – 550 с.

2. Беляева, М.Ю. Ономастика: элективный курс: учебно-методическое пособие / М.Ю. Беляева. Славянск-на-Кубани: Издат. центр СГПИ, 2011. – 172 с.
3. Вардиц, В. Русское имянаречение Нового времени: социально-культурные и политико-идеологические механизмы антропонимических сдвигов / В. Вардиц // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. – С. 129–144.
4. Гируцкий, А.А. Общее языкознание: учебник / А.А. Гируцкий. Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 238 с.
5. Голомидова, М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. 2005. № 2. – С. 11–22.
6. История ледяного человека Эци жившего 5300 лет назад [электронный ресурс] // URL: <http://md-arena.com/istoriya-ledyanogo-cheloveka-eci-zhivshego-5300-let-nazad> (дата обращения: 05.02.2022).
7. Мумия и скелеты: «Мумия инопланетянина» из Атакамы [электронный ресурс] // URL: <https://mistika.temaretik.com/1441909720833591843/mumii-i-skelety-mumiya-inoplanetyanina-iz-atakamy> (дата обращения: 05.02.2022).
8. Мусабекова, У.А. Этнокультурная специфика антропонимов в пространстве тюркских народов / У.А. Мусабекова, Л. Жунибек // Экология языка и речи: матер. 4-й Междунар. науч. конф. / отв. редактор А.С. Щербак. Тамбов: Издат. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2015. – С. 309–313.
9. Первые, которых не было // Мир фантастики. 2016, июнь. – С. 114–117.
10. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; отв. редактор А.В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1988. – 187 с.
11. Смольников, С.Н. Актуальная и потенциальная антропонимия / С.Н. Смольников // Вопросы ономастики. 2005. № 2. – С. 23–36.
12. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
13. Щербак, А.С. Ономастика и краеведение / А.С. Щербак // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой / науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Магарин О. Г., 2017. – С. 184–200.

***

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ НАРРАТОЛОГИЯ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ

Н.В. Васильева

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается новое направление в рамках литературной ономастики, которое базируется на основных положениях нарратологии и рассматривает имя собственное в фикциональном тексте в неразрывной связи с понятиями нарративных инстанций, дистрибутивных контекстов и персонажных констелляций. В качестве инструмента представления разноформатных признаков антропонимов и их корреляций предлагается понятие ономастической матрицы.

Ключевые слова: ономастическая нарратология; интродуктивные контексты; персонажные констелляции; ономастическая матрица.

Хорошо известно, что изучение имен собственных (ИС) в художественных (фикциональных) текстах имеет давнюю традицию, а оформившаяся в качестве самостоятельной ономастической субдисциплины литературная ономастика характеризуется особым пограничным, так называемым «стыковым» характером, поскольку изначально возникла «на стыке ономастики со стилистикой, поэтикой, семантикой и лингвистикой текста» [Фонякова 1990: 2]. Отсюда вытекает отмечаемая рядом исследователей вариативность названия этой субдисциплины, которая берет на себя ответственность

за проблематику ИС в фикциональных текстах [Фомин 2009; Фомин 2009а]. Помимо названия *литературная ономастика* приводятся другие термины, ср. *художественная ономастика*, *стилистическая ономастика*, *поэтическая ономастика*, *поэтика имени*, *имя в тексте*, ср. [Скуридина 2020: 11], а также *поэтонимология* [Калинкин 2016].

Весьма показательным критерием для оценки реального статуса термина является его употребление не только в научных дискуссиях, но и в научно-организационных источниках. Термин *литературная ономастика* как название дисциплины давно является «победителем» среди всех прочих, поскольку уже много лет именно так называются секции на ономастических конференциях. Такое положение дел дает *литературной ономастике* полное право считаться «зонтиковым» термином, под которым собираются все остальные [Васильева 2020а: 45].

Однако «сдавать в архив» другие названия дисциплины вряд ли целесообразно, поскольку они «не взаимозаменяемы и не исключают друг друга. Исследователь, выбирая определенный термин для соответствующей области ономастики, осознанно или интуитивно высвечивает близкую ему сторону или аспект этого сложного явления и тем самым ориентирует направление своей деятельности относительно структуры того когнитивного пространства, в котором он работает» [Фомин 2009: 63].

Принимая во внимание описанную когнитивную ситуацию, мы бы хотели представить «под крышей» литературной ономастики направление, которое предлагаем назвать *ономастической нарратологией* и обсудить его базовые положения и отдельные термины.

В. Шмид, автор систематического введения в основные проблемы нарратологии, в качестве признаков художественных повествовательных произведений называет *нарративность*, *фикциональность* и *эстетичность* и особую главу посвящает тексту нарратора и тексту персонажа [Шмид 2003: 186–239]. «Повествовательный текст складывается из двух текстов: текста нарратора и текста персонажей. Если первый формируется в процессе повествования, то последний мыслится как существующий уже до повествовательного акта и только воспроизводимый в течение его» [Шмид 2003: 195]. Такое разграничение двух стихий повествовательного текста, или нарративных инстанций, представляется очень существенным для анализа собственных имен в мире текста. Дистрибуция форм имени по данным инстанциям, включающая также более сложные случаи несобственно-прямой речи, внутреннего монолога, а также разных видов текстовой интерференции, представляет, на наш взгляд, *conditio sine qua non* первичного ономастического анализа текста.

Большое значение для ономастического анализа в предлагаемом подходе имеет *интродукция* персонажа, т.е. то, каким образом персонаж вводится в нарратив и герп. в перцептивную и когнитивную сферу адресата текста. Интродукция формирует *интродуктивный контекст*, который становится основой идентификации персонажа. При идеальном соблюдении «прав адресата» предполагается, что должно быть указано а) на единичный объект, б) названы признаки этого объекта и в) названо имя. Ср. начало романа Ксении Букши «Чуров и Чурбанов»: *Февральским тёплым днём ученик Иван Чуров шёл по улице – сляк-сляк, сляк-сляк. Был он рыхловат, тяжеловат, одет бедно. Сердце его колотилось как бешеное* [Букша 2020: 7]. Персонаж и его имя (двучленная формула имени) вводятся одновременно, при этом имя сопровождается апеллятивом-идентификатором, несущим признаковую информацию (*ученик*). Интродукция другого персонажа, Чурбанова, осуществляется с помощью совсем другой стратегии. Фамилия без имени появляется только на 23-й странице романа в тексте нарратора, без прямого указания на статус персонажа. Способ интродукции персонажей играет, таким образом, антиципирующую роль в развертывании сюжета в романе К. Букши, предопределяя последующую асимметрию персонажей (подробнее [Васильева 2020]).

Антропонимические номинации персонажей часто варьируют в пространстве текста, это хорошо известное свойство ИС охотно используется писателями для создания иллюзии реальности повествуемого мира. Для интерпретативного анализа в русле ономастической нарратологии важно установить, как эти варианты распределяются внутри текста нарратора и текста персонажей. Существенным также является апеллятивное сопровождение антропонимов. Так, в уже упомянутом романе К. Букши, антропонимические номинации двух титульных персонажей распределены

следующим образом: 1) **Чуров**. Варианты номинации в тексте нарратора: *ученик Иван Чуров; Чуров*. Варианты номинации в персонажном тексте: *Чуров; Иван; Ваня; Иван Александрович; Иван Саныч; Ванька Чуров*; 2) **Чурбанов**. Варианты номинации в тексте нарратора: *Чурбанов; задира и приколист Чурбанов*. Варианты номинации в персонажном тексте: *Чурбанов; Чурбан; директор Чурбанов; генеральный директор Чурбанов*. Дистрибуция номинаций внутри двух диетических инстанций демонстрирует номинативные лакуны и несимметричные варианты в именованиях персонажей. Важно, что эти лакуны и варианты – разные. Персонаж *Чурбанов* в тексте нарратора (и вообще во всем тексте) не имеет личного имени; антропонимическая формула у этого персонажа редуцирована до одной фамилии. Персонаж *Чуров* в тексте нарратора является носителем двучленной формулы имени и социального идентификатора (*ученик*). В персонажном тексте у Чурова появляется имя с отчеством в двух вариантах: полном (*Александрович*) и аллегривом (*Саныч*), а также гипокористики *Ваня* и *Ванька*. Чурбанов остается константно *Чурбановым*, и в функции обращения появляется прозвище *Чурбан*. Следует отметить, что особое значение имеет анализ дистрибуции антропонимических вариантов по двум типам текста при наличии задуманных автором *констелляций персонажей*, поскольку позволяет высветить смыслы, для которых в тексте часто отсутствует прямое выражение.

Если основой для ономастического анализа фикционального текста с точки зрения ономастической нарратологии является следование тексту нарратора и персонажному тексту, то специально для анализа персонажного текста (часто как самого главного), для которого существенны обсуждаемые интродуктивные стратегии и полученные дистрибутивные характеристики, может быть предложено в качестве инструмента репрезентации понятие *ономастической матрицы* [Васильева 2021]. Общее представление матрицы как комплекса признаков/контекстов, одновременно ассоциированных с какой-либо сущностью, позволяет определить ономастическую матрицу мира данного текста как комплекс разноформатных признаков, которыми характеризуются имена и которые (признаки) коррелируют друг с другом. Очень внимательный исследователь ономастики художественного текста, Н.И. Зубов, в одной из работ которого нам встретилось выражение *ономастическая матрица*, употребляет его метафорически. Описывая ономастическую парадигматику текста, формирующуюся в том числе и с помощью ассоциативных значений фамилий персонажей, он пишет: «... через эти ассоциативные значения фамилии персонажей вступают в парадигматические связи в образной системе рассказа и образуют его своеобразную ономастическую матрицу» [Зубов 2007: 349]. Для персонажного мира романа Евгения Водолазкина «Оправдание Острова» [Водолазкин 2021] с учетом доминанты авторской поэтики нами была предложена анкета-матрица, которая описывает имя в тексте (точнее, связку «антропоним↔персонаж») и является простой, но достаточной для репрезентации ономастического мира именно данного текста: 1) название имени, 2) этимология имени, 3) статус персонажа, носящего имя, 4) способ интродукции имени в текст, 5) наличие у антропонима «апеллятивного конвоя», т.е. сопровождающих его квалификативов в виде нарицательных имен, 6) участие/неучастие антропонима в онимическом трансфере, т.е. переходе в другой разряд ИС. Перечисленный список для мира текста данного романа Е. Водолазкина является достаточным (для других текстов он, возможно, будет иным), и его матричные свойства позволяют ему служить ономастическим инструментом (сеткой) для выявления явных и неявных корреляций в персонажном мире [Васильева 2021].

Таким образом, в предлагаемом подходе главным является ориентирование ономастического анализа на структуру нарратива, в которой различаются текст нарратора и персонажный текст. Принципиально важной является интродукция персонажа, которая часто иконически отражает сюжетные перипетии. Распределение вариантов номинаций по двум инстанциям повествования и внутри каждой из них позволяет получить представление не только о текстовом «продвижении» персонажа, но и о его сущностных характеристиках. Последние могут быть детально описаны также с помощью понятия ономастической матрицы, которая выстраивается с учетом доминанты авторской поэтики.

Список литературы

1. Букша, К. Чуров и Чурбанов / К. Букша. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 284 с.
2. Васильева, Н.В. Имена двойников: номинативный контекст и нарративные смыслы (на материале прозы Ксении Букши) / Н.В. Васильева // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сб. науч. ст. к 90-летию проф. В. Н. Телии / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020. – С. 339–349.
3. Васильева, Н.В. О терминологических границах литературной ономастики / Н.В. Васильева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. 2020а. № 2 (13). – С. 44–55.
4. Васильева, Н.В. Ономастические матрицы в романе Е. Водолазкина «Оправдание Острова» / Н.В. Васильева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. 2021. № 2 (15). – С. 101–113.
5. Водолазкин, Е. Оправдание Острова: роман / Е. Водолазкин. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. – 405 с.
6. Зубов, Н.И. Два примера ономастической парадигматики художественного произведения / Н.И. Зубов // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 348–352.
7. Калинин, В.М. Знакомьтесь: поэтонимология / В.М. Калинин // Вестник Тамбовского университета. Серия «Филологические науки и культурология». 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). – С. 18–27.
8. Скуридина, С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского / С.А. Скуридина: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Воронеж, 2020. – 40 с.
9. Фомин, А.А. Всегда ли литературная ономастика тождественна поэтической ономастике? / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. 2009. № 7. – С. 57–67.
10. Фомин, А.А. О различии лингвистического и литературоведческого подходов в исследованиях по литературной ономастике / А.А. Фомин // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009а. – С. 271–273.
11. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. Л.: ЛГУ, 1990. – 104 с.
12. Шмид, В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 302 с.

***

ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭРГОНИМИИ

Н.И. Данилина

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского (Саратов, Россия)

Аннотация. На материале эргонимии Саратова продемонстрировано разнообразие отношений в парах *оним* → *оним*. Предлагается понятие эпонимии связать с однозначной денотативной идентифицируемостью мотиватора, понятие трансономизации – с семантическим способом образования одного онима от другого. Выделены центральные и периферийные модели трансономизации. Центральные классифицируются по разрядам мотивирующего онима, в периферийных ониму сопутствует апеллятивная часть либо оним представлен своим словообразовательным производным. Выявлена корреляция разряда мотивирующих онимов и эпонимических моделей с разными социальными сферами.

Ключевые слова: трансономизация; эпонимия; эргоним; топоним; антропоним; мифоним; апеллятив.

Понятие трансономизации существует в ономастике давно, однако проблема соотношения онимов, участвующих в данном процессе, насколько нам известно, пока не получила теоретической разработки на материале достаточного объема. Между тем онимы, мотиваторами которых служат имена собственные, составляют немалую группу в ономастическом пространстве современного города. В Саратове, например, мы зафиксировали более 1800 таких номинаций. Востребованность

подобного типа номинирования делает актуальным анализ собранного языкового материала и разработку теоретических аспектов данной проблемы. В предлагаемом вниманию читателя исследовании мы ставим целью продемонстрировать и систематизировать существующее разнообразие отношений в парах *оним* → *оним*. Объектом исследования послужила эргонимия Саратова. Выбор эргонимов в качестве объекта неслучаен: этот разряд дает наибольшее количество онимов, возникших вследствие трансономизации, и позволяет продемонстрировать соотношение данного явления с эпонимией, которая также базируется на способности имени собственного выступать в роли мотиватора.

Множество эргонимов, мотивированных именами собственными, может быть разделено на группы в соответствии с разрядами мотивирующих онимов: эргонимы, мотивированные антропонимами, топонимами, эргонимами, онимами других разрядов. Отдельно оговорим наше понимание места мифонимов в общей ономастической схеме. Художественное пространство мифа, как и литературного произведения, содержит объекты разных типов, обозначаемые именами собственными. Это люди и антропоморфные персонажи (Эдип, Афродита), зооморфные персонажи (Пегас), топосы (Стикс), артефакты («Арго», Золотое руно). В реальном мире этим типам объектов соответствуют онимы разных разрядов, поэтому нам представляется более корректным деление на реалионимы и мифонимы считать не первичным, а терминальным в ономастической схеме. Именно этот принцип будет проведен в предлагаемой далее классификации.

В проанализированном материале наибольшую группу составляют эргонимы, мотивированные антропонимами. Строго говоря, любой отантропонимный эргоним следовало бы считать эпонимическим, однако, на наш взгляд, существует принципиальная разница между двумя типами мотивирующего имени: фамилией (или прецедентным именем), однозначно указывающей на конкретное лицо, и личным именем или отчеством, которое может потенциально принадлежать широкому кругу лиц и не обладает идентифицирующей силой. Именно принцип денотативной идентифицируемости мы предлагаем положить в основу деления отантропонимных эргонимов на эпонимические и неэпонимические. И те, и другие с точки зрения словообразования могут быть созданы разными способами: морфологическими, синтаксическим или семантическим. Последний и представляет собой трансономизацию в классическом виде.

Эпонимические эргонимы образуются, как правило, синтаксическим способом. В нашем материале встретились следующие модели:

Апеллятивная часть – указатель сферы деятельности + *имени* + *оним*: *Клиническая больница имени С.Р. Миротворцева, Лицей имени А.С. Пушкина*. Модель восходит к советскому времени, встречается преимущественно в названиях организаций государственной формы собственности из сфер образования и здравоохранения. Носитель онима-мотиватора не обязательно имеет непосредственное отношение к деятельности организации.

Апеллятивная часть – указатель сферы деятельности + *оним*: *Клиника доктора Парамонова, Школа макияжа Марии Мироненко, Dmitriy Rozhin tattoo club, Dolotovskaya permanent make up, Адвокат Дунаев, Студия штор Тагуа Luchkova, СТО Тишов*. Модель восходит к концу XIX – началу XX вв. [Новичихина 2004: 11]. В настоящее время получает распространение в номинации организаций негосударственных форм собственности. Оним-мотиватор представляет собой фамилию, его носитель имеет непосредственное отношение к деятельности организации. Прагматическая интенция номинатора – подчеркнуть высокое качество оказываемых услуг за счет акцентирования персональной ответственности. Модель используется преимущественно в сфере услуг, чаще других в медицине, юриспруденции и индустрии красоты.

Недостаточно информативная апеллятивная часть + *оним*: *Студия Риты Корнеевой* – студия бровей, *Максюта Юнион* – фитнес-клуб. Модель встречается единично; из апеллятивов используется преимущественно *студия*.

Оним + и К / и Партнеры: юридическое бюро *Нечаев и Партнеры*, аренда строительной техники *Таранов и К*. Возрожденная модель, популярная в конце XIX – начале XX вв.; рассматривается исследователями как пример трансономизации [Врублевская 2014: 47]. От классических

трансонимов такие номинации отличает, на наш взгляд, многословная структура. В нашем материале модель встречается единично, преимущественно среди частнопрактикующих юристов.

Эпонимические эргонимы, созданные семантическим способом (трансонимизацией), представлены следующими моделями:

ИП + оним: ИП *Кирман А.И.* – юрист, ИП *Туткин М.Г.* – IT-специалист, ИП *Горихин* – строительный магазин. Модель встречается часто, но построенные по ней эргонимы выполняют исключительно номинативную функцию. Номинаторы в данном случае не заботятся ни о коммуникативной, ни о рекламной функции имени. Отнести подобные эргонимы к трансонимам побуждает отсутствие полноценного апеллятива (аббревиатуру ИП трудно воспринять как составную часть эргонима).

Прецедентный антропоним в роли эргонима: бар *Ломоносов*, товары для творчества *Леонардо*, магазин одежды *Мадам де Помпадур*, центр развития ребенка *Пифагорка*. Сближает данную модель с эпонимией использование имени реального лица, а отсутствие апеллятивной части говорит о трансонимизации. В Саратове модель популярна в номинации баров. Возможно, к этой модели следует присоединить и единственный безапеллятивный эргоним *От Прачкина* (кондитерская), фиксирующий фамилию реального человека, внесшего большой вклад в производство (не владельца).

В зону, переходную между эпонимическими и неэпонимическими антропонимными эргонимами, можно поместить модель «апеллятив-указатель сферы деятельности + личное имя»: *Диагностика у Славы*, *Alex Auto*, *Алёна декор*, *Дана-сервис*. От аналогичной эпонимической модели данная отличается тем, что базируется не на фамилии, а на личном имени, что ослабляет идентифицирующую силу и апелляцию к личной ответственности. От собственно трансонимов такие эргонимы отличаются наличием апеллятивной части.

Основным способом образования эргонимов от личных имен и отчеств (т.е. неэпонимических) является семантический, т.е. трансонимизация. Конкретные модели можно выделить исходя из вида антропонима:

Личное имя или отчество: аптека *Алия*, детский сад *Сёма*, стоматология *Дина*, кафе *Сулико*, парикмахерская *Каролина*, строительный магазин *Анатолич*. Очень популярная модель, особенно в сфере торговли и в индустрии красоты. Парикмахерские и магазины одежды используют обычно женские имена, хозяйственные и строительные магазины – мужские.

Антропоним (или зооним)-мифоним: аптека *Соломон*, свадебный салон *Веста*, ломбард *Меркурий*, строительная фирма *Атлант*, автосалон *Икар*, турфирма *Пегас Туристик*. Модель встречается не слишком часто, но и не единично (задействовано 34 мифонима, поименовано 69 объектов).

Имя или фамилия литературного персонажа: гостиница *Онегин*, парикмахерская *Ассоль*, детский сад *Умка*, аптека *Айболит*, овощной магазин *Чиполлино*, магазин дверей *Папа Карло*, магазин трикотажа *Пепти*. Эргонимы этой модели широко представлены в детской социальной сфере; в иных случаях мотивационный признак четко прослеживается.

«Говорящее имя» или «говорящая фамилия»: зоомагазин *Лёвушка*, магазин цветов *Дон Бутон*, магазин сантехники *Сан Саныч*, хозяйственный магазин *Навсеручкин*, ювелирный магазин *Zolotti*, салон штор *Маркиза Карнизовна*. Нередко эргонимы-«фамилии» этой группы оформляются концовкой *-off / -офф*: строительная фирма *Срубофф.про*, магазин фейерверков *Piroff*.

Иногда неидентифицирующие антропонимы-мотиваторы порождают эргонимы синтаксическим способом – по модели «У + личное имя или отчество (реальное, литературное или «говорящее»)»: парикмахерская *У Тамары*, сауна *У Лёхи*, кафе *У Палыча*, бар *У Швейка*, зоомагазин *У Львовича*. Такие эргонимы с реальными именами-мотиваторами фиксировались еще в XIX в. [Новичихина 2004: 11]. В настоящее время модель стоит, по нашему мнению, ближе к трансонимизации, чем к эпонимии, т.к. не содержит классифицирующего апеллятива и не задействует фамилий. Эргонимы, базирующиеся на «говорящих» именах, могут структурно имитировать также многословные эпонимические модели: аптека *Доктор Столетов*. В нашем материале обе модели встречаются редко.

Группа эргонимов, мотивированных топонимами, имеет центр (трансонимы) и периферию (эргонимы, образованные морфологическим и синтаксическим способами). Модели трансонимизации «топоним → эргоним» могут быть выделены по виду топонима:

Макротопоним (ойконим, гидроним и т.п.): курсы иностранных языков *Лондон*, кафе *Chicago*, банкетный зал *Неаполь*, гостиница *Словакия*. Модель не новая [Новичихина 2004: 11]; особенно популярна в номинации гостиниц и заведений питания – сферах, где исследователями отмечается мода на символические, слабо мотивированные эргонимы [Врублевская 2014: 47]. В остальных случаях четко прослеживается метафорическая мотивация: услуги промышленного альпинизма *Памир*, магазин вентиляционного оборудования *Этна*.

Урбаноним или микротопоним: гостиница *Тверская 33*, строительный магазин *1-я Линия*, дом отдыха *Монахов пруд*. По данной модели часто образуются названия рынков и торговых центров от названий микрорайонов или агоронимов: рынок *Юбилейный* (в микрорайоне Юбилейный), торговый центр *Славянский* (на Славянской площади).

Урбаноним, именующий не внутригородское пространство, а объект городской среды: рынок *Локомотив* (рядом с одноименным стадионом), мебельный магазин *Полиграф* (в здании полиграфического комбината), строительный магазин *Красный мост*.

Прецедентный топоним: строительная фирма *Олимп*, кафе *Эллада*.

Топоним из мира литературного произведения: сауна *Зазеркалье*, городок аттракционов *Лукоморье*, детский сад *Изумрудный город*. Большинство эргонимов этой модели представлено в детской социальной сфере.

«Говорящий» топоним, образованный с помощью а) русских суффиксов: ремонт мебели *Петряжкино*, пластиковые окна *Окошкино*; б) иноязычных суффиксоидов: *Стройландия*, *Мебельбург*.

Переходную зону между трансонимизацией топонимов и оттопонимными эргонимами иных способов образования составляет модель «урбаноним в предложно-падежном сочетании»: гостиница *На Кузнечной*, СТО *У Рубина* (дворец культуры). В нашем материале встречается единично.

Периферию поля оттопонимных эргонимов составляют эргонимы, в которых мотивирующий топоним представлен в виде своего словообразовательного производного и/или является составной частью словосочетания:

Апеллятив-указатель сферы деятельности + прилагательное, образованное от топонима: *Ивановский трикотаж*, *Чебоксарские двери*, *Торговый двор Елшанский* (в микрорайоне Елшанка), *Киселёвская банька* (на ул. Киселёва). Модель встречается часто, особенно в сфере торговли.

Апеллятив-указатель сферы деятельности + топоним в предложно-падежном сочетании: *Кинозал на Рижской*, *Банька на Черниговской*, *Торговый дом на Пензенской*, *Продукты из Казахстана*.

Апеллятив (информативный или малоинформативный) + топоним в именительном падеже: *Питер hand made* – рок-атрибутика, *Иваново Текстиль*, *Ткани Европы Блюз*, *Корея Авто*. Модель, по-видимому, возникла недавно, т.к. исследователями не упоминается. С грамматической точки зрения может быть истолкована как использование прямого падежа вместо косвенного либо как раздельное написание сложного слова.

Однословные словообразовательные производные от топонимов: *Тамбовчанка* (магазин тамбовской швейной фабрики), *Мичуринка* (студия рисования на ул. Мичурина).

Номинации, образованные сложением или сложносокращенным способом: *Саратовнефтегеофизика*, *Волга-бетон*, автосалон *Самара-Стиль*. Наследие номинативных принципов советского времени. В настоящее время этим способом образуются эргонимы для организаций разных форм собственности. Следует отметить, что топонимы в составе сложносокращенных эргонимов начинают использоваться не в сокращенном, а в полном виде.

Эргонимы, мотивированные антропонимами или топонимами, составляют основную массу номинаций, возникших в результате трансонимизации. Трансонимизация имен других разрядов встречается реже. Из регулярных моделей можно отметить метонимический перенос названия

фирмы-производителя (эргоним) или торговой марки (прагматоним) на название магазина, торгового, в числе прочих, соответствующими товарами: автосалон *Lifan*, магазин красок *Tikkurila*, обувной магазин *Rieker*, шиномонтаж *Michelin*, магазин часов *Casio*, кондитерский магазин *Алёнка*. При этом нередко мотивирующие онимы сами являются результатом трансонимизации: *Zeus* (автосервис ← бренд компании «Прайд» в категории «автоаксессуары» ← мифоним). Периферию отэргонимных эргонимов составляют названия, в которых мотивирующий эргоним является составной частью сложного или многословного онима: автомагазины *Opelevod*, *Lada Деталь*, *АвтоТрансАзия*.

Реже других трансонимизации подвергаются идеонимы (названия произведений культуры): детские сады *Цветик-семицветик*, *Аленький цветочек*, кукольный театр *Теремок*, центр развития ребенка *Алые паруса*, магазин детской одежды *Monnalisa*, кафе *Джентльмены удачи*. Большинство таких эргонимов относится к детской социальной сфере. Иногда идеонимы выступают в усеченном виде (детский сад *Семицветик*, салон красоты *Маркиза ангелов*) или в виде парафраза-цитаты (детский сад *Чудо остров*).

Процесс трансонимизации может сопровождаться языковой игрой как семантической, так и формальной. Например, название детского клуба *КодДаВинтик* – аллюзия к бестселлеру «Код да Винчи» и в то же время косвенное указание на специализацию кружков; название парикмахерской *Чио-Чио* – не только аллюзия к названию оперы, но и звукоподражание (*чик-чик*); парикмахерская *Славянский цирюльник* находится в здании торгового центра *Славянский*. Языковая игра может сопутствовать и трансонимизации прецедентных антропонимов, высвечивая метафорическую или метонимическую основу мотивации: бары *Грибоедов* (актуализация внутренней формы), *Чехов* (аллюзия к прецедентному понятию *чешское пиво*), *Чапаевъ* (актуализация мотивирующего признака, т.к. заведение находится на ул. Чапаева); изготовление дверей и шкафов *ЧехоV* (аллюзия к прецедентному понятию *квартира-«чешка»*).

Подведем итоги. Трансонимизация – явление широко представленное в эргонимии современного города. Множество онимов, образованных этим способом, имеет центр и периферию. Центр составляют реальные и вымышленные онимы разных разрядов, употребляемые в функции эргонимов. Чаще других подвергаются трансонимизации антропонимы и топонимы. Можно проследить определенную корреляцию между разрядом онима, подвергшегося трансонимизации, и сферой его функционирования: в туристическом и ресторанном бизнесе эргонимы базируются преимущественно на макротопонимах, в индустрии красоты – на женских личных именах, в сфере ремонта и торговли хозяйственными товарами – на мужских личных именах; в сфере автомобилизма распространена трансонимизация топонимов и эргонимов; в детской социальной сфере используются преимущественно названия произведений литературы, имена их персонажей и топосов. Наибольшее разнообразие мотивирующих онимов наблюдается в сфере торговли. Периферию отонимных эргонимов составляют модели, в которых либо ониму сопутствует апеллятивная часть, как правило, указывающая на сферу деятельности, либо оним представлен своим словообразовательным производным. Группа эргонимов, мотивированных антропонимами-фамилиями или прецедентными именами, подпадает под понятие эпонимии. Большинство эпонимических эргонимов образуется синтаксическим способом, т.е. содержит апеллятивную часть; эргонимы этого типа получили широкое распространение в сфере медицины, образования и юридических услуг. В то же время есть и эпонимические эргонимы, образованные путем трансонимизации.

Список литературы

1. Врублевская, О.В. Языковая мода в эргонимии как социолингвистическая проблема / О.В. Врублевская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5(35). Ч. II. – С. 45–49.
2. Новичихина, М.Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. ... д-ра филол. наук / М.Е. Новичихина. Воронеж, 2004. – 40 с.

***

КОННОТАТИВНЫЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ

И.В. Крюкова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются механизмы развития у коннотативных имен собственных (коннотонимов) постсоветского периода переносных оценочных значений. Выделяется несколько типов коннотативных значений у многозначного коннотонима: в зависимости от времени распространения (синхронные и диахронные) и от частоты употребления в речи (равноправные и неравноправные). Устанавливается зависимость значений коннотонима от этапа существования имени в обществе и от степени его известности в языковом коллективе.

Ключевые слова: коннотативное имя, синхронный срез, многозначность, синхронные значения, диахронные значения.

Коннотативные онимы, или коннотонимы, под которыми мы понимаем имена собственные, имеющие дополнительные смысловые оттенки эмоциональности, выразительности и социальной оценочности [Крюкова 2019], становятся объектом лексикографического описания и включаются в специальные словари, как на широком материале, неограниченным временными рамками [Отин 2004], так и в рамках определенного исторического периода [Крюкова, Врублевская, Кирпичева 2021]. Последнее издание, подготовленное нашей проблемной группой, включает материал постсоветского периода – 263 онима, которые за 30 лет, от смены общественного строя в 1991 г. до наших дней, под влиянием политических, экономических или социокультурных преобразований изменили или приобрели эмоционально-оценочные значения. Среди них имена-глобаллизмы, вошедшие в эти годы в массовое употребление, и имена, обозначающие персоналии и реалии России, в том числе имена советского периода, изменившие социальную оценку в последние десятилетия.

Лексикографическое описание данных онимов показало, что словарь – это не только результат работы с именами подобного типа, но и средство дальнейшего теоретического осмысления ряда проблем теории имени собственного. Словарная систематизация онимов на основе выбранных критериев позволяет увидеть движение имени в обществе: появление коннотативных значений у онима, периоды его наибольшей функциональной активности, угасание коннотативных значений и выход онима из употребления. Это дает материал для новых теоретических обобщений. Так, данные словаря могут использоваться при анализе имен собственных с изменившейся оценочной семантикой, к примеру, при выявлении механизмов развития многозначности, синонимических рядов или антонимических пар у коннотативного имени собственного и др.

Цель данного исследования – проследить развитие переносных оценочных значений у коннотонимов постсоветского периода. Примеры, иллюстрирующие многозначность коннотонима, взяты из современных средств массовой коммуникации. Предпочтение отдавалось произведениям публицистики и массовой художественной литературы, поскольку именно такие тексты рассчитаны на широкую аудиторию и построены на стереотипах, важных в системе ценностных предпочтений общества в конкретный исторический период (всего более 3000 контекстов). Точные даты создания проанализированных текстов дают возможность определить появление новых значений в рамках двух синхронных срезов внутри постсоветского периода (1991-2006 гг. и 2007-2020 гг.).

Как известно, у имен собственных отсутствует непосредственная связь с понятием, поэтому в обычном нейтральном употреблении им не свойственна полисемия [Суперанская 2007: 91–93]. Между тем, приобретая свойства коннотонима, имена собственные начинают ассоциироваться в языковом сознании носителей русского языка с различными свойствами одного и того же денотата: *Билл Гейтс* – это не только ‘богатый человек’, но и ‘компьютерный гений’, *Брежнев* – это не только ‘вялый, неэнергичный политик, символ эпохи застоя’, но и ‘человек с густыми бровями’. При этом по мере распространения имени в обществе наблюдается расширение

коннотативного значения: *Чернобыль* – первоначально ‘катастрофа на Чернобыльской АЭС, затем ‘любая катастрофа’, *ГУЛАГ* – первоначально ‘любой лагерь узников, в котором жестоко обращаются с заключенными’, затем ‘тотальный контроль, строгие запреты’. К таким именам можно в полной мере отнести высказывание Г.И. Кустовой о том, что «главная причина полисемии – когнитивная: человек понимает новое, неосвоенное через данное, освоенное, известное, моделирует новые объекты и ситуации с помощью уже имеющихся у него семантических структур, подводя под освоенные модели новые элементы опыта» [Кустова 2004: 23].

Исследование динамики значений коннотонима в рамках двух синхронных срезов демонстрирует разностатусность коннотаций у многозначного имени. Во-первых, среди коннотативных значений есть синхронные по времени распространения, т.е. сформированные в пределах одного синхронного среза, и диахронные, относящиеся к разным синхронным срезам.

Синхронные коннотативные значения развиваются достаточно быстро. Скорость распространения напрямую зависит от широкого распространения и популярности именуемого объекта в определенный временной отрезок. Особенно показательны в этом отношении имена теле- и кинодискурса. Например, после появления телепередачи «*Сам себе режиссер*» ее название быстро вошло в язык и в течение шести лет приобрело четыре переносных значения. При этом название за этот небольшой отрезок времени прошло путь от конкретного значения, непосредственно связанного с профессией режиссера, до абстрактной характеристики манеры поведения: 1) Независимый, самобытный режиссер. *Александр Александрович Калягин, бесспорно, сам себе режиссер* (Труд-7, 01.02.2007); 2) Тот, кто обходится без помощи профессионалов в новой для себя области. *Я сам себе режиссер. В 1991 году, на пустом месте, организовал собственную фирму «СибАтом», где был сначала и директором, и единственным работником* (Байкальские Вести, 27.01.2011); 3) Творец своей судьбы. *Так вот, в июне можно начать жизнь заново, в июне каждый – сам себе режиссер* (Комсомольская правда, 29.05.2013); 4) Независимый стиль поведения. *Про Саши говорили, что он такой-сякой, с дисциплиной проблемы. Неправда! Да, он необычный, такой сам себе режиссер* (Советский спорт, 11.01.2013). Попутно заметим, что данный пример показывает не только механизмы развития полисемии у коннотативных имен собственных, но и пополнение фразеологического фонда современного русского языка за счет многокомпонентных коннотонимов. Это свойство отмечено у многих других имен теле- и кинодискурса: «*Богатые тоже плачут*», «*Пятый элемент*», *Доктор Хаус*, «*День сурка*», «*Наша Russia*» и др.

Диахронные значения, по нашим наблюдениям, имеют более длительную историю существования. Причем новое значение, появление которого связано с какими-либо заметными событиями в жизни общества, может формироваться на фоне старого, как правило, более устойчивого. Например, имя *Сталин* в первом синхронном срезе под влиянием общественно-политических изменений начала 1990-х (рассекречивание архивов, публикация ранее запрещенных авторов и т.п.) приобрело значение ‘тиран, преступник’. Оно включалось в градационные ряды с другими именами с аналогичной оценочной семантикой: *Все они одним миром мазаны – все эти сталины, ленины, гитлеры, пол-поты* (А. Яковлев. У нас был фашизм почище гитлеровского, 2001). А в последние годы к этому крайне негативному значению добавилось позитивное – ‘сильный вождь, способный навести порядок в стране’: *Нужен ли нам сейчас второй Сталин? – Если это означает: восстановление промышленности, умелая дипломатия, нейтрализация врагов государства, которые работают по заданию иностранных спецслужб, – да, нужен.* (Комсомольская правда, 10.03.2012). Как показал контекстуальный анализ материала, в настоящее время оба значения сохраняют практически равную функциональную активность.

У топонима *Сочи* к двум устойчивым коннотативным значениям ‘известный курорт, популярное место отдыха’ и ‘место с хорошими климатическими условиями’ после подготовки и проведения в Сочи Олимпиады 2014 добавилось значение ‘место крупномасштабного строительства, прежде всего спортивных объектов’. Ср.: *В последнее время стал развиваться курорт Хайнань-Санья – местный Сочи* (Новая газета, 07.09.2011); *Вообще запаситесь теплыми вещами:*

Тверская область – не Сочи (Труд-7, 07.07.2010); и *Санкт-Петербургу сватают Олимпиаду 2028 года. Это, конечно, не будут вторые Сочи. Строить дороги с нуля и расселять дома не придется* (Metro Санкт-Петербург, 09.02.2017).

Однако в ряде случаев, по мере формирования оценочного отношения к именуемому объекту, новые коннотации могут блокировать употребление старых. Например, у имени куклы *Барби* в первом синхронном срезе преобладала позитивная коннотация ‘красивая девушка’. *Красавица, – говорили одни. Барби, – вторили другие. Он не мог ее не заметить* (Комсомольская правда, 24.08.2002). Это переносное значение практически полностью утрачено во втором синхронном срезе, вместо него при метафорическом употреблении имени *Барби* для оценки внешности используется негативное ироничное значение ‘девушка с неестественной, ненатуральной кукольной внешностью’, чаще в форме множественного числа, которое добавляет к данному значению негативные коннотации однотипности, одинаковости. *Из двадцати «кукол Барби» выбирают одну – со спонсором побогаче, но при этом и с ногами не короче остальных* (Комсомольская правда, 10.02.2012). *Фотографии многочисленных Барби в интернете обычно сопровождаются комментариями: «Да это сплошной фотошоп!»* (Комсомольская правда, 17.07.2014).

Во-вторых, у одних коннотативных имен значения близки по частоте употребления (равноправные коннотации), у других функциональная активность значений существенно различается (неравноправные коннотации).

Имена с равноправными коннотациями достаточно равномерно и последовательно характеризуют разные признаки одного и того же денотата. В большинстве своем они отражают синхронное формирование значений у многозначного коннотонима. Например, у названия кинофильма «*Парк Юрского периода*» отмечается три значения, практически равные по частоте употребления и синхронные по времени появления в речи: 1) Место, в котором демонстрируются модели динозавров. *В двух залах музея раскинулся настоящий парк Юрского периода, в котором представлены давно вымершие обитатели земли – динозавры* (Комсомольская правда, 18.02.2011); 2) Попытка ученых-генетиков воссоздать вымерших динозавров. *Парк Юрского периода показался на горизонте. Через 5 лет у нас будет живой динозавр!* (Комсомольская правда, 09.11.2012); 3) Место, в котором найдены следы обитания динозавров. *Ученые из Квинслендского университета обнаружили в Австралии «Парк юрского периода» – огромное количество следов динозавров, среди которых можно выделить около двадцати разных типов* (22century.ru, 28.03.2017).

Имена с неравноправными коннотациями в большей степени наблюдаются при диахронном формировании переносных значений. Показательны в этом отношении антропонимы политического дискурса. Так, у имен политических лидеров прошлого есть устойчивые значения, связанные с основной оценочной характеристикой лидера, и утрачиваемые, характеризующие необычную, эпатажную манеру поведения политического лидера. Например, устойчивое значение антропонима *Хрущев* – ‘политик-реформатор, сторонник перехода к демократическим реформам’: *Преемник Туркменбаши станет вторым Хрущевым? ... Говорят, что уже начались послабления для оппозиционеров, сидящих в тюрьмах. Об этом при живом Туркменбаши нельзя было и мечтать. Так что у туркмен может появиться свой Хрущев* (Комсомольская правда, 15.02.2007); а утрачиваемое – ‘непредсказуемый человек, бунтарь’: *Я колотила, я стучала по спине модным, толстющим каблуком, как Хрущев ботинком в ООН* (И. Лиснянская. Величина и функция // Знамя, 1999). Устойчивое значение антропонима *Ельцин* – ‘политик, способный совершить государственный переворот’: *Сегодня много говорится о том, что российская оппозиция не может победить, потому что в ее среде нет своего Ельцина* (Известия, 09.10.2012), а утрачиваемое – ‘эксцентричный политик’: *Почти как Ельцин: Тереза Мэй рассмешила мир своими странными танцами в Африке* (Россия 24, 28.08.2018). Совершенно очевидно, что конкретные резонансные события из жизни того или иного известного лица со временем забываются, а словарь может восстановить утраченное значение и помочь правильно понять текст.

Примечательно, что при длительном функционировании коннотонима в современной повседневной речи на первый план по частотности употребления нередко выходит абстрактное значение,

а более конкретное, близкое к первоначальным свойствам денотата, постепенно забывается. Например, переносное значение названия американской мыльной оперы *Санта-Барбара*, самое частотное в течение всех тридцати лет – ‘интриги, скандалы’. На онлайн-репетициях разворачивается безумная актерская «санта-барбара», где представители богемы хотят друг друга либо подсадить, либо соблазнить (Коммерсант, 05.2020). Причем оно характеризует не только отношения между членами одной семьи или небольшого замкнутого коллектива, это значение часто используется в политическом дискурсе при характеристике взаимоотношений внутри страны. «Санта-Барбара» по-нурлатски (заголовок). Свое решение об отставке Наиль Шакирович согласовал с президентом (Бизнес-газета, 20.09.2013). Или даже между странами. *Рогозин назвал отзыв приглашения в США «чудесной Санта-Барбарой»* (Коммерсант, 01.2019). При этом активное в первом синхронном срезе значение ‘бесконечный сериал’ еще сохраняется в рамках телевизионного дискурса, но становится менее частотным. *Недавно нам прислали письмо с несколько двусмысленной фразой: «Остановка по требованию» должна быть бесконечной» и с пожеланием создать из этого свою «Санту-Барбару».* «Санта-Барбару» делать не будем (Известия, 14.12.2001). А значение ‘престижный загородный поселок’, ассоциативно связанное с местом действия в данном сериале, практически выходит из употребления. *Санта Барбара. Так за нерусскую красоту и ухоженность в народе называют поселок Новый под Калининградом* (Ландшафтный дизайн, 15.09.2001).

Рассмотренная семантическая иерархия коннотативных значений имени собственного показывает существование у одного многозначного имени ядерных коннотативных значений (устойчивых, частотных и функционально значимых) и периферийных (переменных, неустойчивых). Однако и периферийные значения коннотатива представляют определенный интерес, т.к. характеризуют речь носителей русского языка и культуры в определенные годы. При этом отмечается, во-первых, неравнозначность социально-оценочных значений многозначного имени – они находятся в иерархических отношениях по отношению друг к другу в зависимости от времени распространения (синхронные и диахронные) и от частоты употребления (равноправные и неравноправные); во-вторых, некоторая закреплённость особенностей динамики коннотаций за типом дискурса; На этом основании можно сделать вывод о динамике коннотативных значений, т.е. постоянно происходящем буквально на наших глазах поэтапном изменении их статуса практически у каждого многозначного коннотативного имени.

Список литературы

1. Крюкова, И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного / И.В. Крюкова // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 10. – С. 261–266.
2. Крюкова, И.В. Коннотативные имен собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания. Словарь. / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2021. – 199 с.
3. Кустова, Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. 2000. № 4. – С. 85–90.
4. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. Донецк: Юго-Восток, Лтд, 2004. – 412 с.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: ЛКИ, 2007. – 368 с.

***

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.А. Попов

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Аннотация. В настоящее время ученые-топонимисты при проведении региональных исследований активно используют в своей лингвокраеведческой деятельности современные

информационно-коммуникационные технологии: данные, размещенные в открытом доступе на официальных сайтах государственных и общественных организаций, а также специально созданные информационные системы и прикладные программы. В статье рассматривается ряд интернет-ресурсов, при помощи которых возможно провести на высоком профессиональном уровне региональные топонимические исследования.

Ключевые слова: топонимия; топонимика; ойконимия; урбанонимия; лингвокраеведение; информационно-коммуникационные технологии.

В настоящее время топонимика, являясь относительно молодой научной дисциплиной, плотно идет в ногу со временем и использует в своем арсенале передовые достижения современной науки и техники, включая новейшие информационно-коммуникационные технологии. Под ними мы понимаем «совокупность методов, процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации. ИКТ включают различные программно-аппаратные средства и устройства, функционирующие на базе компьютерной техники, а также современные средства и системы информационного обмена, обеспечивающие сбор, накопление, хранение, продуцирование и передачу информации» [Азимов 2009: 90].

Для проведения региональных топонимических исследований на высоком профессиональном уровне современному топонимисту необходимо уверенно владеть навыками опытного пользователя компьютера и уметь использовать как специально созданные информационные системы и прикладные программы, так и интернет-сайты, на которых в свободном доступе размещена интересующая его информация. Фактически ему приходится заниматься также и лингвокраеведческой исследовательской деятельностью, под которой «мы понимаем научное изучение языка региона (диалектное, ономастическое и отчасти этнолингвистическое) на основе привлечения данных краеведения» [Верховых 2022: 105].

В России проблему создания электронных справочно-информационных ресурсов по отечественной топонимии в 1996 году одним из первых поднял профессор М.В. Горбаневский [Горбаневский 1996]. По подсчетам Ю.Ю. Гордовой, по состоянию на 2018 год электронные базы данных созданы или находятся в стадии разработки в нескольких регионах России: *Петрозаводске* (информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии», разработана Институтом языка, истории и литературы Карельского научного центра РАН совместно с отделом ГИС-технологий Петрозаводского госуниверситета), *Екатеринбурге* (электронная база данных по топонимии Русского Севера ведется в Уральском федеральном университете), *Костроме* (информационно-поисковая система «Топонимия Костромской области»), *Санкт-Петербурге* (автоматизированная топонимическая база данных Ингерманландии (Ленинградская область), разработанная кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета; ономастический тезаурус также имеется в электронном ресурсе «Библиотека лексикографа», созданном в Институте лингвистических исследований РАН А.А. Бурыкиным) [Гордова 2020: 78].

В Петрозаводске стараниями сотрудников Института прикладных математических исследований, Института языка, литературы и истории, Карельского научного центра РАН также разработан компьютерный банк данных топонимии Европейского Севера России TORIS, который содержит топонимическую и библиографическую базы данных, форум, небольшую электронную библиотеку публикаций участников проекта, ссылки на сайты, содержащие справочники, базы данных по географическим названиям [TORIS]. Однако последняя новость на сайте датирована 2 апреля 2004 года.

В начале XXI века нами был создан сайт «Ономастика России», призванный объединить научное сообщество ономастов России и ближнего зарубежья [Ономастика России]. Размещенная на нем информация об основных разделах ономастики, о предстоящих ономастических научных конференциях, новинках ономастической литературы, сведения об ученых-ономастах может использоваться и в учебном процессе. Данный сайт также способствует объединению и распространению научной информации по ономастике в открытом информационном пространстве [Попов 2004: 72].

Одним из наиболее важных официальных источников топонимических данных является Государственный каталог географических названий (далее – ГКГН), обеспечивающий регистрацию и учет наименований географических объектов Российской Федерации, континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации и географических объектов, открытых или выделенных российскими исследователями. Каталог создан с целью обеспечения единообразного и устойчивого употребления наименований географических объектов, сохранения наименований как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, обеспечения потребностей в официальной информации о наименованиях географических объектов для государственной власти, организаций и граждан, а также для удовлетворения потребностей федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, средств массовой информации и граждан в официальной информации о наименованиях географических объектов. ГКГН содержит около 800 000 названий географических объектов следующих типов: населенные пункты, моря, острова, озера, реки, ручьи, болота, горы, перевалы, объекты железнодорожного и водного транспорта, а также другие названия по 450 типам объектов местности антропогенного и природного происхождения. По топониму доступна такая информация как история установления и изменения названия, источники установления названия, административная и географическая привязка, местоположение объекта (координаты). Сведения из Госкаталога безвозмездно предоставляются по запросам органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан. Работы по созданию и ведению ГКГН выполняет Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный научно-технический центр геодезии, картографии и инфраструктуры пространственных данных».

На сайте учреждения также размещены Реестры наименований географических объектов по каждому субъекту Российской Федерации в алфавитной последовательности наименований всех географических объектов по форме «201», в формате pdf, Реестры наименований населенных пунктов по каждому субъекту Российской Федерации по административным районам субъектов Российской Федерации по форме «202нп», а также Реестр зарегистрированных в разделе 2 ГКГН наименований географических объектов континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации, географических объектов, открытых или выделенных российскими исследователями в пределах Открытого моря и Антарктики, в формате pdf [Реестры ГКГН]. Указанные Реестры содержат информацию о регистрационном номере, наименовании географического объекта, типе объекта, административно-территориальной привязке, географических координатах (широта и долгота), привязке к другим географическим объектам и номенклатуру листа карты масштаба 1:100 000, на котором располагается объект.

Большим научным подспорьем для топонимиста также является единая информационная система «Топонимия России», разработанная в 2014 году в секторе прикладного языкознания Института языкознания РАН и созданная в память об основоположнице отечественной ономастики А.В. Суперанской (1929–2013). Сайт создан в целях продвижения исследований в области ономастики и популяризации научных знаний. Как отмечает одна из авторов проекта Ю.Ю. Гордова, «Единая база данных – это информационное хранилище с унифицированной системой представления топонимов различной видовой, языковой и территориальной (региональной) принадлежности. База содержит комплекс лингвистической и внелингвистической информации, позволяющей получать научно обработанные и относительно полные сведения о географических названиях России и истории их изучения» [Гордова 2020: 81-82]. На страницах сайта была размещена следующая информация: статьи по ономастике, новости, объявления, интересные факты, каталог книжных новинок по топонимике, антропонимике, литературной ономастике, теории ономастики. Здесь же функционирует единая информационная система «Топонимия России», включающая базу географических названий (сведения о происхождении топонимов всех регионов России) и базу «Топонимисты России» (сведения о российских ученых, занимающихся топонимикой).

Сведения базы данных представляют интерес как для любителей топонимики, так и для специалистов. База данных «Топонимия России» была доступна в сети Интернет в 2014–2019 годах. В 2022 году планируется её перезапуск в новом формате.

Таким образом, современные информационно-коммуникационные технологии помогают на высоком профессиональном уровне проводить региональные топонимические исследования, итоги которых вносят большой вклад в лингвокраеведческое изучение региона и способствуют доступности полученных результатов для широкого круга специалистов, начинающих исследователей и пользователей всемирной коммуникационной сети Интернет.

Список литературы

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Верховых, Л.Н. Лингвокраеведческая методология в исследованиях А.Н. Гвоздева и В.И. Чернышова и ее отражение в лингвокраеведческой работе начала XXI века / Л.Н. Верховых // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. № 41 (1). – С. 104–113.
3. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М.В. Горбаневский. М.: Об-во любителей рос. словесности, Ин-т народов России, 1996. – 304 с.
4. Гордова, Ю.Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019 / Ю.Ю. Гордова. М.: ЛЕНАНД, 2020. – 128 с.
5. Ономастика России [электронный ресурс] // URL.: www.onomastika.ru (дата обращения: 30.03. 2022).
6. Попов, С.А. Web-сайт как средство исследования региональной ономастики / С.А. Попов // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество (IST/IMS-2004): Матер. VII Всероссийской объединенной конф. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. – 236 с.
7. Реестры ГКГН [электронный ресурс] // URL.: <https://cgkipd.ru/science/names/reestry-gkgp.php> (дата обращения: 30.03.2022).
8. TORIS (Toponymic Research Information System) – база данных по топонимии Европейского Севера России [электронный ресурс] // URL.: <http://toris.krc.karelia.ru/index.ru.phtml> (дата обращения: 30.03.2022).

***

КОНЦЕПЦИЯ СПИРАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В.В. Робустова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Аннотация. Имя рассматривается в качестве репрезентанта культурной памяти, способа сохранения и трансляции культурно-исторического наследия. Подчеркивается роль фоновых знаний для адекватной интерпретации использующихся в дискурсе онимов. Энциклопедический аспект формирует ментальный лексикон, а точнее тезаурус, позволяющий использовать имена не только в индивидуализирующей, но и характеризующей функции. В концепции спирального развития значения имени подчеркивается возможность существования нескольких доминантных блоков в структуре одной единицы и их профилирование (актуализация) в зависимости от контекста употребления. Ключевым моментом представляется наличие способности у имен собственных к почти бесконечному расширению энциклопедического аспекта значения, эластичности интерпретирующего потенциала и репрезентации аксиологической функции, иногда совершенно противоположной у одного и того же имени, в зависимости от лингвокультурного контекста употребления.

Ключевые слова: спиральное развитие значения; имя собственное; оним; культурная память.

Концепция спирального развития значений имен собственных основана на многолетних исследованиях функционирования онимов в различных типах дискурса. Идея ее разработки возникла на одной из встреч научно-популярного клуба «Занимательная ономастика», где мы обсуждали особенности именников весенних праздников в разных странах и мастерили кукол из подручного материала. Участникам клуба было дано задание дать своему герою имя и далее, работая в группах, создать историю, объединив получившихся персонажей. Так появился герой Дарси и, как оказалось, у аудитории возникли совершенно разные ассоциации с ним, что привнесло различное толкование образа «нового героя» и сложившейся с ним сюжетной линии.

Моей первой ассоциацией стал Дарзи из произведения Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави», птичка-портной, восхвалявший Рикки в своих песнях. В нашей разновозрастной аудитории кроме меня и моей девятилетней дочери про него больше никто не вспомнил, но все студенты узнали в герое Дарси, ведьму тьмы, иллюзий и гипноза, заклятого врага клуба Винкс и главной злодейки сериала «Клуб Винкс». Отдать должное, несколько человек, как студенты, так и коллеги – молодые специалисты, все же вспомнили Мистера Дарси из романа «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, образ которого ассоциируется с холодностью, самовлюбленностью, заносчивостью и проницательностью. Как можно видеть из получившегося случайно эксперимента, восприятие и формирование образа нового героя по имени Дарси и истории, в которую он был включен, происходило с учетом разных фоновых знаний, разного контекста, совершенно разных исходных установок.

Изначально имя «Дарси» (*dahr-see*) пришло в английский язык из французского и означало человека из Арси, коммуны во Франции в регионе Шампань. Естественно, что одно и то же имя может принадлежать многим субъектам, а порой и объектам. Но в данном случае нас интересует не просто имя, а прецедентное имя, ставшее широко известным определенному обществу. Становясь прецедентным, имя приобретает не только способность идентифицировать субъектов / объектов в кругу им подобных, но и характеризовать субъекта / объект при условии совпадения набора профилируемых характеристик в значении исходного имени и качествах нового объекта номинации. Прецедентное имя отсылает нас к какой-либо знаменитой личности, в семантике имени которой профилируется определенное значение, репрезентируемое набором характеристик, выходящими на первый план благодаря каким-либо запоминающимся аспектам в жизни личности (внешности, поступкам, модели поведения и т.д.). Плюшкин – жадный, Нептун – покровитель моря, соответственно любого жадного человека можно назвать Плюшкиным (в русской лингвокультуре) или Скруджем (в английской лингвокультуре).

Как показал пример выше, на базе одного имени собственного может развиваться несколько прецедентных онимов как со сходными, так и с противоположными доминантными характеристиками, возникшими в разный период времени. Роман «Гордость и предубеждение» был опубликован в 1813 году, рассказ «Рикки-Тикки-Тави» вышел в свет в 1894 году, мультсериал «Клуб Винкс: школа волшебниц» появился в 2004 году. Аудитория не знает, предполагал ли автор произведения какую-либо связь с предыдущим известным носителем выбираемого имени. Иногда это делается умышленно, иногда нет, но тем самым в любом случае наращивается энциклопедическое значение онимов, оно развивается по спирали. Сразу подчеркнем, что речь идет об энциклопедическом (внелингвистическом) значении имени, хотя в некоторых случаях происходят и грамматические трансформации. Изначально имя Дарси фиксировано в словарях как мужское имя. Сейчас указано, что употребляется как мужское, так и женское.

Мы не будем подробно рассматривать один из вечных вопросов ономастики, есть ли значение у имен собственных, лишь напомним, что существуют разные концепции и разные точки зрения, и мы придерживаемся позиции, которая подразумевает наличие в семантике онима лингвистического (языкового) и внелингвистического (энциклопедического) значения. Языковой аспект значения стабилен и изменяется довольно редко. Энциклопедический аспект значения подвержен динамике, объем закрепленной в нем информации способен расширяться и сжиматься в зависимости от контекста употребления.

«The human brain can be described as a dictionary, a mental lexicon, where words and names are organized and stored in a gigantic network. Within this network the names as such – the mental name stock – form an onomasticon. Name occupy a place in the brain just as much as other linguistic units. What we learn through life and through our experiences is collected in this lexicon. Figuratively speaking, we can “look up” words and names in the lexicon when we need to interpret and understand them as well as choose a relevant word or name when we need to use it ourselves» [Nystrom 2016: 43]. Попадая в ментальный лексикон, имя собственное способно не только привлекать с собой фактическую информацию, но и ассоциации и коннотации коллективного или индивидуального уровня. Нам представляется, что значение имени собственного характеризуется эластичностью и аксиологической динамикой, определяемой контекстом употребления онима.

Возникновение новых обстоятельств, новые события способны расширить семантику имени, таким образом увеличивая виток спирали его значения. Есть имена, у которых нет разветвленного энциклопедического значения, они не обозначают объекты разных категорий, их значение определяется одним витком спирали на настоящий момент. Другие имена характеризуются особой популярностью, встречаются в названиях разных классов объектов, определяются большим количеством витков спирали с необходимым учетом контекста (лингвокультурного и темпорального в особенности) появления значения и его дальнейшей актуализации.

В рамках нашей концепции имя собственное выступает в качестве репрезентанта культурной памяти, способа хранения и трансляции культурно-исторического наследия. Обратимся к идеям Ю.М. Лотмана, который подчеркивал, что культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений или информации и выработке новых сообщений или новой информации [Лотман 2001: 618]. Язык выступает вербальным средством создания, хранения и трансляции культуры, оним, в свою очередь, является языковой единицей, то есть способен реализовать функции репрезентации, сохранения и трансляции лингвокультурного наследия.

Как уже было отмечено, чем известнее имя собственное, тем больше витков спирали может развиваться в структуре энциклопедического аспекта его значения. Опираясь на мысли Ю.М. Лотмана о процессах актуализации и деактуализации культурной памяти, подчеркнем, что сформировавшись однажды то или иное значение не исчезает из объема информации, представленной в ониме, оно может актуализироваться, выходить на первый план с учетом нового контекста или деактуализироваться и уходить на некоторое время в забвение, что не мешает данной семеме вновь стать актуальной через какое-либо время. «В этом заключается один из основных принципов функционирования культурной памяти, благодаря которому все сохраненное и накопленное может периодически «оживляться», то есть переходить из состояния потенциальной релевантности в состояние реальной значимости и существования, и наоборот. Такое временное угасание, а не утрата, обусловлено тем, что изначально в культурную память попадает лишь то, что представляет определенную ценность для того или иного сообщества, то есть то, что стоит или необходимо запомнить» [там же: 675].

Феномен культурной памяти рассматривался в работах Ю.М. Лотмана, Я. Ассмана, Вяч.В. Иванова, А.К. Байбурина, П.Ю. Черносвитова, И.В. Зыковой. «Под культурной памятью понимается прежде всего совокупность различных семиотических средств, способных сохранять информацию или являться ее носителем, и, в особенности, совокупность всех письменных памятников, или письменных источников (текстов, произведений, сообщений и проч.), сохранившихся и сохраняемых в культуре как таковой (принимая во внимание ее национальное многообразие)» [Иванов 1999: 562]. И.В. Зыкова подчеркивала, что доступ в известной мере полный (или частичный) ко всему объему культурной информации, ее реконструкция осуществляется через ее объективированные формы – разного рода семиотические средства [Зыкова 2017: 424]. В трудах П.Ю. Черносвитова находим мысли о том, что из всего разнообразия существующих на сегодняшний день искусственно созданных средств (или форм) сохранения и передачи духовно-ментального наследия человечества, представляющего собой информационный фонд культуры, язык занял в целом семиотическом континууме

главенствующее положение [Черносвитов 2009]. В концепции спирального развития значения имени собственного оним рассматривается как средство репрезентации культурной памяти, способ вербализации, сохранения и трансляции культурно-исторического наследия. Формирование и развитие спирали значения имени изучается не только у онимов, употребляющихся в качестве названий для разных объектов, но и у онимов, чаще всего прецедентных, с одной доминантой значения. Приращение значения связано с определенными событиями, произошедшими в данном месте, и название этого места символизирует данные события, передает информацию о случившемся и дальнейшую оценку события, происходит развитие интерпретирующего потенциала имени собственного. Здесь мы встречаемся с аксиологической функций прецедентных имен.

Рассмотрим спираль развития энциклопедического значения онима «Camelot». Исходной точкой развития значения является названия замка, которое мы встречаем в легендах о короле Артуре. Происхождение названия до настоящего времени не определено, по некоторым версиям в нем содержится отсылка к месту последней битвы Артура – битва при Камланне, по другим отсылка к топониму Камулодун (одна из первых столиц Римской Британии), третьи видят здесь связь с Авалоном. Замок является исходным референтом и информация, связанная с замком и происходившими в нем событиями, попадает в фонд энциклопедического значения онима «Камелот», в наш ментальный лексикон. Как известно, в замке находился двор короля Артура и его Круглый стол, в связи с чем уже в наше время появилось название столов «Camelot», которые имеют только круглую форму, и обуви (изначально были только ботинки, напоминающие обувь средневековых рыцарей в фильмах 20-го века), с 2006 года существует отдельный бренд, предлагающий не только вариацию обуви, но и одежды спортивного типа. Итак, мы видим, что на витках спирали «Камелота» есть замок, двор короля Артура, вид стола, вид ботинок, бренд спортивной одежды и американская метал-группа, играющая симфонический пауэр-метал с примесями других жанров. И это на сегодняшний день, так как с течением времени могут произойти какие-либо события, и анализируемый оним даст жизнь еще одному объекту, который, в свою очередь, разовьет свое энциклопедическое значение и построит свою ономастическую сеть. Подчеркнем, что после выхода мюзикла «Sramalot» в 1975 информационное поле «Камелота» тоже расширилось. Для адекватной интерпретации использования онима в дискурсе важна активация соответствующего информационного блока. Приведем пример. *“In the past, returning from distant outstations for Office parleys or home leave, I have occasionally felt daunted by our over-conspicuous, many-towered Camelot with its whispering lifts, hospital-bright corridors and tourists gawping from the bridge”* [Le Carre 2019: 89]. Для декодирования сообщения необходим блок информации, связанный с Камелотом – замком.

Развитие значения онима может быть связано не только с его расширением благодаря использованию имени для номинации других субъектов / объектов, но и развиваться (прирастать) в рамках одного денотата. Там имя Рокфеллер в русской лингвокультуре ассоциируется преимущественно с богатством, однако в англоязычной культуре ярко выражены два витка – богатство и щедрость. Приведем примеры.

«No worthy charity ever knocked and found him absent. In his limited way, having only half a million at his disposal instead of the customary millions, he was as much of a philanthropist as Rockefeller. He gave substantially to the Community Fund, aside from which he donated his time and services to many civic enterprises» [Himes 1939].

«The agent says, There’s plenty of work for willing men. You can work overtime till you drop and if you save it up, mate, you’ll be Rockefeller at the end of the war» [McCourt 1997].

Для адекватной интерпретации информации необходимо профилирование определенного значения, наличие информации не только о финансовом состоянии Рокфеллера, но и его деятельности в других областях. В 1913 году он основал Фонд Рокфеллера для поддержки исследований в области медицины, образования и других направлений науки. Встречаются прецедентные имена с пятью и шестью профилируемыми значениями: Titan – importance, large size, strength, superiority; Superman – change, heroes, strength, weakness; Minerva – Appearing, Craftsmen, Music, War, Wisdom

[The Oxford Dictionary of Allusions]. Перечень доминантных значений не конечен, они способны генерироваться, трансформироваться, актуализироваться и деактуализироваться в зависимости от контекста употребления и фоновых знаний реципиента. Подчеркнем, что все они находятся в информационном поле определенного имени собственного, и каждое из них может дать виток для развития отдельного блока при условии перехода к другому типу объекта.

Список литературы

1. Зыкова, И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты / И.В. Зыкова. М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
2. Иванов, Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры / Вяч. Вс. Иванов. Т.1. М.: Языки русской культуры, 1999. – 912 с.
3. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство–СПБ, 2001. – 704 с.
4. Черносвитов, П.Ю. Закон сохранения информации и его проявления в культуре / П.Ю. Черносвитов. М.: Либроком, 2009. – 296 с.
5. Delahunty, A., Dignen, Sh., Stock, P. The Oxford Dictionary of Allusions / A. Delahunty, Sh. Dignen, P. Stock. Oxford: Oxford University Press, 2001. – 471 p.
6. Himes, Ch. A Modern Fable / Ch. Himes. 1939. – 256 p.
7. Le Carre, J. Agent Running in the Field / J. Le Carre. Viking, 2019. – 288 p.
8. McCourt, Fr. Angela’s Ashes / Fr. McCourt. Scribner, 1997. – 368 p.
9. Nystrom, St. Names and Meaning / St. Nystrom // The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford: Oxford University Press, 2016. – 774 p.

***

ЛЕКСЕМА ИР ‘МУЖЧИНА’ В БАШКИРСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Р.А. Сулейманова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

Аннотация. Статья посвящается лексеме ир ‘мужчина’, которая является продуктивной производящей основой для таких единиц башкирской ономастики, как антропонимы, топонимы. Очень широкое использование слова ир замечено в образовании антропонимов. В настоящее время личные имена, образованные с помощью слова ир в различных его значениях, сохранились в основном в фамилиях. В ходе исследования выявлено, что с помощью лексемы ир образованы названия таких географических объектов республики, как населенные пункты, горы.

Ключевые слова: башкирский язык; ономастика; личные имена; фамильные онимы; топонимика; оронимы

Образование онимов с помощью присоединения лексемы ир – очень древнее явление. Данное слово служит производящей основой для многих антропонимов и топонимов. Уже в давние исторические времена существования тюркского общества слово *er* стало связываться с представлениями о богатстве и геройстве, хотя и сохраняло ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько просто мужчину, чаще всего воина [Гаджихметов 2008: 87]. Мальчик – это будущий мужчина, воин, хозяин, защитник. И, конечно же, родители, нарекая ребенка именем, в составе которого включен компонент ир, прежде всего хотели увидеть в нем храброго воина, защитника. Данная семантика этого слова ярко выражена в башкирском народном творчестве: ир йөрәкле ‘смелый, мужественный’; ирмен тигән ир ‘мужчина мужчиной будет, коль желанное добудет’ (высшая похвала мужчине); ир һүзе бер булып ‘кто от своего слова отрекся, тот не мужчина’ или ‘слово мужчины – само железо’ и т. д.

В письменных памятниках встречаются следующие имена с компонентом *ip / er ~ ir: er böri, er buya, er toymış, er toña* [ДТС 1969: 175]. В «Диване» Махмуда Кашгари зафиксировано имя *Alp Er Tonya*, который означает ‘храбрый’, ‘сильный’, ‘мужчина’, ‘герой’, ‘богатырь’ [Кашгари 1941, III: 368]. В антропонимической системе тюркских народов достаточно распространены имена с компонентом *ip*. Так, например, в системе личных имен хакасского языка встречаются такие имена, как *Иразан, Ирчет, Ирджин*, в казахском именнике функционируют имена *Ерасыл, Ерболат, Ерден, Ержан, Ерсайын*, у татар зафиксированы имена *Ирбай, Ирбулат, Ирбулсын, Ирбэк, Иркилмэк, Ирмоза, Ирsubай, Ирхәсәйен* и др.

Имена с указанным компонентом составляют пассивный слой современной башкирской антропонимии. Большинство из них сохранены лишь в фамилиях. Например, *Иргизов* (путешественник или от топонима *Иргиз*), *Иргужин* (*ip* мужчина + *гужа* хозяин), *Иргәзиев / Иргәзиев* (мужчина, юноша, борющийся за правду), *Иргәлин / Иргәлеев / Иргәлиев* (великий, выдающийся мужчина), *Ирзатов* (мужчина), *Ирзаһитов* (*ip* мужчина + *заһит* святой, набожный), *Ирегетов* (смелый, храбрый джигит), *Ирназаров* (*ip* мужчина + *назар* взгляд, взор; внимание), *Ирнасов* (*ip* мужчина + *нас* (*инсан*) человек), *Иртуғанов* (родился мальчик) и др.

В книге “Башкирские шежере” зафиксирован оним *Ирмеиш* (башк. *Ирмәш*) [Башкирские шежере 1960: 119, 152], который образован из двух компонентов: *ip* + *меш* (более редкий пережиточный аффикс, который встречается в изолированных словах различного значения [Дмитриев 2007: 60]). На сегодняшний день этот антропоним сохранился в названии деревни в Илишевском районе Республики Башкортостан (*Ирмашево*). Имяобразующий компонент *ip* употребляется исключительно в мужских именах и только в препозитиве имен. По времени происхождения данные антропонимы являются очень древними, что особенно подтверждается случаями наблюдения их в башкирских шежере.

В современном башкирском языке древнетюркское значение данного слова не претерпело особых изменений и обозначает ‘герой’, ‘богатырь’; ‘мужественный’: *Ирнур, Иртуган, Ирхан, Иршат* и др. [Сулейманова 2013: 100-102]. В именнике башкир в образовании имен с компонентом *ip* существуют следующие структурные модели: 1) «ир+имя»: *Ир + батыр, Ир + бай, Ир + зигит, Ир + нур* и т.д.; 2) «ир+глагольная основа» *Ир + бул (будь), Ир + туган (родился)*. Среди этих моделей глагольная основа имеет давнюю традицию. Как отмечает Г.Ф. Саттаров, имяобразование с глаголом повелительного и желательного наклонений является наиболее древней [Саттаров 1973: 154].

Анализ слова *ip* показывает, что понятие происхождения гор, прежде всего, связано с мужским началом. В легендах и сказаниях разных народов можно встретить образы некогда живших великанов-алпов. Горы возникли либо из камней, которыми бросались алпы-батыры, либо из тел самих богатырей. Различные сражения, бои часто происходили именно в горах. Согласно легендам и эпосам, известны случаи захоронения батыров на горе. Например, в башкирском эпосе “Урал батыр” образование Уральских гор связывается с именем Урал-батыра. Там, где на своем коне проходил батыр, образовались высокие горы. Урал не выпил сам воду, а разбрызгал ее вокруг себя, и иссохшая Природа ожила, зазеленела и стала бессмертной. Сам он погиб, но не исчез бесследно, а превратился в Урал-тау. [Надршина 2005: 146]. В связи с этим вполне возможно объяснить названия некоторых оронимов, связав их с мужскими именами и качествами.

Аналогичным путем можно объяснить образование некоторых оронимов, в состав которых включены древнетюркское слово *ip*. В этимологическом плане по отношению топонима *Иремель* (*Ирәмәл*) существуют несколько предположений. Согласно одной из версий, данный ороним состоит из двух компонентов *ip* (< эйәр) ‘седло’ + монг. *эмәл* (<эмель) ‘седло’ [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980: 57]. Никонов же выдвигает свое предположение относительно названия данного оронима, по его утверждению, в переводе с башкирского языка *Иремель* – Священная (гора) [Никонов 1966: 51]. Но А.К. Матвеев данную гипотезу опровергает и объясняет тем, что в башкирском языке слово ‘святой’ переводится как ‘изге’. Продолжая свое суждение, пишет, что возможно, имелись в виду башкирские слова *ырым* ‘заклинание’, ‘колдовство’, *ырымлы*

‘заговоренный’, ‘заколдованный’, но они никак не соответствуют по своему звуковому составу башкирского звучанию топонима *Иремель* [Матвеев 1961: 81]. В свою очередь, ученый предлагает другую версию. По его мнению, происхождение первого компонента этого топонима восходит к слову *ip* ‘мужчина’, ‘герой’, ‘воин’ + монг. *эмәл* (<эмель) ‘седло’ [Матвеев 1961: 81].

По поводу происхождения топонима *Ирендәк / Ирандек (Ирәндек)*, находящегося на юго-востоке Республики Башкортостан, также существует несколько гипотез: 1) *ирән* (общий компонент топонимов Ирентик-куль и Ирень) и формант *дек* ‘гора’ [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980: 57]; 2) *ирендык* < йырынды ‘овраг’ [Никонов 1966: 49]; 3) *ip* ‘земля’; ‘герой’ + *ендык* (эн-дэк) ‘крыша’ [Матвеев 1961: 114].

По мнению башкирского топонимиста А.А. Камалова, название деревни *Иртюбяк*, расположенной в Кугарчинском районе Республики Башкортостан, это антропооним [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980: 57]. На наш взгляд, это утверждение кажется спорным, так как и в историческом и современном именнике башкир личное имя *Иртюбяк* не зафиксировано. Название данного ойконима состоит из двух частей: *ip* + *тюбяк* ‘определённая местность, место’, что буквально означает ‘местность мужчины’. Мы считаем, что в первый компонент заложено значение ‘герой’, ‘богатырь’, ‘воин’.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что слово *ip* является активным имяобразующим компонентом для таких единиц башкирской ономастики, как антропонимы и топонимы. Следует при этом заметить, что личные имена, образованные с помощью слова *ip* в различных его значениях, являются древними, в настоящее время большинство из них сохранилось лишь в фамилиях и в названиях топонимов. В связи с этим данная проблема требует своего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – 304 с.
2. Гаджихмедов, Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имя наречения, происхождение, семантика и грамматика / Н.Э. Гаджихмедов. – Махачкала, 2008. – 1785 с.
3. Дмитриев, Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К. Дмитриев. – М., 2007. – 264 с.
4. Древнетюркский словарь. – М., 1969. – 677 с.
5. Кашгари, М. Диван Лугат-ит-турк. – Анкара, Т. III., 1941.
6. Матвеев, А. К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь / А.К. Матвеев. – Свердловск, 1961. – 206 с.
7. Надршина, Ф.А. Эпос «Урал-батыр» (мифологические корни, поэтика). / Ф.А. Надршина. – Бельские просторы, . – № 11, 2005. – С. 140 – 150.
8. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М., 1966. – 510 с.
9. Саттаров, Г. Ф. Антропонимы татарской АССР. – Казань, 1973. – 198 с.
10. Словарь топонимов Башкирской АССР. – Уфа, 1980. – 200 с.
11. Сулейманова, Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа, 2013. – 363 с.

***

ПЕРЕВОД В ОНОМАСТИКЕ: ЗАВИСИМОСТЬ ВЫБОРА ПЕРЕДАЧИ (ТРАНСКРИПЦИИ) ИЛИ ПЕРЕВОДА ОТ ЯДЕРНО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ ОТНЕСЁННОСТИ ОНИМА

В. И. Супрун

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается такой параметр ядерно-периферийных отношений в ономастическом (онимическом) поле, как переводимость / непереводимость онимов. Отмечается, что ядерные единицы, как правило, не переводятся, для их передачи на другом языке

используется практическая транскрипция или транслитерация. Чем дальше оним находится в периферийной зоне, тем регулярней и даже обязательней становится его перевод.

Ключевые слова: ядро, периферия, онимическое поле, оним, художественный текст, перевод.

Описывая ядерно-периферийные отношения в онимическом поле, мы обращали внимание на такие параметры, как редуцированная (гипертрофированная) семантика, фреквентативность, формально-грамматические показатели, деривационная активность [Супрун 2000: 19, 52, 58], способность к образованию посессивных единиц и гипокорристических форм [Супрун 2010: 23; Супрун 2010: 13], образование вокативных форм слова [Супрун 2009]. Следует, однако, отметить, что при полевом рассмотрении совокупности онимических единиц возникают определённые трудности с выделением ядерных конститuentов. Специфика ономастической семантики делает уязвимым выявление объективности такого главного параметра поля, как семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова (наличие / отсутствие дифференциальных и потенциальных сем). Фактически этот параметр действует безукоризненно для апеллятивной лексики и её группировок. Остальные отмеченные выше критерии объективно свидетельствуют о том, что антропоним, представляющий собой «собственное имя по преимуществу» [Белецкий 1972: 161], входит в ядро онимического поля, а другие онимические единицы, которые «как бы уподобляются или приравниваются» к нему [там же], распределяются от околоядерного пространства до крайней периферии. Дополнительным критерием для разделения имён собственных на ядерные и периферийные служит их переводимость или непереводимость.

У истоков изучения проблемы перевода имён собственных стоит видный ленинградский учёный Андрей Венедиктович Фёдоров (1906-1997). Ещё в студенческие годы он опубликовал свою первую статью «Проблема стихотворного перевода» [Фёдоров 1927]. После окончания в 1928 году Государственного института истории искусств начинающий учёный расширил эту работу для публикации в журнале «Звезда» [Фёдоров 1929] и в сборнике «Искусство перевода», в котором его статья «Приёмы и задачи художественного перевода» составила две трети книги, а остальную часть заняла работа К. И. Чуковского «Принципы художественного перевода» [Искусство перевода; см.: Азов 2013: 22]. Вскоре, однако, прошло «обследование» ленинградской секции переводчиков, после чего из неё в 1931 году исключили «социально чуждые элементы», в том числе и А. В. Фёдорова, имевшего дворянское происхождение [Кукушкина 2014: 377]. Но учёный продолжал трудиться, написал 12 выпусков пособия для Центрального института заочного обучения языкам [Фёдоров 1933-1936], подготовил монографию «О художественном переводе» [Фёдоров 1941]. Она была подписана в печать 13 марта 1941 года, напечатана тиражом 5000 экземпляров, но фактически погибла вместе с жителями города во время блокады Ленинграда [Фокин 2016]. Ныне она известна лишь в нескольких экземплярах в некоторых библиотеках страны.

Вернувшись с войны, Андрей Венедиктович приступает к созданию учебника по переводоведению. О необходимости разработки теории перевода говорилось на Втором всесоюзном совещании переводчиков, проходившем в начале декабря 1951 года [Азов 2013: 24]. Годом ранее был издан сборник «Вопросы теории и методики учебного перевода» [Ганшина, Карпов 1950].

А. В. Фёдоров с 1946 году преподаёт в 1-м Ленинградском педагогическом институте иностранных языков, где в 1950 году была создана кафедра перевода, которой он заведует. В 1953 году Андрей Венедиктович в Институте языкознания АН СССР защищает докторскую диссертацию [Фёдоров 1953] и в том же году публикует учебник переводоведения, названный им скромно «Введение в теорию перевода» [Фёдоров 1953]. Обстоятельную рецензию на эту книгу пишет известный переводчик-японист **Наталья Исаевна Фельдман-Конрад (1903-1975) [Фельдман 1954].**

В 1956 году 1-й Ленинградский педагогический институт иностранных языков вошёл в состав ЛГУ, с тех пор А. В. Фёдоров является профессором этого вуза, а в 1963-1979 годы заведует кафедрой немецкой филологии. В 1958 году выходит в свет второе издание его учебника переводоведения, Третье издание в 1968 году получает более соответствующее содержанию название

«Основы общей теории перевода». В нём пока проблема передачи имён собственных занимает скромные 3,5 страницы (с. 188-192), однако на них перечисляются основные трудности, которые возникают у переводчиков, а также определяется непереводимость антропонимов и значительного числа топонимов и переводимость, например, урбанонимов и прозвищ исторических лиц (с.189). В 1983 и 2002 годы вышли 4-е и 5-е издания учебника.

Следует отметить, что многие современники и предшественники А. В. Фёдорова уделяли большое внимание проблемам передачи и перевода онимов. Известный ленинградский кельтолог, шекспировед, переводчик романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Александр Александрович Смирнов (1883-1962) подчёркивал недопустимость включения в текст русских форм антропонимов [Смирнов 1934: 529]. В январе 1936 году на Первом всесоюзном совещании переводчиков он выступил с докладом ««Задачи и средства художественного перевода»» [Азов 2013: 24].

Большим событием в культурной жизни страны стало издание полного собрания сочинений В. Шекспира. К этому делу проявляло интерес государство, в подготовке участвовали Л. Б. Камнев-Розенфельд (1883-1936), который в декабре 1933 года был назначен директором научного издательства «Academia», бывший первый нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский (1875-1933) и другие видные большевики. Первый план этого издания был составлен летом 1929 года Александром Николаевичем Горлиным (1978-1939), который в 1938 году был репрессирован. 15 июня 1933 года на совещании при издательстве «Academia» доклад о плане издания собрания сочинений В. Шекспира представил Г. Г. Шпет, а принципы перевода и комментирования сочинений сформулировали он же и А. А. Смирнов [Егорова 2014].

На совещаниях обсуждалась также проблема передачи и перевода имён собственных. А. А. Смирнов призывал «не ломать обычных имён главных действующих лиц, при прочих равных условиях давать предпочтение буквенной близости» [Щедрина 2013: 203]. С ним был согласен К. И. Чуковский: «В соответствии с общими установками нашей эпохи переводчик должен передавать иностранное имя (например, название лица или города) не приблизительно, а со всей точностью, доступной для русской фонетики» [Щедрина 2013: 209]. При этом, как отмечал К. И. Чуковский, А. А. Смирнов выступал против механической и чересчур прямолинейной транскрипции иностранных имен, о чём сделал специальный доклад в Союзе писателей. Корней Иванович воскликнул: «Надеюсь, эта формула положит конец той *чрезмерной* фонетизации иностранных имён, которая в последнее время свирепствовала в наших изданиях» [Щедрина 2013: 211].

О соблюдении правил передачи онимов писал о своей работе над переводом «Короля Лира» поэт М. А. Кузмин (1872-1936): «Относительно начертаний собственных имён (по возможности английской формы, за исключением освящённых традицией, хотя бы и не совсем правильной) <...> я руководствовался общими для всех переводчиков указаниями, выработанными редакционной коллегией» [Богомолов 2015: 181]. С изданием этой пьесы возникла коллизия, которая, хотя и не имеет непосредственного отношения к проблеме перевода имён собственных, однако ярко иллюстрирует ситуацию в советском переводоведении тех лет.

Прочитав книгу В. Шекспира «Избранные драмы в новых переводах», только что вышедшую в Гослитиздате, К. И. Чуковский послал в «Правду» гневную статью, в которой перечислил огрехи в переводе «Короля Лира» М. А. Кузмина [Чуковский 1934]. Не ограничившись этим, он отправил расширенный вариант статьи в журнал «Красная новь» [Чуковский 1935], который был создан при непосредственном участии В. И. Ленина и М. Горького и потому публикация в нём, как и в «Правде», требовала принятия обязательных мер к провинившимся. Редактором книги был известный литературовед академик АН СССР Матвей Никанорович Розанов (1858-1936). Он имел вес в партийных кругах, поэтому эти критические нападки не слишком сказались на судьбе и поэта, и редактора. М. Н. Розанов писал М. Кузмину: «Руководители Гихл'а (Государственного издательства художественной литературы, Гослитиздата. – В.С.) оценили его недобросовестное выступление по достоинству и намерены печатно ответить ему» [Богомолов 2015].

Но всё же к редактированию перевода М. Кузмина привлекли Г. Г. Шпета (1879-1937), который ранее редактировал перевод «Макбета», выполненный С.М. Соловьёвым [ВШМ]. Однако в ночь с 14 на 15 марта 1935 года Густава Густавовича арестовали, поэтому его имя не было включено в издания В. Шекспира. В апреле 1936 года состоялся X съезд ВЛКСМ. Издательство «Academia» почему-то решило, что хорошим подарком для комсомольцев будет пьеса В. Шекспира «Король Лир» на русском и английском языках, поэтому приступило к изданию перевода М. Кузмина и, вероятно, Г. Г. Шпета, который в это время уже был в ссылке в Енисейске и Томске. Чтобы избежать повторения критики, издательство попросило К. И. Чуковского дать отзыв на переработанный перевод. Тот ответил: «Я знаю прежний перевод “Короля Лира”, сделанный тем же Кузминым. Теперь этот перевод *неузнаваем*. Кто-то (редакция или сам поэт) так исправил первую редакцию, что перевод стал вдвое лучше» [Богомолов 2015].

К съезду книгу издать не успели, она вышла только в декабре 1936 года [ВШТКЛ 1936]. К тому времени М. А. Кузмина уже не было в живых, он скончался 1 марта 1936 года. 16 ноября 1937 года в городке Колпашово в Сибири был расстрелян Г.Г. Шпет. А через год будет арестован и только что отметивший своё 37-летие известный партийный работник, шекспировед и американист Сергей Сергеевич Динамов. Он был обвинён в участии в контрреволюционной террористической организации и 16 апреля 1939 года расстрелян и похоронен на печально знаменитой «Коммунарке» (Московская область). Тем самым от инициаторов издания 8-томного собрания сочинений В. Шекспира остался фактически только А. А. Смирнов.

Выработанные А. В. Фёдоровым и его современниками правила передачи и перевода имён собственных демонстрируют явную зависимость выбора принципа включения онима в переведённый текст от его ядерно-периферийной отнесённости. Антропонимы, известные топонимы и другие околядерные единицы транскрибируются или транслитерируются. Разумеется, остаются некоторые особенности функционирования этих имён собственных, связанные с историей освоения онима, его закреплённостью в языке: рус. Париж, Рим, укр. Відень, англ. Moscow, нем. Moskau, чеш. Benátky, Kodaň, Vídeň, польск. Rzym, Brześć, серб. Беч, Будимпешта, фр. Moscou, Munich, латыш. Maskava, литов. Varšuva и пр. Единицы онимической периферии переводятся практически всегда.

Рассмотрим функционирование онимов в романе Фр. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» в переводе на русский язык известной переводчицы, председателя творческого объединения художественного перевода Московского отделения Союза писателей СССР Евгении Давыдовны Калашниковой (1906-1976) [ФСФ 1989], английский текст приводится по лондонскому изданию 1993 года [FSF 1993]. Как и любой художественный текст, этот роман насыщен именами собственными разных разрядов. Антропонимы приводятся в русском тексте путём практической транскрипции: Gatsby – Гэтсби, Carraway – Карауэй, Demaine – Демэйн, Tom Buchanan – Том Бьюкенен, Daisy – Дэйзи, Nick – Ник, Catherine – Кэтрин, Myrtle – Миртл, Chester – Честер и др. Спецификой англоязычного этикета является использование при фамилии (реже при имени) слов Mr., Mrs., Miss, причём первые два на письме используются в сокращённой форме, эти формы сохранены в переводе с раскрытием сокращений: Miss Baker – мисс Бейкер, Mrs. Wilson – миссис Уилсон, Mr. McKee – мистер Мак-Ки, Mrs. McKee – миссис Мак-Ки, Mrs. Eberhardt – миссис Эберхардт, Mrs. Claud Roosevelt – миссис Клод Рузвельт и др. Сохранена в переводе англоязычная традиция использования инициалов в именовании личности, включая устную речь: Т. J. Eckleburg – Т.-Дж. Эклберг John D. Rockefeller – Джон Д. Рокфеллер, однако в некоторых случаях инициал второго имени может опускаться: George B. Wilson – Джордж Уилсон. Множественное число антропонимов выражается соответствующими окончаниями: Carraways – Карауэйи, the Tom Buchanans – Бьюкенены. Именования исторических личностей приводятся в традиционной форме: Maecenas – Меценат, Kaiser Wilhelm – кайзер Вильгельм, хотя иногда допускается небольшое отклонение от традиционной транскрипции в пользу более современной: the Dukes of Buccleuch – герцоги Бэклу, традиционно: герцоги Баклю (у В. А. Жуковского – Боклю [ВАЖ 1959]).

К практической транскрипции прибегает переводчица и при передаче топонимов. Отличие заключается лишь в том, что раздельное написание названий американских городов и деревень в русском тексте заменяется дефисным: Washington – Вашингтон, Chicago – Чикаго, Louisville – Луисвилл, Westchester – Уэстчестер, Asheville – Ашвилл, Queens – Квинс, California – Калифорния, New York – Нью-Йорк, New Haven – Нью-Хейвен, West Egg – Уэст-Эгг, East Egg – Ист-Эгг, Lake Forest – Лейк-Форест, Hot Springs – Хот-Спрингс, Palm Beach – Палм-Бич и др. Сопровождающие топоним термины могут переводиться или опускаться: Long Island Sound – пролив Лонг-Айленд, West Egg Village – Уэст-Эгг, что ставит вопрос о несовпадении полной формы топонима в русском и английском языках. Некоторые названия передаются или частично переводятся в соответствии с традицией: France – Франция, Normandy – Нормандия, North America – Северная Америка, Broadway – Бродвей (в других случаях w передаётся как у). От топонима образуется русское прилагательное: ever played football at New Haven – нью-хейвенские футболисты, since his New Haven years – с нью-хейвенских времён. Описательное название пустыря между Уэст-Эггом и Нью-Йорком в переводе превращается в топоним: a valley of ashes – Долина Шлака.

Переводятся названия традиционного деления США на восточную и западную части, при этом в английском языке эти слова могут оформляться со строчной и прописной буквы, в переводе они оформляются как онимы: the East – Восток, the West – Запад, came east – переселиться на Восток, left Chicago and come east in – перебраться из Чикаго на Восток. Слову east в переводе может соответствовать топоним Нью-Йорк: on my way east – по пути в Нью-Йорк. Этот город в исходном тексте может обозначаться the city, а в переводе – Нью-Йорк.

К сложным переводческим решениям обращается Е. Д. Калашникова при использовании автором американских реалий и отражении в тексте понимания американцами событий в мир: Civil War – Федеральная армия, Great War – Великая мировая война; the gardens of Versailles – Версальский парк; I graduated from New Haven – Я окончил Йельский университет. Полностью и частично переводятся урбанонимы: Fifth Avenue – Пятая авеню, the West Hundreds – Западные Сотые улицы, 158th Street – Сто пятьдесят восьмая. Переводятся геортонимы: Christmas – рождество, the Fourth of July – праздник Четвёртого июля; в последнем случае только подготовленный русский читатель поймёт, что речь идёт о Дне независимости США (Independence Day).

Полностью переводятся библионимы и артионимы: ‘The Rise of the Coloured Empires’ – «Цветные империи на подъёме», ‘Simon Called Peter’ – «Симон, называемый Петром», ‘Stoddard Lectures’ – «Лекции» Стоддарда, ‘Economics’ – «Экономика», ‘Montauk Point – the Gulls.’ – «Мыс Монток. – Чайки», ‘Montauk Point – the Sea.’ – «Мыс Монток. – Море». Гемеронимы в основном транскрибируются: ‘Saturday Evening Post’ – «Сатердей ивнинг пост», ‘Town Tattle’ – «Таун Тэттл», однако случаются и примеры перевода: the ‘Yale News’ – «Йельский вестник». Названия автомобилей, оформляемые в английском языке с прописной буквы, в переводе даются со строчной и в кавычках: Dodge – «додж», Ford – «форд». Этнонимы и примыкающие к ним слова переводятся одним словом или описательным оборотом в зависимости от наличия в русском языке соответствия: Englishmen – англичанин, Americans – американцы, Finnish woman, Finn – финка, Nordics – представители нордической расы.

Фраземы, включающие в свой состав антропонимы и феонимы, при переводе могут сохранять исходный образ выражения либо терять его: the egg in the Columbus story – колумбово яйцо ‘неожиданно простой выход из затруднительного положения’ [ЭСКСВ 2005]; a God Damned fool – дурак (буквально: проклятый Богом [АРС 1987: 310]).

С целью донесения до читателей содержания текста переводчица добавляет или опускает онимы в предложения: *This fellow – Этот Годдард; She’s a nice girl – Джордан славная девушка; Tom and Daisy were back at the table – Хозяева дома вернулись к столу; along the North Shore – берега озера; then drifted here and there unrestfully – долго скитались по разным углам Европы.*

Итак, перевод текста с одного языка на другой ярко обнаруживает специфику ядерно-периферийных отношений в онимическом поле: ядерные и околядерные конститuenty

транскрибируются (транслитерируются), а периферийные единицы переводятся. Исключением служат гемеронимы, которые традиционно транскрибируются, однако не исключаются и их перевод. Переводимость или непереводимость имён собственных является важным параметром ядерно-периферийных отношений в онимическом поле.

Список литературы

1. Азов, А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы / А.Г. Азов. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 304 с.
2. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания. Ономастика / А.А. Белецкий. Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1972. – 212 с.
3. Богомолов, Н.А. «Трагедия о короле Лире» в переводе Михаила Кузмина. История издания. Документальная хроника / Н.А. Богомолов // Новый мир. 2015. №5. – С. 171–183.
4. Вопросы теории и методики учебного перевода: Сб. статей / Под ред. К.А. Ганшиной и И.В. Карпова. Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. – 232 с.
5. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедриной. Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, 2013. – 760 с.
6. Егорова, Л.В. Густав Шпет и шекспировский круг / Л.В. Егорова // Вопросы литературы. 2014. №6. – С. 36-55.
7. Искусство перевода: Корней Чуковский. Принципы художественного перевода. Андрей Фёдоров. Приемы и задачи художественного перевода. Ленинград: Academia, 1930. – 235 с.
8. Кукушкина, Т.А. К истории секции ленинградских переводчиков (1924-1932) / Т.А. Кукушкина // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам: Сб. статей / сост. М.Э. Маликова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 332-417.
9. Смирнов, А.А. Перевод / А.А. Смирнов, М. Алексеев // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. Москва: ОГИЗ РСФСР, гос. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. – Стб. 512-532.
10. Супрун, В.И. Ядерно-периферийные отношения в онимическом пространстве / В.И. Супрун // Ономастика и общество: язык и культура: матер. 1-й Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А. С. Щербак. Тамбов: изд-во ТГУ, 2010. – С. 20-25.
11. Супрун, В.И. Вокативность как параметр ядра ономастического поля / В.И. Супрун // Девятое Поливанские чтения: Сб. статей по матер. докл. и сообщ. Часть III: Ономастика сегодня: проблемы и перспективы исследования. Смоленск, 2009. – С. 109-116.
12. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
13. Супрун, В.И. Способность онима к образованию притяжательных прилагательных как параметр ядра ономастического поля / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: матер. XII Междунар. науч. конф. / Под общ. ред. И.А. Гилязова. Казань: Отечество, 2010. – С. 27-31.
14. Супрун, В.И. Параметры ядерно-периферийных отношения в структуре онимического поля / В.И. Супрун, Г.Б. Мадиева // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: юбилейный сб. науч. трудов к 65-летию Н. Ф. Алефиренко. Москва: Флинта, Наука, 2011. – С. 146-153.
15. Фёдоров, А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Фёдоров. Москва: Изд. лит. на иностр. яз., 1953. – 336 с.; Введение в теорию перевода: (лингвистические проблемы). 2-е изд., перераб. Москва: Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 374 с.; Основы общей теории перевода (лингвистический очерк). 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Высш. шк., 1968. – 398 с.; Основы общей теории перевода: (Лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Высш. шк., 1983. – 303 с.; **Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие.** 5-е изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
16. Фёдоров, А.В. Лингвистические основы учения о переводе: Автореф. дис. <...> д-ра филол. наук / А.В. Фёдоров. – Ленинград, 1953. – 20 с.
17. Фёдоров, А.В. О современном переводе / А. В. Фёдоров // Звезда. 1929. №9. – С. 185-192.

18. Фёдоров, А.В. О художественном переводе / А.В. Фёдоров. Ленинград: Гослитиздат, 1941. – 260 с.
19. Фёдоров, А.В. Проблема стихотворного перевода / А.В. Фёдоров // Поэтика. Временник отдела словесных искусств Государственного института истории искусств. Ленинград: Academia, 1927. С. 104–118.
20. [Фёдоров, А.В.] Теория и практика перевода немецкой научной и технической литературы на русский язык / Сост. А. В. Фёдоров; Под ред. В.Р. Менжинской; Гос. Центр. ин-т заоч. обучения языкам «Ин.-яз.». Изд. 1-е. Вып. 1-12. Москва: [б. и.], 1933-1936. Изд-е 2-е. Вып. 1-11. Москва: [б. и.], 1937-1941.
21. Фельдман, Н.И. [рец.] А.В. Фёдоров Введение в теорию перевода. М., Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 336 с. / Н.И. Фельдман // Вопросы языкознания. 1954. №2. – С. 117-128.
22. Фокин, С.Л. Перевод, переводимость и непереводимость в свете формалистской теории: О ранних работах А.В. Фёдорова / С.Л. Фокин // Вопросы литературы. 2016. №1. С. 154-175.
23. Чуковский, К.И. Единоборство с Шекспиром / К.И. Чуковский // Красная новь. 1935. №1. С. 182-196.
24. Чуковский, К.И. Искажённый Шекспир / К.И. Чуковский // Правда. 1934, 12 августа. №221(6107). – С. 3.
25. Чуковский, К.И. Искусство перевода / К.И. Чуковский. Москва; Ленинград: Academia, 1936. – 228 с.

Словари и источники

1. АРС = Мюллер, В.К. Англо-русский словарь. Изд. 21-е, исправ. / В.К. Мюллер. Москва: Рус. яз., 1987. – 848 с.
2. ВАЖ = Жуковский, В.А. Замок Смальгольм, или Иванов вечер / В.А. Жуковский // Он же. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2: Баллады. Поэмы и повести. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – С 151-156.
3. ВШКЛ = Шекспир, В. Король Лир. Перевод М.А. Кузмина / В. Шекспир // Он же. Избранные драмы в новых переводах / Ред. М.Н. Розанов. Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1934. С. 241-343.
4. ВШМ = Шекспир В. Макбет. Перевод С.М. Соловьёва / В. Шекспир // Он же. Избранные драмы в новых переводах / Ред. М.Н. Розанов. Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1934. С. 144-224.
5. ВШТКЛ = Шекспир, В. Трагедия о короле Лире. Перевод М.А. Кузмина / Под ред. С.С. Динамова и А.А. Смирнова / В. Шекспир. Москва; Ленинград: Academia, 1936. – IX + 393 с.
6. ФСФ = Фицджеральд, Ф.С. Великий Гэтсби. Ночь нежна: Роман. Рассказы. Пер. с англ. / Вступ. ст. С. Батурина / Ф. С. Фицджеральд. Минск: Мастацкая літаратура, 1989. – 687 с.
7. ЭСКСВ = Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / [авт.-сост. В. В. Серов]. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
8. FSF = Fitzgerald Fr. S. The Great Gatsby. London: Wordsworth, 1993. – 115 p.

***

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ОНОМАСТИКИ

А.С. Щербак

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать такое направление языкознания, как диалектная ономастика. Доказывается, что понятие «диалектная ономастическая среда» как исследовательский инструмент не только служит отражению фрагментарности восприятия регионального пространства, но и связан с концепцией целостного восприятия регионального пространства.

Ключевые слова: региональное языковое пространство, диалектная ономастика, Тамбовский регион.

Среди многочисленных исследований А.А. Бурькина выделяются научные работы, в которых ученый подчёркивал, что региональный ономастический материал являет собой интердисциплинарный источник, помогающий не только устанавливать этимологию тех или иных ономастических единиц (топонимов, антропонимов, этнонимов и др.) [Бурькин 2006; 2013], но и расширять диалектные

знания [Бурькин 2013 а]. Научная деятельность А.А. Бурькина была тесно связана с изучением ономастической и диалектной лексики Центрального Черноземья [Щербак 2013 а; 2013 б].

Диалектное знание – понятие, охватывающее значительный спектр представлений, относящихся к итогам познавательной деятельности человека и результатам осмысленной им окружающей действительности. Это то, что уже отложилось в сознании и составляет часть памяти о местных речевых особенностях (фонетических, морфологических, лексических, синтаксических и др.), которые присутствуют в народном говоре наряду с общелитературным языком.

Региональная ономастика существует в относительно замкнутом пространстве и как бы в расширенном историческом времени. В ней сосуществуют друг с другом на одном временном срезе или на нескольких близких по времени и соприкасающихся друг с другом синхронных срезах такие группы онимов, которые отражают региональные диалектные знания в системе современных названий конкретной территории. Этот факт предоставляет возможность для осмысления такого понятия, как «диалектная ономастика».

Восприятие окружающего мира диалектоносителями проявляется в том, что в процессе наименования номинатор выделяет неодинаковые признаки того, что он хочет назвать. Это говорит о различиях в образно-эмоциональной сфере социумов разной территории функционирования русского языка. Но именно прагматический подход диалектного сообщества во многом отличает мировидение сельского и городского социума и способствует сосуществованию разных слов для обозначения одного и того же предмета (в русских говорах синонимичность лексем *ухват* и *рогач*).

Так, существительные с корнем -РОГ отмечаются во многих говорах, например, *рогаль* – «калач, рогатый хлебец» (перм.), «рукоять сохи» (волог.), *рогатина* – «широкий нож на древке» (олон.), *рогатки* – «переносные заборы, которыми перегораживали по ночам улицы от воров» (южн.).

Если речь идёт о тамбовском региональном материале, то, помимо основного нарицательного слова, отмечается частотность употребления имен собственных, восходящих к диалектизму *рогач*, позволяющему установить этимологию топонимов, антропонимов, понять фразеологизм. Ср.: РОГАЧ [раґа' ч'] – [а] – м.; Приспособление, при помощи которого вынимали и ставили чугуны. РОГАЧИ – разлив. Находится в Тамбовском районе Тамбовской области. Название получил по форме берегов. РОГАЧЕВ – прозвищная фамилия, восходит к прозвищу РОГАЧ (в тмб. говорах «упрямый человек»). РОГАЧКОВ – прозвищная фамилия. Восходит к прозвищу РОГАЧОК: (уменьшит. от Рогач) – в тмб. говорах. 1. Упрямый, человек; 2. Обманутый женой муж.

БЫТЬ В РОГАЧАХ – фразеологизм, тмб. Быть у кого-то на побегушках, выполнять грязную работу.

Региональное ономастическое пространство включает в себя ономастические единицы, в первую очередь, восходящие к диалектным словам, обладающим известностью носителям определённых говоров и устойчивостью функционирования. Ср.:

Фамилии *Голованов, Головачев, Голованёв, Голованин, Голованков, Головатый, Головин, Головкин, Головков* связаны с такими диалектными знаниями, как: 1) верхняя часть тела человека (человек с большой головой (южн., сиб., волог., онеж.); 2) характеристика внешности женщины (головуха – женщина с большой головой (тмб.); 3) ум, разум, умственные способности. Ср.: диалектное *голованить* – «мозговать, думать» (забайкл.); 4) первенство (главный человек в чем-либо, глава в каком-либо деле, глава семьи, хозяин (яросл., костр., свердл., ряз.); 5) прозвище человека (прозвища *Головль* или *Головль* могли дать человеку с большой головой: *головль* – «рыба» от голова (фамилии *Головлев, Головлин*). Возможно, прозвище имеет отношение и к названию пресноводной рыбы *голавль*, обитающей в реках средней полосы России.

Соответственно, в сознании человека слово *голова* отражает знания о частях тела человека, его умственной, мыслительной деятельности, его внешней характеристике, его положении в социуме, а также его положительные и даже отрицательные качества: «глупый, пустой человек» (южн., сиб.) и даже нечто бранное (арх.).

Именно лексический состав говоров даёт самый богатый и содержательный материал, в котором фокусируется совокупность представлений о том, как внешняя действительность отражается в языке народа. Однако представлять систему региональных имён собственных, восходящих к диалектам или любому социорегиональному варианту языка (например, городского варианта языка), как систему, содержащую только онимы с диалектными основами, было бы не совсем корректно.

Таким образом, систематизация онимов, которые принадлежат всему диалектному континууму или какому-то одному наречию русского языка (севернорусскому или южнорусскому), должна охватывать все диалекты или социорегиональные варианты языка.

Конкретными результатами работы, полученными при обращении к диалектной ономастике, являются области ономастической диалектной фонетики, ономастического диалектного словообразования. Приведем некоторые примеры на тамбовском материале.

Ономастическая диалектная фонетика

Фамилия *Атряскин (Отряскин)* восходит к диалектизму *отряска* в значении «отрясти одежду, скатерть, ноги от грязи». В тамбовских говорах сохранилось выражение «отрясать молодых» (в свободной обрядности используется выражение «трясти за плечи жениха» – получить вознаграждение от жениха). В написании фамилии отражена фонетическая черта диалектной речи – яканье.

В ударной позиции в антропониме отмечается переход О в Ё, что формирует народную форму имени, ставшую документальной: *Матрона (Матрошкин)* → *Матрёна (народное) (Матрёнин)*.

Ономастическое диалектное словообразование

Топонимы типа *Ивановка* и *Иваново* различаются конечным формантом: -ВКА указывает, что в основе названия местности лежит личное имя *Иван*; а формант -ОВО указывает на наименование местности, восходящей к фамилии *Иванов*. Суффикс -К в топонимах в большей степени служит для указания признака «имя человека», формант -ВО указывает на «семья/род». В этом случае модно говорить о том, что местность могла принадлежать членам всей семьи, всему роду либо отдельному человеку. Одному человеку в случае, например, отделения старшего сына от родительского дома.

Следует заметить, что для фамилий, зарегистрированных на территории Тамбовской области, характерно «затухание» форманта -ИН/-ЫН, которое связано, видимо, с двумя факторами: 1) частотность вариативных форм типа *Нюсин – Нюсинов, Паршин / Паршев, Яшкин – Яшков, Ивановин – Иванов*; 2) присутствие двойного (даже тройного) форманта -ИНОВ типа *Суржанинов, Щедринов, Федорининов*.

Фамилии, оформленные подобными суффиксами, принадлежат к разряду закрепленных антропонимических моделей, установленных в русской ономастической традиции.

На лексическом уровне диалектная ономастика ярко иллюстрирует метафоры и метонимию. Например, метонимические переносы особенно проявляются при формировании антропонимических лексем: *Кулигин* (кулига – «тот, кто живет на кулигах»), *Прозоров* (прозор – «тот, кто живет на высоком месте, откуда открывается простор»), *Кустов* («живущий возле кустов, т.е. небольшой рощи»), *Нагорнов* («живущий на возвышенности, горке»), *Бутырский* (бутырка – «выходец из бутырок, т.е. пригородов»).

Таким образом, диалектная ономастика имеет определённую цель, предмет и объект исследования. Цель диалектной ономастики – определить специфику разных разрядов и классы региональных имён собственных в системе регионального диалекта языка, выявить влияние диалектологических факторов и явлений на формирование региональных онимов и связей их с именами соседними или отдалёнными территориями.

Объектом исследования диалектной ономастики являются региональные имена собственные всех разрядов, к числу которых относятся отдельные слова и словосочетания, восходящие к диалектным основам, служащие для выделения именованного объекта среди других объектов, для его индивидуализации и идентификации в рамках того или иного региона.

Предмет диалектной ономастики – система языковых средств, используемая для образования региональных онимов, их структура, семантические и словообразовательные модели,

т. е. фонетическая, словообразовательная, лексическая специфика ономастических единиц, соотношенность их между собой, выполняемые функции и др.

В рамках направления диалектной ономастики рассматриваются закономерности формирования ономастического пространства региона, становление географических названий, отражающих диалектные знания.

Диалектная языковая ситуация, сложившаяся на определенной территории, – это не собрание случайных диалектных фактов, а набор сведений, объединённых в определённую упорядоченную систему, что даёт исследователям новые материалы в области ономастикона, намечает новые подходы и перспективы в изучении региональной ономастики, в особенности её содержательной стороны. Обращение к диалектной ономастике позволяет решать многие языковые, лингвострановедческие, культурно-эстетические и методические вопросы, поскольку направлены на междисциплинарный аспект изучения конкретных ономастических реалий региона с учётом его исторического, экономического, политического, духовно-нравственного развития.

Список литературы

1. Бурыкин, А.А. Имена собственник как исторический источник: По материалам русских документов об открытии и освоении Сибири и Дальнего Востока России XVII–XIX веков. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013 – 536 с.
2. Бурыкин, А.А. Ойконимы Костромской области в контексте диалектологии / А.А. Бурыкин // Русское слово и Костромской край. СПб.: Нестор-История, 2013а – С.388–396.
3. Бурыкин, А.А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона (топонимика и этнонимика Восточной Сибири) / А.А. Бурыкин. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 224 с.
4. Щербак, А.С. Из опыта изучения ареальных характеристик ойконимов с диалектными основами в сравнении с ареалами соответствующих диалектных лексических единиц / А.С. Щербак А.А. Бурыкин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 9 (125). – С. 235–242.
5. Щербак, А.С. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья / А.С. Щербак А.А. Бурыкин. Тамбов: ТГУ, 2013а. – 356 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОНИМИКИ И ЭТНОНИМИКИ

***

ЯРОСЛАВНА: СЛУЧАИ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ В XX в.

М.В. Ахметова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Москва, Россия)*

Аннотация Рассматриваются процессы трансономизации, в которые в XX в. оказался вовлечен литературный антропоним Ярославна. Особое внимание уделяется его использованию в качестве поэтического эпитета, а вслед за этим (либо параллельно) переход в сферу апеллятивно-ономастического пограничья в значении 'название жительницы Ярославля'.

Ключевые слова: Ярославна; антропоним; катойконим; трансономизация; поэтическое имя; Ярославль.

Образ Ярославны, героини древнерусского «Слова о полку Игореве», был широко известным в русской культуре начиная с XIX в., отразившись в многочисленных литературных

и публицистических текстах, произведениях музыкального и изобразительного искусства [Белоброва 1995; Каган 1995]. Коннотативное поле онима *Ярославна* подразумевает несколько наборов ассоциаций: в первом случае мы имеем дело с топосом женской скорби (ср. статью С.А. Есенина (1915) «Ярославны плачут» о поэтессах времен Первой мировой войны), во втором – с топосом любви, соединенной с верностью (см. о соответствующей трансформации образа героини «Слова» в советской литературе: [Кононко 1967]), в третьем – фигура Ярославны отрывается от трагических ассоциаций и осмысливается как лирический образ (древне)русской женщины как таковой (ср. ранний пример: *И русская древняя женищина, например Ярославна, кажется светлым ангелом в сравнении с Кримгильдой*, – М.О. Меньшиков. *Немецкая душа* (1915), цит. по Национальному корпусу русского языка).

Благодаря популярности литературного образа, оним *Ярославна* становится объектом трансономизации, особенно в периоды, отмеченные общественным интересом к национальной русской (славянской) традиции. С начала XX в. имя используется как наутоним (в 1916 г. в «Ярославну» было переименовано купленное у Великобритании судно «Lysistrata» [Сутормин 2010: 11]; не позднее 1972 г. в СССР появился одноименный катер [Аладьин 1972]). По данным сервиса Google.Books, в СССР в 1960–1980-е годы появились одноименные эргонимы: (магазины: Ленинград, не позже 1967 г., Ашхабад, 1960-е, Рыбинск, 1960-е; парикмахерская: Ангарск, не позже 1975 г., Воркута, не позже 1975 г.) и прагматонимы (плавленый сыр, не позже 1972 г., торт, не позже 1974 г., карандаши (фабрика им. Сакко и Ванцетти), не позже 1984 г., скатерть (Белорусская ССР), не позже 1971 г., ткань для пальто (Московская тонкосуконная фабрика им. Петра Алексеева), не позже 1972 г.).

Наконец, оним *Ярославна* (несмотря на то что в «Слове» это отчество героини) вошел в ономастикон в качестве личного женского имени. Оно отсутствует в «Словаре русских личных имен» Н.А. Петровского (1-е изд. 1966) и в антропонимической части учебного пособия В.Д. Бондалетова «Русская ономастика» (1983); данные о соответствующем имяназвании отмечаются в работах [Никонов 1988: 95; Сулова, Суперанская 1991: 99], однако есть свидетельства, относящиеся к периоду 1960–1970 гг. [Большаков 1973: 117].

Я рассмотрю случай, связанный с трансономным переходом онима *Ярославна* в сферу, с одной стороны, поэтических антропонимов-эпитетов, а с другой – апеллятивно-ономастического пограничья (катойконимов). Как минимум с 1960-х годов *Я(я)рославнами* начинают именовать жительниц Ярославля и Ярославской области. Семантика патронимического форманта в имени *Ярославна* обеспечивает семантическую трансформацию: 'дочь Ярослава' > '«дочь» Ярославля / Ярославской земли'.

В качестве катойконима название *ярославна* (уникальное по своей нехарактерной для названий жителей деривативной модели, не отмечаемое в словарях, где представлено лишь название *ярославка*) может однозначно считаться регионально нормативным с 1990-х годов. Данные базы СМИ «Интегрум» выявляют более тысячи вхождений на название *ярославна* при единичных употреблении названия *ярославка* (поиск производился в 2009 г.; глубина архива для отдельных газет – с 1992 г., 1995 г. и начала 2000-х) [Ахметова 2012].

Недостаточность источников не позволяет однозначно говорить о том, как именно происходила трансономизация. Можно предположить два пути.

1. Антропоним в XX в. стал использоваться в качестве катойконима на вернакулярном уровне. Учитывая словообразовательную ненормативность, ему потребовались определенные средства легитимации, в качестве которых выступило в первую очередь его использование с 1960-х годов в качестве поэтического эпитета одной знаменитой уроженки Ярославской области.

2. Антропоним с 1963 г. стал использоваться в качестве торжественного эпитета, поначалу примененного к конкретному лицу и далее постепенно распространялся на всех жительниц региона.

16 июня 1963 г. состоялся полет в космос В.В. Терешковой. Для жителей Ярославля это событие имело особое значение: Терешкова родилась в д. Большое Масленниково Ярославской области, а юные и молодые годы провела в Ярославле. Именно этим обусловлено то, что оним

Ярославна становится перифрастическим именованием первой женщины-космонавта. К сожалению, выявить, где впервые оно появилось, в Ярославле или за его пределами, не представляется возможным. С одной стороны, эпитет впервые фиксируется в ярославской печати (уже в день полета Терешковой), и лишь на следующий день – в газете «Правда» (в № 168 от 17 июня 1963 г. с шапкой, оформленной красным; версии номера, вышедшие 16 июня в качестве экстренного выпуска и 17 июня с черной шапкой, соответствующего материала не содержат). С другой стороны, зависимость локальных СМИ от «центра» в советский период также имела место.

Итак, в день полета Терешковой газета «Юность» (орган Ярославского обкома ВЛКСМ) публикует материалы о событии под общим заголовком «Гимн Ярославне». 19 июня 1963 г. в статье о Терешковой сказано: *...из Ярославля нескончаемым потоком идут поздравления, приветствия, пожелания – и в каждом родное имя – «нашей Вале, Ярославне»; 21 июля после визита космонавта в Ярославль выходят материалы под заголовками «Комсомольский привет тебе, Ярославна!» и «Эстафета Ярославны»; 5 ноября наставник космонавтов адресует обращение «землякам Ярославны»; 7 марта 1964 г. в праздничной передовице упоминается героическая землячка – Валентина Терешкова, наша Ярославна.*

В газете «Северный рабочий» (орган Ярославского обкома КПСС и облсовета депутатов) полету Терешковой было посвящено целиком или в пределах передовиц сразу несколько номеров за 1963 г. (17 июня, 18 июня, 19 июня, 20 июня, 21 июня, 22 июня, 23 июня, 25 июня; далее количество материалов уменьшается); эпитет *Ярославна* появляешься впервые в номере от 20 июня в обращении, подписанном участникам общегородского митинга трудящихся города (19 июня): *Наша Валя, наша «Чайка», наша Ярославна возвратилась на Землю...;* под заголовком «Мать героини Ярославны – в Москве» публикуется материал московского спецкора (22.06.1963), под заголовком «Несколько встреч с Ярославной» – статья В. Новикова, учившегося вместе с Терешковой в аэроклубе (25.06.1963); 6 марта 1977 г. заместитель секретаря парткома комбината «Красный Перекоп», на котором работала Терешкова, вновь использует этот эпитет: *Как бы высоко ни поднималась наша Чайка, наша Ярославна, она никогда не теряла неразрывной связи с Ярославской землей,* и т. д.

Эпитет задеируется в стихах, посвященных первой женщине-космонавту. В «Правде» 17 июня 1963 г. публикуется стихотворение московской поэтессы Екатерины Шевелевой «Ярославна», заключающееся строками: *Царевна наша Ярославна / Корабль космический ведет.* Одноименное стихотворение создает поэт-песенник Марк Лисянский (в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов живший в Ярославле); первая строфа: *Облака плывут над утреннею Волгой / И кружится чайка над рекой. / Постояла Ярославна здесь недолго, / Помахала чайке вслед рукой* (опубликовано, в частности, в «Северном рабочем» 26 июня 1963 г.). Стихи с упоминанием эпитета, написанные земляками Терешковой, вошли, в частности, в изданный в Ярославле сборнике «Ярославна», где собраны разного рода материалы о космонавте: *...дочурка Ярославна, / Как и ее небесный брат, / До самых звезд дошли / Во славу / Всех защитивших их солдат* (К. Ершов; первая публикация – «Северный рабочий», 21.06.1963); *Спасибо, землячка, / Привет, Ярославна!* (П. Быков) [Усов 1963: 44, 93].

Тот факт, что подобных текстах *Ярославна* пишется исключительно с прописной буквы, а также часто стоит в одном ряду с другими перифрастическими обозначениями Терешковой – *Чайка, звездная сестра* и т. д., а также с гипокористическими формами ее имени *Валя, Валюша*, позволяет предполагать, что это в данном случае скорее торжественный эпитет, присвоенный конкретному человеку, чем катойконим. В таком контексте он появляется и в путеводителе по Ярославлю: *...самыми родными, близкими и душевными [эпитетами] для ярославцев были слова – наша Валя, наша Ярославна* [Козлов и др. 1971: 36].

Во «внешних» текстах, парадоксальное, казалось бы, соединение онима *Ярославна* (с его изначальными древнерусскими/славянскими коннотациями) совершенно отрывается как скорбной топики, так и от нежно-лирических интонаций, соединяясь с топикой технического прогресса. Например, автор статьи в «Советской России» В. Комиссаржевский пишет, что мечты героини «Слова о полку Игореве» кукушкой к страдающему любимому «обернулись полетом (...) молодой

коммунистки из Ярославля» (Советская Россия, 18.06.1963, цит. по: [Кононко 1963: 28]), а советский литературовед трактует эпитет Терешковой как «признание великого мужества, стойкости, верности – черт, воплощением которых стала для нас Ярославна» [Там же] (очевидно, эти качества переосмысляются в рамках любви к родине). Кроме того, древнерусские коннотации имени интересным образом соединились с коннотациями прогресса в мотивации создателей нового бренда (и, соответственно, прагматонима) – имеются в виду выпущенные в 1964 г. фабрикой «Новая заря» духи «Ярославна» [Шейпак 2007: 236], дизайн флакона которых одновременно напоминает ракету и фигуру женщины в остроконечном кокошнике. (В связи с этим нельзя исключить и то, что возникновение перечисленных выше эргонимов и прагматонимов «*Ярославна*» было обусловлено отнюдь не только архаичными коннотациями онима.)

Далее эпитет *Ярославна* может ограниченно распространяться и на других лиц. В 1965 г. в журнале ЦК КПСС «Агитатор» был размещен анонимный материал (вероятно, местного корреспондента) о народных депутатах из Ярославля; фотография депутаток (ткачихи, железнодорожницы, кандидата наук и партийного работника) сопровождается комментарием: *...четыре Ярославны, четыре народных избранника* [Слуги народа 1965: 2]. И написание с прописной, и сам контекст позволяют снова говорить в первую очередь о почетном возвышенном эпитете, применимом к жительницам города, имеющим определенные заслуги.

Вскоре номинация появляется в контексте, более близком к именованию по местности, – речь идет о песне Л.И. Ошанина на музыку П.К. Аедоницкого «Ярославия» (1972; прозвучала в исполнении Эдуарда Хиля на телевизионном фестивале «Песня-1972») со строками: *Как зовут тебя, Ярославна? / Ярославна моя, постой; Ярославна, тебя я славлю, / Славлю землю твою в цвету, / Славлю молодость Ярославля, / Нашу русскую красоту* (цит. по публ. в журнале «Крестьянка»: 4-я страница обложки, приложение к публикации [Ошанин 1973]). Судя по написанию слова с прописной буквы, здесь также речь идет скорее об окказиональном имени, хотя коннотации, распространяющие его на всех жительниц города (области), более очевидны. Показательно, впрочем, что в ярославском литературно-краеведческом альманахе автор публикации памяти Ошанина говорит о созданном поэтом образе «русской красавицы Ярославны», а не об обобщенном образе ярославской женщины [Лебедев 1990: 169].

В качестве именованья жительниц Ярославля слово *я(Я)рославна* в местных газетах окказионально появляется с конца 1960-х. При этом орфографические колебания позволяют предположить прежде всего недоосвоенность термина в качестве катойконима (а не, опять же, торжественного эпитета, теперь уже применяющегося по отношению ко всем жительницам).

В «Юности» 7 марта 1967 г. выходит материал «С праздником, я(Я)рославны» (заголовок набран прописными), 6 марта 1973 г. под заголовком «Для вас, ярославны!» – статья о Доме моды. Систематически название фиксируется в качестве самостоятельного катойконима с начала 1980-х годов: так, именно к «(дорогим) ярославнам» обращены поздравления с праздником 8 марта в газете от 7 марта 1981 г., 8 марта 1983 г. и т. д.

В «Северном рабочем» 7 марта 1974 г. публикуется статья «Спасибо вам, я(Я)рославны!» (набрано прописными), 8 марта 1977 г. – статья с резюме: *Поклонимся же самоотверженным труженицам-ярославнам...;* 8 марта 1978 г. – статья «Вам, Ярославны» (о краеведческих чтениях «Женщинам Ярославля посвящается»). Во второй половине 1980-х в газете появляется рубрика «Ярославна» (см., например, номера за 8 марта 1987 и 1988 гг.).

Несмотря на неясность того, использовалось ли название *ярославна* в качестве катойконима до 1963 г. (получив легитимацию благодаря эпитету В.В. Терешковой и затем благодаря популярной песне) или трансонимизация проходила иначе: литературный антропоним > антропоним-эпитет > катойконим. Но в любом случае промежуточным звеном, способствовавшим легитимации этой уникальной формы, было функционирование онима в качестве поэтического имени, несущего как номинативную, так и стилистическую функцию и обладающего социальной и идеологической нагрузкой (см.: [Подольская 1978: 31]).

Список литературы и источников

1. Аладын, В.Н. Морской служебно-разъездной катер «Ярославна» / В.Н. Аладын // Судостроение. 1972. № 6. – С. 64–65.
2. Ахметова, М.В. Топонимическая лексика: региональная норма и данные словарей / М.В. Ахметова // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М.: Языки славян. культуры, 2012. – С. 289–295.
3. Белоброва, О.А. Изобразительное искусство и «Слово» / О.А. Белоброва // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 259–263.
4. Большаков, И.В. Из практики выбора личных имен в русских семьях Казани / И.В. Большаков // Ономастика Поволжья. [Вып.] 3: Материалы III конф. по ономастике Поволжья / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, В.А. Никонов. Уфа: [б. и.], 1973. – С. 115–117.
5. Каган, М.Д. Ярославна / М.Д. Каган // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 295–297.
6. [Козлов и др. 1971] Ярославль: Путеводитель / Авт.-сост. П.И. Козлов [и др.]. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1977. – 256 с.
7. Кононко, Е.Н. Образ Ярославны в русской советской литературе / Е.Н. Кононко // Вопросы русской литературы. 1967. Вып. 2(5). – С. 24–28.
8. Лебедев, В. Здесь мой причал... / В. Лебедев // Ярославский альманах. 1997. Ярославль: Рыбинское подворье, 1997. – С. 167–170.
9. Никонов, В.А. Ищем имя / В.А. Никонов. М.: Сов. Россия, 1988. – 125 с.
10. Ошанин, Л. Как создавалась «Ярославия» / Л. Ошанин // Крестьянка. 1973. № 11. С. 19.
11. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1978. – 198 с.
12. Слуги народа // Агитатор. 1965. № 2. – С. 2.
13. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. Л.: Лениздат, 1991. – 219 с.
14. Сутормин, В.А. Сторожевой корабль «Воровский» / В.А. Сутормин // Морская кампания. 2010. № 6(35). – С. 11–23.
15. [Усов 1963] Ярославна / Сост. В. Усов. Ярославль: Кн. изд.-во], 1963. – 100 с.
16. Шейпак, А.А. История науки и техники: Материалы и технологии: Учеб. пособие. Ч. 1. М.: МГИУ, 2007. – 274 с.

***

ТРАДИЦИЯ НАРЕЧЕНИЯ ИМЕНАМИ ПОЛИТИКОВ ... УХОДИТ?

А. И. Бардаков

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград, Россия)

Аннотация. В статье раскрываются причинно-следственные взаимосвязи утраты традиции наречения именами политиков общественных объектов, систематизируются основные факторы, определяющие этот процесс, и обосновывается зависимость статуса политика от доминирующей формы бытия конкретного социума. Выявлена тенденция возрастания числа представителей науки и культуры при именовании различных объектов и пространств и минимизации доли политиков в этом ряду.

Ключевые слова: имя, политик, социум, культура, наречение, общественное сознание, Россия. *В порт, горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался и входил
товарищ «Теодор Нетте»
(В. В. Маяковский).*

В недалеком нашем советском прошлом наречение (именование) городов, улиц, площадей и многих других пространств, территорий производственного и социокультурного характера именами политических деятелей было устойчивой традицией. Нельзя сказать, что в постсоветской России эта традиция исчезла полностью. Так, в бывшем Свердловске, ныне Екатеринбурге, есть Уральский федеральный университет, который носит имя Б.Н. Ельцина; в этом же городе есть центр имени первого Президента России. Но общеизвестно и другое. По этому поводу нет единства, в российском обществе есть социальные группы, политические силы, которые однозначно не согласны с увековечиванием этого имени, их немало и в научной среде. В этом плане весьма показательным мнением член-корреспондента РАН, доктора социологических наук, профессора Ж.Т. Тощенко, который достаточно эмоционально, но аргументированно предлагает оценочные суждения о политической и исторической деятельности Б.Н. Ельцина [Тощенко 2021]. Большой социокультурный и политический резонанс имели попытки разместить мемориальные доски А.В. Колчака, К. Маннергейма в нынешнем Санкт-Петербурге. С определенной периодичностью в информационном поле региона, а порой и на федеральном уровне возникает дискуссия о переименовании (возвращении названия) Волгограда в Сталинград. Надо заметить, что инициаторами этих действий и дискуссий, как правило, являются общественные движения, политические организации, полагающие, что они тем самым восстанавливают историческую и социальную справедливость.

В связи с этим возникает потребность исследовать этот вопрос, раскрыть причины сложившейся ситуации. Представителей научного сообщества в этом дискурсе, видимо, следует воспринимать как экспертов идеологического или мировоззренческого характера, поскольку имя конкретного человека используется для укрепления или продвижения определенного политического направления.

Ученый в своей профессиональной деятельности всегда руководствуется необходимостью познания истины, но в гуманитарных и общественных отраслях знания научные результаты зачастую используются для решения политических задач. Предмет этого исследования планируется раскрывать посредством анализа и синтеза имеющихся точек зрения по данному вопросу, а также применением метода от частного к общему и обратно. Метод систематизации и сравнительный анализ статистических данных, эмпирического материала позволит определить пути выхода в практику политического действия.

Научная дискуссия об именах политических акторов имеет широкий диапазон и связана прежде всего с политическим дискурсом и коммуникацией. Признавая ценность этих направлений исследования, можно заметить, что для полноты научного знания об именах политиков необходимо установить или выявить закономерности изменения социально-культурной реальности современной России. Поскольку значимость политического имени определяется не только сложившимся политическим дискурсом, но и социально-политическим, социально-культурным состоянием общества, есть необходимость установить корреляцию между именами политиков и формами бытия народа, где осуществляется деятельность политика.

На факт того, что «имена политических лидеров и государственных руководителей» недолговечны в политической коммуникации и «быстро теряют свои позиции» [Нахимова 2010: 120] указывает Е. А. Нахимова. Однако раскрытие причинно-следственных взаимосвязей такого состояния в представленной работе отсутствует.

Своеобразное пояснение и подтверждение обозначенной выше позиции встречается у О. А. Полюшкевич. Автор настаивает на том, что молодежь не только не интересуется политикой, но и демонстративно игнорирует имена политиков. «Незапоминание имени, – утверждает О. А. Полюшкевич, – своеобразное личное унижение его (политика. – А. Б.) в собственных глазах» [Полюшкевич 2012: 87]. Можно согласиться с автором и в том, что это своеобразный, зачастую неосознанный, протест народа против «политики и политиков». Хотя данная позиция требует уточнения. Видимо, определенная часть общества не принимает участия в политике,

считая данное действие антикультурным феноменом. Просвещенное российское общество хорошо понимает, что всякое участие в политических процессах помогает сохранять или обретать экономической и политической элитам власть, а для широких народных масс их экономическое и политическое состояние останется неизменным, поэтому высокая политическая активность бывает крайне редко. Так, высокая явка на выборах Президента Российской Федерации однозначно свидетельствует о том, что свое благополучие народ связывает с конкретной должностью и конкретной персоной. Вызывает сомнение и вывод О.А. Полюшкевич о том, что «...политический лидер все более теряет уникальность и личностную неповторимость» [Полюшкевич 2012: 88]. Политический лидер не утрачивает свою уникальность, изменилась реальность, она трансформировалась из социально-политического в социально-культурное состояние, а это означает, что политическая атрибутивность конкретного индивида утратила свою приоритетность. Надо заметить, что политические баталии современности по своей уникальности и накалу не уступают практикам прошлых десятилетий и столетий, но изменилось общество, для большинства россиян это перестало быть близким и значимым в их жизни.

Достаточно аргументированной и убедительной выглядит позиция Г.В. Пушкарёвой, которая фиксирует устойчивую тенденцию снижения социальной значимости имен политиков для современного российского общества. Автор обращает внимание на то, что более 90% россиян не испытывают желаний участвовать в политической деятельности [Пушкарёва 2013: 90], а значит, для подавляющего большинства жителей России эта сфера жизнедеятельности общества не представляет ценности или не является первостепенной в иерархии ценностных установок, соответственно, имена политиков становятся второстепенными в общественном сознании. Однако сложно согласиться с автором в том, что «человек политический – <...> представитель той самой массы, в недрах которой формируется система социальных ожиданий» [Пушкарёва 2013: 91]. Человек политический в советский период мог быть представителем народной массы, а сейчас он представитель олигархов или политического класса, что составляет предельно малый процент населения российского общества. При этом важно понимать, что весь огромный потенциал информационно-манипулятивного ресурса обладателей власти направлен на решение задачи обретения или накопления финансового или политического капитала «здесь» и «сейчас», им не до увековечивания памяти имен политиков. Не менее дискуссионным выглядит утверждение автора о том, что «... политическая реальность существует потому, что люди вовлечены в коммуникативные процессы» [Пушкарёва 2013: 98]. Не отрицая значимости коммуникационных процессов для конструирования и функционирования политической реальности, хочу заметить, что основанием политики являются частная и государственная формы собственности, позволяющие отчуждать, перераспределять труд общества, а все остальное тоже имеет значение, но оно производно от форм собственности.

Важным фактором, способствующим разрушению имиджа политиков, является сознательная или бессознательная их дискредитация. Современные социальные сети, политические технологии устроены таким образом, что им имманентно присущи функции «раскручивания» или дискредитации людей, занимающихся публичной деятельностью. Конечно, современные институты коммуникации в своих миссиях и целях заявляют о важности и значимости доведения до широких народных масс объективной информации, которая будет способствовать развитию гуманистических основ современной жизни, служить утверждению законности и справедливости. Однако общеизвестно и то, что в основании подавляющего большинства средств информации находится их финансовая составляющая, а успех финансового благополучия зачастую определяется «жареной» информацией. Именно объективно сложившаяся ситуация в медиасфере предопределяет приоритет негативного контекста о политиках. На уровне явления это выглядит так: если СМИ, социальная сеть предлагает позитив о политике, то это воспринимается как апологетика, провластное, проплаченное мероприятие; если же – критика, то это воспринимается как прогрессивное, демократическое дело. Конечно, взаимодействие политика и медиасистемы нельзя упрощать до двух

противоположных состояний, все гораздо сложнее и многограннее, но в обыденном сознании все сводится к состоянию «свой»–«чужой», «за»–«против». В этом направлении ведется активная исследовательская деятельность, имеется ряд работ [Гуляева 2020; Миронова 2021], где раскрываются механизмы и технологии дискредитации политиков. Можно согласиться с авторами в том, что «... самым простым способом дискредитации образа политика в глазах избирателей является прямое указание на совершенные им ошибки и критика его деятельности» [Гуляева 2020: 62]. К этому следует добавить, что уже сам факт попадания политика в дискурс с необходимостью детерминируют оппонирование и противостояние, ибо такова практика современного политического бытия. Обычно такое противостояние политиками именуется состязательностью и выдается за формы демократии, которые важны для народа, но в реальности это – борьба за власть, то есть за достижение господства небольшой социальной группы над значительной частью общества.

Развернутая характеристика взаимодействия народа и власти, предложенная ранее [Бардаков 2020], сводится к тому, что вектор изменения этих отношений базируется на смене доминанты формы бытия. Устойчивый тренд укрепления и расширения культуры как формы бытия разрушает основание приоритетности политиков над деятелями иных сфер жизнедеятельности современного общества. Имена политиков в целостности социальных систем, в локальных (региональных) сообществах имеют приоритетное значение по сравнению с персонами иных сфер деятельности в условиях доминанты социально-политических взаимосвязей, собственно составляющих или образующих общество. Выражаясь иначе, имя политика значимо в условиях преобладания социума как основной формы бытия индивида, а в условиях доминирования бытия культуры имена политиков утрачивают свою приоритетность.

Усугубляют свое положение политики и сохранением ритуального политического дискурса, который по меткому замечанию Л.А. Гольшкиной, указывает на уязвимость «... параметра актуальности протокольно-этикетных текстов» [Гольшкина 2021: 63] современных политических акторов, то есть сохранение традиций коммуникации подрывает традицию наречения именами политиков значимых социальных объектов. Общество изменилось, его культурная составляющая стала значимым элементом в его организационной деятельности, а политики никак не могут адаптироваться к новой реальности, они по старинке опираются на традиционные формы власти и управления. В этом контексте весьма показательна ситуация с феноменом патриотизма, который способствует закреплению политической символики в общественном сознании. Исследователи единодушны во мнении, что патриотизм всегда связан с любовью к Родине, но при трактовке понятия «Родина» возникают нюансы. Так, коллектив авторов утверждает, что патриотизм «... явление сугубо политического мира» [Мартынов 2020: 115], что предполагает отсутствие любви к Родине в до-политическом и пост-политическом состоянии общества. Видимо, ситуация отношения, любви людей к своей Родине выглядит иначе. Дело состоит в том, что в ранних социальных системах, где сохраняется приоритет родовых отношений, люди несомненно любили место и общество своего рождения, нет сомнений в любви по этим основаниям и в современном обществе, а это значит, что любовь к Родине была, есть и будет. Другое дело, что в условиях приоритета социальности, политических отношений кумирами значительного числа граждан были политические деятели, поэтому их именами нарекали много общественных, культурных пространств и явлений. Так, коллектив авторов, исследующих топонимы фольклора калмыков, обращает внимание на то, что народная калмыцкая песня об Антоне Амур-Санане обусловлена «... ропандистской риторикой революционных преобразований, происходивших в калмыцких степях» [Хабунова 2018: 253] в начале XX века, то есть объективная потребность в социализации и политизации жизнедеятельности конкретного общества предопределяет закрепление за политическим деятелем особого статуса в том числе и посредством песни как явления культуры. Следует также сказать, что Антон Мудренович Амур-Санан для Калмыкии – не только политик, но и общественный деятель, писатель, вклад которого значителен не только в политике, но и в других сферах жизни общества. Приведенный пример утверждения имени политика в общественном сознании тесно связан с местом и временем

происходящих событий, но бывает и так, что через века имя политика становится востребованным. В XIX в. морская территория Дальнего Востока получает имя «Залив Петра Великого». В.В. Постников приводит целый ряд аргументов по наречению этого места данным именем, суть которых сводится к тому, что для решения задачи закрепления территории за Россией это имя было самым подходящим [Постников 2010].

Выше сказанное позволяет делать вывод о том, что наречение именами политиков социальных объектов имело свою традицию в монархический и советский периоды и в зависимости от политической ситуации были наиболее востребованными имена монархов, государственных деятелей, иных политических акторов. Несколько иначе с этим процессом выглядит ситуация в постсоветской России. И факт того, что глава государства оказывает «большее влияние на психологию избирателя» [Клюев 2010: 177], обозначая своего преемника, вовсе не гарантирует увековечивание его имени и тем более преемника. Наиболее показателен в этом плане конкурс «Великие имена России» 2018 года. Конкурс был задуман для присвоения 47 аэропортам России дополнительных имен к их официальным наименованиям. Надо заметить, что далеко не все запланированные аэропорты обрели дополнительные имена, что указывает на сложности в этом вопросе разного рода, начиная с технической стороны и заканчивая социально-политической и морально-психологической составляющими. Весьма примечателен и тот факт, что в этом конкурсе представителей политики было крайне мало. М.В. Назукина, исследуя политический процесс этнической идентичности в конкурсе «Великие имена России» в семи республиках, фиксирует лишь одного политика, представленного в списке для голосования. Попытка наречь аэропорт в Якутске именем Михаила Николаева, бывшего главы республики, не увенчалась успехом, победил Платон Ойунский – писатель [Назукина 2020: 141]. Надо заметить, что победителями стали – художник, поэт, основатель «Нижнекамскнефтехима», летчик, космонавт, поэт и писатель. На высокую частотность и метафорическую активность имен космонавтов, ученых, композиторов, маршалов обращает внимание и Е.А. Нахимова [Нахимова 2010: 120]. Все это свидетельствует о том, что великие имена в общественном сознании и исторической памяти россиян сохранены, но там минимизированы имена политиков.

Полный отказ от имен политиков при назывании социально-политических, социокультурных объектов, видимо, никогда не случится, тем более что наметилась интересная тенденция, выявленная авторским коллективом лингвистов [Боженкова 2019]. Авторы показывают, что современные политические субъекты проявляют свою активность в экологических парадигмах [Боженкова 2019: 81], что, несомненно, смещает ракурс общественного внимания к персоне политика с его политической деятельности на его действия в области экологии или иных социально и культурно значимых направлений деятельности. Соответственно, традиция наречения именами политиков может обрести новую форму: политик-эколог, политик-литератор, политик-спортсмен и т.д.

Традиция нарекать именами политиков самые разные общественные объекты уходит, поскольку политик перестал восприниматься значительной частью российского общества как наиболее важный элемент общественной деятельности, мировоззренческие установки политика перестали быть образцом в социокультурном пространстве современности. Великих, больших и малых политиков не стало меньше в современной России по сравнению с прошлыми десятилетиями и столетиями, изменилось общество, а, точнее, основы существования людей. Социум как форма бытия, обеспечивающий социализацию и политизацию индивида, утрачивает свой приоритет в жизнедеятельности индивидов, а культура как форма бытия имеет устойчивую тенденцию наращивания своего потенциала, но она возделывает в индивидах добродетели и гуманистические начала. Политическая деятельность перестает быть первостепенным делом для подавляющего большинства жителей страны, поэтому аура величия политика утрачивает свою актуальность. Нельзя сказать, что люди не любят политиков, политики пользуются заслуженным уважением, но для современных российских людей стали более значимыми другие сферы деятельности, поэтому деятели науки, культуры, военачальники и представители других профессий стали кумирами в обществе, поэтому их имена увековечивают.

Список литературы

1. Бардаков, А.И. Народ и власть: парадигма взаимосвязи по Франсуа Фейде // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 1. С. 11-19. [электронный ресурс] / URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2020_N1.pdf (дата обращения: 18.03.2022).
2. Боженкова, Н.А., Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н.А. Боженкова, П.А. Катышев, С.В. Ионова, Э.М. Афанасьева, Л.Н. Саакян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. – С. 76-92.
3. Голышкина, Л.А. Риторическое декодирование текста ритуальной политической коммуникации / Л.А. Голышкина // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). – С. 56-66.
4. Гуляева, Е.В. Вербальные средства дискредитации образа политика в американском медиапространстве / Е.В. Гуляева, М.В. Макарова, И.С. Никитина // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). – С. 61-67.
5. Клюев, Ю.В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия / Ю.В. Клюев. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. – 263 с.
6. Мартынов, М.Ю. Патриотизм как политический дискурс в современной России / М.Ю. Мартынов, Л.А. Фадеева, А.И. Габеркорн // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. – С. 109-121.
7. Миронова, Н.И. Дискредитация оппонента от «его» имени в политическом дискурсе / Н.И. Миронова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 2. – С. 1-15. [электронный ресурс] / URL: www.tverlingua.ru (дата обращения: 18.03.2022).
8. Назукина, М.В. Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности / М.В. Назукина // Мир России. – 2020. – Т. 29. – № 1. – С. 132–152.
9. Нахимова, Е.А. Историческая динамика метафорической активности прецедентных имен собственных в политической коммуникации / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. 2010. №4(34). – С. 118-124.
10. Полюшкевич, О.А. «Имя наречённое» в политическом дискурсе России / О.А. Полюшкевич // Аналитика культурологии. 2012. № 1 (22). – С. 84-88.
11. Постников, В.В. К осмыслению названия «Владивосток»: историко-политические образы тихоокеанской России / В.В. Постников // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4 (15). – С. 74-82.
12. Пушкарёва, Г.В. Homo politicus: политическая реальность и политический дискурс / Г.В. Пушкарёва // Общественные науки и современность. 2013. № 5. – С. 90-100.
13. Тощенко, Ж.Т. Стал убийцей своей страны / Ж.Т. Тощенко // Правда. – №108 (31168). – 1-4 октября 2021 года / URL: <https://gazeta-pravda.ru/issue/108-31168-14-oktyabrya-2021-goda/stal-ubiytsey-svoey-strany/> (дата обращения: 18.03.2022).
14. Хабунова, Е.Э. Топонимы в фольклорном контексте калмыков / Е.Э. Хабунова, Д.Б. Гедеева, Б.Э. Убушиева // Новые исследования Тувы. 2018, № 3. [электронный ресурс] / URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/800> (дата обращения: 18.03.2022). DOI: 10.25178/nit.2018.3.16.

***

ИМЯ ДЖАНГАР В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

В.В. Бардакова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация. В статье освещается бытование имени собственного Джангар в качестве библони́ма, литературного онима / поэтонима, антропонима, топонима (ойконима и урбанонима), эргононима (идеонима и прагматонима) в современном калмыцком языке и литературе. Рассматриваются процессы трансонимизации и проприативации, омонимии имен и названий, взаимодействие с современным русским языком в формообразовательном и словообразовательном аспектах, место в современном калмыцком ономастиконе.

Ключевые слова: Джангар; библони́м; литературный оним; реальный антропоним; урбаноним; эргононим; омонимия, словообразование.

Взаимосвязь ономастики с историей, бытованием народа определяется информативной насыщенностью и ценностью этнически своеобразных имен и названий, рассматриваемых как составная часть национального языка и национальной культуры. Имя собственное Джангар для современного носителя языка прочно связано с героическим эпосом калмыцкого народа. Так называется эпос, таково имя богатыря (батыра) – героя этой народной поэмы. Название народного героического эпоса и имя его главного героя определяют энциклопедическое значение онима Джангар. Сам эпос получил различные жанровые определения: эпос, эпопея, поэма, песни (Джангариады).

Особый интерес к народному эпосу проявляется в связи с 500-летием его создания. К празднованию, которое проходило в 1940 г., было приурочено и юбилейное издание двенадцати его песен, переведенных на русский язык поэтом С.И. Липкиным и иллюстрированных В.А. Фаворским, который опирался на собственные наблюдения, заинтересованно и внимательно изучал быт и культуру калмыков. Художник побывал в разных местах Калмыкии и отмечал повсюду «живое ощущение эпоса», потому что «... в Калмыкии древний эпос не стал <...> реликтовым литературным памятником, а продолжал оставаться живым носителем народной Памяти...» [Мурина 1992: 107–112]. Очевидно, что современная действительность пронизана поэзией древнего эпоса, калмыки видят в нем нравственные ориентиры, выстраивают свои отношения по законам и традициям эпических предков. Поэтому созданные мастером на основе натуральных зарисовок иллюстрации к эпосу (а прототипами эпических героев стали реальные люди, проживающие в калмыцких степях) наполнены естественностью и эпическим пафосом. Издание повторяется в 1958 г. в нашей стране и в Болгарии, Китае, Монголии. Гравюра на дереве «Джангар», созданная В.А. Фаворским, помещена также в статье о калмыцком эпосе в энциклопедии [НИЭС, 2000: 222]. Через пятьдесят лет увидела свет книга «Джангар» (1990) с десятью новыми песнями в переводе Н.В. Еременко, С.И. Липкина, Ю.М. Нейман.

Интерес представляют и сведения о собирателях эпоса, о записях текста и о публикациях народной поэмы. Так, У.Э. Эрдниев [Эрдниев 1985: 206–209] пишет, что эпос бытует у калмыков с давних пор, занимает особое место в народной культуре, известен в мире, благодаря переводам на русский и монгольский, другие языки. В 1803–1804 гг. Б. Бергман издает две песни «Джангара» на немецком языке; в 1854 г. публикует песню в русском переводе А.А. Бобровников; в 1864 г. К. Голстунский публикует две песни эпоса на калмыцком языке, которые переиздает позже, в 1892 г. и 1911 г., А.М. Позднеев. «В 1910 г. было издано десять песен «Джангара», которые составили более полный его цикл, записанный у джангарчи Ээлян Овла» [Эрдниев 1985: 206]; как и все сказители, он сопровождал своё напевное исполнение игрой на домбре – народном музыкальном инструменте. Ранее, в 1908 г., известные Ээлян Овла эпические песни были записаны калмыцким учёным Номто Очиловым. Издание «Джангара» из двадцати пяти неизвестных ранее песен, обнаруженных А.Ш. Кичиковым в архиве Ленинградского университета, подготовлено в 1978 г. [Эрдниев 1985: 207]. Информация о письменной фиксации песен «Джангара» и их публикации сообщается в энциклопедиях. Такие сведения размещены Б.О. Джимбиновым в словарной статье [КЛЭ, 1964, II: 641].

У.Э. Эрдниев обращает внимание на глубинный интерес калмыков к «Джангару». Народ хранит память об эпосе и его исполнителях. В Элисте, в парке «Дружба», в 1990 г. был открыт архитектурный ансамбль «Джангарчи Ээлян Овла». В ансамбль входит триптих – стилизованные страницы эпоса, а перед ними – певец народной поэмы. На каждой из трех стел, в верхней части, изображены герои эпоса: в центре – Джангар и его боевой огненно-рыжий конь, аранзал Зэрде; по обе стороны от него – всадники-батыры верхом на конях; в нижней части триптиха – сцены, эпизоды и события из эпического сюжета. На одной стеле – исполнители-джангарчи, воспевающие богатырей Джангара. Впереди, также на постаменте из трех восходящих по спирали колец – сам знаменитый джангарчи. Таким, вдохновенно поющим под аккомпанемент домбры, изображен сказитель, за спиной которого встают картины богатырской поэмы. Заметим, что в тексте перевода песни «Женитьба богатыря Хонгора» есть эпизод, связанный с исполнением эпоса: *Просят вас исполнить «Джангар»; подошли, ища сказителя «Джангара», разыскав мальчика-джангарчи; мальчик, исполните «Джангар»; До рассвета исполнял он «Джангар»* [Джангар 1990: 232–233]. В XX в. исполнительские традиции не имели

такого широкого распространения, как раньше, однако известны некоторые имена сказителей-джангарчи, зафиксированные этнографами. В столице Калмыкии есть улица, названная в честь народных сказителей калмыцкого эпоса, – улица *Джангарчи*.

В Элисте, в разных сторонах города, находятся немало памятных мест, связанных с народным эпосом и его героями. Монументальное изваяние эпическому богатырю Джангару – на проспекте Чонкушова. Скульптура одного из верных соратников главного героя калмыцкого народного эпоса, богатыря Хонгора, находится на юге города. Статуя «Золотой всадник», посвященная герою народного эпоса «Джангар», расположена на пересечении улиц Джангара и Будённого, на въезде в город со стороны Волгограда.

Ученые-джангароведы обсуждают происхождение и значение онима Джангар. Так, о его древности пишет У.Э. Эрдниев со ссылкой на этимологические изыскания А.Ш. Кичикова и Б.Я. Владимирцова. В очерках рассматриваются такие значения имени Джангар, как: ‘одинокий’, ‘сирота’, ‘единственный’ и ‘завоеватель мира’ [Эрдниев 1985: 207–208]. Ссылаясь на этих же исследователей, М.У. Монраев рассматривает две семантические версии: «Джангар – одинокий (А. Кичиков); тюрк, завоеватель вселенной (Б. Владимирцов)» [Монраев 2012: 154]. В тексте эпопеи данные версии находят свое отражение: *одинокий Джангар; сиротой остался; единственный в поколении Джангар / единственный в своем поколении Джангар; единственный в своем поколении; сирота Джангар; одинокий в поколении Джангар*. Называются также титулы героя эпоса и возвеличивающие его статусные определения: *богдо Джангар; нойон Джангар / Джангар-нойон; хан Джангар / Джангар-хан; владыка Джангар / Джангар-владыка; владыка-нойон Джангар; владыка-богдо Джангар / владыка богдо Джангар; Верховный владыка Джангар-богдо / владыка верховный Джангар-богдо; повелитель / наш повелитель (богдо – ‘августейший’, нойон – ‘князь’)*. Указываются владения героя эпоса: *страна богдо Джангара / в благословенной стране богдо Джангара; в страну славного нойона-богдо Джангара – родную Бумбу; страна владыки Джангара; в стране богдо Джангара; в кочевьях Джангара-владыки; владения Джангара*. Текст содержит и словосочетания с величальными и славящими былинного героя эпитетами: *Славный Джангар, Славный нойон Джангар, Славный Джангар-нойон, Славный Джангар-богдо, Славный Джангар – богдо-нойон, дорогой Джангар, великий Джангар / Джангар великий, Джангар милосердный* (в том числе – и в Величании Джангара). В тексте множество местоимений *мой, свой, наш* (Цит. по изданию: [Джангар 1990]).

Ономастикон эпоса «Джангар» широко используется в калмыцкой литературе. В художественном тексте имена собственные выполняют вместе с номинативной и стилистическую функцию, наполняются идеологическими и социокультурными коннотациями, прямо или косвенно характеризуют героев произведения. Так, Л.Б. Олядыкова анализирует эпические имена в поэзии Д. Кугультинова, классифицируя поэтические онимы: библионим – «Джангар» (частотный); антропонимы – Джангар (частотный), Хонгор, Герензел, Минагян; топонимы – Бумба и Болзата; гиппоним – Аранзал (кличка коня хана Джангара) [Олядыкова 2007: 250]. Онимикон (в т.ч. – антропонимикон) произведений: «Девушка-джангарчи» (1939), «Матери-степи» (1941), «Возвращение в Элисту» (1957), «Машина Хонгора» (1967), «Читая «Джангар»» (1973) – рассматривается в лингвокультурологическом и этнолингвистическом аспектах. Приводится статистика онимоупотребления: «Матери-степи» (антропонимы Джангар и Хонгор), «Возвращение в Элисту» (антропоним Джангар), «Машина Хонгора» (антропоним Хонгор); «Девушка-джангарчи», «Читая «Джангар», «Рагни» (Джангар – библионим). Насчитывается десять употреблений библионима, восемь из них – в посвященном С. Липкину стихотворении «Читая «Джангар», которое еще называют «одой эпосу» [Олядыкова 2007: 266].

«Кугультинов заимствует из эпоса образы главных героев в соответствии с художественным замыслом <...> Обращение к эпосу «Джангар» в этих произведениях детерминировано содержанием эпоса в целом. Элементы эпоса «Джангар» (имена собственные – В.Б.) выполняют в поэзии Кугультинова характерологическую художественную функцию. Образы эпических богатырей, обладающие константным набором художественных признаков, всегда используются в литературе в своих традиционных характеристиках <...> Для не знакомых с прототекстом требуется

расшифровка этих аллюзий», – пишет исследователь [Олядыкова 2007: 255]. Однако высокая узнаваемость прецедентного текста не требует дополнительного комментария онимов для читателей, знающих калмыцкий эпос. Это распространяется и на произведения других калмыцких писателей и поэтов, которые вводят в тексты имена эпических богатырей.

Для реального калмыцкого антропонимикона героическая эпопея «Джангар» является источником пополнения именами богатырей / батыров. Анализируя калмыцкие имена собственные, М.У. Монраев [Монраев 2012: 48–52] констатирует распространенность личных имен из эпического текста в современном языковом сообществе. Если ранее сакрализация героев эпоса не позволяла калмыкам использовать их имена в быту, то со времен 500-летия эпоса именами его героев все чаще нарекали детей, они вошли в обиход, что объясняется «приземлением» эпоса, доступностью и понятностью обывателям поздних песен Джангариады [Монраев 2012: 49]. Исследователь пишет: «...в 1940 г. появляются имена Джангар, Хонгор, даже Джангариада (ср.: Олимпиада). <...> в 60–80-х гг. XX в. среди коренного населения преобладали имена Санал, Джангар, Хонгор, Мингиян. Они наделены высокими моральными и физическими качествами» [Монраев 2012: 50]. Приводит в подтверждение популярности эпических имен слова писателя А. Балакаева: самая большая улица столицы Калмыкии не вместила бы всех, кто носит имена героев эпоса. Ученый объясняет широкое распространение эпических имен «не только внутренними языковыми тенденциями, но и экстралингвистическими факторами», «ростом национального самосознания калмыцкого народа» [Монраев 2012: 51–52]. Можно предположить вариант антропонима *Джангарина* по аналогии с бытующими в современном антропонимиконе женскими личными именами *Октябрина*, *Сентябрина*, *Элистина* и др.

Вновь интерес к традиционным именам возникает в 80–90-е гг. XX века, что было обусловлено тенденциями возрождения национальной культуры в целом, обычаев, традиций и калмыцкого языка, изучение которого в те годы массово началось в дошкольных и школьных образовательных учреждениях. По нашим наблюдениям, в этот период частотными среди детей школьного возраста были личные имена Санал, Мингиян, Хонгор, Мерген, Баатр; имена Джангар и Савр встречались реже. Любое из названных личных имен служило или могло служить своеобразным благопожеланием родителей своим детям, пожеланием добра, здоровья и силы духа. Имена ассоциируются с мужеством, отвагой, смелостью, храбростью – коннотациями, связанными с народной эпопеей: *Славный Джангар*; *Прекраснейший в мире Мингъян / Мингъян*; *Улан Хонгор / Лев из львов Алый Хонгор Благородный / Алый Хонгор*; *Санал Смуглолицый Строгий*; *Савар Тяжелорукий* [Джангар 1990: 200–201, 286–289].

Интересным и значимым представляется факт употребления имени Джангр в качестве литературного псевдонима Виктором Ивановичем Насуновым. Псевдоним калмыцкого поэта – Джангр – демонстрирует связь с историей, обычаями и традициями народа самого поэта и его творчества, пропитанного этнокультурными смыслами, наполненного фольклорными и культурно-историческими аллюзиями.

Обращает на себя внимание и ассимиляция калмыцких имен по моделям русского языка, проявляющаяся в формообразовании и словообразовании, в используемой антропонимической формуле из трех составляющих – *личное имя + отчество + фамилия*. Так же, как и другие узловые антропонимы, имя Джангар имеет полную (паспортную, официальную) и сокращенные (гипокористические) и квалитативные, как правило, стилистически окрашенные формы. Называются возможные варианты полного имени: *Джангар*, *Джангр*, *Джангир*, *Джунгар*. Существует множество вариантов гипокористик и квалитативов, приведем лишь некоторые примеры в обращении к малышам и к детям постарше: *Джания*, *Джагуня*, *Джаник*, *Джагунечка*, *Джанюша*, *Джанюха*, *Джага*, *Джан*. Этот ряд гипотетически может быть продолжен детскими «лепетыми», домашними формами имени, ведь язык многообразен в своих проявлениях. На интернет-сайте, посвященном имени Джангар, представлена в инфографике статистика популярности имени. Так, в 2014 г. отмечено около 15 запросов, в период с 2015 по 2018 гг. наблюдается рост

популярности – от 30 до 50 запросов соответственно. Наивысший показатель – 78 запросов – отмечен в 2019 г. Но уже в 2020 году популярность имени резко падает до 27 пунктов, а в 2021 г. количество запросов снижается до 10.

Полная именная формула – *личное имя + отчество + фамилия* – может выглядеть так: *Джангар Джангарович Джангаров*. Допускаем и варианты фамилии: Джангаров, Джангаровский, Джангарский, Джангарин и др. По аналитическим данным, представленным в социальных сетях, насчитывается 49 человек, мужчин – носителей фамилии Джангаров.

Современное употребление онима Джангар, который выступает и как топоним (ойконим и урбаноним), и как эргоним (идеоним и прагматоним), связано с процессами трансонимизации, переходом онимов из одного разряда в другой. При этом наблюдается омонимия имен собственных, т.е. одинаковые по форме имена соотносятся с разными денотатами из различных областей ономастического пространства. Так, в Википедии приводится следующая информация: Джангар – 1) калмыцкий фольклорный героический эпос, 2) эпический герой, 3) посёлок в Калмыкии, 4) детско-юношеский театр в Элисте. Если 1-е (библионим) и 2-е (поэтоним) значения традиционны, то 3-е (ойконим) и 4-е (идеоним) – результат происходящих в современном языке процессов.

Так, в Октябрьском районе Калмыкии есть посёлок Джангар. В существующем с 1929 г. населенном пункте в настоящее время действуют Джангарская средняя общеобразовательная школа, Джангарская сельская библиотека, Джангарский фельдшерско-акушерский пункт, Джангарский сельский дом культуры, Джангарское отделение связи / отделение связи п. Джангар. Официальные названия организаций и учреждений в поселке – адъективные образования от ойконима: посёлок Джангар – Джангарская (школа, библиотека), Джангарский (ДК, ФАП), Джангарское (отделение связи). Субстантивная номинация возникает в именовании жителей поселка: катойконимы *джангарка (ж)*, *джангарец (м)*, *джаргарцы (мн.ч.)* [Кичикова 2017: 86].

Внутригородские топонимы (урбанонимы) – улица Джангарчи, улица Джангара уже представлялись в этой статье. Названная в честь главного героя калмыцкого эпоса улица *Джангара* находится практически во всех городских и сельских населенных пунктах – районных центрах республики.

Слово Джангар используется в качестве эргонима (прагматонима и идеонима) – названия объектов и учреждений образования и культуры, организаций и предприятий: детский оздоровительный лагерь «Джангар» при КалмГУ им. Б.Б. Городовикова (Сравните: названия других детских летних лагерей отдыха в республике – «Березка», «Спутник», «Сайгачонок», «Салют»); дошкольное образовательное учреждение детский сад «Джангар» в п. Улан-Хол Лаганского района (Сравните: названия других детских садов в Калмыкии – «Айс», «Алтын Булг», «Мальш», «Мальш», «Семушка» «Сказка», «Солнышко», «Харада»); детский футбольный клуб «Джангар» в селе Малые Дербеты Республики Калмыкии (существовал до ноября 2016 г.); кинотеатр «Джангар» на ул. Джангара г. Элисты (существовал до 2019 г.); Калмыцкий театр кукол «Джангар» (создан в 2019 г.). Так, Республиканский театр юного зрителя «Джангар» свое название получил в память о калмыцкой народной эпопее и о её героях-богатырях, её гуманистической ценности и о культурном наследии этноса.

В Калмыкии множество предприятий и организаций с названием «Джангар». Перечислим некоторые из них с указанием рода их деятельности: кафе-бар, торговое предприятие, стоматологическая клиника, организация по производству общестроительных работ, жилищно-коммунальное хозяйство, полиграфическое предприятие (издательство, типография) и др. Видимо, с подобного рода названием связываются надежды на благополучие и успех предприятия, на созидательную деятельность, что традиционно отсылает к эпосу и его героям.

Еще одно слово – *Джангариада* – в современном языке употребляется как геортоним (разновидность идеонимов), новое значение связано с традицией проведения национального спортивно-культурного праздника (например, заголовок в газете: *В Элисте прошла Джангариада // Вести Калмыкии*. 29 декабря 2018 г.). Ежегодные популярные спортивные соревнования проводятся

по традиционным национальным видам спорта: борьба, метание аркана и копья, стрельба из лука, конные скачки. Названные виды состязаний в силе, ловкости, владении боевыми искусствами красочно описываются в эпосе «Джангар», а также и в других фольклорных текстах.

Спортивные соревнования Джангариады дополняются играми (шашки, шахматы, альчики), конкурсами чтецов эпических текстов, знатоков народных обычаев и традиций, исполнителей – музыкантов, певцов, танцоров, викторинами по калмыцкой истории [Эрдниев 1985: 248–252].

Таким образом, выявляются синонимичные и омонимичные номинативные ряды и пары, трансономимические словообразовательные цепочки: *Джангар* – ‘эпос’ и *Джангариада* – ‘собрание эпических песен’ или ‘цикл эпических сказаний’; *Джангар* – ‘эпос’ и *Джангар* – ‘главный герой эпоса’; *Джангар* – ‘эпос’ и *Джангариада* – ‘эпический цикл’, *джангарчи* – ‘исполнитель песен эпоса’. Аппеллятив *джангарчи* включается в синонимический ряд *сказитель, исполнитель, певец*. В качестве онима слово фиксируется в названии улицы в столице – проприатив *улица Джангарчи*.

Библионимы *Джангар* и *Джангариада*, поэтоним *Джангар* несут в себе энциклопедическое значение и соответствующие коннотации, в том числе связанные с текстом народной поэмы. Они употребляются и в литературе на калмыцком и русском языках.

Личное имя *Джангар* востребовано и сохраняется в антропонимиконе калмыков, имеет варианты, ассимилировано современным русским языком.

Оним *Джангар* употребляется и в качестве идеонима, прагматонима, топонима в названиях учреждений, предприятий, организаций, населенных пунктов и улиц. Каждое из этих наименований выполняет мемориальную функцию. Название поселка *Джангар* становится словообразовательной основой для адъективных эргонимов: *Джангарская* школа, *Джангарский* дом культуры и ФАП, *Джангарское* отделение связи.

Оним *Джангар* как название культурно-просветительных и образовательных учреждений (организаций) вместе с мемориальной выполняет эстетическую и аксиологическую функции. С эпосом и его героем ассоциируются названия детских учреждений, при этом на первый план выступает гуманистическая, этнокультурная воспитательная ценность фольклорного произведения.

Современное новообразование – геортоним *Джангариада* – ‘культурно-спортивный праздник’, на котором проводятся состязания по традиционным национальным видам спорта и искусства, сопоставимо с названием спортивных состязаний – Олимпиада, Спартакиада. Кроме того, М.У. Монраев упоминает личное имя Джангариада, сравнивает его с именем Олимпиада.

Таким образом, имя *Джангар* и образованные от традиционной основы имена и названия широко распространены в современном калмыцком ономастиконе, сохраняют свои энциклопедические, идеологические, социокультурные и этнокультурные коннотации.

Список литературы

1. Джангар. Калмыцкий героический эпос. На калмыцком и русском языках. М.: Наука. Глав ред. вост. лит., 1990. – 475 с.
2. Кичикова, Н.А. Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун. Элиста: Джангар, 2017. – 272 с.
3. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. 2 т. (КЛЭ) / А.А. Сурков. М.: Совет. энцикл., 1964. – 1056 с.
4. Монраев, М.У. Калмыцкие личные имена (семантика) / М.У. Монраев. Элиста: Герел, 2012. – 255 с.
5. Мурина, Е.Б. Живое ощущение эпоса. Мир Эпоса: О работе В.А. Фаворского над «Джангаром» и его поездке в Калмыкию / Сост. В.З. Церенов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – С.107–112.
6. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / В.И. Бородулин и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 912 с. (НИЭС)
7. Олядыкова, Л.Б. Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова (на материале произведений в русском переводе) / Л.Б. Олядыкова. Элиста: Джангар, 2007. – 384 с.
8. Эрдниев, У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки / У.Э. Эрдниев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. – 282 с.

***

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ ПРОЗВИЩА РУССКИХ В ПЕРМСКОМ КРАЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

М.В. Боброва

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. Автором продолжено изучение современных прозвищ жителей Пермского края, рассмотрены прозвища русских, мотивированные лексикой тематической группы «Растительный мир». Флористическая лексика описана в лексическом и формально-грамматических аспектах. Обнаружено, что наиболее употребительна активная нейтральная субстантивная лексика. Вместе с тем флористические прозвища могут быть идентичны фитонимам либо обладать специфичными антропонимическими аффиксами.

Ключевые слова: антропонимия; современные прозвища; Пермский край; фитоним; лексический аспект; формально-грамматический аспект.

Статья продолжает ряд наших работ, посвященных изучению прозвищ жителей Пермского края. Ранее мы исследовали разные группы антропонимов, в частности анализировали «фитонимические» именованья коми-пермяков [Боброва 2018]. В данном случае мы задались целью описать прозвища той же тематической группы («Растительный мир»), принадлежащие русским. Исследовательская область ограничена лексическим и формально-грамматическим аспектами.

Материалом для анализа послужили именованья из архива данных для проектируемого нами «Словаря современных прозвищ жителей Пермского края», который отражает неофициальный антропонимикон преимущественно последних 20 лет. Носители онимов – представители разных возрастных, социальных, территориальных, этнических групп. Общее количество единиц в архиве составляет не менее 6000, часть из них опубликована [Боброва 2020].

Количество прозвищ, связанных с «растительной» лексикой, относительно невелико: выявлены 272 такие номинации, это не более 4,5 % от общего количества, и они значительно, не менее чем вдвое, уступают, например, группе фаунистических прозвищ. Высока повторяемость (омонимичность) прозвищ, и в чистом остатке имеется 127 уникальных форм. Вместе с тем производящая и мотивирующая лексика в них и сами прозвища как продукт языковых процессов отличаются разнообразием.

1. Группы производящей лексики по происхождению.

Большинство антропонимов восходит к словам исконно русским либо заимствованным, достаточно давно и уже русифицированным, ср.: *Василёк, Ветка, Дуб, Жёлудь, Камыш, Маслёнок, Пенёк; Апельсин, Огурец, Помидор* и т.д., в том числе производные от слов, заимствованных на территории Пермского края (*чага* ‘гриб-трутовик, вырастающий на стволе березы’ [СПГ 2: 521] > *Чага*). Есть примеры недавних заимствований, которые еще только переживают процессы русификации (*Киви, Манго*), варваризмов (англ. *plum* ‘слива’ > *Плам* ‘прозвище подростка по имени Слава’).

2. Группы производящей лексики по сфере использования.

Фитонимическая лексика в прозвищах в большинстве случаев является общерусской, ср.: *Лимон, Репка, Черёмуха, Пальма, Ягодка*, в том числе низкочастотной по употреблению, ср.: *Аспарагус, Рододендрон* (последнее – с ударением на последний слог). Однако имеется также лексика ограниченной сферы употребления: а) научные термины, обычно известные номинаторам по школьной программе (ср.: *Крестоцветный, Семьядоля, Чашелистик*), и б) территориально ограниченные слова (ср.: *Обабок* < *обабок* ‘подберезовик’ [СПГ 2: 15]; *Пиканы, Пиканник* < *тикан* ‘борщевик’ [СПГ 2: 99], ‘растение со съедобным стеблем (борщевик, дягиль, дудник)’ [СРНГ 27: 23]; *Пистик* < *пистик* ‘молодой полевой хвощ’ [СРГЮП 2: 284];

Шипига < *шипига* ‘шиповник’ [АС 6: 228]; *Шишебары* < *шишебар* ‘лопух, репейник’ [КСРГ-СПК]). Кроме того, в основе прозвищ фиксируются слова, употребление которых ограничено стилистически (ср. онимы из слов просторечных и разговорных: *Картоха* < *картоха*, *Картошка* < *картошка*, *Свекла* < *свекла*, *Семечка* < *семечка*, *Мандаринка* < *мандаринка*, *Морковка* < *морковка*).

3. Группы производящей лексики и прозвищ с точки зрения словообразования.

Большинство прозвищ восходит к простым по структуре, нейтральным словам (*Ананас*, *Баобаб*, *Ветка*, *Кактус*, *Осока*, *Репей*, *Солома*, *Шишка* и под.). Часть слов включает суффиксы уменьшительные, ласкательные или уменьшительно-ласкательные: *берёзка* > *Берёзка*, *грибочек* > *Грибочек*, *репка* > *Репка*, *цветочек* > *Цветочек*, *черёмушка* > *Черёмушка*, *яблочко* > *Яблочко*, *ягодка* > *Ягодка*. Помимо положительной оценочности, суффиксы способны передавать коннотации пренебрежительности, ироничности (*картоха* > *Картоха*).

Но не всегда суффиксы в прозвищах являются «доантропонимными» (*зеленец* ‘незрелая ягода’ > *Зеленец*, *ёлка* > *Ёлка*, *морковка* > *Морковка* и под.). Нередко исследуемые прозвища – это результат не прямой мотивации фитонимами, а продукт второго, а когда-то и третьего уровня производности. Именно поэтому точнее говорить о прозвищах, не мотивированных лексикой тематической группы «Растительный мир», а связанных с этой лексикой.

Характерно, что некоторые прозвища возникли непосредственно на этапе антропонимобразования: *Бананиха*, *Лимониha*, *Патиссоhиha*, *Грибовна*, *Калинка*, *Крapiвины*, *Луковки*, *Морковники*, *Пиканники*, *Орешка*, *Помидорка*, *Помидоркин*, *Помидорыч*, др. Аффиксальное оформление в них транслирует гендерные особенности их носителей, наличие родственных связей или отношений землячества между номинируемыми лицами, эмотивно-оценочные характеристики лиц и пр. Ср., например, *Помидорка* из разговорного *помидорка* (‘плод томата, помидор’, суффикс имеет стилистическую природу, свойствен разговорным и просторечным словам) и *Помидорка* – прозвище жены человека по прозвищу *Помидор* с суффиксом феминитивов типа *артистка*, *брюнетка*, *полячка* и современных *авторка*, *деканка*, *поэтка* и др. Одно из прозвищ *Кустик* дано школьнику маленького роста (оним из слова *кустик*, в котором отмечаем уменьшительный суффикс), но ср. ласковое *Кустик* из фамилии *Кустов* (ласкательный суффикс возник в ониме). Аналогично *Арбузик* произведено не от *арбузик* ‘маленький арбуз’, а от фамилии *Арбузова* (здесь собственно ласкательный суффикс, коннотация уменьшительности отсутствует). Или ср. наименования *Капустники*, *Оханские Капустники*, *Морковники*, *Пиканники*: это формы, которые отвечают собственно антропонимическим словообразовательным типам (в данном случае – типу образования коллективно-территориальных прозвищ); преимущественно это лексемы с суффиксами *-к-*, *-ик-*, *-ник-*.

Единичны сложные слова: диалектное *шишебар* (> *Шишебары*, из *шишебар* ‘репейник’, где *шиш* ‘черт, нечистый дух’ и *барать* ‘бороться’), потенциальное слово *травоед* (> *Травоед*), прозвища, построенные по специфичной модели коллективно-территориальных онимов (*Губоеды* из *губы* ‘грибы’, *Шомшееды* из *шомша* ‘блюдо из измельченного борщевика с квасом’).

Есть примеры усечения основы, но, вероятно, еще на уровне апеллятивов (*одуванчик* > просторечное *одуван* ‘большой одуванчик’ > *Одуван*), метатезы (*Полина Михайлова* > *Малина Пихайлова*), паронимазии (*Иван Арефьевич* > *Иван Орехович*, *Григорьевна* > *Грибовна*), образования окказиональных, фонетически искаженных слов (*морковка* > *мокока* > *Мокока*, детское прозвище закрепилось, хотя мужчина избавился от детских дефектов речи; *чашелистик* > *черелистик* > *Черелистик*, здесь нашла отражение оговорка школьника на уроке ботаники). Один окказионализм (*Дуба*), вероятно, имеет собственно антропонимическую природу: он оформлен по типу существительных общего рода, есть несколько омонимичных фиксаций (по отношению к человеку по фамилии *Дубровин* и к несообразительным, глуповатым людям).

4. Группы производящей лексики и прозвищ с точки зрения грамматических особенностей.

В абсолютном большинстве случаев онимы являются однословными и восходят к существительным. Это типично для прозвищ в целом и естественно для отфитонимных номинаций. Но, кроме того, одно прозвище образовано на базе фразеологичной двусловной номинации (*Анютины Глазки*), одно – на базе словосочетания с фитонимом (*Вишня Седая*), одно – на основе рифмованного сочетания слов (*Кузнец-Огурец*). Одно прозвище возникло на базе субстантивата (*крестоцветные* ‘растения семейства крестоцветных’ > *Крестоцветный*).

Обнаруживается связь с гендерной лингвистикой. Примечательно с точки зрения формы слов, на наш взгляд, то, что отфитонимные материалы указывают на наличие гендерных отличий при образовании прозвищ. В частности, отсутствует зависимость рода мотивирующей лексемы от пола номинируемого лица: женщин не называют словами только женского рода, а мужчин – только мужского. Вместе с тем наблюдается тяготение к использованию диминутивных и ласкательных суффиксов (преимущественно с элементом *-к-*) в отношении лиц женского пола и тяготение мужских номинаций к бессуффиксным формам. Нередко указанные тенденции выступают в сочетании. Ср.: с одной стороны, два прозвища *Апельсин* принадлежат мужчинам, прозвище *Апельсинка* – девушке; *Яблок* – прозвища представителей мужского пола в одной семье, *Яблочко* – именование женщины. С другой стороны, по два прозвища *Черёмуха* принадлежат женщинам и мужчинам, *Черёмушка* – женщине; четыре прозвища *Берёза* принадлежат мужчинам, одно *Берёзка* – женщине; ср. также женские именные *Грибочек*, *Кедрик*, *Арбузик* и др. Если же подобные суффиксальные образования используются в отношении лиц мужского пола (*Кустик*, *Морковка*, *Огурчик*, *Анютины Глазки*), то обычно это либо мальчишки, либо женоподобные мужчины.

Таким образом, лексика тематического поля «Растительный мир», представленная в современных прозвищах русских в Пермском крае, относительно немногочисленна, но многообразна по своим проявлениям. Лексемы различаются по прозвищной активности, можно говорить о высокой / низкой активности отдельных лексем, слов определенных лексико-грамматических групп (частей речи) и разрядов. Наиболее употребительна активная нейтральная субстантивная лексика, и, вопреки ожиданиям, прозвища не отражают тенденции к нестандартности формы, «почти за каждым окказионализмом на поверку стоит весьма стабильная и древняя ономастическая модель образования прозвищ, которая делает узнаваемой даже самую оригинальную вновь созданную единицу» [Вальтер, Мокиенко 2007: 25]. Вместе с тем «растительные» прозвища в некоторых случаях идентичны фитонимам, но они могут также «обрастать» специфичными антропонимическими аффиксами.

Список словарей

1. АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984–2011.
2. КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранящаяся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.
3. СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь: Книжный мир, 2000–2002.
4. СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. Пермь, 2010–2012.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1965–. (Продолжающееся издание).

Список литературы

1. Боброва, М.В. Лексика тематического поля «Растительный мир» в современных прозвищах коми-пермяков / М.В. Боброва // Филология в XXI в. 2018. № 1(1). – С. 135–141.
2. Боброва, М.В. Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края / М.В. Боброва. СПб.: Изд-во РГХА, 2020. – 195 с.
3. Вальтер, Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 704 с.

ВАРЬИРОВАННИЕ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

С.С. Волков, С.С. Дубова, Е.М. Матвеев, А.С. Смирнова, М.Г. Шарихина
Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. В докладе участников лексикографического проекта «Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» соответственно общей тенденции к варьированию лексических единиц в русском языке этого исторического периода рассматриваются вопросы употребления в панегирической поэзии XVIII века различных литературных антропонимов (теонимов, мифонимов, наименований исторических лиц и пр.), их варьирования, появления дублетных наименований; уделяется внимание конкуренции отдельных вариантов в поэтических текстах.

Ключевые слова: антропонимы, русский язык, поэзия, XVIII век, варианты, словарь.

В XVIII в. античные антропонимы появлялись в русской словесной культуре через переводы с разных языков: с греческого, латинского, французского, немецкого, польского и т. д. – это влияло на количество вариантов произношения и написания на русском языке, например, *Алькивиад*, *Зевс* – из греческого, *Алицибиад*, *Юпитер* – из латинского, *Арис*, *Иовиш* (*Овиш*), *Кервер* – из польского и т. д. В этом одновременном сосуществовании разных вариантов (дублетов) антропонимов можно видеть не только процессы адаптации новой европейской культуры, формирования и развития языковой системы и нормализации русского языка, но и стоящие за этими лексическими единицами культурные контексты и тенденции.

Фиксация вариантов литературных антропонимов XVIII века – особая задача «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» (Санкт-Петербург, 2022), подготовленного в Институте лингвистических исследований Российской Академии наук. В специальном разделе словарной статьи этого словаря регистрируются фонетические, орфографические, словообразовательные, акцентологические и другие варианты имени; они приводятся в алфавитном порядке. Во всех вариантах, встретившихся в поэтических текстах, ставится ударение. Вариантами одного имени считаются, в частности: а) изолированное имя и составное имя, включающее прилагательное или числительное (*Александр*, *Александр Великий*, *Великий Александр* – в статье **АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ**; *Карл*, *Великий Карл*, *Карл дванадцатый* – в статье **КАРЛ XII**); б) варианты именования персонажа с использованием имени и фамилии (*Емелька*, *Пугачов* – в статье **ПУГАЧЕВ ЕМЕЛЬЯН ИВАНОВИЧ**). Имена богов и героев древнегреческой мифологии (*Афина*, *Зевс*, *Геркулес*) и имена отождествляемых с ними богов и героев римской мифологии (*Минерва*, *Юпитер*, *Геркулес*), с учетом различий их семантических обертонов, особенностей употребления и функций в русской поэзии XVIII века, описываются в разных статьях. Также в разных словарных статьях описываются имена и прозвища (эпитеты) мифологических персонажей (*Марс* и *Градив*; *Геркулес*, *Геркулес* и *Алкид*; *Аполлон* и *Феб*). После списка вариантов в отдельной строке помещается справочная информация о фиксации форм имени в «Словаре русского языка XVIII века», если такая фиксация имеет место быть [Матвеев 2022: 2021].

В торжественной оде XVIII в. более активно использовались латинские формы античных антропонимов: вместо *Афина Минерва*, вместо *Геркулес Геркулес*, *Зевс Юпитер*, *Афродита – Венера* и пр. Замена имени обычно происходила в тех случаях, когда образ и функции греческого «персонажа» мифа отождествлялись с образом и функциями римского мифологического героя. Несмотря на более частое использование латинской формы, греческая (или форма из другого языка) продолжала существовать в русском языке в качестве синонима (дублета), употреблялась в комментариях к одам и в других литературных жанрах. Отметим здесь особую поэтическую «конкуренцию» теонима/мифонима *Афина* ‘в греческой мифологии богиня мудрости и справедливой войны’ с имеющим достаточно высокую частоту употребления топонимом

Афины ‘древнегреческий полис, город-государство в Аттике’. Этот астионим (собственное имя города) в русской поэзии XVIII века метафорически переосмысливается, приобретая новое семантическое содержание ‘место, где процветают науки, искусство и культура’. У М.В. Ломоносова и Н.Н. Поповского это происходит в соположении с Санкт-Петербургом, таким образом, формируется новая устойчивая поэтическая формула [Волков 2022: 382391] *Петербург – новые Афины*, ср., например: «Два ока в Греции считались: / Афины и Лакедемон; / От них повсюду разливались / Суды, уставы и закон; / России град Петров с Москвою / Почтеньем, славой и красою; / Как крин, цветут науки в них; / Как Феб меж прочими звездами, / Так меж другими городами / Они в странах сияют сих» [Поповский 1972: 107] или у М.В. Ломоносова: «И юношество к нам отсюда притекут / К наукам прилагать в Петрове граде труд. / Петрова ревность к ним, любовь Екатерины, / И щедрости Твои <Елизаветы Петровны – авт.> воздвигнут здесь Афины» [Ломоносов 1959: 691].

Отмеченная тенденция к латинизации имен была присуща одическому жанру не только в России. В качестве примера приведем фрагмент из немецкой оды Г.Ф.В. Юнкера, написанной в честь коронации императрицы Елизаветы Петровны и переведенной М.В. Ломоносовым:

«Lasz nach befreyer Fahrt vor Dir die Seegel streichen: / Dein Vater war Neptun, Du kanst der Thetis gleichen» [Juncker 1742: 6].	«Судам на брань бежать вели в ужасном виде: / Отец Твой был Нептун, Ты равна будь Фетиде» [Ломоносов 1959: 75].
---	---

В приведенном фрагменте упомянуты два персонажа мифов – *Нептун* и *Фетида*. Нептун – бог морей в древнеримской мифологии, отождествленный с древнегреческим *Посейдоном*, и *Фетида* – nereида, мать Ахилла, конкретное мифологическое «лицо», которое невозможно отождествить с кем-то, поэтому её имя сохранило свое греческое звучание и в латыни, и в других языках. В этом фрагменте мифологические антропонимы олицетворяют конкретные исторические лица – Петра I и его дочь, императрицу Елизавету Петровну, при этом «реальные» семейные связи (*Нептун* не является отцом *Фетиды*) самих мифологических персонажей оказываются не релевантными, отступая, так сказать, на задний план. На авансцену выдвигается, во-первых, принадлежность *Нептуна* и *Фетиды* к античному мифологическому пространству и, во-вторых, связь этих персонажей мифа с водной стихией.

Тенденция к латинизации в разряде поэтических антропонимов в силу влияния пуристических установок [Живов 1996: 297 и след.] и благодаря стремлению к приобретению новой или обновленной поэтической экспрессии (канон vs. поэтическая креативность) в некоторых случаях пересекалась с «обратной» тенденцией к русификации. Римская *Аврора* преобразуется в русскую *Зарю*, не покидая при этом античного мифологического контекста. Примеры ниже показывают, как осуществляется «семантическая индукция» (термин введен Ю.С. Сорокиным) от *Аврора* → *Заря*: у А.П. Сумарокова: «И тамо, где еще безвестны / Восходы Феба и Зари / Никому коню не вместны, / Себе поставил <Пегас – авт.> олтари» [Сумароков 1957: 294]; у М.В. Ломоносова: «И се уже рукой багряной / Врата отверзла в мир заря, / От ризы сыплет свет румяной / В поля, в леса, во град, в моря, / Велит ночным лучам склониться / Пред светлым днем» [Ломоносов 1959: 138] или у Я.Б. Княжнина: «Зари воссев на колесницу, / В ее одеясь багряницу, / Невы <любовь – авт.> приспела ко брегам» [Княжнин 1961: 628]. Во второй половине XVIII века в русской поэзии появляется мифоним *Зимстерла* (*Зимцерла*) ‘псевдомифологическое божество, по мнению некоторых литераторов XVIII века, являющееся славянской богиней, аналогом Авроры или Флоры’, см., например, у Г.Р. Державина: «Видел, Петрополь дивился / Как прекрасной сей чете: / Север светом озарился, / Встал — и в мгlistой темноте, / Обогрев браду замерзлу, / Тихим их сияньем кровь, / Знича чтил в них и Зимстерлу, / Возвращенных вкупе вновь» [Державин II: 381]; «Они уже среди полей / Переяславских; но Зимцерла / Еще по небесам ковров / Своих червлёных не простерла, / И не был ночи снят покров [Востоков 1936: 78].

Иностранная форма имени исторического лица иногда может также влиять на форму имени в русской оде, например, нем. *Elisabeth* – *Елисавет*:

«Sie <die Vorsicht> sah die ferneste Gefahr, Sie schaffte rath, und liesz auf Erden <i>Elisabeth</i> gebohren warden» [Stehlin 1741: 404].	«Чтоб нам уйти от дальних бед, В одном лишь только том трудилась, Чтобы <i>Елисавет</i> родилась» [Ломоносов 1959: 54].
---	--

Форма *Елисавет* нередко встречается в поэзии XVIII в., например: «Мы все зрим, что Елисавет / Престол, власть, скипетр и державу / Наследила себе по праву / И век златый ко всем ведет» [Третьяковский 1963: 167]; «О! дерсска мысль куды взлетаешь? / Куды возносишь пленный ум? / Елисавет изображаешь» [Сумароков 2009: 233]; «Молчите, пламенные звуки, / И колебать престаньте свет: / Здесь в мире расширять науки / Изволила Елисавет» [Ломоносов 1959: 199].

Однако русский антропоним в иноязычной оде не всегда влиял на появление такой же формы имени в переводе, если слово не подходило для стихотворного размера или даже вовсе не употреблялось так, ср. фрагмент немецкой оды Я.Я. Штелина и его перевод М.В. Ломоносова:

«Ihr Zeiten, wollt ihr Peters Geist Und was ihr an Cathrinen preist, Huld, Klugheit, Gnad und Güte mahlen; So seht Petrownens Augen-Strahlen» [Stehlin 1741: 405].	«Желает кто Петра смотреть Или Екатерину чтить И их доброт дивиться цвету, Возрит пусть на Елисавету [Ломоносов 1959: 5556].
--	--

В своей поздравительной оде Я.Я. Штелин дважды употребляет *Petrownen* (букв. «Петровна»), чтобы подчеркнуть родство Елизаветы с великим российским императором; возможно, он хотел показать знание особенностей русской речи, но для высокого стиля русской оды это не подошло. В русском переводе такая форма имени отсутствует.

В русской поэзии XVIII в. отмечается варьирование имен реальных исторических лиц. Так, например, используется несколько фонетических вариантов имени мусульманского пророка Мухаммеда. Это полностью отражает ситуацию в книжной культуре рассматриваемого периода и может рассматриваться как результат языковой адаптации заимствованного слова. Однако имя Мухаммеда не было новым для русской культуры, так как ее знакомство с исламской религией относится еще к древнерусскому периоду. Уже в это время в русской письменности появляются разные формы имени мусульманского пророка: *Магмет*, *Моамед*, *Бохмет*, *Бохмит* [Мелиоранский 1906: 8; Батунский 2021: 116]. В то же время древнерусской традиции, по-видимому, не были знакомы варианты, восходящие к французскому *Mahomed* (*Mahomet*) и широко распространенные в русской литературе XVIII в. Они последовательно употребляются в русских переложениях французских переводов Корана, в сочинениях французских авторов, которые знакомили читателей с основами исламской религии, и в ориентальной литературе. Одно из ранних изданий петровского времени – «Алкоран о Магомете или закон турецкий» (СПб., 1716) – представляет собой анонимный перевод (часто атрибуемый Д.К. Кантемиру или П. Постникову) французского перевода «Al-coran de Mahomed», подготовленного Андре дю Рие. Большой корпус переводов литературы, связанной с исламом и выполненных с французского, относится к 80–90-м гг. XVIII в.: «Мелкия повести о добром брамине, двух утешенных, о Заиде и Магомете. Из сочинения г. Волтера» (М., 1783), Лаоник Халкокондил «Ахукамукхама Талыб Набы, или Книга богословия Магометовой. Во увеселение меланхоликов переведена с французскаго языка Федором Коржавиным» (М., 1783); «Родственник Магомета, или Целительное дурачество», (перевод К.К. Рембовского, М., 1785), К.Э. Пасторе «Зороастр, Конфуций и Магомет, сравненные как основатели вер, законодатели и нравоучители» (М., 1793) и пр.

В связи с этим представляет интерес сочинение Д. Кантемира, составленное по заказу Петра I, в котором дается подробное описание жизни пророка Мухаммеда и излагается содержание Корана. Речь идет об издании «Книга Систима или состояние мухаммеданския религии» (СПб., 1722), которая была написана на латыни и переведена И.И. Ильинским. В первой главе «О именах Мухаммедовых» автор приводит такое рассуждение: «Своиственнейшее, и особнейшее сего

лжепророка имя, двойное есть: Мухаммед, и Мустафа ... Мухаммед убо четверописменное есть, сиречь от четырех токмо литер состоящееся, М. Х. М. Д. ... от наших Христианских писателей *неправо* <курсив наш – *авт.*> различными писмены и пронунциями пишемо быти видим, якоже: Махомет, Магмет, Муамет, Муамеф и протчая» [Кантемир 1722: 1]. Итак, в качестве правильной и наиболее близкой арабскому оригиналу Кантемир признает форму «Мухаммед», принятую и в современной русской традиции. Другие же формы характеризуются как неправильные. Между тем поэтический язык XVIII в. не воспринял этот вариант.

В панегирической поэзии рассматриваемого периода появляются следующие имена мусульманского пророка: *Магомет*, *Магомед*, *Магмет*, *Магмед*, *Махмет*, *Махомет*. Среди них двусложные варианты восходят к древнерусской традиции, например: «Стремглав срацины с их раскатов / Помчали свой с Магметом срам» [Муравьев 1967: 82]; «Ты <Гирей> пойдеши знаменем Магмеда покровен» [Петров 1811: 212]. Ср.: «Татарове же в граде сквернаго своего Магмета лживаго» [Никоновская летопись 1904: 217]; «Безбожный же царь Мамай, видев свою погыбель, нача призывати богы своа: Перуна и Салавата, и Раклиа, и Гурса, и великого своего пособника Махмета» [Сказание 1999: 180]. Трехсложные варианты отражают влияние французской традиции именования мусульманского пророка, например: «Речешь — и двинется полсвета, / Различный образ и язык: / Тавридец, чтитель Магомета, / Поклонник идолов, калмык» [Дмитриев 1967: 74]; «Бежит из града в град поклонник Магомеда» [Петров 1811: 75]. При этом указанные варианты не имеют очевидного стилистического или функционального различия, выбор имени обычно обусловлен ритмической организацией стиха. Анализ употребления вариантов в творчестве разных поэтов показывает, что такие авторы, как Г.Р. Державин и В.П. Петров использовали обе традиции именования Мухаммеда: «Магмет, от ужаса бледнея, / Заносит из Европы ногу» [Державин I: 185], «Она <Екатерина II – *авт.*> беды все отвратила: / Магмету стерла гордый рог» [Державин III: 294], «Уже от северного света / Лицо бледнеет Магомета, / И мрачный отвратил он взор» [Державин I: 356]; «Гром победы, раздавайся! / Веселися, храбрый Росс! / Звучной славой украшайся: / Магомета ты потрѣс» [Державин I: 396]. Наоборот, в панегирической поэзии М.Н. Муравьева трижды фиксируется только форма *Магмет*, трехсложная форма не встречается ни разу. Можно предположить, что М.Н. Муравьев, один из образованнейших людей своего времени, знаток русской истории, при выборе имени Мухаммеда мог опираться на древнерусскую книжность, однако подлинные причины ее употребления нам пока еще не известны.

Таким образом, формы имени, используемые в русской панегирической поэзии XVIII в., демонстрируют совмещение русской и западноевропейской традиций.

Список литературы

1. Батунский, М.А. Русь и ислам X–XVI века / М.А. Батунский. М.: Ломоносовъ, 2021. – 240 с.
2. Востоков, А. Стихотворения / А. Востоков. Л.: Сов. писатель, 1936. – 160 с. (Библиотека поэта. Малая серия).
3. Волков, С.С. Сочетания антропонимов в русской поэзии XVIII века (лексикографический аспект) С. С. Волков // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. 2022. № 1. С. 382–391.
4. Державин, Г.Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. III / Г. Р. Державин. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1864–1866.
5. Дмитриев, И.И. Полное собрание стихотворений / И. И. Дмитриев. Л.: Совет. писатель, 1967. – 501 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века / В. М. Живов. М.: Языки русской культуры, 1996. – 590 с.
7. Кантемир, Д.К. Книга Систима или состояние мухаммеданския религии / Д. К. Кантемир. СПб., 1722. – 416 с.
8. Княжнин, Я.Б. Избранные произведения / Я. Б. Княжнин. Л.: Сов. писатель, 1961. – 770 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

9. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764 / М. В. Ломоносов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
10. Матвеев, Е.М. Инструкция для пользователя «Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века» / Е. М. Матвеев // Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. – С. 15–38.
11. Мелиоранский, П.М. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени / П. М. Мелиоранский. СПб.: тип. Академии наук, 1906. – 26 с.
12. Муравьев, М.Н. Стихотворения / М. Н. Муравьев. Л.: Сов. писатель, 1967. – 388 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
13. Петров, В.П. Сочинения. Ч. 1 / В. П. Петров. СПб.: Медиг. типогр., 1811. – 245 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1904. – 302 с.
15. Поэты XVIII века. Том 1. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 75130. (Библиотека поэта. Большая серия).
16. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. Т. VI. СПб.: Наука, 1999. С. 138–189.
17. Сумароков, А.П. Избранные произведения / А. П. Сумароков. Л.: Сов. писатель, 1957. – 608 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
18. Сумароков, А.П. Оды торжественныя. Елегии любовныя / А. П. Сумароков. М.: ОГИ, 2009. – 840 с.
19. Третьяковский, В.К. Избранные произведения / В. К. Третьяковский. М.; Л.: Советский писатель 1963. – 578 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
20. Чулков, М.Д. Краткой мифологический лексикон / М. Д. Чулков. СПб.: Тип. Академии наук, 1767. – 124 с.
21. Anmerkungen bey den Zeitungen 98 bis 102 Stück. St. Petersburg den 8. December 1741. S. 403–408.
22. Juncker, G. F. W. Die gekrönte Hoffnung des Ruzsischen Kayserthums wurde in dem Feste der hohen Krönung der allerdurchlauchtigsten groszmächtigen Fürstin und groszen Frauen Elisabeth Petrowna, Kayserin und Selbstherrscherin aller Reussen bey riner öffentlichen Zusammenkunfft der Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg den 29. April 1742. In einer Gebundenen Rede Allerfreudigst und Ehrerbiethigst erkläret von Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker. SPb., 1742. S. 1–10.

***

АНТРОПОНИМЫ ФУТБОЛЬНОГО ДИСКУРСА: РАЗВИТИЕ КОННОТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

О.В. Врублевская

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация: Исследование посвящено выявлению коннотативных значений, которые сформировались у антропонимов Пеле, Марадона, Зидан, Роналдо, Месси под влиянием социальных, экономических и других факторов в российском обществе в постсоветское время. Определены устойчивые коннотации исследуемых антропонимов. Установлено также увеличение их семантического объема, т.е. формирование новых коннотативных значений рассматриваемых антропонимов. Полученные результаты стали основой лексикографического описания данных имен.

Ключевые слова: антропоним, коннотация, коннотативный оним, постсоветский период, спортивный дискурс.

В настоящее время можно выделить два подхода к определению коннотации: лингвистический и экстралингвистический. При лингвистическом подходе коннотация рассматривается как часть лексического значения слова (см. [Телия 1986], [Шаховский 1987], [Кожина 1983], [Бабенко 1989]). При экстралингвистическом подходе коннотация рассматривается вне лексического значения слова как набор семантических ассоциаций, связанных с обозначаемым объектом в данном языковом

сообществе. Дж. Лич утверждает, коннотацию целесообразно рассматривать только с точки зрения ассоциаций, возникающих у индивида на основе его социального опыта [Leech 1981].

В отечественной лингвистике такой подход представлен в работах Ю.Д. Апресяна, на понимание коннотации которого мы опираемся в данном исследовании. Автор определяет коннотацию как несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности [Апресян 1995]; и подчеркивает, что коннотация не входит непосредственно в лексическое значение слова и не является следствиями или выводами из него [там же]. Под ономастической коннотацией мы понимаем сложный компонент семантики онима, который, добавляясь к его предметно-логическому содержанию, отражает оценочное отношение носителей языка к имени как языковому знаку или к субъекту / объекту номинации, получившему широкую известность в данном языковом коллективе в конкретный исторический период. Подробнее о подходах к определению ономастической коннотации см. [Крюкова, Врублевская, Кирпичева 2020].

Объектом данного исследования являются имена футболистов *Пеле, Марадона, Зидан, Роналдо / Рональду, Месси*. Цель – выявление их коннотативных значений, сформированных / формирующихся в последние три десятилетия, т.е. в постсоветский период.

Поскольку ономастическая коннотация не может быть определена вне реакции адресата, был проведен свободный ассоциативный эксперимент [см. Хвесько, Крюкова, Врублевская 2020]. Как отмечал В.И. Говердовский, ассоциации являются психологической основой коннотации [Говердовский 1985: 71]. Это могут быть даже несущественные, но постоянно повторяющиеся, т.е. устойчивые признаки. Исследование антропонимов *Пеле, Марадона, Зидан, Роналдо, Месси* на этапе эксперимента показало значительный ассоциативный потенциал данных онимов.

Для выявления коннотативных значений антропонимов *Пеле, Марадона, Зидан, Роналдо, Месси* был проведен анализ их употребления в контекстуальном окружении в разножанровых текстах постсоветского периода. Источником материала исследования послужил преимущественно «Национальный корпус русского языка», а также средства массовой информации. Всего отобрано 352 контекста, в которых исследуемые антропонимы зафиксированы в коннотативном использовании.

Контекстуальный анализ предполагает выявление текстовых фрагментов, в которых исследуемые антропонимы зафиксированы в коннотативном значении. Единица анализа – это текстовый фрагмент, в котором оним не просто называет объект / субъект, но и выражает оценочное отношение автора текста к данному объекту / субъекту или другим объектам / субъектам, обладающим общим свойством с исходным объектом.

В контекстах исследуемого периода у антропонимов *Пеле* и *Марадона* отмечена устойчивая коннотация ‘выдающийся футболист’: *Зико был ключевым футболистом красно-черных в период их наивысшего расцвета. <...> За дриблинг, умение читать игру и отменное исполнение «стандартов» его прозвали «Белым Пеле»* (СпортЭкспресс, 23.10.2015). В белорусской прессе Андрея Аршавина назвали «русским Марадоной» («Аршавин – Марадона? Тогда Тимощук – Зико!»). «Зенит» с хорошим настроением готовится к матчу с БАТЭ // Советский спорт, 05.11. 2008).

У антропонима *Зидан* формируется коннотация ‘самый лучший футболист в какой-либо стране’, а у антропонимов *Рональдо, Месси* – коннотация ‘профессиональный футболист, добившийся заметных результатов’. Приведем примеры: *Под впечатлением от игры израильтянина и сам главный тренер «ВестХэма» Алан Пардью, который назвал Бенаюна «вестхэмским Зиданом»* (Вестхэмский Зидан. Так называют лидера сборной Израиля Йосси Бенаюна на туманном альбионе // Советский спорт, 05.10.2006). *«Новый Роналду» выбрал «Барселону» ради игры с Месси* (заголовков). *20-летний форвард «Браги» Франшику Тринкан отдает предпочтение каталонскому клубу. <...> Тринкана сравнивают с его соотечественником – 34-летним Криштиану Роналду. На родине форвард известен, как «новый Криштиану»* (lenta.ru, 31.01.2020). *«Норвежский Месси» Мартин Эдгор. Норвежец успел побить четыре рекорда – три на местном уровне и один на международном – как самый молодой участник отбора на Евро* (Sport 24, 26.03.2019).

У всех исследуемых антропонимов наблюдается также формирование коннотативного значения 'тот, кто хорошо играет в футбол и в будущем может стать одним из лучших футболистов': 7-летний Марко Антонио, уже получил славу футбольного гения, а его взросления ждут в крупнейших европейских клубах. Его называют «вторым Пеле» и феноменом. <...> Маленький Марко Антонио ещё не ходит в школу, но трюки которые он вытворяет с мячом не могут повторить даже взрослые (Zen.yandex.ru, 03.10.2019). RealMadrid и Chelsea борются за **шестилетнего «Зидана»** (заголовок). Шестилетний уроженец Алжира, имеющий французское гражданство, Мадин Мохаммед показывает фантастическую игру. Обладая высокой скоростью и завораживающим дриблингом, мальчик показывает стиль игры, напоминающий игру легенды футбола Зинедина Зидана (RusFan.ru, 27.08.2009). «У нас завелся свой Роналду». Савин о футбольном реалии «Матч ТВ» (заголовок) – В шоу «Кто хочет стать легионером» мы отобрали неплохих ребят, которые хотят победить <...> Среди участников проекта у нас завелся **свой Криштиану Роналду** (Матч ТВ, 31.03.2017). **Будущие Месси**. Как набирали малышей-футболистов в школу Леонида Слуцкого (Аргументы и Факты 12.12.2016).

У оних Марadona отмечена ещё коннотация 'человек (не спортсмен), хорошо владеющий мячом': Британский Марadona – так теперь называют ловкача, которого совершено случайно сняли на видео прохожие. За несколько дней ролик с ним посмотрели несколько человек. Позднее выяснилось, что зовут виртуоза Эндрю Кесседи, ему 50 лет и всё свободное время он пинает мяч. А времени этого у него очень много, поскольку он безработный (Россия 1, Утро России, 05.10.2015).

Расширение семантического объема коннотативных антропонимов Пеле, Марadona, Зидан, Роналдо, Месси подтверждается и развитием ещё одного обобщенного коннотативного значения 'любой спортсмен (не футболист), достигший заметных успехов в своем виде спорта': Мои племянники из небольшой деревушки, что под Архангельском, специально приезжают, чтобы посмотреть на игру 66-го номера «Водника» и называет его хоккейным Зиданом (Сам себе чемпион! В год своего 80-летия «Водник» выиграл все, что возможно // Советский спорт, 22.03.2005). Дончич (баскетбольный Криштиану Роналду) забил броском через всю площадку в матче с «Барселоной»!! (iMadridista, 15.12.2017). «Пока что я маленький теннисный Месси, но на пути к большому», – отметила Касаткина (GoTennis.ru, 12.10.2018). Сегодня день рождения у «гандбольного Месси». Анне Вяхиревой 25 лет (СпортЭкспресс, 13.03.2020). У антропонима Пеле это коннотативное значение 'лучший в своем виде спорта (не в футболе)': Если подыскивать аналогию для роли, которую играл в мире парусного спорта новозеландец Питер Блейк, то правильнее всего будет сравнить его с Пеле в футболе. К 53 годам он успел завоевать все мыслимые и немыслимые награды в гонках на яхтах (А. Демин. Лучший яхтсмен застрелен пиратами // «Известия», 07.12.2001).

Актуализаторами ономастических коннотаций исследуемых антропонимов становятся экстралингвистические факторы: роль футболиста в мировом футболе, а также особенности поведения именуемого субъекта и другие характеристики, которые постоянно оцениваются обществом.

Так у антропонима Зидан отмечена коннотация 'бывший футболист, ставший хорошим тренером': Нобоа: «Семак – это русский Зидан» (заголовок). Полузащитник «Зенита» Кристиан Нобоа сравнил главного тренера петербургской команды Сергея Семака с главным тренером мадридского «Реала» Зинедином Зиданом. <...> Для Семака важен каждый футболист. В команде их 23, и он со всеми разговаривает одинаково. Команда чувствует характер тренера. **Русский Зидан** – его вполне можно так назвать (Sport24, 05.06.2019). Формирование данной коннотации обусловлено тем, что Зидан в свои первые два сезона в качестве тренера главной команды, трижды выиграл Лигу чемпионов, стал чемпионом Испании, обладателем Суперкубка Испании, Суперкубка УЕФА, а также дважды победил в клубном чемпионате мира. В октябре 2017 года, на церемонии награждения TheBest FIFA Football Awards, был признан лучшим тренером мира. В 2018 году Зидан выиграл Лигу чемпионов 3 раза подряд.

А за антропонимами Марadona и Пеле закрепилось коннотативное значение 'высокооплачиваемый футболист': За следующие пять лет в Манчестере Роналдо получит 30 миллионов фунтов стерлингов! Счастливый Криштиану на тренировке демонстрировал британским журналистам свой новый

контракт, Алекс Фергюсон говорил восторженные слова о том, что Роналдо может вполне стать новым Пеле или новым Марадоной, американские владельцы клуба – семейство Глэйзеров – довольно потирают руки (Цена на Криштиану растет. Лучший игрок евро сезона Криштиану Роналдо заключил новый контракт с «МЮ». Остановит ли это мадридский «Реал»? // Советский спорт, 16.04.2007).

Проблемы с законом, многочисленные судебные разбирательства Диего Марadona, а также его наркотическая зависимость, участие в драках и многое другое привели к формированию устойчивой коннотации 'недисциплинированный футболист, хулиган, гуляка': Воспитание Романа – на нуле. Кокорин – новый Пеле, Широков – Марadona. Нет, так дело не пойдет. Если ребята хотели подраться, то давайте идите на ринг («Широков – пижон высшего пилотажа». 5 событий тура от Валерия Рейнгольда // Советский спорт, 20.05.2013).

Таким образом, анализ контекстуального употребления имен футболистов выявил ряд тенденций их функционирования в контекстах постсоветского периода. С одной стороны, это наличие устойчивых коннотаций, которые сохраняются на протяжении всего исследуемого периода. С другой стороны, увеличение семантического объема, т.е. формирование новых коннотативных значений, а также развитие противоположных значений у одного и того же имени (Марadona). Это говорит о том, что один и тот же оним неоднозначно оценивается в разные периоды своего существования, а конкретные коннотативные значения приобретают актуальность в определенный временной промежуток.

Полученные в ходе проведенного исследования результаты стали основой для лексикографического описания исследуемых антропонимов в рамках словаря коннотативных имен (2021), подготовленного и изданного при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00578 «Коннотативные имена собственные как инструмент социальной оценки: динамический аспект (на материале русскоязычных текстов постсоветского периода)».

Список литературы

1. Апресян, Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 156–176.
2. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
3. Говердовский, В.И. Диалектика коннотации и денотации / В.И. Говердовский // Вопросы языкознания. 1985. № 2. – С. 71–79.
4. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. М.: Просвещение, 1983. – 223 с.
5. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания: словарь / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2021. – 225 с.
6. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2020. – 199 с.
8. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.03.2022).
7. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. М.: Наука, 1986. – 141 с.
9. Хвесько, Т.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода в языковом сознании носителей русского языка (экспериментальное исследование) / Т.В. Хвесько, И.В. Крюкова, О.В. Врублевская. // Язык и культура. 2020. № 50. – С. 115–128.
10. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.
11. Leech, G. Semantics. The study of meaning / G. Leech. London: Penguin Books, 1981. – 383 p.

ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Г.Р. Галиуллина

Казанский федеральный университет (Казань, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы орфографии, связанные с варьированием татарских личных имен. Мы выделили два аспекта этой проблемы: варианты внутри языка и причины их возникновения, а также варианты, возникшие при передаче личных имен на русский язык. Несмотря на наличие словарей личных имен, эта проблема остается актуальной и требует комплексного подхода с учетом исторически сложившихся традиций и принятых орфографических правил татарского языка.

Ключевые слова: ономастика, татарские личные имена, орфография, вариативность, татарский язык, транслитерация.

В современном антропонимике татар одной из актуальных проблем является проблема стандартизации и унификации личных имен. Ономотологи часто оставляют без должного внимания этот аспект национального антропонимикона. Истоки данной проблемы восходят к 20-м годам XX века и в настоящее время она еще до конца не решена. В существующих словарях татарских личных имен или представленных списками в словарях-справочниках разных лет имена имеют различные написания, они орфографически неустойчивы. Нужно также отметить, что в татарском языкознании не так много специальных работ, посвященных данной стороне антропонимикона. Среди них заслуживают внимания труды Г.Ф. Саттарова [Саттаров 1989, 1998, 2019], Х.Ф. Исхаковой [Исхакова 2000], Г.Р. Галиуллиной [Галиуллина 2008, 2020]. Также необходимо указать, что имеется «Татарско-русский словарь личных имен и фамилий», вышедший в 2006 году и разработанный как практическое пособие для работников паспортно-визовой службы, загса и различных государственных структур [Татарско-русский... 2006]. В этой работе впервые сделана попытка пересмотра с точки зрения научного написания и унификации антропонимических единиц на основе сложившихся традиций и национальных особенностей.

В третьем томе монографической работы «Татарская лексикология», посвященной татарской ономастике, рассматриваются проблемы орфографии и транслитерации татарских имен и фамилий [Татар лексикология се 2017]. Однако, несмотря на это, проблема орфографирования татарских личных имен продолжает оставаться актуальной.

В рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть отдельные аспекты данного вопроса.

Во-первых, проблемы орфографирования существуют внутри самого татарского языка, связанные с вариативностью антропонимов. В татарском языке исторически сложено варьирование личных имен на фонетическом уровне. В целом, это явление свойственно для собственных имен. На это указывает и известный ономотолог А.В. Суперанская: «Предпосылки варьирования заложены как в самом характере собственных имен (их более слабая, чем у апеллятивов, связь с понятием), так и в возможностях языка (различные способы выражения одних и тех же фактов, явлений, отношений)» [Суперанская 1969: 171].

В татарском антропонимиконе варьирование возникло в связи с особенностями графики. Как известно, основные письменные памятники татарской культуры зафиксированы в арабской письменности. Проникшие в разные периоды арабские и персидские заимствования не всегда соответствуют орфографическим и орфоэпическим нормам татарского языка. Такое несоответствие наиболее ярко выражено в антропонимической системе. Графическое оформление заимствованных антропонимов всегда оставалось без внимания. Заимствованные арабские и персидские слова сохраняли свою первоначальную форму, хотя произносились в соответствии с фонетико-орфоэпическими нормами татарского языка. В результате в языке

появилась большое количество фонетических вариантов заимствованных имен, часть которых до настоящего времени функционируют в языке. Непринятие единой орфографической нормы впоследствии повлияло на дальнейшее развитие антропонимикона.

В начале XX века, когда в язык проникло большое количество русских и западноевропейских заимствований, эта особенность начинает проследиваться уже в данной группе антропонимов. Это, прежде всего, связано с тем, что эти личные имена не имели традиции написания в татарском языке, что привело к увеличению числа фонетических вариантов. К тому же в этот период наблюдается активное имятворчество на базе татарского языка и заимствованных единиц. Отсутствие единых правил написания еще больше усугубили эту проблему. Обзор антропонимикона татар за 2018-2021 гг. показывает функционирование большого количества различных фонетических вариантов и в современном именнике, например, *Арслан//Арыслан, Асад // Асат, Сәет // Сәет, Аскар // Әскәр, Альмира // Әлмирә, Алиса // Әлисә, Алина // Алинә // Әлинә*. Часть из этих вариантов функционирует как самостоятельные имена, например, *Әсхәт // Әсгать, Ренат // Ринат, Флера // Флюра // Флурә, Альмира // Эльмира // Ильмира, Розалия ~ Рузалия, Вилсор ~ Вилсури* др.

Во-вторых, проблемы связаны с передачей на русский язык татарских антропонимов. Изучая антропонимикон в историческом ракурсе, мы наблюдаем широкое распространение данного явления. Имена и фамилии грубо искажались, иногда теряли первоначальную форму и смысл. Это, в первую очередь, наблюдается при передаче татарских специфических букв на русский язык, например, при обзоре исторических памятников обнаруживается большое количество таких искажений: *Булатов Кувабердей, Кузембердеев Болтач, Салтанов Сунчелеи, Сеинов Букай, Сеинчиков Кулуи, Теребердеев Псекеи, Тахтуров Тахтоузя, Урусов Каишеи, Гурманов Утеяз, Девокилдеев Енилеи, Маметов Бегеи, Мерденов Нелгозя, Мусин Изикеи, Санчюрин Текеи, Чурин Челтани* др. [Писцовое... 2006].

Искажения, которые наблюдаются в историческом антропонимиконе, затем транслировались и на именники последующих этапов, тем самым формируя своего рода традиции передачи татарских имен и фамилий на русский язык.

Хотя в 30-е годы XX столетия начался процесс стандартизации в данной области, проблема продолжала оставаться актуальной и нерешенной.

Впервые на базе современного именника был разработан наиболее полный свод орфографических правил и был представлен в работе «Татарско-русский словарь личных имен и фамилий» [Татарско-русский 2006]. Словарь охватывает около 7000 наиболее активных единиц. Учитывая, что в настоящее время в татарском языке насчитывается около 15 тыс. единиц, видно, что данный словарь не охватывает весь огромный состав татарского именника. Нужно также подчеркнуть, что без определенного опыта было сложно унифицировать весь собранный материал и решить все проблемы, возникшие в течение многих веков, изжить практику ошибочной трактовки правописания татарских личных имен [Татарско-русский... 2006: 6]. Тем не менее, эта работа имеет огромное значение для татарского языкознания, служит основой для дальнейшей унификации и стандартизации татарских антропонимов.

Несмотря на наличие специализированного словаря, подробного описания специфики передачи на русский язык татарских личных имен, отчеств и фамилий, мы наблюдаем функционирование различных вариантов написания татарских имен. Рассмотрим некоторые наиболее распространенные случаи варьирования.

Передача татарской буквы *ә* на русский язык, в основном, осуществляется через букву *а*. Однако мы часто наблюдаем передачу специфической татарской буквы также через *е*, тем самым образуя несколько вариантов написания имен, например, *Алиәкбәр – Алиакбар// Алиакбер, Әскәр – Аскар // Аскер, Мөхәммәт – Мухаммет // Мухаммат, Искәндәр – Искандер// Искандар, Гомәр – Гумер // Гумар* и др.

Затруднения вызывает передача буквы *ж*. Исторически сложилось, что она передается тремя способами: буквосочетанием *дж*: *Жәлил – Джалиль, Жәүдәт – Джаудат*; в отдельных случаях передается через букву *з*: *Хажинур – Хазинур, Хужин – Хузин*; в некоторых женских именах,

иногда может передаваться на русский язык и буквой *ж*: *Мөнжия* – *Мунжия*, *Энже* – *Энже*, *Хажирэ* – *Хажира*. Однако четких правил в каких случаях и по каким правилам происходит передача той или иной буквой до настоящего времени не существует. Поэтому в языке продолжается функционирование различных вариантов написания одних и тех же имен, например, *Жаббар* – *Заббар* // *Джаббар*, *Габделнэжип* – *Габдельнаджип* // *Габдельназип*, *Тажетдин* – *Таджетдин* // *Тазетдин*, *Энже* – *Энзе* // *Эндже* // *Энже* и др.

Еще одна проблема связана с передачей татарской буквы *h*, которая преимущественно передается через букву *х*. Однако по разным субъективным причинам в языке распространилась передача также через буквы *г*, хотя объективных причин для такой передачи, кроме нескольких случаев, связанных со звучанием в русском языке, не существует. Тем не менее мы наблюдаем функционирование различных вариантов одного и того же имени в русском написании, например, *Таһир* – *Тагир* // *Тахир*, *Заһир* – *Загир* // *Захир*, *Илһам* – *Ильхам* // *Ильгам*, *Фәһим* – *Фагим* // *Фахим*, *Маһия* – *Магия* // *Махия* и др.

В рамках одной статьи невозможно произвести полный анализ всех существующих проблем в области орфографии татарских антропонимов. Мы попытались обозначить отдельные проблемы, существующие в данной области. В настоящее время ведется работа по составлению полного словаря современных татарских личных имен, отчеств и фамилий с правилами написания на татарском и русском языках.

Список литературы

1. Галиуллина, Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. – 349 с.
2. Гөлшат Галиуллина. Татар гаиләсенә рухи кыйммәтләр: татар исемнәре / Г.Р. Галиуллина. Istanbul: KESIT, 2020. – 158 б.
3. Исхакова, Х.Ф. Сопоставительная грамматика татарских и русских собственных имен / Х.Ф. Исхакова. М.: Наука, 2000. – 109 с.
4. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565-1568 годов: Публикация текста / Казан. гос. ун-т; изд. подг. Д.А. Мустафиной. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2006. – 660 с.
5. Саттаров, Г.Ф. Исемен матур, кемнәр куйган? / Г.Ф. Саттаров. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 256 б.
6. Саттаров, Г.Ф. Татар исемнәре: аңлатмалы сүзлек / Г.Ф. Саттаров. Казан: Татар. кит. нәшр. – 2019. – 551 б.
7. Саттаров, Г.Ф. Татар исемнәре ни сөйлә? Казан: Раннур нәшр., 1998. – 487 б.
8. Суперанская, А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969. – 207 с.
9. Татарско-русский словарь личных имен и фамилий / Татарча-русча кеше исемнәре һәм фамилияләр сүзлеге) / Г.Ф. Саттаров, Р.Г. Ахметьянов, Ф.А. Ганиев, И.А. Абдуллин, Г.С. Сабирзянов, К.Р. Галиуллин, Г.Р. Галиуллина и др. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 480 с.
10. Татар лексикологиясе: өч томда Т. III. 1 кис. / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 536 б.

***

ИСКУССТВЕННЫЕ ФАМИЛИИ ВЕРУЮЩИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ ВОСТОЧНОЙ КУЯВИИ И ДОБРЖИНСКОЙ ЗЕМЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Хенрык Душиньски-Карабаши

Университет Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Аннотация Предметом статьи является немногочисленная группа антропонимов – искусственные фамилии, встречающиеся в метрических книгах православных приходов Восточной

Куявии и Добржиньской земли на рубеже XIX и XX веков. Представлена их ономастическая семантическая и структурная характеристика и особенности.

Ключевые слова: искусственная фамилия, антропонимия, православный приход, Куявия, Добржиньская земля, ономастика.

Настоящая статья посвящена искусственным фамилиям прихожан православных приходов Восточной Куявии и Добржиньской земли на рубеже XIX и XX веков, т. е. в период, когда эти земли в результате разделов Речи Посполитой входили в состав Российской империи. Анализу были подвергнуты антропонимы приходов, находившихся в Александрове Куявском, Влоцлавеке, Липно и Рыпине.

Восточная Куявия и Добржиньская земля представляли собой этническую и религиозную мозаику. Проживало там римско-католическое население, евангелическо-аугсбургское немецкое население, русские – верующие православной церкви, а также евреи [Ziółkowski 2000: 89]. На этих землях православие появилось во второй половине XIX столетия с приездом жандармерии, военнослужащих, пограничников, а также гражданского населения: учителей, чиновников и их семей [Ziółkowski 2000: 93; Dżiki 2014: 58]. Для удовлетворения религиозных потребностей поселенцев строились церкви и организовывались приходы.

Источниками материала были метрические книги, хранящиеся в Государственном архиве в Торуне, отделение во Влоцлавеке: Akta Stanu Cywilnego Parafii Prawosławnej w Aleksandrowie Kujawskim, nr zespołu 17 (lata 1877 – 1912); Akta Stanu Cywilnego Parafii Prawosławnej we Włocławku, nr zespołu 1099 (lata 1906 – 1913); Akta Stanu Cywilnego Parafii Prawosławnej w Rypinie, nr zespołu 819 (lata 1894 – 1913); Akta Stanu Cywilnego Parafii Prawosławnej w Lipnie, nr zespołu 820 (lata 1866 – 1867, 1869 – 1870, 1887, 1894 – 1913).

Анализ 2190 фамилий показал пограничный характер антропонимии исследуемой территории. В фамилиях заметны черты русского, украинского, белорусского, польского и немецкого языков. Подробный семантический и структурный анализ всех антропонимов представлен в монографии [Duszyński-Karabasz, в печати]. Предметом настоящей статьи являются искусственные фамилии верующих православных приходов Восточной Куявии и Добржиньской земли.

Искусственными фамилиями занимался известный ономаст Б.-О. Унбегаун. Ученый выделил несколько таких групп: фамилии православного духовенства, незаконнорожденных детей, псевдонимы, фамилии литературных героев и умышленно измененные фамилии [Унбегаун 1989: 169–199]. Данный тип антропонимов характеризуется неестественным способом возникновения. В отличие от онимов, сформировавшихся в результате исторического процесса трансформации имен отдельных лиц, наследственные фамилии, антропонимы возникли особым путем, искусственно.

Стоит обратить внимание на одну группу этих собственных имен, а именно на искусственные фамилии православного духовенства, называемые в ономастике также духовными или семинарскими [Никитина 2018: 239]. О семинарских фамилиях писали также А.В. Матисон [Матисон 2014], А.В. Суперанская и А.В. Сулова [Суперанская, Сулова 2008] и другие ученые (см. библиографию в статье Матисон 2014). Практика присваивать ученикам духовных училищ такие фамилии началась в конце XVII века и продолжалась около двух столетий [Унбегаун 1989: 169]. Семинарские фамилии могли быть образованы, между прочим, от названий церковных праздников, минералов, растений, животных, могли возникать под влиянием греческого и латинского языков. Фамилии такого типа получали «дети, происшедшие из семей, социальное положение которых не давало право на наследственную фамилию» [Унбегаун 1989: 169]. Могли также даваться ученикам, уже имевшим фамилию, в качестве награды или наказания.

В исследуемом материале искусственные фамилии являются немногочисленной, периферийной группой, поскольку не составляют даже одного процента всех фамилий. Их только 14. Ниже представлены эти фамилии в алфавитном порядке:

1. Благовѣщенская (А) – от названия церковного праздника *Благовещение* [Унбегаун 1989: 172]; суффикс *-sk-* (Буквы обозначают приход: А – Александров-Куявски, L – Липно, R – Рыпин, W – Влоцлавек);

2. Богословскій (А) – от эпитета святого Григория Богослова [Унбегаун 1989: 172]; суффикс *-sk-*;

3. Воскресенскій (А) – от названия церковного праздника *Воскресение* [Унбегаун 1989: 172]; суффикс *-sk-*;

4. Граціанскій (А, R) – фамилия латинского происхождения, < *gratia* ‘любезный’ [Унбегаун 1989: 177]; менее вероятно толкование от личного имени *Gracjan*, ср. польскую фамилию *Gracjan* [Rymut 1999: 263]; суффикс *-sk-*;

5. Добровольскій (А), **Добровольская** (А) – фамилия с церковнославянским элементом, созданная с целью выделить поведение и моральные качества носителя [Унбегаун 1989: 174], хотя возможна другая интерпретация: от названия населенного пункта *Dobra Wola*, или от прозвищная, от выражения *dobra wola*, ср. польскую фамилию *Dobrowolski* [Rymut 1999: 138]; суффикс *-sk-*;

6. Доброхотовъ (А) – искусственная фамилия в церковнославянской форме, возникшая под влиянием латинского языка [Унбегаун 1989: 178], ср. рус. *доброхотъ* ‘доброжелатель’ [Даль 1998, I: 445]; суффикс *-ov-*;

7. Покровскій (А) – фамилия, образованная от названия церковного праздника *Покров* [Унбегаун 1989: 172]; одна из самых популярных в Петербурге 1910 года [Унбегаун 1989: 313]; суффикс *-sk-*;

8. Синайскій (L) – фамилия, основанная на библейской традиции, от названия горы Синай [Унбегаун 1989: 173]; суффикс *-sk-*;

9. Солярскій (W) – искусственная фамилия в латинской форме, образованная от латинского *sol* ‘солнце’ [Унбегаун 1989: 178]; суф. *-sk-*;

10. Срѣтенскій (W) – фамилия, образованная от названия церковного праздника *Сретение* [Унбегаун 1989: 172]; суффикс *-sk-*;

11. Троицкая (А) – фамилия, образованная от названия церковного праздника *Троица* [Унбегаун 1989: 172]; суффикс *-sk-*;

12. Успенскій (А) – фамилия, образованная от названия церковного праздника *Успение* [Унбегаун 1989: 172]; суффикс *-sk-*;

13. Факторовскій (А) – фамилия латинского происхождения, ср. фамилии типа *Гиляровский*, *Целебровский* [Унбегаун 1989: 177]. Унбегаун называет похожие фамилии еврейского происхождения: *Фактор*, *Факторович*, образованные от слова со значением ‘агент’ [Унбегаун 1989: 262]; суффикс *-sk-*;

14. Явленскій (L, R), **Явленская** (L) – возможно, что это искусственная фамилия, от названия церковного праздника *Явление*, *Богоявление* ср. фамилию *Богоявленскій* [Унбегаун 1989: 172]. Менее вероятно, что это отыменная фамилия: от народной формы имени *Явлений* ← *Евгений*, *Явления* ← *Евгения* [Суперанская 2010: 363], или отпрозвищная, ср. рус. *являть*, *явление* [Даль 1998, IV: 671]; суффикс *-sk-*.

В материале зафиксирована также фамилия **Троянь** (А). Б.-О. Унбегаун приводит фамилию *Троянскій*, которую связывает с классической традицией в искусственных фамилиях (город Троя) [Унбегаун 1989: 179]. К. Рымут называет польские фамилии *Trojan* и *Trojański*. Первая из них является отпрозвищной, от слов с числительным *три*, хотя автор не исключает

мотивировки городом *Троя*, вторая считается образованной от названия населенного пункта типа *Trojanowice*, *Trojany*, *Trojanów* [Rymut 2001: 619–620]. Т. Пакшис приводит русскую фамилию *Троянов* и его возможные мотивировки: *троян* ‘тройняшка’, *Trojan* ‘славянский бог’ [Pakszys 1985: 122]; фамилия без формальных показателей.

Как вытекает из проведенного анализа, почти все фамилии образованы с помощью суффикса *-sk-*, лишь одна с помощью суффикса *-ov-*. Высокий процент фамилий на *-sk-* объясняется влиянием украинского языка в русской церкви [Унбегаун 1989: 170]. Из четырнадцати искусственных фамилий семь образовано от названий православных праздников, три – от латинских лексем, две включают церковнославянский элемент (причем одна из них возникла под латинским влиянием), одна образована от эпитета святого, а одна связана с библейской традицией. Все они относятся к семинарским фамилиям.

Несомненно, искусственные фамилии являются интересным лингвистическим феноменом, но на территории Восточной Куявии и Добржиньской земли на рубеже XIX и XX веков этот тип фамилий является крайне редким.

Список литературы

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I / В. И. Даль. М.: Русский язык, 1998 (1880) (репринтное издание). – 812 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том IV / В. И. Даль. М.: Русский язык, 1998 (1882) (репринтное издание). – 688 с.
3. Матисон, А.В. Имена и фамилии православных священно-церковнослужителей и членов их семей в XVIII в. (на примере духовенства Ржева и Осташкова) / А.В. Матисон. // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). – С. 50–62.
4. Никитина, С.В. Фамилии духовенства как лингвистический феномен / С.В. Никитина. // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). – С. 237–243.
5. Суперанская, А.В. Словарь народных форм русских имен / А.В. Суперанская. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 368 с.
6. Суперанская, А.В. О русских фамилиях / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. СПб.: Аваонь, Азбука-классика, 2008. – 288 с.
7. Унбегаун, Б.-О. Русские фамилии, перевод с английского языка / Б.-О. Унбегаун. М.: Просвещение, 1989. – 443 с.
8. Duszyński-Karabasz, H. Antroponimia wiernych parafii prawosławnych na Kujawach wschodnich i w ziemi dobrzyńskiej w II połowie XIX i w początkach XX wieku / H. Duszyński-Karabasz. Bydgoszcz: Wyd-wo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego (в печати).
9. Dzik, T. Wielokulturowość społeczeństwa Kujaw wschodnich i ziemi dobrzyńskiej w XIX w. i w latach II RP elementem dziedzictwa kulturowego i szansą promocji regionu w świecie / T. Dzik // Ochrona dziedzictwa kulturowego na terenie województwa kujawsko-pomorskiego. Doświadczenie, stan obecny, perspektywy. Bydgoszcz: Margrafen, 2014. – С. 56–63.
10. Pakszys, T. Nazwiska rosyjskie XV–XVII w. (na podstawie akt prawnych) / T. Pakszys. Wrocław: Wyd-wo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1985. – 135 с.
11. Rymut, K. Nazwiska Polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. Tom I / K. Rymut. Kraków: Wyd-wo Instytutu Języka Polskiego PAN, 1999. – 505 с.
12. Rymut, K. Nazwiska Polaków. Słownik historyczno-etymologiczny. Tom II / K. Rymut. Kraków: Wyd-wo Naukowe DWN, 2001. – 772 с.
13. Ziółkowski, B. Prawosławie na Kujawach wschodnich i w ziemi dobrzyńskiej w XIX i XX wieku / B. Ziółkowski // Zapiski Kujawsko-Dobrzyńskie. 2000. Tom 14: Wyznania na Kujawach wschodnich i w ziemi dobrzyńskiej. – С. 89–117.

***

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ АНТРОПОНИМОВ И ОБРАЗОВАНИЕ ОТ НИХ ТОПОНИМОВ

Э.М. Исмаилов

Национальная Академия наук Азербайджана, Институт языкознания имени Насими
(Баку, Азербайджан)

Аннотация. В статье рассмотрены азербайджанские антропонимы и дан их этимологический анализ. Рассмотрены процессы трансимизации, а также образования топонимов от личных имён.

Ключевые слова: антропонимы, личные имена; ономастические единицы; топонимы; гидронимы.

В Азербайджане имеются достойные внимания исследования имен собственных академика А. М. Курбанова (Гурбанова), Г. И. Машадиева, Р. Д. Исрафилова, К. Г. Джафарова, А. Танрыверди, Т. Бахшиевой и др. В них рассматривается этимология антропонимов. Ряд личных имён азербайджанцев образованы от апеллятивных названий животных: мужские Бугадж, Бабир, Шахпенг, Асад, Газанфар, Аслан; женские Джейран, Марал, Тураджд, Гёярчин, Кабутар, Тутти и др. Среди женских имён встречаются антропонимы, образованные от названий птиц: Гумру, Кеклик, Тураджд, Дурна, Лачын, Товуз, Туту, Гугуш, Гёярчин и др.

Используются также имена, образованные от названий растений: Бадам, Пюсте, Шамама, Гилас, Нарындр, Хурма, Гаранфил, Ясемен, Бяневша, Лале, Наргиз, Чичек, Гюлшен и пр.

Некоторые имена собственные и псевдонимы восходят к топонимам, в том числе оронимам, гидронимам: Дагыстан, Губа, Тебриз, Гайы, Шекили, Енисей, Араз, Гошгар, Савалан, Кыпаз, Кюр (Аляמיד Кюр), Мамед Араз и др.

Встречается и обратное явление, когда от антропонимов образуются названия населённых пунктов. Нами обнаружены следующие примеры топонимов, образованных от женских имён: 1) село Фатмаи, Абшеронский район; 2) село Хатинли, Товузский район; 3) село Гарамарям Гейчайского района; 4) село Джавахирли, Агдамский район; 5) село Париогуллар, Агдамский район; 6) город Сиазань, Сиязанский район; 7) железнодорожная станция Гарагиз, Саатлинский район; 8) село Хуруушаги, Евлахский район; 9) село Гулойша, Евлахский район; 10) село Парюшаги Агджабединского района; 11) село Туказбанлы Агдамского района; 12) поселок Бибиэйбат, город Баку; 13) село Хатинбейли Агдамского района; 14) село Говхар Евлахского района; 15) поселок Бановша, Агдамский район; 16) село Бахарлы Агдамского района; 17) село Гюльбахарлы Агдамского района; 18) село Бейимлы Агсуинского района; 19) село Гулуогуллар, Бардинский район; 20) село Марджанлы Джебраильского района; 21) село Хырдапай Кюрдамирского района; 22) село Седефли, Гобустан; 23) село Мехрили, Губадлинский район; 24) село Айгюнлу, Шабранский район; 25) село Гизмейдан, Шамахинский район.

Итак, этимология азербайджанских имён достаточно прозрачна. Многие имена восходят к апеллятивам – названия животных, растений. Обнаруживаются также антропонимы оттопонимического происхождения. Личные имена становятся основой топонимов, причём не только мужские, но и женские.

Список литературы

1. Гурбанов А. Азәрбајҹан ономастикасы. Бақы, 1986. – 115 с.
2. Azərbaycan tarixi (Z. Bünyadovun və Y.B. Yusifovun redaksiyası ilə). I c. Bakı, 1994.
3. Budaqov B.Ə. Çay kimi çağlayan ömür. Bakı, 2002.
4. Budaqov B.Ə., Qeybullayev Q.Ə. Ermənistanda Azərbaycan mənşəli toponimlərin izahlı lüğəti. Bakı, 1998.
5. Məşədiyev Q. Nitq hissələrinin semantikasi. (Oçerklər). Bakı: Elm, 1998.
6. Qurbanov A. Azərbaycan onomalogiyasının əsasları. I cild. Bakı: Nurlan, 2004. – 339 s.
7. Qurbanov A. Azərbaycan onomalogiyasının əsasları. I cild (2 cilddə). Bakı, 2019. 280 səh.
8. Qurbanov A. M. Azərbaycan onomalogiyasının əsasları. II cild. Bakı, Nurlan, 2004.

***

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АНГЛИЙСКОГО НЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В.В. Катермина).

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению ономастического пространства неологизмов в англоязычном дискурсе. В статье подчеркивается, что исследование ономастического материала в ментальной парадигме предусматривает рассмотрение круга вопросов, связанных с современным функционированием именованных, их ролью в социальной и психической жизни индивидов. Неологизмы отображают механизмы познания мира, являясь инструментом категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира.

Ключевые слова: ономастическое пространство; английский язык; неология; аксиология; язык; культура.

Имена собственные представляют большой класс слов, присутствующий в каждом языке, имеющих принципиальные черты, отличающие их от имен нарицательных, подразделяющийся на различные подклассы – антропонимы, топонимы, прагматонимы и т.д. Изучение собственных имен имеет долгую историю, на протяжении которой исследователи уделяли внимание как проблемам онтологии имен, так и вопросам их функционирования. Неослабевающий интерес к имени представителей разных областей научного знания обусловлен неразрывной связью имени и Человека, способностью имени замещать в сознании людей отдельных индивидов и различные этапы жизни общества.

На пороге XXI века границы отечественной ономастики стали расширяться благодаря антропоцентрическому повороту в науке. Главной установкой антропоцентризма стал акцент на необходимость активных междисциплинарных. В результате изменения общенаучных приоритетов изучение имен собственных как особой группы слов, предназначенных для выделения объекта из разряда себе подобных, уступило место исследованиям, в которых данные языковые знаки рассматриваются сквозь призму культуры, как концептуальные и информативные сущности. В настоящее время ономастика активно взаимодействует с философией, социологией этнографией, культурологией, психолингвистикой и психологией [Косиченко 2017].

Неология, наука о порождении новых слов и выражений, на данный момент является одним из наиболее перспективных направлений лингвистики. Предмет неологии обладает перманентной актуальностью, так как создание неологизмов происходит постоянно. «Возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы отображают механизмы познания мира, являясь инструментом категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [Катермина, Липириди 2021: 51].

В данной статье нами будут рассмотрены онимы в англоязычном дискурсе на материале электронных словарей неологизмов: Wordspy, Macmillan Dictionary, Urban Dictionary, Cambridge Dictionaries Online Blog.

Подавляющее большинство среди проанализированных единиц занимают антропонимы. Среди них можно выделить номинацию сказочных и литературных персонажей:

Goldilocks (Златовласка) – a girl in a traditional story who wanted things to be exactly a particular way, saying, for example, that one bed was too hard, one too soft, and one just right / *Goldilocks Zone*

noun a region of space in which conditions would permit the existence of life; so called because conditions would be "just right". Goldilocks planet noun a planet with temperatures in the habitable zone for humans, i.e. not too hot and not too cold. Goldilocks star – a type of star that astronomers consider has exactly the right combination of features to support life.

Matilda (Матильда, героиня романа Роальда Даля) – a very precocious 4-year-old with pretty spectacular powers. *Matilda effect – the systematic under-recognition of the contributions of women to science, particularly in favor of their male colleagues.*

Cinderella (Золушка) – a girl in a traditional story who was badly treated by her sisters but who met and married a prince. *Cinderella – a cosmetic surgery procedure to help the feet fit into a particular shoe or shoe style.*

Mary Sue (Мэри Сью, героиня рассказа Паулы Смит) – a type of fictional character, usually a young woman, who is portrayed as unrealistically free of weaknesses. *Mary Sue – in fan fiction, a female character invented by the author who is so perfect as to be annoying*

Frankenstein (Франкенштейн, главное действующее лицо романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей») – something that destroys or harms the person or people who created it. *frankenbee – a bee that has had some of its genes changed scientifically so that it is resistant to dangers such as pesticides and viruses.*

Не менее значительными являются неологизмы с компонентом, называющим политиков: Shinzo Abe – Сіндзо Абэ – японский государственный и политический деятель. *Abenomics – the name given to a suite of measures introduced by Japanese prime minister Shinzo Abe after his December 2012 reelection to the post he last held in 2007. His aim was to revive the sluggish economy with «three arrows»: a massive fiscal stimulus, more aggressive monetary easing from the Bank of Japan, and structural reforms to boost Japan's competitiveness.*

Donald Trump – Дональд Джон Трамп – американский государственный и политический деятель, предприниматель, 45-й президент США с 20 января 2017 года по 20 января 2021 года. *Trumpism – the views and cultural and political statements of Donald Trump. Trumpkin – a pumpkin made to look like Donald Trump. Trumper – a person who is a supporter of politician Donald Trump. Trump bump – a rise in the US stock markets ascribed to the election of Donald Trump as president.*

Bernie Sanders – Бернанд (Берни) Сандерс – американский независимый политик и общественный деятель левого толка, сенатор от штата Вермонт с 2007 года. *Berniesplain – (of Bernie Sanders supporters and staffers) to explain Bernie Sanders's positions to African-American voters in a patronizing way.*

Ed Miliband – Эдвард Сэмюэл Милибэнд – британский политик, занимающий пост теневого госсекретаря по вопросам изменения климата и Чистого нуля с 2021 года. *The Ed Stone – a 2.6 metre stone tablet with Ed Milliband's signature engraved on it, commissioned by Labour in the 2015 General Election, stating Labour's election pledges.*

Достаточно частотны также единицы, в состав которых входит имя спортсмена:

Tim Tebow – Тимоти Ричард «Тим» Тибоу – американский профессиональный игрок в американский футбол, выступавший на позиции тайт-энда, а также бейсболист. *Tebowing – a craze inspired by the American football player Tim Tebow which involves striking the pose of a thinker (as in Rodin's sculpture) in unusual places.*

Wilson Kipsang – Уилсон Кипсанг Кипротич – кенийский легкоатлет, бегун на длинные дистанции, экс-рекордсмен мира в марафоне. *Kipsang number – the maximum distance a person could run at the average pace used by Wilson Kipsang while setting the marathon world record.*

Отдельно стоит выделить неологические единицы с именем собственным, называющим растения (*TomTato noun a plant that produces both potatoes and tomatoes; Som Tom – (also Som Tum) a spicy papaya salad dish of Northeast Thailand*), а также интереснейший пример аббревиатуры, образующий имя собственное: *HENRY – high earner not rich yet; refers to a person with an income between \$100,000 and \$250,000.*

Топонимы также занимают важное место среди ономастического пространства английских неологизмов. К ним можно отнести: названия стран (*Grexit – Greek exit from the Eurozone; Scandipop – pop music from Scandinavia; Celtic tiger – the Irish economy, or Ireland itself, as regarded during the period of rapid economic growth that characterized the 1990s and early 21st century*); названия городов (*Copenhagenization – the process of making a city safer and more accessible for bicyclists and pedestrians; London throat – a mild infection, similar to a cold, said to be common among people who live in London and caused by pollution*); названия штатов (*Calexit – California's exit from the United States of America*); названия особых мест вокруг городов (*Silicon Gorge – a region in the southwest of England, specifically the area around the city of Bristol, where numerous tech companies are located*); названия гор (*Everesting – a sporting challenge where someone cycles (or sometimes runs) up and down the same hill until they have climbed the height of Mount Everest*).

Говоря о новых словах, нельзя не затронуть быстро пополняемый слой лексики, связанный с новыми онлайн-сервисами, видеохостингами, мессенджерами и т.п. Это слова разных частей речи, преимущественно, существительные и глаголы, обозначающие сами сервисы, их пользователей, действия, производимые с их помощью, и сообщения. В центре внимания – имена собственные – названия этих сервисов, платформ, видеохостингов.

Ключевыми словами данной группы являются *Twitter, Google, Facebook*. Наиболее частотным является компонент *Twitter*. Семантика данных единиц разнообразна – они могут обозначать человека (*twitterjacker – someone who poses as someone else in order to Tweet mischievously on their behalf; tweleb – a Twitter celebrity more specifically, someone who has more than 1,000 followers on Twitter; Twitter quitter – a high-profile user of Twitter who closes their account, usually after being trolled*), этикет участников Твиттера (*twittiquette – the etiquette of using Twitter*), встречу пользователей, использующих Твиттер, петицию сообщества (*tweet-up – a meeting of Twitter users; twittion – a Twitter petition*), а также дни между Рождеством и Новым годом (*Twixmas – the days between Christmas Day and New Year's Day*).

Обратной стороной общения в Твиттере могут быть негативные действия, связанные с попытками захвата чужого аккаунта в Твиттере (*twit-rape – to hijack someone's Twitter account and tweet as if you are them*) либо притворства (*twitterjack – to pretend to be someone you are not and Tweet mischievously on their behalf*).

Словообразовательными моделями данной группы выступает блендинг, словосложение и аффиксация. Неологизмы с компонентом *Facebook* номинируют действия, связанные с непосредственной работой в данной соцсети (*Facebooking – the activity of using the social networking website Facebook*), называют людей, использующих данную соцсеть для совершения, планирования или обсуждения преступления (*Facecrook – a criminal who uses Facebook to commit, plan, or talk about a crime*), а также номинации косметической операции для улучшения своего имиджа (*Facebook facelift – facial cosmetic surgery as a result of vanity brought on by seeing too many photos of oneself on social-networking websites*).

Продуктивные модели образования данных неологизмов – словосложение и аффиксация. Неологизмы с компонентом *Google* обозначают человека, чье имя «всплывает», когда Вы гуглите, так как он имеет такое же имя (*Googleganger – someone who shares your name and so crops up when you Google yourself*), либо человек, который гуглит все, чтобы знать обо всем (*Googler – someone who googles always to know about anything*). Оба неологизма образованы при помощи продуктивного суффикса *-er*, обозначающего человека, совершающего действие.

Таким образом, исследование ономастического материала в ментальной парадигме предусматривает рассмотрение круга вопросов, связанных с современным функционированием именований, их ролью в социальной и психической жизни индивидов. В лингвистике обращение к проблеме восприятия продуктов речемыслительной и языкотворческой деятельности связано с развитием когнитивного направления, элементы которого используются в работе: подход к ан-

тропонимам с позиций антропоцентризма предполагает их анализ с целью познания их носителя и того, от кого это имя получено; экспансионизм подразумевает выход в социокультурную сферу онтологии антропонимов; экспланаторность заключается в стремлении объяснить рассматриваемые явления. Лишь имя, рассмотренное в различных аспектах своего бытия, может предстать перед нами во всем своем «многоголосии» в жизни человека. Различные стороны имени в жизни человека как личности социальной, этнической, языковой и т. п. демонстрируют эвристичность каждой из исследовательских парадигм.

Список литературы

1. Катермина, В.В. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография / В.В. Катермина, С.Х. Липириди. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – 230 с.
2. Косиченко, Е.Ф. Лингвосомиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов): автореф. д-ра ... филол. наук / Е.Ф. Косиченко. М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2017. – 48 с.
3. Cambridge Dictionaries Online [электронный ресурс] // URL: <http://www.dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 25.03. 2022).
4. Macmillan Dictionary [электронный ресурс] // URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 25.03. 2022).
5. Urban Dictionary [электронный ресурс] // URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 25.03.2022).
6. Wordspy [электронный ресурс] // URL: <http://www.wordspy.com/> (дата обращения: 25.03.2022).

***

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОКСКО-ВОЛЖСКО-СУРСКОЙ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОНИМИИ

Л.А. Климкова

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются проявления системности единиц неофициальной антропонимии, в частности прозвищной номинации, в русском региональном диалектонимическом пространстве (в говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья): вариативность, полионимия, тезоименность. Анализируется деривационная, мотивационная, ассоциативная база создания прозвищных парадигм.

Ключевые слова: системность, парадигма, прозвище, вариативность, полионимия, тезоименность, деривация, мотивация, ассоциативность.

Актуализация во второй половине XX века, особенно в последней четверти и в конце его, идей когнитивизма, антропоцентризма, восходящих, по большому счету, к традициям в отечественном языкознании в решении проблем соотношения языка и мышления, языка и общества, языка и речи, статики и динамики, а также других, привела к парадигмальности отечественной лингвистики. Основу же, фундамент ее составляют такие традиционные устои, как структурно-системная, а точнее – структурно-системно-семантическая организация, и историзм. Именно на них и зиждутся актуализованные идеи когнитивизма и антропоцентризма с их принципиальными установками, в числе которых экспансионизм, функционализм (неофункционализм), экспланаторность, прагматика и другие [ср.: Кубрякова 1995: 207].

Системность пронизывает все компоненты, разновидности, уровни, сегменты языка, все его единицы. В числе этих уровней, конечно же, лексика со всеми ее составляющими компонента-

ми, в частности такими, как онимия, конкретнее антропонимия и еще конкретнее – неофициальная антропонимия, или диалектонимия (ср. термин Н.К. Фролова *диалектоним*, которым мы уже оперировали). Неофициальная антропонимия представлена в диалектных микросистемах такими единицами, как прозвища (лично-индивидуальные, коллективные – семейные, групповые), уличные фамилии, модификаты личных имен (персонимов), отчеств, сочетания прозвищ с фамилиями, персонимами, отчествами, а также другие. При этом системность проявляется, действует как внутри диалектонимического пространства во всех его компонентах, так и вне его – с выходом единиц в общее антропонимическое, шире – в онимическое, апеллятивное, как части регионального и этнического пространств, региональной и этнической картины мира.

Сосредоточимся здесь на диалектонимическом пространстве, именно на прозвищах, причем индивидуальных, в диалектных микросистемах, в говорах Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья (Правобережья Нижегородской области). Специфика этого онимического компонента на синхронном срезе языка неоднократно обсуждалась [см., в частности: Суперанская 2003-2004: 485-498; 2004: 43-50; ср. о нем в названном регионе: Климкова 2015а: 110-119; 2015б: 89-90; а также др.]. Своеобразие отличает и проявление системности в прозвищной номинации. Системность единиц в ней выражается в таких феноменах, как вариативность, полионимия, тезоименность (одноименность, параллелизм), мотивированность, ассоциативность, деривация (ассоциативно-деривационные отношения, связи).

Вариативность (аллонимия) в названном пространстве представляет собой явление сосуществования в каждом отдельном случае однокорневых разновидностей прозвищной номинанты того или иного лица, причем разновидностей разного характера:

- фонематических: *Бабéй. Бабéн* (По фамилии помещика *Бабенского*. Казаково Арз. [см. ниже примечание]), *Хвал. Квал* (Много хвалится. Новое Иванцево Шатк.), *Коёда. Коёдя; Бурати́на. Бурлати́на* (Красный Бор Шатк.), *Шакáлик. Шкáлик* (Малый Макателём Перв.), *Шу́рик. У́рик* (Угольное Нав.), *Тарза́н. Тараза́н* (Никольское Арз.), *Димодáн. Чемодан* (Трудовое Див.) и др.;

- акцентных: *Борзо́й. Бо́рзый* (Чуфарово Серг.);

- морфологических: *Варя́г. Варяга* (Большие Поляны Б.-Болд.), *Усаты́й. Усы́* (Княжиха Пильн.), *Козыи Ноги. Козья Нога* (Туртапки Ард.) и др.;

- структурных, морфемных: *Филиле́й. Фы́лька* (Суворово Див.), *Ша́рик. Шаро́к* (Малый Макателём Перв.), *Царь. Царёк* (Красный Бор Шатк.), *Хохлу́шка. Хохолка* (Из хохлов она. Суморьево Воз.), *Чапо́к. Чапо́шник* (Мотовило Арз.), *Шаху́нька. Шаху́нья* (Из села Шахова она. Верякуши Див.), *Тоненькин. Тоненький* (Ветошкино Арз.), *Турта́пка. Турта́пская* (Ключищи Шатк.) и др.

Широко представлена, активна в названном диалектонимическом пространстве полионимия (многоименность). Типичны здесь полионимные пары. Каждая пара прозвищ называет одно лицо. Они могут быть представлены единицами, ассоциативно сближенными:

- на основе принадлежности базы (базовых лексем) к одной тематической, лексико-семантической группе: *Карась. Ротан* (Беговатово Арз.), *Ёриш. Пескарь* (Саблуково Спас.), *Ка́рбыш. Хомяк* (Юморга Пильн.), *Вертолёт. Самолёт* (Малый Макателём Перв.), *Бахила. Башмак* (Лопатино Лук.), *Зина Зубастая. Зина Клыкастая* (Тубанаевка Спас.), *Древесина. Пакля* (Трудовое Див.) и др.;

- по тому или иному признаку (внешнему, внутреннему, звуковому и др.): *Колобок. Кру́глый* (Хватовка Арз.), *Воробей. Крылатый* (Танайково Перев.), *Балашо́нок-Лягушонок. Зелёный* (Натальино Нав.), *Грач. Кыркы́р* (Яново Серг.), *Безья́н. Бес* (*Кривля́тся он, изгаля́тся, беси́тся*. Селякино Арз.) и др.;

- по тому или иному источнику: *Винни-Пух. Пятачок* (Большое Туманово Арз.), *Кот Бази́лио. Кот Васька* (Курмыш Пильн.), *Малéй. Бармалей* (Курмыш Пильн.), *Сибиряк. Кузнец Вакула* (Чуфарово Серг.), *Бубуля. Тыбури́й* (Большое Туманово Арз.) и др.;

- по коннотации: *Дьявол. Холера* (Ковакса Арз.), *Грибан. Пога́ный* (Мерлино Арз.) и др.;

- по языковому признаку: *Акъял. Белобрыса*. Дано за светлые волосы, брови, ресницы. Эт по-татарски вроде. Она и Белобрыса (Ендовищи Кр.-Окт.), *Жук. Инскарабэ*. У него фамилия Жучков, его Жуком прозвали, а по-французски Инскарабэ. А по-нашему Жук (Ключищи Шатк.). *Цыплёнок. Тюкү*. Маленькой он, цуплай, как цыплёнок. Вот и Цыплёнок, а по-мордовски цыплёнок – тюкү. Вот он и Тюкү (Кисленка Пильн.), *Бадэ. Бондарчүк*. Купался он, а Колян ему говорит по-немецки: «Бадэ». Вот и зовём, в потом уж и Бондарчук стали звать от этого (Трудовое Див.) и др.

В полионимные прозвищные пары объединяются единицы как результат разной мотивации, имеющие разные мотиванты. Например: *Éто. Ковылёк*. Это Иван Иванович. Он так говорит: «это» да «ето». Сё: «Оксятк, это ты што? Заболела?». Ёво и Ковылёк зовут. Вроде идёт как-то ковылят (Селякино Арз.), *Зайка. Электроник*. Серёжка всё время мигает глазами, потому и назвали Электроником, ещё зовут Зайкой: заикатся вроде как-то (Большое Туманово Арз.), *Балда. Труба*. Он дурак набитый, вот и Балда. Ещё он и Труба: у него шея уж больно здарова, как труба (Салганы Кр.-Окт.), *Жупёчиха. Тамониха*. Жупёчиха – у ей Жупиков дядя по мужу. Она Тамонова, её и Тамониха зовут по мужу (Саконь Ард.), *Тырбыриха. Трындычиха*. Она больно быстро говорит. Вот и Тырбыриха: вроде как тыр-быр, тыр-быр. А после просмотра фильма «Свадьба в Малиновке» молодое поколение зовёт её Трындычихой (Смирново Шатк.) и др.

Двучленные прозвищные ряды возникают и на базе деривационных процессов, на базе действия различных способов образования вторичных единиц, прежде всего – морфологического, в основном суффиксации (при этом создаются и отношения, близкие к структурно-словообразовательной вариативности), например: *Глина. Глинка* (Лопатино Лук.), *Ето́к. Ето́чек* (Аламасово Воз.), *Вода́. Водя́нка* (Малая Мажарка Кр.-Окт.), *Гуса́к. Гусь*. (Ветошкино Арз.), *Де́ка. Декáнь* (Великий Враг Шатк), *Еса́й. Еса́юшка; Кельша́. Кельша́стик; Кот. Котик* (Берешино Перв.), *Ёрка. Ёрыка* (Кирилловка Спас.), *За́яц. За́йка* (Салганы Кр.-Окт.), *Ерофе́ич. Фе́ич* (Никольское Арз.), *Ком. Ко́мик* (Кичанзино Арз.), *Копёр. Копрёнок* (Гари Вад.), *Сорока. Сорóня* (Малое Окулово Нав.), *Бёлка. Беля́нка* (Она бёленька вся. Княжиха Пильн.), *Ком. Ко́мышек; Ва́ва. Ва́вынька* (Красный Бор Шатк.), *Ко́ка. Коку́нька* (Ковалево Перев.), *Бы́ня. Бы́нька* (Стрелка Вад.), *Бульда́. Бульдү́шка* (Григорово Б.-Мур.) и др.

Возможно усечение основы по аббревиатурному типу, подобие аферезы: *Ерофе́ич. Феич* (Никольское Арз.), то же с суффиксацией: *Джамáл. Жамалёнок* (Дубенское Вад.).

Действует в этом прозвищном сегменте и синтагматический способ, соположение, образование составных единиц на базе аппозитивных, атрибутивных отношений. Таковы, например: *Груда. Ба́ба Гру́да* (Прозывают её так потому, што она очень то́лста, как груда. Её зовут Гру́ня, а прозывают Груда, Баба Гру́да. Михалёво Вач.), *Заты́чка. Толька Заты́чка* (Большое Туманово Арз.), *Бирби́р. Бирби́р Васька* (Юморга Пильн.), *Баи́мак. Баи́мак Синицын* (Красное Арз.), *Кулажóнок. Ванька Кулажóнок* (Ичалки Перев.), *Га́ма. Мишенька Га́ма* (Беговатово Арз.), *Вале́т. Володька Валет* (Хватовка Арз.), *Жи́рный. Жи́рный То́ля* (Выползово Ард.) и др.

Напротив, составное прозвище может подвергаться упрощению, эллиптизации: *Вовка-Морковка. Морковка* (Маресево Поч.), *Вася Кот. Кот* (Курмыш Пильн.), *Васька Капитан. Капитан* (Никулино Лук). Надо сказать, что в этих и подобных случаях направление деривации предстает по-разному в разных микросистемах: от однокомпонентного к двухкомпонентному как результату соположения или от двухкомпонентного к эллиптированному, однокомпонентному. Имеет место своеобразная субституция, замещение компонента составного прозвища и появление вторичной прозвищной номинанты: *Сарафа́нное Радио. Граммофо́нное Радио* (Красный Бор Шатк.).

Соположение единиц в номинативном ряду может создаваться на базе ассоциаций – звуковых, структурных, семантических, культурологических: *Баран. Саи́шка-Бараи́шка; Воробей. Сергей-Воробей* (Саблуково Спас.), *Карто́шка. Тро́шина-Карто́шина* (Ждановка Кр.-Окт.), *Благáшка. Маи́шка-Благáшка* (Орет благим матом. Абрамово Арз.), *Гогү́ра. Нюронька-Гогү́ронька* (Ковакса Арз.), *Зуда́. Зүду́шка-Дүню́шка* (Кирилловка Арз.), *Качáлкин. Качéли* (Лопатино Вад.),

Анка Пулемётчица. Пулемётчица (Она больно быстро говорит, вот и прозвали с детства: сначала Анка Пулеметчица, а потом уж просто Пулемётчица (Селёма Арз.). См. также выше приведенные ассоциативно сближенные единицы: *Малéй. Бармалéй* (Курмыш Пильн.), *Бубу́ля. Тыбу́рций* (Большое Туманово Арз.) и др.

В прозвищном секторе богато представлены многочленные полионимные ряды, совмещающие в себе разные основания объединения, сближения в каждом отдельном случае номинаций одного лица: различные способы деривации, различные ассоциации, в том числе фоновые, разная мотивационная база, событийные, ситуативные предпосылки возникновения прозвища. Таковы: *Кабан. Кабанóк. Каба́нушка* (Ветошкино Арз.), *Женя Киса. Киса. Киска* (Казаково Вач.), *Гриба́н. Грибе́ц. Грибо́к* (Красный Бор Шатк.), *Ка́ныч* (У него мать Капа). *Гапыч. Капыч-Гапыч. Гапон* (Саблуково Спас.), *Верка Коза. Коза. Верка Козлюшка. Козлюшка* (Селякино Арз.), *Карлик. Карлу́ша. Карлу́шка* (Малый Макателём Перв.), *Колька Мо́нец. Мо́нец. Моно́ня* (Кошелиха Перв.), *Сын. Сынáй. Сынок* (Лопатино Лук.), *Ле́ба. Ле́бка. Лебедь. Лебедя́й* (Первомайск), *Ба́тин. Ваня Ба́тин. Ба́тин Сынок* (Ключищи Шатк.), *Белка. Галка. Белка-Галка* (Дубенское Вад), *Геноцид. Генрих. Горох* (Это всё Геннадий Васильевич. Можаров-Майдан Пильн.), *Головастый. Лобáн. Поддубный* (Он цупленькай, а прозвали вроде как наоборот, будто силач. Абрамово Арз.), *Дедушка Кокó. Дедушка Яйцо. Яйцо* (Ковакса Арз.), *Генерал. Генералов. Генеральчик. Депутат; Грильчик. Сова. Филин. Фил. Чипа* (Берешино Перв.) и мн. др.

Очень ярким явлением в нашей, окско-волжско-сурьской, региональной языковой картине мира, в сегменте прозвищной номинации, предстает тезоименность (одноименность), или параллелизм. При этом тезоименные комплексы (парадигмы) в зафиксированном нами материале насчитывают от двух единиц до десятка и нескольких десятков их. Таковы, например: *Амур, Чичер, Шалаиш* – по 2 единицы; *Антошка, Черчиль* – по 3; *Антенна* – 4; *Арбуз* – 5; *Тарапунька* – 6; *Гудок* – 8; *Кисель* – 9; *Баи́мак, Борман* – по 11 единиц; *Бе́ляк, Гитлер, Тарзан* – по 12; *Додон, Гвоздь, Клоп, Комиссар* – по 14; *Гоголь* – 15; *Барин, Батя* – по 16; *Волк* – 17; *Гагарин* – 18; *Костыль, Золотой* – по 19; *Грач, Казак* – по 20; *Камбала* – 21; *Барыня, Борода, Буржуй, Воробей* – по 22; *Хорёк* – 23; *Колчак* – 24; *Балда, Бес, Кабан, Кузя* – по 25; *Батон, Косой, Кот* – по 26; *Карась* – 29; *Козёл* – 33; *Белый* – 35; *Рыжий, Сорока* – по 36; *Петух* – 39; *Гусь, Заяц, Коза* – по 40; *Баран, Лиса* – по 44 и т.д.

При этом в тезоименных парадигмах единицы-параллели, функционируя в разных диалектных микросистемах, могут совершенно не отличаться по своим признакам или отличаются по одному и даже не по одному признаку из характерных для прозвищ, в числе которых: гендерно-возрастные показатели, коннотация, мотивационные отношения и мотивант(ы), деривация и словообразовательные связи. Если иметь в виду два первых признака из перечисленных, то они предполагают такие характеристики объектов прозывания: мужчина – женщина, юноша – девушка, мальчик – девочка; небыдное – быдное, в том числе с конкретизацией: одобрительное, уважительное, ласкательное и т.д. – неодобрительное, насмешливое, ироническое, презрительное и т.д. Так, номинанта *Лиса* функционирует как прозвище женщины быдное в 16 микросистемах, презрительное – в 1, ироническое – в 1, небыдное – в 6; прозвище девочки быдное – в 3; прозвище девушки быдное – 1; прозвище мужчины быдное – 8, неодобрительное – 2, шутовское – 1, небыдное – 2; прозвище мальчика быдное – 1, небыдное – 2.

В качестве одной из многочисленных иллюстраций различения мотивационной базы единиц-параллелей может послужить, в частности, тезоименная парадигма *Гусь*. Мотивационные признаки здесь: детали внешности – *Гусь, потому что шея длинна, как у гуся* (11 параллелей), *нос как у гуся* (2), *рост – длинной как гусь* (3), *походка – ходит важно, не торопясь* (3), *характер, поведение – вредной, зазнаистой; хитрай; любопытной* (4), *особенности речи – шипит, ворчит, говорит «теги-теги», как гусей приманиват* (3), *по привычке, пристрастию – плавать любит, из воды не вылезат, как гусь* (1), *по предмету одежды, обуви – красны сапаги у него у адново были, как у гуся лапы, хвалился ими* (1), *по прозвищу отца* (1), *по фамилии – Гусев* (8), *Гусаров* (1), *Гузиков* (1), *Лебедев – он так-ту Лебедев, а его понарошке зовём Гусь* (1).

В деривационный аспект рассмотрения входит задействованность способов образования. В приведённой парадигме *Гусь* большинство параллелей создано лексико-семантическим способом, онимизацией, путём перехода апеллятива в оним: *Гусь←гусь*, кроме того, усечением по аббревиатурному типу (апокопа): *Гусь←Гусев*, одновременно с фонемным замещением: *Гусь←Гусаров*, *Гусь←Гузиков*, с лексико-семантическим сближением-заменой: *Гусь←Лебедь←Лебедев*.

Однако деривационные процессы в неофициальной антропонимии, в частности в её прозвищной зоне, требуют специального, детального рассмотрения, в том числе в сопоставлении [ср.: Климкова 2008: 224-238].

Таким образом, задействованный нами эмпирический материал только одного компонента региональной неофициальной антропонимии – индивидуальные прозвища – свидетельствует о богатых, разнообразных глубинных системных связях единиц. Активно проявляются они и вне этого компонента, с выходом в общее региональное и этническое языковое пространство, что может составить предмет особого разговора.

Примечание

Сокращенные и полные названия районов Нижегородского Правобережья: Ард. – Ардатовский, Арз. – Арзамасский, Б.-Болд. – Большеболдинский, Б.-Мур. – Большемурашкинский, Вад. – Вадский, Вач. – Вачский, Воз. – Вознесенский, Див. – Дивеевский, Кр.-Окт. – Краснооктябрьский, Лук. – Лукояновский, Нав. – Навашинский, Перв. – Первомайский, Перев. – Перевозский, Пильн. – Пильнинский, Серг. – Сергачский, Спас. – Спасский, Шатк. – Шатковский.

Список литературы

1. Климкова, Л.А. Прозвищная номинация в русской языковой картине мира: общий взгляд / Л.А. Климкова // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней: сб. научных статей по матер. VIII междунар. научно-практ. конф. / сост. и науч. ред. И.А. Сотовой (отв. ред.) и др. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015а. – С. 110–119.
2. Климкова, Л.А. Параметры диалектного микроантропонимического словаря / Л.А. Климкова // Современные проблемы лексикографии: матер. конф. / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2015б. – С. 89–90.
3. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ: монография / Л.А. Климкова. Арзамас: АГПИ 2008. – 261 с.
4. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.
5. Суперанская, А.В. Современные русские прозвища / А.В. Суперанская // *Folia onomastica croatica*. 12-13 (2003–2004). – С. 485–498.
6. Суперанская, А.В. Современные русские прозвища / А.В. Суперанская // Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Серия Филологическая. Алматы, 2004. № 6(78). – С. 43–50.

***

Антропонимы в региональной прессе периода Великой Отечественной войны

Н.А. Красовская

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (Тула, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена языку региональной прессы периода Великой Отечественной войны. В частности автор останавливается на общих чертах стилистики газеты того времени. Особое внимание уделяется представлению на страницах региональной газеты антропонимов, их способам подачи в опубликованных материалах, структуре. Автором выявлены некоторые идеологические тенденции, которые прослеживаются в использовании антропонимов в региональной пьесе.*

Ключевые слова: *газета, Великая Отечественная война, антропонимы, тематическая группа лексики.*

В наши дни обращение к материалам, которые содержат те или иные сведения периода Великой Отечественной войны, чрезвычайно важно. С одной стороны, сохранение памяти о тяжелых военных годах – это необходимость, которая способствует формированию здорового нравственного начала у подрастающего поколения. Изучение всего того, что связано с тяжелым военным лихолетьем, – это изучение нашей истории, как истории социума в целом, так и истории отдельной семьи, отдельного человека. С другой стороны, обращение к материалам периода Великой Отечественной войны помогает лучше понять события настоящего, выявить определенные закономерности, понять логику многих происходящих событий.

Предметом нашего рассмотрения стали материалы региональных газетных публикаций периода Великой Отечественной войны. Обращение к изучению информации, публикуемой в газете, интересно по целому ряду причин. Например, многие исторические документы, важные события предстают в более ярком свете, когда знакомишься с ними на страницах газет. Помимо возможности изучать исторические сведения, газета дает бесценный материал для системного и последовательного обращения к фактам языка.

Исследователи неоднократно обращались к рассмотрению стилистических, жанровых особенностей газет. Так, можно назвать работы Р.П. Овсепяна, Д.Э. Розенталя, Г.Я. Солганика, Л.М. Салимовой, В.В. Фёдорова и мн.др. [Розенталь 1987; Солганик 2007; Овсепян 1999; Салимова 2010; Фёдоров 2007]. Предметом рассмотрения неоднократно становились и материалы военных газет, военной журналистики в целом.

Роль газеты в период Великой Отечественной войны трудно переоценить, газета была самым массовым источником информации. Она была призвана поднять боевой дух армии и гражданского населения, сформировать отрицательный образ врага и, наоборот, высоко-патриотичный образ красноармейца, защитника, освободителя. Газета, действительно, была рупором эпохи, рупором страшных лет.

Мы обращаемся к фактам языкового, жанрово-стилистического своеобразия региональной прессы в силу того, что язык газет отдельного региона практически не изучен. Можно, например, указать на публикации, связанные с авторскими подписями (см.: [Красовская 2021]).

Языковые особенности газет, издававшихся в период Великой Отечественной войны на территории Тульской области, не подвергались системному рассмотрению. Именно поэтому газетные материалы периода Великой Отечественной войны представляются весьма интересными.

Мы обращаемся к публикациям одной из районных газет. Этот район был нами выбран на основании нашего регионоведческого интереса: данная территория находится на юго-западе Тульской области, имеет интересную историю своего формирования и богатую военную историю. Мы обратились к публикациям газеты «Белевская правда», которая по сей день выходит в городе Белёве и относится к региональной прессе этого района.

Названная газета, конечно, содержит ряд языковых особенностей, к которым можно причислить и особенности газетного языка в целом, и некоторые черты, которые следует считать региональными, а также достаточно яркие признаки газетного языка военного времени.

Так, например, мы можем говорить о преобладании общественно-политической лексики в региональной газете, что, безусловно, сближает ее с языком центральных газет. Помимо этого, мы обратили внимание на то, что достаточно ярким средством, к которому прибегают журналисты и корреспонденты той поры, является использование оценочной лексики, лексики в переносном значении. Мы уже писали о том, что оценочную лексику можно разделить на ту, которая содержит оценку в самой своей семантике, и на ту, которая приобретает оценочную семантику в ходе переносного употребления слова. Например, к лексическим единицам

с оценочной семантикой можно отнести: *фашистские изверги, озверелая банда, молниеносный удар, кровожадные фашисты* и др.

Обратили мы внимание и на особенности, связанные с тематическими группами. В частности подчеркнем, что Белевский район в целом относится к аграрным районам Тульской области, поэтому нужно сказать, что довольно частотными в языке прессы указанного региона являются лексические единицы, относящиеся к тематической группе «Сельскохозяйственная лексика». Так, например, мы встречаемся с материалами, в которых используется такая лексика, как *урожай, колхозные поля, уборка, зерно, кормовая база, животноводство* и др.

В языке газет имеют отличительные особенности не только апеллятивы, но и лексические единицы, относящиеся к ономастическим. В частности, мы уже отмечали некоторое своеобразие в употреблении антропонимов, например, писали о том, что довольно интересно представлена на страницах газет система авторских подписей. Так, нами отмечалось, что очень часто подписи не имеют инициалов, не имеют указания на профессию или занимаемую должность. Может быть и наоборот: подпись представляет собой только указание на занимаемую должность или имеющуюся профессию, но не содержит указания на фамилию, имя, отчество пишущего.

В рамках данного исследования мы обращаемся к системе антропонимов, представленных на страницах газеты «Белёвская правда». Так, мы отметили, что все антропонимы в газетных материалах можно разделить на условные группы: те, которые называют пишущих, и те, которые именуют героев событий. К группе тех, кто пишет, мы условно отнесли и имена деятелей партии и правительства, если публиковались доклады или отрывки из докладов, ими произнесенных, а к группе антропонимов, называющих тех, о ком пишут, мы отнесли также подписи к фотографиям, если они содержат имена и рассказывают об участниках, представленных на фото.

Обратимся к антропонимам, которые называют тех, о ком пишут. Безусловно, если мы говорим о материалах периода Великой Отечественной войны, то, начиная с 23 июня 1941 года, на страницах региональных газет активно появляются имена деятелей партии и правительства, которые имели непосредственное отношение к организации жизни страны в этот период. Так, в номере за 23 июня 1941 года мы неоднократно встречаем фамилии *Сталина, Молотова (...вокруг нашего великого вождя товарища Сталина..., С сообщением о выступлении по радио Заместителя Председателя Совнаркома и Народного Комиссара Иностранных Дел т. Молотова...)*, помимо этого, встречаются имена, называющие политических деятелей других государств, например, *Шуленберг (Уже после совершившегося нападения германский посол в Молске Шуленберг...)*. В рассматриваемом первом военном номере также встречаются фамилии людей (видимо, это реальные фамилии, не вымышленные!), которые участвовали в митингах и собраниях, призванных поддержать Красную Армию и заклеить вероломное нападение фашистской Германии. Например, встречаются следующие имена: *Соловьев (...выступил т. Соловьев...)*, *Афолина (Стахановка завода т. Афолина, выступая на митинге, сказала...)*, *Мартынов (Собравшиеся заслушали сообщение т. Мартынова...)*. Можно назвать и имена военных, которые были изображены на фотографии: *А.Е. Остаев, И.П. Семин, М.Г. Валеев, В.Н. Терехин (Капитан Герой Советского Союза А.Е. Остаев (Н-ская часть Московского военного округа) консультирует летчиков лейтенантов (слева направо) И.П. Семин, М.Г. Валеев и старшину В.Н. Терехина)*.

Если обратиться к группе имен, которая указывает на авторов сообщений, статей или заметок, то среди них мы обнаружим фамилии *Молотова (Выступление ...товарища Вячеслава Михайловича Молотова...)*, *Калинина, Горкина (Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин.)*. Среди авторских подписей мы находим подписи такого типа: *Селина, секретарь парт организации суизавода; Н. Башилов; фото Н. Чамова*.

По материалам первого военного номера региональной газеты можно сделать некоторые промежуточные наблюдения, которые связаны с тем, что на страницах газеты активно употребляются фамилии политических лидеров и деятелей партии и правительства, а также фамилии жителей региона, которые участвуют в мероприятиях, анализируемых на страницах газеты, подобная ситуация наблюдается и с авторскими подписями. Помимо этого, обратим внимание на то, что фамилии политических лидеров чаще всего используются без инициалов, но перед фамилией используется слово *товарищ* в полной форме (*Да здравствует великий товарищ Сталин! Да здравствует товарищ Сталин! ...и его глава товарищ Сталин...*), перед фамилией *Молотова* используется сокращение до одной буквы *т.* или до *тов.* (*...т. Молотова..., тов. Молотова...*), но также встречаются случаи, когда перед словом *Сталин* используется согласованное определение (*По призыву великого Сталина...*). Перед фамилиями жителей региона, о которых идет речь, строго используется буква *т.*, что обозначает сокращенное слово *товарищ*. Среди авторских подписей нами не было обнаружено системности, т.к. полностью даны инициалы и фамилии только у государственных деятелей, а также обозначены их должности. А у жителей региона, которые являются авторами заметок, указаны фамилии и в одном случае должность, в другом случае первая буква имени.

Для сравнения полученных данных обратимся к номеру от 23 июля 1941 года, то есть к тому номеру, который вышел через месяц после начала войны. С одной стороны, ситуация на фронтах была тяжелая, с другой стороны, можно говорить о том, что прошел самый страшный шок первых дней войны. Итак, среди антропонимов, которые мы встречаем в текстах заметок, статей, сообщений, наблюдаются следующие тенденции. В качестве антропонимов, называющих людей, о которых идет речь, используются антропонимы, именующие руководителей партии и правительства, сотрудников дипмиссий и др.: *Майский (...подписал Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании тов. Майский...)*, *Ян Массарик (... министр иностранных дел Ян Массарик...)*, *Сталин (Мы будем под руководством товарища Сталина защищать родную землю до последней капли крови.)*. На страницах «Белевской правды» по-прежнему появляется большое количество имен собственных, называющих колхозников, колхозниц, рабочих и представителей других категорий мирных граждан, среди них: *Евтухов (Поездной вагонный мастер тов. Евтухов сопровождал срочный поезд...)*, *Усов (Бригада навалотбойщиков тов. Усова...)*, *Савчинская (Колхозница сельскохозяйственной артели «Черноморская коммуна» Одесской области тов. Савчинская сказала на митинге...)*, *Степуленко (Кохозница Анна Степуленко, выразив свою радость ...)*, *Богораз, Орлов, Эмдин, Сытович* и др. (*Заслуженные деятели науки профессора Богораз, Орлов, Эмдин, Сытович, профессора Гржебин, Гутников, Криницкий, Яцута, Лавров, доцент Португалов пишут...*) и мн. др.

Интересно подчеркнуть, что в данном номере появляются антропонимы, которые именуют представителей армии и флота, то есть такого типа имен становится гораздо больше, чем в первом военном номере и чем в довоенных номерах. Так, встречаются следующие имена: *Неринг (...приказ командира 18 танковой дивизии генерал-майора Неринга...)*, *Космачев (Береговая батарея старшего лейтенанта Космачева обнаружила вражеский транспорт и открыла артиллерийский огонь...)*, *Николай Воронов (В рукопашной схватке у деревни М. политрук Николай Воронов был ранен в ногу...)*, *Гаврилов (Заметив, что на младшего сержанта Гаврилова насаждают три фашиста...)*, *Прокудин (В уличных боях за город Н. фашисты ранили командира Прокудина.)* и т.д.

Обратимся к антропонимам, которые называют лиц, являющихся авторами статей, заметок, фотоматериалов и т.д. Среди антропонимов такого типа нами были отмечены опять имена политиков, деятелей партии и правительства: *Майский, Ян Массарик (Чрезвычайный и Полномочный Посол Союза Советских Социалистических Республик в Великобритании Майский. Министр иностранных дел Чехословацкой Республики Ян Массарик.)*. Нами также наблюдаются имена, которые называют рядовых граждан, являющихся авторами публикуемых материалов,

среди них определены: *Васин, Н. Петров, И. Апрельев*. Надо подчеркнуть, что при антропониме *Васин* имеется указание на занимаемую должность – *старший зоотехник Райзо*, а при двух других авторских подписях присутствует только первая буква имени. В материалах анализируемого номера среди авторских подписей появляются и подписи, при которых есть указание на воинское звание или должность: *лейтенант-орденоносец Г.Г. Макаров, курсанты Н-ского пехотного училища: И.П. Плясов, Г.Т. Каплин, А.С. Баринов*.

Таким образом, мы отмечаем, что общие тенденции использования антропонимов в номере конца июля 1941 года в газете «Белёвская правда» сохраняются. Мы так же, как и в первом военном номере, наблюдаем несистемное использование при фамилии имен, указаний на должность и профессию, регулярное использование в различных вариантах (в том числе сокращенном) слова *товарищ*.

Однако следует отметить, что в номере от 23 июля 1941 года имеется заметка о требованиях к соблюдению правил МПВО, в которой сообщается о нарушителях, не соблюдающих эти требования. Нам встречаются, например, фамилии *Логвинов* (*За грубое нарушение правил противоздушной обороны директор нефтебазы Логвинов оштрафован...*), *Дворянчиков, Поценкина* (...*экспедиторы хлебопекарен артели «Пищевкус» Дворянчиков и Поценкина оштрафованы...*), *Коноплина, Алешин, Горбунова, Лунева* (*За плохую маскировку света на дому подвергнуты штрафу от 100 до 50 рублей гр-ка Коноплина (г. Белев), Алешин, Горбунова (д. Черногрязка), Лунева (д. Железница)*...) и т.д. Подчеркнем, что приведенные антропонимы, называющие людей, чье поведение не соответствовало предъявляемым требованиям, употребляются без приложения *товарищ*. По всей видимости, в данном случае наблюдается некоторая доля уничижения, связанная с тем, что слово *товарищ* имеет положительную коннотацию и не может употребляться рядом с антропонимами, именуемыми людьми, имеющих недостатки в поведении.

На наш взгляд, в начальный период войны представление антропонимов на страницах региональной газеты не носит системного характера. В целом можно говорить о том, что общие тенденции в использовании антропонимов и их структурировании сохраняются на протяжении достаточно длительного периода. В связи с развитием военных действий появляется большое число имен военных, курсантов и т.д. Идеологическая окраска в использовании антропонимов проявляется в наличии-отсутствии при них приложения *товарищ*, ряда эпитетов.

Список литературы

1. Белёвская правда. Герой газетной полосы [электронный ресурс] // URL: https://tularlic.ru/projects/?ELEMENT_ID=2962. (дата обращения: 01.03.2022).
2. Красовская, Н.А. Авторские подписи в региональных газетах военного периода / Н.А. Красовская // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 4 (44). – С. 135–142.
3. Овсепян, Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917-начало 90-х гг.): учебное пособие / Р. П. Овсепян. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2005. – 352 с.
4. Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка: учеб. для вузов по спец. «Журналистика» / Д.Э. Розенталь. М.: Высш. шк., 1987. – 399 с.
5. Салимова, Л.М. Язык региональной публицистики: культурологический аспект / Л.М. Салимова // Вестник Башкирск. ун-та. 2010. №3-1. – С. 1039–1041.
6. Солганик, Г.Я. Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода / Г.Я. Солганик // Язык массовой и межличностной коммуникации: сб.ст. М.: Медиа-Мир, 2007. – С. 15-39.
7. Солганик, Г.Я. О языке и стиле газеты [электронный ресурс] // URL: <http://evartist.narod.ru/text12/15.htm> (дата обращения: 29.03.2022).
8. Фёдоров, В.В. Идеологическая оценка в языке газетной публицистики и ее отражение в переводе / В.В. Фёдоров // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2007. №1. – С. 78–82.

***

ОБЪЕКТИВАЦИЯ «МУЖСКОГО» НАБОРА ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В СИСТЕМЕ НАЗВАНИЙ УЛИЦ СЛАВИИ

А.М. Мезенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению и описанию урбанонимикона Славии в связи с феноменом гендера. Устанавливаются особенности объективации гендерной асимметрии в названиях улиц восточнославянского города Витебска, западнославянского города Белостока и южнославянского города Софии. Показывается общее и специфическое в наборе «мужских» названий линейных объектов сравниваемых урбанонимных систем. Подчеркивается, что рассмотрение урбанонимной картины мира в гендерной парадигме может способствовать раскрытию сформировавшихся обобщенных гендерных мыслительных представлений и оценок, бытующих в современной культуре славян, а также установлению специфического культурно-исторического содержания, вкладываемого восточными, западными и южными славянами в осмысление действительности.

Ключевые слова: андроцентризм, гендер, гендерная асимметрия, мемориальное название, оним, урбаноним, урбанонимия

Непропорциональная представленность социальных и культурных ролей обоих полов, а также представлений о них в различных сферах жизни, или гендерная асимметрия прослеживается на всех уровнях языка, в том числе ономастическом. Андроцентризм, под которым понимается ориентированность на представителей мужского пола, проявляется особенно часто в наименовании внутригородских линейных и планарных объектов. Данным фактом и объясняется рост интереса к ономастической составляющей гендерных исследований.

Эмансипация женщин, происходящая в настоящее время на разных уровнях – правовом, социальном, индивидуальном, – проникает во все сферы современной жизни, заставляя по-новому взглянуть на некоторые явления в языке, в том числе в урбанонимии.

Становясь базовым понятием исследований, *гендер* (от англ. *gender* ‘грамматическая категория рода’ ← лат. *genus* ‘род’), заметно отличающийся от пола, поскольку множественные различия между женщиной и мужчиной имеют и небологические по своей природе причины, затрагивает не только психические, но и культурные и социальные различия [<https://ru.wikipedia.org>].

Целью данной статьи является установление особенностей объективации «мужского» набора гендерной асимметрии в системе названий улиц Славии.

Материалом для работы послужили данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь (2014 г.), публикации Т. Федоровича, М. Китлинского и Я. Мацейчука «Белостокские улицы и их патроны», представляющей собой полный список названий линейных объектов Белостока 2012 г. [Fiedorowich, Kietliński, Maciejczuk 2012], Указатель почтовых кодов Софии 2010 г. [<http://www.bgpost.bg>].

Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует, что в первом десятилетии XXI в. своды внутригородских названий избранных для анализа городов западных (Белосток), восточных (Витебск) и южных (София) славян характеризуются паритетными количественными показателями.

Так, урбанонимикон Белостока включал 1023 наименования линейных и планарных объектов, почти четвертую часть которых (231 единица, или 22,6 % от общего количества названий) составляли годонимы и агоронимы мемориального характера, образованные от имен и фамилий мужчин, с точки зрения общества, достойных увековечения памяти во внутригородских онимах (для сравнения: в честь женщин – 28, или 2,7 % от общего количества урбанонимов г. Белостока). В своде названий внутригородских объектов Витебска, включавшем 987 урбанонимов, 230,

или 23,3 %, образованы от имен и фамилий мужчин (для сравнения: в честь женщин – 27, или 2,7 % от общего количества урбанонимов г. Витебска). Список годонимов и агоронимов Софии состоял из 1121 наименования, 798 из которых, или 71,2 % от общего количества внутригородских названий, связаны своим происхождением с мужскими антропонимами (для сравнения: с женскими антропонимами – 35, или 3,1 % от общего количества урбанонимов г. Софии).

Сопоставление приведенных количественных показателей позволяет отметить более высокий уровень антропоцентричности урбанонимикона южных славян, противопоставляющий его более сходным меж собой в этом отношении сводам названий внутригородских объектов западных и восточных славян.

При этом анализ актуальности родов / сфер деятельности мужчин, имена которых использованы в качестве основы при номинации внутригородских линейных и планарных объектов, выявил иные приоритеты и соотношения (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Род деятельности мужчин, имена которых увековечены в названиях улиц городов Белостока, Витебска, Софии

№ п/п	Род / сфера деятельности	Белосток	Витебск	София	Примеры названий
1.	Военные, государственные, политические и общественные деятели, революционеры	64	115	252	Aleja Józefa Piłsudskiego, Ulica Generała Władysława Andersa, Ulica Generała Józefa Bema, <u>ул. Белицкого, ул. Берестеня, ул. Бестужева, Аксаков, ул., Алеко Богориди, ул., Алеко Туранджа ул.,</u>
2.	Поэты и писатели, журналисты	44	41	117	Ulica Krzysztofa Kamila Baczyńskiego, Ulica Tadeusza Boya-Żeleńskiego, Ulica Aleksandra Fredry, <u>пер. Михася Лынькова, ул. Мицкевича, ул. Якуба Коласа,</u> Адам Мицкевич, ул., Александр Геров, ул., Александр Пушкин.
3.	Заслуженные ученые, космонавты, преподаватели, педагоги, учителя, медики, спортсмены, крестьяне, полицейские	35	25	226	Ulica Zygmunta Brodowicza, Ulica Jerzego Antoniewicza, Ulica Tadeusza Banachiewicza, <u>ул. Гагарина, ул. Жуковского, ул. Королева, ул. Авиценна, Акад. Ангел Балевски, ул., Акад. Андрей Сахаров.</u>
4.	Церковно-религиозные деятели, святые	29	–	60	Ulica Księdza Adama Abramowicza, <i>Aleja</i> Jana Pawła II, <i>Bulwary</i> ks. dr. Stanisława Hańko, Анджело Ронкали, ул., Антим I, ул., Архиеп. Прохор Охридски, ул.
5.	Деятели искусства	17	11	103	Ulica Wojciecha Bogusławskiego, <i>Aleja</i> Ignacego Jana Paderewskiego, <i>Bulwary</i> Józefa Blicharskiego, <u>ул. Богатырева, ул. Глинки, ул. Аркадия Мовзона, Аврамов Филип, ул. (актер), Александр Божинов, ул., Александр Жендов, ул.</u>
6.	Литературные персонажи, названия литературных произведений	16	–	4	Ulica Bohuna, Ulica Ikarą, Ulica Jacka, Дядо Иван Добрев, ул., Иван Боримечката, ул., Иван Кралича, ул.

№ п/п	Род / сфера деятельности	Белосток	Витебск	София	Примеры названий
7.	Короли, князья, представители дворянского рода	15	–	34	Ulica Stefana Batorego, Ulica Jana Klemensa Branickiego, Ulica Bolesława Chrobrego, Константин Бодин, ул., Крали Марко, ул., Хан Аспарух, ул.
8.	Участники Второй мировой войны / Великой Отечественной войны	11	38	2	Ulica Aleksandra Karpowicza, Ulica Malmeda, Ulica mjr pilota Jana Michałowskiego, <u>ул. Байдукова, ул. Белохвостикова, ул. Бирюлина, Владимир Минков - Лотко, ул., Григорий Горбатенко, ул.</u>
	Всего урбанонимов в Белостоке (1023)	231			
	Всего урбанонимов в Витебске (987)		230		
	Всего урбанонимов в Софии (1121)			798	

Проведенный анализ количественных данных таблицы позволяет установить ряд особенностей объективации «мужского» набора гендерной асимметрии в системе названий улиц Славии.

Наиболее социально значимыми, по данным классификации, в разряде «мужских» наименований в городах всех славян оказываются такие роды деятельности, как «военные, государственные, политические и общественные деятели, революционеры»; «поэты и писатели, журналисты»; «заслуженные ученые, космонавты, преподаватели, педагоги, учителя, медики, спортсмены, крестьяне, полицейские» (группы 1, 2, 3), что еще раз подтверждает мысль о существовании сформировавшихся обобщенных гендерных мыслительных представлений и оценок, бытующих в современной культуре славян.

Незначительно фреквентативно уступает им в урбанонимиконе южных славян группа «деятели искусства», не имеющая подобной активности у номинаторов западных и восточных славян (см. группу 5).

Что же касается еще одной группы урбанонимов, представленных у всех славян – «участники Второй мировой войны / Великой Отечественной войны», – то социально значимой данная сфера деятельности мужчин, по урбанонимным данным, оказалась только у номинаторов города восточных славян (см. данные группы 8).

В отличие от западных и южных славян иными оказались при номинации внутригородских линейных и планарных объектов приоритеты восточных славян относительно таких родов / сфер деятельности мужчин, как «церковно-религиозные деятели, святые», «литературные персонажи, названия литературных произведений», «короли, князья, представители дворянского рода», не нашедших объективации в урбанонимиконе Витебска, что является свидетельством специфического культурно-исторического содержания, вкладываемого восточными, западными и южными славянами в осмысление действительности.

Список литературы

1. Указател на пощенските кодове за София [электронный ресурс] // URL.: <http://www.bgpost.bg> (дата обращения: 28.03.2022).
2. Fiedorowich T., Kietliński M., Maciejczuk J. Białostockie ulice i ich patroni. Białystok, 2012. – 393 s.

ПЕРЕПИСЬ ЯИЦКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА 1723–1724 ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И АНТРОПОНИМИИ КАЛМЫКОВ

А.И. Назаров

Руководитель веб-проекта «Планета имен и фамилий» (Алматы, Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена истории и антропонимии калмыков в Яицком казачьем войске. Источником для нее стала перепись яицких казаков 1723–1724 гг. Уточнены время появления первых калмыков в войске, их численность, места, откуда они прибывали на Яик, количественное соотношение крещеных и некрещеных калмыков. Антропонимия крещеных калмыков испытала сильное влияние русской антропонимии. Она уже трехчленная, но у многих фамилии содержат указание на калмыцкое происхождение их носителей. Антропонимия калмыков-ламаистов в рассматриваемом документе отражает заметно меньшее влияние со стороны русской антропонимии и при письменной фиксации калмыков этой группы фамилий еще нет, а преобладают двучленные структуры имя + краткое отчество.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия калмыков; имена калмыков; фамилии калмыков; отчества калмыков; Яицкое казачье войско.

Перепись яицких казаков (ЯК) в 1723–1724 гг. (далее – ПЯК-1723) произведена полковником и лейб-гвардии капитаном И.И. Захаровым по указу Петра I. Были переписаны поименно старые и пришлые казаки и их дети с указанием, кто откуда пришел и когда. Также батраков и работников казаков. Материалы этой переписи составили восемь томов. Это ценный материал по истории и антропонимии Яицкого казачьего войска (ЯКВ), т. к. позволяет проследить происхождение основной массы переписанных (где родился опрашиваемый, его отец, дед, когда попал на Яик). Для нерусских указывалась национальность (для крещеных – год крещения).

В свободном доступе в Интернете находится цифровая копия дела 2. Это сводный список сказок казаков. В нем приведены сведения о примерно 6300 человек мужского пола.

Согласно А.Б. Карпову калмыки в ЯКВ служат с 1722 г. [Карпов 1911: 698]. За точку отсчета им взят указ Военной Коллегии от 19 июня 1722 г., предписывающий принять в войско калмыка Дашу Булатова и тех, кто с ним. Но утверждение А.Б. Карпова неверное. В ПЯК-1723 можно найти упоминания о 21 казаке-калмыке, служивших в ЯКВ еще до причисления Даши Булатова и его людей. И это без учета родившихся на Яике детей и/или внуков крещеных калмыков. У некоторых из тех 21 казаков из калмыков на момент ПЯК-1723 был значительный стаж службы в войске: Прокофей Иванов сын Калмыченин – 28 лет [ПЯК-1723: 257 об.], Инат Борисов сын Калмык – 26 лет [ПЯК-1723: 252], Никита Петров сын Калмыков – 25 лет [246], Аксапар Алимов – 20 лет [ПЯК-1723: 228 об.]. Первые калмыки в ЯКВ могли попасть даже раньше. В списках ЯК 1633 г. упоминается Сенка Васильев Калмык [Приложения 1911: 4].

ПЯК-1723 позволяет выяснить, когда первые калмыки пришли в ЯКВ. Самый первый – дед казака Степана Семенова сына Пустобаева, пришедший на Яик в 1643 г., где и крестился [ПЯК-1723: 45 об.]. Отец казака Михаила Григорьева сына Яманова завоеван яицкими казаками и крещен на Яике в 1652 г. [ПЯК-1723: 196]. Отец казака Федора Яковлева сына Аранина пришел на Яик и крестился в 1663 г. [ПЯК-1723: 213]. При этом надо учитывать, что сведения записывались со слов казаков, у которых не было никаких документов, фиксирующих время появления их отца/дела в ЯКВ. Поэтому точность дат относительна.

Калмыцкое происхождение казаков в ПЯК-1723 маркировано следующими лексическими средствами: родиной калмыки, родиной калмыцкой орды, родиной сибирский черный калмык, родиной черный калмык, калмык, калмычеин, черный калмык, калмыцкой породы, татарин (с пояснением «калмыцкой природы/породы» или без). Наиболее распространена формулировка «родиной калмыки». Она же указывает на географию происхождения, как и формулировка «родиной

калмыцкой орды». Речь о Калмыцком ханстве. Для объяснения того, кто такие (сибирские) черные калмыки приведем цитату: «Русские первопоселенцы Сибири различали калмаков черных и белых. Черными называли западных монголов – ойратов Джунгарии, белыми – тюркоязычных телеутов Обь-Иртышского междуречья, алтайцев [Дремов 2014: 136]. Не видим никаких препятствий рассматривать этнонимы «калмак» и «калмык» как варианты.

Некоторые калмыки на Яик попали из Сибири, Уфы, Казани, Астрахани, где оказались в основном как взятые в плен (в ПЯК-1723 – «завоеваны») – сибирскими казаками, башкирами, ногайскими татарами. Одного калмыка сами же калмыки продали в Астрахань, а оттуда он попал на Яик. Для Даши Булатова и части калмыков, записанных с ним в ЯКВ, указывается улус, в котором проживали ранее: «в улусе у мурзы Даржи», «родиной улусу мурзы Четырвы», «родиной Лекбея мурзы улусу». Четыре из девяти завоеванных калмыков в плен были взяты яицкими казаками, но где и при каких обстоятельствах в сказках ПЯК-1723 не сообщается. Основная же часть калмыков, отмеченных в ПЯК-1723, в ЯКВ пришла самостоятельно.

Калмыки с точки зрения вероисповедания делились на две группы. Одни – крещеные (православные). В ЯКВ существовала практика, что пришедшие самостоятельно иноверцы могли сохранить свою веру, а завоеванные должны были креститься. Из сказок ПЯК-1723 можно увидеть, что, например, отцы казаков Михаила Григорьева сына Григорьева, Михаила Григорьева сына Яманова были завоеваны ЯК и крещены на Яике. При этом те калмыки, которых брали в плен не ЯК, были крещены за пределами ЯКВ, и они самостоятельно прибывали в войско уже крещеными.

Часть добровольно пришедших в ЯКВ крестилась. Что их толкало на это? В шерти 1673 г., подписанной главным калмыцким тайши Аюкой с представителями русского царя, русские власти обязывались выдавать обратно в улусы только тех беглых калмыков и татар, которые были некрещеными [Тепкеев 2010: 51]. К принятию православия беглых из улусов калмыков подталкивала боязнь быть возвращенными в улусы. В ПЯК-1723 мы насчитали 23 православных казаков и их сыновей калмыцкого происхождения.

Именование крещеных калмыков и их потомков в ПЯК-1723 по своей структуре не отличается от именования русских казаков: имя (все – православные) + краткое отчество (все от православных имен) + уточняющее слово сын + фамилия или фамильное прозвище (последнее не оформлялось русскими фамилеобразующими суффиксами): Степан Иванов сын Балагуров, Федор Захаров сын Мусатов, Степан Павлов сын Мазан и т. д. Образование фамилий у русских казаков в ЯКВ на момент проведения переписи 1723 г. еще не было завершено. Фамилии определенной части казаков полностью повторяют краткие отчества, что может свидетельствовать об их появлении под пером писца во время переписи. Такое «фамилизированное» краткое отчество встречается и у одного казака из калмыков: Михаила Григорьев сын Григорьев [ПЯК-1723: 195 об.].

Если опираться только на фамилии крещеных калмыков и их детей, внуков, то нередко невозможно увидеть калмыцкое происхождение их носителей: Антонов, Балагуров, Григорьев, Кучемасов, Мусатов, Подьячев, Пустобаев. Почему за тем или иным калмыком закрепилась та или иная фамилия, мы зачастую объяснить не можем. К исключениям относятся фамилии Григорьев и Подьячев. О первой мы писали выше (из отчества). Иван Иванов сын Подьячев был сыном калмыка (завоеван сибирскими казаками, жил после крещения в Лабзинском (Албазинском) остроге у подьячего Осипа Богданова [ПЯК-1723: 78]. Т. е. фамилия образована от должности человека, у которого жил отец данного казака.

Ряд фамилий крещеных калмыков указывает если не на калмыцкое, то на нерусское происхождение их носителей. Наиболее четко – Калмыков, Калмыченин, Калмык: Алексей Степанов сын Калмыков, Матвей Степанов сын Калмыков, Никита Петров сын Калмыков, Яким Иванов сын Калмыков, Прокофей Иванов сын Калмыченин, Инат Борисов сын Калмык, Степан Киреев сын Калмык, Федор Андреев сын Калмык.

Надо отметить, что в ПЯК-1723 фамилия *Калмыков* встречается также у лиц не калмыцкого происхождения: казак *Семен Егоров сын Калмыков* (дед и отец из Алатырского уезда) [ПЯК-1723: 22], пришлый в работниках *Павел Калмыков* [352 об.]. Вторым был в плену у калмыков, от которых пришел на Яик. В данном случае появление именованья *Калмыков* мотивировано обстоятельствами жизни его носителя.

Калмыцкое происхождение имеет и фамильное прозвище *Мазан*: 35-летний казак *Степан Павлов сын Мазан* – калмык, пришедший на Яик и крестившийся в 1700 г. [ПЯК-1723: 209 об.]. В данном случае *Мазан* восходит к мужскому личному имени *Мазн* (в русской передаче *Мазан*), объясняемому как ‘оживающий, когда звезды на небе зажигаются’ [Монраев 2012: 169]. Если казак из Яицкого городка *Кирилла Степанов сын Мазанов* (в 1765 г. ему было 30 лет) [ПЯК-1765–1773: 297 об.] – его сын, то, как видим, фамильное прозвище *Мазан* стало наследуемым именованьем, получившим оформление стандартным суффиксом русских фамилий *ов*. В ПЯК-1723 также отмечены малолетний годный в службу *Иван Семенов сын Мазанов* [ПЯК-1723: 286] и малолетний не годный в службу *Дмитрей Семенов сын Мазанов* [ПЯК-1723: 319]. Предположительно они были братьями. Об их происхождении из ПЯК-1723 ничего неизвестно. Не факт, что они были из калмыков. Известна русская фамилия *Мазанов* из *мазаный* ‘измаранный, испачканный’ [Федосюк 1996: 142].

От калмыцкого личного имени *Яман* ‘коза’ [Монраев 2012: 224] образована фамилия *Яманов*: казак *Михаила Григорьев сын Яманов* – сын черного калмыка, завоеванного яицкими казаками и крещенного на Яике в 1652 г. [ПЯК-1723: 169].

35-летний калмык *Петр Григорьев сын Абыш* завоеван яицкими казаками и крещен в 1693 г. Фамильное прозвище *Абыш* восходит к мужскому калмыцкому имени *Абиш*, являющимся вариантом имени *Увиш* (в русской передаче *Убуша, Убуши*) ‘мирянин, принявший пять обетов’ [Монраев 2012: 119, 199]. В переписи 1765 г. отмечены 44-летний казак *Иван Петров сын Абишев* [ПЯК-1765–1773: 74 об.] и 35-летний казак *Сергей Петров сын Абишев* [ПЯК-1765–1773: 75 об.], являющиеся предположительно сыновьями *Петра Григорьева сына Абыша*. Как видим, фамильное прозвище *Абыш* стало фамилией *Абишев*.

К калмыцкому мужскому имени *Уташ* (либо ‘подарок’, либо тюркское ‘помогай осуществлять’) [Монраев 2012: 201] восходит фамильное прозвище *Утеш*: 60-летний черный калмык *Иван Никитин сын Утеш*, завоеванный башкирами, проданный казаку Ивану Багулу в Уфу, где был крещен; на Яике с 1703 г. и с того же года служил казаком [ПЯК-1723: 161 об.].

Калмыцкий след виден и в фамилии *Аранин*: 20-летний казак *Федор Яковлев сын Аранин*, отец которого пришел на Яик и крестился в 1663 г. [ПЯК-1723: 231]. Основа фамилии – калмыцкое личное имя *Арна* ‘нахмуриваться?’ [Монраев 2012: 125].

Фамилии *Аранин, Яманов* в ПЯК-1723 отмечены у тех калмыков, которые родились на Яике, и отцы которых были крещеными. Соответственно их фамилии скорее всего образованы от имен отцов. Носители же фамильных прозвищ *Абыш, Мазан, Утеш* сами попали на Яик. Их фамильные прозвания предположительно являются результатом трансонимизации их личных имен.

Посессивным образованием от фамильного прозвища *Калмык* отцов является фамилия *Калмыков* двух казаков-калмыков, родившихся на Яике. Но не всегда фамилии второго поколения калмыков на Яике оформлялась стандартным русским суффиксом фамилий: у одного казака фамилия – *Калмык*. В то же время у двух казаков-калмыков, непосредственно попавших на Яик, третий член полного именованья сразу получил русский фамильный суффикс: *Калмыков*.

Основная часть калмыков в ЯКВ придерживалась ламаизма. Точное их число назвать сложно – всего около ста человек. Сомнения вызывает национальность четырех человек. Это два ребенка-пленника («полоненики»), пришедших с Даши Булатовым: *Халчан* и *Улчат* [ПЯК-1723: 289 об., 290]. Как известно, в прошлом калмыки имели военные конфликты с разными соседями: с ногаями, башкирами, татарами, казаками и др. Но известно также, что в Калмыцком ханстве в XVII–XVIII вв. периодически вспыхивала междоусобная борьба, во время которой также брали

пленников. Поэтому отмеченные пленники могли быть представителями противоборствующей этногруппы калмыков.

Есть сомнения и в отношении двух, вероятно, братьев: *Стенка Баганаев* и *Данжа Баганаев* [ПЯК-1723: 291]. Первый обозначен как татарин. Национальность второго не указана. Записи обоим находятся рядом. Разница в возрасте всего десять лет. Оба из одного улуса. Как показано выше, калмыков в рассматриваемое время могли обозначать как татар с пояснением «калмыцкой природы/породы». Но, видимо, пояснение могло отсутствовать. На калмыцкую национальность указывают личные имена. *Данжа* может быть вариантом или искажением русским писцом имени *Данзи* (в русской передаче *Данзан*) ‘опора религии, держащий учение’ [Монраев 2012: 148]. *Стенка* скорее всего уменьшительное русского имени *Степан*. Для яицких/уральских казаков-калмыков как раз характерны подобные заимствования. В рассматриваемой переписи отмечен калмык *Иванка* (< *Иван*) *Теменев* [ПЯК-1723: 289], в источниках XIX в. среди уральских казаков-калмыков встречаются антропонимы *Андрейкин* (< *Андрейка* < *Андрей*), *Гришкин* (*Гришка* < *Григорий*), *Семкин* < *Семка* < *Семен*) [Назаров 2003: 112].

Большинство калмыков из ПЯК-1723 пришли на Яик с Даши Булатовым и зачислены в войско в 1723 г. – 52 взрослых, с ними 36 в службу негодных детей [ПЯК-1723: 291]. Они сохранили ламаизм, на что указывают их антропонимы: *Кулун Будашев, Даша Булатов, Багдун Дашин, Уруша Еренченев, Намру Тармашев, Даржа Уханов, Дуда Чолучин* и т. д. Кроме них, ламаистами были еще семь казаков, пришедших на Яик в более ранние годы, а также шесть человек из категорий «пришлый в работниках», «беглый казак», «беглый из пришлых». Наличие второго компонента (патронима) у большинства калмыков-ламаистов в ЯКВ, оформленного русскими суффиксами принадлежности *ов, ин*, свидетельствует о стремлении русских писцов к унификации именованья людей в ПЯК-1723. В повседневной жизни калмыки-ламаисты, жившие в ЯКВ, по-видимому, патронимы в первой четверти XVIII в. не использовали.

В наибольшей мере влияние русской антропонимической системы в делопроизводстве Российского государства затронуло тех калмыков-ламаистов, служивших казаками, которые на Яике оказались ранее 1723 г., т. е. прожившие здесь несколько лет. У трех из них – трехкомпонентное именование, как у русских казаков, только каждый компонент является нерусским антропонимом: *Кутлу Ижбульдин сын Ижбульдин, Кашка Куленбетев сын Куленбетев, Щербен Чебекеев сын Чебекеев*. Полное совпадение вторых и третьих компонентов свидетельствует об искусственном характере третьего компонента, стоящего на месте, занимаемого у русских фамилией. Вероятно, в данных случаях он создан под пером писца с целью подогнать полное имя калмыков под полное имя русских. Русское влияние просматривается и в именовании *Суняи Тарбердин сын*, в котором второй компонент – краткое отчество с русским суффиксом. Также использовано слово *сын* как уточняющее при отчестве, что характерно для русской антропонимии рассматриваемого времени.

В калмыцкой ономастике высказано мнение, что у калмыков сначала появилась фамилия, а потом отчество [Дарбакова 1989: 151; Монраев 2012: 5]. На наш взгляд, это не совсем точное утверждение. Раз исследователи калмыцкой антропонимии считают, что фамилии и отчества калмыков появились как следствие влияния русской антропонимической системы [Олядыкова 2004: 123], то надо признать, по крайней мере в сфере русского делопроизводства, последовательность появления этих видов антропонимов как у русских: сначала отчество, затем фамилия. В ПЯК-1723 второй член двухкомпонентных именованья казаков-калмыков, оформленный русским суффиксом притяжательности, – не фамилия, а отчество в краткой форме.

У незначительной части калмыков-ламаистов в ЯКВ именование состоит из одного или двух компонентов, при этом двухкомпонентные структуры не отражают влияния русской антропонимии: *Батала, Улчан, Халчан, Чембет Абжи, Темен Калмык, Хада Сун, Икми Тямер* и т. д. Скорее всего такие именованья отражали реальное бытование антропонимов в повседневной жизни калмыков-ламаистов.

Дальнейшее изучение антропонимии калмыков в ПЯК-1723 может развиваться по следующим направлениям: уточнение написания калмыцких имен и производных от них (особенно это касается антропонимов с выносными буквами), историко-этимологический анализ характерных для калмыков имен (в том числе реконструированных из патронимов), рассмотрение влияния языкового сознания русских писцов на письменную передачу калмыцких антропонимов.

Список литературы и источников

1. Дарбакова, В.П. Калмыки / В.П. Дарбакова // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. – С. 150–151.
2. Дремов, И.И. Калмаки Дешт-и-Кыпчака XV–XVI в. и средневековая Русь / И. И. Дремов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3. – С. 129–137.
3. Карпов, А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. I. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.) / А.Б. Карпов. Уральск: Войсковая типография, 1911. – 1013 с.
4. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (Семантика) / М.У. Монраев. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Герел, 2012. – 255 с.
5. Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков / А.И. Назаров. Алматы: Комплекс, 2003. – 180 с.
6. Олядыкова Л.Б. Отчества и фамилии у калмыков / Л.Б. Олядыкова // Юг России: Культурно-исторический феномен. Элиста: Джангар, 2004. – С. 121–133.
7. Приложения к книге: Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк / А.Б. Карпов. Уральск: Войсковая типография, 1911. – 95 с.
8. ПЯК-1723 – РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). – Ф. 13. Оп. 1. Св. 22. Д. 2 (Книга переписи яицких казаков 1723–1724 гг.). – Л. 1–360 // URL: <https://disk.yandex.ru/d/j6LqDn0i--EbUQ> (только страницы с упоминанием калмыков; дата обращения: 5.04. 2022).
9. ПЯК-1765–1773 – РГВИА. Ф. 653. Оп.1. Д. 1 (Именной список яицких казаков 1765–1773). – Л. 1–674 об.
10. Тепкеев В.Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. / В.Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. №1. – С. 46–52.
11. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русские словари, 1996. – 288 с.

***

КАЛМЫЦКИЙ АНТРОПОНИМИКОН И ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Е.Р. Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Якутск, Россия)

Аннотация: В статье затрагивается ранее не исследованная тема: лексико-семантические параллели калмыцких антропонимов с апеллятивной и проприальной лексикой якутского языка. Калмыцкие антропонимы были условно распределены на тематические группы по семантике их апеллятивных основ. Обзор показал, что они представляют собой эпизоды традиционного уклада жизни, природного ландшафта, социального устройства общества. Семантическая близость с якутской лексикой наиболее чаще вырисовывается в образных словах, описывающих характер, движения, физические особенности человека.

Ключевые слова: калмыцкий язык; якутский язык; антропонимы; лексико-семантические параллели.

Ранее автором были рассмотрены лексические параллели башкирского, бурятского, хакасского антропонимикона с якутским языком [Николаев 2015; Николаев 2017; Николаев 2021]. Статья является продолжением данного цикла.

Калмыцкий язык относится к монгольской группе. По мнению В.И. Рассадина, «наименее всего, оказывается, изучена лексика, особенно в плане ее взаимодействия с тюркскими языками» [Рассадин 2014: 37]. Сравнительно-сопоставительных исследований с якутским языком до нынешнего времени не наблюдается, за исключением некоторых моментов в области: диалектной лексики [Шамаева 2012], топонимики [Иванов 2001]. Есть один объединяющий фактор: «В якутском языке выявляется около 2500 слов монгольского происхождения (по материалам С. Калужинского и нашим)» [Рассадин 1980: 65]. Обзор показал, что калмыцкие антропонимы достаточно хорошо изучены [Биткеева 1983, Монраев 2002; Монраев 2012а; Монраев 2012б; Папуев 1998; Хонинов 2009; Шантаев 2010].

Из словаря калмыцких личных имен М.У. Монраева выявили около 80 личных имен, которые мы выделили в условные группы (сначала дается калмыцкое имя, его значение, затем схожая лексема из якутского языка или якутское личное имя):

имена, связанные с окружающим миром: *Айа*, жен. ‘луна’; як. *ый* ‘луна, месяц’; *Дольган* ‘волна’; як. *долгун* ‘волна’; *Дала* ‘океан; много (например, знаний)’; як. *далай* ‘широкое и глубокое озеро (река) или море, беспредельное, безграничное пространство’ [ТСЯЯ 2006: 93]; *Дүүрэн* ‘эхо’, як. *дуораан* ‘громкий, раскатистый звук, голос, отдающий эхом’, *ой (өй) дуораана* ‘эхо’ [ТСЯЯ 2006: 193]; *Одн* ‘звезда’, як. *одун халлаан* ‘вышнее небо, Одун (или Одун-хаан) Вышний Властитель рока’ [Пекарский 1954, II: 1793].

имена, связанные с животным и растительным миром: *Арва* ‘овес’. Есть сведения, что в древности якуты называли *арбай* ‘ячмень’ [Ермолаев 1991: 16]; *Атн* ‘верблюдо-кастрат’, як. *ат* ‘кастрированный, холощенный’ [ТСЯЯ 2004: 622], *Ат Күһэнгэй* ‘Ат Кушенейка’ [Боло 1994: 131]; *Кекэи* ‘кукушка лесная’, як. *кэбэ* ‘кукушка’ [БТСЯЯ 2008: 450]; *Харада*, жен. ‘ласточка’, як. *хараганаччы* ‘ласточка, стриж’ [БТСЯЯ 2016: 368]; *Харыҕа* ‘ястреб’, як. *хардааччы* ‘ястреб’ [БТСЯЯ 2016: 393]; *Челбан*, тюрк. *Чолпан*, калм. *Цолвн* «Венера», як. *чолбон* ‘яркая звезда, до зари сияющая на восточном горизонте, Венера’ [БТСЯЯ 2017: 164], *Чолбон* ‘название рода’ [Пекарский 1959, III: 3635]; *Ээлэ* ‘коршун’, як. *элиэ* ‘коршун’ [БТСЯЯ 2018: 182].

имена, связанные с цветообозначением: *Алтн шар* ‘золотисто-желтый’, як. *сар* ‘канюк, сарыч’ [Пекарский 1959, II: 2093], вероятно, от прилаг. *саһархай* ‘желтый, светло-коричневый; карий (о глазах); русский’ [БТСЯЯ 2011: 301]; *Байн хар* ‘богатый-смуглый (черный)’, як. *баай* ‘богатый’; *Бор* ‘серый; перен. невзрачный’, як. *борон* ‘цвета пепла или более темный, серый; мышастый, сивый (о масти лошадей)’ [ТСЯЯ 2005: 394]; *Көк* ‘синий; голубой’, як. *күөх* ‘синий, голубой’; *Улан* ‘красный’, як. *улаан* ‘чалый со светлыми гривой и хвостом (о масти лошади); светло-серый’, *кыһыл улаан* ‘красновато-серый с темными гривой и хвостом (масть лошади)’ [БТСЯЯ 2015: 112]; *Хар* ‘черный, смуглый’, як. *хара* ‘черный’, *Хара* (название рода в наслеге Хатын Арыы Намского улуса; деление рода *Арчына*) [Пекарский 1959, III: 3332]; *Харагчн*, жен., *Харакчин* ‘чернавка’, як. *Ньыкаа-харахсын* ‘младшая из дочерей Онобой баайа; ньыкаа – в Сунтарском улусе избалованный ребенок’ [Пекарский 1959, II: 1741], нелюбимая (или любимая) дочь Онобой-я [Боло 1994: 26, 27]; *Хонһр*, *Хонгор* ‘саврасый (о масти)’, як. *хонгор* ‘темно-серый с красноватым отливом; соловый (о масти лошади)’ [БТСЯЯ 2016: 582].

изобразительные (образные) имена: *Арвг* ‘лохматый’, як. *арбабар* ‘взьерошенный; растрепанный, всклокоченный’ [ТСЯЯ 2004: 539], *Арбай* ‘женское имя, букв. Растрепанная’ [Пекарский 1959, I: 140]; *Бичкн* ‘маленький, младший’, як. *быычыкаа* ‘очень маленький, малюсенький’ [ТСЯЯ 2005: 825]; *Богдир* ‘горбатый’, *Богдр*, жен. ‘сутулая’, як. *бөгдөөгөр* ‘согнутый, сгорбленный, сильно сутулившийся (о спине) или с такой спиной’ [ТСЯЯ 2005: 431]; *Бөкн* ‘горбун, горбатый’, як. *бөкчөгөр* ‘согнутый, сгорбленный, горбатый; горб; горбун’ [ТСЯЯ 2005: 443]; *Бужһр* (*Буджгир*)

‘курчавый’, як. *будьур, будьурхай* ‘в завитках, с кудрями, кудрявый’ [ТСЯЯ 2005: 481]; *Жаахн* ‘маленький, небольшой’, як., диал. *дьаахай* ‘маленький’; *Ирээр*, от *ирээх* ‘скалиться+р’, *Ирээр* ‘скалящий зубы’, як. *ырдаай* ‘скалить зубы, скалиться’ [БТСЯЯ 2017: 485]; *Мин Гэн*, от *мен* ‘родинка, мягкое имя’, як. *мэн* ‘родимое пятно, родинка’ [БТСЯЯ 2009: 411], *Мэннээх Бэкичэл* ‘сын Эллэя’, *Бэс кытах саба мээнээх Мэнгири Кэнгис* ‘букв. ссродинкой размером с сосновой чашей; сын Эллэй Боотура, обжора’ [Боло 1994: 267, 246]; *Мөчр, Мечир*, от *Му чирэ* ‘плохое лицо’, як. *мөкү* ‘дурной, плохой’ [БТСЯЯ 2009: 311], *сирэй* ‘лицо’ [БТСЯЯ 2011: 441], *Хара Сирэй Дьобудай* ‘сын Мунньан Дархана’ [Боло 1994: 236]; *Савр, Савар, Савыр, Сабир, Сабил* ‘когти; лапа’, от *савх* ‘бить, хлестать’, як. *сабарай* ‘лапа крупной птицы (обычно орла)’ [БТСЯЯ 2011: 113]; *Галзн* ‘лысый’, як. *халчабай* ‘облысевший, лысеющий’ [БТСЯЯ 2016: 249]; *Тегрик* ‘круглый’, як. *төгүрүк* ‘круглый’ [БТСЯЯ 2013: 528]; *Хабтхр* ‘плоский’, як. *хантабай* ‘плоский, пологий’ [БТСЯЯ 2016: 325], *Хантас* ‘мужское прозвище’ [Пекарский 1959, III: 3325]; *Чирэ* ‘лицо’, як. *сирэй* ‘лицо’ [БТСЯЯ 2011: 441].

имена религиозного характера: *Арья*, санск. ‘святой’, як. *аар* ‘огромный, великий; почтенный, важный, священный’ [ТСЯЯ 2004: 167]; *Багш* ‘учитель, наставник’. В якутском языке широко распространен и как антропоним – *Ханай Бахсы*, вероятно, ‘Чернеть Бахсы’, *Куофас Бахсы* ‘Гагара Бахсы’, *Бахсы Бухатыыр* ‘Бахсы Богатырь’, *Бахсы Айыыта* или *Бахсы Тойоно* ‘дух бывшего старосты Бахсытского наслега, лишает людей рассудка’, и как топоним – *Бахсы нэһилиэгэ* ‘Бахсытский наслег’, *Бахсы Күөлэ* ‘Озеро Бахсы’, *Бахсы өтөбө* ‘усадыба Бахсы’, и как миф. *Дьэ бахсыта* ‘Хозяйка дома’ и т.д. [Багдарыын Сүлбэ 2015: 588–594; Пекарский 1959, I: 410–411], *бахсы* ‘один из сподвижников (пропагандистов, наставников, учителей) религиозного учения Айыы, которых называют дьөһүөлдүүт; существует несколько ступеней дьөһүөлдүүт – сэһэн, тойон, бахсы, домньут’ [Тэрис 2012: 26, 42], *Баарабай Бахсы* ‘Развитый (сильный, крупный) Бахсы – сын шамана Уһуйуоп уола’ [Боло 1994: 214–215].

имена, представляющие отношения родства: *Баз, база* ‘свояк’, як. *бадьа* ‘жена родного или двоюродного младшего брата по отношению к жене родного или двоюродного старшего брата, младшая невестка по отношению к старшей’ [ТСЯЯ 2005: 123]; *Огла*, тюрк. ‘сын’, як. *уол* ‘мальчик, юноша, парень; сын’ [БТСЯЯ 2015: 192], *Уолан Чонкунуор* ‘родоначальник Сыланского наслега Чурапчинского улуса’ [Боло 1994: 253]; *Эбэ*, ласк. ‘бабушка’, як. *эбэ* ‘бабушка’ [БТСЯЯ 2018: 135]; *Эмн* ‘старуха’, як. *эмээхсин* ‘старуха’ [БТСЯЯ 2018: 232], как антропонимический компонент – *Хаанньаар эмээхсин* ‘старуха Хаанньаар’ [Пекарский 1959, III: 3300].

имена, представляющие физические и умственные качества человека: *Бүтү* ‘скрытый’, *Бүтүкэн*, от *бүтү* ‘закрытый, глухой +кн’, як. *бүтэнги* ‘не очень развитый, небожий, замкнутый, необщительный’ [ТСЯЯ 2005: 655], миф. *Ус түүлээх бүтэй бүрүө ытыстаах Манган Түһэхтэй* ‘сестра Омофой баай-а’ [Боло 1994: 25]; *Догшин* ‘свирепый, жестокий’; як., перен. ‘дерзкий, наглый, резкий’ [ТСЯЯ 2006: 173], *Чохунай Дохсун* ‘имя человека из рода *Бөрө Бөтүн* (букв. Волк Бетюн)’, *Уордаах Дохсуна* ‘сын Тенюлгю шамана’ [Боло 1994: 240, 245]; *Дүлэ* ‘глухой’, як. *дьүлэй* ‘глухой, тугоухий’ [ТСЯЯ 2006: 465], *Дьүлэй Уол* ‘сын старика Жехсогон, с рождения глухой’, *Дьүлэй Уол* ‘сын Кэрэжян шамана’ [Боло 1994: 126, 240]; *Илүшк*, от *эл* ‘спокойный, мирный’, як. *ил* ‘дружественные, мирные, спокойные отношения между кем-либо’ [ТСЯЯ 2006: 606]; *Ирчин*, от *эрч* ‘сила, мощь+ин’, як. *эрчим* ‘энергия, сила кого-чего-либо’ [БТСЯЯ 2018: 334], *Эрчим* ‘мужское имя’; *Келкэ* ‘заика, заикающийся’, як. *кэлэбэй* ‘сильно заикающийся’ [БТСЯЯ 2008: 480]; *Кэлэбэй* ‘мужское прозвище; *Кэлэбэй ууһа* ‘название рода в 4-ом Мятюжском наслеге Колымского улуса’ [Пекарский 1959, I: 1017], *Кэлэбэй Кэччи* ‘сын Ойуун Уһуйуоп (сын шамана)’ [Боло 1994: 214–215]; *Күчүлэ*, жен., от *күчн* ‘сила, мощь’, як. *күүс* ‘физическая сила’ [БТСЯЯ 2008: 126], *Күүстээх Саалаах Күһэнэй Баатыр* ‘Кусэнэй Батыр с Сильным Оружием’ [Боло 1994: 69]; *Мергн, Мерген* ‘меткий стрелок’, як. *бэргэн* ‘меткий, искусный в стрельбе’ [ТСЯЯ 2005: 863], *Чынааха Бэргэн* ‘боотур, воин с кольчугой’, *Мэнэ Бэргэн* ‘букв. Вечный Бэргэн, сын Элляя’, *Өргөлөй Бэргэн* ‘человек из рода Бөрө Бөтүн’ [Боло 1994: 73, 178, 240], *Хаталамай Бэргэн* ‘один из четырех сыновей

Эллэйя; сын его Баатыр стал родоначальником Ботурусского улуса; один из шести сыновей Эр Эллэйя, родоначальник улуса Нам; *Хатамалай бэргэн, Боотугур баатыр, Хатамаллай* [Пекарский, 1959, III: 3398, 3399]; *Номһн, Номгон* ‘спокойный’, як. *номофон* ‘разумный, толковый’ [БТСЯЯ 2009: 472]; *Ховч* ‘ябедник’, як. *хобуоччу* ‘доносчик, ябедник, клеветник’ от *хон* ‘порочающая кого-либо ложь, клевета’ [БТСЯЯ 2016: 499, 590].

имена, связанные с социальным статусом: *Баатр* ‘богатырь’, як. *боотур, баатыр* ‘воин, витязь’ [ТСЯЯ 2005: 382]; *Бичэч* ‘писатель’, як. *бичик* ‘роспись, узор’, *оһуор-бичик* ‘мелкий, сложный узор’ [ТСЯЯ 2005: 346; БТСЯЯ 2010: 359]; *Болд* ‘сталь, стальной’, як. *болот* ‘у древних якутов: обоюдоострый выгнутый меч с короткой рукояткой’ [ТСЯЯ 2005: 379], *Болотой Оххон* ‘один из четырех сыновей Элляя, имевший сына Мэнэ, от которого образовался Мегинский улус’ [Пекарский 1959, I: 494]; *Бөк* ‘борец’, як. *бөбөс* ‘в старину: силач, участвующий в силовых, а отчасти и в воинских состязаниях’ [ТСЯЯ 2005: 435], *Бөдөкө Бөбө* ‘борец из клана Тыгына’, *Бөбө Мүөкүйэ* ‘Боотур, воин Тыгына Господина’ [Боло 1994: 155, 145]; *Дархн, Дархан* ‘кузнец’, як. *дархан* ‘великий, громадный, огромный’ [ТСЯЯ 2006: 113], *Дойдуһа дархан* ‘один из 6 главных родоначальников, потомков Элляя’, *Дэли дархан* ‘один из 6 сыновей Элляя; от него произошли Борогонский и Дюпсюнский улусы, по имени двух сыновей его’, *Мунньан Дархан* ‘один из шести главных родоначальников, потомков Эллэйя’ [Пекарский 1959, I: 731, 688; II: 1622]; *Манла*, от *манх* ‘нести дозор’, як. *манаа* ‘караулить, стеречь, охранять что-либо’ [БТСЯЯ 2009: 212]; *Устч* ‘пловец’, як. *уһун* ‘плавать; плыть’ [БТСЯЯ 2015: 313]; *Элч* ‘посланник’; як. *илдьит* ‘вестник, гонец’ [БТСЯЯ 2006: 626], *Эллэй Боотур, Эт уос Эллэй Боотур, Эр уос Эллэй Боотур, Эр Соботох Эллэй боотур, Эллэй Бөбө, Эллэй Боотур* ‘кузнец; столяр; устроитель обряда поклонения айыы, благословитель; охотник’ [Боло 1994: 264].

имена, связанные с бытом: *Алтн*, жен. ‘золото’, як. *алтан* ‘медь’ [ТСЯЯ 2004: 433], *Алтан Төбө Кыыс* ‘букв. Золотая Голова Девочка, сын Болотой Оххон-а (по преданиям, у него была золотая серьга), *Алтан Түөстээх Эмээхсин* ‘Старуха с Золотой Грудью’ [Боло 1994: 245, 105, 141]; *Алтн цаг* ‘золотое время’, як. *сах* ‘момент, период времени, связанный с каким-либо событием’ [БТСЯЯ 2011: 323]; *Будан* ‘национальное блюдо, затируха’, як. *бутугас* ‘мучная похлебка; напиток из воды, молока или пахты (заправленной мукой или съедобными травами)’ [ТСЯЯ 2005: 587–588], *Бутугас Көстөкүүн* ‘Бутугас Константин’ [Боло 1994: 254]; *Комуш*, тюрк. ‘серебро’, як. *көмүс* ‘благородный, драгоценный металл (серебро или золото)’ [БТСЯЯ 2007: 264], *Көмүс Дайыылап* – имя старика, живущего близко от р. Алдан (золотоносная местность) [Боло 1994: 51]; *Отр, Отыр, Отор* ‘отдаленное пастбище; як. *отор* ‘стоянка, где осенью после сенокоса и до первого снега располагалось временное жилище человека и пастбище с отавой для скота’ [БТСЯЯ 2010: 363]; *Отч* ‘лечащий травами’, як. *отһут* ‘якутский народный лекарь, костоправ’ [БТСЯЯ 2010: 364], ‘лекарь, народный целитель, знахарь; костоправ; коновал’ [КЯРРЯС 2015: 109]; *Төмр, Темир* ‘железо’, як. *тимир* ‘железо’ [БТСЯЯ 2013: 346], *Тимир айах* ‘букв. Железный Рот, имя девочки’ [Пекарский 1959, I: 56]; *Удэ*, жен., от *үд* ‘обед+э’; *үүдх* ‘возникать’, як. *үтэ* ‘провизия, запас продуктов (в дорогу, на работу)’ [БТСЯЯ 2015: 576]; *Хорһа*, жен. ‘топленный жир, бельмо’, як. *хоргун* ‘жирный навар от мяса, рыбы, образующийся на поверхности бульона при варке, жир’ [БТСЯЯ 2016: 596]; *Хокка*, от *хог* ‘труха, мусор’, як., диал. *хох* ‘грязь, нечистоты’ [БТСЯЯ 2016: 631].

имена, образованные вследствие обстоятельств: *Амса*, жен., от *амсх* ‘пробовать, отведывать’, як. *амсай* ‘пробовать на вкус, взяв в рот, на язык что-либо в ничтожном количестве’ [ТСЯЯ 2004: 454]; *Белг* ‘подарок’, як. *бэлэх* ‘подарок, дар’ [ТСЯЯ 2005: 861]; *Бурукч* ‘обвиняющий’, як. *буруйдааччы* ‘обвинитель’ [ТСЯЯ 2005: 571]; *Залһмэ, Залгамдэжи* ‘продолжение, преемственность’; от *залһ* ‘присоединять, перен. сохранить’, як. глаг. *салһаа* ‘продолжать начатое, вести, делать что-либо дальше’ [БТСЯЯ 2011: 185].

имена, связанные с абстрактными понятиями: *Билг* ‘мудрость’, як. *билии* ‘познание, приобретение знаний, постижение закономерностей объективного мира’ [ТСЯЯ 2005: 305]; *Магтал*

‘восхваление’, як. *махтал* ‘чувство благодарности, признательности кому-либо, чему-либо; благодарный, благодарственный, выражающий благодарность’ [БТСЯЯ 2009: 253]; *Мөнк, Менке* ‘вечный’, як. *мэнэ таас* ‘камень с древними письменами; могила, кладбище’; устар. *мэнэ* ‘надмогильный деревянный памятник’ [БТСЯЯ 2009: 414–415]; *Санан* ‘мысль, дума’, як. *санаа* ‘мышление, мысль, дума, память, ум’ [БТСЯЯ 2011: 214]; *Түмн* ‘десять тысяч, тьма’, як. *түмэн* ‘скопление, стечение большого числа людей где-либо; единение народа; темный, страшный’ [БТСЯЯ 2014: 252] и др.

Рассмотренный материал говорит о том, что большинство схожих якутских имен представлено в преданиях и легендах, в эпосе олонхо, а также в двухкомпонентных личных именах XIX – нач. XX вв. Общие лексические пласты имеются в именах, образованных от слов, обозначающих окружающий мир (названия животных, птиц, явлений природы, неживых объектов природы). В калмыцкую антропонику включаются тюрко-монгольские лексемы, свидетельствующие об общих культурно-бытовые основы сосуществования (*көмүс, тимир, болот, уолан/огла, отор/отр, эл/ил=элчи/илдыт, бичик/бичэч алтан/алтн* и т.д.), которые также репрезентируются и в якутском языке. Достаточно много изобразительных имен существует в обоих языках. Присутствие имен религиозного толка (*Арья=аар, Баги=бахсы*) может говорить об общих религиозных воззрениях на ранних этапах исторических контактов.

Список литературы

1. Багдарыын Сүлбэ. Талыллыбыт үлэлэр: Этитиилээх ааттар. Дьокуускай: Бичик, 2013. – 720 с.
2. Биткеева, Г.С. Социальные аспекты некоторых имен у калмыков // Ономастика Калмыкии: Сб. ст. / редкол.: Э.Ч. Бардаев (отв. ред.) и др. / Г.С. Биткеева. Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики, 1983. – С. 85–95.
3. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.
9. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.
11. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV / Под общ. ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017. – 589 с.
12. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XV / Под общ. ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2018. – 575 с.
13. Боло, С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа / С.И. Боло. Якутск: Бичик, 1994. – 352 с.
14. Ермолаев, В.Ф. Уу долгун куттаахтара (агро-этнографической очерк) (Размышления о земледелии якутов) / В.Ф. Ермолаев. Якутской: Кинигэ изд-вота, 1991. – 136 с.
15. Иванов, Н.М. Монголизмы в топонимии Якутии / Отв. ред. д.ф.н. Н.Д. Дьячковский / Н.М. Иванов. Якутск, 2001. – 204 с.

16. Краткий якутско-русский, русско-якутский словарь: учебный словарь / сост. Т.И. Петрова. Якутск: Бичик, 2015. – 576 с.
17. Монраев, М.У. Калмыцкие антропонимы тюркского происхождения / М.У. Монраев // Проблемы общей и региональной ономастики: Матер. 3-ей межвуз. научной конф. Майкоп, 2002. – С. 149–151
18. Монраев, М.У. Калмыцкие личные имена / М.У. Монраев. // Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа; отв. ред. проф. Р.Ю. Намитокова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 293–323.
19. Монраев, М.У. Калмыцкие личные имена: (семантика) / М.У. Монраев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Элиста: Герел, 2012. – 254 с.
20. Николаев, Е.Р. О лексико-семантических параллелях бурятских антропонимов в якутском языке / Е.Р. Николаев // Проблемы и перспективы развития отечественных и зарубежных гуманитарных наук: Матер. междунар. круглого стола, посвяще. памяти и 70-летию д-ра филол. наук, проф. Л. В. Шулуновой / науч. ред. Г.С. Доржиева, отв. ред. А.В. Жарникова. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2021. – С. 131–136.
21. Николаев, Е.Р. О некоторых лексико-семантических параллелях башкирских антропонимов в якутском языке / Е.Р. Николаев. // Тюркская филология в свете современных достижений: Сб. матер. Междунар. научно-практ. конф., посвящ. Году литературы в РФ и РБ, 75-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Д.С. Тикеева: в двух частях. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2015. – С. 215–219.
22. Николаев, Е.Р. Параллелизмы в хакасском и якутском антропонимиконах / Е.Р. Николаев // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: Матер. Четвертой Междунар. науч. конф., посвящ. 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, д-ра сравнительного языкознания, востоковеда, проф. Императ. Казанского ун-та Н.Ф. Катанова. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2017. – С. 197–199.
23. Папуев, В.Б. Ойрат-калмыцкие имена: словарь-справочник личных имен / В.Б. Папуев. Элиста: Джангар, 1998. – 159 с.
24. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка. / Э.К. Пекарский. 2-е изд-е. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. Т. I. – 1278 стлб. Т. II. – 2010 стлб. Т. III. – 3858 стлб.
25. Рассадин, В.И. Лексика калмыцкого языка сквозь призму тюрко-монгольской лингвистической общности / В.И. Рассадин. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-3. – С. 36–45.
26. Рассадин, В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / В.И. Рассадин. – М.: Наука, 1980. – 115 с.
27. Сахалы-нууччалы, нууччалы-сахалы кылгас тылдыт: үөрэх тылдыта / сост. Т.И. Петрова. Якутск: Бичик, 2015. – 576 с.
28. Толковый словарь якутского языка; под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
29. Толковый словарь якутского языка; под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
30. Толковый словарь якутского языка; под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
31. Тэрис. Итэбэл тылдыта. Дьокуускай: Бичик, 2012. – 128 с.
32. Хонинов, В.Н. Современные калмыцкие имена. / В.Н. Хонинов. Элиста: Джангар, 2009. – 77 с.
33. Шамаева, А.Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дисс. ... кпгд. филол. н. / А.Е. Шамаева. Якутск, 2012. – 22 с.
34. Шантаев, Б.А. Некоторые особенности соотношения калмыцких этнонимов и антропонимов / Б.А. Шантаев. // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2010. № 2 (21). – С. 162–164.

Сокращения

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка; глаг. – глагол; диал. – диалектное слово; жен. – женское имя; КЯРРЯС – Краткий якутско-русский, русско-якутский словарь; ласкат. – ласкательное слово; миф. – мифоним; перен. – переносное значение; санскр. – санскрит; ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка; тюрк. – тюркский язык; устар. – устаревшее; як. – якутский язык

ИЗУЧЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

О.Е. Орлова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия)

Аннотация. Показано понимание традиции имянаречения в отечественной культуре – дохристианской и христианской в сопоставлении с периодом активного имятворчества начала советского периода. Представлена тема «Имя в моей жизни», ориентированная на развитие у обучающегося понимания себя одновременно как носителя традиций, так и создателя новой практики имянаречения. Описана взаимосвязь культурологических и методических позиций в организации изучения отечественного опыта имянаречения.

Ключевые слова: традиции имянаречения; источники антропонимической информации; образовательные проблемные ситуации.

Антропонимика как направление ономастики рассматривает различные аспекты: антропонимическую модель, влияние определённых факторов на её развитие, стабильность и подвижность имени, нормативную функцию имянаречения, культурные особенности отдельных имясловов и т.д. Мы хотим обратиться к педагогическому аспекту. По нашему мнению, важно представить не просто методическую сторону вопроса, а обозначить мотивационные основы изучения темы: ради чего следует включать в образовательную практику знакомство с традициями имянаречения, ведь речь не идёт только о расширении кругозора. Мы считаем, что обращение к теме может быть продиктовано общей историко-культурной ситуацией в практике имянаречения – складывание новой отечественной традиции, которую, по сути, создают современные русские, проживающие в России. Поэтому справедливо будет понимать обучающихся в качестве тех, кто будет определять суть новой традиции имянаречения (или как минимум может повлиять). Следовательно, знакомство с предыдущим культурным опытом необходимо для самоопределения будущего имядателя, обладающего и ответственностью за принятое решение, и определённой грамотностью в области ономастики. Эта позиция обосновывает методические разработки, представленные в статье.

Под традицией мы понимаем то, что передаётся из поколения в поколение и существует как уклад, образ жизни в течение нескольких столетий. В отечественной культуре можно выделить дохристианскую и христианскую традиции имянаречения. Мы принимаем содержательную сложность в характеристике периода господства той или иной традиции. Так, внутри христианской традиции происходит изменение предпочтений в выборе имён под воздействием исторических факторов. В. Вардиц, которая, рассматривая историю имянаречения, в том числе и как историю культурных предпочтений, отражённую в языке, разделяет представление о том, что «роль политического и культурного «европейского» ориентира для Древней Руси выполняли Византия и новые христианские государства *Slavia Christiana* (в первую очередь Болгария)» [Вардиц 2019: 134], и соответственно система имён сложилась как восточно-христианская. В эпоху Петровских перемен ««несовременные» русские и византийские имена были потеснены именами общеевропейскими и общехристианскими. Это видно на примере дочерей самого императора – *Анны* (1708 г. р.) и *Елизаветы* (1709 г. р.), названных именами английских и французских королей. Таким образом, традиция имянаречения в честь предков и сохранения имен из национального корпуса здесь уступает место воплощению идеи имянаречения в честь равных по статусу европейских властителей, с которыми Россию связывали политические интересы» [Вардиц 2019: 136]. Итак, христианская традиция, как устойчивое явление, в разные исторические периоды могла допускать вариативность, например, в предпочтении имён. По нашему мнению, наряду с подвижностью некоторых элементов имянаречения можно говорить о неком инварианте, отражающем суть традиции – идеи-смысла. Согласимся с М.В. Голомидовой, которая объясняет имя в христианской традиции как

перевод «в план трансцендентного и в область воздействия высших сил. Имя в такой интерпретации несёт в себе не только смысл приобщения к вере, но и воспринимается в роли инструмента для духовного влияния на земную судьбу человека. Имя от Бога – оно осознаётся как своеобразный ключ, способный открывать своему носителю дорогу к спасению при условии, что получивший его будет стремиться следовать добродетелям прежних его носителей – тех, чьи образы и имена церковью увековечены и прославлены» [Голомидова 2005: 14]. Значит, христианская традиция толкует имя как замысел Бога о человеке, который ему следует осмыслить, принять и воплотить в своей земной жизни для райского существования в жизни вечной. «Даруя родителям ребёнка и устанавливая день его рождения, Господь уже тем самым указывает на его имя. Определить же Божию волю мы можем по православному месяцеслову, в который включены имена святых, прославленных Церковью» [Какое имя выбрать новорожденному 2003: 22]. Практика именования в честь святого имеет религиозное объяснение: «имена святых возлагаются на нас в знамение союза членом Церкви земной с членами Церкви, торжествующей на небесах. Те и другие составляют одно тело под единою Главою – Христом и находятся в живом общении между собой» [Какое имя выбрать новорожденному 2003: 19].

Таким образом, в педагогической практике можно предложить осмысление основной сути традиции, обогащая содержание дополнительным материалом в зависимости от возраста обучающихся и особенностей образовательного учреждения.

Отметим, что своеобразным подтверждением двух традиций имянаречения выступает период активного имятворчества в начале советского периода, который так и не стал традицией. А.В. Сулова, А.В. Суперанская, отмечая широкое обновление русского имени в послереволюционные годы, обозначают источники пополнения русских имён. Особый интерес вызывают новообразования: «из имён нарицательных – русских и иноязычных без изменений – Гранит, Заря, Идея, Коммунар, Октябрь» и др.; «производные от имён нарицательных с суффиксами, типичными для русских имён: Энергий, Интерна, Юманите, Революта, Правдина; имена-усечения: Воля из Воля, Рево и Люция из «революции», Агит из «агитация», Аврор из «Аврора»» и т.п. [Сулова, Суперанская 1997: 114–115]. Как видно, значимым фактором в изменении имени становится исторический – переход к новому общественно-политическому строю, продиктованный сменой идеологии, вызывает мощный импульс к обновлению имён, которые помогают личности выразить свою идентичность. По нашему мнению, главное отличие от традиционной практики имянаречения состояло в отражении актуальных социальных изменений. Поэтому, если бы речь пошла о создании новой традиции имянаречения, то она должна была выражаться не в сохранении последующими поколениями имён типа Октябрина или Владлен (как составное от Владимир Ленин), а в постоянном обновлении корпуса имён в соответствии с теми значимыми изменениями, которые особо ценились в обществе. Так, на современном этапе можно было бы предложить имена типа Лидер (конкурс «Лидеры России»), Единорос (по названию партии), Цифра (отражение цифровизации в жизни общества), возможно и Дистанта. Такая практика приводила бы к беспрепятственной смене корпуса имён, что, естественно, снижало бы такую функцию антропонимической модели как стабилизация социума за счёт привычного имени. Иначе говоря, традиция была бы сопряжена с инновацией, что тоже не способствовало бы её закреплению в качестве традиции.

Итак, мы считаем, что при обращении к традициям имянаречения в образовательном пространстве следует выделять основную идейную сущность, которая и может быть предметом педагогического изучения.

Основой организации для изучения отечественных традиций имянаречения могут быть следующие положения:

- субъектная позиция обучающегося выражается в понимании себя как одновременно носителя традиций, так и создателя новой практики имянаречения;
- сопоставление дохристианской и христианской традиций имянаречения на уровне выделения основной идеи-смысла;

- развитие умения анализировать документы в качестве источников антропонимической информации.

Раскроем обозначенные позиции на примере темы «Имя в моей жизни», адресованной младшим школьникам. В содержание предмета «Региональный компонент: теория и практика» (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кафедра начального, дошкольного образования и социального управления) включён вопрос об изучении в начальной школе начал ономастики на примере антропонимики [Орлова 2004]. Цель занятий мы понимаем следующим образом: ученик, получивший начальное представление о разных традициях имянаречения в отечественной культуре, и способность «вписать» своё имя в их контекст. Отметим, что представленные ниже фрагменты из хода занятия мы проигрывали первоначально со студентками – будущими учителями, поэтому в публикации будут приведены примеры студенческих высказываний.

Первый этап – предварительное домашнее задание: узнать, кто и почему тебя так назвал. Мы предлагаем в соответствии с возрастом включить игровой элемент и взять интервью у родственников. Можно заранее с младшими школьниками обсудить вопросы и оформить их отдельным опросным листом: 1. Имя. 2. Дата рождения. 3. Участники выбора имени. 4. Варианты (если были). 5. Причина выбора имени. 6. Знали ли родственники Житие святого, если имя выбирали по святым. Включение последнего вопроса вызвано некоторыми студенческими ответами, указывающими на христианскую основу выбора: «Родилась 20-го января, близко был Татьянин день, поэтому назвали Татьяной». Однако при уточнении в беседе, знали ли родители на момент именованья Житие святой, выяснялось, что нет. Значит, мы не можем понимать подобные ответы как отражение христианской традиции имянаречения. Таким образом, уже первое задание, которое выполняют обучающиеся, вводит их в образовательный процесс как участников, исследующих пусть личную, но историю имянаречения. Кроме того, зафиксированный текст интервью становится источником антропонимической информации.

Следующий этап – рассказы учеников «У каждого имени своя история» и создание проблемной ситуации. Ведущим становится не возможность всем высказаться, скорее, по желанию, а определение оснований выбора имени, для чего необходимо выслушать несколько примеров. Существенны комментарии педагога, например, оказывается, литературные герои могут повлиять на то, как могут назвать человека; любимая песня или мнение старшего брата/сестры, соседки по палате в роддоме тоже могут стать определяющими. Особенно важно обратить внимание на те случаи, когда в классе есть два или больше человек, носящих одно и тоже имя, при этом основания выбора могут быть разными. Скажем, Ярославом могут назвать в честь дедушки или в честь князя Ярослава Мудрого, чьё имя носит Новгородский университет (именно такую историю рассказывала одна из студенток, родившая ребёнка в момент обучения в вузе). Обсуждение поможет обратить внимание на то, что, какое имя будет носить человек всю свою жизнь, определяется решением других людей, берущих на себя сознательно или нет ответственность за этот выбор. Тем самым, мы подводим обучающихся к пониманию в перспективе своей позиции имядателя.

В завершении этой части создаётся проблемная ситуация – обращение учителя: «А вы знаете, что в нашем классе русских (славянских по происхождению) имён очень мало (как правило)? Как вы думаете, какие это имена? Как же так, ведь мы с вами живём в древнем русском городе (Великий Новгород), говорим по-русски, изучаем русский язык?». Слова учителя определяются ситуацией в классе. Скорее всего, школьники будут испытывать затруднение и подсказка о том, что значение таких имён можно понять без перевода, позволит назвать Людмилу или Богдана. Заметим, что в каждом случае могут встречаться и редкие в употреблении, но соответствующие теме имена, например, мы проводили занятие в классе, где учился Любомир. Подчеркнём, вопросы, адресованные школьникам, на данном этапе не призваны привести их к верному ответу, задача – прежде всего вызвать удивление, желание разобраться в обозначенной ситуации. Всё это направлено на то, чтобы обучающийся осознавал себя и своих сверстников представителями истории имянаречения, продолжающейся и по сей день.

Затем следует этап информирования: на фоне вызванного интереса попытаться узнать, почему большинство людей в нашем обществе (школьников в классе) носят имена иностранного происхождения. Каждый педагог может самостоятельно выстроить рассказ о принятии христианства, а вместе с ним и правила именованья в честь святых. Для того чтобы обратиться к сути традиции, мы создаём проблемную ситуацию. Обозначив, что для наших предков принесённые имена были тоже непонятны по своему значению, рассказать о механизме выбора имени по святым (тем самым мы вводим ещё один источник антропонимической информации), а затем предложить узнать, как бы могли нас звать, если бы нам выбирали имена по христианскому календарю. Несомненно, произнесение таких имён как *Фалалей*, *Калиса* или *Паусий* может вызвать не просто удивление, а, возможно, и отторжение, смех. Однако эмоциональность реакции позволит акцентировать внимание на том, что не звучание или перевод имени имели ведущее значение в традиции, а христианский образ святого, который раскрывался в житии, поэтому его необходимо было знать при выборе имени. Можно предложить познакомиться с вариантами житий, адресованных детям [Наши имена 2006], определив этот этап пословицей «По имени и житие». Также следует обратить внимание на традиционную песню «Каравай», где речь идёт об именинах и именинниках (нет в русском языке слова день-рожденника), а значит, в отечественной культуре ведущим был праздник именин.

Знакомство с дохристианской традицией имянаречения начинается с рассмотрения источников антропонимической информации (откуда мы можем узнать древние славянские имена). Мы считаем, что совместно с учениками можно выйти на фольклорные тексты – сказки, былины – и назвать, например, *Добрыню Никитича*. Значимым источником следует рассматривать также и новгородские берестяные грамоты. Школьникам предлагаются фрагменты, в которых следует найти/выделить древние имена, например, «Се соцетеса *Бобр* с Семеном...» (гр. № 45) [Орлова 2004: 13]. Ведущим источником на этом этапе мы видим корпус существующих фамилий. Следует не только объяснить происхождение этой части антропонимической модели, но и проанализировать смыслы, заложенные в тех фамилиях, что произошли не от христианских имён: *Белов*, *Ушаков*, *Колесников* и т.д. Вместе с учащимися будет заполняться таблица, состоящая из трёх столбцов: 1. Примеры фамилий. 2. Имена (от которых произошли фамилии). 3. Основания образования имени. Так, например, 1. *Беляков*, *Чернышёв*, *Смоляков*. 2. *Беляк*, *Черныш*, *Смоляк*. 3. Цвет волос и кожи. Отметим, что школьникам предлагается самим путём исключения из фамилии суффиксов назвать получающееся имя, при этом педагог может добавлять аналогичные варианты женских имён (*Белуха*) и предлагать найти подобные фамилии среди учащихся класса. В результате можно выделить несколько оснований: числовой порядок рождения, внешние признаки, особенности характера и поведения, профессия, по названию племён, народов, соседствовавших со славянами и др. Итогом обсуждения обозначенных оснований станет выявление идеи, которая выражена в дохристианской традиции. По нашему мнению, имя выступает отражением земного мира человека: его внешности или характера, времени рождения или дела, которым он занимается, места, откуда он прибыл или желания уберечь от злых духов (так называемые охранные имена).

Завершение темы включает в себя несколько аспектов:

сопоставление дохристианской и христианской традиций, когда можно обозначить как общее наличие смысла, идеи, а в качестве различия подчеркнуть особенность ориентиров в именах – земной или горный мир человека;

осмысление собственного имени и фамилии в контексте традиций; например, первая часть таких словосочетаний, как *Илья Беляков* и *Анна Масленникова*, относит обучающихся к одной традиции, вторая – к другой;

осознание ответственности за наполнение новой традиции ценностным, идейным содержанием, «С именем Иван, а без имени болван». Школьникам можно предложить подумать, а какая традиция из тех, с которыми мы знакомимся, сейчас занимает в обществе ведущее место. Если же обе традиции выступают для нас прежде всего как культурный опыт для создания новой практики, то, следовательно, каждый, кто будет участвовать в имянаречении, становится её создателем.

Итак, изучение отечественных традиций имянаречения, по нашему мнению, не должно сводиться только к расширению культурного кругозора, но в первую очередь стремиться к развитию обучающихся как носителей и создателей таких практик имянаречения, которые будут иметь смысловое содержание.

Список литературы

1. Вардиц, В. Русское имянаречение Нового времени: социально-культурные и политико-идеологические механизмы антропонимических сдвигов / В. Вардиц // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. – С. 129–144.
2. Голомидова, М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. 2005. № 2. – С. 11–22.
3. Какое имя выбрать новорожденному. М.: Благо, 2003. – 32 с.
4. Наши имена. Книга 1. Книга 2. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2006. – 176 с.
5. Орлова, Е.О. Имя в моей жизни. Методические рекомендации для студентов и учителей. 2-е изд., испр. и доп. / Е.О. Орлова. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 56 с.
6. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Лениздат, 1997. – 203 с.

***

ОСОБЕННОСТИ современных русских и американских прозвищ-эвентонимов А.В. Цепкова

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Аннотация. В статье анализируются современные русские и американские прозвища-эвентонимы, то есть неконвенциональные антропонимические номинации, мотивированные событием или рядом событий в жизни именуемого лица и функционирующие на уровне микросоциума. При этом данные прозвища рассматриваются не только как имена лиц, но и как способы репрезентации события через актуализацию одного из его параметров (слов): именуемого как агента или объекта; атрибута агента; места действия; самого действия; инструмента для достижения цели; объекта воздействия; причины, результата, оценки события.

Ключевые слова: прозвище; эвентоним; микроэвентоним; неконвенциональный антропоним; событийное прозвище.

В данном исследовании рассматриваются современные русские и американские прозвища-антропонимы, мотивированные событием, в которое вовлечен именуемый объект. Материалом исследования послужили прозвища, полученные в результате анкетирования российских и американских респондентов, большую часть которых составляют студенты Новосибирского государственного педагогического университета (Россия) и Университета Восточного Вашингтона (США). Картотека американских прозвищ собрана при поддержке гранта Фулбрайта для ученых и деятелей искусств (2021–2022) и дополнена материалами из американских интернет-форумов.

Эвентоним – термин, введенный в работе [Donec 2002: 35–37] для отграничения имен событий (Ereignisnamen) от хрононимов и осознания их денотатов как особых явлений, важных для освоения курсов лингвострановедения и теории межкультурной коммуникации. При этом автор приводит типологию событий, выделяя мега-события, макро-события, медиа-события и микро-события и предлагая соответствующие ономастические термины: мегаэвентонимы, макроэвентонимы, микроэвентонимы (термин ‘медиаэвентоним’ в статье не употребляется) [Donec 2002: 36–37]. Для наименования специально организованных событий (ивентов) Т.П. Романова вводит термин ‘ивентоним’, рассматриваемый как рекламное имя и разновидность эвентонима [Романова 2020: 223]. Э. Хоффманн, исследуя имена политических событий, проводит подробный анализ

терминологии, используемой ономастологами для номинации явлений, связанных с событиями разных сфер и разного масштаба (хремотонимы, хрононимы, геортонимы, акционимы, актонимы, идеонимы, документонимы, политонимы, фенонимы, праксонимы) [Хоффманн 2008: 92–93].

В отличие от собственно эвентонимов, антропонимические прозвища-эвентонимы обладают двуреферентностью, указывая на человека и отсылая к событию (происшествию), породившему данное прозвище в силу вовлеченности в него именуемого. Прозвища-эвентонимы особенно характерны для сфер мега-, макро- и медиа-социума в отношении исторических, политических и общественных деятелей. Таким прозвищам могут быть свойственны черты хрононимов, хремотонимов, идеонимов и так далее в зависимости от сферы деятельности личности и характера актуализируемого в прозвище события. Так, например, прозвища-эвентонимы *Невский* и *Hero of Appomattox* (*Герой Анноматокса*), отсылают к известным личностям, оценивая их важную историческую роль (князь Александр Ярославович и Улисс Симпсон Грант, будущий 18-й президент США, главнокомандующий армии северян во время гражданской войны в США), к местам важных исторических событий и через имена мест – к самим событиям, сближаясь с хрононимами (победа в Невской битве 15 июля 1240 года; капитуляция южан 9 апреля 1865 года после сражения у Аппоматокса).

Так как объектом нашего исследования являются прозвища-эвентонимы, функционирующие на уровне микро-социума (семья, друзья, школа, студенческая и профессиональная среда и т.п.), то они затрагивают, как правило, события идиокультурного масштаба, или микрособытия [Donec 2002: 37], значимые и известные в первую очередь в ограниченном кругу лиц.

Под событием как мотивом образования микро-социального прозвища мы понимаем однократное или повторяющееся происшествие в рамках некоей ситуации, в которую вовлечен именуемый как агент или объект. Событие-мотив может иметь разную временную протяженность, носить рутинный или неординарный характер, включать других участников и осложняться дополнительными обстоятельствами. При этом оно может сводиться к поступку, примечательно в силу неожиданности, необычности, абсурдности, провокационности, (траги)комичности, анекдотичности или других характеристик, позволяющих запомнить именуемого и вызывающих эмоциональную реакцию у номинатора. Сложность интерпретации прозвищ-эвентонимов заключается в том, что мотивационный контекст микро-социального прозвища может быть лаконичным и даже ущербным с точки зрения интерпретатора в силу того, что ряд слотов описываемого события остаются незаполненными респондентами.

Принимая во внимание вышеизложенное, рассмотрим особенности прозвищ-эвентонимов, мотивированных однократным или повторяющимся событием с учетом способа его фиксации в прозвище и активной или пассивной роли именуемого.

I. Именуемый в роли агента. Наиболее частотными являются номинации, выделяющие именуемого как активного участника (агента) определенного события: 87 % русских и 86 % американских прозвищ в рамках данной группы (здесь и далее сначала приводятся процентные показатели количества русских, а затем – американских прозвищ). Номинаторы обеих лингвокультур преимущественно используют механизмы прямой отсылки к ситуации, а именно, метонимию (40 % / 53 %) и дескрипцию (13 % / 22 %), при этом среди американских прозвищ таких случаев больше. В метонимических прозвищах фиксируются:

а) предметы, ключевые детали ситуации, придающие ей курьезный / трагикомический оттенок. Как элементы ситуации эти предметы выступают в роли атрибута (нелепого аксессуара / предмета одежды); места действия; инструмента для достижения цели; объекта, на который именуемый оказал негативное воздействие: *Palapa* / *Палана* (исп. ‘пальма’): «Я назвала так свою сестру, когда мы были в Мексике, потому что она постоянно ходила с зонтиком из пальмовых листьев»; *Шортик*: «человек в –30 ходил по улице в шортах, чтобы его не побили / зимой в шортах бегал по улице»; *Шкаф*: «в первый день лагеря мальчик спрятался в шкаф, решил подшутить над вождями»; *Чунс*: «парень ужасно хотел бросить курить. И когда ему хотелось вновь

закурить, он сосал чупа-чупс – бросил!»; **Камаз**: «сломав Камаз» (здесь и далее в прозвищных контекстах сохранена авторская орфография и пунктуация, коррекция ошибок не производилась. Англоязычные прозвищные контексты приводятся в переводе автора статьи);

б) роли именуемых в разного рода сценках, утренниках, семейных празднованиях и вечеринках по аналогии с средневековыми «карнавальными» прозвищами – прототипами будущих фамилий [Алпатов 2020: 40]: **Мороз**: «был дедом Морозом на новогодней елке в НГПУ, когда учился на I курсе»; **Piggy Amos / Поросенок Амос**: «получил прозвище в школьные годы, когда претворился поросенком во время игры на перемене»;

в) слова и фразы, случайно проявившиеся в вербальном поведении именуемого: **Дуня**: «по песне: пела песню “Дуня, шей сарафан”»; **Кусок**: «В игре на знакомства, где называешь свое имя и предмет, который берешь с собой на ту букву Кирилл взял с собой кусок (лагерь)»; **Везувий**: «Написала на доске в школе “Безубий” вместо “Везувий”»; **Shevegas**: «произнес “Швегас” вместо “Шебойган” во время радио-трансляции»;

г) герои и названия произведений или фильмов, которые именуемый так или иначе «популяризовал»: **Горыныч**: «потому что читала книгу про змея Горыныча и всем про это рассказывала»; **Мумия**: «учительница английского языка, с которой смотрели фильм Мумия на английском языке».

Отличительной особенностью метонимических прозвищ на основе повторяющихся ситуаций является то, что данные объекты так или иначе отражают некие пристрастия, привязанности, зависимости именуемого, провоцирующие его на постоянное совершение действий или создание ситуации, способной приблизить именуемого к данному объекту: **Валентина Ивановна**: «этот парень прибежал на каждый урок математики к учительнице Валентине Ивановне с вопросами»; **Hotdog Boy**: «Прошлым летом я часто (возможно слишком часто) наведывался в киоск с хот-догами напротив нашего офисного центра во время обеда. Я приносил хот-доги к себе в офис и наполнял весь офис запахом лука, горчицы и теплого сока».

Механизм метафоры более частотен в части русских прозвищ (35 %), среди американских прозвищ нашей картотеки такие прозвища составляют 22 %. Метафорические прозвища, в отличие от метонимических, выводят именуемого на первый план, подчеркивая его роль как агента (инициатора, источника, причины) события, которое, как правило, представляет собой нестандартную для повседневной жизни ситуацию и может быть замкнуто на них самих или вовлекать дополнительных участников в роли жертв именуемого. Для актуализации ситуации номинаторы проводят аналогию с характеристиками:

а) узнаваемого культурного типажа или вымышленного персонажа: **Киборг**: «В 5 классе я решила в новую школу, у нас появился новый предмет – история. Учительница сказала, что будет ставить дополнительные оценки за то, что мы будем делать презентации по теме параграфа. Я начала делать презентации почти на каждый урок. Из-за этого одноклассники дали мне такое прозвище. Прозвище большое положительное, потому что я понимала, что никто не говорил это, чтобы обидеть меня или задеть. Мы все с этого смеялись»; **Тарзан**: «в первый совместный праздник залез на дерево»; **Рембо**: «подралась с пацанами»; **Ведьма**: «в шутку гадала друзьям. Во время разговора могла разозлить или в шутку сказать о чем-то, (что именно было не так важно, обычно какие-то мелочи) что в последствии сбывались. Просто стечение различных факторов, но все равно забавно. Пару раз когда чихала надо мной перегорала (загорелась) лампочка»; **Schmidty**: «Когда я начал играть в детской бейсбольной лиге, я занимался с тренером, который был отцом ребенка из моей школы. Наша команда называлась Филлис. Мой тренер ставил меня на разные позиции, но однажды я играл на третьей базе и он сказал, что я играю как Майк Шмидт. Однажды моя семья принесла на игру накладные усы и парик чтобы придать мне сходство с Майком Шмидтом. С тех пор это мое имя в спортивной среде, и все, кто знает меня по спорту, называют меня Шмидти»; **Rambo**: «в тех нескольких случаях, когда я был один или с моим лучшим другом и мы были в меньшинстве ... я/мы никогда не проигрывали»; **Chief Little**

Man / Маленький вождь: «Я получил это прозвище в начальной школе. Кажется, я как-то круто себя проявил в снежной войне»;

б) представителей определенной профессиональной сферы: **Шахтер**: «как-то в пятом классе натер карандаш на бумагу и намазал этим щеки, и получилось лицо как у шахтера»;

в) животных: **Воробей**: «как-то заснул в курятнике и потом вся голова была в перьях»;

г) неодушевленных объектов: **Скала**: «провалилась цепочка в бане под пол, чтобы достать – оторвал доску пола».

Дескриптивные прозвища (13 % / 22 %) описывают:

а) само действие: **Залипуха**: «Девочку называли так, после того как она уснула на уроке (школа)»; **Соня**: «проспала день рождения друга»;

б) оценку действий именуемого: **Abnormal Housekeeper / Аномальная уборщица**: «Начальница объясняла подчиненной девушке-уборщице, что нужно помыть между поставленными плотно друг к другу столами. Девушка-уборщица, понимая, что между столами помыть невозможно, не расставив их иначе, начала показывать, что получится, если она все-таки помоем между ними. Получился абсурд. И недовольная начальница так назвала подчиненную»;

в) результат действий именуемого: **Лысый**: «Парень побрился наголо»; **Dizzy Dolye in the Mop / Доули с утренним головокружением**: «каждый понедельник болел с похмелья и задавал классу самостоятельную работу».

Также среди прозвищ на основе ситуаций с именуемым-агентом встречаются единичные случаи языковой игры, подчеркивающие неуместность, абсурдность, нестандартность ситуации. Так, прозвище **Человек дождя** основано на квазиаллюзии к американскому фильму «Человек дождя / Rain Man» (1988): **Человек дождя**: «Когда поливает асфальт, идет дождь. Поэтому каждый раз, когда он выходит во двор со шлангом, мальчишки пытаются шланг отобрать». Мотивирующий контекст описывает невероятную причинно-следственную связь между действиями человека и явлениями природы, и прозвище, заимствованное из названия известного фильма, прочитывается именуемыми буквально, не затрагивая аналогии между именуемым и персонажем фильма. Вместе с тем, необычность происходящего может быть проинтерпретирована в связи со странностью образа *Rain Man / Raymond* и обогатиться дополнительными характеристическими параметрами.

Еще один пример языковой игры, основанный на аллюзии к американскому кинематографу, находим в американской картотеке: **The Comb Back Kid**: «кларнетистка называет меня **Ребенок, вернувшийся с расческой**, потому что я однажды принес(ла) расческу в класс». Прозвище *The Comb Back Kid* представляет собой каламбур на основе созвучия английских слов *come* ('приходить') и *comb* ('расческа') и замены лексемы *come* на *comb* во фразе *the comeback kid* ('вернувшийся ребенок' / 'блудный сын'), отсылающей к американскому фильму *The Comeback Kid* (1980) о бывшем бейсболисте, ставшем тренером трудных детей. Таким образом, благодаря языковой игре ординарная ситуация подвергается творческой реинтерпретации в силу одновременной реализации в прозвище нескольких смыслов и аллюзии к конфликтам, связанным с понятием «блудный сын» в его исконном и осовремененном контекстах.

II. Именуемый в роли объекта. Прозвищные контексты, указывающие на именуемого в роли объекта (13 % / 14 %), как правило, представляют его жертвой обстоятельств, травматичных в моральном или физическом плане. При этом прозвища указывают на:

1) самого именуемого как объекта воздействия или жертвы обстоятельств через метафорическую номинацию: **Мишень**: «целишься в него снежками, чтобы научить хорошо кататься на коньках»; **Poo Bear / Винни Пух**: «застрял в кладовке (возможно в поисках меда)»;

2) внешнюю (материальную) причину инцидента (животные, еда) через метонимическую номинацию: **Алабай**: «Другу приснилась собака, на следующий день такая же собака загнала на крышу гаража»; **Халва**: «отравился халвой»; **Gravy Dan**: «Амиш из Огайо получил это прозвище, потому что во время обеда по случаю урожая он налил себе в кофе соус вместо сливок»;

3) внутреннюю причину инцидента через прямую номинацию качества именуемого: **Вульгарный пассажир**: «сняли с поезда из-за поведения»;

4) результат инцидента (через метонимию и дескрипцию): **Копченый**: «чуть не сгорел при пожаре, “подкоптился”»; **3 cheeks / Три щеки**: «из-за травмы после аварии с мотоциклом».

Таким образом, прозвища, образованные на основе одного или нескольких событий разной сложности, выступают не только в качестве характеристического именованного лица, но и как имена событий, фиксирующие доминантный с точки зрения номинатора элемент событийного фрейма (агент, объект, действие, причина, результат, оценка действия и др.).

События, служащие мотивами для прозвищ, как правило, носят однократный характер и вписаны в неординарные ситуации (несчастные, нелепые, комичные случаи, абсурдные поступки именуемого) или ординарные ситуации, подвергающиеся юмористическому переосмыслению благодаря креативности номинатора, приобретая таким образом оттенок оригинальности. При этом прозвища-эвентонимы могут актуализировать: а) одно повторяющееся или единичное событие или поступок, изложенные с разной степенью лаконичности; б) комплексную ситуацию, разворачивающуюся в подробный нарратив, который может совмещать несколько микро-событий статичного и динамичного характера (описание черт личности, поведения и связанных с этими параметрами событий, обрамленных предысторией и заключением).

Окказиональный характер большинства событий-мотивов наряду с универсальными параметрами события в разных их сочетаниях не позволяет на данном этапе анализа выявить существенные типологические различия между русскими и американскими прозвищами-эвентонимами. Сравнительный анализ показывает, что большинство описанных выше моделей представлено прозвищами из обеих лингвокультур. При этом отсутствие примеров прозвищ из определенной лингвокультуры в рамках модели не говорит о ее отсутствии в данной лингвокультуре в силу окказиональности прозвищ-эвентонимов как таковых и необозримости прозвищного материала. В связи с этим, кросс-культурный анализ такого нестабильного разряда собственных имен как прозвища рассматривается как способ выявления типичных моделей с перспективой их дальнейшего пополнения примерами из разных лингвокультур.

Список литературы

1. Алпатов, В.В. Средневековые английские прозвища и фамилии с христианскими ассоциациями / В.В. Алпатов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. – С. 23–50.
2. Романова, Т.П. Ивентоним как рекламно-информативный тип имени собственного / Т.П. Романова // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. – С. 220–240.
3. Хоффманн, Э. Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации / Э. Хоффманн // Вопросы ономастики. 2008. № 5. – С. 90–104.
4. Donec, P.N. Zum Begriff des Eventonyms / P.N. Donec // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch der GUS. 2002. – S. 35–41.

***

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА

А.Ш. Юсупова

Казанский федеральный университет (Казань, Россия)

Аннотация. На протяжении XIX в. в контексте существовавших тогда социокультурных доминант в России было составлено и издано более десяти двуязычных словарей. В данных словарях нашли отражение собственные имена (антропонимы): названия городов, стран, государств, морей, рек и гор. Данные названия по происхождению являются арабо-персидскими и русско-европейскими.

Ключевые слова: словарь; татарский язык; собственные имена.

На протяжении XIX в. в контексте существовавших тогда социокультурных доминант в России было составлено и издано 10 татарско-русских и 3 русско-татарских словаря: И. Гиганова (1801, 1804) А. Троянского (1833; 1835), С. Кукляшева (1859), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш. Габдельгазиза (1893), А. Воскресенского (1894), М. Юнусова (1900).

Появление этих словарей было обусловлено общественно-политическими и культурно-образовательными условиями, которые складывались в стране на протяжении XIX в. С первой трети XIX в. Российская империя резко активизировала свою деятельность на Востоке. Завершив во второй половине XIX в. присоединение всех казахских земель, она, включив в свой состав туркменские и узбекские земли, дошла до границ с Ираном и Афганистаном. На Дальнем Востоке Россия устанавливала отношения с Китаем, Кореей и Японией. Продолжалась активная политика в отношении Османской империи. Эти обстоятельства актуализировали роль татарского языка как испытанного средства общения со странами Востока и явились одной из причин для составления татарско-русских и русско-татарских словарей.

В XIX в. продолжали развиваться торгово-экономические отношения России с сопредельными государствами Востока, что также требовало знания татарского языка и стимулировало издание татарско-русских и русско-татарских словарей.

Изучение татарского языка, составление татарско-русских и русско-татарских словарей в XIX в. в России являлись одним из условий подготовки христианских миссионеров. Миссионерское общество святителя Гурия с целью христианизации населения, в том числе татарского, издавало различные словари, учебники и переводы христианских религиозных произведений на татарском языке.

В первой половине XIX в. обучение татарскому, турецкому и другим восточным языкам осуществлялось в стенах Казанского, Петербургского и Харьковского университетов, Одесского и Лазаревского институтов восточных языков, Неплюевского военного училища, некоторых новых гимназий, духовных семинарий, училищ. Широкое распространение преподавания восточных языков, в том числе татарского, также способствовало появлению татарско-русских и русско-татарских словарей.

Определенная заслуга в этом принадлежала и Казанской школе тюркологов, представители которой в течение XIX века создали прекрасные труды по старотатарскому литературному языку и по нескольким живым тюркским языкам, в первую очередь, по казанско-татарскому.

Изучая данные словари, мы пришли к выводу, что их составители стремились максимально сохранить особенности словарно-языковых знаков и их грамматического оформления с учетом существовавших знаково-оценочных и конкретно-словесных выражений, уникальных черт образной языковой системы своего времени, соблюдая при этом лексико-грамматические каноны и подчиняясь закономерностям науки о языке.

В целях системного и полного представления лексического богатства словарей мы классифицировали собранный материал (более 100 000 лексических единиц) по тематическим группам. Одной из таких групп является группа «Имена собственные», которая включает в себе 160 онимов, относящихся к антропонимам, топонимам, гидронимам, космонимам и т.д.

Представление имен собственных в татарско-русских словарях XIX века подразумевает их перевод на русский язык, что на первый взгляд может показаться простым делом. Действительно, слова эти особые, служат условной вывеской, их можно просто транслитерировать в другой алфавит. Однако в вопросах общения на русском языке никогда нет и быть не может ничего простого и легкого.

Соответственно, включение имен собственных в двуязычные словари, как бы это ни показалось странным, требует осторожности, больших усилий и знаний культурного фона.

Среди представленных имен большое место занимают антропонимы. Их много в словаре Н. Остроумова: *Агатый – Агафья* [Остроумов 1876: 47], *Апанас – Афанасий* [Остроумов 1876: 49],

Ибан – Ивань [Остроумов 1876: 78], *Питыр – Петрь* (имя) [Остроумов 1876: 108], *Катерьня – Екатерина* (имя) [Остроумов 1876: 86], *Метрей – Димитрий* [Остроумов 1876: 102], *Микуш – Михаилъ* [Остроумов 1876: 102], *Пабал – Павелъ* (имя) [Остроумов 1876: 107], *Палый – Пелагея* (имя) [Остроумов 1876: 108], *Пилип – Филиппъ* (имя) [Остроумов 1876: 108], *Симей – Семень* (имя) [Остроумов 1876: 113], *Симуш – Семушка* (имя) [Остроумов 1876: 113]. Имена даны в том виде, в каком употребляются в говорах крещеных татар.

В словарях А. Троянского представлены собственные имена, выражающие названия городов: *Истамбул – Константинополь*, *Аязлык шәһәре – Ефестъ*, *Иске Истанбул – Троя*, *Бич – Вена*, *Искәндәрия – Александрия* [Троянский 1835: 152, 178, 36] и т.д.

Интересную картину составляют названия водоемов. Среди гидронимов имеются названия морей, рек и озер: *Кара Идел – Волга*, *Фрат – Ефрат*, *Нил – Ниль* (река) [Троянский 1835: 77, 49, 258], *Иртыш – Иртыш* [Будагов 1869: 186], *Идел – Волга; Бъялая река* [Кукляшев 1859: 20], *Күккүз – Каспийское море* [Будагов 1869: 159] и т.д.

В современном татарском языке названия стран, континентов очень редко употребляются, а в двуязычных словарях татарского языка XIX века зафиксированы татарские слова либо арабо-персидские заимствования: *Әрмәния Кәбир – Великая Армения*, *Әрмәния Сәгъйрь – Малая Армения*, *Асия – Азия*, *Инглиз вилаяте – Англия*, *Багдан – Молдавия*, *Чин мәчин – Китай* [Троянский 1833: 27, 27, 37, 59, 217, 490], *Мәсә вилаяте – Македония*, *Галәмнек вилаяте – Голландия* [Будагов 1869: 55], *Шәм – Сирия Шәм – Сирия* [Кукляшев 1859: 58] и т.д.

Среди собственных имен в словарях зафиксированы и космонимы: *Дуб әкбәр – Большая Медведица*, *Дуб әскар – Малая медведица*, *Зәһрә йолдызы – Планета Венера* [Троянский 1835: 522, 523, 562] и т.д.

Оронимы – собственные географические название гор и хребтов – тоже нашли отражение в татарско-русских словарях XIX века: *Агры тагы – Ароратская гора*, *Эмаус тагы – Эмаусъ гора*, *Бакан таглары – Алтайская горы*, *Хәбел сина – Сионская гора*, *Хәбел табур – Таворская гора* [Троянский 1835: 52, 70, 232, 389, 389], *Сур тагы – Синайская гора* [Троянский 1833: 10] и т.д.

Некоторые топонимы образованы со словом *вилаят*, что означает «область, провинция» [ГТРАС: 53]. Например, *Немча вилаяте – Германия*, *Хәнуир вилаяте – Генуя*, *Чау вилаяте – Богемия* [Троянский 1833: 258, 418, 491], *Франк вилаяте – Франция*, *Мәсә вилаяте – Македония*, *Галәмнек вилаяте – Голландия* [Троянский 1835: 51, 55] и т.д.

В татарско-русских словарях XIX века топонимы зафиксированы в союзе со словом *мәмләкәт*, что обозначает «страна, государство, королевство» [ГТРАС:312]: *Россия мәмләкәте – Россия*, *Вандик мәмләкәте – Венеция*, *Данә мәркә мәмләкәте – Дания* [Троянский 1835: 549, 265, 538] и т.д.

В исследуемых словарях имеются такие единицы, которые без изменений дошли до наших дней: *Африка – Африка*, *Һиндстан – Индия*, *Кытай – Китай* [Троянский 1833: 54, 270, 521], *Каишгар – Каишгаръ*, *Мальта – Мальта*, *Зәһрә – Венера* [Будагов 1869: 109, 109, 609], *Иран – Иранъ*, *Персия, Таишкенд – Таишкендъ*, *Минзәл – Мензилинскъ* [Кукляшев 1859: 20, 31, 93] и т.д.

Имена собственные – важная национальная составляющая и языковой и культурной картины мира. Соответственно, они играют большую роль как в формировании, так и в сохранении национальной идентичности. В эпоху все возрастающих возможностей межкультурной коммуникации поспешный и невежественный перевод имен собственных наносит ущерб национальным языкам и культурам, понижает престиж страны и народа.

Список литературы

1. Будагов, Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык / Л. Будагов. Т. 1. СПб.: Тип. АН, 1869. – 810 с.
2. Кукляшев, С. Словарь к татарской хрестоматии / С. Кукляшев. Казань, 1859. – 106 с.

3. Остроумов, Н. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии / Н. Остроумов. Казань, 1876. – 145 с.
4. Саттаров, Г.Ф. Татар антропонимикасы / Г.Ф. Саттаров. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. – 278 б.
5. Тер-Минасова, С.Г. Имена собственные в двуязычном словаре: культурно-языковая картина мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. – С. 9–16
6. Троянский, А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казан, семинарии священника Алек. Троянского / А. Троянский. Т. 1. Казань, 1833. – 629 с.
7. Троянский, А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казан, семинарии священника Алек. Троянского / А. Троянский. Т. 2. Казань, 1835. – 340 с.
8. Хәмзин, К.З. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә / К.З. Хәмзин, М.И. Мәхмутов, Г.Ш. Сәйфуллин. Казан, 1965. – 853 б.

***

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИЙ ИМЕНОВАНИЯ СИБИРСКИХ КАЗАХОВ И СИБИРСКИХ ТАТАР ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Г.К. Чаукурова, Д.М. Мухамадиева

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск
А.И. Прошлякова (Тюмень, Россия)*

Аннотация. В статье рассматривается сибирскотюркский ономастикон, претерпевающий изменения, связанные с социальными процессами, происходящими в обществе. Во второй половине двадцатого века было характерно наличие «второго» русского имени у казахов и татар. К концу этого же столетия на смену старинным пришли более короткие, легкие в плане произношения имена. В наше время наряду с сохранением этой тенденции наблюдается возвращение к национальным традициям, которое проявляется в нарекании детей мусульманскими именами.

Ключевые слова: имена; казахи; татары; Тюменская область; национальные традиции.

Родной язык является важнейшим фактором этнического самосознания. Тюркские народы не имеют специально придуманных имен. Все имена пришли из условий жизни и быта народов. В татарском и казахском антропонимиконе юга Тюменской области активно употребляются имена тюркского происхождения, различные по лексико-семантическим и структурным признакам. Большое взаимовлияние на сибирскотюркский ономастикон в целом оказывает непосредственное проживание родственных народов на одной территории. В казахском именнике очень часто встречаются имена, характерные для татарского антропонимикона: мужские – *Рашид, Ринат, Азат*, женские – *Диана, Динара, Дина, Эльмира* и другие; в татарском, соответственно, есть имена, характерные для казахов, например: *Азамат, Кайрат, Асель* и другие.

Проживание сибирских казахов и сибирских татар на территории Тюменской области непосредственно среди русского населения также наложило большой отпечаток на формирование антропонимикона данных этносов [Чаукурова 2013: 22]. В советские времена стала теряться приобщенность к национальным традициям, к родному языку, особенно у казахов. Первостепенную роль в овладении языком играет язык обучения в школе. Если у сибирских татар есть национальные школы, в которых ведется преподавание татарского языка и татарской литературы, до недавнего времени родной язык преподавался на филологическом факультете Тюменского государственного университета, то все тюменские казахи получили и получают школьное образование исключительно на русском языке. В редких семьях можно наблюдать использование родного казахского языка в семейно-бытовой сфере.

У многих татар и почти у всех казахов, рожденных во второй половине двадцатого века, имеется «второе» русское имя, например, у казахов: *Манруза – Валя, Асия – Алла, Орынбасар – Оля, Жаныл, Жансулу – Жанна, Кайергельды – Коля, Серикбай – Сергей, Аманжол – Алексей* и т.д., у татар, чаще у женщин: *Рауфа, Раиса – Рая, Хальбига, Халиля – Галя, Начия – Надя*. С течением времени двуязычие в сибирскотюркском именнике постепенно утрачивается. У большинства опрошенных казахов и татар Тюменской области, рожденных в конце двадцатого века, нет дублирующих русских имен, но наблюдается тенденция сближения с русским языком, что проявляется в выборе имени, которое легко воспринимается на слух, произносится, запоминается представителями многих этносов. Казахи и татары, проживающие на территории Тюменской области, стали называть детей не характерными для родного языка именами *Магамбет, Кабибулла, Акмадыя, Есмакзом, Бакытжан, Газизулла, Ахмедратип, Амиржан* (муж.), *Каиржамал, Гульбагила, Нагима, Шакира, Татлыбике* (жен.), а такими, как *Кайрат, Мурат, Азат, Тимур, Канат, Руслан, Дамир, Амир, Ильдар, Ильнур, Вагит, Руфат, Ринат* (муж.), *Гуля, Сауле, Айжан, Асель, Диана, Динара, Альбина, Дина, Дана, Зульфия, Лейла, Дания, Эльза, Алина, Алсу, Самира* (жен.). На сегодняшний день в Тюменской области много казахских и татарских антропонимов, которые незначительно различаются на фонетическом уровне. Это связано с тем, что общетюркские имена осваиваются национальной звуковой системой языка, отсюда и различия в произношении:

мужские имена	
<i>казахские:</i>	<i>татарские:</i>
Кусаин	Хусаин
Кабибулла	Хабибулла
Омар	Гумар
Исламбек	Исламнур
Кали	Гали
Жусуп	Юсуп
Кайрат	Айрат
Жаслан	Аслан
женские имена	
Шолпан	Чулпан
Жамиля	Джамиля
Жулдуз	Юлдуз
Батима	Фатима
Злиха	Зулейха

Очень много совершенно одинаковых имен, характерных для сибирских татар и сибирских казахов: *Талгат, Данияр, Дамир, Ислам, Карим, Амир, Кайрат, Руслан, Азат, Азамат, Ринат, Алмаз, Артур, Идрис* (современные мужские имена), *Гульнара, Гульзара, Дина, Динара, Алина, Лейла, Мадина, Марьям, Сабина, Самира, Эльвира, Диана, Найля, Роза, Айгуль* (современные женские имена).

В Тюменской области очень много смешанных браков среди татар и казахов. Детям в таких семьях обычно дают имя, свойственное тому этносу, к которому принадлежит отец ребенка. Например, имена детей, где отец является татаринном, а мать казашкой: *Ратмир, Марс, Марсель, Ильдар, Рузиля, Венера, Рита, Эльвира, Эльмира*. В семьях, где отец – казах, а мать – татарка, обычно ребенка называют казахским именем: *Бауыржан, Ермек, Серик, Алия, Малика, Сауле* и др.

Казахи Тюменской области при общении предпочитают использовать традиционные обращения: ага, ата (к лицам мужского пола), апа, тате, аптай, аже (к лицам женского пола), о людях старшего поколения отзываются уважительно: *Кожжа-агам, жезде Толеген, Мазира-апам,*

Майнур-татем, о молодых людях и девушках: *Акан, Дастен-улы (Акан, сын Дастена), Алтын, Кожжанын кызы (Алтын, дочь Кожжи)* и т.д. Тюменские татары используют такие уважительные формы обращения к старшим, как: *бабай, картэатэу, дәуатый* (к лицам мужского пола), к мамам и бабушкам – *эбикэ, эннэкэу, эннэу, энкэй, эней, дәуэней*, к тетям и дядям: *Гулюса-апа, Алмаз-абый, цецинэу, цецибабэу*.

Некоторые имена обозначают реалии советской действительности, например, *Социал, Совет* (каз.). Имя могли дать по названию какой-либо профессии, особенно почитаемой в Советском союзе: *Шахтер*. У сибирских татар есть такие имена, как *Изиль (исполнитель заветов Ильича), Ленар (армия Ленина), Ленуре (Ленин учредил революцию), Рева, Люция* и другие.

Возврат к древним традиционным формам казахского и татарского именников становится все заметнее и ярче, наблюдается рост этнического самосознания сибирскотюркских народов, становление ценностных ориентиров, осмысление своей идентичности. В связи с этим происходят изменения в антропонимике, появляется много имен мусульманского происхождения. Казахи и татары Тюменской области стали называть детей именами прабабушек и прадедушек, стали возвращаться к традиции, когда фамилии образовывались от имени отца или старейшины рода, ведь старшее поколение является национальным достоянием казахского и татарского этносов. В настоящее время казахи Тюменской области стараются дать своему ребенку красивое старинное имя: *Мерген, Злиха, Мейрам, Амина, Самира, Орык, Сагнай, Абельмансур*. Татары предпочитают следующие имена для детей: *Идрис, Мухамед, Али, Фаяз, Амин, Марьям, Мадина, Амина* и др. Все чаще мальчиков называют именами пророков: *Мусса, Ибрагим, Махмет, Ахмед* (сокращенная форма имени Мухаммед).

Таким образом, антропонимикон сибирскотюркских народов, являясь живой частью системы языка, отражает социально-политические, исторические процессы общества, претерпевает изменения, связанные с возрастанием самосознания этносов, способствует сохранению родных языков через возврат к древним казахским и татарским традициям нарекая новорожденного, который столь необходим как связь с культурными корнями и истоками своего народа.

Список литературы

1. Чаукерова Г.К. Особенности функционирования тюркских антропонимов в российско-казахстанском приграничье / Г.К. Чаукерова, К.К. Койше, Г.М. Ниязова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 22-2. – С. 19–27.

***

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ И ИХ ИНОЯЗЫЧНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

Э.Н. Шехтман

Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена проблеме иноязычных соответствий имён собственных (личных имён), изучаемой главным образом на материале русского и английского языков. В межъязыковом контексте особой сложностью представляется поиск соответствий для личных имён, у которых в языке перевода существует более одного варианта имени-соответствия. В таком случае необходимо учитывать, является ли носитель имени нашим современником, историческим, библейским персонажем и/или проч. Другая проблема в области иноязычных соответствий личных имён – поиск адекватного перевода искусственных фольклорных имён в художественной литературе. Данная проблема рассматривается в статье на материале перевода Н.М. Демуровой сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».*

Ключевые слова: *имена собственные; личные имена; межъязыковые соответствия; словари; искусственные фольклорные имена; художественный перевод; языковая картина мира.*

Представление имени собственного и в иноязычном контексте, например, при переводе, и в двуязычных словарях является сложной проблемой, требующей как языковых, так и общекультурных фоновых знаний. Как пишет С.Г. Тер-Минасова, «небрежное обращение с собственными именами <...> может нанести значительный урон и смыслу, и исторической истине, и картинам мира, и общению в целом. Иначе говоря, неузнавание или неверная передача имён собственных может вызвать сбой коммуникации» [Тер-Минасова 2010: 11].

Существуют исторически сложившиеся нормы употребления имён в межъязыковом контексте. Эти нормы в частности являются предметом изучения прикладной антропонимики, которая занимается не только проблемами нормы в именах, но и способами передачи одного имени в разных языках, а также способствует созданию антропонимических словарей [Подольская 1990: 37].

В межъязыковом контексте, например, при переводе, и в процессе изучения иностранного языка, сложность представляют собой такие имена, которые имеют неявные переводческие соответствия, традиционно употребляемые в отдельных случаях и конкретных ситуациях.

Например, имени Яков (Иаков), по мнению образованных носителей русского языка, соответствует английское имя Jacob (Джейкоб) (см., например, статью Г.М. Кулаевой [Кулаева 2021: 376]). Однако когда речь идёт об английском переводе Библии 1611 г., который по-русски традиционно называют «Библией короля Иакова», по-английски нужно сказать “King James Bible” или “King James Version (of the Bible)”.

В «Словаре английских личных имён» А.И. Рыбакина имена **Jacob** и **James** приводятся как отдельные вокабулы, отдельные словарные статьи с подробным этимологическим комментарием, причём для имени **James** даются следующие переводческие соответствия: Джеймс, ранее Джемс, Джеймс, библ. Иаков (*поздн.-лат. Iacomus <лат. Iacobus, см. Jacob*) [Рыбакин 1989: 112].

Другой пример традиционного и общепринятого переводческого соответствия – имя императора Священной Римской империи Карла Великого (742–814). В английской традиции этого монарха называют именем *Charlemagne* [ʃɑ:lə'maɪn] или [ʃɑ:lə'mein] (от лат. *Carolus Magnus* и франц. *Charles-le-magne*). Примечательно, что само русское имя нарицательное «король» произошло от латинизированной версии имени собственного этого императора *Carolus*, подобно тому, как латинское имя собственное *Caesar* дало русские имена нарицательные «кесарь» и «царь».

Подобным образом переводческим соответствием имени английского короля Henry the Eighth в русском языке является Генрих VIII (хотя если речь идёт о переводческих соответствиях этого имени, не освящённых исторической традицией, то переводческое соответствие «Henry – Генри» является совершенно верным). А имена библейского происхождения *Rachel*, *Ruth*, *Matthew*, *Esther* имеют в русском языке разные переводческие соответствия, в зависимости от того, идёт ли речь о самих библейских персонажах или о более поздних англоязычных носителях этих имён, вплоть до наших современников, то есть соответственно это *Рахиль* или *Рейчел*, *Руфь* или *Рут*, *Матфей* или *Матью* / *Мэтью*. Так, книга Ветхого Завета “The Book of Esther” по-русски традиционно в соответствии с каноническим переводом Библии называется «Книга Есфири» (в современном русском написании и произношении это еврейское женское имя – Эсфирь). Английское имя приводится в словаре А.И. Рыбакина: **Esther** ['estə, 'esθə] ж (*лат. <др.-евр. Estēr, предпол. др.-перс. имя; букв. звезда (ср. вав.-асс. Ishtar – богиня Иштар)*). Если же речь идёт о более современных носительницах этого имени в англоязычных странах, то это имя передаётся как “Эстер (см.: [Рыбакин 1989: 83]).

Иное употребление этих и подобных переводческих соответствий, не учитывающее сложившихся традиций, наносит удар по языковой и культурной картине мира носителей русского языка, изучающих английский язык.

Другой серьёзной проблемой в области поиска иноязычных соответствий имён собственных, на которой представляется необходимым остановиться, являются трудности, возникающие при художественном переводе традиционно существующих искусственных имён в произведениях художественной литературы.

Так, например, в книге-сказке Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (Lewis Carroll. *Through the Looking-Glass and What Alice Found There*) в качестве одного из персонажей появляется и значимым образом участвует в развитии сюжета фольклорный герой песенки-прибаутки, впервые опубликованной по разным источникам в конце XVIII – начале XIX в., Humpty Dumpty. Этот персонаж известен русскоязычному читателю по стихотворному переводу этого стишка Самуила Яковлевича Маршака как Шалтай-Болтай. В главе VI сказки Кэрролла происходит знакомство Humpty Dumpty с главной героиней Алисой. Приведём этот фрагмент в переводе Нины Михайловны Демуровой:

« – Скажи-ка мне лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась.

– Меня зовут Алиса, а...

– Какое глупое имя, – нетерпеливо прервал её Шалтай-Болтай. – Что оно значит?

– Разве имя *должно* что-то значить? – проговорила Алиса с сомнением.

– Конечно, должно, – ответил Шалтай-Болтай и фыркнул. – Возьмём, к примеру, моё имя – оно выражает мою суть! Замечательную и чудесную суть! А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно... Ну, просто чем угодно!» [Кэрролл 1978: 172].

Приведём сам исходный английский стишок:

Humpty Dumpty sat on a wall,

Humpty Dumpty had a great fall.

All the King's horses,

And all the King's men

Couldn't put Humpty Dumpty together again.

Учитывая вид яйца, который, как считается, и в первоначальном фольклорном варианте этой истории (возможно, сначала – загадки с разгадкой «яйцо»), имеет данный персонаж, в конце концов сваливающийся со стены (ср. значения англ. глагола *dump* ‘сваливать’, ‘сбрасывать’, ‘шумно опрокидывать’), необходимо признать удачным найденное С.Я. Маршаком и используемое Н.М. Демуровой русское переводческое соответствие его имени Шалтай-Болтай.

Как пишет в своём комментарии к книгам об Алисе Мартин Гарднер, «Питер Эликзэндер в своей статье “Логика и юмор Льюиса Кэрролла” обращает внимание на характерную для Кэрролла инверсию, которая проходит обычно незамеченной. В реальной жизни собственные имена редко имеют какой-либо смысл, помимо обозначения индивидуального объекта, в то время как другие слова обладают общим, универсальным смыслом. В мире Шалтая-Болтая справедливо обратное. Обычные слова обретают любые значения, которые придаёт им Шалтай-Болтай, а имена собственные, такие как «Алиса» и «Шалтай-Болтай», предполагаются имеющими универсальное значение» (цит. по: [Кэрролл 1978: 172–174]).

В своей статье «О переводе сказок Кэрролла» Н.М. Демурова, автор, как признано многими критиками и профессиональными переводчиками, канонического перевода сказок об Алисе, говорит, что «транспонирование» имён имело для неё первостепенное значение: «Выбор нового имени должен был опираться на круг ассоциаций, знакомых русскому читателю, которые в то же время не были бы исключительной монополией России. Выбор нового имени вёл к “транспонированию” всех связанных с ним деталей. <...> Выбор нового имени для кэрролловских героев – это определение их характеров, их дальнейшего поведения. Это определение драматургии книги» [Демурова 1978: 323].

В этой же сказке Кэрролла есть ещё два изначально фольклорных персонажа из другого английского детского стишка с искусственными именами – *Tweedledum* и *Tweedledee*. С.Я. Маршак в своём переводе этого стишка на русский язык сохранил английские имена Твиддлум и Твидлди. Но, как справедливо отмечает Н.М. Демурова, «произнести эти имена по-русски нелегко. Они не “ложатся” на язык, а выговариваются с напряжением» [Демурова 1978: 320].

При этом данные имена в английском языке явно звукоподражательные, (ср. англ. слова: *twang* ‘резкий звук натянутой струны’, *twee* ‘птичий щебет’, *twitter* ‘щебет, щебетанье’). Соответственно, эти имена изображают звуки музыкальных инструментов, скорее всего, струнных. Н.М. Демурова пишет об этих именах: «соответствия им следует искать в русских

словах, изображающих, и притом без особого почтения, звуки всевозможных музыкальных инструментов» [Демурова 1978: 321]. Поэтому Н.М. Демурова дала этим братьям-близнецам в своём переводе имена Труляля и Траляля. А Дина Григорьевна Орловская, которая начала работу над стихами в русских версиях двух сказок Кэрролла в творческом содружестве с переводившей прозаическую часть Н.М. Демуровой, воспользовалась этой находкой при переводе песенки об этих неразличимых братьях.

Таким образом, иноязычные имена-соответствия должны подбираться с учётом исторических, географических, социокультурных и прочих фоновых знаний, необходимых для межкультурной коммуникации, и опираться на широкий лингвистический кругозор. Если же это имена литературных героев, особенно искусственные, то их иноязычные соответствия должны выбираться переводчиком неслучайно, так как они являются и в языке оригинала, и в тексте перевода такими знаками, за которыми стоят языковые, литературные и культурные ассоциации, причём зачастую знаками, определяющими логику и драматургию всего повествования.

Список литературы

1. Демурова, Н.М. О переводе сказок Кэрролла / Н.М. Демурова // Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М.: Наука, 1978. – С. 315–337.
2. Кулаева, Г.М. Методические пути изучения ономастики в учебном предмете «Русский (родной) язык» / Г.М. Кулаева // Ономастика Поволжья: матер. XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля / науч. ред.: Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун; сост. П.А. Якимов. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С. 373–378.
3. Кэрролл, Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. М.: Наука, 1978. – 359 с.
4. Подольская, Н.В. Антропонимика / Н.В. Подольская // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энцикл., 1990. – С. 36–37.
5. Рыбакин, А.И. Словарь английских личных имён / А.И. Рыбакин. 2-е изд. испр. и доп. М.: Рус. яз., 1989. – 224 с.
6. Тер-Минасова, С.Г. Имена собственные в двуязычном словаре: культурно-языковая картина мира / С.Г. Тер-Минасова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. – С. 9–16.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ И МИКРОТОПОНИМИКИ

***

ТОПОНИМИЯ БАССЕЙНА РЕКИ ЛЕМЕЗА (НА МАТЕРИАЛЕ КОРНЕВЫХ ОСНОВ)

В.Н. Асмондьоров

Центр образования №159 (Уфа, Россия)

Аннотация. Статья посвящена когнитологическому осмыслению ряда топонимов бассейна реки Лемеза с последующим выделением корневых основ для этимологических интерпретаций. В исследовании используются данные не только Древнетюркского словаря, но и интерпретации основ из Этимологического словаря алтайских языков, а также материалы межвузовской лаборатории по изучению языков и культур народов Урало-Поволжья при Башкирском государственном университете.

Ключевые слова: топонимия, корневая основа, гидронимия, этимология.

В каждом отдельном языке существуют свои правила номинации. Они осуществляются на основе общих законов мышления и специфических законов определенного языка. Номинация есть сложный логико-лингвистический процесс. В то же время проблема членения действительности средствами определенного языка является частью большой и сложной проблемы.

Особенности мировосприятия башкир и его языковая репрезентация достаточно чётко вырисовываются в региональной лингвистике, а именно в диалектах и топонимах определённого региона проживания башкир. Например, в топонимии Башкортостана часто встречается *Иске Йорт* (Старое / Былое место жительства, жилище). В топонимии северо-востока Башкортостана имеется *Саңды йорт*, *Якташ өйө*, *Салауат йорто* и т.п., объективно отражающие этнолингвокультурологическую особенность восприятия пространства башкир [Шайхисламова 2009:98].

Топонимия исследуемого региона Приуралья строилась в основном на тюркской основе. В составе многих топонимов сохраняются слова и понятия, характеризующие минувшие времена, исчезнувшие виды растений и животных. Они отражают комплекс природных богатств рассматриваемого региона в историческом плане и по отношению к сегодняшнему дню.

Лемеза – довольно крупная река на Южном Урале. Общая протяженность её составляет около 120 километров, а площадь бассейна более 1900 км². Исток расположен в Сухих Горах Катав-Ивановского района. Протекает по территории Челябинской области и Республики Башкортостан, впадает в реку Сим. Издревле на её берегах (в среднем и нижнем течении) проживали представители одного из древнейших родовых подразделений башкир – рода Кудей (*Көзәй ырыуы*).

Рассмотрим ряд топонимов бассейна реки Лемезы (главным образом гидронимов), выделяя устойчивые корневые основы из каждого названия с последующей интерпретацией их возможных этимологий. Для анализа этимологий нами используются: «Этимологический словарь алтайских языков» (Лейден, 2003), Древнетюркский словарь (Ленинград, 1969), Однословные корневые основы в кыпчакских языках Урало-Поволжья (Уфа, 2000) а также «Историко-этимологический топонимический словарь башкирского языка».

Ләмәз/Ләмәз – название реки очевидно интерпретируется как составное из двух главных компонентов ләм – «ил», әз/аз – досл. «мало» [Камалов 2007:54]. Компонент *әз* в ряде источников указывается в качестве аффикса без конкретного семантического значения.

Кунағын/Көмағын (ручей, правый приток Лемезы в районе деревни В.-Лемезы, Архангельский район, Башкортостан).

Первая составная часть восходит, вероятно, к общетюркской основе –КОМ/ФОН в значении «ил, мелкий песок». Сравн.: РТурк. *Kum («песок»): турецкий *kum*; гагаузский *qum*; азербайджанский *Gum*; узбекский *qum*; крымско-татарский *qum*; татарский *qom*; башкирский *qom*; киргизский *qum*; каракалпакский *qum*; уйгурский. *qum*, *qom*; хакасский *xum*; тувинский *qum*; чувашский *хь□т*; якутский *kumax*; долганский *kumak*. Вторая интерпретация базируется на том факте, что ручей течет строго в южном направлении, а поэтому допускается толкование *Көн-ағын* дословно: «текущий на юг». Сравн.: *көнъяк* (башкирский) – «юг».

Вторая часть топонима восходит к древнетюркской основе *iak-*, обладающая общим значением «течь» (*AQ* «течь», «истекать» [ДТС 1969:48], *AQIYLIY* «обладающий течением» [ДТС 1969:48], *AQIY* «течение», «поток», «волнение» [ДТС 1969:48] *AQINDI* «проточная вода», *AQTUR* «заставлять течь» [ДТС 1969:48] и пр.), также функционирует в говорах башкирского, татарского и чувашского языков: *АҒыу* «река» (сакмарск. говор башкир. яз.); *АҒыт* «маленькая речка» (тобольск. говор татар. яз.); *АҒытыу* «сплавить по воде» (среднуральск. говор башкир. яз.); *АҒынты* «проточная вода» (дубьязск. говор татар. яз.); *АҒын* «течение» (чист. говор татар. яз.); *АКма* «источник» (тобольск. говор татар. яз.); *АКым* «струящийся воздух в тёплый солнечный день» (кизильск. говор башкир. яз.). Любопытно, что указанная основа *iak-*, по мнению авторов Этимологического словаря, также соотносится с чувашской основой *jox*: *ЙОХлах* «русло реки» (верх. диалект, чуваш. яз.); *ЙУХ* «течь» (низ. диал. чуваш. яз.); *ЙОХам* «течение», «движение» (диал. чуваш. яз.) [РЧС 2012:352]; *ЙУХан шыв* «река» (верх. диал. чуваш. яз.); *ЙУХам*, *ЙУХни* «течение

воды» (верх. диал. чуваш. яз). Следует отметить, что кроме общетюркской вариации *iak-* или *aq-* Этимологический словарь алтайских языков предлагает также и тунгусскую основу *iaKu* в значениях «болото», «ручей», «лужа» и «канавы» [ЭСАЯ 2003:586].

Икен/Экен (река, правый приток Лемезы в районе деревни В.-Лемезы, Архангельский район, Башкортостан). А.А. Камалов отмечает название данного гидронима в своем словаре как содержащее компонент *ике* в значении «метка, тавро» [Камалов 1997:54].

Кысык/Кысык (приток Лемезы, общая длина 17 километров). Название реки можно связать с корневой основой *КЫС-КЫС* с общим семантическим значением «зажимать, теснить»: Сравн.: протомонгольская основа **kisa-* «сокращать, мешать, задерживать»: восточномонгольская *kis(a)-* калмыцкое *kis-* с аналогичным значением [ЭСАЯ 2003:682]. Данное предположение находит подтверждение и у А.А. Камалова: *Кысык* – «теснина» [Камалов 1997:99].

Атыш (приток Лемезы в районе одноименного водопада на стыке административных границ Архангельского и Белорецкого районов Республики Башкортостан). В наименование данного гидронима фигурирует корневая основа *AT* в значении «стрелять, бить вырываться». В действительности бурный поток воды своеобразно выстреливает из урочища. Корневая основа широко распространена и фиксируется в древнетюркском языке **at-* («бросать, стрелять»); турецком *at-*; гагаузском *at-*; азербайджанском *at-*; узбекском *at-*; уйгурском *at-*; киргизском *at-*; казахском *at-*; каракалпакском *at-*; кумыкском *at-*; уйгурском *at-*; чувашском *iv̄t-*; якутском *it-*; долганском *it-* [ЭСАЯ 2003:1127].

Бесспорно, что всё вышеизложенное дает только некоторое представление о топонимической системе бассейна реки Лемеза. Достаточно перспективным выглядит идея обработки материала, к примеру, в рамках когнитивных сфер (Познание (Априори), Природа (Неживая, Живая), Человек, Общество) предложенных А.Г. Шайхуловым с последующей классификацией и интерпретацией выделенных корней. Так, к примеру сфера «Неживая природа» довольно тесно взаимодействует с топонимией и будучи своеобразной выступает в качестве неотъемлемой части духовной культуры народа. Подобный подход может быть полезен при анализе топонимов как тюркского, так и нетюркского происхождения; для раскрытия древнетюркского, древнебашкирского языковых пластов, явлений и их трансформации; при объяснении причин происхождения явлений и признаков, составляющих специфику географических названий в контексте языкового союза Урало-Поволжья.

Более того, разработка структуры и семантики корня и её проекции на древнее состояние языков является одной и ключевых задач современного языкознания [Бухарова 2011:1250]. Все это имеет самое непосредственное отношение к проблеме вычленения общеалтайских основ в тюркских, финно-угорских топонимах региона. Это сделает возможным с высокой долей точности выделять субстраты при помощи интерпретированных корневых основ.

Список литературы

1. Бухарова, Г.Х. Башкирские топонимы индоиранского происхождения, характеризующие ландшафт / Г.Х. Бухарова // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №4. – С. 1246–1251.
2. Древнетюркский словарь (ДТС). Л.: Наука, 1969. – 676 с.
3. Камалов, А.А. Башкирские географические термины и топонимия / А.А. Камалов. Уфа: Китап, 1997. – 384 с.
4. Камалов, А.А. Историко-этимологический топонимический словарь башкирского языка / А.А. Камалов, Ф.У. Камалова. Уфа: Китап, 2007. – 331 с.
5. Скворцов, М.И. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь / М.И. Скворцов, А.В. Скворцова. Изд. 6-е, стереотип. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. – 432 с.
6. Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Н.И. Толстой. М.: Наука, 1969. – 262 с.
7. Шайхисламова З.Ф. Национальное мировидение в этноонтологической интерпретации номинативных принципов в контексте топонимических систем Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и северо-востока

Российской Федерации: учебное пособие / З.Ф. Шайхисламова / под ред. Е.И. Зеленева, А.Г. Шайхулова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 184 с.

8. Шайхисламова, З.Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ): Монография / З.Ф. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 212 с.
9. Шайхулов, А.Г. Односложные корневые основы в кыпчакских языках Урало-Поволжья (Опыт синхронической и диахронической характеристики: Части 1 и 2 (словарь) / А.Г. Шайхулов. Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – 210 с.
10. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики: синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа: неживая и живая» / А.Г. Шайхулов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2000. – 494 с.
11. An Etymological dictionary of the Altaic languages (S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak). Vol. 1-3. Leiden, 2003. – 2096 p (ЭСАЯ).

***

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОЙКОНИМИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

М.Р. Багомедов

Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена одной из актуальных проблем современного языкознания – изучению потенциала ойконимии полиэтнического региона. На большом полевом материале рассматриваются названия населённых пунктов, функционирующие в топонимической системе такого уникального региона мира как Республика Дагестан.*

Ключевые слова: *полиэтнический регион; языки народов Дагестана; ойконимы.*

С точки зрения этнокультурного и языкового многообразия Дагестан является уникальным регионом не только России, но и всего мира: представлены двадцать восемь языков, из которых четырнадцать являются письменными. В природно-географическом и климатическом отношении республика характеризуется значительным многообразием, что также повлияло на становление и развитие ономастикона в целом, а также отдельно по языкам. Анализ ойконимов Дагестана в этнолингвистическом аспекте представляет несомненный интерес. В республике насчитывается более 1600 населённых пунктов (НП): 1576 сельских НП, 19 поселков городского типа и 10 городов [Дагестанская АССР 1980]. В регионе, как правило, НП строились исходя из географических, экономических и оборонительных соображений. Это наложило отпечаток на сходство в образовании названий аулов. «Название каждого населённого пункта запрограммировано на два денотата: (1) точка на земной поверхности; (2) его жители» [Суперанская 2009: 57].

Актуальность сбора, систематизации и анализа ономастических единиц возрастает и в связи с тем, что идёт интенсивный процесс исчезновения ономастикона ряда аулов. Это связано с: а) принудённым переселением жителей ряда горных аулов в 1944 г. на территорию Чечено-Ингушской АССР; б) усиленная миграция народонаселения Дагестана с гор на равнину; в) переселение в связи со строительством гидроэлектростанций на местах расположения НП и др.

В результате этих и других обстоятельств во второй половине XX в. десятки селений обезлюдели. Например, только в одном Кайтагском районе РД опустели семнадцать НП: *Антил* «Антил», *Ургагья* «Ургага», *Бяртугья* «Бартуга», *Агълавкент* «Аглавкент», *Хялинта* «Халинта», *Чидажа* «Чидажа», *Барша* «Барша», *Гябдаишья* «Абдашка», *Гурмиша* «Гурмиша», *Уриегьи* «Уршеги», *Мирсегьи* «Мирсеги», *Мисригьи* «Мисриги», *Тама* «Тама», *Сулипа* «Сулипа», *Бирккли* «Биркли», *Дарша* «Дарша», *Иричи* «Иричи». Эти названия сейчас редко употребляются, есть вероятность,

что они в последующем безвозвратно выйдут из обихода. В связи с этим данная проблема имеет особое значение в плане лингвоэкологии.

Понятие «населенный пункт» («село», «хутор») в языках народов полиэтнического Дагестана представлено таким образом:

а) в аварском языке: *росу* «село» – *Кудиябросу* Кудиябросо (Ахвахский район) «Большое село», *ИманГалилросу* Иманлиросо (Гумбетовский район) «Село Иманали», *Хъахлабросу* Кахабросо (Унцукульский район) «Белое село», *Росулъ* Росутль (Гунибский район) «В селении»; *коло* «хутор» – *Гозолоколо* Гозолоколо (Хунзахский район), *Гортлаколо* Гортколо (Хунзахский район), *Нухтлаколоб* Нухотколоб (Тляртинский район), *Колоб* Колоб (Тляртинский район), *Колоб* Колоб (Унцукульский район), *Коло* Коло (Хунзахский район) и др. (информация записана со слов сотрудников республиканской газеты на аварском языке «Истина» Мусы Магомедова и Абдулбасира Тагирова 29 ноября 2007 г.);

б) в лакском языке: *шяр*, *шяравалу*; формант *ши* «село» наличествует, например, в таких ойконимах: *Бурши* Бурши (Лакский район), *Гъуци* Гуци (Лакский район), *Караши* Караша (Лакский район), *Иниши* Иниша (Лакский район), *Цуйци* Цыйша (Кулинский район), *Хъусраци*, *Хъусрехъ* Хосрех (Кулинский район); в лакском языке понятие «хутор» отмечается апеллятивом *маши*, но он не зарегистрирован в лакских ойконимах (информация записана со слов кандидата филологических наук Эльдаровой Р.Г. 29.11.2007 г.);

в) для выражения понятия «село» в лезгинском языке употребляются такие языковые единицы: *хур* (*хюр*), *кент*, *къеле* (*келе*). В сложносоставных лезгинских ойконимах официальных документов на русском языке с целью обозначения данного понятия задействован компонент *-кент*, но в изданиях на лезгинском языке и в устной речи лезгин он подменяется собственно лезгинским *-хур*: Касумкент – *Къасумхур* (Сулейман-Стальский район), Асадкент – *Асадхур* (Сулейман-Стальский район), Шхикент – *Шхихур* (Сулейман-Стальский район), Магарамкент – *Меъгарамдхур* (Магарамкентский район) и др. В Курахском районе Республики Дагестан имеется НП, где в его названии компонент *хур* (*хюр*) задействован и в официальных документах на русском языке. Более того, рассматриваемый ойконим состоит собственно из этих двух компонентов: *Хурехюр* (*хюр* + *хюр*) букв. «Село в селе». В 90-х годах XX в. в честь известного поэта, классика лезгинской поэзии Етима Эмина НП *Аламише* переименовали в *Эминхур*, т.е. использован исконно лезгинский компонент *-хур*. Компонент *-келе* также зафиксирован в лезгинских ойконимах: *Каикеле* – старое название села, букв. «Сожженная крепость»; *Циши макъа* «Новый мака (этимология компонента *мака* затемнена) – новое название (информация записана со слов кандидата филологических наук Абдулмуталибова Н.Ш. 27.11.2007 г.).

В даргинском языке понятие «населенный пункт» выражается следующими терминами: *ши* «село», *махъи* (в диалектах отмечены варианты: *махъъи*, *магъи*, *маши*, *машиши*) «хутор», «сезонное поселение». Наряду с ними в даргинском языке наличествуют и другие компоненты: *-кент*, *-аул*, *-къала*.

Тюркский компонент *кент* зафиксирован в тринадцати ойконимах Дарга (территория распространения даргинского языка): *Агълавкент* (сегодня этого села нет, его жители переселились в с. Варсит Кайтагского района Республики Дагестан и в др. НП), *ГяхИмадкент* «Ахмедкент», *Маллакент*, *Сурхавкент*, (Кайтагский район РД), *Бархакент*, *Наскент*, *Сулайбакент*, *Сусакент*, *Пагъиркент* «Тагиркент», *Тагъзиркент* «Тагзиркент», *Хясакент* «Хасакент» (Левашинский район РД), *Къадиркент* «Кадиркент» (Сергокалинский район РД), *Сулевкент* (Хасавюртовский район). Данный факт отражает «былые экономические и политические связи с кумыкскими феодальными владельцами. Таких случаев, когда русские усваивали кумыкские названия дагестанских селений, превращая их в официальные названия, было немало (*Кахабросо* – *Ахкент*, *ЦунрегIе* – *Таикопур*, *Хъар-махи* – *Карамачи* и др.)» [Османов 1965: 296–297]. Элемент *-кент* указывает на более позднее образование этих ойконимов, а в отдельных случаях и самих НП. Например, образование НП *Къадиркент* «Кадиркент» датируется 1923 г., когда

в поисках плодородной земли на территории Губдена поселились семь хозяйств. Первопоселенцы «решили дать название, бросив жребий. Жребий выпал на Кадира, и селение по сей день называется Кадыркент» [Гаджиев, Мутаев 1999: 38–39].

Жители с. *Сулерка* Дахадаевского района РД в 1944 г. были насильственно переселены в ЧИАССР, а в 1957 г. сулеркинцы, как и многие дагестанцы, были вынуждены вернуться в Дагестан. Так как их дома в родном ауле пришли в негодность, они были вынуждены поселиться в Хасавюртовском районе и образовать новое село, которое получило название *Сулевкент*.

Все три названия одного НП Кайтагского района РД (*Агълавкент* «Аглавкент», *Агълавлa ши* «Село Аглава», *Ирхълеги* «Ирхлеги») функционировали и использовались в зависимости от ситуации и возраста говорящего. НП изначально назывался *Ирхълеги* «Ирхлеги». Ойконим *Агълавкент* «Аглавкент» образовался позже. На сельском кладбище сохранилась могила *Агълава* «Аглава». Скорее всего, это имя первопоселенца. НП на данном месте образовался сравнительно недавно. По всей вероятности, старое место жители оставили, после определенных событий: уничтожение села иноземными захватчиками, природные катаклизмы, болезни др. Подобная история ойконима *Сурхавкент*, до него бытовало название *Гяхьлугъи* «Аклуги».

В даргинском языке некоторые ойконимы с *-кент* жители отдельных НП называют с заметной тюркского компонента *-кент* на даргинское *-ши* «село»: *ГяхИмадкент* «Ахмедкент» – *ГяхИмадла ша*, *Агълавкент* «Аглавкент» – *Агълавлa ши*. Кумыкский НП *Каякент* (Каякентский район) старшее поколение даргинцев именуется *Къаяла ши* «Селение Кая».

Ойконимы *Сулайбакент*, *Пагъиркент*, *Тагъзиркент*, *Хясакент*, *Къадиркент*, *Агълавкент*, *Сурхавкент*, *ГяхИмадкент* свидетельствуют о том, что в их образовании в основном задействованы антропонимы: *Сулайба* (форма Род. пад. от мужского имени (м.и.) *Сулайбан*), *Хяса* «Гасана» (форма Р.п. от м.и. *Хясан* «Гасан»); *Пагъир* «Тагир», *Тагъзир* «Тагзир», *Къадир* «Кадир», *Агълав* «Аглав», *Сурхав* (*Сурхай*), *ГяхИмад* «Ахмед» (форма Им. пад.). Как видно из примеров, форму генитива приобрели личные имена, оканчивающиеся на *-и*: Сулайбан, Хясан. Все они представлены в даргинском антропонимиконе [Багомедов 2006]. История свидетельствует, что они, как правило, являются именами первопоселенцев. Отмеченные в них мужские личные имена характеризуют патриархальность общественного уклада жизни народа и связано с большими правами мужчин на частную собственность в прошлом, их более активной трудовой и общественной деятельностью [Багомедов 2006: 5].

В даргинский ойконимии компонент *аул* представлен в единичном случае: *Мяммаул* (Сергокалинский район РД). Данный НП также образовался довольно-таки поздно. Элемент *къала* отмечен в названии образовавшегося в советское время НП Сергокалинского района РД *Сергокъала* (ранние названия: *Къоркъмаскъала* «Коркмаскала», *ДешлахЯр* «Дешлагар»).

Таким образом, можно сделать вывод, что функционирующие в даргинском языке ойконимы с компонентами *-кент*, *-аул*, *-къала* образовались более позже и в них стержневыми элементами выступают мужские личные имена.

В результате вышеупомянутых обстоятельств и других процессов на территории Дагестана образовались новые НП. Тридцать семь ойконимов с компонентом «новый» зафиксированы в официальных источниках с [Дагестанская АССР 1980: 182-183]. Например: *Новокаре* – *Сагаси Къаре* (Бабаюртовский район РД), *Новая Барша* – *Сагаси Барша*, *Новый Барша* (Кайтагский район РД), *Новый Викри* – *Сагаси Вихъри*, *Вихъри* (Каякентский район РД), *Новый Дейбук*, *Сагаси Дейбук* – *Сагаси ДейбукI*, *Сагал ДейбукI* (Каякентский район РД), *Новый Костек* – *Сагаси Костек* (Хасавюртовский район РД), *Новый Мугри* – *Сагаси Мугри*, *Сагал Мугри* (Сергокалинский район РД), *Новый Уркарах* – *Сагаси Уркарахъ*, *Саккел Уркарахъ* (Дахадаевский район РД) и др. Как правило, название прежнего НП здесь сохраняется. Исключением является НП *Сагаси Дейбук*, где даргинское слово *сагаси* «новый» не переведено.

В данную группу можно отнести и другие ойконимы: *Дружба* (Каякентский район РД), *Зеленоморск* (Карабудахкентский район РД), *Красноармейское* – Красноармейск (Советский район г. Махачкалы), *Краснопартизанск* (народное название *Мамайкъутан*) (Сергокалинский район

РД), *Ленинкент* (народное название *Шамшагьар*) (Карабудахкентский район РД), *Морское* (Дахадаевский район РД), *Первомайское* – Первомайск (народное название *Учабулакь* тюрк., где уч «три», *булакь* «родник») (Каякентский район РД), *Родниковый* (народное название *МТС – Сельхозтехника*) (Кайтагский район РД), *Шаласи* дарг. «светлый» (Дахадаевский район РД) и др. Для НП с многонациональным составом (иногда одной национальности, но из разных сел), как правило, выбирают нейтральное название. В основном эти поселения образовались во второй половине XX в. В них просматриваются следы советской эпохи.

Для обозначения понятия «город» в дагестанских языках употребляется апеллятив *шагьар*. В даргинском языке астионимы (астионим – вид ойконима. Собственное имя города) [Подольская 1988: 41]) Дагестана используются в следующих формах: официальное название *Махачкала* (город носит это название с 1921 г.) – названия, применяющиеся даргинцами в устной и письменной речи *МяхИячкьала*, *Гянжи* (старинное название *Гянжи* чаще всего употребляется старшим поколением); *Буйнакск* – *Буйнакьск*, *Буйнакь*, *Шура*, *Темир-хан-Шура*; *Дербент* – *Дербент*, *Чулли* (зафиксирован в фольклорных произведениях); *Каспийск* – *Каспийск*, *Каспий*; *Избербаш* – *Избербаш*, *Изберг*, *Избир*; *Дагестанские Огни* – *Дагестанские Огни*, *Огни*, *Дагьиста Цами* (последний вариант редко используется и то в средствах массовой информации); *Хасавюрт* – *Хасавюрт*, *Хасав*; *Кизляр* – *Кьизлар*; *Кизилюрт* – *Кизилюрт*; *Южносухокумск* – *Южносухокумск*, *Сухокумск*. Селение *Ленинкент* Карабудахкентского района в народе именуется *Шамшагьар* «Город свечей» – название древнего города, до основания уничтоженное и сожжённое иноземными захватчиками. Лишь в первой половине XX в. туда начали заселяться люди. Жители вновь образовавшегося НП употребляют старое название, но официальным остается *Ленинкент*. Таким образом, в даргинских СМИ и официальных источниках астионимы Дагестана применяются в следующих формах: *МяхИячкьала*, *Буйнакьск*, *Дербент*, *Каспийск*, *Избербаш*, *Дагестанские Огни*, *Хасавюрт*, *Кьизлар*, *Кизилюрт*, *Южносухокумск*, а в разговорной речи – эти и все вышеназванные формы.

Ойконимы зафиксированы как в произведениях устного народного творчества, так и в художественных произведениях писателей. Так, в народных сказках отмечены такие ойконимы: *Мажалис* «Маджалис», *Хьярбук* «Харбук», *Мургук* «Мургук», *Меусиша* «Меусиша», *Мисри шагьар* «Город Мисри», *Ахьуша* «Акуша», *Дербент* «Дербент», *Баку* «Баку», *Мухлила ши* «Село Мугри», *Ницлала ши* «Село Ница», *Хурахъи* «Урахи» и др. В прозаических и поэтических произведениях народного писателя Дагестана Расула Багомедова широко задействован ойконим *Меусиша* (*ме* «маленький», *уши* «ларь для хранения зерна», *ша* (*ши*) «село»): см. библионим «*Дила ши – Меусиша*» – «Мой аул – Меусиша» и др. Особое место занимает топонимический фольклор, где представлены и ойконимы.

Список литературы

1. Багомедов, М.Р. Словарь даргинских личных имён / М.Р. Багомедов. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. – 169 с.
2. Гаджиев, Г.Р. Губден. История и культура / Г.Р. Гаджиев, Г.Д. Мутаев. Махачкала: Юпитер, 1999. – 432 с.
3. Дагестанская АССР. Административно-территориальное деление. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980. – 204 с.
4. Османов, М.-З. О. Поселения даргинцев в XIX–XX вв. / М.-З. Османов // Ученые записки ИИЯЛИ Даг. фил. АН СССР. Т.Х. Махачкала, 1962. – С. 214–238.
5. Османов, М.-З. О. Некоторые вопросы даргинской топонимики (Материалы по названиям селений) / М.-З. Османов // Ученые записки ИИЯЛИ Даг. фил. АН СССР. Т. XIV. Махачкала, 1965. – С. 283–307.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Суперанская, А.В. Ономастика начала XXI века / Отв. ред. Н.В. Васильева. М.: Ин-т языкозн. РАН, 2008. – 80 с.

***

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ВИКОНИМОВ ВОЛЖСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

В.А. Бакутов

Большепаратская средняя общеобразовательная школа (Новые Параты, Республика Марий Эл)

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования системы номинации внутрисельских объектов Волжского района Республики Марий Эл, определены основные принципы номинации, которым соответствуют исследуемые имена, выявлены лексико-семантические группы виконимов и их мотивировочные признаки, выделяются функции, типичные для каждой группы.

Ключевые слова: виконим, годоним, топоним, принцип номинации.

Изучение онимических систем сельских населённых пунктов – актуальное направление ономастических исследований. Для обозначения данной группы имён собственных в ономастике, относительно недавно, был предложен термин *виконим*. А. М. Мезенко *виконим* определяет как «собственное имя любого внутрисельского топографического объекта, как ныне существующего, так и использовавшегося в предшествующие эпохи. Это и названия линейных (улиц, переулков), территориальных (площадей, скверов) и точечных (магазинов, кафе, памятников) сельских объектов» [Мезенко 2007]. Следует отметить, что в системе внутрисельских объектов, как и в городской топонимии, основная нагрузка, безусловно, падает на термин *улица*, т.е. на *годонимы* (от греч. *hodos* – путь, дорога, улица) и считается ключевым детерминантом. Термин *виконим* активно используется белорусскими и польскими ономастологами, но пока еще слабо распространён в России, встречается он в работах Р.В. Разумова [Разумов 2013], А.А. Леонтьевой [Леонтьева 2014], Н.Н. Попковой [Попкова 2016] и др. Как отмечают некоторые ономасты, термин нуждается в уточнении. Так, Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун считают, что более точным был бы термин *виканоним* от лат. *vicanus* ‘живущий в деревне, деревенский’, *vicani* ‘деревенские жители, поселяне’ [Мадиева 2017: 118]. Этот термин, по их мнению, корректнее и в словообразовательном плане, поскольку он образован от основы латинского прилагательного, как и *урбаноним*.

Количество исследований по внутрисельским объектам возрастает с каждым годом. Названия улиц и других объектов становятся объектами исследования многих специалистов в области топонимики и рассматриваются с различной точки зрения: концептуального содержания, в лексико-семантическом, структурно-ономастическом, лингвокультурологическом, лингвогеографическом, историческом аспектах и т.п.

Внутрисельские названия, отражая конкретные условия эпохи, в которые они создавались, несут разнообразную социокультурную информацию: собственно языковую, историческую, экономическую, географическую и прочую, столь тесно переплетенную друг с другом и обусловленную одна другой. Поэтому все исследования в этой области должны носить ярко выраженный междисциплинарный характер, поскольку в них лингвистическая проблематика тесно взаимодействует с историко-социологической, этнографической и культурологической информацией.

Целью данной работы является изучение особенностей виконимов Волжского района Республики Марий Эл в номинативном аспекте. Материалом для исследования послужили названия внутрисельских топографических объектов сёл и деревень Волжского района Республики Марий Эл, которые были извлечены из информационных баз адресации объектов, справочников и Интернет-источников [НМВР].

Волжский район расположен на левобережье Волги на юго-востоке Республики Марий Эл, граничит с Звениговским и Моркинским районами, с востока с республикой Татарстан и с юга

через Волгу с Республикой Чувашия. Образован 26 августа 1939 года решением Верховного Совета РСФСР путём объединения 6 сельсоветов Сотнурского кантона и 3 сельсоветов Звениговского кантона как Лопатинский район с центром в посёлке Лопатино при строящемся целлюлозно-бумажном комбинате. В 1940 году посёлок был переименован в Волжск и ему был присвоен статус города (в состав района не входит). В связи с переименованием район также был переименован в Волжский район. В настоящее время в Волжский муниципальный район входят 75 населённых пунктов, объединённых в 1 городское и 7 сельских поселений.

В ходе работы было проанализировано более трёхсот официальных названий внутрисельских объектов, как линейных, так и площадных: 300 улиц, 23 переулка, 1 аллея, 1 проезд, 1 площадь, которые, опираясь на опыт, накопленный в сфере изучения внутригородских и внутрисельских наименований [Мезенко 1991, Шмелёва 1991, Дорофеенко 2018, Егорова 2018], с определённой долей условности можно распределить по следующим тематическим группам (по степени убывания активности признака).

Первая группа виконимов объединяет названия, соответствующие принципу номинации внутрисельского объекта по отношению к другим объектам. Данная группа включает 115 виконимов, указывающих на расположение линейного объекта относительно других объектов и подчеркивающих его связь с ними. Согласно мотивирующим основам можно выделить следующие семантические группы:

- названия, образованные от наименований сельских населённых пунктов: *улица Воскресенская, улица Елагино, улица Иманайкино, улица Кабак-Сола, улица Качейкино, улица Кожла-Сола, улица Коротково, улица Луксум, улица Малый Карамас, улица Нурмучаи, улица Очаково, улица Пезмучаи, Пекоза улица, Полат-Энер улица, Полевая улица, улица Ромашкино, Токозино улица, улица Томскино, Шаринская улица, Яльчинское лесничество улица*. Появление названий улиц мотивировано тем, что являются единственными улицами в населённом пункте.

Среди названий данной подгруппы можно выделить проездные улицы, которые также можно объединить в подгруппу «внешне ориентированных годонимов»: *Волжская улица (3 ед.), Зеленодольская улица, Илетская улица, Казанский переулок, Кокшайская улица, Кукушнерская улица, Луксумская улица, улица Сотнурское шоссе, Яльчинская улица*;

- названия по признаку функциональной нагрузки улицы: *Водопроводная улица, Водопроводный переулок, Заводская улица (2 ед.), улица Подстанция, Трансформаторная улица, Фабричный переулок, Гаражный ряд улица, Промышленная улица*. В названиях данной группы присутствуют наименования промышленных и хозяйственных объектов.

- названия, мотивированные наименованиями объектов социальной инфраструктуры: *Больничная улица, Дачная улица (4 ед.), Клубная улица, Почтовая улица (2 ед.), Стадионная улица, Школьная улица (7 ед.), Рыночная площадь*;

- названия, указывающие на расположение самого объекта относительно другого, пространственно смежного с ним объекта: *Заречная улица (4 ед.), Набережная улица (10 ед.), Придорожная улица, Железнодорожная улица, Железнодорожный переулок*;

- названия, отражающие местоположение в пространстве или пространственно-ориентирующие: *Верхняя улица (4 ед.), Крайняя улица (3 ед.), Крайняя 2-я улица, Нижняя улица (2 ед.), Средняя улица, Центральная улица (14 ед.)*. К данной подгруппе примыкает название, отражающее важность линейного объекта – *Центральная усадьба улица*.

- названия, отражающие расположение объекта относительно сторон горизонта: *Восточная улица, Северная улица (2 ед.), Южная улица (2 ед.)*;

- годонимы, содержащие определенную социально-экономическую информацию о типе поселения: *Станционная улица, Хуторская улица*;

Вторая группа виконимов объединяет названия, характеризующие линейный внутрисельский объект с точки зрения его свойств, размера, конфигурации, физико-географических особенностей возникновения и т.п. Данному принципу номинации соответствуют:

- названия, физико-географического характера: названия, отражающие особенности рельефа – *Горная улица, Горный переулок, Нагорная улица (3 ед.), Заовражная улица*, и названия, отражающие почвенно-литологические особенности – *Песчаная улица*;

- названия, отражающие особенности ландшафта местности: *Садовая улица (8 ед.), Садовый переулок, Лесная улица (14 ед.), Лесная 1-я улица, Лесная 2-я улица, Луговая улица (3 ед.), улица Полянка, Полевая улица*;

- отфитонимные названия: *Берёзовая улица (2 ед.), Берёзовый переулок, Васильковая улица, Вишнёвый переулок (2 ед.), Ольховая улица, Рябиновая улица, Сиреневый переулок, Сосновая улица (2 ед.), Тополиная улица*;

- названия, образованные от водных объектов: *Болотная улица, Озёрная улица (4 ед.), Озёрный переулок, Речная улица (3 ед.), Родниковая улица*;

- названия, отражающие время возникновения: *Новая улица (7 ед.), Новый переулок*;

- годонимы, мотивированные временами года: *Весенняя улица*;

- названия, мотивированные величиной: *Большая улица (3 ед.), Малая улица (2 ед.), Короткий переулок*. Необходимо отметить, что все названия данной подгруппы являются калькой неофициальных марийских названий улиц.

- номерные виконимы, которые получили распространение в крупных населённых пунктах: *Крайняя 2-я улица, Лесная 1-я улица, Лесная 2-я улица, Мира 1-й переулок, Мира 2-й переулок, улица 17 км ж/д*;

- качественные годонимы, в которых присутствует цветовая и эмоциональная характеристика с ярко выраженной положительной окраской, призванная создать позитивный образ линейного объекта: *Зелёная улица (11 ед.), Зелёный переулок, Радужная улица, Розовая улица, Светлая улица (2 ед.), Лазурная улица, Жемчужная улица, Солнечная улица (3 ед.), Солнечный переулок, Тихая улица (3 ед.), улица Весёлая Горка*.

Необходимо отметить, что названия данной подгруппы являются искусственными и не несут никакой информации об объекте, за исключением *улицы Весёлая Горка*, где в прошлом устраивали народные гуляния на различные праздники.

Третья группа включает виконимы, названия, которых мотивированы каким-либо абстрактным понятием (65 ед.). Общим признаком топонимов этой группы является «советская» идеологическая окрашенность, отражающая исторически обусловленный взгляд на норму социальных отношений и ценностей, и призваны запечатлеть на карте своеобразные символы государственной пропаганды, т.е. в названиях улиц отражены общественно-политические терминологии эпохи СССР. К виконимам, реализующим данный принцип номинации можно отнести:

- названия, восходящие к идеологическим и культурным понятиям, символам, ценным обществом: *улица Дружбы (2 ед.), улица Дружба, Краснознаменная улица, Мира 1-й переулок, Мира 2-й переулок, Мира улица (8 ед.), Мирный переулок, Пролетарская улица (3 ед.), Советская улица (9 ед.), Экспериментальная улица (2 ед.)*;

- названия улиц, данные по наименованиям общественных и государственных организаций: *Колхозная улица, Кооперативная улица (2 ед.), Комсомольская улица (3 ед.), Коммунистическая улица (3 ед.), Красноармейская улица (4 ед.), Пионерская улица*;

- названия, мотивированные памятными датами и историческими событиями советского периода: *улица Юбилейная (2 ед.), улица 40 лет Победы, улица 8 Марта, улица Победы, улица Первомайская (8 ед.), переулок Первомайский, улица Октябрьская (4 ед.), улица Майская (3 ед.), Аллея Победы*. Названия данной подгруппы несут мемориальную функцию, т.к. в названиях улиц отражены события, произошедшие в стране в определённое время и даты этих событий.

Четвёртую группу виконимов составляют наименования, соответствующие принципу номинации внутрисельского объекта по отношению к человеку и его деятельности. В системе викони-

мов Волжского района функционируют 25 наименований, образованных от фамилий и личных имён, и 22 наименования, характеризующие объект с точки зрения национальной, профессиональной принадлежности человека. Основная мотивация возникновения таких названий не только увековечение имён известных людей страны и региона, но и идеологическая, поскольку имя человека, в чью честь названа улица, всегда ассоциативно связано с тем, что представляет ценность для общества, будь это историческое событие, поступок или вид социально значимой деятельности.

Придерживаясь семантической классификации урбанонимов, выдвинутой А.М. Мезенко [Мезенко 1991: 112–123], все отантропонимные наименования исследуемой нами территории можно разделить на три группы, объединённые общей тематикой:

Первая подгруппа объединяет названия, основой номинации которых послужили имена государственных деятелей. В топонимиконе Волжского района выявлен только один годоним, названный в честь основателя советского государства: *улица Ленина*.

Вторую подгруппу составляют наименования в честь участников различных военных и исторических событий:

- марийского национального героя 16 века: *улица Акпарса*. Акпарс – сотенный князь горных черемис, активный сторонник вхождения горной стороны в состав русского государства, отличившийся при взятии Казани в 1552 году;

- предводителя Крестьянского бунта 1773–1775 г.г.: *улица Пугачёва* (пос. Кленовая Гора). Емельян Пугачёв – донской казак, предводитель бунта 1773–1775 годов в России. Он был одним из нескольких десятков самозванцев, выдававших себя за императора Петра III, и самым известным из них. По преданию, одна из групп Пугачёва останавливалась в районе Кленовой Горы;

- участника гражданской войны начала XX века: *переулок Чапаева, улица Чапаева* (2 ед.). В.И. Чапаев – участник Первой мировой и Гражданской войн, начальник дивизии Красной армии;

- в честь участников Великой Отечественной войны: Героя Советского Союза – *улица Прохорова* (2 ед.). З.Ф. Прохоров – гвардии лейтенант, закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм, гвардии лейтенанту З.Ф. Прохорову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно; в честь ветерана войны, уроженца района – *улица Зарецкого*;

- участников локальных войн конца XX века (Чеченская война): *улица им. Героя России В. Иванова* (В. Иванов награждён Звездой Героя России посмертно); *улица Гаврилова* (Д. Гаврилов награждён Орденом Мужества посмертно).

В третью подгруппу входят наименования, в основе которых лежат имена деятелей культуры, искусства, героев мирного времени и т.д. В данной группе в качестве основы для образования названий улиц задействованы антропонимы, характеризующиеся разным уровнем известности – от региональных до планетарно известных:

- названия, посвященные покорителям космоса: *улица Гагарина* (2 ед.), *улица Терешковой*;
- названия, увековечивающие имена марийских поэтов и писателей: *улица Вишневого*, *улица Тыныш Осыта*, *улица Чавайна*;

- названия, восходящие к именам деятелей искусства: *переулок Копцева*, *ул. Копцева*. Копцев Г.Р. – уроженец д. Куруктуры Волжского района, заслуженный артист МАССР и РСФСР;

- название, посвященное сотруднику милиции: *улица Данилова* в д. Вахоткино названа в честь майора милиции А. Данилова, погибшего во время проведения спецоперации по задержанию преступников;

- названия, хранящие имена местных жителей, каким-либо образом связанных с конкретной территорией: *улица им. Актуганова*, *улица Карпушкина мельница* (имя владельца),

улица Оканаево, *улица Пантал*, *улица Савина* (родовое имя), *лица Сидорова* (в честь перво-поселенца).

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что основами мотивации отантропонимных внутрисельских объектов в основном выступают регионально прецедентные антропонимы (17 ед.), что обусловлено культурно-историческими особенностями развития района.

В перечне названий улиц четвёртой группы представлены и такие, которые имеют этнонимическое происхождение – *Русская улица*, *Финская улица*, мотивированные наименованием социально-возрастной группы – *Молодёжная улица* (11 ед.) и названия, связанные с профессиями и родом занятий, в которых отразились разнообразные характеристики деятельности человека – *улица Механизаторов*, *переулок Строителей*, *улица Строителей* (2 ед.), *Строительный проезд*, *Учительская улица*, *Учительский переулок*, *Фермерская улица* (2 ед.).

Таким образом, внутрисельские объекты Волжского района Республики Марий Эл довольно разнообразны и связаны с очень широким кругом понятий. Проведённый анализ позволяет их систематизировать и объединить в определённые лексико-семантические группы: по отношению к другому объекту (115 ед., или 34,6%), по присущим ему свойствам и качествам (105 ед., или 31,6%), по связи с абстрактным понятием (65 ед., или 19,7%), по его связи с человеком (47 ед., или 14,1%). Такое деление позволяет создать языковой портрет сельских населённых пунктов и сделать выводы о том, чем мотивированы, какие исторические события, персонажи, реалии отразились в системе виконимов района исследования.

В заключение отметим, что в целом виконимы Волжского района Республики Марий Эл с точки зрения принципов номинации традиционны для российской культуры. Формирование системы виконимов напрямую зависит от социальных и политических процессов, происходящих в обществе: в них отразились исторические вехи республики и страны. Названия внутрисельских объектов содержат в себе информацию о физико-географических, историко-культурных, профессионально-технических и антропонимических особенностях данного региона.

Список литературы

1. Дорофеев, М.Л. Номинативные особенности виконимии белорусско-российского приграничья [электронный ресурс] // URL.: <http://hdl.handle.net/11320/7725> (дата обращения: 10.12. 2021).
2. Егорова, Л.В. Опыт сопоставительного исследования годонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Егорова. Чебоксары, 2018. – 24 с.
3. Леонтьева, А.А. Принципы номинации чувашских виконимов // Ономастика Поволжья: матер. XIV Междунар. научн. конф. / под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 170–173.
4. Мадиева, Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. – С. 115–125.
5. Мезенко, А.М. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы // *Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze*. Kraków, 2007.
6. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
7. НМВР – Населённые пункты Волжского района РМЭ [электронный ресурс] // <https://mapdata.ru/mariy-el/volzhskiy-rayon/> (дата обращения: 18.03. 2021).
8. Попкова Н.Н. Виконимы в говоре села Бахтызина Вознесенского района Нижегородской области // Ономастика Поволжья: матер. XV Междунар. науч. конф. / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 321–324.
9. Разумов, Р.В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // *Ярославский педагогический вестник*. 2013. Т. 1, № 1. – С. 145–149.
10. Шмелёва, Т.В. Современная годонимия: семантика и семиотика / Т.В. Шмелёва // *Лингвистическое краеведение*. Пермь, 1991.

ТОПОНИМЫ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАЛМЫКОВ

Т.Г. Басангова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация. Автор статьи рассматривает калмыцкие топонимические предания, в которых нашли факты из исторического прошлого народа, религиозные верования, буддийские воззрения, материальная культура и кочевой быт. В фольклорной традиции калмыков топонимические предания бытуют на русском и калмыцком языках. Топонимическое предание в устах знатока фольклора объясняет название того или иного объекта, которые могли несколько раз менять названия в зависимости от исторических событий.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор; жанр; топонимика; топонимическое предание; тексты классификация.

Топонимические предания составляют значительную часть народной сказочной прозы калмыков, объясняющую название, происхождение географических объектов, населенных пунктов. В последнее время учеными Калмыкии созданы словари топонимов, представляющие большой интерес для гуманитарной науки – лингвистики, социолингвистики, этнологии. Материалы топонимических словарей могут пробудить интерес к изучению истории родного края. «Топонимический словарь Республики Калмыкия» включает более 300 словарных статей. Научный интерес представляет справочный аппарат издания, состоящий из разделов – имена выдающихся людей, упомянутых в Словаре, список устаревших слов, список переименованных населенных пунктов Республики Калмыкия [Кичикова 2017]

Издан еще один «Словарь топонимов Республики Калмыкия», авторами которого являются преподаватели Калмыцкого государственного университета. Сбор материалов проходил в течение четырех лет, куда входила ежегодная топонимическая экспедиция, которая исследовала топонимы и микропонимы, из материалов которой была составлена картотека, сделанная путем опроса (41 информант). В словаре представлена 2421 словарная статья, они расположены по алфавитному принципу на русском и калмыцком языках. Наряду с топонимами, были записаны топонимические предания, которые объясняют происхождение того или иного топонима [Гедеева 2019: 2017]

В калмыцкой фольклористике к исследованию народной сказочной прозы, проблемам жанровой классификации обращались Н. Очиров, Д.Э. Басаев, Т.Г. Басангова. Несмотря на это, сказочная проза калмыков, куда входят топонимические предания, остается малоизученной частью калмыцкого фольклора. Топонимические предания объясняют названия, происхождение географических объектов и населенных пунктов. Топонимические предания – это фольклор переселенцев, в большинстве сюжетов речь идет о географических объектах прикаспийской, приволжской степи – новой родине калмыков, пришедших в эти места из Джунгарии в XVII столетии. Калмыки, поселившись на новом месте, давали свои названия урочищам, озерам, рекам, горам, курганам, слагали о них предания и песни.

Задачей данной работы является соотношение топонимов, опубликованных в вышеуказанных словарях, и топонимических преданий, опубликованных в разных изданиях на русском и калмыцком языках. Некоторые топонимы на территории Калмыкии не находят объяснения в топонимическом фольклоре. В современной фольклористике бытует много вариантов классификации преданий на основе анализа этого жанра в фольклорной традиции народа. Так, балкарские фольклористы, проанализировав более ста топонимических преданий, разделили их на четыре группы: натурогенные (отражающие природно-географические особенности объекта); антропоцентрические (связанные с именем исторической личности); теологические (с религиозной сюжетикой) и событийные (связанные с историческим событием) [Берберов 2019: 77–83].

Данная классификация приемлема для сюжетного анализа топонимических преданий калмыков. К натурогенным относятся топонимические предания со словом толһа (голова) – природно-географический объект, по своему очертанию напоминающий голову: Хамхра Толһа (Разрушенный курган), Тавн Толһа (Пять курганов), Хойр Толһа (Два Кургана), Хар Толһа (Черный курган), Авдр Толһа (Курган Сундук). Кермн Толһа (Корабль курган), расположенный на территории проживания рода оргакин, имеет двойную номинацию – курган, похожий своими очертаниями и величиной на корабль, бытует предание, что курган носит название в честь пожилой женщины, исповедовавшей буддизм. Кермн Толһа – это сакральное место проведения праздника Урюс Сар, на который собираются породненные меж собой рода оргакин и богдахинцев [Мифы 2017: 226].

Имя оргакин носит урочище в Яшалтинском районе, по всей видимости, здесь обозначена название кочевки этого рода. На территории Калмыкии есть пять возвышенностей под названием Кермн Толһа, авторы Словаря переводят как «крепость-курган». Согласно словарным статьям, курганы были местом захоронения богатырей, а с кургана, расположенного около оргакин, можно увидеть Кавказские горы [Гедеева 2019: 108].

Авдр Толһа (Курган Сундук) – курган расположен в Кетченеровском районе, в Яшкульском районе, в Юстинском районе. Данное название происходит от того, что очертания кургана напоминают сундук. Калмыки всегда знали и передавали из поколения в поколение границы своего кочевья, так род оргакин расположился «юго - восточнее речки Элиста до балки Бага Бурул, от холма Кермн Толһа до урочища Цаһан Темән (Белый верблюжонок)» [Оргакин 2022: 14].

Топоним Цаһан Темән (Белый верблюжонок) встречается по всей территории калмыков: в Юстинском районе – это пески, в других местах встречается топоним Темәнэ гүзән (Верблюжий рубец), это местность, напоминающая складки рубца, неровная местность. Топонимы связаны с животными, с которыми калмык-кочевник сталкивался в хозяйственной деятельности. Информант из Приютненского района Республики Калмыкия рассказал предание, что «местность носит такое название из-за того, что здесь по брюхо застрял верблюд» [Гедеева 2019: 344]

Калмыцкий поселок Кегульта находится на Ергенинской возвышенности (от калм. Эрг – склон). Распространенным термином калмыцкой региональной топонимии является общее название степных балок – сала, указывающее на рельеф местности. В наименовании природных объектов, находящихся на территории села Кегульта, встречаются цветные эпитеты, так, хар – черный, это Хар-Сала, балка с темными склонами. Есть две версии этого топонима: Хар (калм.) – темная балка с обилием растительности на плодородной темной почве. По дну балке протекает ручей, питающийся родниками и талыми водами. Детей, особенно мальчиков, родившихся в балках, часто называли именем Сала, например: Эдеев Сала Тангаевич. Несмотря на то, что Кегульта расположена в живописной местности, ее не обошли природные катаклизмы – засуха, степные пожары, об этом говорит топоним Хүүрэ сала - Горелая балка, обожженная, сильно испорченная степным пожаром. В засуху случались пожары, и большие участки местности выгорали. Восстановление травяного покрова в такой местности шло медленно. Элстэ Сала (Песчаная балка) произошло от калмыцкого слова «элсн» – песок. Местное русское население островки с песком белого цвета называют на русский лад «элистичка». В такой форме этот топоним вошел в южно-русский говор русского языка. Как правило, на «элистичках» находятся родники, бьющие из-под земли, вода из этих родников отличается вкусом и чистотой. В местностях с песком – элистичках – селились калмыки, ведущие кочевой образ жизни. В Кетченеровском районе род шонхор поселился в такой местности. В наши годы представители рода шонхор возвели буддийскую ступу. В данной небольшой работе исследована малая толика натурогенных топонимов, отличающихся разнообразием. Исследованы некоторые тексты топонимических преданий, которые имеют этиологический характер, объясняющий смысл топонима.

Список литературы

1. Берберов, Б.А. Специфика карачаево-балкарских топонимических преданий / Б.А. Берберов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 4 (90). – С. 77–83.
2. Гедеева, Д.Б. Словарь топонимов Республики Калмыкия / Д.Б. Гедеева, Б.Э. Убушиева, Л.А. Лиджиева, Б.В. Баринава. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. – 344 с.
3. Кичикова, Н.А. Топонимический словарь Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова, Э.Б. Манджиева, В.И. Супрун. Элиста: Джангар, 2017. – 272 с.
4. Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой, Т.А. Михалевой; отв. ред. А.А. Буркин, Е.Н. Кузьмина, В.В. Куканова, Г.Ц. Пюрбеев. М.: Наука – Вост. лит., 2017. – 367 с.
5. Оргакин и оргакинцы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. – 515 с.

***

О РУССКО-БАШКИРСКИХ ГИБРИДНЫХ ТОПОНИМАХ

А.Н. Беляев

Башкирский государственный аграрный университет (Уфа, Россия)

Аннотация. Статья посвящена проблеме русско-башкирских межъязыковых отношений в сфере топонимии. Цель исследования – проиллюстрировать возможности исторически ориентированной ономастики в изучении межъязыковых контактов. Материалом для наблюдения служат гибридные русско-башкирские топонимы Башкортостана. Гибридные модели выявляются с применением структурного и семантического анализов. Затрагивается проблема определения понятия «гибридное имя». Выявляются основные пути появления гибридных названий в зоне топонимического русско-башкирского двуязычия. Результаты исследования показывают, что явление гибридизации в топонимических системах проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и расценивается как элемент языкового богатства контактирующих народов.

Ключевые слова: русский язык; башкирский язык; ономастика; топонимика; гибридные образования; языковые контакты.

Топонимия Башкортостана издавна привлекает к себе внимание исследователей [Шакуров 2008]. За последние три десятилетия башкирская топонимика обогатилась многими позитивными результатами, которые были изложены в крупных обобщающих монографических исследованиях. Здесь следует прежде всего назвать работы Ф.Г. Хисамитдиновой, Р.З. Шакурова, А.А. Камалова, Г.Х. Бухаровой и др. В своих исследованиях языковеды стремятся описать становление и развитие народных гидрографических и орографических терминов башкирского языка [Камалов 1997], провести лексико-семантический анализ типов башкирской ойконимии, дать ее структурно-словообразовательный анализ [Хисамитдинова 1991], описать механизм отражения мифологических представлений и религиозных верований башкир в топонимии Башкортостана [Бухарова 2003]. И в этом смысле они противостоят старым исследованиям башкирских ученых-языковедов (Дж.Г. Киекбаеву, Т.Г. Баишеву, Н.Д. Гариповой, Т.М. Гарипову), так как последние занимались главным образом выявлением происхождения названий и толкованием их значения, оставляя без внимания объективную информацию бытования топонимов в конкретном употреблении, в разных речевых ситуациях, особенно в зоне межъязыкового взаимодействия. Впрочем, это логично, поскольку топонимика, вышедшая из краеведения, как наука на первоначальном этапе занималась в основном этимологизацией. Характерно и то, что в современных ономастических работах интенсивно изучается проблема языковых отношений в топонимии на территориях с двуязычным населением. В этом направлении еще предстоит многое сделать. Многовековая история русско-башкирских языковых контактов отражена в топонимии.

Хорошо известно, что в процессе контактирования народов возникают гибридные образования, свидетельствующие о роли показаний топонимии в практике исследования межъязыкового взаимодействия. Представляется, что наиболее актуальными проблемами при анализе топонимии в зоне межъязыкового взаимодействия являются проблема трактовки понятий «заимствование» и «субстратное явление», сложность их взаимного разграничения на конкретном материале, и проблема факторов, определяющих выбор форм топонимов в условиях этноязыковых контактов.

В рамках статьи невозможно полное освещение этих проблем, поэтому здесь дано лишь сжатое изложение результатов исследования действующих в топонимии Башкортостана закономерностей сочетаемости разноязычных (русских и башкирских) словообразовательных формантов и тополексем в структуре гибридных топонимов.

Относительно термина «гибридное имя» в научной литературе существуют разные толкования. Так, в работах немецких специалистов, относящихся к середине прошлого века, под термином «гибридное образование» (“Hybridbildung”) понималась лишь частичная морфематическая и/или семантическая интеграция онима в усваивающий язык, тогда как только фонематическая адаптация иноязычных тополексем выводилась за рамки процесса гибридизации. По мнению Х. Вальтера, гибридные образования возможны лишь как двучленные онимические структуры, состоящие из элементов разных языков [Walther 1978].

Обращаясь к вопросу типологии гибридных топонимов восточных областей Германии, Х. Вальтер различает: 1) первичные гибридонимы, возникшие непосредственно при интенсивном контакте немецкого населения со славянским, 2) вторичные гибридонимы, оформившиеся в скрещенные формы лишь после длительного переходного периода из заимствований в гибридонимы. Во вторую группу он также включает так называемые мнимые, или псевдогибридонимы, в которых присутствует мнимый славянский суффикс, возникший в результате изменений в морфемной структуре топонима. Также выделяется подтип криптогибридонимов, скрещенный характер которых уже нельзя установить [Walther 1978]. Следствием широкой трактовки гибридных названий явилась классификация Х. Вальтера, которая отчасти носит спорный характер, поскольку она основывается как на засвидетельствованных в письменных документах формах, так и на реконструированных.

Другой известный немецкий лингвист К. Хенгст, посвятивший долгие годы изучению немецко-славянского взаимодействия, на наш взгляд, обоснованно предлагает использовать прозрачный по внутренней форме и понятный термин «гибридоним» для обозначения топонимов, содержащих элементы двух языков. При этом он различает «гибридное образование» как процесс, обозначаемый также в интернациональной терминологии термином «гибридизация» [Хенгст 2015: 117]. Подчеркнем, что для К. Хенгста в гибридном образовании принципиальным не является отношение самих языков друг к другу, как побежденного языка к языку-победителю. Разные языки формально обозначаются К. Хенгстом как L_1 и L_2 . Разноязычные элементы в гибридных названиях могут быть комбинированы различным образом. Под процессом гибридизации К. Хенгст имеет в виду соединение заимствованной лексической или онимической основы с суффиксом (детерминантом) из заимствующего языка, в результате чего создается новый оним. Таким образом, гибридные топонимы (ранее Хенгстом использовался также термин «контаминированные») относятся к заимствованным образованиям, состоящим из лексической единицы чужого языка типа *Bogumilsdorf* [Хенгст 1980: 157]. Такие гибридные названия возникали также в древнелужицком языке типа *Arnoltitz*. Разработанная К. Хенгстом типология адаптации славянских названий, включающая, прежде всего, структурные типы «немецкий антропоним + славянский суффикс» (*Arnolt-ici*) и «славянский антропоним + немецкая основа» (*Bors-dorf*), недостаточно полная. Она не включает другие типы гибридных образований. Например, в ней отсутствует генитивный тип с флексией *-s*.

А.М. Матвеев под гибридными именами имеет в виду топонимы, в структуре которых гетерогенные составные части находятся в особом отношении: субстратный элемент в форманте, русский – в основе. Основными путями появления гибридных названий, по мнению ученого, являются: 1) проникновение в язык субстрата русских заимствований, 2) реализация народной

этимологии субстратных названий на русской почве и 3) втягивание русских названий в ряд субстратных топонимов. Не являются гибридными названия, которые возникли при усвоении одной топонимической системы другой по схеме «древний компонент (основа или весь топоним) + новый компонент (суффикс или детерминант). Например, на уровне взаимодействия субстратной и русской топонимии гетерогенны топонимы *Канзих*, *Канзов*, *Канзово* (ср. вепс. *kanz* ‘семья’, саам. *kānz* ‘общество’) [Матвеев 2006: 84].

Оригинальную классификацию гибридонимов предлагает Г. Хольцер, анализируя ситуацию славяно-немецкого двуязычия, сложившуюся в средневековой Австрии. Ученый выделяет восемь видов гибридных образований: 1) атрибутивные композиты, 2) «нункупативные» композиты, 3) славянские названия с немецкими суффиксами, 4) образования с первым немецким элементом и вторым славянским, 5) калькированные, 6) «пинг-понг»- заимствования, 7) вторичные гибридные образования; 8) контаминированные именные системы [Holzer 2015].

На территориях с двуязычным населением, например, в национальных республиках России, в системе официальных географических названий функционирует большое количество названий, которые образованы путем включения одного национального названия с различными русскими дифференцирующими определениями. Ср. подобные образования в Республике Марий Эл: *Большой Олыкъял* (марийск. *Олыкъял*) – *Малый Олыкъял*, *Верхний Вонжесполь* – *Нижний Вонжесполь*, *Мари-Шои* (Марий Шой) – *Русские Шои* (Руси Шой), *Большой Абанур* – *Средний Абанур* – *Малый Абанур* и т.п. Такие структуры А.Н. Куклин относит к гибридным [Куклин 2011: 86–87]. Такие топонимы также часто встречаются на территории Башкортостана: *Горный Уразбай*, *Большой Иреняш*, *Новый Зирган* и т.п.

А.Л. Хромов справедливо замечает, что значение термина «гибридный топоним» в топонимической литературе не совсем четко определено. При определении этого понятия недостаточно наличие в структуре топонима по меньшей мере элементов двух языков. Необходимо учитывать возможность дотопонимического существования этих элементов в одном языке. Необходимо различать заимствование географического названия от заимствования обычного имени собственного, от которого возникло географическое название. Поэтому гибридными А.Л. Хромов считает лишь те топонимы, которые объединяют в себе элементы двух разноязычных топонимических систем (например, гидроним *Душанбинка*, у которого в качестве тополексемы выступает элемент таджикской топонимии *Душанбе*, а в качестве топоформанта – элемент русской топонимии *-инка*) [Хромов 1980: 355]. Таким образом, здесь правомерно ставится вопрос о гибридных топонимах только в пределах топонимического уровня. Ср. аналогичные образования в Башкортостане: башкирский гидроним *Барандай* – русск. гидр. *Барандайка*, башк. гидр. *Баҫыу* – русск. деревня *Басиновка* (в Архангельском р-не), поселок *Галлиулинка* (в Бакалинском р-не), гидр. *Бугульминка*, *Мензелинка* и т.п. Сюда же следует отнести сложные топонимы типа *Айтуган-Дурасово* (д. в Федоровском р-не), *Асаво-Зубово* (в Стерлитамакском р-не); последний образован от гидронима *Асау* и антропонима *Зубов*.

Часто башкирские названия заимствуются в русском языке в форме мн. числа (например, башк. *Батрак* – русск. *Батраки*). К башкирскому топониму-основе может добавляться русский уточняющий компонент (например, башк. *Басай* – русск. *Большебасаево*).

Гибридными также считаются образования, возникшие при адаптации в русский язык иноязычных топонимов путем перевода детерминанта, т.е. слова, обозначающего объект наименования (например, карел. *Кевятоозеро*, *Нильмогуба*, *Соймигора* и др.). Гибридные топонимы возникли на уровне устной диалектной речи, когда в процессе взаимодействия возник понятный для контактирующих народов слой географической лексики [Керт, Вдовицын 2005: 102–124]. В башкирской топонимии детерминант редко переводится на русский язык, ср. озера *Аиркул*, *Асылыкуль*, *Багырыкуль*, *Кандрыкуль* и село *Манагора*. При адаптации башкирских имен детерминант может быть добавлен к русскому имени, чтобы было понятно, какой именно географический объект называется этим именем (например, башк. *Балтас* – русск. *Балтасево озеро*).

Топонимы типа *Старый Аткуль* формально образованы из элементов, взятых из разных языков. В аналогичных структурах детерминант может быть интегрирован на всех языковых уровнях в принимающем языке. В таких случаях, по-видимому, не приходится говорить о гибридонимах (например, *Старая Ладога*, *Новая Москва*). Это полностью русские названия, второй элемент которых очень древний, восходящий к другим языкам. Топоним, именуемый даже небольшой объект, может не восприниматься местными жителями как иноязычный, а считаться «своим». Сочетание таких элементов с менее освоенными элементами, между которыми наблюдается явный этноязычный контраст, дает повод для размышления о его гибридной структуре, хотя элементы принадлежат одному языку. Например, гидроним *Айры-Карагай* (пр. приток Сазалы в Зианчуринском р-не Республики Башкортостан) русскими жителями может восприниматься именно таким, если им известен довольно широко распространенный в Башкортостане простой топоним *Карагай*.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что несмотря на особенности восприятия мира, выделяющие своеобразие в практике присвоения названий географическим объектам, свободная межъязыковая коммуникация порождает топонимические структуры, концептуальное содержание которых выходит за рамки этноязычности, что при функционировании топонимов в речи не приводит к существенной девиации от нормы. Возможность образования гибридных топонимов разных структур обусловлена имманентными свойствами топонима как языкового знака.

Список литературы

1. Бухарова, Г.Х. Мифопоэтическая картина мира в башкирской топонимии / Г.Х. Бухарова. – Уфа: Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2003. – 156 с.
2. Керт, Г.М. Информационные технологии в исследовании топонимии / Г.М. Керт, В.Т. Вдовицын // Вопросы языкознания. 2005. № 3. – С. 102–124.
3. Куклин, А.Н. Взаимодействие языков и трансформация топонимов / А.Н. Куклин // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. – С. 85–89.
4. Матвеев, А.К. Ономастология / А.К. Матвеев. М.: Наука, 2006. – 292 с.
5. Хенгст, К. Типология адаптации славянских имен собственных неславянским языком (на материале древнелужицкой топонимии в немецком языке / К. Хенгст // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. – С. 151–157.
6. Хенгст, К. Германско-славянские гибридные образования в топонимии Восточной Германии / К. Хенгст // Вопросы ономастики. 2015. № 2 (19). – С. 114–124.
7. Хисамитдинова, Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. / Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. – 300 с.
8. Хромов, А.Л. Топонимия русского происхождения на территории Таджикистана / А.Л. Хромов // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. – С. 350–358.
9. Holzer, G. Mittelalterliche slavisch-deutsche Zweisprachigkeit in Österreich im Lichte onomastischer Mischbildungen / G. Holzer // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). – С. 7–16.
10. Walther, H. Zur Typologie der sogenannten “Mischnamen” (onymische Hybride) / H. Walther // Namenkundliche Informationen. 1978. № 33. – S. 43–58.

***

АПЕЛЛЯТИВЫ В КАЛМЫЦКИХ И САРТ-КАЛМЫЦКИХ ГИДРОНИМАХ

Б.Х. Борлыкова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 А «Лингвофольклорное и историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана глазами российских ученых: история и современность (по архивным и полевым материалам)

Аннотация. В статье рассматриваются апеллятивы в составе гидронимов. Материалом для анализа послужили тексты калмыцких и сарт-калмыцких песен, записанные авторами статьи в ходе экспедиций (2009-2021 гг.) по Калмыкии и Иссык-Кульской области Киргизии.

Ключевые слова: апеллятив, гидронимы, сарт-калмыцкий язык, калмыцкий язык, песни.

Объектом данного исследования являются названия водных объектов ойратского происхождения, которые, как и монгольские, отличаются большим инструментарием образования гидронимов. Чаще всего используются стандартные топонимические модели, в составе которых имеются апеллятивы, указывающие на то, к какому типу географических объектов относится данное название. «Апеллятив — слово нарицательного характера — универсальный ключ, открывающий этимологию очень многих топонимов и в особенности топонимов, относящихся к физико-географическим объектам» [Ондар, 2007: 13].

Материалом для написания статьи послужили Полевые материалы автора, записанные в ходе экспедиции 2021 г. Иссык-Кульской области Киргизии. В качестве дополнительного материала были привлечены архивные и уже опубликованные тексты калмыцких и сарт-калмыцких песен.

Географические апеллятивы, участвующие в образовании калмыцких и сарт-калмыцких гидронимов, имеют исконно ойратское происхождение. Апеллятив входит в состав топонима, образуя сложные структуры «определение + определяемое» (*Цаһан нур* букв. 'белое озеро', *Улан булг* букв. 'красный родник').

Усн 'вода; река; водоем'. Лексема имеет ряд значений в монгольских языках (монг. *ус* 'вода, река' [БАМРС III, 2001: 354]; ойр. *усан* (*усун*) 'вода' [Тодаева 2001: 358]; калм. *усун* 'вода' [КРС, 1911: 48], *усн* 'вода' [КРС, 1977: 538], сарт-калм. *усн* 'вода' [Полевой материал авторов], бур. *уһа(н)* 'река, вода, воды' [БМРС, 1951: 492], др.-тюрк. *sub* 'вода; река' [ДТС, 1969: 512]; кирг. *суу* 'вода'; *суу кудук* 'священный колодец у монголов и калмыков' [КРС, 1965: 666]). В калмыцком и сарт-калмыцком языках термин *усн* употребляется как апеллятив (*Улан булгин усн* [Павлов 1990: 54-55] / 'Речка Улан Булак', и может самостоятельно употребляться в значении 'вода, водоем, река' (Заң мөрин *уснь* зандн халврин амтта [Полевые материалы автора] 'Вода реки Занг имеет волшебный привкус сандала'; *Усна көвөдъ болху гой* [Павлов 1990: 54] / '[Снег с высокой горы сходит] на берег водоема', *Нэрхн цаһан усн* [Берегущий огонь 2013: 241] 'Узкая белая река'; *Жиңнгсн уснас* усулхий [Тенишев 1976: 87] / 'Напоить бы студеной водой'; *Сээхин чегән усун бе?* [Павлов 1990: 53] / 'Красивая прозрачная вода').

Бол 'река' (монг. *гол* 'река, речка; долина реки' [БАМРС I, 2001: 200]; ойр. *бол* 'река' [Тодаева 2001: 105]; калм. *бол* 'русло реки' [КРС, 1911: 112]; *бол* 'река' [КРС, 1977: 164], сарт-калм. *бол* 'река' [Полевой материал авторов], бур. *гол* 'река, долина реки' [БМРС, 1951: 169], др.-тюрк. *köl* 'озеро, водоем' [ДТС, 1969: 313]; кирг. *кол* 'русло реки, речная долина' (самостоятельно не употребляется, встречается только в географических названиях: *Каракол*) [КРС, 1965: 396]). Термин *бол* входит в состав двухсложных топонимов, служащих наименованием рек *Көкү болан* өөдлхий [Павлов 1990: 53] / 'Когда идёшь вверх по реке Кёке', *Ижл гидг болни* [Полевые материалы автора], но самостоятельно быть со значением 'река' (Манурсн *сээхн бол болни* [Полевые материалы автора]; *Уту болан: су урсусн* [Павлов 1990: 53] / '[Воды берущие] начало с длинной реки', *Бүтү болан* өөдлхий [Павлов 1990: 53] / 'Когда идёшь вверх по реке, не имеющей притоков', *Эн болд* цасън орва [Павлов 1990: 54] / 'На этой реке пошёл снег', *Тер болд* юун болбаа [Дондуков 1975: 231] / 'Что случилось на той реке?').

Экн 'источник, родник, исток' (монг. *эх(эн)* 'начало, истоки' [БАМРС IV, 2002: 441], ойр. *экен* 'исток, источник, родник' [Тодаева 2001: 471]); калм. *экин* 'начало, исток', *һолийн экин* 'верховье реки' [КРС, 1911: 20], *екн* 'начало, источник', *эки* 'начало, источник, родник' [КРС, 1977: 694], сарт-калм. *эки* 'начало, исток' [Полевой материал авторов], бур. *эхи(н)* 'начало, исток' [БМРС, 1951: 741]. В составе географических наименований апеллятив *эки* встречается в притяжательной форме (*Хэрни һолын экнас* 'От истока чужой реки' [Полевой материал авторов]; *Чолута салан экнднь* [Берегущий огонь 2013: 240] / 'У истока каменной балки'; *Зах Жиһлңгин экнаснь* [Полевой материал авторов] / 'С истоков крайнего Джиргалана', *Аршта Мусрин экнднь* [Берегущий

огонь 2013: 242] / 'У истоков горного потока Арцтай Мусур', *Арштан экн шилд* [Берегущий огонь 2013: 242] / 'У истока Аршаты').

Булг 'родник' (монг. *булаг* 'родник, ключ, источник' [БАМРС I, 2001: 283]; *булаг* 'родник, ключ, источник' [Тодаева 2001: 78]; ойр. *булуг* 'ключ, родник' [КРС, 1911: 135], *булг* 'ключ, источник, родник' [КРС, 1977: 117]; бур. *булаг* 'ключ, источник, родник' [БМРС, 1951: 121]; др.-тюрк. *bulaq* 'источник; канал, арык' [ДТС, 1969: 121]; кирг. *булак* 'родник (в болотистом месте на берегу реки); ручеек; источник' [КРС, 1965: 157]). Данная лексема употребляется как составная часть топонимических названий — *Улан булгин усн* [Павлов 1990: 54] / 'Речка Улан булак', а также самостоятельно может быть со значением 'родник' *Булгин усн кезэ* [ТьД, 1989: 51] 'Вода в роднике'.

Тоха 'изгиб, излучина реки' — (монг. *тохой* 'излучина, изгиб, лука (реки), залив' [БАМРС III, 2001: 235]; ойр. *тохаа* (*тохой*) 'изгиб, излучина' [Тодаева 2001: 335]; калм. *тохой* 'лука у реки, излучина' [КРС, 1911: 193], *тоха усн* 'залив' [КРС, 1977: 509], бур. *тохой* 'излучина, изгиб, лука реки' [БМРС, 1951: 444]; кирг. *токой* 'заросли кустарников, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озёр, на болотистых местах' [КРС, 1965: 743]. — *Армгтан ши хәһәд Илин тохahas олж ядэж үркәд* [Джангар: 6] / 'Не найдя древка в излучине Или'.

Муср — ойр. 'бурлящий горный поток' [Моңһл күрә шәәнә, 2014: 16], *мусар* 'небольшой сосуд (для перегонки молочной водки)' [Тодаева 2001: 239]. В «Древнетюркском словаре» *тиз* 'лёд' [ДТС, 1969: 352]; «Киргизско-русском словаре» слово *муз* переводится как 'лёд' [КРС, 1965: 536]. В монгольских языках слово лёд передаётся лексемой *мөс(өн)* 'лёд, льдина' [БАМРС II, 2001: 351]; *мөсен* (*мөсүн*) 'лёд, льдина' [Тодаева 2001: 238]; — *Аршта мусрин экн* 'Исток Аршата Мусар' [Берегущий огонь 2013: 242]. В калмыцких текстах песен термин *муср* нами не обнаружен.

В калмыцких песнях не сохранился апеллятив *муср* 'бурлящий горный поток', так как изменился ландшафт проживания калмыков. В сарт-калмыцких песнях нет апеллятивов: *дала* 'океан', *теңгс* 'море', *худг* 'колодец', *урсхл* 'течение' и др. Отсутствие приведенных апеллятивов в сарт-калмыцком языке связано, прежде всего, с утратой языка, носителей практически не осталось, а на речь тех, кто немного помнит язык, большое влияние оказывает доминирующий киргизский.

Список литературы и источники

1. Большой академический монгольско-русский словарь: Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: В 4-х т. / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001-2002.
2. Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М.А. Лиджиев, Л.А. Лиджиева. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2013. — С. 241-242.
3. Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. Под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. М.: ГИИНС, 1951. — 52 с.
4. Джангар – Сарт-калмыцкая и баитская версия «Джангара» // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 6.
5. Дондуков, У.-Ж.Ш. О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков / У.-Ж.Ш. Дондуков // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики. Элиста: [б. и.], 1975. — С. 216-233.
6. Древнетюркский словарь / [ред. В.М. Наделяев и др.]. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 676 с.
7. Позднеев А.М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1911. — 306 с.
8. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь / Сост. проф. К. К. Юдахин. Москва: ГИИНС, 1940. — 576 с.
9. Калмыцко-русский словарь / Сост. Э.Ч. Бордаев, Р.А. Джамбинова, А.Л. Каляев и др. Под ред. Б.Д. Муниева. Москва: Рус. яз., 1977. — 765 с.
10. Моңһл күрә шәәнә моңһл үндстнә сойл-түүкин материал. Үрмч: Шинжәнгин ардын кевллин хора, 2014.

11. Ондар, Б.К. Топонимический словарь Тувы / Б.К. Ондар. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2007. – 550 с.
12. Павлов, Д.А. Каракольские калмыки и их язык / Д.А. Павлов – Элиста: Калмыц. гос. ун-т, 1990. – 63 с.
13. Тенишев, Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля / Э.Р. Тенишев // Вопросы языкознания. 1976. № 1. – С. 82–87.
14. Тодаева, Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна = Шинжэнэ өөрд келнэ толь: (По версиям песен «Джангара» и полевым записям авт.) / Б.Х. Тодаева. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2001. – 491 с.
15. Төрскн һазрин дуд / Сост. Б.Б. Оконов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. – 318 с.

***

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В УЧЕБНЫХ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОГО МАТЕРИАЛА)

Н.В. Бубнова

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск, Россия)

Аннотация. В статье предлагается подход к описанию топонимической лексики в учебном лингвокраеведческом (смоленском) словаре и демонстрируется способ представления содержания ассоциативно-культурного фона топонима как заголовочной единицы. Основным критерием определения единиц словника словаря является входение онима в состав общеобязательных региональных фоновых знаний, основным методом выявления которых послужил масштабный ассоциативный эксперимент. На уровне микроструктуры словаря выделяются зоны предметных, языковых и дополнительных сведений, объём и содержание которых обусловлены индивидуальными свойствами описываемого онима, в частности, топонима.

Ключевые слова: антропоцентрическая лексикография; ассоциативно-культурный фон; имя собственное; лингвокраеведческий словарь; фоновые знания; языковая личность.

Одним из значимых признаков современной лингвистики является так называемый «лексикографический бум» рубежа веков. Не случайно М.А. Кронгауз назвал один из своих очерков в книге «Русский язык на грани нервного срыва» «Лексикографический невроз, или Словарь как способ поговорить» [Козырев, Черняк 2013: 45].

На наш взгляд, одной из основных причин повышенного интереса исследователей к лексикографированию является необходимость структурирования и представления большого объёма знаний, накопленных вследствие высоких темпов развития информационного общества конца XX – начала XXI веков. Именно словарь можно рассматривать в качестве одной из наиболее эффективных форм систематизации, языкового оформления и трансляции знаний. Один из основоположников антропоцентрического подхода к словарному описанию лексических единиц В.В. Морковкин назвал лексикографию «службой общения» между лингвистикой и обществом, а словарную продукцию главным, «чем лингвистика отчитывается перед обществом» [Морковкин 1987: 33].

На фоне такого «лексикографического невроза» и общего «лексикографического бума» многие исследователи (В.Д. Бондалетов, А.А. Бурыкин, В.И. Супрун, Д.И. Ермолович, Л.П. Калакуцкая, Н.А. Максимчук, И.А. Королёва, М.Н. Михайлов и др.) отмечают недостаточность внимания лексикографов к ономастическим единицам языка. Так, в частности, Д.И. Ермолович замечает: «Эта практика базируется на трактовке имён собственных как единиц, обладающих лишь энциклопедическим значением, и хотя сегодня такая трактовка разделяется далеко не всеми исследователями, в лексикографии она сохранила сильную инерцию» [Ермолович 2004: 64].

При общей дискуссионности вопроса о наличии значения у ономастических единиц исследователи (Е.Л. Березович, Г.Ф. Ковалёв, И.В. Крюкова, В.С. Картавенко, А.М. Мезенко, Р.Ю. Намитокова и др.) единодушны в том, что имя собственное можно рассматривать как своего рода культурный знак. По точному замечанию Г.Ф. Ковалёва, «и история, и литература, и, тем более, культура пишутся не столько датами, сколько именами» [Ковалёв 2010: 138]. Очевидным представляется то, что наличие многоплановой историко-культурной информации в семантике проприальных лексических единиц предполагает необходимость её выявления и адекватной лексикографической интерпретации.

Как отмечает Н.А. Максимчук, особенно явственно такая необходимость выступает при описаниях языка, ориентированных на учебные цели. Это обусловлено тем, что имя собственное является одним из основных языковых носителей информации (наряду с термином), полноценное усвоение которой, несомненно, предполагает усвоение ассоциативно-культурного фона (АКФ) имени [Максимчук 2000: 200–201]. Ассоциативно-культурным фоном мы называем всю сопутствующую информацию, не входящую в непосредственное содержание онима [Максимчук 2002: 166–167].

По характеру лингвокультурологической информации в содержании имён собственных в их стратификации могут быть выделены три уровня: *общечеловеческий* (онимы, принадлежащие мировому социуму); *общенациональный* (онимы, являющиеся достоянием определенной нации, народа); *региональный / краеведческий* (онимы, общезначимые для отдельных регионов) [Максимчук 2002: 110]. В словарях, справочниках и научно-популярной литературе обычно описываются прецедентные имена собственные двух верхних уровней лингвокультурологической ценности. Это, в частности, можно наблюдать в Русском ассоциативном словаре, в Большом лингвострановедческом словаре «Россия», в книге «Имя Россия. Исторический выбор 2008» и других источниках. При этом общенациональный ономастикон, представленный в таких изданиях, состоит из региональных фрагментов; исходя из этого, можно заключить, что предварительное изучение и лексикографирование региональных онимов на краеведческом уровне будет способствовать их более достоверному и объективному описанию на общенациональном уровне. Региональные исследования в данном случае не только позволяют собрать обширный материал (ономастический массив), но и являются своего рода «фильтром» для последующего лексикографического описания на общенациональном уровне.

Разрабатываемый нами учебный лингвокраеведческий словарь «Смоленский край в именах и названиях» основан, в частности, на материалах исследования «Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян» [см. подробнее Бубнова 2011]. Так, для определения состава словника данного словаря нами, прежде всего, учитывались два критерия:

I. Объективные показатели значимости имени собственного: включенность онима в состав региональных фоновых знаний смолян и частотность имени, необходимая для установления ядра и периферии ономастического наполнения словаря. Чтобы выявить имена собственные, входящие в состав региональных фоновых знаний смолян, нами был проведён масштабный ассоциативный эксперимент (общее количество участников – 1650). В ходе эксперимента респонденты, различные по возрасту, месту рождения, уровню образования, профессии и другим показателям, указанным в предварительной анонимной анкете, в течение одной минуты записывали любые собственные имена, которые они ассоциируют со стимулом *Смоленщина*. Привлекая к участию разные категории испытуемых, мы старались, чтобы количество участников каждой подгруппы было приблизительно равным, например, 52% – представители гуманитарной сферы, 48% – технической. Предварительное анкетирование и привлечение к участию в эксперименте респондентов, имеющих разные характеристики по заданным в анкете параметрам, обусловлены основной целью эксперимента – выявление прецедентных для всех смолян ономастических единиц, знание которых способствует успешному функционированию языковой личности в региональном социуме. Полученный в результате эксперимента ономастический массив, включающий 1212 онимов-реакций

(13471 употребление), был обработан посредством создания в программе Microsoft Office Access электронной Базы данных. На основе частотности реакций в структуре региональных ономастических фоновых знаний смолян нами выделены следующие компоненты:

– ядро, состоящее из 12 общезначимых для Смоленского края онимов (в скобках для каждого имени указан индекс частотности, т.е. сколько респондентов назвали данное имя): *Днепр* (953), *Успенский собор* (725), *Крепостная стена* (695), *Ю.А. Гагарин* (596), *М.И. Глинка* (492), *А.Т. Твардовский* (466), *Смоленск* (345), *М.В. Исаковский* (273), *Ф.С. Конь* (232), *М.К. Тенишева* (166), *Н.И. Рыленков* (154), *Василий Тёркин* (124).

– периферийные области, сформированные значимыми для определённых языковых и социальных групп онимами с индексом частотности, равным 2 (194 онима, 16 %), и более 2 (519 онимов, 43 %);

– единичные реакции (487 онимов, 40 %).

Уже на данном этапе работы можно было заключить, что в состав разрабатываемого нами словаря необходимо включать ядерные ономастические единицы, а также онимы периферийной области, имеющие более высокие индексы частотности.

II. Экспертная оценка и ассоциативно-тематическое выравнивание: эксперты (лингвисты, краеведы) анализировали список исходных онимов с точки зрения его достаточности / недостаточности и уточнения границ ядра и периферии в пределах макроструктуры словаря.

В макроструктуре словаря можно выделить два типа базовых словарных статей, в которых в качестве заголовочных единиц выступают топонимы и антропонимы. К числу топонимов мы относим названия 25 административных территорий Смоленской области и их центров, основных рек, озёр, населённых пунктов, событий, памятных мест и др. Группу антропонимов сформировали имена известных людей, родившихся на Смоленщине или так или иначе связанных со Смоленским краем. В настоящей работе остановимся более подробно на характеристике структуры словарной статьи, где заголовочной единицей выступает топоним.

В.И. Супрун очень точно отметил, что между разными учёными наблюдаются различные подходы к лексикографированию топонимической лексики: «географы на первое место выдвигают физико- и экономико-географические сведения об объекте, приводя их подробно и обстоятельно; историки тщательно фиксируют социально-политические, военные, культурные события, происходившие на описываемой территории; лингвисты увлекаются фонетическими, лексико-грамматическими, этимологическими характеристиками топонима. <...> Однако нельзя забывать, что подобные книги пишутся для читателей, которые не всегда являются специалистами в географии, истории, лингвистике, поэтому перегруженный научными данными словарь не вызовет у них интереса, не будет способствовать расширению ономастических знаний в обществе [Супрун 2014: 42–44].

В структуру словарной статьи с заголовочной единицей-топонимом мы включаем три словарные зоны: зону предметных сведений (ПС); зону языковых сведений (ЯС); зону дополнительных сведений (ДС), включающую дополнительную литературу для чтения, информацию об ассоциативно-культурном фоне онима и т.п. Информация, формирующая каждую из зон, должна быть по возможности краткой, но вместе с тем достаточной, объём сведений примерно пропорциональным.

Приведём пример текста словарной статьи (иллюстративный материал, который предполагается в словаре, опущен; курсивом выделены имена собственные, являющиеся отдельными заголовочными единицами словаря):

ЗАГОРЬЕ

ПС: Хутор в Починковском районе Смоленской области, место рождения поэта *А.Т. Твардовского*; сейчас – мемориальная усадьба семьи Твардовских. Хутор был основан в 1910 году, когда глава семьи Т.Г. Твардовский приобрёл через Поземельный крестьянский банк с выплатой в рассрочку десять с небольшим десятин земли пустоши Столпово. Отсюда в 1928 году будущий поэт А.Т. Твардовский ушёл в *Смоленск*, решив серьезно заниматься литературной деятельностью.

ЯС: *род. Загорья, ср. || прил. загорьевский; жит. загорьевцы, -ц|ев. Этим.* Название-ориентир: хутор, расположенный за горой (холмом, возвышенностью).

Тексты (представлены фрагменты, в которых содержится оним *Загорье*):

На хуторе Загорье
Росли мы у отца,
Зеленое подворье
У самого крыльца,
По грядкам – мак махровый,
Подсолнух, лук, мокровь.

На полдень сад плодовой:
Пять яблонь – пять сортов.
На хуторе Загорье
В былые времена
Леса, поля и взгорья
Имели имена <...>

Свой клин, своя держава
Лежала у крыльца,
Налево и направо –
До первого копца.
На том большом просторе,
Все как один с лица,
На хуторе Загорье
Росли мы у отца <...>

О детство! Смех и горе!
Десятью травой
На хуторе Загорье
Порос участок мой <...>

На хутор свой Загорье –
Второй у батьки сын –
На старое подворье
Пришёл, стою один.
Стою во ржи молочной,
И так далёк, далёк
Глухой, чудной, нарочный
Наш хутор-хуторок <...>

И.Т. Твардовский. Родина и чужбина (Смоленск, 1996).

В заключение отметим, что методическая интерпретация включённых в словарь сведений может быть разнообразной в зависимости от целей обучения и конкретных запросов пользователя. В целом такой словарь может стать необходимым посредником между обучающимся (в том числе иностранным студентом) и русской языковой средой в её региональном воплощении.

Список литературы

1. Бубнова, Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян. Дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Бубнова. Смоленск, 2011. – 285 с.

2. Ермолович, Д.И. Ономастическая лексика как объект двуязычной лексикографии / Д.И. Ермолович // Вопросы филологии. 2004. № 2. – С. 64–70.
3. Ковалёв, Г.Ф. Ономастика в контексте культурной памяти / Г.Ф. Ковалёв // Ономастика и общество: язык и культура: матер. I Всеросс. науч. конф. / Отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – С. 138–148.
4. Козырев, В.А. Словари в меняющемся мире / В.А. Козырев, В.Д. Черняк // Язык в меняющемся мире: сборник статей. Киров: ВятГГУ, 2013. – С. 44–49.
5. Максимчук, Н.А. Ассоциативно-культурный фон личных имен и его лексикографическое отражение / Н.А. Максимчук // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности: сб. ст. Смоленск: СГПУ, 2000. – С. 200–205.
6. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х частях. Ч. 1 / Н.А. Максимчук. Смоленск: СГПУ, 2002. – 184 с.
7. Морковкин, В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» / В.В. Морковкин // Вопросы языкознания. 1987. № 6. – С. 33–42.
8. Супрун, В.И. Лингвокультурологическая и лингвокраеведческая составляющие современного ойконимического словаря / В.И. Супрун // Ономастика Поволжья: матер. XIV Междунар. научн. конф. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 41–44.

***

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОЕВ В ТОПОНИМАХ ПОВОЛЖЬЯ

А.И. Гусейнова

Институт языкознания им. Насими НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан)

Аннотация. Многими исследователями отмечался многонациональный этнический состав топонимии Поволжья, связанный с географическим положением и историческим прошлым, зафиксированным в исторических документах. В «Диване лугат-ат-тюрк» Махмуда Кашгари, в «Путешествии...» Гильома Рубрука содержатся описания Волги и народов, проживающих в разные века на территории Поволжья. В научных трудах современных исследователей приводятся языковые факты по топонимии Поволжья, подтверждающие расселение тюркских, финно-угорских, ираноязычных племен и народов в этом регионе. Русские топонимы появились относительно позднее в этом регионе. В топонимии Нижнего Поволжья встречаются в большом количестве монголизмы. В качестве названия всей Волги применяется до сих пор чувашами, татарами, башкирами и другими тюркоязычными и монголоязычными народами гидроним Идель–Итиль–Атил.

Ключевые слова: этнический состав; параллельный топоним; тюркский пласт; тюркоязычный, монголоязычный, болгаризмы, финно-угорский, ираноязычный.

Общеизвестно, что в топонимах содержится историческая информация о географическом положении региона, его естественных богатствах, о населяющих народах. Структура и состав топонимии Поволжья тесно взаимосвязаны с его географическим положением: большим водном пути на Волге и с учетом многонационального этнического состава топонимии этого региона, что отмечалось многими исследователями. Из исторических трудов нам известно, что в разные исторические периоды Поволжье входило в состав Волжской Булгарии, Половецкой степи, Золотой Орды, Казанского и Астраханского ханств, Средневековой Руси. Вспомним также и Хазарский каганат, столицей которого с начала VIII века был город Итиль, расположенный в дельте Волги, ставший центром ремесла и международной торговли.

В изучении топонимов Поволжья сыграла большую роль работа В.А. Никонова «История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимики». Сформулированный В.А. Никоновым постулат о рядности географических названий, что наименования «никогда не существуют

в одиночку, они всегда соотношены друг с другом, и чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в ряду других названий», помогает понять природу отражения этнолингвистических слоев в топонимии любого региона. [Мурзаев, Никонов 1994: 145]. Поволжье включает Верхнее, Среднее и Нижнее Поволжье. Л.Н. Гумилев в своих исторических трудах описал пути продвижения тюркоязычных, монголоязычных, финно-угорских племен и народов на огромной территории Евразии, в частности касаясь и Поволжья. В работе И.В. Крюковой и В.И. Супруна очень точно отмечено, что «о забытых традициях и обычаях народов, обитавших на Дону и его притоках, напоминают некоторые гидронимы тюркоязычного происхождения. Их достаточно много. Каждый имеет свою историю и последующую судьбу в русском языке» [Крюкова, Супрун 2004: 80]. Это можно отнести применительно и к Волге, и к Поволжью. А.Н. Порунов отмечает, что «начало формирования топонимической системы региона Среднее Поволжье связано с древнейшими периодами расселения в регионе как ираноязычных, финно-угорских, так и ранних тюркоязычных народов. При этом наиболее древним пластом в топонимии региона являются тюркские топонимы, возраст которых насчитывает более 2 тыс. лет» [Порунов 2015: 71].

Еще в средние века великий ученый лексикограф Махмуд Кашгари в «Диване лугат-ат-тюрк», давая описание тюркских языков, отмечал места проживания и расселения тюркоязычных племен и народов: «Самый лёгкий - огузский, а самый правильный - язык ягма, тухси и тех, кто живёт в долинах Или, Иртыша, Оби, Волги – вплоть до страны уйгуров» [Исабекова 2017: 302]. В «Диване лугат-ат-тюрк» дается описание реки Волги на тюркском языке и приводится стихотворение: «Атил» - [Волга], название реки на землях Кипчаков, впадающей в море Булгар, один из ее притоков протекает через Рус» *атил суви ака турур / Кайа туби кака турур / Балик талим бака турур / Кулун таки кушарур* / «Воды реки Атил текут, ударяясь о подножия скал. Пруды наполняются рыбой и лягушками после её разлива» [Исабекова 2017: 303]. Фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук в 1253-1255 годах по поручению французского короля Людовика совершил путешествие к монголам и оставил описание путешествия в ставку хана Батыя в 1253 г, в котором были приведены этнонимы и топонимы:

«... Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Сзади них живут другие, именуемые Мердас, которых Латины называют Мердинис, и они – Саррацины. За ними находится Этилия. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел; она течет с севера, направляясь из Великой {111} Булгарии к югу, и впадает в некое озеро, имеющее в окружности пространство [пути] в четыре месяца; о нем я скажу вам после. Итак, эти две реки, Танаид и Этилия, отстоят друг от друга в направлении к северным странам, через которые мы проезжали, только на десять дневных переходов, а к югу они очень удалены друг от друга. Именно Танаид впадает в море Понта, а Этилия образует вышеназванное море или озеро, вместе со многими другими реками, которые впадают в него из Персии. К югу у нас были величайшие горы, на которых живут по бокам, в направлении к пустыне, Черкисы (Cherkis) и Аланы, или Аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против Татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие Саррацины, именуемые Лесгами, которые равным образом не подчинены [Татарам]. За ними находятся Железные Ворота, которые соорудил Александр для преграждения варварским племенам входа в Персию; о положении этих ворот я скажу вам впоследствии, так как я проезжал через них при возвращении, и среди этих двух рек в тех землях, через которые мы проехали, до занятия их Татарами, жили Команы Капчат... Затем я пустился в путь к Сараю ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамиемты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись

через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но, когда река разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины ... Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через неё. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять» [1] [2]. В 23-ей главе «О реке Ягаке и о разных землях и народах в этой стране» Гильом Рубрук описывает новые земли и народы: «Проехав 12 дней от Этилии, мы нашли большую реку, именуемую Ягак; она течет с севера из земли Паскатири и впадает в вышеупомянутое море. Язык Паскатири и Венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города; страна {123} их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария – последняя страна, имеющая город. Из этой земли Паскатири вышли Гунны, впоследствии Венгры, а это, собственно, и есть Великая Булгария. И Исидор говорит, что на быстрых конях они переправились через преграды Александра, удерживавшие дикие народы скалами Кавказа, так что им платили дань вплоть до Египта. Они разорили также все земли вплоть до Франции, поэтому они обладали большим могуществом, чем нынешние Татары. С ними боролись Валахи, Булгары и Вандалы. Ибо те Булгары, которые живут за Дунаем вблизи Константинополя, вышли из упомянутой Великой Булгарии... Язык Русских, Поляков, Чехов (Воетогум) и Славян один и тот же с языком Вандалов, отряд которых всех вместе был с Гуннами, а теперь по большей части с Татарами, которых Бог поднял из более отдаленных стран, не народ и племя несмысленное ...» [Гильом де Рубрук 1957]. В приведенных текстах дается жизнеописание племен и народов, проживавших в те времена в Этилии, приводятся названия стран и народов, что важно с научной точки зрения. Д.В. Васильев локализовал город Хаджи-Тархан на территории волжского правобережья от Волгограда до нынешней Астрахани [Васильев, 2012: 269]. В Нижнем Поволжье были расположены города Саксин, Суммеркент и столица Золотой Орды – город Сарай ал-Махрус [Васильев 2012: 266]. И так, Махмуд Кашгари в XI веке, а спустя двести лет после него Гильом Рубрук в 1254 году реку Волгу называют Атил-Этилия. И в XXI веке спустя тысячелетие со времен Махмуда Кашгари современные тюркоязычные народы называют реку Волгу Идель, Итиль, сохранив название древнего гидронима в тюркских языках. Итиль (чуваш. Атӑл, тат. Идел, башк. Изел, каз. Еділ, калм. Ижил, монг. Ижил, ног. Эдил) – тюркское название Волги. Исторически – это название нижнего течения Волги от устья до слияния с Камой, участка Камы до слияния с Белой и всего течения Белой. В качестве названия всей Волги применяется до сих пор чувашами, татарами, башкирами и другими тюркоязычными и монголоязычными народами. Некоторые исследователи придерживаются угорской гипотезы названия реки Волги [Беленов, 2018: 44]. В наши дни на речных берегах Волги расположено более шестидесяти городов.

В XIX веке будучи семинаристом Н.Г. Чернышевский написал работу «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии», где было упомянуто село Колояр [Филиппов, 1988: 104]. Кстати, параллельный топоним Колайыр имеется в Бардинском и Гянджинском районах Азербайджана [Гусейнова 2006: 132].

Начиная с 20-х годов XX века к исследованию топонимов в тюркских языках стали обращаться лингвисты, историки, географы. Исследование тюрко-татарской топонимии региона дает неопровержимые факты, что древние, семантически непрозрачные в современных языках топонимы Среднего Поволжья можно объяснить происхождением из древнетюркских, финноугорских и частично монгольских языков. Так, например, материал исследования диссертационной работы Р.К. Садыковой показывает, что тюркоязычные топонимы Поволжья более древние. Так, известно, что в Среднем Поволжье, в частности, в Симбирской губернии предки татар, чуваш, мордвы поселились намного раньше, чем русские.

Таким образом, формирование тюрко-татарской топонимии Среднего Поволжья началось в глубокой древности, когда в лексическом составе алтайских языков было немало родственных слов, некоторая часть которых употребляется и в современных алтайских языках,

что показывает их генетическую общность. Основным, преобладающим в тюрко-татарской топонимии Ульяновской области является тюркский пласт географических наименований. Тюркская топонимия в современном ее состоянии представляет собой обширную по лексическому составу, с многослойной стратиграфией и разнообразными типологическими универсалиями систему, формирование которой происходило под влиянием различных этнокультурных факторов на протяжении длительного периода. Тюркский этнолингвистический пласт можно разделить на несколько подпластов: 1) древнетюркский; 2) старотюркский, в который входят болгарские и кыпчакские названия, также географические названия, образованные от арабо-персидских заимствований; 3) старотатарский; 4) новотатарский; 5) чувашский. Помимо этого, Р. Садыковой отмечается незначительное количество монгольских топонимов, например, гидронимы Мура, Уса, ороним Ундорские горы [Садыкова 2003]. В.Ф. Барашков описал монголизмы в топонимии Среднего Поволжья [Барашков 1973]. В.Э. Очир-Гаряевым отмечается значительное количество монголоязычных топонимов, сосредоточенных в Прикаспийской низменности и Нижнем Поволжье – местах, населенных калмыками (н.пункт Калмык, Калмыковский в Волгоградской области) [Очир-Гаряев 2012: 78]. А.К. Гараева отмечает: «Известно, что на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в VII-XV вв. жили волжско-камские булгары, которые оказались здесь доминирующими в культурном, языковом и политическом отношениях. К сожалению, болгарские субстратные топонимы Татарстана и антропонимы казанских татар, иначе говоря, болгаризмы до сих пор остаются малоизученными в своей системе как объект лингвистики. Г.Ф. Саттаровым обнаружено более 200 названий сел и деревень, восходящих к болгарским наименованиям, составляющим в совокупности болгарский пласт топонимии Татарстана. Часть этих болгаризмов территориально относится к бывшему Елабужскому уезду. Населенных пунктов, в названиях которых имеется топокомпонент *чаллы каменный, каменистый*, только на территории современной Республики Татарстан насчитывается более 20. В Менделеевском районе также есть д. Татар Чаллысы, где живут в основном русские. Эти деревни получили свое название от гидронима Чаллы (Челны). По всей вероятности, жители этого региона употребляли для обозначения рек и речек с каменистым дном или каменистыми берегами слово *чаллы* (булг. чал камень + суффикс наличия -лы)» [Гараева 2004: 117]. А. Порунов отмечает, что лексико-семантический анализ тюркских топонимов Пензенской, Самарской и Ульяновской областей показал, что топонимы общетюркского характера (уй, сай, яр, каш, су, таш, ман, ур, саур, шаур, шан, ерык (ерик), тау, кыр, бор бур, ком (кум), сар, саз, шар, кул) занимают ведущее место среди географических названий Среднего Поволжья [Порунов 2015: 70]. Таким образом, ученый считает, что «с XVI века начался качественно новый этап в развитии топонимии Среднего Поволжья, связанный с началом расселения в регионе русских, украинцев и представителей других народов России» [Порунов 2015: 71].

Список литературы

1. Барашков, В.Ф. Монголизмы в топонимии Среднего Поволжья / В.Ф. Барашков // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. – С. 250–255.
2. Беленов, Н.В. К вопросу о тюрко-монгольском названии реки Волги / Н.В. Беленов // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2018. № 5. – С. 44 – 50.
3. Васильев, Д.В. О населенных пунктах в дельте Волги, которые посетил Гильом Рубрук в 1254 году / Д.В. Васильев // Труды КАЭЭ, выпуск 8. Пермь. 2012, №5. – С. 266–270.
4. Гараева, А.К. Историко-лингвистический анализ топонимов Елабужского уезда. Дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2004. – 165 с.
5. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Перевод А.И. Малеина. Главы 47-53. М.: Гос. изд-во географ. литер., 1957. – С.179–182.
6. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. М.: Наука. 1967. – 504 с.

7. Гусейнова, А.И. Историко-лингвистический анализ топонимов Агстафинского и Газахского районов Азербайджана. Дис... канд. филол. наук: Баку, 2006. – 165 с.
8. Исабекова, У.К. Махмуд Кашгари – основоположник ареальной лингвистики // Тюркология. 2017. № 2. – С.301–308.
9. Крюкова, И.В. К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии / И.В. Крюкова, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. 2004. №1. – С. 76–85.
10. Мурзаев, Э.М. Никонов Владимир Андреевич / Э.М. Мурзаев // Русская ономастика и ономастика России / Под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 145.
11. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. М., 1966. – 510 с.
12. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. Изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2011. – 184 с.
13. Очир-Гаряев, В.Э. Монголоязычная топонимия на территории Евразии / В.Э. Очир-Гаряев // Вестник Бурятского го. ун-та. 2012. №10. – С.75–81.
14. Порунов, А.Н. К вопросу о стратиграфии топонимов среднего Поволжья / А.Н. Порунов // Вестник Мордовского университета. 2015. Т. 25. № 3. – С. 67–72.
15. Садыкова, Р.К. Историко-лингвистический анализ тюрко-татарской топонимии Ульяновской области Российской Федерации. Дис... канд. филол. наук: Казань, 2003. – 210 с.
16. Филиппов, Л.К. О работе Н.Г. Чернышевского «Объяснение татарских имен сел и деревень Саратовской губернии» / Л.К. Филиппов // Советская тюркология. 1988. № 3. – С. 104–109.
17. <https://books.google.az.>books>

***

Нормализация топонимов в России: итоги 2021 года

И.А. Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Аннотация. В статье представлены результаты нормализации топонимов в России, отраженные в Государственном каталоге географических названий в 2021 году. Среди нормализованных топонимов выявлены названия с орфографическим, морфологическим, морфолого-синтаксическим, лексическим варьированием. Отмечается тесная связь и зависимость нормализации топонимов от их написания в действующих нормативно-правовых актах. Показаны явления, нуждающиеся в дополнительной кодификации. Выявлены ошибочные, по мнению автора, результаты нормализации.

Ключевые слова: российская топонимия; нормализация топонимов; топонимическое варьирование; правила орфографии.

Ежегодно в Государственном каталоге географических названий (ГКГН) происходят изменения, в том числе в результате нормализации несогласованных топонимов, т. е. нуждающихся в уточнении написания. В [Дамбуев 2021a] была предпринята попытка проанализировать общие тенденции нормализации топонимов на материале ГКГН в 2020 г. В данной статье рассмотрим, какие были изменения в ГКГН в 2021 г. Исследование ежегодных срезов позволит накопить данные для совершенствования процесса нормализации топонимов.

Нормализовано много топонимов с варьированием графемы *е/ё*: д. *Але/ёшня* → *Алёшня*, д. *Бере/ёзовка* → *Берёзовка*, д. *Кошеле/ёво* → *Кошелёво* и еще 43 топонима в Орловской обл., х. *Мале/ёваный* → *Малёванный* (Воронежская обл.). При этом буква *ё* употреблена как в топонимах с неочевидным ударным слогом, так и в топонимах, которые грамотными носителями

русского языка как-то иначе не прочтутся. Данный процесс продолжает тенденцию прошлых лет.

Нормализация топонимов с варьированием *о/е(ё)* после шипящих представлена примерами: д. *Вольше/ово* → *Вольшово*, д. *Хороше/ово* → *Хорошово*, д. *Черныше/ово* → *Чернышово* (Новгородская обл.), *Виже/онка* → *Вижонка* (Орловская обл.). Если в именах нарицательных под ударением в суффиксе после шипящих правила орфографии рекомендуют *о*, то в топонимах может писаться как *о*, так и *е(ё)*. Выбор *о* в перечисленных примерах оправдан статистически преобладающим употреблением *о* после *ш* и *ж* в подобных топонимах [Дамбуев 2021б: 177–178].

Нормализация топонимов с варьированием *ы/и* после *ц* представлена одним примером: с. *Беляници/ыно* → *Беляницыно* (Владимирская обл.). Орфография этого топонима испытывала варьирование на протяжении XIX–XXI вв. в справочных и картографических источниках. Выбор последнего варианта, закрепленного в нормативно-правовых актах (НПА), оправдан как правилами орфографии [ПРОП 2007: 27], так и необходимостью кодификации написаний топонимов с *-цын-*, испытывающих значительное варьирование [Дамбуев 2021б: 200].

Нормализация топонимов с варьированием безударных гласных представлена примерами: пос. *Клязьми/енский* → *Клязьменский* (Владимирская обл.), д. *По/адбережье* → *Падбережье* (Новгородская обл.). Принятые решения вызывают недоумение. Согласно правилам орфографии, в прилагательных, образованных от топонимов на *-а(-я)*, пишется *-инск-*: *Клязьма – Клязьминский Городок*. Написание *Клязьменский* нарушает правила, но именно оно внесено в НПА, как и название пос. *Заклязьменский*. Написание *Падбережье*, также закрепленное в региональном законе, нарушает целостность приставки *под-*, которая выделяется в названии и активна в местной топонимии: *Подберезье, Подборье, Подгорье* и т.д.

Традиционно много топонимов с варьированием прописной и строчной буквы. Здесь выделяются следующие разные случаи: варьирование в результате неопределенности топонимной формулы географического объекта (погост (нп) *Вышнево* / нп *Погост Вышнево*); варьирование в результате орфографической неопределенности по отношению к родовым обозначениям в составе отэргонимических топонимов (д. *Воймировский Щ/щезавод*); варьирование в первом компоненте отэргонимического топонима (пос. *Ц/центрального отделения совхоза «Острогжский»*).

В ряде топонимов была внесена ясность в топонимную формулу, что отразилось в нормализации употребления прописной и строчной буквы: погост (нп) *Вышнево* / нп *Погост Вышнево* → нп *Погост Вышнево*, кордон *Слобода* → нп *Кордон Слобода* (Тверская обл.), нп *Р/разъезд Мартовский* → нп *Разъезд Мартовский* (Астраханская обл.) и др. Для анализа топонимной формулы считаем целесообразным использовать терминологию, предложенную Группой экспертов ООН по географическим названиям: родовой термин, родовой элемент, индивидуальный элемент [Glossary 2002]. В приведенных выше нормализованных топонимах однозначно выделились родовой термин и родовой элемент в составе топонимной формулы. В примере нормализации пос. *отделения О/откормсовхоза* → пос. *отделения Откормсовхоза* (Воронежская обл.) компонент *Откормсовхоза* приобрел статус индивидуального элемента, а компоненты *пос. отделения* рассматриваются, вероятно, как сложный родовой термин.

Орфографическая неопределенность по отношению к родовым обозначениям в составе отэргонимических топонимов является следствием недостаточной кодификации подобных названий и проявляется в НПА, являющихся источниками официальной информации о написании топонимов. Например, законом Калужской области от 25.10.2013 г. № 497-ОЗ было изменено написание топонимов д. *Воймировский щезавод* → *Воймировский Щезавод*, с. *Березичская школа-интернат* → *Березичская Школа-Интернат*, с. *Старосельское лесничество* → *Старосельское Лесничество* и др. Законом же Калужской области от 17.06.2020 г. № 608-ОЗ было возвращено прежнее написание: д. *Воймировский Щезавод* → *Воймировский*

щебзавод, с. Березичская Школа-Интернат → Березичская школа-интернат, с. Старосельское Лесничество → Старосельское лесничество и др. Очевидно, в соответствии с вновь принятыми законами были нормализованы несогласованные названия: д. Воймировский Щ/щебзавод → Воймировский щебзавод, с. Березичская Ш/школа-И/интернат → Березичская школа-интернат, с. Старосельское Л/лесничество → Старосельское лесничество (Калужская обл.) и др. В других же регионах нормализация может идти иначе: пос. Ленинский Л/лесхоз → Ленинский Лесхоз (Ростовская обл.), нп Больница У/участковая → Больница Участковая (Тверская обл.).

В настоящее время нет готовых решений по написанию названий населенных пунктов, возникших при хозяйственных объектах и известных под именем этих объектов. В инструкциях советского времени такие населенные пункты считались не имеющими официального названия, а в их наименованиях с прописной буквы писалось первое слово, как в названиях предприятий, учреждений, объединений и прочих наименованиях. В настоящее время многие подобные названия воспринимаются как полноценные топонимы, что закрепляется и в НПА. Например, законом Калужской области от 17.06.2020 г. № 608-ОЗ было изменено написание д. Хлудневский карьер → Хлудневский Карьер, законом Иркутской области от 13.06.2018 г. № 71-ОЗ было изменено написание пос. Центральные мастерские → Центральные Мастерские и т.д. Но во многих многословных названиях, таких как пос. Центральная усадьба Бобровского лесничества, пос. Центральное отделение совхоза «Глуховский» и т.д., присутствуют компоненты, сохраняющие свое прямое значение и пишущиеся со строчной буквы. В связи с этим, в настоящее время предлагается сохранить в виде исключения из правила известную ранее рекомендацию по написанию с прописной буквы первого слова в названиях населенных пунктов, включающих в свой состав наименования организаций [Арутюнова 2021: 33–34]. Тем не менее, противоречие не снимается ввиду того, что написание составных собственных имен приравнивается к написанию названий учреждений и организаций [Виноградов 1965: 388].

Противоречие можно снять, если выделять в составе собственных имен реальные и символические имена. В реальных собственных именах «все или почти все входящие в название слова – имена нарицательные, а все название в целом – собственное имя. В названиях этого типа первое слово пишется с прописной буквы, которая в письменном тексте и указывает, что это не апеллятив, а собственное имя» [Суперанская 1965: 31]. Топониму также можно представить как совокупность имен, ядерным типом которых являются символические имена, а на периферии находятся реальные имена. Здесь возникает вопрос разграничения символических и реальных имен. Очевидно, что чем меньше компонентов в топониме, тем выше вероятность их символического употребления. Например, в названиях д. Центральная Усадьба (Смоленская обл.), д. Троицкое Отделение (Пензенская обл.), пос. Кирпичный Завод (Брянская обл.) компоненты усадьба, отделение и завод приобретают статус родовых элементов и пишутся с прописной буквы. Ситуация меняется, когда появляются дополнительные компоненты, актуализирующие семантику данных компонентов: пос. Центральная усадьба Бобровского лесничества (Воронежская обл.), пос. Центральное отделение совхоза «Глуховский» (Тамбовская обл.), пос. Гжельского кирпичного завода (Московская обл.) и др. Вероятно, такой подход при выделении символических и реальных топонимов, основанный на количестве компонентов и их характере, требует дальнейших исследований, чтобы послужить основой для формулировки правила.

Топонимы с варьированием прописной и строчной буквы в первом компоненте были нормализованы следующим образом: пос. Ц/центрального отделения совхоза «Острогожский» → Центрального отделения совхоза «Острогожский», пос. О/опытной плодоягодной станции → Опытной плодово-ягодной станции (Воронежская обл.). Варьирование прописной и строчной буквы в первом компоненте генитивных топонимов наблюдается чаще,

чем у топонимов в номинативе. В таких топонимах рекомендуется «всегда обозначать начало названия прописной буквой» [Арутюнова 2021: 32].

Нормализация топонимов с варьированием слитного, отдельного и дефисного написания представлена примерами: пос. Ново-Георгиевский → Новогеоргиевский, д. Хутор Лимовое → Хутор-Лимовое (Орловская обл.), пос. Нельмин Нос → Нельмин-Нос (Ненецкий АО). Если два первых примера нормализованы в соответствии с правилами орфографии и региональными законами, то в третьем примере правила орфографии нарушены. Варьирование же сохраняется в НПА Ненецкого АО: написание Нельмин-Нос в законе от 24.02.2005 г. № 557-ОЗ и написание Нельмин Нос в законе от 06.01.2005 г. № 540-ОЗ.

В 2021 г. в разных субъектах были нормализованы топонимы с варьированием способа выражения числительного: пос. Сушнево-1/1/-1 → Сушнево-1, пос. Сушнево-2/2/-2 → Сушнево-2 (Владимирская обл.), д. Борисовка 2-я → Борисовка Вторая и еще 15 топонимов в Орловской обл. Выбор дефисного написания числительного, выраженного арабской цифрой, можно считать неудачным. Во-первых, модель написания Сушнево-2 предполагает присутствие неизменяемого количественного числительного в качестве приложения и не подходит для топонимов с порядковыми числительными. Во-вторых, по модели Сушнево-2 в российской топонимии пишется не более 5% топонимов с числительными, и все они локально ограничены [Дамбуев 2021б: 250–252]. Выбор словесного выражения числительного (Борисовка Вторая) вместо буквенно-цифрового (Борисовка 2-я) также является не самым удачным. Написания по модели Борисовка 2-я более распространены (63%), чем модель Борисовка Вторая (2,4%) [Дамбуев 2021б: 250], в которой нарушены правила дефисного написания постпозитивного определительного компонента. Все примеры нормализованных топонимов обусловлены именно таким их написанием в региональных НПА.

В Орловской области были нормализованы 7 топонимов с варьированием исходов -ова/-ово, -ева/-ево, -ина/-ино: д. Авилова/о → Авилово, д. Корева/о → Корево, д. Камынина/о → Камынино и др. Излишне говорить, что выбор написаний был сделан в пользу закреплённых в НПА. Тем не менее, за последние полтора столетия наблюдается уменьшение доли названий деревень с исходами -ова, -ева, -ина и увеличение с -ово, -ево, -ино. Данную тенденцию можно объяснить стереотипизацией топонимов среднего рода как универсальных показателей сельских населенных пунктов [Дамбуев 2021б: 273].

Нормализация топонимов с морфолого-синтаксическим варьированием представлена примерами: д. Новая Петровка → Новопетровка, д. Новая Слободка → Новослободка (Орловская обл.). Данные примеры, как и аналогичные примеры 2020 г. [Дамбуев 2021а: 43], свидетельствуют о тенденции распространения сложных топонимов на основе топонимов-словосочетаний, которую можно рассматривать сквозь призму экономии языковых средств.

Нормализация топонимов, испытывающих лексическое варьирование в результате переименования, представлена примерами: пос. совхоза «Лекраспром» → Лекарственный, пос. совхоза «Елань-Коленовский» → Берёзовка (Воронежская обл.). Хотя данные переименования были совершены в 2006 г. и в 2015 г., в ГКГН их написание было нормализовано лишь в 2021 г. Это свидетельствует о продолжительном характере процедур согласования названий соответствующими уполномоченными органами.

В заключение следует отметить тесную связь и зависимость деятельности по нормализации топонимов от их написания в НПА. Если написание топонимов в региональных законах не соответствует правилам орфографии, то в ГКГН фиксируется ошибочное написание, исправить которое можно лишь другим законом. Если написания названий населенных пунктов подвергаются изменениям, названиям же физико-географических объектов нормализаторы уделяют мало внимания. Иначе нельзя объяснить результаты нормализации: р. Нижняя Подго/алечная → Нижняя Подгалечная (от слова *голец*), руч. Подъё/ямный → Подъямный (от слова *подъём*) (Забайкальский край), нарушающие и правила орфографии, и традиции употребления топонимов, и здравый смысл.

Список литературы

1. Арутюнова, Е.В. Лингвистические основы современного написания топонимов (к теории орфографического правила) / Е.В. Арутюнова, Е.В. Бешенкова, О.Е. Иванова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. – С. 21–41.
2. Виноградов – Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Наука, 1965. – 500 с.
3. Дамбуев, И.А. Государственный каталог географических названий как источник изучения нормализационных процессов в российской топонимии / И.А. Дамбуев // Русский язык в поликультурном и образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: Намитоковские чтения: матер. XII Междунар. науч. конф. «Проблемы общей и региональной ономастики». Майкоп: АГУ, 2021а. – С. 41–43.
4. Дамбуев, И.А. Топонимия России: варьирование и нормализация / И.А. Дамбуев. – Иркутск: Отгиск, 2021б. – 304 с.
5. ПРОП 2007 – Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. – 480 с.
6. Суперанская, А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий / А.В. Суперанская // Орфография собственных имен. М.: Наука, 1965. – С. 25–43.
7. Glossary of terms for the standardization of geographical names / UNGEGN. – New York: UNO, 2002. – 261 p.

***

ЭВЕНКИЙСКАЯ ТОПОНИМИЯ ТУНГОКОЧЕНСКОГО РАЙОНА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

И.А. Дамбуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Е.В. Меркель

*Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М.К. Аммосова (Нерюнгри, Россия)*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-00270.*

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты исследования эвенкийских топонимов Восточной Сибири, собранных в рамках топонимической экспедиции в Тунгокоченский район Забайкальского края. Выявлены типовые эвенкийские топоосновы, способы словообразования топонимов, продуктивные суффиксы. Отмечаются особенности русской передачи эвенкийских топонимов.

Ключевые слова: эвенкийская топонимия, Тунгокоченский район, семантика топонима, структура топонима, нормализация топонима.

В рамках научного проекта «Эвенкийские топонимические зоны Восточной Сибири: комплексный анализ» в 2022 г. участниками проекта была совершена экспедиция в Тунгокоченский район Забайкальского края. Район расположен в северной части края в горно-таежной местности. До активного освоения территории русским населением, начавшимся во второй половине XIX в. и связанным с добычей золота, таежные территории были заселены эвенками, а также бурятами в южной части района.

Во время экспедиции было собрано около 450 топонимов. Среди них примерно 90% приходится на названия рек и ручьев. Оставшиеся названия – это названия населенных пунктов, озер, гор, зимовий и летников. В топонимии района преобладают названия эвенкийского происхождения. Спорадически встречаются бурятские топонимы: *Кучертай*, бур. *хужартай* ‘солончаковый’,

Дарасун, бур. *дэрхэн* ‘бот. чий (вид степного ковыля)’ и др. Русская топонимия представлена названиями небольших географических объектов вокруг населенных пунктов и названиями притоков более крупных рек: *Каменка*, *Кочковатая*, *Соломинка* и др.

Название района образовано от названия села *Тунгокочен*, являвшегося до 1976 г. районным центром. Топоним *Тунгокочен* исследователями и местными жителями однозначно признается эвенкийским по происхождению. Однако этимология названия объясняется по-разному. Местные жители склонны переводить топоним как ‘пять сопок’ от эвенк. *тунҕа* ‘пять’ и *уркэчэн* ‘горка, небольшая сопка’, связывая такое объяснение с эвенкийским преданием: «Давным-давно, в старые, древние времена очень много-много дней непрерывно шел проливной дождь. Реки вышли из берегов и затопили все низины. Огромное море воды скрыло тайгу. Эвенкам приходилось кочевать по сопкам. То место, где находится сейчас Тунгокочен, было очень сильно затоплено. Из воды торчали только пять вершин сопки, как пять кочек на болоте» [Дульянинов 2019: 35]. Каждая из сопки имеет свое название, что способствует сохранению народной этимологии: *Талакашинская*, *Первый Увал*, *Скалы*, *Полдневая*, *Аэродромная*. Мы же, вслед за В.Ф. Балабановым [Балабанов 2006: 89] и Т.В. Федотовой [Федотова 2017: 106], склонны видеть в основе топонима географический термин *тунэчэчэн* ‘небольшое озеро’, зафиксированный в словарях [Василевич 1958: 401; Мурзаев 1984: 564; Болдырев 2000: 125], либо *тунгукэ* ‘маленькая бухта на реке, заводь; высохшая протока, курья’ [Василевич 1958: 401; Мыреева 2004: 623] + суфф. пренебр. *-чэн* (*-чэн*, *-чөн*). Происхождение топонима *Тунгокочен* от географического термина находит больше оснований в ландшафте местности, чем версия, связанная с легендой.

Географические термины активно участвуют в формировании эвенкийской топонимии. На территории Тунгокоченского района часто встречаются топонимы, образованные от *наку* ‘закрытый со всех сторон’ (*Аку*, *Акуя* и др.), *амнунда* ‘наледь; выносы камней в устье горной реки, на которых летом задерживается нарастающий лед’ (*Амнунда*, *Амнундачи* и др.), *амут* ‘озеро’ (*Амут*, *Амуткан* и др.), *айн* ‘старица; протока’ (*Верхний Аян*, *Нижний Аян* и др.), *байча* ‘скала, утес’ (*Байчаны*, *Байчекан* и др.), *бира* ‘река’ (*Биракан*, *Берея* и др.), *бугар* ‘новая гарь, свежесгоревшее место в лесу’ (*Бугарикта*, *Верхняя Бугарикта* и др.), *букачэн* ‘бугор, холм, сопка, пригорок’ (*Букачачи*, *Бурачача* и др.), *буктэ* / *бүксэ* ‘лёд на реке’ (*Буктэни*, *Буктокон* и др.), *дагалдын* ‘приток; место слияния (двух небольших рек)’ (*Дагалдын*), *дэло* ‘большой камень; скала’ (*Джелу*), *дэловун* ‘каменистая’ (*Джелоун*, *Деловун*), *дэвгэ* ‘торфяник, заболоченное место’ (*Давгокта*), *илэчэн* ‘бугорок; холм’ (*Илакочечи*, *Илакочен* и др.), *йкэн* ‘падь, ущелье’ (*Икэнгэ*), *кэвэктэ* ‘широкое, открытое пространство, покрытое сфагновым мхом’ (*Кэвэктэчэн*, *Ковокта*, *Ковачи*), *кадагачэн* ‘холмик, горка’ (*Кадакачан*, *Кадакичи*), *сйвэг* ‘заболоченная лужайка, где растет хвощ’ (*Сивах*, *Сивакочи* и др.), *сэн* ‘протока, курья (из озера в реку)’ (*Сон*), *тала* ‘солончак, где кормятся дикие копытные звери; место охоты из засады (на диких копытных)’ (*Талачи*, *Талакан* и др.), *токчикэ* / *токчоко* ‘поворот, извилина, излучина реки; кривой, изогнутый’ (*Токчоко*), *тукала* ‘земля; глина; песок’ (*Туколама*), *укси* ‘скала «щеки»; теснина’ (*Укшихтони*), *чокчо* ‘кочка’ (*Чокчокол*), *йктэ* ‘холодный родник, источник’ (*Юктэ*, *Юккэ*), *якча* ‘ключ, ручей’ (*Якша*, *Якса*).

Помимо географических терминов активное участие в формировании эвенкийской топонимии района принимают лексемы, обозначающие особенности ландшафта: *дягда* ‘сосна’ (*Дягдакан*, *Джекдакан*, *Джекдакинда*), *мар*, *марикта* ‘марник; марниковая береза’ (*Маричи*, *Марикта*), *мугдэчэн* ‘пенек, комель’ (*Мукдакачи*), *нынду* ‘подлесок, молодая поросль лиственницы’ (*Нынду*), *нындукэн* ‘сухая тонкая лиственница’ (*Нендукачи*, *Ниндукачи*), *чалбан* ‘береза’ (*Чалбачи*), *чўка* ‘трава, зелень’ (*Чукакит*), *килгэ* ‘брус, точильный камень’ (*Кильгенда*), *уксуки* ‘орел-крикун’ (*Укшукинда*). Использование подобных топооснов отражает объективный природный мир и способствует лучшей ориентации на местности в условиях кочевого образа жизни.

Непосредственно кочевой образ жизни отражен в следующих топонимах: *Болодэк* < *болодэк* ‘место, где однажды провели осень’; *Бомуджек* < *бумудяк* ‘место, где болели’; *Гулани* < *гулэ*

‘изба; зимовье’, *Гулэкэн, Гулакача* < *гулэкэн* ‘избушка’; *Сайваки, Сайволни* < *сайва* ‘амбар; запасная кладовая’; *Угдамия, Угдамочи* < *угдама* ‘жилище, крытое корой дерева; лабаз’.

Охота и рыболовство отражены в топонимах: *Анамдяк* < *анамдяк* ‘место, где добыли лося’, *Арекича* < *брекитчй* ‘имеющий место, где приманивают самца-изюбра’; *Бугунгда* < *бугу* ‘изюбр-самец весною (сезонное название)’; *Жибкоз, Жипкоша* < *дипкэ* ‘дикий бык-олень шести лет’; *Каравкит* < *каравкит* ‘засада, место подкарауливания’; *Джиллинда, Делинда, Делингдэ, Дэлингдэкэн* < *делй* ‘таймень’; *Олдонго* < *олдбудо* ‘озеро или река, богатые рыбой’; *Таликичи* < *талйкитчй* ‘имеющий место, где лучат рыбу’, либо *тэлийкитчй* ‘имеющий коптильню’.

Оленеводческая направленность эвенкийского традиционного хозяйства находит свое подтверждение в топонимах: *Демкукан, Джемкукан, Джемкуни* < *демку* ‘назв. болотного растения, которое любят олени и лоси’; *Имаганджак* < *имагандяк* ‘место, где произошел преждевременный отел’; *Куречи* < *куречй* ‘имеющий огороженное место, загон для оленей’, *Онго* < *онго* ‘кормовое место, пастбище (оленье); ягель (олений мох)’.

Из цветообозначений в топонимии района были выявлены только лексемы *багдарйн* ‘белый’ (р. *Багдарин*) и *коунорйн* ‘черный’ (р. *Коннорин*).

В структурном плане эвенкийские топонимы образованы как с помощью семантической онимизации апеллятивов, так и путем грамматической онимизации. В результате семантической онимизации апеллятивы топонимизируются без формальных изменений структуры апеллятивов: *Амнунда* < *амнунда* ‘наледь; выносы камней в устье горной реки, на которых летом задерживается нарастающий лед’; *Юктэ* < *юктэ* ‘холодный родник, источник’; *Коннорин* < *коунорйн* ‘черный’ и др.

Грамматическая онимизация апеллятивов представлена в основном суффиксальными топонимами, образованными от существительных и глаголов. В эвенкийской топонимии употребляется большое количество суффиксов. Предварительный анализ позволяет говорить о том, что наиболее продуктивными из них являются:

-*чй* – суффикс имени обладания при именных основах: *Амнундачи* < *амнунда* + *-чй* = ‘имеющий наледь’;

-*кән* (-*кэн*, -*көн*) – уменьшительный суффикс при именных основах: *Дэлингдэкэн* < *Дэлингдэ* + *-кэн* = ‘малая *Дэлингдэ*’. Такие топонимы, как *Амуткан, Биракан* могли быть образованы путем топонимизации суффиксальных существительных *амуткән* ‘озерко’ и *бйракән* ‘речка’;

-*уда* (-*удэ*, -*удо*) – суффикс названий рек, озер, гор: *Джиллинда* < *делй* + *-уда* = ‘тайменная (о реке, озере)’;

-*кта* (-*ктэ*, -*кто*) – суффикс, обозначающий что-либо мелкое, встречающееся в больших количествах: *Амнуннакта* < *амнунна* + *-кта* = ‘много мелких наледей’;

-*кйт* – суффикс, обозначающий место, где происходит действие, выраженное глагольной основой: *Каравкит* < *карав-* + *-кйт* = ‘засада, место подкарауливания’;

-*ни* – суффикс, образующий от существительных притяжательные прилагательные: *Буктэни* < *буктэ* + *-ни* = ‘с наледью’;

-*мйя* (-*мйе*) – суффикс увеличительной формы: *Амутмия* < *амут* + *-мйя* = ‘большое, огромное озеро’;

-*дяк* (-*дэк*, -*дэк*) – суффикс места длительного действия, выраженного глагольной основой: *Болодэк* < *боло-* + *-дэк* = ‘место, где провели осень’.

Источниками топонимической информации во время экспедиции стали актуальные данные реестра зарегистрированных в Государственном каталоге географических названий (ГКГН) топонимов Забайкальского края, лесопожарные карты Тунгокоченского лесничества 1981 г. издания, опрос информантов. Сопоставление разных письменных источников позволяет сделать вывод о тенденции приближения русского написания эвенкийских топонимов к их национальной форме согласно разработанной во второй половине XX в. инструкции по передаче на картах эвенкийских географических названий [Инструкция 1966]. Например, зафиксированные на картах 1981 г. издания названия *Алгача, Амнунакта, Бугарихта, Буктани, Бойцекан, Джекдакан, Джиллинда,*

Джиллиндакан 1-й, Джектакуй, Каровкит, Чикокит в настоящее время имеют в ГКГН следующее написание: *Алгачи, Амнуннакта, Бугарикта, Буктэни, Байцекан, Дягдакан, Делинда, Дэлингдэкэн 1-й, Дягдакуй, Каравкит, Чукакит*, – в большей степени соответствующее национальному написанию и способствующее сохранению исторического и культурного наследия эвенков.

В то же время в ГКГН сохраняются написания, которые могли бы быть пересмотрены: *Гулакача*, правый приток Каренги (*Гулакачи* – на карте 1981 г.; *Гулэкэчи* – в речи информантов, от эвенк. *гулэкэчй* ‘с избушкой’); *Гуликачи*, правый приток Калакана (*Гулэкачи* – в речи информантов); *Итокича*, левый приток Нерчи (*Итыкича* – в речи информантов, от эвенк. *итыкитчй* ‘с местом, где производится табуирование оленей’ [Комаров 1967: 45]); *Туколами*, правый приток Витима (*Тукалами* – на карте 1981 г., от эвенк. *тукалами* ‘красная краска из глины’) и др.

Опрос информантов в ряде случаев способствует уточнению как написания, так и значения ряда топонимов. Например, зафиксированные в ГКГН топонимы *Мукдакачи, Сайваки, Шишхта* в речи местных жителей звучат как *Мукдокочи* (эвенк. *мугдэкэн* ‘пень’ + суфф. *чй*), *Сайвачи* (эвенк. *сайвачй* ‘с амбаром, запасной кладовой’), *Сишхта* (эвенк. *сий, сийгй* ‘лесная чаща’ + суфф. *-кта*).

Авторы выражают благодарность за помощь в сборе информации сотрудникам администрации сельского поселения «Тунгокоченское», сотрудникам Тунгокоченского лесничества, жителям села Тунгокочен Н.Я. Арунееву и В.С. Душинову.

Список литературы

1. Балабанов, В.Ф. В дебрях названий / В.Ф. Балабанов. 2-е изд. Чита: Экспресс-издательство, 2006. – 104 с.
2. Болдырев, Б.В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2 / Б.В. Болдырев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – 484 с.
3. Василевич, Г.М. Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г.М. Василевич. М.: ГИС, 1958. – 802 с.
4. Дульянинов, А.А. Мое родное село Тунгокочен / А.А. Дульянинов. – Чита: Партизан, 2019. – 62 с.
5. Комаров, Ф.Ф. Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ф.Ф. Комаров. М.: ГУГК, 1967. – 100 с.
6. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. М.: Мысль, 1984. – 653 с.
7. Мыреева, А.Н. Эвенкийско-русский словарь / А.Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
8. Инструкция по передаче на картах эвенкийских географических названий / Сост. Л.И. Розова. М.: ГУГК, 1966. – 23 с.
9. Федотова, Т.В. Топонимический словарь Забайкальского края / Т.В. Федотова. 2-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2017. – 272 с.

***

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ НУР-СУЛТАНА)

Ш.К. Жаркынбекова, Ж.А. Агабекова

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Назарбаев Университет
(Нур-Султан, Казахстан)*

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Изучение стандартизации и унификации казахстанских топонимов на основе латинского алфавита» в АОО «Назарбаев Университет» на 2022 г. (SSH2020001).

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития современных номинативных процессов, характерных для Республики Казахстан. Авторами выявлены проблемы, требующие своего практического решения на данный момент. Показано, что номинативные процессы в ономастике в целом и в топонимике в частности рассматриваются как часть этноязыковых процессов,

включающих в себя особенности культуры и национального характера, государственного строя и политической системы.

Ключевые слова: топонимическое пространство Республики Казахстан; этноязыковые процессы; номинативная политика.

Как известно, номинативные процессы в ономастике в целом рассматриваются как часть этноязыковых процессов, включающих в себя особенности культуры и национального характера, государственного строя и политической системы. Следовательно, номинация и переименование являются важными средствами языковой и национальной политики. Совершенно очевидно, что каждая страна должна реализовывать собственную национально-языковую политику, соответствующую ее языковой ситуации, национальному составу, концепциям и перспективам развития собственной культуры, национальным традициям, а также ценностным ориентациям жителей разных национальностей, своего решения как внутри конкретной страны, так и на международном уровне.

По утверждению М.В. Голодомидовой, обсуждение возникающих в этой области проблем осуществляется в рамках «топонимической политики», в границах которой и должна проявляться деятельность различных официальных (государственных) и научных организаций по урегулированию всех существующих и появляющихся в результате переименований названий географических и других объектов. «Топонимическая политика является сложной по структуре деятельностью, которая обладает своими специфическими целями, производными от пространственно-координационной функции топонимов, своей организационно-управленческой стороной, правилами реализации и практическим воплощением», – отмечает исследователь [Голомидова 2018: 37].

С обретением независимости в Казахстане, как и во многих странах постсоветского пространства, начался активный процесс обновления ономастического пространства.

По утверждению Г.Б. Мадиевой, ономастическое пространство Казахстана отличается сегодня «инновациями социального, психологического, исторического содержания: изменились геополитическая и языковая ситуация в Казахстане, изменилась ментальность человека, в связи с этим меняется его отношение к тому, что именовать и как именовать. Это предопределило возникновение новой концепции имени собственного, обусловленной, прежде всего, идеей национального Ренессанса, проявлением пассионарности в казахстанской ономастике» [Мадиева 2018: 5]. Так, основными законодательными документами, на которые опираются специалисты, являются: «Конституция РК», «Закон о языках», «Закон об административно-территориальном устройстве», Правительственные акты Президента РК, Концепция языковой политики РК, одобренная распоряжением Президента от 4 ноября 1996 года № 3186, Положение о Государственной ономастической комиссии при Правительстве Республики Казахстан, утвержденного постановлением Правительства РК от 21 апреля 1998 года № 368 и др. Целью деятельности государственной ономастической комиссии РК является «формирование единого подхода к наименованию географических объектов, упорядочений употреблений и учета топонимических названий, восстановления, сохранения исторических названий как составной части историко-культурного наследия Республики Казахстан и их переименованию» [Постановление 1998]. Так, за годы независимости (с 1991 по 2020 гг.) на основании решений Республиканской ономастической комиссии постановлениями Правительства РК изменены около 3000 тысяч наименований организаций образования, культуры, спорта, 23 наименования городов и районов, более 5000 наименований населенных пунктов, 20 000 улиц и проспектов, 150 наименований станций.

Процесс номинации географических названий Республики Казахстан проходит особый путь серьезных изменений, отражающих историческое прошлое и культурное настоящее. Особый интерес представляет изучение специфики городского пространства как важнейшего

центра моделирования историко-культурного своеобразия народа. Общие принципы переименований можно рассмотреть на примере новой столицы Республики Казахстан, которая за последние 10 лет была трижды переименована: Акмола (1992 г.) – Астана (1998 г.) – Нур-Султан (2019 г.).

Современная топонимия столицы Республики Казахстан – г. Нур-Султан – это формирующаяся по сей день система географических наименований, относящихся к разным периодам возникновения. Постоянное обновление, касающееся как пространственного, так и социокультурного и языкового облика, обусловлено прежде всего тем, что, являясь самой молодой столицей в мире, город стал наглядным примером успешной реализации стратегических приоритетов суверенного государства и за короткий период превратился в современный мегаполис, крупнейший деловой, дипломатический, торговый и культурный центр.

Процесс трансформации топонимической картины города наглядно проиллюстрирован в словарях и справочниках, появившихся относительно недавно: «Улицы Астаны» [Улицы Астаны 2010], «Ономастика Астаны» [Ономастика Астаны 2012], «Справочник-указатель ономастических наименований Астаны» [Справочник 2008] и др.

Как показал проведенный анализ, мотивированность многих географических названий города представлена разными классами ономастического пространства: гидронимами, антропонимами, оронимами, ойконимами, астионимами, зоонимами, фитонимами, хремотонимами, космо-нимами, мифонимами, поэтонимами, наименованиями исторических памятников и важнейших объектов и др.

В ходе исследования (для подсчета был использован картографический материал: атласы, административная карта города, онлайн карта г. Нур-Султан) выяснилось, что наибольший коэффициент занимают антропонимы (34%), большая часть которых связана с именами известных исторических личностей (участников общественно-политического движения «Алаш», писателей и поэтов, деятелей искусства и культуры и др.). На втором месте – наименования, мотивированные ойконимами. Особенность казахстанских ойконимов заключается в наличии исконных корней онимов казахского языка, в мотивациях, основанных на древних легендах и мифов, в наличии в своем составе дескриптивов, уже описывающих местность (16%). Далее расположились гидронимы (11%), оронимы (10%), в группу которых включены названия гор, равнин, низменностей, пустынь, жайлау, перевалов и долин, пиков и хребтов. На следующем месте – астионимы (7%), поэтонимы (4%), исторические памятники (4%), мифонимы (4%) и др.

Основным принципом переименований в последние десятилетия является исторический подход. С обретением независимости процесс перенаименований был направлен на декоммунизацию, на отказ от идеологически маркированных топонимов советского периода. Новые наименования носят, в основном, национальный характер, отражая мировоззрение казахского народа, передавая особенности его топонимического мышления, формируясь как функциональный ориентир культурного кода в сознании людей.

Нельзя не отметить, что укрепляющийся на мировом пространстве статус столицы, открытость и расширяющиеся дружественные отношения с другими странами обусловили появление на карте города наименований улиц в честь зарубежных деятелей: появились транснациональные топонимы – в честь экс-короля Иордании Хусейна бен Талала, столицы Иордании Аммана, египетского ученого Таха Хусейна, французского государственного деятеля Шарля де Голля, немецкого писателя Иоганна Гете, экс-президента Азербайджана Гейдара Алиева и др.

Топонимия Казахстана имеет свою специфику, обусловленную взаимодействием функционирующих в стране языков. Современная концепция языковой политики Республики Казахстан, направленная на полиязычие (проект «Триединство языков»), которое пришло на смену казахско-русскому двуязычию, активно реализуется во многих коммуникативных сферах и, безусловно, находит отражение в языковой представленности топонимов. Нацеленность на

укрепление государственного языка, расширение сфер его функционирования привели к увеличению числа географических наименований на казахском языке: сегодня более 80% топонимов пишутся на государственном языке и закреплены в официальных документах, на картах и других изданиях.

В статье 19 «Закона о языках» утверждены правила передачи казахских наименований на русский язык: «Традиционные, исторически сложившиеся казахские названия административно-территориальных единиц, составных частей населенных пунктов, а также других физико-географических объектов на других языках должны воспроизводиться согласно правилам транслитерации. Наименования государственных организаций, их структурных подразделений даются на государственном и русском языках. Наименования совместных, иностранных организаций – с транслитерацией на государственном и русском языках» [Закон о языках Режим доступа: <http://online.zakon.kz>.]

Опора на английский язык как *lingua franca* в самых разных коммуникативных сферах отражает общую тенденцию в мире. Внедрение английского языка в публичную коммуникативную среду современного Казахстана носит динамичный характер, о чем свидетельствует увеличение количества англоязычных надписей в топонимических наименованиях.

Более того, объявленный в 2014 году поэтапный переход на латиницу, безусловно, повлиял на общую картину лингвистического ландшафта города. В визуальном пространстве города становится заметным увеличение количества топонимов, представленных латиницей (несмотря на то, что окончательный вариант новой графики еще не утвержден).

Но у данного процесса есть и другая сторона. Перенаименования стали приобретать массовый характер и новые задачи, вызванные меняющимся социокультурным контекстом, обусловили появление определенных проблем: 1) все увеличивающееся количество переименований стало темой острых дискуссий и споров, приобретая больше идеологический характер; 2) возросло количество «неудачных» наименований; 3) в топонимике многих городов наблюдается дублирование наименований; 4) частое переименование улиц стало беспокоить жителей, которые едва привыкнув к одному наименованию должны уже запомнить другое.

Топонимические переименования стали расцениваться многими как нежелательные действия (за исключением, конечно же, некоторых). К примеру, в проведенном в 2009 году казахстанскими социологами А.М. Маратовой, А.С. Омышевой исследовании выявлен ряд причин негативного отношения к переименованиям: городским властям можно было бы заниматься решением других более важных общественных проблем (35,7%); переименование создает неудобства в работе различных городских организаций – почты, скорой помощи, коммунальных служб и т.д. (28,5%); создает неудобства для населения (24,6%); люди привыкли к существующим названиям (26,1%), а, как показывают результаты исследования, в социальной среде столицы процесс адаптации и привыкания к новым наименованиям улиц проходит довольно длительное время; 8,2% респондентов отметили, что старые названия тоже часть истории; для 32% респондентов значение имеет и благозвучность нового названия, которое можно быстро запомнить и легко выговорить; появляются непонятные «имена собственные» (3,9%) [Особенности 2009]. Отметим, что Ономастическая комиссия РК периодически объявляет временный мораторий на проведение ономастических процедур (к примеру, мораторий был объявлен на период 2015–2016 гг., с 01.2021 г. и т.д.).

Несомненно, за последние десятилетия казахстанская топонимика достигла значительных результатов. Но изучение проблем топонимики не исчерпывается существующими работами. Работа над топонимами в указанных выше направлениях (и других) активно продолжается и в настоящий момент, более того, в современных изысканиях ученых продолжается развитие научной методики, а обобщение и анализ накопленного фактического материала дает возможность по-новому подходить к его классификации, каталогизации, лексикографической обработке. Сегодня востребованы фундаментальные исследования, базирующиеся

на междисциплинарных методологических знаниях. Обоснование новых теоретико-методологических подходов, являющихся основанием для разработки терминологического аппарата топонимических исследований, процесса присвоения наименований и переименований, применения современных методов исследования, способов обработки топонимических данных (в особенности в связи с стремительным развитием цифровых технологий), создания единой базы топонимического материала, доступной для специалистов разных областей знаний, – одна из актуальнейших задач современной топонимики, в частности, и лингвистики, в целом. Важен новый обоснованный взгляд на специфику имени собственного с учетом социальных, культурных, исторических факторов.

Этот вопрос особенно остро встал в связи с проведением масштабной реформы, связанной с переходом казахского алфавита на латинскую графику. В стране проводится большая работа по разработке новых правил, единообразно описывающих варианты передачи названий с учетом интересов как жителей страны, так и иностранных граждан. В то же время, принимая во внимание, что даже наличие строгих нормативных предписаний, к сожалению, не обеспечивает в достаточной мере соблюдения правил и соответствия требуемым нормам, считаем необходимым проведение разъяснительной работы среди граждан страны.

Таким образом, дальнейшее развитие топонимической науки в Казахстане (да и не только) требует системного, комплексного, междисциплинарного подхода к изучению рассмотренных ранее и рассматриваемых в современный период вопросов и новой (с учетом последних достижений и проводимых реформ) интерпретации результатов исследований.

Список литературы

1. Астана қаласы ономастикалық атауларының көрсеткіш-анықтамалығы / Справочник-указатель ономастических наименований города Астаны / ред. Е. Шаймерден. Алматы: Сардар, 2008. – 304 с.
2. Астана ономастикасы / Ономастика Астаны. Астана: Астана полиграфия, 2012. – 247 с.
3. Голомидова, М.В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. – С. 36–61.
4. Дамбуев, И.А. Нормализация орфографического варьирования топонимов Тувы / И.А. Дамбуев // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. – С. 33–53.
5. Дамбуев, И.А. Нормализация топонимов в Республике Бурятия / И.А. Дамбуев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 2. – С. 13–20.
6. Дамбуев, И.А. Топонимическое варьирование и вопросы нормализации топонимов в Республике Хакасия // Язык и культура. 2017. № 38. – С. 23–40.
7. Жаркынбекова, Ш.К., Агабекова, Ж.А. Топонимическое пространство Казахстана: вопрос стандартизации и унификации / Ш.К. Жаркынбекова, Ж.А. Агабекова // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Филология. 2021. Т. 135. № 2. – С. 139–153.
8. Законы Республики Казахстан – Юрист // [электронный ресурс] Режим доступа: <http://online.zakon.kz>.
9. Мадиева, Г.Б. Ономастика Казахстана: аналитический обзор (подходы исследования оноимов) / Г.Б. Мадиева. Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 80 с.
10. Особенности столичного пространства и ономастики: сборник материалов комплексного социологического исследования / сост. А.М. Маратова, А.С. Омышева. Астана: САНА, 2009. – 88 с.
11. Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 апреля 1998 г. № 368 «О Республиканской ономастической комиссии при Правительстве Республики Казахстан». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P980000368>.
12. Сулейменова, Э.Д. Языковые процессы и политика: монография / Э.Д. Сулейменова. Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 117 с.
13. Улицы Астаны / сост. Е. Глешов, К.О. Сулейменов и др. Алматы: Сардар. 2010. – 368 с.

ТЕРМИН БАЛКА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Н.А. Кичикова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается происхождение и лексико-семантическое значение географического термина балка. Выявлено, что такие географические термины, как дол, долина, ложбина, овраг, ущелье, предлагаемые известными лингвистическими словарями в качестве синонимов к термину балка, синонимами не являются, о чем свидетельствуют их словарные статьи. Данный факт доказывает, что ландшафтные термины, отражая особенности рельефа того или иного региона, аккумулируют народный опыт освоения окружающего пространства, являясь отражением языковой картины мира человека.

Ключевые слова: географический термин, балка, топонимия, ландшафтная терминология.

Топонимию Юга России, не раз являвшейся объектом нашего внимания [Кичикова 2011, 2016, 2020], как известно, характеризует в основном естественная номинация географических объектов, отражающая особенности рельефа. Подобные наименования, встречающиеся на юге России, образованы от ландшафтных терминов, характерных для степи и лесостепи, среди которых преобладают термины с отрицательной отметкой, указывающие на понижение по отношению к уровню равнины – балка, яр, овраг, сала и др. Так, нами отмечено, что одним из распространенных географических терминов в топонимии Юга является термин *балка*: х. **Балка**, х. **Белая Балка** (Ростовская обл.), с. **Горькая Балка** (Краснодарский кр.), пос. **Балковский** (Республика Калмыкия), с. **Николина Балка**, х. **Новая Балка** (Ставропольский кр.). Данный термин также распространен на обширной территории центральной России, территории Восточной Украины и Белоруссии.

Происхождение термина в современной лингвистике до сих пор остается спорным. Так, М. Фасмер, указывая на южную территориальную привязку термина и признавая сложность в определении этимологии, приводит следующую информацию: **балка** П. «овраг, высохшее русло реки», южн. (Гоголь), укр. *балка* «овраг», польск. диал. *bałka* «маленькое озеро», укр. *ба́лише* «место, где прежде была низина». Считается исконно родственным лит. *balà* «болото», лтш. *bala* «глинистая, безлесная долина», д.-в.-н. *rfiuol* «лужа, болото», далее др.-инд. *jambālas* «болото, тина»; см. Бернекер 1, 40, М. — Э. 1, 253, которые привлекают сюда также *болонь* «низина», *болото*. С другой стороны, отсутствие этих слов в остальных слав. языках (ср. словен. *bálovina* «ковыль», которое отличается по своему знач.) не исключает допущения вост. заимствования [Фасмер].

Н.М. Шанский, напротив, придерживается точки зрения, что термин является производным от исчезнувшей словоформы *бала* и является родственным термину болота (ср. лит. *balà* «болото» и др.) [Шанский].

Термин *балка* впервые упоминается в Словаре Академии Российской (САР), изданном в 1789 году в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук: «в южных странах называют у нас сим именем ущелья гор, или узкие долины» [Словарь Академии Российской 1789: 1160 стлб.]. Но в Национальном корпусе русского языка приводится материал, иллюстрирующий первое упоминание данного термина в 1787 году. Русский ученый, этнограф, путешественник, академик Императорской академии наук и художеств в Санкт-Петербурге Василий Федорович Зуев в 1781 году отправился в Крым. В своих трудах, посвященных этому путешествию, исследователь приводит описание населенных пунктов, которые встретились по пути его следования, сведения об истории, культуре жителей полуострова (*По дну не только валялось много гранитовых камней и других некоторых породъ, но въ некоторых местах онъ пресекаъ балку на подобіе порога*. В.Ф. Зуев Путешественные записки Василья Зуева отъ С. Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 (1787) [ruscorpora.ru]. Этот документ подтверждает, что термин *балка* до фиксации его в САР употреблялся на юге страны.

Определение лексико-семантического значения данного термина также вызывает вопросы, так как единого мнения, какой вид рельефа с отрицательной отметкой следует называть *балкой*, в лексикографических изданиях нет. Рассмотрим словарные статьи, приведенные в известных словарях. Так, согласно определению в Толковом словаре живого великорусского словаря В.И. Даля, балка – «дол, долина, ложбина, балчук длинный и широкий природный овраг» [Даль 2008: 84]. В Малом академическом словаре дается дефиниция: «ложбина, образованная тальными и дождевыми водами, длинный овраг с пологими склонами, поросший травой, кустарником, деревьями» [МАС 58]. Словарь русских народных говоров определяет слово балка: «долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи», а также указывает на то, что это может быть овраг в лесу (Ворон., Дон., Ряз.) [СРНГ 1966: 82].

Таким образом, словарные статьи известных изданий в качестве синонимов к термину *балка* предлагают такие географические термины, как *дол*, *долина*, *ложбина*, *овраг*, *ущелье*. В связи с этим мы рассмотрели определения данных терминов. *Дол* – «низменность, межигорье, природная впадина, различного вида на земле» [Даль 2008: 423]; = *долина* [Грамота.ру]. *Долина* – «ровное пространство вдоль речного русла; удлинённая впадина между гор или в холмистой местности [СРЯ 1999: 424]; «удлинённая впадина между гор или в холмистой местности; равнина вдоль речного русла» [Грамота.ру]. *Ложбина* – «неглубокий овраг с пологими склонами [СРЯ 1999: 196]. *Овраг* – «глубокая длинная впадина на поверхности земли, образовавшаяся от действия дождевых и тальных вод» [Грамота.ру]; «глубокая длинная впадина на поверхности земли, образованная действием дождевых и тальных вод» [СРЯ 1999: 583]; «моск. Крутобокая рытвина, от вешних вод» [Даль 2008: 532]; Овраг, а, м. 1. Низкое заболоченное место; топкая низина. Черепов. Новг., 1937-1940. [СРНГ 1987: 583]. *Ущелье* – узкая крутосклонная долина (обычно в пределах горной страны), промытая рекой в твердых коренных породах [Грамота.ру].

Приведенный словарный материал доказывает, что данные географические термины не являются синонимичными по отношению друг к другу, единственное, что их связывает, – это рельеф с отрицательной отметкой. Следовательно, ландшафтная терминология является не чем иным, как репрезентацией народного опыта освоения окружающего пространства, аккумулирующего сведения языкового взаимодействия.

В этой связи нам показалось интересным рассмотреть семантику данного термина в художественной литературе. Для этого мы обратились к Национальному корпусу русского языка [ruscorpora.ru]. Собранный материал, демонстрирующий упоминание данного термина, показал, что лексема *балка* довольно часто употребляется с характеризующим его определением в следующих значениях: 1. Определения, указывающие на размер, глубину орообъекта: *Под угрозой смерти и под страшными клятвами, они приказали Якубу набирать дрова и тащить в глубокую лесную балку налево от дороги*. Е.Л. Марков. *Очерки Крыма (1872)*; ...так как перед ней **громднейшая балка** с очень крутыми берегами, по которым он спуститься не мог. А.А. Брусиллов. *Воспоминания (1923)*; 2. Указывающие на особенности рельефа балки: *С глубокой седловины, разделяющей эти два хребта, спускалась вниз пологая балка...* Н.М. Альбов. *Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова. Дневники, статьи, письма, воспоминания*. (1884); *Эти пушки, очевидно, намеревались обстреливать отлогую балку, куда спускался князь со своею свитою*. М.М. Филиппов. *Осажденный Севастополь (1889)*. 3. Определения, указывающие на наличие или отсутствие воды в русле: *Дорога уверенно тянула через лес, порой огибая какую-то мокрую балку или овражек...* Ю.М. Нагибин. *Беглец*. (1977); *А потом мы спустились в сухую балку*. С.В. Соловьев. *Барка // «Волга», 2012*; *Тут все было «Черниговка»: и усадьба, и речка, и липовая роща на холме, и даже топкая балка в поймах...* А.Н. Будищев. *Женихи (1901)*. 4. Определения, указывающие на тип растительности, произрастающей в балке: *Дубовая балка представляла из себя неглубокий, но длинный, заросший кустарником овраг*. *Повести и рассказы / К. Тренев; Сост. и предисл. М. О. Чудаковой*. — Москва: Сов. Россия, 1977. — 350 с.; 20 см.; *Виноградная балка... Овраг?* И.С. Шмелев. *Солнце мертвых (1923)*. 5. Прилагательные, указывающие на расположение

орообъекта в пространстве: *Вдруг дорога повернула в правую сторону – распахнулась стена хлебов и открыла степную балку...* М.Горький. *Покойник* (1913). 6. Определения, передающие чувства и отношение говорящего к географическому объекту: *Эта страшная балка стала могилою тысяч, бесполезно резавших и бесполезно зарезанных.* Е.Л. Марков. *Очерки Крыма* (1872); *Он спустился в глухую балку и перешел вброд шумливый поток.* В.Я. Шишков. *Угрюм-река* [ruscogroga.ru].

Подобные определения, характеризующие орографический объект могут стать названиями: *Глубокая балка, Сухая балка, Каменная балка, Бешеная балка.* Недалеко от селения Казбек переехали мы через *Бешеную балку, овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток.* А.С. Пушкин. *Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года; Вот и Глубокая балка – конец мыслям.* Б.А. Пильняк. *Иван Москва* (1927) [ruscogroga.ru]. Как писал Э.М. Мурзаев, «признак объекта является важнейшей психологической категорией при номинации, так как мотивирует выбор имени, объясняя причину появления топонима» [Мурзаев 1982: 23]. Редко ороним употребляется без номенклатурного термина, который предназначен для пояснения рода географического объекта, будь это балка, овраг или др. и пишется со строчной буквы [Правила написания 1967]. Однако в случае трансонимизации, при переходе наименования с одного объекта на другой географический термин употребляется не в прямом значении, являясь одним из компонентов составного топонима: *За поселком Топкая Балка их попробовал перехватить небольшой отряд милиции.* М.А. Шолохов. *Тихий Дон* [ruscogroga.ru].

Таким образом, анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы. Ареал термина *балка* распространен на обширной территории центральной и южной России, Восточной Украины и Белоруссии. Известные лексикографические словари в качестве синонимов к данному номенклатурному термину предлагают такие географические термины, как *дол, долина, ложбина, овраг, ущелье*, словарные статьи, приведенные в тех же словарях, указывают на то, что данные термины не являются синонимичными по отношению друг к другу. Данный факт доказывает, что ландшафтные термины, отражая особенности рельефа того или иного региона, аккумулируют народный опыт освоения окружающего пространства, являясь отражением языковой картины мира человека.

Список литературы

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т.1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 640 с.
2. Кичикова, Н.А., Джамбинова, Н.С. Географические термины балка/сала в топонимии Юга России // Ономастика Поволжья: матер. XVIII Междунар. научн. конф. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. – С. 43–50.
3. Кичикова, Н.А. Топонимия Республики Калмыкия как составная часть ономастического пространства Российской Федерации. Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2011. – 25 с.
4. Кичикова, Н.А. Топонимическое пространство Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова. Элиста: Джангар, 2016. – 147 с.
5. Мурзаев, Э.М. География в названиях. М.: Наука, 1982. – 176 с.
6. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL.: [http:// ruscogroga.ru](http://ruscogroga.ru) (дата обращения: 16.03.2022).
7. Правила написания на картах географических названий СССР. М.: Недра, 1967.
8. Словарь Академии Российской: в 6 т. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук. 1789 (электронный ресурс) // URL.: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 16.03.2022).
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1- / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург: Наука, 1965-
10. Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стер. Т. 1-4. М.: Астрель, 2007.

***

РУССКИЕ ЗООТОПОНИМЫ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

А.Х. Корнеева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются русские топонимы с зоонимическим компонентом на территории Республики Калмыкия. На материале Словаря топонимов Республики Калмыкия, а также полевых материалов автора производится анализ топонимической лексики, в результате которого выявлены особенности зоонимической топонимики региона. Преобладающее большинство зоотопонимов принадлежит к лексико-семантической группе «дикие животные».

Ключевые слова: топоним, зоотопоним, зоокомпонент, словарь топонимов Республики Калмыкия, животные, птицы.

Топонимическая система Республики Калмыкия начала складываться более четырех столетий назад, когда предки калмыков переселились из степей Центральной Азии в степи Восточной Европы, заняв территории Северного Прикаспия. Калмыцкая топонимия формировалась в процессе длительного исторического периода. Начав освоение необжитых территорий, калмыки создали свою традиционную топонимическую систему, которая начала складываться к середине XVII века [Хонинов, 2010: 15]. Помимо собственно калмыцких топонимов, на территории Республики Калмыкия представлены и топонимы иноязычного происхождения. Их разделяют на две группы: тюркские топонимы и русские [Хонинов, 2010: 17]. Появление этих наименований связывается как с ранним периодом, до прихода калмыков (тюркские топонимы), так и с поздним периодом существования Калмыцкого ханства (русские топонимы). Важно отметить, что русские топонимы стали появляться в калмыцких степях с середины XVIII века, когда русские крестьяне из Центральной России начали заселять эти территории.

Исследование топонимии Калмыкии началось с конца XIX века. Первой крупной работой, в которой рассматривались некоторые топонимы калмыцких степей, можно считать труд К.И. Костенкова «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии» [Костенков 1870], а также сведения о местах кочевий калмыцких хурулов Астраханской губернии, поданные в 1883 году и опубликованные В.В. Батыровым [Батыров 2016]. Отдельные исследования по топонимии Калмыкии были опубликованы учеными И.В. Борисенко [Борисенко, 1983], М.У. Монраевым [Монраев, 1978, 1993, 2008, 2017], В.Э. Очир-Гаряевым [Очир-Гаряев, 1976, 2011], Ц.К. Корсункиевым [Корсункиев, 1983], В.Н. Хониновым [Хонинов, 2010], Н.А. Кичиковой [Кичикова, 2010 (1), 2010 (2), 2011], Э.Б. Манджиевой [Манджиева, 2015, 2016], В.И. Супруном [Супрун, 2017 (1), 2017 (2)] и др. Эти и другие работы, посвященные топонимии Калмыкии, стали базой для создания Словаря топонимов Республики Калмыкия [Словарь топонимов 2019], однако изучение этого разряда в настоящее время все еще продолжается.

В данной работе рассматриваются русские зоотопонимы, существующие на территории Республики Калмыкия в настоящее время. Эта тема ранее не привлекала особого внимания исследователей, ее касались только в контексте общего изучения топонимов Калмыкии. Материалом для работы послужили данные Словаря топонимов Республики Калмыкия [Словарь топонимов 2019]. Методом сплошной выборки было выявлено 39 единиц русских зоотопонимов, которые преимущественно относятся к наименованиям микротопонимии, включающей в себя гидронимы, ойконимы и антропонимы. Большинство выявленных зоотопонимов образованы от наименований диких животных, обитавших или по настоящее время обитающих на территории Республики Калмыкия.

В топонимической «иерархии» русских зоотопонимов Калмыкии с компонентом «дикие животные» первенство принадлежит волку. Территория современной Калмыкии богата названиями балок, урочищ, водоемов и населенных пунктов, имевших или имеющих в своем названии

компонент «волк». Так, в Сарпинском и Ики-Бурульском районах Калмыкии выявлены названия *Волчья балка*. В Юстинском районе встречается название *Волчья яма*. Эти наименования происходят от волчьих логов, располагавшихся в данных местностях [Словарь топонимов 2019: 56]. В Приютненском районе Калмыкии встречается название гидронима – пруд *Волков*, неподалеку от которого протекает пересыхающая река *Волочайка*, русло которой проходит по одноименной балке [Словарь топонимов 2019: 56]. Согласно рассказам старожил, название речки и балки *Волочайка* происходит от слова «волчок», «волчонок», так как вдоль склонов балки раньше было много волчьих нор [ПМА-1].

Кроме перечисленного, на территории Яшалтинского района проживал род Ики-Чонос (Большие волки), тотемом которого был волк. От генонима, связанного с тотемом еще до революции были образованы одноименные топонимы: 1-ый Ики-Чонос и 2-ой Ики-Чонос, просуществовавшие вплоть до ликвидации КАССР и депортации калмыцкого народа 1943-1956 гг. При передаче Яшалтинского и Западного улусов КАССР в Ростовскую область, вышеуказанные калмыцкие населенные пункты были объединены и переименованы в село *Волково* [ПМА-2]. Это название является переводом на русский язык калмыцкого генонима и топонима Чонос (Волки).

Еще один популярный зоотопоним Калмыкии связан с *сайгаком*. Несколько десятков лет назад эта степная антилопа населяла практически всю калмыцкую степь, а потому мест, с ней связанных, достаточно много. Так, в Черноземельском районе выявлены названия *Сайгачный пункт* (местность) и *Сайгачный* [Словарь топонимов 2019: 167]. В Яшкульском районе встречается название *Сайгачный лиман* [Словарь топонимов 2019: 167], а в Целинном районе есть местность *Сайгачонок*, получившая название от одноименного детского летнего лагеря [Словарь топонимов 2019: 167].

Во время депортации калмыков и ликвидации КАССР населенный пункт *Тавн Толга в Кетченеровском районе был также переименован в Сайгачье* [Очерки исторической географии... 2000: 95]. Все указанные зоотопонимы образованы от названий местностей, через которые проходили пути миграций сайгаков.

Не до конца ясным представляется ряд выявленных топонимов, имеющих отношение к *олению*. В Лаганском районе Республики Калмыкия нами были выявлены *Оленичевский* ерик, *Оленичевский* канал и *Оленичевское* озеро. Эти названия восходят к исчезнувшему селу *Оленичево*, в память о нем названа местность, где располагался этот населенный пункт [Словарь топонимов, 2019: 151]. Этимология топонима неясна, но, возможно, производна от антропонима, фамилии одного из основателей этого населенного пункта. Сходное происхождение, вероятно, имеет и разезд *Олейниково* [там же: 151] в Черноземельском районе.

К топонимам, с компонентом «дикие животные» также относятся курган *Бобры* в Лаганском районе [Словарь топонимов, 2019: 40], *Заячий бугор* в Целинном районе [там же: 91] и *Лисичкина балка* в Малодербетовском районе [там же: 124]. Эти наименования связаны с местами обитания этих животных.

Наименований с зоокомпонентом «домашние животные» значительно меньше. В Яшалтинском районе Республики Калмыкия обнаружен курган *Верблюды* [Словарь топонимов, 2019: 54]. Местные жители говорят, что название этого кургана появилось от сходства двух его вершин с верблюжьими горбами [ПМА -2]. В Малодербетовском районе есть курган *Козловский штиль* [Словарь топонимов, 2019: 111], происхождение его названия неясно. Кроме него, в этом районе есть урочище, носящее название *Овчинниково* [Словарь топонимов, 2019: 150] и местность *Баранова лощина* [Словарь топонимов, 2019: 32]. Происхождение этих наименований неясно.

В черте города Элиста нами был выявлен микротопоним *Кобылячья балка*. Происхождение наименования старожилы объяснили как некорректный перевод калмыцкого названия на русский язык. Так, в калмыцком языке слово «гун» имеет два значения — «глубина, глубокий» и «кобылица» [КРС, 1977: 149]. Калмыки называли эту балку «Гун сала» — глубокая балка, а русские, возможно, недостаточно хорошо знавшие калмыцкий язык, перевели ее название как *Кобылячья балка* [ПМА-3].

В топонимии Калмыкии также выявлены зоотопонимы с компонентом *птица*. Первенство в «иерархии» принадлежит *утке*. В Приютненском районе выявлены *Лиман Большой Уткин* [Словарь топонимов, 2019: 121], *Лиман Уткин* [там же: 123] и *Малый Уткин* [там же: 130]. Старожилы утверждают, что такие названия были даны потому, что несколько десятков лет назад в этих лиманах гнезилось много уток [ПМА-1]. В Лаганском районе Калмыкии есть бугор, называемый *Уткин* [Словарь топонимов, 2019: 195]. Происхождение названия неясно. Следующий по количеству упоминаний зоотопоним с компонентом *лебедь*. В Черноземельском районе находится озеро *Лебяжье* [Словарь топонимов, 2019: 120], а в Сарпинском районе есть пруд *Лебедь* и одноименная балка [Словарь топонимов, 2019: 120]. Местные жители говорят, что в этих местах обитало много лебедей, и сейчас их можно часто встретить в этих водоемах [ПМА-4]. *Журавлиный лиман* выявлен в Октябрьском районе [Словарь топонимов, 2019: 87], а *Журавлева балка* [Словарь топонимов, 2019: 87] в Малодербетовском районе. Происхождение названий неясно, но можно предполагать, что они связаны с местом обитания журавлей. В Приютненском районе Калмыкии есть озеро *Воробьево* [Словарь топонимов, 2019: 56]. Название оно получило от гнездящихся по его берегам воробьев [ПМА-1]. В Сарпинском районе есть курган *Перепелкин* [Словарь топонимов, 2019: 158], вокруг которого по утверждению местных жителей и в настоящее время водится множество диких перепелок [ПМА-4]. В Целинном районе Калмыкии есть пруд *Гусиный* [Словарь топонимов, 2019: 67], получивший свое название от того, что этот водоем находится на пути миграции диких гусей [ПМА-3]. В Лаганском районе есть бугор Дроздов [Словарь топонимов, 2019: 83]. Этимология последнего названия неясна.

Кроме животных и птиц в русской топонимии Калмыкии нами были выявлены поселок *Рыбачий* в Черноземельском районе [Словарь топонимов, 2019: 165], дорожная развилка *Рыбный* [Словарь топонимов, 2019: 165] и исчезнувший поселок *Рыбзавод* в Яшалтинском районе [ПМА-2]. Эти топонимы получили свои названия от рыбных промыслов, которыми занималось население. Кроме перечисленных наименований в Сарпинском районе Республики Калмыкия есть урочище *Овод*. Происхождение его названия не выяснено.

Все выявленные зоотопонимы связаны с местной фауной Республики Калмыкия. Преобладающее большинство из них возникло потому, что в той или иной местности часто можно было встретить некоторые виды диких животных и птиц. Это, например, такие наименования, как *Волчья балка*, *Сайгачный лиман*, *Лисичкина балка*, озеро *Воробьево* и курган *Перепелкин*. Однако в Калмыкии преобладают названия с компонентом «дикие животные». Другие наименования, такие как курган *Верблюды* получил свое название от сходства двух его вершин с горбами верблюда, а микротопоним *Кобылячья балка* является некорректным переводом калмыцкого названия *гун сала* — глубокая балка. Вероятно, некоторые из приведенных зоотопонимов являются русскими эквивалентами калмыцких наименований, однако в настоящее время выяснить это достаточно сложно, так как калмыцкие названия редко фиксировались и забылись носителями.

Сокращения

- ПМА-1 Информант Мангаев Баатр Бадмаевич, 1966 г.р.
ПМА-2 Информант Лужнов Владимир Сергеевич, 1953 г.р.
ПМА-3 Манджиев Виктор Сарангович, 1962 г.р.
ПМА-4 Наранов Заян Петрович 1979 г.р.

Список литературы

1. Батыров, В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. Монография / В.В. Батыров. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – 226 с.
2. Борисенко, И.В. Топонимы Ергеней (дореволюционный период) / И.В. Борисенко // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1983. – С. 35–51.

3. Кичикова, Н.А. Заметки к изучению оронимии Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2010. № 6 (50). – С. 110–113.
4. Кичикова, Н.А. Топонимия Республики Калмыкия как составная часть ономастического пространства Российской Федерации. Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2011. – 25 с.
5. Кичикова, Н.А. Гидронимия Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова // Гуманитарные исследования. 2010. №1 (33). – С. 48–52.
6. Корсункиев, Ц.К. Топонимия Яшкульского района / Ц.К. Корсункиев // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1983. – С. 57–72.
7. Манджиева, Э.Б. Топонимическое пространство города Лагань Республики Калмыкия / Э.Б. Манджиева // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы. Матер. Росс. науч. конф. с междунар. участием. Элиста, 2016. – С. 135–143.
8. Манджиева, Э.Б. Топонимы Приютненского района Калмыкии как отражение толерантного взаимодействия народов / Э.Б. Манджиева // Сталинградская гвоздика. Города-побратимы – символ совместного наследия. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2015. – С. 368–376.
9. Монраев, М.У. Из истории изучения топонимов Калмыкии / М.У. Монраев // Вестник КИГИРАН. 2008. №2. – С. 75–77.
10. Монраев, М.У. О восстановлении калмыцких географических названий / М.У. Монраев // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1993. – С. 186–187.
11. Монраев, М.У. О гидро-оронимических терминах и изменении топонимики Калмыкии / М.У. Монраев // Этнографический сборник №1. Элиста, 1978. – С. 148–152.
12. Монраев, М.У. Топонимия Калмыкии / М.У. Монраев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. – 137 с.
13. Очир-Гаряев, В.Э. Калмыцкие названия колодцев / В.Э. Очир-Гаряев // Ономастика Поволжья. Труды IV Поволжской конф. по ономастике. Саранск, 1976. – С. 266–268.
14. Очир-Гаряев, В.Э. Поселение «Башанта» с каменными постройками эпохи Средневековья / В.Э. Очир-Гаряев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. №1. – С. 63–70.
15. Словарь топонимов Республики Калмыкия. Хальмг Таңчин назр-усна нердин толь-бичг / Сост.: Д.Б. Гедеева, Б.Э. Убушиева, Л.А. Лиджиева, Б.В. Баринаова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. – 344 с.
16. Супрун, В.И. История калмыцкой топонимии: материалы к словарю / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2017. № 3 (116). – С. 94–101.
17. Супрун, В.И. Полилингвальная топонимия многонационального региона (на примере географических названий Республики Калмыкия) / В.И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2017. № 36 (119). – С. 83–89.
18. Хонинов, В.Н. Калмыцкая топонимия: лингвокультурологический аспект. Монография / В.Н. Хонинов. Москва, 2010. – 160 с.

***

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИКРОТОПОНИМИЯ И ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЕ

И.А. Королева

Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

Аннотация. В статье на материале смоленско-белорусского приграничного Ершицкого района рассматривается система региональных микротопонимов. Приводятся классификации местных географических названий, определяется их роль в речи жителей, намечаются перспективы исследования.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, региональная микротопонимия, исследование микротопонимов, классификация, смоленско-белорусское приграничье.

Еще в 2007 году вышел словарь «Микротопонимия Воронежской области», который был заявлен как часть «Ономастической энциклопедии Воронежской области» [Ковалев 2007]. Его автор, известный ономаст Г.Ф. Ковалев, в значительной мере привлек внимание специалистов к исследованиям в русле региональной микротопонимии. Во введении, носящем яркий публицистический характер, ученый призывает активно собирать и исследовать региональные микротопонимы, которые составляют весьма значимый культурно-исторический пласт региональной лексики, требующий сбора и сохранения. «К сожалению, уходят из жизни не только люди, но и топонимические названия. Известно, как пострадали топонимические названия в связи с переименованиями, укрупнениями и разукрупнениями советской эпохи! Да и позже картина сохраняется: например, согласно данным Всероссийской переписи населения, за период чуть более 10 лет (1989 – 2002 гг.) с карты Воронежской области было стерто 41 название сельских поселений» [Ковалев 2007: 50].

Кроме того, местные жители, старшее поколение, которые еще помнят, как образовался тот или иной микротопоним, уходят из жизни и уносят с собой ценную историко-культурную информацию. Молодежь знает те или иные названия, но не может уже объяснить их возникновение. Именно поэтому сбор и описание региональных микротопонимов – одно из приоритетных направлений региональной топонимики.

Можно указать еще на одну причину исчезновения микротопонимов: изменение ландшафта местности. Так, пересыхают ручьи, исчезают пруды, переправы, броды, зарастают поляны, вырубаются рощи и т.д. Естественно, исчезают и микротопонимы, маркировавшие эти географические объекты.

Региональные микротопонимы очень востребованы в бытовой коммуникации сельских жителей, в чуть меньшей мере – городских. Главная их функция – адресная. Маркируются те местные объекты, которые выполняют функцию опознавательных знаков при передвижении на той или иной территории. Именно поэтому система местных микротопонимов – своеобразный фрагмент речи жителя этой местности этого региона. Г.Ф. Ковалев предложил достаточно логичную и всеохватывающую лексико-семантическую классификацию:

1. Названия, отражающие особенности природной среды:

- а) микротопонимы, отражающие особенности ландшафта;
- б) микротопонимы, связанные со спецификой почв;
- в) микротопонимы, связанные с особенностями флоры;
- г) микротопонимы, связанные с особенностями фауны.

2. Названия, отражающие особенности самого объекта по форме, размеру, расположению, характерным качествам и др.

3. Названия, образованные от антропонимов.

4. Названия, производные от других топонимов.

5. Названия, отражающие особенности использования природных или антропогенных объектов.

6. Названия, с утраченной мотивацией или неясной семантикой [Ковалев 2007: 15]

Для комплексного анализа микротопонимов важным является и распределение их по группам, называемым объектами номинации:

1. Названия элементов рельефа, или рельефные микротопонимы: названия оврагов, холмов, курганов и пр.

2. Названия водных объектов: рек и их частей, родников, ручьев, прудов и пр.

3. Названия, связанные с растительностью: лесов, лугов, полей, садов и пр.

4. Названия, находящиеся внутри поселений: части поселений, названия улиц, школ, магазинов и т.д.

5. Названия мест передвижения: дороги, тропинки, шоссе.

Интересно рассматривать микротопонимы с точки зрения происхождения:

1. Топонимы, образованные от слов литературного языка.

2. Топонимы, образованные от диалектных имен нарицательных.

3. Топонимы, образованные от заимствованных слов.

Особый интерес вызывает анализ топонимической лексики приграничных территорий, где имеет место совмещение и двух языковых стихий, и двух культур. Таким интересным и сложным для исследования регионов является территория смоленско-белорусского приграничья. Как известно, Смоленская область граничит с двумя белорусскими областями – Витебской и Могилевской и ретью государственной границы с Республикой Беларусь у России приходится на Смоленщину.

В настоящей статье мы обращаем внимание на микротопонимию Ершицкого района Смоленской области, который граничит с Могилевской областью РБ. Сбор микротопонимов проводился с помощью студентов, уроженцев Ершич. В частности, большой и достоверный материал собрала Горенкова Виктория. Также помощь оказали преподаватели Ершицкой средней школы.

Собранный приграничный материал мы расклассифицировали по типам номинируемых объектов. Больше всего наименований лесных территорий, полей и пастбищ. Также значительна группа наименований водных объектов: речушек, ручьев, небольших озер, болот. Ершицкий район – лесистый и с обширной водной территорией.

Естественно, выделяется группа, номинирующая дороги, дорожки и тропинки, а также природные территории, по которым передвигаются жители района.

Далее мы выделили группу микротопонимов, которые называют здания и помещения на территории Ершицкого региона. И последняя группа состоит из названий улиц в поселке.

Внутри каждой группы микротопонимов выделены семантические группы по мотивам номинации. Так, например, в названиях водных объектов много микротопонимов, образованных от антропонимов: использованы имена или фамилии людей, которые либо живут рядом, либо каким-то образом открыли это место с практической стороны: Голенчихино озеро – небольшой водоем, назван по отфамильному прозвищу женщины, живущей на его берегу, – Голенчиха (Голенкова).

Киреев угол – место отдыха на реке Ипать, обустроенное семьей Киреевых.

Гончарово болото – ягодное черничное место, названное по фамилии жителя, открывшего его (Гончаров).

Подобные же антропонимические названия есть в каждой группе объектов: **Тишкин хутор** – название по имени старого владельца.

Мусинский лес – название по фамилии старого помещика-владельца (Мусин).

Кондратовская тропинка – тропинка в лесу, которую проложил от своего окраинного дома житель Кондратов.

Значителен объем микротопонимов в своих основах имеет указание на производственную деятельность жителей:

Стелище – место на окраине Ершич, где расстилали лен для дозревания волокна.

Пристань – место, где когда-то начинали сплавлять лес по реке Ипать (сейчас этого уже нет).

Сажалка – рукотворный пруд, где замачивали лен.

Грибоварка – место в лесу, где находился еще несколько лет назад пункт по приему и заготовке грибов.

Названия путей сообщения часто носят оттопонимический характер:

Бобрыковский большак – дорога от деревни Кузьмичи до деревни Бобрыковец.

Купеньщинская тропка – лесная дорожка, которая ведет в деревню Купеньщина.

Интересна семантическая группа микротопонимов, в которой представлены топоосновы с названиями птиц и животных: **Змеиное озеро**, **Орлово гнездо**, **Боброва хатка** (место на реке Ипать), **Лебединый плес** (место слета лебедей).

Небольшая группа топонимов отражает в названиях исторические события: **Катюшкин ложок** – место в лесу, где во время партизанских действий стояла установка «Катюша» (есть воспоминания очевидца – жителя Ершич Петра Федоровича Загулько). **Черный пёт** – место на болоте, где когда-то утонул танк.

Встретились нам индивидуальные знаковые микротопонимы: **Береза любви** – красивая стройная березка, на которую повязывают ленточки влюбленные пары. **Ласковый бережок** – удобное место на берегу реки Ипать, где встречаются и сидят влюбленные.

Это лишь часть собранного материала по микротопонимии района. Естественно, исследование будет продолжено. Внимание следует обращать на названия, в которых имеется диалектная лексика, иногда общая с белорусской. Например, **Буселова поляна** – место, где часто видят аистов (*бусел* – аист). Интересны также микротопонимы, содержащие в своих основах этнографизмы: **Биклажный** затон – место на реке Ипать, где брали воду водовозы. **Биклага** – «сосуд для переноски воды; баклага, фляга» [СМПГ 2017: 28].

Список литературы

1. Ковалев, Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь / Г.Ф. Ковалев. Т.1. Воронеж: Артефакт, 2007. – 408с.
2. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. Выпуск 1. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2017. – 196 с.

***

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ГИДРОНИМОВ РУССКИХ ГОВОРОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

С.В. Лесников

Институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. В статье приводятся рассуждения и предварительные сведения о словаре гидронимов русских говоров Республики Коми, который базируется в основном на материалах раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия, прежде всего, о специфичности лексики русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми и говоров Нижней Печоры, которые нашли отражение в составе и содержании словарных статей создаваемого словаря названного языкового образования. В качестве иллюстрации в данной работе представлены несколько оригинальных словарных статей гизаурусной цифровой фреймово-тезаурусной версии словаря гидронимов, что в перспективе представляет возможность включение сведений о лексическом составе территориального (локального, местного) варианта раннего переселенческого русского говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия в Диалектологический фонд русского языка и, естественно, в общую структуру базового академического национального словарного фонда русского языка.

Ключевые слова: гизаурус; гидроним; говор; диалект; компьютерная лексикография; наречие; словарь; Словарь русских народных говоров; Лойма.

Основой для словаря гидронимов русских говоров Республики Коми предполагаются материалы русских говоров Республики Коми и говора Нижней Печоры, но, прежде всего, материалы для словаря раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия [Лесников 2022].

В ходе диалектологических экспедиций с 1972 собирался материал для словаря раннего переселенческого говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия [Булдыгина, 2017; Лесников, 1988, 1989, 1997, 2000, 2004, 2018, 2021а,б,в], в том числе, и непосредственно автором настоящей статьи, который и сконструировал гипертекстовую версию описываемого словаря с учётом требований Словаря русских народных говоров [СРНГ 1965-2020] (сканирование и оцифровку с первого по тридцать девятый выпуски СРНГ и семнадцать томов «Словаря современного русского литературного языка» для ИЛИ РАН осуществил также автор данной статьи [Лесников,

Мызников, Королькова 2019], а также в соответствии с программами собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров [Чернышев, 1900; Мельниченко, 1951; Баранникова, 1960]. В описываемый в данной работе словарь гидронимов Республики Коми предполагается включать, прежде всего:

#ГИДРОНИМЫ =: [др. греч. ὕδωρ вода + имя](гидронимика) родовое обозначение названий рек, водных пространств (болот, водохранилищ, заливов, каналов, морей, озёр, проливов, рек и т.п.).

#ГЕЛОНИМЫ =: [др. греч. ἑλός, τέλμα стоячая вода, болото + ὄνομα - имя, название] разновидность гидронимов, обозначающих названия болот, заболоченных мест.

#ЛИМНОНИМЫ =: [др. греч. λίμνη озеро + ὄνομα имя, название] разновидность гидронимов, кй включает в себя названия озёр, прудов, водохранилищ.

#микротопонимы =: названия небольших объектов, в качестве кх могут выступать топи, лесосеки, колодцы, ключи, омуты, пороги, известные среди ограниченного круга людей, проживающих в определённой местности.

#ОКЕАНОНИМЫ =: [др. греч. Ὠκεανός бог Океан, беспредельное море + δῶμα имя, название] разновидность гидронимов, обозначающих названия любого океана или его части, в т.ч. моря (пелагоним), залива, пролива, течения и любого объекта подводного океанического ландшафта, в т.ч. впадины, банки, хребта, расселины.

#ПЕЛАГОНИМЫ =: разновидность гидронимов, обозначающих название моря или его части.

#ПОТАМОНИМЫ =: [др. греч. ποταμός река + ὄνομα - имя, название] вид гидронимов, обозначающих названия рек и их притоков.

Выделяем (1) местную лексику (например, специфичную по звучанию), имеющую распространение в этом говоре, но отсутствующую в нормативном литературном русском языке,

(2) лексику своеобразную (акцентологическими, лексическими и/или словообразовательными особенностями в сравнении с лексическими единицами нормативного языка или фонематическим составом),

(3) лексику, фонетически совпадающую с литературным вариантом, но с другой семантикой,

(4) диалектную лексику в составе фразеологических и устойчивых словосочетаниях, речениях и выражениях (например, когда семантика фразеологизма не очевидна из значения слов входящих в словосочетание), при этом в перспективе в компьютерной форме планируется создание гизаурусного «полного диалектного словаря», с учетом всех зафиксированных лексических единиц в собранных текстах в ходе диалектологических экспедиций.

Тексты записей диалектной речи были получены в результате ежегодных практик и словарных экспедиций в село Лойма Прилузского района Республики Коми. Часть экспедиций осуществлялась под руководством автора настоящей статьи при финансовой поддержке научных грантов Российского фонда фундаментальных исследований (1996–1998: № 96-06-80691 «Гипертекстовый диалектный словарь русского языка», 1998: №97-06-87057 «Опыт информатизации диалектологических исследований», 2000–2002: №00-06-80176 «Гипертекстовый генеральный свод лексики русского языка»), Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию (1996: № 84 «Гипертекстовая интеграция региональных словарей русского языка»), Министерства образования Российской Федерации (2000–2001: федеральная целевая программа «Русский язык», проект «Словарь русских словарей»). Наибольшее количество аудиозаписей было совершено Надеждой Николаевной Колеговой. На основе лоемских материалов О.В. Загоровской создана теоретическая модель Многоаспектного Автоматизированного Диалектного Словаря с. Лойма /МАДС(Л)/ [Загоровская, 1990].

Для иллюстрации приведём некоторые примеры словарных статей для словаря гидронимов русских говоров Республики Коми [Ивашко, Кобелева, Глебоко]:

айВОЖ

= лев. приток р. Седка. Дл. 31 км: коми ай «отец», вож «приток». В топонимии иногда термины родства имеют дополнительное значение. Они указывают на величину объекта, в данном

случае ай «большой, главный». Айвож «главный приток». Вторичное значение терминов родства проявляется в некоторых коми выражениях: ай амысь «большой лемех в сохе» (меньший называется энъ амысь). См. Эньты.

БалБАНЬЮ

= (Болбанью), лев. приток р. Кожим. Дл. 52 км: коми бѳлбан «болван, истукан», ю «река». Бѳлбанью «болванская река». Гидроним указывает на то, что здесь раньше стояли болваны, истуканы — древнее святилище ненцев или манси. Река отличается очень быстрым течением, в ее русле насчитывается до 10 крупных порогов и огромных валунов. Она протекает через оз. Малое Балбанты (Ичѳт Бѳлбанты), которое расположено у подножья г. Старухаиз. На семь км. ниже расположено оз. Большое Балбанты (Ыджыд Бѳлбанты). Под ударением среднерядный гласный ѳ передается как а, ср. Каджером из Кѳджѳрѳм (см).

БОЛОТИНА

= -ы, ж. Болото, заболоченное место. – Забр'ед'ош ф такуйу боло'т'ину, што н'е вы'л'ез'еш.

ВАНГЫР

= (Вангырю), лев. приток р. Косью. Дл. 112 км. Начало берет в районе хр. Непрístupный на высоте 1080м. На 13 км река огибает хребет и долина приобретает v-образную форму. У Д. Юрьева зафиксирована форма Вангерья, в словаре П. Семенова дано как Вангерья. С прав, стороны в нее впадает р. Харота: ненец. хара «изгиб, извилина (реки)». Харота букв. «имеющий извилину, изгиб». Гидроним Вангыр обско-угорского происхождения: манс. вангыр, хант. Ванкыр «извилистый, кривой», ю «река», манс. Я «река». Вангыр (более древняя форма Вангерья) «извилистая, кривая река». Подтверждением этому является и ее приток Харота, который можно рассматривать как метонимическую кальку. Река Вангыр сильно меандрирует, резко меняя свое течение.

ВАШКА

= (Ву), лев. приток Мезени. Дл. 605 км (по другим данным 668 км). Берет начало из болот Мезенско-Вычегодского водораздела. В грамоте 1471 г. дано в форме Важка, в словарях Максимо-вича-Щекатова и П. Семенова, а также на карте, приложенной к работе Г. С. Лыткина, приводится форма Важка. В гидрониме Важка в первую очередь следует выделить элемент –ка – суффикс русского происхождения. Данный суффикс весьма обычен в русских названиях рек: Березовка, Каменка, Осиновка, а также в гидронимах с нерусской основой: Велдорка, Дозмерка, Кишерка, Пианка, Пывсянка, Седка, Чупырка. Суффикс –ка может употребляться в названиях крупных рек, если только они являются притоками еще более значительных.

ВИШЕРА

= (Висер, Висьор), прав, приток Вычегды. Дл. 241 км, по другим данным 286 км. Начало берет из болот близ Синдорского озера. Название этой речки весьма загадочное потому, что существует несколько гидронимов под такими названиями: Вишера (Висьѳр), лев, приток Камы; Вишерка, прав, приток Колвы, вытекает из Чусового озера; Вишера, лев. приток Волхова в Новгородской обл. До сего времени все эти названия рассматривали вместе, считали, что они тесно связаны. В. И. Лыткин, например, высказал интересную мысль о том, что в названиях этих рек отражен древний этноним вепсов (в древнерусских источниках весь, в арабских вису, вису) и эти гидронимы указывают на территорию их распространения.

ЛЫВА

= -ы, ж. 1. Лужа. – Ой, л'ыв-от скол'ко, д'ожж-то был мог'чий. Л'ывы бол'шы надожж'ыло. Посл'е дожд'а ш'ыбко л'ыв ст'ало. 2. Озерко. В лыв'е р'ыбу ход'ил'и лов'ит'. У нас л'ыва й'ест' н'ебол'шайа. За р'еко'й л'ывы-т'е б'ыл'и, в н'ашой д'ер'евн'е бл'изко-то н'е было.

ЛЫЖА

= -и, ж. Река Луза. – На л'ыже-то на рак'ет'е од'ин раз й'ездила.

РЖАВЕДЬ

= -и, ж. Ржавчина, озеро с водой, содержащая окислы железа. Бродили в озерах-то, а в озерах-то ржа'ведь да грязь.

СОХРА

= СОХРИНА, ж. Низкое, сырое, болотистое место в лесу. – Сохра'- е'то сыро'йе м'е'сто под л'е'сом, д'ер'е'в'яа там росл'и' хи'л'ен'к'ийе, сохра'ныйе мы говор'и'м. На сохр'е'-то воды' мно'го. – Сохра' вро'д'е боло'та, захлабошшо'нныйе м'еста'. В сохра'х йо'лк'и-т'и и расту'т, поц'ва-то м'а'гкайа, н'е как борови'и'на. - П'и'хта раст'о'т на сохр'и'нах. – Это м'е'сто сохр'и'на называ'йецца, кочкова'то, п'ен'авато зд'ес'.

ЫДЖЫД НЮЛА

= (рус. Большая Нюла), р., правый приток р. Лузы (см. Важ Луз) в Занульском с/п, ыджыд «большой», нюла из прибалтийско-финского *nīla* «слизь, ил», букв. «илистая река».

ЯТИМНЮР

= бол. в Спаспурубском с/п, Ятим – от личного имени Яким, нюр «болото», букв. «болото Якима».

Посредством цифровой версии словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми представляется возможным включение сведений о лексическом составе территориального (локального, местного) варианта раннего переселенческого русского говора вологодско-вятской группы севернорусского наречия в Диалектологический фонд русского языка и, естественно, в общую структуру гизаурусного национального словарного фонда русского языка [Гольдин, 1989, 1995; Гольдин, Крючкова, 2006, 2008; Иванцова, 2017; Крючкова, 2007; Крючкова, Гольдин 2008; Лесников, 2018, 2019; Пшеничнова, 1990; Юрина, 2011].

Перечисленные в данной статье особенности лексики русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми находят отражение в составе и содержании словарных статей создаваемого словаря названного языкового образования. Именно такой подход позволяет раскрыть в цифровом диалектном словаре культурологический потенциал лексики как значимой части словарного состава той разновидности русского диалектного языка, которой посвящено данное лексикографическое исследование [Лесников, 2011; Лесников, Мызников 2020; Лесников, Сухачев 2020].

Список литературы

1. Баранникова Л.И., Бондалетов В.Д., Горева Л.И. и др. Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка / Отв. ред. В.Г. Орлова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 240 с.
2. Булыгина Д.С., Лесников Г.С., Лесников С.В. Фрагмент дифференциального словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Современная русская лексикография и лингвогеография. 2017: Сб. ст. / Отв. ред. О.Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2017. – С.48–90.
3. Гольдин В.Е. К проекту Диалектологического текстового подфонда Машинного фонда русского языка // Третья Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. Ч. 2. М., 1989. – С. 3–5.
4. Гольдин В.Е. Машиннообрабатываемые корпуса диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. №3.
5. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2008. – С.268–273.
6. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции. Ч.1. Самара: Самарский ун-т, 2006. – С.71–80.
7. Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М.: Институт русского языка АН СССР, 1990. – 300 с.
8. Иванцова Е.В. Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // Вопр. лексикографии. 2017. №11. – С. 54–70.

9. Крючкова О.Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7. Вып. 1. – С.359–367.
10. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог–2008». М., 2008. С.268–273.
11. Лесников С.В. Академический словарный корпус /АСК/ русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность. М.: МГУ, 2019. – С.213–214.
12. Лесников С.В. Архитектоника АЛС «ГОВОР» // Третья Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. Ч.П. М.: ИРЯз АН СССР, 1989. – С.7–8.
13. Лесников С.В. Базовые блоки автоматизированной лексикографической системы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: филология, искусствоведение. Вып. 60. №33 (248). Челябинск: ЧелГУ, 2011. – С. 200–202.
14. Лесников С.В. Базовые латинские термины-элементы метаязыка лингвистики // Актуальные проблемы современного научного знания. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – С.112–118.
15. Лесников С.В. Гизаурус лексикографических материалов для составителей и редакторов «Большого академического словаря русского языка» // С любовью к Слову. Сб. статей участников Всеросс. с междунар. участием науч. конф., приуроченной к 80-летию юбилею д-ра филол. наук, проф. Л. А. Климовой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования / Отв. редактор О.В. Никифорова. Арзамас, 2021. – С. 56–62.
16. Лесников С.В. Диалектные словари: материалы для гипертекста «ГОВОР» // Альманах «ГОВОР». №1(1) 1995. – 63 с.
17. Лесников С.В. Компьютерный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми. Коми ЦНТИ. ИЛ № 6–97. Серия Р.16.31.02. 4 с. (1997)
18. Лесников С.В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии. Матер. междунар. конф. М.: ИРЯз РАН, 2018а. – С.148–149.
19. Лесников С.В. Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018б. – С. 226–257.
20. Лесников С.В. Метаязык лингвистики. Том 1. Проблемы систематизации терминосистемы (гизаурус, классификация, синопсис) / Под науч. ред. Н.Л. Сухачева. СПб.: Нестор-История, 2021а. – 512 с.
21. Лесников С.В. Метаязык лингвистики. Том 2. Лексикон терминосистемы / Отв. ред. член-корр. РАН С.А. Мызников, науч. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2021б. – 1024 с.
22. Лесников С.В. Научный отчет по гранту РФФИ №00-06-80176 «Гипертекстовый генеральный свод лексики русского языка». Сыктывкар: СыктГУ, 2000. – 30 с.
23. Лесников С.В. Системный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы современной русской диалектологии. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004. – С. 92–94.
24. Лесников С.В. Формирование гипертекстового корпуса учебных словарей русского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021в. №4. – С. 27-32.
25. Лесников С.В., Загоровская О.В. Формальная грамматика словарной статьи автоматического словаря русских говоров Коми АССР и сопредельных областей /АСРГКА/ // Вторая Всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: Матер. конф. М.: ИРЯз АН СССР, 1988. – С.107–119.
26. Лесников С.В., Мызников С.А. Энциклопедно-эксципентные дефиниции ключевых понятий метаязыка диалектологии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – С.472–549.
27. Лесников С.В., Мызников С.А., Королькова М.Д. Русский диалектный гизаурус: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / Отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. – С.425–497.

28. Лесников С.В., Сухачев Н.Л. Терминологические словоупотребления и аббревиатуры лингвогеографии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / Отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. – С.722–747.
29. Мельниченко Г.Г. Программа собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров. Ярославль: Яросл. гос. пед. институт, 1951. 118 с. 2-е изд. 1959. 223 с.
30. Пшеничнова Н.Н. О диалектологическом подфонде Машинного фонда русского языка / Н.Н. Пшеничнова // Третья всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка: докл. М., 1990. – С.34–41.
31. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–52. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2020.
32. Чернышев В.И. Программа для собирания особенностей великорусских говоров. СПб.: тип. Имп. АН, 1900. 151 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук; Т. 68, № 1).
33. Юрина Е.А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. №2 (14).

***

К ПРОБЛЕМЕ АРЕАЛОГИЧЕСКОЙ ТОПОНОМАСТИКИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЛМЫКОВ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ИКИЦОХУРОВСКОГО УЛУСА КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ)

Н.Ц. Манджиев

Калмыцкий государственный университет» им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

***Аннотация.** Топонимика имеет важное значение для ареологии, которая является одним из способов картографического изображения. На данные карт опираются лингвисты. Однако автор статьи обратился к топонимии, содержащейся в архивных документах Национального архива Республики Калмыкия. В контексте исследования были использованы различные документы, поступавшие из Икицохуровского улуса в Управление Калмыцкого народа. Они являются основами для исторических исследований, но также служат неисчерпаемым источником для ономастики. В статье содержатся примеры макротопонимов, но, в основном даны микротопонимы. Архивные материалы представляют географические названия местности улуса в довольно широком объеме и виде. Однако в статье не названы и не рассмотрены все названия и группы топонимов улуса, извлеченные из архивных материалов. В настоящее время неизвестны не только значения многих топонимов, но утеряны и сами названия местностей. Однако ключ к прошлому, памяти истории хранится порой в архивных документах.*

***Ключевые слова:** топонимия, топонимика, архивные сведения, Яшкульский район (Икицохуровский улус, национальная картина мира).*

Известно, что топонимия представляет большой научный интерес для современной науки, как гуманитарной, так и для естественной. Топонимию называют «языком земли» [Надеждин 1837: 28], ей доверено хранить память об исчезнувших народах и культурах. Все собственные имена, существующие в данное время у данного народа, составляют его ономастическое (именное) пространство, которое заполнено в строго установленных местах названиями определенных типов. Общие моменты в изучении топонимии сближают представителей разных наук, которые в современных исследованиях изучают картину (образ) мира. Таким образом, топонимия предстает в виде синергетической проблемы.

Географические названия как артефакты языка, выступая в качестве концептов, служат серьезным дополнением к документальным справочникам об историческом прошлом. Топонимия калмыцкой степи как артефакт языка, создает научную, культурную картину мира.

С этой стороны для научного мира несомненный интерес представляет топонимия Икицохуровского улуса, ныне Яшкульского района Республики Калмыкия, отраженная в архивных делах XIX в., хранящихся в Национальном архиве РК. [НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия]. Следует отметить, что вопросам ономастики Калмыкии посвятили свои исследования историки Борисенко И.В., Убушиева С.И.; лингвист Кичикова Н.А. [Борисенко 1983: С. 35–51; Борисенко 1985; Борисенко, Убушиева 2000; Кичикова 2011, 2016]. Некоторые вопросы топонимики Яшкульского района рассматривались Корсункиевым Ц.К., Очир-Гаряевым В.Э., Кичиковой Н.А. [Корсункиев Ц.К. 1983: 57 – 72; Кичикова, Ибрагимова, Бокова 2016]. Следует заметить, что некоторые местности перешли в состав других районов, например, Халтрын-Бор, здесь сейчас располагается центр нового Черноземельского района, Нарын-худук, с которым связана легенда о месте отдыха небесных дев, также в этом районе. Цаган-Нур относится к Октябрьскому району, Верхний Яшкуль относится к Целинному району, Хар-Зууха к Икибурульскому району.

Топонимы отражают названия элементов рельефа степи. Широко представлены оронимы, гидронимы, ойконимы. В архивных документах встречается более подробная классификация. Среди гидронимов представлены такие виды: лимнонимы (названия озер) – Цаган-нур ‘Белое озеро’, Бор-нур ‘Серое озеро’, потамонимы (названия рек) – Кума ‘песчаная’ (тюрк. происхождения), Элиста ‘песчаная’, гелоним (названия болот) – Шептыр (калм.: Шюптр) ‘болотистое место’.

Каждое наименование связано или с особенностью местности, или с каким-либо конкретным человеком, или с событием, действием, явлением, случившемся в этом месте. Могут быть названия, данные в память о прошлом, имевшем важное значение для номада и сохраненном на месте нового кочевья. В этом случае калмыки, впрочем, как и другие народы в название вносили пояснительные признаки: Старый // Хуучн (на калм.), или Новый // Шин. Так было в урочище Чилгир, где в связи с крещением некоторых семей калмыков и обоснованием православного стана переселились жители из соседних и дальних регионов [Манджиев 2011: 10–11.].

Топонимические особенности, связанные с пространственной ориентировкой, были определены субэтнической маркировкой, родовой идентификацией калмыков. Например, в Яшкульском районе до настоящего времени существует небольшое село Зюн-гар, бывшая ферма совхоза Чилгир. Древние воинские термины, отражавшие строй войска, были основаны на бинарной оппозиции. Так фланги назывались зюн ‘левый’ и барун ‘правый’, сам центр войска – запсур – также делился на правый и левый центр. Эти названия калмыцких сел, к сожалению, утеряны.

В настоящее время в калмыцкой степи, нет многочисленных населенных пунктов, существующие селения расположены на большом удалении друг от друга. Современная жизнь всё больше сосредоточивает население в городах, мегаполисах, и забываются названия степных пространств. Кроме того, в памяти людей за время атеистического периода в годы советской власти забылись многие места и названия сакральных, освященных веками курганов ‘обо’ и других святых для калмыков мест.

Однако архивные материалы свидетельствуют, что калмыцкая степь была хорошо известна ее обитателям. Названия представляли не только особенности рельефа местности, но и создавали своеобразную картину мира кочевника. Степняки знали свои пастбища, места стоянок, у каждого аймака, улуса были свои территории кочевий, были также и общие территории кочевий. Места общих кочевий имели названия, известные калмыкам разных улусов, аймаков. Кочевья располагались близ худуков, выкопанных колодцев без сруба, и колодцев со срубам (в архивных документах формы устройства колодцев различаются).

В самих названиях картина мира калмыка-номада предстает во множестве аспектов. Например, через цветовую символику, бинарные оппозиции. Названия передают характер мироощущения степняка, особенности его верования, образ жизни и многое другое, чем жили степняки – кочевники.

В эпоху постмодернизма вопроса о том, содержится ли все перечисленное выше, в самом деле, в тексте или придумано исследователем, не является существенным, потому что текст,

при таком понимании, существует только в диалоговом режиме с читателем и интерпретатором [Местные географические термины 1970: 180].

Огромный пласт топонимов занимают названия, связанные с цветовыми представлениями калмыков [Митиров 1998: 53]. В названии местности встречаются такие цветовые определения, как цаган 'белый', хар 'черный', улан 'красный', кёке 'синий', шар 'желтый', бор 'серый' и т.д. Цветовая гамма, воссоздающая степную картину обитания калмыков, носила, кроме того, символический характер, она имела переносное значение. Термины «цаган» и «хар» означают в первом случае «благородный», во втором – «чистый». Такая гамма отразилась в названиях Цаган-Аман 'белый берег, ворота' (буквально – амн означает рот), Цаган-Нур 'белое озеро', Цаган-Усн 'белая вода' (современный поселок в Яшкульском районе; Цаган-Усн, исчезнувший хотон рядом с урочищем Чилгир, в котором располагались центры трёх аймаков, позже трёх сельских советов, Харгазр 'Черные земли', Хар-Булук 'Черный родник', Кек-Усн 'синяя вода', Кек-Булук 'синий родник', Бор-Нур 'серое озеро'.

Среди топонимов большое количество названий относится к терминам-гидронимам [Очир-Гаряев 1983: 3-34; Монраев 1978: 148-152; Очир-Гаряев 1976: 266-268; Очир-Гаряев 1989: 112 – 114; Очир-Гаряев, Борисенко 2001: 67 - 69]. Как известно, жизнь калмыков была связана со стихиями, которые определяли судьбу человека: земля 'газр', вода 'усн', дерево 'модн' и железо 'тёмр'. Многие калмыцкие названия содержат в себе эти сакральные символы, которые выступают как определенные концепты, образующие ментальный мир человека, которые связаны с представлением человека о национальной картине мира, и обладают особым смыслом. Особое значение имеет концепт вода 'усн', который являлся бесценным источником жизни в полупустынной степи, имеющий древнее происхождение. Данный концепт в гидронимах выступает в разных сочетаниях, одно из них название водоема: Цаган-Усн, Цаган-Нур, Хар-Булук (значения см. выше), Амтя-Нур 'живой родник', Царын (царнг) 'лука', переводится и в значении обширная стоячая вода, после таяния снега, дождя. Также следует заметить, что понятием «хар усн» 'черная вода' передавалось первозданное, незамутненное состояние ключевой воды, которая представала как черная, бездонная глубина [Манджиев, Бадмаев 2014: 103].

Бинарная оппозиция, несомненно, характерна для многих народов, но у разных народов она будет нести свое представление о жизни и смерти, о добре и зле, о норме и ценностях. Свои различия имеет оппозиция белое // черное и у калмыков. Так, например, белое у калмыков не только символ жизни, но и цвет траура, проистекающее из религиозных представлений народа. Но в любом случае, ментальные проявления предстают в концептуализированной форме там, где исследователь смещается в область культуры и языка, и как писал Ю. В. Степанов «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1972: 42].

Бинарная оппозиция отразилась в названиях субэтносов Ики-Цохуры 'Большие / Старшие Цохуры' // Бага-Цохуры 'Малые / Младшие Цохуры' (и т.д. Многие этнонимы в Калмыкии дали названия поселениям и сохранились до наших дней.

Довольно распространенным являются названия местности, связанные с худуками, приведем некоторые из них: Нюкни-Худук (худук был расположен в урочище, имевшем название Нюкн'яма', Гурбун-Худук 'три колодца', Дорд-Худук 'буквально – восточный, нижний худук'. Худуки и колодцы, водоёмы имели решающее значение для жизни степняков. Хозяйственно-экономические причины, вызывающие и регулирующие перекочевки, сводились к корму и водопое домашнего скота. И.А. Житецкий приводит несколько примеров, мы приведем один из них: «На урочище Ебсыр Икицохуровского улуса при худуках до дождей 14-15 августа 1885 года сидели 10 хотонов и более чем сто кибиток Зюнгар рода калмыков, а после дождя, который образовал по степи «цандыки» 'лужи', здесь остался один хотон в 8 кибиток» [Житецкий 1893: 53].

Другой пласт занимает топонимия, связанная со степным рельефом: Зунда(н) – Толга 'курган Зунды' (толга - возвышенность, буквально – голова Зунды (имя), Хар-Толга 'черный курган'

(букв.: чёрная голова), Шар-Толгата 'жёлтый курган' (букв.: с желтой головой), Улан-Эрге 'красный берег, обрыв, яр' и другие.

Есть целая группа названий, связанных с определением местоположения, например, Омне Зуух 'очаг, расположенный впереди', Деед-Хулсун 'верхний, западный камыш', Кёндлнг 'поперечная' и другие. Многие названия урочищ, позднее населённых пунктов связаны с числами: Гурбун-Толга 'три головы', Таван-Гашун 'пять соленых', когда оно звучало Тован, обозначая имя человека, которому принадлежал худук, Зурган 'шесть', Долан 'семь'. Названия мест отражают животный мир: Могота 'со змеями', Ялмата 'с тушканчиками', Меклята 'с лягушками', Бёкюнта 'с комарами' и т.д. Отдельную группу составляют названия, отражающие природные явления: Хурта 'дождливый', Чилгир 'ясный' и т.д. Названия запечатлели природные особенности: Элиста 'песчаный', Мокта 'глиняный', Ханата 'с многолетним камышом', Чолун-Хамур 'нос' (каменный мыс, буквально каменный нос, выступающая часть гряды, которым она заканчивается). Хамурами 'носы' называют Ергенинскую возвышенность, ее название происходит от калмыцкого слова эрг 'берег, яр, обрыв' и т.д. Названия передают особенности почвы, воды: Гашун 'солёный', Хаг 'солончак' и т.д. Следует заметить, что на урочищах Ханата, Цаган-Нур, Элиста в определённые времена года кочевали не только калмыки Икицохуровского улуса, т.к. эти места были пастбищами общего пользования для многих улусов.

В западной части степи распространены названия со словом сала, которое употребляется в значении развилина, балка, овраг, рукав реки, лощина: Ут-Сала 'длинная развилина, балка', Хагин Сала 'солончаковая балка'. В топонимике содержится целая группа названий, указывающих на качества человека, положение и т.п. Урочище, где было основано село Улан-Эрге, называлось Байн-Дорджи 'богатый Дорджи', Нойн Джамба 'князь Джамба', есть урочища с названиями Купцан-Худук 'худук купца', Эрмялин худук 'худук Эрмяли' (т.е. армянина – по-калмыцки армянин передается как эрмял и стало именем). Или были навеяны отношением к человеку, как, например, название урочищ Му-Капитан 'плохой капитан', Ики-Капитан 'большой капитан'.

Не имея возможности из-за объема статьи представить полную картину степного пространства улуса, приведем названия местности, извлеченные из архивных материалов. Тем самым, данные топонимы будут введены в научный оборот. Названия Степного ведомства Икицохуровского улуса: Утта, Цаган-Сек, Санзыр, Ганца, Хоча, Эндер, Хоочан-Цаган, Мантарта, Цабдыр, Халган-Гашун, Шалдан-Гашун, Хулхта, Адык, Чапчачи, Юбсурин-Алан-Хак, Ямата, Му-Салу-Толга, Ики-Сангр, Боро-Царынг, Деда, Цаца, Ики-Арал, Кере, Бола, Халган-Гельде, Харю, Шагалда, Ики-Шибир, Тюмтя, Кюкен, Харю, Яман-Цеке, Гурбан-Хол, Кере, Мога, Гурбан-Хол, Цацан-Хол, Дамбан-Таран, Модон, Орген-Кель, Шупт, Ики-Арал, Баста, Цацан-Арал, Зурмута, Шибарта, Манча, Бичкин Кюкене, Ара, Цеке, Еркек, Ондер, Джунга, Чолутын, Булук, Гюн-Хада, Бактин-Цеке, Уладан, Деед-Манца.

Названия Мочажного ведомства Икицохуровского улуса: Кюкте, Боктин-Цеке, Ики-Арал, Кекшин, Модон, Тарани Кель, Добхор, Дамхар, Модонта, Рани-Кель, Укка, Долбанская плантация, Шабурта, Ястын-Кеке-Усын, Манджи-Эрджи, Замут, Джиджилин-Хара, Йобгочудин худук.

Степной простор предстаёт, несмотря на неблагоприятные природные условия, как освоенный, приспособленный для обитания людей, которые вели кочевой образ жизни. Г. Гачев говорил, что каждый народ видит мир особым образом, что зависит это от того участка мирового бытия, который достался, доверен на жизнь каждому народу: от особого сочетания первостихий – земли, воды, воздуха, огня, – которое отлилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове. Он приходил к выводу, что надо установить особенность каждого народа в видении мира. И считал, что для этого надо установить особенность бытия каждого народа, которая написана на его земле [Гачев 1999: 247].

Восстановление названий местностей, и даже самих значений, дают возможность создания не только научной картины мира, но и языковой. Таким образом, топонимия района (улуса),

составляет топосистему, образующую картину мира, в которой содержатся культурные универсалии (концепты), отражающие ментальные особенности калмыков-кочевников, живших в минувшие века.

Список литературы

1. Борисенко, И.В. Ономастика Калмыкии / И.В. Борисенко. Элиста: Калм. НИИ ист., филол. и экон., 1983.
2. Борисенко, И.В. Времен прошедших отраженье / И.В. Борисенко. Элиста, 1985.
3. Борисенко, И.В. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 г. – начало 90-х гг. XX в. / И.В. Борисенко, С.И. Убушиева. Элиста, 2000.
4. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г.Д. Гачев. М.: Институт ДИДИК, 1999.
5. Житецкий, И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 гг. / И.А. Житецкий. М., 1893.
6. Информационная роль местных географических терминов в составе топонимов // Местные географические термины: Сб. статей. М., 1970.
7. Ибрагимова, А.М. Микротопонимия Яшкульского района Республики Калмыкия / А.М. Ибрагимова, В.В. Бокова, Н.А. Кичикова // Ономастика Поволжья: Матер. XV Междунар. науч. конф. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 313-316.
8. Кичикова, Н.А. Топонимия Республики Калмыкия как составная часть ономастического пространства Российской Федерации. Автореф. дисс. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2011. – 25 с.
9. Кичикова, Н.А. Топонимическое пространство Республики Калмыкия / Н.А. Кичикова. Элиста: Джангар, 2016. – 147 с.
10. Корсункиев, Ц.К. Топонимия Яшкульского района / Ц.К. Корсункиев // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. – С. 57–72.
11. Манджиев, Н.Ц. Воины из Чилгира. 2-е изд., испр., перераб., доп. / Н.Ц. Манджиев. Элиста: Джангар, 2011. – С. 10-11.
12. Манджиев, Н.Ц. Картина мира калмыков: лингвокультурологические аспекты / Н.Ц. Манджиев, В.Н. Бадмаев. Элиста, 2014.
13. Митиров, А.Г. Гидронимические термины Калмыкии. / А.Г. Митиров // Ономастика Поволжья. Волгоград, 1998.
14. Монраев, М.У. О гидронимических терминах и изменении топонимики Калмыкии / М.У. Монраев // Этнографический сборник. №1. Элиста, 1978. – С. 148-152.
15. Надеждин, Н.И. Опыт исторической географии Русского мира / Н.И. Надеждин // Библиотека для чтения. СПб, 1837. Т. 22.
16. НАРК, И-9, оп. 2, д. 22, лл.5 (об), 12 (об), 13 (об), 14 (об), 20 (об), 21, 21 (об), 23, 23 (об), 24, 24 (об), 25, 25 (об), 29, 29 (об), 33, 34 (об), 35 (об), 41 (об), 42 (об), 69 (об), 86 (об), 87. Л. 116 (об), л. 132 (об), л. 134 (об), л. 209 (об); И-9. Оп 2, д. 63., л. 48; И. – 9. Оп. 4, д. 283. Л. 23).
17. НАРК, Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 161, л.12.
18. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Москва: Наука, 1967.
19. Очир-Гаряев, В.Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках / В.Э. Очир-Гаряев // Ономастика Калмыкии. Сб. статей. Элиста, 1983. – С. 3-34.
20. Очир-Гаряев, В.Э. Калмыцкие названия колодцев / В.Э. Очир-Гаряев // Ономастика Поволжья. Труды IV Поволжской конф. по ономастике. Саранск, 1976. – С. 266-268.
21. Очир-Гаряев, В.Э. Калмыцкая топонимия Поволжья / В.Э. Очир-Гаряев // Ономастика Поволжья. Волгоград, 1989. – С. 112–114.
22. Очир-Гаряев, В.Э. О сезонных кочевках, бытовавших у калмыков (XVII-XX вв.) / В.Э. Очир-Гаряев, И.В. Борисенко // Сб. материалов, докладов, решений «Царицынских встреч – 2000». Волгоград, 2001. – С. 67-69.

23. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. М., 1997.

***

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА БЕЛОРУСОВ

Мельникова Т.Н., Хоронко С.С.

Белорусский государственный медицинский университет, Военная академия Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. Вопросы изучения языковой картины мира всегда будут актуальны для современной лингвистики. Глобально меняющийся уклад человеческого сообщества, переориентация общечеловеческих ценностей приводят к изменениям и в языковой картине мира. Сдвигаются пласты национальных языковых картин мира. Поэтому имя собственное, как один из маркеров подобных изменений, с одной стороны, с другой стороны, как база, основа сохранения традиционных концептов языковой картины мира по-прежнему привлекает всех исследователей-лингвистов.

Ключевые слова: языковая картина мира; национальная языковая картина мира; имя собственное; топоним; гидроним; белорусская топонимика.

Теория языковой картины мира В. фон Гумбольта, выдвинутая еще в XIX веке, особенно актуальна сейчас, в веке XXI-м, для современной лингвистики. Эта теория была закреплена в XX веке Л. Вайсгербером в термине «Языковая картина мира» (далее ЯКМ). Он подчеркивает непосредственную связь языка с развитием социума. Общество воспринимает мир, преломляет его детали отдельно и в совокупности и собирает в понятия, используя методы анализа, сопоставления, сравнения и систематизации. Вопросы восприятия мира связаны непосредственно с формированием и развитием языков, языковой личности, функционированием языка как маркера не только общечеловеческих ценностных ориентаций, но и национальной идентификации человека, о чем указывали в своих трудах Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова и др.

Несмотря на многообразие определений понятия ЯКМ, мы больше склоняемся к точке зрения М.В. Завьяловой, Н.А. Бесединой, А.Р. Габбасовой, Ф.Г. Фаткуллиной и других исследователей. По их мнению, ЯКМ – это наша жизнь, отраженная в языке разными способами. Одним из таких способов выступает имя собственное.

В Республике Беларусь официально два государственных языка, что определяет особенность национальной белорусской ЯКМ, где переплетаются универсальные общечеловеческие концепты с национальной спецификой. В формировании национальной ЯКМ активно принимает участие в том числе имя собственное в топонимии (ойконимы, гидронимы, оронимы). Мы остановимся на первых двух группах топонимов, как наиболее ярко выраженных в количественном отношении.

Возникновение ойконимов и гидронимов обязано словообразованию. Богатая палитра словообразовательных техник представляет собой формально-семантическое соотношение между новыми словами (производными) и однокоренными (производящими) словами. Выделяют диахронный и синхронный способы словообразования (деривации).

При диахронном способе деривации чаще всего отмечается приобретение словом различных значений (лексико-семантический способ). Например, частотными являются ойконимы, обозначающие форму поселения, характер его жителей, особое отношение к своей маленькой родине: **Сякерка** («маленький топорик»), **Калодзежы** («колодцы», место в форме колодцев), **Клінок** («маленький клин», клиновидная форма), **Ягадка**; ойконимы, производные от названий рек: **Полацк (р. Палота)**, **Вицебск (р. Віцьба)**, **Пінск (р. Піна)**, **Мінск** (по одной из версий происхождения – **р. Менка**). Классификация ойконимов по семантике включает:

1) названия определенных естественно-географических характеристик (геогенные ойконимы): **Чарнаградзь, Стары пруд, Замасточча, Вялікая Машчаніца, Высокая гара, Хутар**;

2) названия культурно-исторического характера (антропогенные ойконимы): *Магілёў, Любуж, Дзяржынск, Варашылава, Кацярынінскі шлях, Кірава, Малінаўка, Барадзіно, Лынка (до 1939 г. Разбоіна), Чанаеўскі* (до 1958 г. Красілаўка і Белае), *Ільчоўка* (до 1964 г. Старабабылле).

3) ойконимы с фитонимической и зоонимической основами, отражающие флору и фауну Беларуси: *Чаромушкі, Змеі, Дуброва, Вінаградаўка, Быкі, Барсукі, Капусціна*.

Морфологический суффиксальный путь синхронного способа деривации представлен в ойконимах *Натальеўск, Фёдараўск, Любішына, Слабодка, Чаромушкі*, образованных с помощью суффиксов *-ск-, -ын-, -к-*. Причем исследователи подсчитали, что большинство ойконимов сформировано на базе православных и католических имен: *Натальеўск, Фёдараўск, Юркава, Раманавічы, Юравічы, Костаўшчына, Абрамава, Віцэнтава, Базылеўка, Міхайлава*.

Гидронимы чаще всего появляются бессуффиксным путем и относятся к синхронному способу словообразования. Например, гидронимы, обозначающие названия рек: *Гаць* образовано от глагола «гацьць», что обозначает «прудить, устраивать пруд»; *Друць* – от литовского *drutas* «большой, широкий», *Шчара* – от балтийского *saras* «узкий».

Этимология гидронимов связана с характеристиками водоемов, например, с уровнем глубины озер (*Глубля*), размерами (*Доўгае*), величиной и формой (*Крывое, Круглае, Вузкае*), цветом донных отложений озера (*Светлае, Белае, Чорнае, Чырвонае*). Нарочанский край (курортная зона Беларуси) славится каскадом *Блакітных азёраў (Голубых 15 озер)*. Причем, как насчитали исследователи, Белых озер в Беларуси более 40, а Чёрных – около 30.

По образной номинации некоторые гидронимы восходят к наименованиям частей тела, например, реки *Уса, Дзісна, Уша*. Большое количество гидронимов Беларуси связано с названиями животных, птиц и растений. Например, реки – *Лань, Піч, Выдрыца, Бобр, Бярэзіна*; озера – *Варанец, Лукаўскае, Арэхаўскае*.

Процесс формирования ЯКМ не обходится без грамматических и лексико-грамматических средств. В именах собственных Беларуси очень четко прослеживаются в составе национальной ЯКМ региональные языковые картины мира, а также диалектная ЯКМ с региональными языковыми картинами мира. Например, на современной карте Беларуси имеется порядка 30 населенных пунктов, чьи названия явно или косвенно указывают на их связь с другими странами и землями: *Амерыка* (Могилевская область, Круглянский район), *Літва* (Минская область, Столбцовский район), *Каўказ* (Гомельская область, Кормянский район), *Забайкал* (Витебская область, Толочинский район), *Балі* (Гродненская область, Щучинский район), *Дублін* (Гомельская область, Брагинский район), *Малі* (Гродненская область, Островецкий район), *Палесціна* (Гродненская область, Островецкий район), *Парыж* (Витебская область, Поставский район). Наименования таких населенных пунктов, как *Французская грэбля, Чехі, Чэхаўшчына, Русакі, Туркаўшчына, Туркі, Арабаўшчына, Ляхі, Татаршчына* говорят о том, что на белорусской земле побывали турки и арабы, чехи и французы, и представители многих других народов. Самое интересное, что в Беларуси есть даже *Рай* (Сенненский район Витебской области); существует названная царицей Екатериной, которая проезжала по Витебской области, деревня Яя, а также в этой области д. Шо.

Двуязычие, закрепленное на государственном уровне, приводит к заимствованиям в области ойконимики (*Черемушки в Могилевской области и Черемушки в Москве, Иванава в Брестской области и г. Иваново в России*). Особенно это явно прослеживается на Витебском пограничье.

Любопытен факт «десантирования» иноязычного сознания в национальную ЯКМ, которая может и не впустить так называемого «чужака». Недаром исследователи подчеркивают фактор непроницаемости национальной ЯКМ для иностранца. Так, например, носители китайской языковой картины мира пытаются оригинальными способами «встроиться» в белорусскую языковую картину мира. Они придумывают себе русские имена: по паспорту девушка Гао становится Галей, парень Лю просит называть его Лешей, даже не Алексеем, студент

Ли Мин представляется Иваном, студентка Ли – Юлией. Механизм приспособления к кардинально отличающейся от их родной ЯКМ довольно насыщен практицизмом и работает по особым законам логики: ребята не стараются запоминать фамилию, имя, отчество преподавателя. На этот случай согласно их ЯКМ предусмотрено только официальное обращение «преподаватель» (laoshi). Жизненно важные маршруты, по которым китайские студенты перемещаются (а это дом – университет – рынок – ...), не содержат имен собственных, там только цифры. Так, например, на вопрос «На какой станции метро вы выходите, чтобы попасть в Белорусский государственный медицинский университет?» они ответят: «На 111-й». Это код станции на карте метрополитена. Имя собственное – название станции «Петровщина» – не будет ими использоваться. На вопрос «Как доехать на метро до Белорусского государственного университета?» слышим ответ: «Едем до станции 115», в то время, как эта станция имеет имя собственное «Площадь Ленина». В принципе перевод имен собственных на китайский язык – это отдельная проблема переводоведения. Данные примеры подчеркивают тот факт, что для погружения, постижения национальной ЯКМ другого народа необходимо полностью «выключиться» из своей родной картины мира.

Таким образом, на примерах географических названий национальной белорусской ЯКМ, во-первых, очевидна ее функция проводника к национальному характеру и ментальности белорусов.

Во-вторых, особенностью контактирующих языков в Беларуси – русского и белорусского – являются заимствования, переплетение русских и белорусских наименований.

В-третьих, топоним – имя собственное, созданное с помощью словообразовательных, грамматических и лексико-грамматических средств, вобравшее в себя региональные и диалектные особенности, удачно балансирует в пространстве общечеловеческих концептов и отражает полностью национальную специфику белорусской ЯКМ, которая является фундаментом таких культурных стереотипов Беларуси, как: бульба, dranik, василек, Беловежская Пуща, Брестская крепость, полешуки, Алеся и др.

В-четвертых, соблюдая учет степени присвоения названия, перехода названия с одного объекта на другой, метафоризацию и возможность переосмысления, приходим к выводу, что семантика топонимов белорусской ЯКМ включает в большинстве своем геогенные и антропогенные ойконимы, ойконимы с фитонимической и зоонимической основами, а также гидронимы, как носителей ценной информации о языке и истории народа.

В-пятых, национальная ЯКМ требует деликатного отношения и внимательного изучения с целью проникнуть и осознать особенности культуры данного народа согласно программе глобализации.

Список литературы

1. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум: монография / А.М. Мезенко, Т.Ю. Васильева, Ю.М. Галковская, М.Л. Дорофеенко; под науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск, 2017. – 180 с.
2. Габбасова, А.Р. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции / А.Р. Габбасова, Ф.Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4.
3. Русско-белорусский словарь: В 2 т. / Ред. К.К. Атрахович (Кондрат Крапива). 3-е изд., испр. и доп. Минск: БелСэ, 1991. – 672 с.
4. Рылюк, Г.Я. В мире географических названий материков северного полушария / Г.Я. Рылюк, С.Н. Басик, В.В. Шафран. Минск: Народная асвета, 2000. – 191 с.
5. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: Наука, 1973. – 366 с.
6. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. М.: Наука, 1985. – 176 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / Пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. 2-е выд. Минск: БелЭн, 1999. – 784 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Минск: Галоўная рэд. Белар. Сав. Энцыкл., 1977. – 608 с.

**ТОПОНИМЫ-АКСИОЛОГЕМЫ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ: КРЫМ**

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),

Т.Г. Никитина

Псковский государственный университет (Псков, Россия)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Аннотация. В статье представлены результаты историко-этимологического и лингвоаксиологического анализа русских, украинских и белорусских паремий с топонимическим компонентом «Крым», сохранившим память о конкретных исторических событиях, связанных с завоеванием и освоением восточными славянами этого полуострова. Показаны аксиологические коннотации топонима, обусловленные фольклорными и мифологическими традициями восточных славян.

Ключевые слова: восточнославянские языки; паремиология; лингвоаксиология; историко-этимологический анализ; пословица; топоним Крым.

При близком родстве восточнославянских языков интенсивность воспроизведения и аксиологическая характеристика в их фразеологии и паремиологии одних и тех же топонимов обнаруживает как некоторые сходства, так и существенные различия. Таковы, например, паремии с компонентом *Крым*. В русском языке они отражают в первую очередь историю освоения и завоевания Крыма российскими войсками при Екатерине II-й и в доекатерининское время. При этом исторические реминисценции в паремиологическом зеркале довольно избирательны и субъективны. Так, пословица же *Большой (Бошой) в дому, что хан в Крыму* [Сим.: 82], где *большой (бошой)* – ‘глава семьи, хозяин дома’, отражает хорошее знакомство русского населения с социальной иерархией Крымского ханства до его завоевания. Она зафиксирована и в варианте *Большой в дому, что хан в Крыму* ‘Хозяин дома, старший в доме управляет всей семьей’ [ДП: 595; Д. 1: 113].

Устаревшая же (XVII в.) ироническая пословица *Гонец из Крыму что таракан из дыму*, имеющая значение ‘Гонцы как можно быстрее покидают Крым’ [Сим.: 92], является историческим свидетельством тех опасностей, которые представляло Крымское татарское ханство для посланников России. Этот же мотив отражен и в пословице *Жить в Крыму что суме в дыму* [Сим.: 101]. Ср. современные просторечные шутивно-иронические поговорки *Ночь в Крыму, всё в дыму, ничего (ни х..., Неценз.) не видно* ‘о чём-л. страшном, грозном и непонятном’ [Мокиенко, Никитина 2003: 179]; *Как в Крыму: всё в дыму, и ничего не видно*. ‘о наполненном табачным дымом помещении’, ‘о неясностях, полной неопределённости в делах’ [Зимин, Спириин 1996: 418].

В одной из таких устаревших паремий запечатлен и эпизод военных неудач крымского хана: *Добредет докуда, до чего как хан до Крыма* ‘о человеке, рискующем потерпеть крах, полное поражение где-л., в чём-л.’ В.И. Даль дает к ней краткий комментарий: «т. е. разбитый в набеге», не уточняя, чей именно был такой набег [ДП: 470]. Крым, как и Азов, был постоянным объектом военных ристалищ, что нашло отражение в пословице *Азов не о сто (сте) глазов, а Крым не крив* [Сим.: 74].

Постоянное преодоление опасностей, связанных с набегами на Крым, стало «брендом» народной поговорки *пройти и Крым, и Рим* [Сок.: 68] и ее варианта *пройти Крым, и Рим,*

и медные трубы ‘испытать, пережить многое, приобрести жизненный опыт’ [СРНГ 32: 149]. Поскольку этот вариант зафиксирован в Краснодарском крае в 1957–1980 гг., то можно предположить, что поговорка имеет украинское происхождение. В пользу этого говорит и фонетический облик топонима *Рым*, а также обилие фиксаций поговорки, как увидим ниже, в украинских паремиологических источниках. При этом сопряжение топонимов *Крым – Рим (Рым)*, скорее всего, не отражает никаких исторических реминисценций о завоевании восточными славянами столицы Римской империи, а является лишь порождением рифмовки этих двух наименований.

Особого внимания заслуживает и экспликация оборота *пройти Крым и Рим* словосочетанием *и медные трубы*. Здесь контаминация с выражением, известным и белорусскому, и украинскому языкам, – *пройти [сквозь] огонь [и] воду [и медные трубы]* ‘многое испытать в жизни, стать опытным’, ‘иметь сложное, небезупречное прошлое, сделаться пройдохой’. Его давно связывают с древним мифологическим осмыслением огня и воды как очищающих, «испытывающих» стихий, известно многим народам и отражено в античной и библейской традиции. Ср. библейские мотивы таких испытаний: «Мы вошли в огонь и в воду, и ты вывел нас на свободу» [Пс.: 65, 12]. Образ испытания огнем и водой столь же активен и жив как в славянском фольклоре, так и в книжном языке, ибо оборот зафиксирован еще в старославянском языке. Его связывают со средневековым обычаем «Божьего суда», когда подозреваемого заставляли держать руку на огне, брать рукой раскаленное железо или бросали в воду. Если он оставался невредим после таких испытаний, то признавался невиновным.

Важно при этом, что оборот *пройти сквозь огонь и воду* древен и интернационален (ср. бел. *прахадзіць/ прайці агні і воды*, укр. *пройти вогонь і воду*; болг. *миня през огън и вода*; англ. *to go through fire and water*; нем. *j-d ist mit allen Wassern gewaschen* и др.), а его вариант *пройти огонь, воду и медные трубы* нов, оригинален и специфичен. Этот вариант находим лишь в белорусском и украинском языках, причем только с XX в. Прибавка *и медные трубы*, видимо, появилась первоначально в военной среде в период Отечественной войны 1812 г., ибо ранее данное выражение не фиксируется, а затем встречается именно в произведениях на военную тему. *Медные трубы* здесь – символ испытания славой, первоначально – духовым оркестром в честь победителей. Не случайно, что этот вариант отражен лишь в украинском, русском и белорусском языках, народы которых одержали эту общую победу над французским нашествием [Вакуров, Мокиенко 1988: 132–139]. Именно он оказался актуальным и в русско-украинской поговорке о *Крыме и Риме*.

В некоторых паремиях с компонентом *Крым* можно найти и следы определенных лингвокультурологических сведений об этом полуострове. При этом они эксплицируют в шутивно-иронической форме. Выражение *поехать в Крым за капустой (по капусте)* ‘делать что-л. крайне непрактичное, бессмысленное (о действиях бестолкового человека)’ [ДП: 449] объясняется фактом, что «капуста в Крыму практически не растет» (Зимин, Спириин 1996: 418, 496), а точнее – ее выращивание здесь нерентабельно. Точно так же ездить в Крым за репой может лишь несведущий, непрактичный, наивный и глуповатый человек: *Не едет Клим по репу в Крым* [Сок.: 50]; *Мажет Клим телегу, едет в Крым по репу* [Сим.: 120; Сок.: 49]. Здесь снова, как видим, экспрессивность усиливается рифмовкой антропонима *Клим* и топонима *Крым*. Шутивно окрашена и поговорка о якобы холодной крымской погоде: *Погода как в Крыму, где двенадцать месяцев зима* [Зимин, Спириин 1996: 418].

Приведенные пословицы и поговорки не исчерпывают, естественно, коннотативного диапазона топонима *Крым* в русском языке. Они, как мы видели, порождение народной речи, малого фольклора. Литературный же язык увековечил этот топоним в крылатом ироническом выражении *Времён очаковских и покорения Крыма* ‘о чем-л. очень давнем, давно минувшем’. Это всем хорошо известная хрестоматийная цитата из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (Действие II. Явление 5):

Ч а ц к и й

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма...

В словах Чацкого – историческая реминисценция о событиях двух русско-турецких войн. Во-первых, о войне 1768–1774 гг., в результате которой 21 июля 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, закрепивший признание Турцией независимости Крымского ханства, права русским торговым судам беспрепятственно плавать по Черному морю и др.. Во-вторых, о войне 1787–1791 гг., когда войсками фельдмаршала Г.А. Потемкина 6 декабря 1788 г. была взята штурмом крепость Очаков. Эта крылатая фраза глубоко врезалась в скрижали русской языковой памяти, воспроизводясь в креативных контекстах самых разных писателей и публицистов с грибоедовских времён – В.Г. Белинский, Д.И. Писарев, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Бунин, Ф.М. Достоевский и мн. др. И во многих из них эта память воскресает в деталях давнего военного противостояния:

Опечалась завистью, воинской и мужскою, Потемкин мутным глазом, источавшим слезу, еще раз обозрел нерушимые стены *Очакова* <...> Стон стоял под *Очаковом* от мириадом мух, которые облепляли мертвецов, роились над лужами поноса кровавого. Все это нестерпимые факты «*Времен Очакова и покоренья Крыма*» (В. Пикуль. Фаворит, 1989).

Не случайно эта память оставила след даже в нашей диалектной речи – например, в донских говорах, где до сих пор живет бранное недоброе пожелание, проклятье *И Крымский тебя (его, их и т.д.) выломай!* [СРНГ 15: 348]. По архивным данным Академии наук (Филонов, 1856 г.), «приведенными словами вспоминаются действия князя (Потемкина Таврического или *Крымского*), который перенес станицу, где жил Пугачев, на другое место и назвал *Потемкинской*».

В украинской народной речи топоним *Крым* также занимает достойное место. Он притягательный ориентир в песнях чумаков, которые в XVI–XIX веках на волах отправлялись из Малороссии к Черному и Азовскому морям за солью и рыбой, развозя их по ярмаркам. Чумацким шляхом называли торгово-извозный путь, по которому регулярно двигались такие обозы с Крыма, а обратно купцы-чумаки везли с центральных регионов Украины зерно, овощи и другие сельскохозяйственные продукты. Малый украинский фольклор «запротоколлировал» эту деятельность чумаков: *То ж не маки – то чумаки, везуть рибу все судаки; То ж не маки – то чумаки з Криму йдуть, рибу везуть; То ж не маки червоненькі, то козаки молоденькі битим шляхом у Крим ідуть* [ПП 2: 220].

Сюжет этот вдохновлял и писателей (например, А.П. Чехова, повесть «Степь»), и художников – например, И.К. Айвазовского (картина «Чумаки на отдыхе») и А. Куинджи (картина «Чумацкий тракт в Мариуполе»). О популярности такого промысла свидетельствует народное украинское название Млечного пути – *Чумацький шлях* [Мокиенко 2016]. А об опасности, которой подвергались чумаки на пути в Крым, свидетельствуют чумацкие песни. Вот одна из них, которая так и называется – «Ой хто В Криму не бував»:

й хто в Криму не бував,
Перекопа не видав.
Перекіпський комендант
Запорожцям дає знать:
«Годі вам, запорожці,
У Калачах стоять,
А біжить до Салгирю
Чумаченьків рятувать!»
Ой прибігли до Салгирю,
Аж лежать наші чумаки,

Ой лежать наші чумаки,
А де два, де чотири.
А казав князь Долгоруку,
Що не здійме орда рук,
А орда руки ізняла
Та чумаченьків забрала.
Ой погналі чумака
На три битіі шляха,
На три битіі шляха,
Та в четверті озера.

В отличие от чумаков, обозы которых тянулись в Крым с мирными торговыми целями, Крымский хан вторгся на Украину, разоря казачье население и порабощая его. Об этом свидетельствуют украинские пословицы и поговорки, аналогичные приведенным русским: *Багато бід нам принесли хан кримський та папа римський* [ПП 3: 258]; *Де Крим, де Рим, а де Балабанівка* [Ном.: 149; ПП 3: 258]; *Спаси нас, Боже, од папи римського та хана кримського; Як хан долізе до Криму* [Ном.: 109; ПП 3: 258]; *За кого хан, той пан* [ПП 3: 258]. Видимо, на необходимость основательно вооружаться, отправляясь по Чумацкому шляху, намекает и поговорка *Не з такою пугою до Криму ходити* [ПП, 3: 54], в которой слово *пуга* имеет значение ‘кнут, которым погоняют волов’.

В свете таких ассоциаций понятно, почему в украинском, как и в русском, языке пройти и повидать Крым стало символом приобретения военного и жизненного опыта, закалкой перед всеми невзгодами. И здесь повышению экспрессивности соответствующих поговорок способствовала рифмовка с названием столицы Римской империи и добавление «медных труб» и даже «чертовых зубов»: *Перейшов Крим і Рим, і мідні труби; Він бачив і Крим, і Рим, і мідні труби* [ПП 2: 274]; *Бачив Крим і Рим і мідні труби!; Бачив Крим і Рим, і мідні труби, і чортові зуби!* [ПП 3: 351]. Этот вариант поговорки вошел в украинский литературный язык и регистрируется фразеологическими словарями в значении ‘побывать всюду, насмотреться всего, пройти через разные испытания’: – Я говорив повільно, розважливо, як людина, яка *пройшла Крим, Рим і мідні труби*. (Григор Тютюнник. День мій суботній)

Для украинского малого фольклора с топонимом *Крым* характерно обилие шуточно окрашенных вариантов, разнообразие которых позволяет градуировать их аксиологически. На это обратил особое внимание М.М. Пазяк, включив нашу поговорку в разряд украинских фразеологических каламбуров: «До різновидів паремій учені відносять також каламбури та нісенітниці. Вони вживаються здебільшого в іронічному контексті, де або зіставляються два антонімічних поняття і членуються як несумісні («На городі бузина, а в Києві дядько!»), або сатирично зображується якась дія чи явище, які насправді не можуть відбутися («Були вареники, та на вербу повтікали», «Буває, що й ведмідь літає»). Розгалужені гнізда мають каламбурні вислови про щось несумісне («*Де Крим, де Рим, а де панська корчма*», «...*а де попова груша*», «...*а де Балабанівка*»; «Ти йому про образи, а він про гарбузи» тощо.» [ПП, 3: 9]. К названым известным украинским фольклористом поговоркам можно прибавить и другие варианты нашего выражения с компонентом *Крим*:

Де Крим, а де Рим!; Де Крим, де Рим, а де яхинські корчми; Де Крим, де Рим, а де корчма бабинська; Де Крим, де Рим, а де злодійська корчма; Де Крим, де Рим, а де Настині корчми; Де Крим, де Рим, а де Настині криниці; Не добереши, де Рим, де Крим, де попова груша; Не розберуть, де Крим, де Рим, а де попова груша [ПП 3: 354].

Каждый из названных вариантов нашей поговорки о Крыме может стать сюжетом развернутого лингвострановедческого комментария. Особенно важны для понимания их шуточно-иронического воздействия на слушателей топонимические варианты. Так, в выражении *Де Крим, де Рим, а де корчма бабинська* сохранилось воспоминание о некогда в XVIII веке популярной корчме в середине пути от Хмельника до Новокопачиня (від Хмільника

до Новокостянтинова), поблизости от сел Лозовая и Педоси Винницкой губернии. Её, между прочим, увековечил на одной из своих картин известный европейский художник-пейзажист и архитектор Жан Анри Мюнц (нем. *Johann Heinrich Müntz*, фр. *Jean Henri Müntz*, пол. *Jan Henryk Müntz* – 1727–1798), путешествовавший по Украине в 1781–1884 гг.

Ещё более тесные исторические реминисценции, связанные с Крымом, «закодированы» в шутливо-иронической поговорке *Де Крим, де Рим, а де Балабанівка*. Сейчас Балабановка (укр. *Балабанівка*) – это небольшое село в Винницкой области, а раньше так называлось местечко Липовецкого уезда Киевской губернии в 185 верстах от Киева. По народному преданию, на месте этого села некогда был большой город Угорм, уничтоженный татарами. Балабанівка была основана в 1612 г. и позднее перешла в собственность винницкого старосты Александра Балабана, по имени которого она и названа. Он попал в битве под Цецорой 1620 г. в турецкий плен и, разорившись, должен был продать Балабановку в 1624 г. Стефану Хмелецкому, который успешно сражался с татарами и получил за это в 1630 г. звание киевского воеводы. В 1648 г. Балабановка сильно пострадала от казаков, соединившихся с татарами, и долгое время оставалась без хозяина, а потом переходила из рук в руки: с 1723 г. в собственность Ворцелей, с 1847 г. – княгини Марушишны Чарторыжской (урожденной Радзивилл) и, наконец, с 1857 г. – графа Владимира Потоцкого. В поговорке отразились не только памятные перипетии борьбы с крымскими татарами, но и балабинский «бренд» XVIII века, когда именно в этом местечке выделялись известные двустольные охотничьи ружья и пистолеты, не уступавшие зарубежным. На них, кстати, красовалась шуточная надпись: «*De kowal Sydor de Balabanowka*», которая усиливала иронический эффект поговорки.

Не случайны и другие варианты украинской поговорки о Крыме и Риме. Хотя одна из них гласит: *Не розберусь, де Крим, де Рим, а де попова груша*, под мифологическим микроскопом в её внутренней форме и затаенном смысле разобраться все-таки можно. Ведь символика этого дерева в народной, языческой культуре амбивалентна: с одной стороны груша наделена признаками чистоты и святости, а с другой она, как верба и бузина, связывается с нечистой силой [СД 1: 566–568]. Это представление закодировано, в частности, и в старом народном украинском сравнении *закохавсь як черт в суху грушу* [Ном.: 168]. Ср. также поговорку, отражающую подобные языческие представления о груше: *Спасе Бог вашу душу на колючу грушу, на пень боком, на колючку оком!* [ПП 3: 340]. Ироническая поговорка *груші на вербі* – своеобразный мифологический парадокс, один из вариантов так называемой «формулы невозможного», обозначенной П.Г. Богатыревым как «оксюморон в действии» [Мокієнко 1984: 76–78]. В этом фольклорном парадоксе и разгадка шутливости и «небывальности» поговорки *Не розберусь, де Крим, де Рим, а де попова груша*: ведь *попова груша* – такая же бессмыслица и фразеологическая невероятность, как свистячий рак или знаменитый царь Горох.

Как видим, в русских и украинских поговорках топоним *Крым* сохранил память о конкретных исторических событиях, связанных с завоеванием и освоением восточными славянами этого полуострова. Не обойдены в них вниманием и их торговые связи с крымско-татарским ханством, чередующиеся с военными конфликтами. Но язык, а особенно такая его креативная составляющая, как паремиялогия, не просто летописный слепок исторических «переживаний» народа в ту или иную эпоху, а их художественная оценка, окрашенная фольклорными и мифологическими оттенками. Этот креативный комплекс и вырисовывается при анализе пословиц и поговорок с компонентом *Крым*.

Список литературы

1. Вакуров, В.Н. Огонь, воды и медные трубы / В.Н. Вакуров, В.М. Мокиенко // Русская речь. 1988. № 1. – С. 132–139.
2. Д.: Даль, В.И. Толковый словарь живого русского языка / В.И. Даль. 3-е изд. Т. 1–4. М., 1955.
3. ДП: Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. М.: Худ. лит., 1957. – 992 с.

4. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В.И. Зимин, А.С. Спирин. М.: Сюита, 1996. – 544 с.
5. Мокиенко, В.М. Млечный путь Александра Сергеевича Герда / В.М. Мокиенко // Verba magistro. Сб. науч. ст. памяти проф. А. С. Герда / отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 216–225.
6. Мокієнко В.М. Груші на вербі / В.М. Мокієнко // Українська мова і література в школі, 1984. № 5. – С. 76–78.
7. Мокиенко, В.М. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы) / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Норинт, 2003. – 448 с.
8. Мокиенко, В.М., Семенец, О.П., Сидоренко, К.П. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова. («Горе от ума») / под общ. ред. К.П. Сидоренко. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
9. Ном: Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб, 1864.; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. – 766 с.
10. ПП 1-4: Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. – 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. – 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. 1991. – 440 с. Т. 4. Українськ прислів'я, приказки та порвняння з лтературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. 2001. – 392 с.
11. СД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. М.: Междунар. отнош. Т. 1. 1995. – 584 с. Т. 2. 1999. – 697 с. Т. 3. 2004. – 704 с.; Т. 4. Т. 5. 2013.
12. Сим. XVII–XIX вв.: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899. 1–XIX + 216 с.
13. Сок.: Соколова, М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки / М.И. Соколова. Новосибирск: Офсет, 2009. – 622 с.
14. СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова; гл. редактор С.А. Мызников. Вып. 1–52. М., Л./СПб, 1965–2021 (издание продолжается).

***

ЛЕГЕНДЫ И ВЕРСИИ (О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ОЙКОНИМОВ В ПРИНЕВЬЕ)

С.А. Мызников

Институт славяноведения Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация. В данной работе представлен анализ происхождения некоторых ойконимов, имеющих давние фиксации на территории Ленинградской области в бассейне реки Невы. Сопоставительные материалы для работы были собраны в ходе полевых исследований, а также почерпнуты из различных источников: словарей, картотек и т.п. Рассматриваются различные версии происхождения ойконимов с основой Колп-.

Ключевые слова: ойконим, гидроним, этимология, апеллятив

Анализ некоторых ойконимов нередко наталкивается на как будто верифицированные версии, на основе исторических фактов и подобранных лингвистических данных. Однако в ряде случаев тщательный анализ опровергает устоявшиеся подходы. В данной работе представлен анализ имеющихся версий ойконимов **Пелла** и **Колпино**, расположенных в бассейне реки Невы.

Так, например, наименование **Пе'лла** – в настоящее время это железнодорожная станция в городе Отрадное Кировского района Ленинградской области. Ранее известна как **Ивановская мыза**, которую в 1784 году приобрела Екатерина II. Спустя год здесь начинается строительство дворцово-паркового комплекса **Пелла**, предназначенного для внука императрицы, великого князя Александра Павловича. Имелась версия о наименовании в честь древней столицы Александра Македонского. Это, однако, противоречит прямому свидетельству Екатерины II

о существовании местного названия **Пелла** еще до основания усадьбы. Причем выясняется, что ассоциацию с древней резиденцией македонских царей подсказал ей в переписке Вольтер. Вероятно, топоним **Пелла** может быть связан со словарным гнездом прибалтийско-финских языков, в первую очередь со значением 'поле': ср. фин. *pelto*, ливв. *peldo*, люд. *peld*, вепс. *poud*, водск. *pelto* (мн. *pellod*), эст. *pold* [SKES: 516]. Фонетически близко также финск. *pelle* 'рыхлая мягкая земля; могильная земля; могила'. Ср. также вепс, топоним *Pelloil*. Нельзя исключать также связь с фин. *pellava*, кар. *pellavas* 'лен', при наличии формы фин. *pella(ei)* 'льняной, лен' [SKES: 514-515]. Против прибалтийско-финской версии выступал А.И. Попов, полагая, что название **Пелла** восходит к концу XVIII в. и не имеет местной основы.

Фиксируемый на смежной территории ойконим **Колпино** не имеет фиксаций ранее XVIII века, однако не вполне ясно, существовало ли какое-либо поселение на этом месте до того, как возник поселок при лесопильнях на р. Ижоре. Хотя, по утверждению А.И. Попова: «Колпино основано не на этих старых поселениях, представляя нечто совершенно новое, вызванное к жизни настоятельными потребностями молодой Российской империи. Уже в конце XVIII в. здесь появляются металлические заводы с кузницами, лесопильнями и другими необходимыми заведениями, работавшими преимущественно на морское ведомство. Поселок Колпино уже в 1912 г. был причислен к городам (до того он числился посадом)» [Попов 1981: 145].

А.И. Попов относит этот ойконим к исконным наименованиям: «Город Колпино носит название явно славянское; к тому же надо добавить, что в новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. такие географические имена, как Колпина, Колпина Гора, Колпинец (деревня, озеро, починок), Колпино (несколько деревень, озер) и т. п., встречаются неоднократно, хотя они по большей части относятся к другим пятинам Новгорода Великого, а не к Вотской пятине, в которой находились окрестности теперешнего города Колпино» [Попов 1981: 144]. Хотя он же указывает, что поселок Колпино возник при Петре I в связи с его распоряжением использовать это место на Ижоре для лесопильных мельниц (по-видимому, такая мельница существовала здесь уже при шведах). И до того по р. Ижоре было много селений, в том числе и в ее нижнем течении. В частности, в писцовой новгородской книге 1500 г., т. е. задолго до шведов, здесь указан целый ряд деревень, входивших в Ижорский погост Вотской пятины.

А.И. Попов выдвинул и первые конкретные версии о происхождении Колпино: 1) в различных славянских языках основа **колп-** служит для обозначения разных птиц (особенно водоплавающих, например лебедей), **колпик**, **колпь**, **колпица** означают в разных говорах (русских и украинских) то самку лебедя, то (по большей части) одну из цапель (лопатень), откуда возник целый ряд речных, озерных и иных названий: **Колпь** (несколько рек того имени), о. **Колпин** с погостом **Колпино** на Псковском озере [Попов 1981: 145].

В отношении наименования острова (варианты названия: Колпина, Колпино) следует иметь ввиду возможность его связи с источниками эстонского типа, ср. эст. *kolp*, *kolpa* 'череп' (по форме острова) [EVS, 2: 408]. О такого рода возможности анализа на неисконной почве свидетельствует работа о неславянских топонимических данных смежного Псковского региона [Манаков, Ветров 2008].

2) Вторая версия связана с первой, А.И. Попов полагает, что «весьма вероятно, что интересующее нас Колпино названо так по иному поводу: возможно, что в основе лежит прозвище какого-либо человека, так как в русском языке существует областное слово (псков. и твер.) **колпина** «щеголь», «чистюля», «тщательно причесанный» [Попов 1981: 145].

В отношении наименований такой птицы как цапля и участия их в конструкции ойконимов, можно сказать, что в целом такого рода единиц зафиксировано не так много: **Ла'пля** 'цапля' Мешов. Калуж., 1910 [СРНГ, 17: 264]. **Бу'шля** 'птица серая цапля' Южн. [СРНГ, 2: 332]. **Га'гра** 'цапля' Опоч., Новоржев. Пск., 1919-1934. Пушк. Пск. [СРНГ, 6: 89]. 4. **Гук** 'цапля' Пск. Пск., 1902-1904 [2, 7, 211]. **Ква'ка** 'птица цапля' Дон. [СРНГ, 13: 157]. **Скоба'** 'цапля' Чердын. Перм., 1900 [СРНГ, 38: 37]. Названия самки лебедя, преимущественно образованы от корня **лебед-**: **лебеду'ха**, **лебеди'ца** [СРНГ].

На наш взгляд, рассматривая ойконим **Колпино** с точки зрения его происхождения, сначала следует ответить на ряд основополагающих вопросов. Требуется прояснить модель образования ойконима, – от антропонима (прозвища), от гидронима (ручья) или от орнитонима. На возможности образования ойконима от прозвища и от наименования птицы писал еще А.И. Попов: «Нельзя в то же время ругаться, что первопричиной возникновения названия явились птицы – **колпики** на р. Ижоре» [Попов 1981: 145].

Следует отметить, что фиксируется ряд гидронимов **Колпь**: река протекает в Рязанской области, Владимирской области. Устье реки находится в 12 км по левому берегу реки Гусь; река во Владимирской области левый приток Ушны. Протекает на территории Ковровского, Селивановского и Муромского районов; река в Ленинградской и Вологодской областях. Причем на берегах последней зафиксированы следующие ойконимы, в Ленинградской области: Красный Бор, Косой Ухаб, Нечаевская, Коробище, Ольеши, Перушь; в Вологодской области: Плесо, Плоское, Верхневольский, Торопово, Смородинка, Бабаево, Колпино, Сиуч, Заполье.

Весьма интересно, что имеется ойконим **Колпино**, зафиксированный в Вологодской области, восходящий к названию реки. Кроме того, имеется фиксация ойконимов, связанных с названием рек **Колпь** в бассейнах их протекания: с. **Заколпье** Владимирская область, Гусь-Хрустальный район; ст. **Заколпье** Владимирская область, Гусь-Хрустальный район; с. **Колпь** Владимирская область, Гусь-Хрустальный район; д. **Колпино** Вологодская область, Бабаевский район; д. **Колпь** Вологодская область, Бабаевский район; д. **Усть-Колпь** Вологодская область, Кадуйский район; д. **Колпина** Новгородская область, Любытинский район; д. Большие **Колпаны** Ленинградская область, Гатчинский район.

Трудно говорить об их гетерогенном или гомогенном происхождении, хотя имеются случаи переноса ойконима, гидронима с заселенной ранее территории на вновь осваиваемые земли. Например: **Валдай** в Новгородской области и **Валдай** в Сегежском районе Карелии.

Кроме того, по данным топонимии можно проследить активные миграционные процессы своточных районов нынешней Белоруссии в северо-восточном и северном направлении. Ср., в этой связи, близкое фонетически белорусск. *кольба* 'вал с ручкой при помощи которого достают воду из колодца', при вариантах *корба*, *кольба* из польск. *kolba* 'то же' [ЭСБМ, 5: 93].

Поскольку территория Ленинградской области являлась и является зоной этноязыковых контактов, что, вероятно, следует допускать возможность анализа этого наименования на разных этимологических основаниях, куда наряду со славянской (восточнославянской) следует допускать прибалтийско-финскую, балтийскую и скандинавскую (шведскую).

На прибалтийско-финской почве можно привести многочисленный ряд апеллятивов, которые фонетически близки к **Колпино**, однако многие из них являются всего лишь единицами этимологически гетерогенными. **Ко'лпица** «деревянная пристройка около печи, за которой устраиваются полати». *Меня Господи благослови дочь кручинную Идти, выступить душе красной девице, Из милой, из любимой колпицы*. Пудож. Олон. [СРНГ, 14: 195]. Предположение о карельском источнике данного слова появилось в 6-м выпуске 4-го тома Слов. Акад. под редакцией Д.К. Зеленина: «Измененное на финский лад сл. **голбица** или **голбец**; ср. корельск. *kolpitsa*» [Слов. Акад., 1912: 1608]. Я Калима, понимая, что фин. *kolpitsa* 'подполье', 'ларь под скамейкой' восходит к русск. **голбица**, **голбец**, сомневается, что финское слово послужило источником обратного заимствования, полагая, что в этом случае русское слово получило бы форму ***колбица** [Kalima: 126]. Фиксация русского слова в восточном Заонежье делает приоритетными карельские данные, ср. кар. *kolpittša* 'лавка в виде ящика сбоку печи в избе, с крышкой, открывающей вход в подполье', кар. твер. *golbittš*, ливв. *kolpittšu* (Сямозеро), *golbettšu* (Видлица) [KKS, 2: 301]. Вариативное употребление [ц], [ч] в Обонежье отмечалось и бытует до сих пор [Рыбников 1867: 279].

При зафиксированной мене в данном регионе [л] / [р], можно расширить круг анализируемых апеллятивов, которые могут лежать в основе ойконима. Имеется сходная единица

в ижорском языке – ижор. *korppi* ‘мистическое существо, не ворона’ [IMS: 196]. Ср. также фин. *korppi* ‘ворона’, рассматриваемая на скандинавской почве [SKES: 220].

Тематически, вероятно, при наличии реки, ойконим можно связать также с названием рыбы. Можно привести следующие данные на балто-славянской почве: **Колбь** ‘рыба бычок’ Южн. [СРНГ, 14: 113], при белорусск. *келб*, польск. *kielb*, кашуб. *kelpg*, литов. *kilbukas* ‘пескарь’ [Лаучюте 1982:143].

При мене [л] / [р], можно также привести наименование рыбы ельца: **ко’рба** ‘рыба елец’ запад Заонеж., Медвежьегор., Прионеж., Кондоп., Пудож. [ПЛГО]; Петрозав. Олон., 1892 [КСРНГ]; Шимск. Новг. [ПЛГО]. **Ко’рбица** ‘рыба елец’ восток Заонеж., юго-вост. Прионеж., Медвежьегор., Пудож, Вытегор., Подпорож. [ПЛГО]. А.С. Герд приводит многочисленные варианты данного заимствования: зафиксированные им в основном на Онежском и Ладожском озерах, реках Свирь, Волхов, через последнюю это заимствование попало на озеро Ильмень: **корбус, корбица, корбук, корбуks, корбуksа, корбука, корбусик, корбусина, корбусок, корбушка**. По мнению А.С. Герда, «такие слова как **корбица, корбусик, кобусина, корбусок, корбушка** представляют уже собственно восточно-славянские новообразования от заимствованной производящей основы» [Герд 1988: 9]. Я. Калима возводит русские диалектные данные к ливв. *korbiainen*, фин. *korpu*, *korpus* (ген. *korpuksen*) и объясняет разнообразие форм в русских говорах таким же разнообразием форм в карельских диалектах [Kalima 1915: 128].

Весьма кажется продуктивной версия происхождения названия **Колпино**, связанной своим происхождением с пильной мельницей на р. Ижоре. После первых крупных удач на Балтийском фронте, где около Шлиссельбурга и на Неве близ Нотебурга были получены в наследство от шведов пильные мельницы, лесопильное дело развивается в Северо-Западном крае – на реке Свирь (в Олонце), на Неве. С утверждением России у Финского залива в Петербурге основывается адмиралтейство, и для его надобностей создается сначала на Васильевском острове, потом на Ижоре ряд пильных амбаров, видимо очень большой общей мощности. Так в период военных действий, в 1715 г., здесь состояло 279 рабочих, да еще ведавший ими Крюйс требовал в добавку 820 человек, считая, конечно, разгружавших лес, переносивших доски и пр. В мирные годы, с 1725 до 1726 гг., на Ижоре числилось 135 мастеров и учеников [Любомиров 1941: 223].

Вполне вероятно, что в местах устройства пильных мельниц находились густые хвойные леса, апеллятив, их обозначающий, вполне мог послужить основой для названия **Колпино**.

Ко’рба ‘густой дремучий высокий еловый лес’ Подпорож., Прионеж., Пудож., Кондоп., Медвежьегор., Вытегор., Лодейноп., Тихв. [ПЛГО]. «Густой высокий ельник» Вытегор. Олон. [КСРНГ]; «Часто растущий лес, чаща» Олон. [Опыт]. «Глушь в лесу» Лодейноп. Ленингр., 1928 [КСРНГ]. «Густо заросшее место в лесу» Прионеж. (Суйсарь) [Михайлова]. «Глухое место в лесу» Тихв. [КСРГК]. ‘Заросли густо поросшего труднопроходимого кустарника или мелколесье’ Пудож. (Сосново, Гакукса) [ПЛГО]. «Чаща мелкого леса» Пудож. Олон. [СРНГ, 14: 310]. «Трущоба» Прионежье [Шайжин]. ‘Высокие, густо выросшие перья лука на грядке’ ‘Небольшой сосновый лес, растущий в моховом болоте’ Борович. Новг. [НОС, 4: 109]. ‘Лес на возвышенности’ Пудож. (Песчаное) [ПЛГО], Сланц. Ленингр. [КСРГК]. «Высокое и сухое место в лесу» Подпорож. [СРГК, 2: 420]. «Бугор». Бокситогор. [СРГК, 2: 420]. «Молодой лес на сухом месте» Лодейноп. (Пирозеро) [ПЛГО]. ‘Болотистое, труднопроходимое, нередко захлащенное место’ Кондоп. (Горка), Пудож, Вашк. [ПЛГО]. «Место, наваленное упавшими деревьями» Кондоп. [СРГК, 2: 420]. Петрозав. Олон. [КСРНГ]. ‘Болотистое место, поросшее лесом, кустарником’ Пудож. (Каршево, Гакукса, Канзанаволок, Киково, Колово), Кондоп. (Гангозеро), Вытегор. (Ивачево) [ПЛГО]. Белозер. [КСРГК]. «Заболоченная местность с еловыми и сосновыми зарослями» Каргоп. (Окуловская) [КСРНГ]. ‘Сырое болотистое место в лесу’ Вашк. (Пиксимова), Пудож. (Корбозеро), Прионеж. (Ладва), Вытегор. (Казаково), Кондоп. (Лижма, Гангозеро), Подпорож. (Пидьма) [ПЛГО], Онеж. (Пянтино), Вашк. [КСРГК]. ‘Место, где живут медведи; медвежья берлога’ Подпорож. [КСРГК]. ‘Ложбина, впадина густо заросшая ельником’ Вытегор. (Нижняя Водлица) [КСРНГ]. Вытегор., Пудож., Петрозав., Повен., Лодейноп.

[СРНГ, 14: 311]. «Сырая низменность под ельником» Демян. [НОС, 4: 109]. ‘Болотистое место’ Прионеж. (Ладва) [ПЛГО], Вытегор. (Якшино), Тихв. [КСРГК]. Кондоп., Прионеж., Лодейноп., Подпорож., Вытегор., Тихв. [СРГК, 2: 420]. «Кочковатое, заболоченное место». Тихв. [НОС, 4: 109]. ‘Берег реки или край болотистого места’ Прионеж. (Ладва) [СРНГ, 14: 311]. Слово **корба** впервые зафиксировано в «Книге межевой обводной» под 1391 г.: *Ялгондою рикою в верхъ до сухой черное корбы*. [Срезневский]. Этимология данной лексемы, неоднократно обсуждавшаяся в литературе, традиционно возводилась к кар. *korbi* [Kalima 1915: 128; Фасмер 1964-1973, 2: 322]. Имеется версия ливвиковско-людвиковское происхождения, ср. ливв. *korbi*, люд. *ko’rb* ‘сырой еловый лес’ [SKES: 219].

Такого рода ойконимы фиксируются в смежных районах Ленинградской области, где исходная форма поддерживается автохтонным прибалтийско-финским населением: **Корпикюля, Корпиково, Корписалово** (Гатчинский район Ленинградской область), **Корбеничи** (Тихвинский район Ленинградской область). При доминировании населения, для которого внутренняя форма слова не является прозрачной, вполне возможны различные изменения, которые и привели к форме ойконима, ставшей устойчивой, например: Корпикюля > Колпино.

В стороне осталась шведская версия, которую приводил с сомнением в достоверности в своих трудах Е.М. Поспелов [Поспелов 1998, 2000], без показа этимона, ср. швед. *tall* ‘сосна’, *fura* ‘сосна (дерево)’, *fur* ‘сосна (материал)’. Вряд ли эти данные могут иметь отношение к анализируемому названию, хотя изучение шведских карт конца XVII века может изменить мнение по этому поводу.

Однако, резюмируя, следует сказать, что обзор возможных версий происхождения ойконима **Колпино**, вряд ли можно свести к какой-либо одной этимологии. Хотя и кажется вполне возможной его связь с топонимами, широко распространенными в смежных регионах, ср.: д. **Колпинец**, д. **Колпинцы** (Удомельский район Тверской области), д. **Колпино** (Краснохолмский район Тверской области), д. **Колпино** (Пеновский район Тверской области), в основе происхождения названий которых лежат гидронимы, этимологию которых возводят к наименованию самки лебедя: **колпь** [Воробьев 2005: 182-183].

Список литературы

1. Воробьев, В.М. Тверской топонимический словарь / В.М. Воробьев. М.: Русский путь, 2005. – 472 с.
2. Герд, А.С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики / А.С. Герд // Прибалтийско-финское языковедение. Вопросы лексикологии и грамматики. Петрозаводск, 1988. – С. 4–22.
3. Лаучюте, Ю.А. Словарь балтизмов в русском языке / Ю.А. Лаучюте. Л., 1982. – 211 с.
4. Любомиров, П.Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. / П.Г. Любомиров // Исторические записки. М., 1941. – С. 222-249.
5. Манаков, А.Г. Неславянская топонимия северо-западных районов Псковской области / А.Г. Манаков, С.В. Ветров // Псковский региональный журнал, 2008. – С. 153–163.
6. Михайлова, Л.П. Словарь говора села Суйсарь / Л.П. Михайлова // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. – С. 272–294.
7. Попов, А.И. Следы времен минувших / А.И. Попов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1981.
8. Поспелов, Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Е.М. Поспелов. М., 1998.
9. Поспелов, Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период / Е.М. Поспелов. М., 2000.
10. Рыбников, П.Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / П.Н. Рыбников. Ч. 4. СПб., 1867.
11. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. Т. 1-3. СПб., 1893-1912.
12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. 1-4. М., 1964-1973.
13. Шайжин, Н.С. Говоры Прионежья / Н.С. Шайжин // Северный край. Книга 2. Вологда, 1922.
14. Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen / J. Kalima. – Helsingfors, 1915.

Источники

- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факультета СПбГУ).
КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН).
НОС – Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1-12. Новгород, 1992-1995.
Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
Слов. Акад. – Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1-41 и в выпусках. 1891-1937.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Т. 1-6. СПб., 1994-2005.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1-52. М.; Л.; СПб., 1965-2021.
ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік баларускай мовы. Т. 1-13. Мінск, 1978-2010.
EVS – Eesti-vene sõnaraamat. Tt. 1-5. Tallinn, 1997-2009.
IMS – Inkeröismurteiden sanakirja. Toimit. R.E. Nirvi // Lexica societatis fenno-ugricae, XVIII. Helsinki, 1971. – 730 s.
KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1-6 // LSFU, XVI, 1-6. Helsinki, 1968-2005.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1-7. Helsinki, 1955-1981.

Языки и диалекты

белорусск. – белорусский	литов. – литовский
водск. – водский	люд. – людиковский диалект карельского языка
ижор. – ижорский	польск. – польский
кар. – карельский	фин. – финский
кар. твер. – тверской диалект карельского языка	швед. – шведский
кашуб. – кашубский	эст. – эстонский
ливв. – ливвиковский диалект карельского языка	

***

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ МЕЛКИХ ВОДОЕМОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

О.В. Петешова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются результаты переименования наиболее мелких водных объектов Северо-Восточной Пруссии (каналов, канав и ручьев) после ее включения в состав СССР. Отмечается относительно высокая доля актов реноминации, в той или иной мере учитывающих форму или семантику исходных гидронимов, а также обилие псевдосогласованных переименований. Отдельное внимание уделяется семантической характеристике исходных и новых гидронимов и влиянию языкового происхождения исходных гидронимов на выбор способов переименования.

Ключевые слова: переименование; топоним; гидроним; канал; канава; Северо-Восточная Пруссия; псевдоперевод.

После включения территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав СССР, последовавшего после завершения Второй мировой войны, названия всех географических объектов

региона были заменены на новые русскоязычные топонимы. Результаты этих массовых переименований до сих пор являются предметом достаточно жесткой критики со стороны как местных общественных деятелей, так и европейских специалистов в области истории и лингвистики. Основной причиной для обвинений в адрес советского руководства является произвольный выбор новых географических названий, идущий вразрез с «прописной истиной» ономастики – тезисом о «культуросохраняющей роли» топонимов, причем, прежде всего, гидронимов [Room 2006]. Особенно радикально настроенный литовский исследователь Л. Палмайтис пишет о «недопустимом искажении общеевропейской гидронимии», уничтожении «несомненной части культурно-исторического наследия» области, подкрепляя свои утверждения довольно убедительными примерами советских переименований [Палмайтис 2003].

Вместе с тем послевоенные переименования исходной гидронимической системы являются абсолютно хаотичными и не соблюдающими принцип преемственности только на первый взгляд. Более глубокий лингвистический анализ, проведенный нами на основании Решения местного Облисполкома № 560 от 31 декабря 1947 года [Решение Облисполкома № 560] с привлечением наличного картографического материала, демонстрирует целый ряд противоположно направленных тенденций.

Для их изучения были изначально отобраны 179 пар названий водоемов, не включающих лимнонимы, гелонимы и потамонимы, рассмотрению реноминации которых посвящаются отдельные статьи, и построенных по принципу «исходный восточно-пруссский гидроним – новый калининградский гидроним». Далее из этой выборки были исключены 24 пары, оба элемента которых упоминались только в архивном документе, но не были обнаружены ни на прусских, ни на советских картах, поскольку в Решении Облисполкома все исходные географические названия записаны кириллицей, и без использования карт их графический облик зачастую оказывается практически не восстанавливаемым в связи с обилием ошибок, допущенных составителями перечня переименований при транскрибировании (примеры – *Кюрт* вместо *Kyratgraben*, *Нефт-грабен* вместо *Heft Graben* или *Халленгруд* вместо *Höllengrund*). Отметим попутно также в числе ошибок, распространенных в единственном доступном источнике информации о региональных переименованиях природных объектов, случаи немотивированного перевода легко поддающихся переводу компонентов исходных гидронимов с опущением переведенных немецкоязычных слов типа *Кенигсбергский морской канал* вместо *Кенигсбергер Зее-Канал* или *Кенигсбергский обводный канал* вместо *Кенигсбергер Абвессер-Канал*, где второй вариант больше соответствует общей логике целостного документа.

В 22 случаях на картах удавалось найти только один гидроним из пары, а второй ее элемент достаточно легко восстанавливался на основании дополнительных источников информации, поэтому данные географические названия были учтены нами при дальнейших статистических подсчетах. В итоге материал нашего исследования включает в себя 155 пар гидронимов, из которых 81 акт переименования затрагивает региональные каналы, а 49 актов – каналы Калининградской области. Сразу подчеркнем, что в исходной топонимической системе географическому термину «канава» почти всегда эквивалентна единица Graben, а географическому термину «канал» – единица Kanal, хотя имеются отдельные исключения, например, *Dankscher Graben* канал *Малый*; *Fauler Graben* канал *Обходный* и т.п.

При анализе отобранных гидронимов становится очевидным, что проблема потери исторической памяти при региональных переименованиях стоит не столь остро, как декларируют критики. Около 35 % (или 55 случаев) реализованных реноминаций являются согласованными, то есть предполагают существование формальной или семантической связи между исходными и новыми топонимами. При этом имеют место все шесть возможных способов согласования, которые можно ранжировать по количественной представленности следующим образом:

Перевод (28 случаев). Как правило, подразумевается классический полный перевод, например, *Ost-Kanal* канал Восточный, *Tafelgraben* канава Доцатая, однако имеются и примеры частичного перевода (*Schwarzer Damm* 'черная плотина или запруда' канава Черная), и даже один случай перевода с древнебалтийского с одновременным совпадением форм исходного и нового гидронимов (*Prudimm* канал Прудный);

Аллюзия (12 случаев), при которой исходный топоним по своей форме напоминает какое-либо слово русского языка, не имея с ним ничего общего в семантическом плане, как в актах переименования *Federgraben* канава Федоровка, где компонент гидронима *Feder* на самом деле в переводе означает «перо», и *Dubas-Graben* канава Дубовая, где компонент гидронима *Dubas* восходит к слову со значением 'баржа';

Ассоциативное название (5 случаев), когда новый гидроним подбирается к переводному эквиваленту исходного гидронима на основе ассоциативной связи между словами: *Kuttgraben* 'канава монашеской рясы' канава Монастырская;

Одинаковая соотношенность (5 случаев), с которой мы имеем дело, когда исходный и новый водоемы получают свое название по названию одного и того же близлежащего населенного пункта или другого, более крупного водоема, но с учетом того обстоятельства, что эти населенный пункт или более крупный водоем, в свою очередь, ранее были переименованы советским руководством: *Narpe* канава Нерпа (рядом протекает река *Narpe* Нерпа, переименованная тем же Решением Облисполкома);

Займствование (3 случая), причем в двух случаях за одним и тем же водоемом официально закрепляются два новых названия, одно из которых заимствуется, а другое оказывается независимым от исходного гидронима в формальном и семантическом отношении: *Timber* канал Тимбер (Головкинский);

Одинаковая тематическая соотношенность (2 случая), предполагающая выбор для нового гидронима мотивирующего признака, принадлежащего к тому же семантическому классу, что и мотивирующий признак исходного гидронима: *Knien-Graben* 'канава коленчатая' канава Угловая, где предположительно обыгрывается внешний вид переименованного водоема.

Анализируя согласованные переименования водных объектов Калининградской области, невозможно не обратить внимание тот факт, что в отобранном массиве реноминаций чаще, чем у других типов природных объектов, появляются псевдосогласования, основанные на ошибках инициаторов переименований в трактовках восточно-пруссских географических названий. К их числу относятся:

Псевдоперевод (5 случаев), когда исходная лексема балтийского происхождения ошибочно принимается за сходную немецкую лексему, на переводе которой базируется акт ложного согласования: *Stirtup* (образовано от литовского *stirt* 'остолбенеть', но напоминает немецкое *Stier* 'бык') ручей Быков. Еще более интересной является иллюстрация псевдоперевода *Seebruch-Graben* канава Семерка. В этом примере при записи исходного гидронима кириллицей составителем документа по невнимательности была допущена ошибка, в результате которой в качестве исходной стали рассматривать единицу *Zibrun-graben*, а ее первый компонент демонстрирует отдаленное сходство с немецким числительным *sieben* 'семь';

Псевдоассоциативное название: *Alte Klaar* канал Светлый. Здесь второй компонент исходного гидронима имеет неясную основу, однако графически напоминает частотное немецкое прилагательное *klar* 'ясный, прозрачный', ассоциативно связанное с прилагательным «светлый».

На очередном этапе исследования региональных топонимических переименований мы выявили основные семантические признаки, которые были положены в основу исходных и новых наименований водных объектов соответственно, чтобы определить особенности номинативной деятельности человека при формировании двух разнокультурных гидронимических пространств, функционировавших на данной территории. Результаты сопоставления наиболее распространенных из зафиксированных семантических классов можно представить в таблице:

Исходные гидронимы	Новые гидронимы
1. Населенный пункт (36): <i>Balgasches Tief</i> , <i>Seckenburger</i> , <i>Schaaksvitter Hafen</i> и др.	1. Внешний вид (форма или цвет) (30): <i>канал Петелька</i> , <i>канал Кривой</i> , <i>канава Круглая</i> и др.
2. Водоем (20): <i>Ballup-Bach</i> (от названия реки Баллуп), <i>Dobup-Graben</i> (от названия реки Добуп) и др.	2. Функция (20): <i>канал Обводный</i> , <i>канава Оградная</i> и др.
3. Внешний вид (форма или цвет) (14): <i>Raging</i> 'выдающийся вперед', <i>Bambel</i> (от прусского <i>bamba</i> 'изгиб') и др.	3. Населенный пункт (14): <i>канал Мордовский</i> , <i>канава Шиловка</i> и др.
4. Качественный состав (10): <i>Ackel-Kanal</i> 'болотистый канал', <i>Luder-Graben</i> 'зыбкая канава' и др.	4. Водоем (14): <i>канава Высоковка</i> (названа по одноименной реке), <i>канал Лавский</i> (по названию реки Лавы) и др.
5. Мемориальный или патронимический гидроним (10): <i>Groß Friedrichsgraben</i> , <i>König-Wilhelm-Kanal</i> и др.	5. Флора (13): <i>канава Лесная</i> , <i>канава Камышевая</i> и др.
6. Строительный объект (9): <i>Warsze</i> 'плотина, мешающая ходу рыбы', <i>Höft-Graben</i> 'полузапруда' и др.	6. Местоположение в широком смысле слова (10): <i>канал Восточный</i> , <i>ручей Придорожный</i> и др.
7. Флора (9): <i>Berze-Graben</i> 'березовая канава', <i>Liepart Bach</i> 'липовый ручей' и др.	7. Качество воды (8): <i>канал Ключевой</i> , <i>ручей Тихий</i> и др.

Как мы видим, в целом наборы семантических признаков у исходных и новых гидронимов совпадают, однако наблюдаются отличия:

в рамках семантического класса «населенный пункт», поскольку 98 % относящихся к указанному классу прусских водоемов названы в честь близлежащих прусских деревень, а в случае с советскими водоемами 50 % географических названий связаны с наименованиями населенных пунктов, расположенных за пределами Калининградской области в тех регионах СССР, выходцами из которых были первые переселенцы;

в ранжировании семантических классов. Несмотря на непредставленность в выше приведенной таблице наиболее частотных семантических классов, среди новых гидронимов имеются единичные случаи мемориальных гидронимов и гидронимов, названных по строительным объектам, а среди исходных гидронимов отмечены по паре примеров названий, запечатлевающих местоположение и функцию соответствующих водоемов.

Что касается языкового происхождения исходных топонимов, которое мы традиционно изучаем на заключительном этапе лингвистического анализа региональных переименований, то на картах Северо-Восточной Пруссии преобладают номинации водоемов немецкого происхождения (их 72, или 46 % наличного языкового материала). Второе место занимают гидронимы древнебалтийского, то есть древнепрусского или литовского, происхождения (63 единицы). На последнем месте оказываются географические названия с неясными основами (20 единиц).

В отличие от других типов природных объектов, в данной сфере переименований почти без исключений работает гипотеза об определенной корреляции между языковым происхождением исходного топонима и выбором отдельных способов согласования при реноминации. Так, только применительно к гидронимам переводу подвергаются исключительно немецкоязычные номинации, что вполне предсказуемо по причине большей доступности для инициаторов переименования, не являвшихся специалистами в области лингвистики, немецко-русских словарей по сравнению с любыми словарями древнебалтийских языков (хотя далеко не все имеющиеся немецкоязычные гидронимы вообще согласуются советским руководством при переименовании). С другой стороны, мы предположили, что аллюзия как способ согласования, скорее всего, должна затрагивать только более непонятные ненемецкие названия, и это предположение, в основном, подтвердилось (на 12 случаев аллюзий приходится лишь два исключения, сопряженные с переименованием водоемов *Federgraben* и *Sittengraben*).

Подводя общие итоги исследования, отметим, что, вопреки обилию нелогичных решений и независимых переименований, в сфере переименования калининградских водоемов всё не так однозначно, как представлено в европейских критических статьях последних десятилетий, и даже на фоне ситуации с другими типами природных объектов номинации региональных водоемов заменяются наиболее последовательно и внутренне обоснованно.

Список литературы

1. Палмайтис, Л. Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии / Л. Палмайтис. Европейский институт рассеянных этнических меньшинств, 2003. – 72 с.
2. Решение Облисполкома № 560 от 31.12.1947 г. // Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 23.
3. Room, A. Placenames of the world: origins and meanings of the names for 6600 countries, cities, territories, natural features and historic sites / A. Room. Jefferson: McFarland, 2006. – 433 p.

***

ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сабиева Е. В., Какимова М. Е., Козлова Ю. Е

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается процесс калькирования гидронимов Северо-Казахстанской области в условиях взаимодействия двух основных этносов региона (казахов и русских). Процесс калькирования помогает определить первичность и вторичность наименований. Статья сопровождается большим фактологическим материалом с использованием статистического метода исследования.

Ключевые слова: топоним; гидроним; калька; полукалька; калькирование; топонимическое пространство.

Наблюдающееся в последние десятилетия расширение исследований по ономастике выдвигает новые задачи, и новые вызовы, для дальнейшего развития актуальными становятся проблемы: установление характера мотивированности, структуры и функционирования онимов, определение принципов классификаций, распространение и взаимодействие разных ономастических систем. Ядерно-периферийные разряды ономастической лексики все чаще привлекаются в решении историко-лингвистических, этногенетических, лингвокультурологических, этнолингвистических и практических задач.

В.И. Супрун, Г.Б. Мадиева и Г.А. Борибаева утверждают, что «извлечь из топонима достоверную историческую и этнокультурную информацию можно только в результате его этимологического анализа. При этом важно рассмотреть топонимы и с точки зрения научной этимологии, и в плане отражения в лингвосознании наивных этимологических поисков (народной этимологии)» [Мадиева, Супрун, Борибаева, 2019: 140].

Окружающее пространство отражается в ономастической картине мира и является частью языковой картины мира определенного этноса. Лингвокультурологический и этнолингвистический анализы наименований различного рода объектов исследуемого региона (Северного Казахстана) позволяют определить процессы взаимовлияния и взаимопроникновения в условиях поликультурного пространства.

Ономастическая система Северо-Казахстанской области представляет собой исторически сложившуюся, внутренне организованную совокупность действующих наименований, которые

указывают и обозначают различные объекты. Казахской ономастике характерна образность и метафоричность. Казахская номинация топонимов отражает древние представления об устройстве мира и кочевом образе жизни. Одна и та же номинация различных объектов может иметь противоположно разные коннотации в русском и казахском языках.

Тесное взаимодействие разных этносов (русского и казахского) на протяжении многих веков нашло свое отражение в ономастическом спектре региона.

По мнению В. А. Жучкевича, при исследовании географических наименований необходимо группировать их по принадлежности к конкретному языку. [Жучкевич 1980: 288]:

Отражением и фиксатором следствия языковых контактов, отслеживающихся в смысловых заимствованиях, являются кальки и полукальки. Г. Ж. Бекпатшева считает, что топонимические кальки свидетельствуют о взаимосвязи казахского языка и русского [Бекпатшева 1993: 97]. Кальки – путь семантического исследования иноязычной лексики, так как при калькировании перенимается материальная и фонетическая оболочка, а также форма слова.

О. А. Сультаньяев, отмечает, что значительную роль при казахско-русском взаимодействии в топонимическом пространстве несет в себе калькирование [Сультаньяев 1973: 265].

Северо-Казахстанская область является местом тесных контактов славянских, тюркских и других национальностей, тем самым обеспечивая замечательную перспективу понимания процессов взаимодействия тюркских и славянских языков.

Е. В. Сабиева, исследуя топонимы Северо-Казахстанской области, утверждает, что интенсивность процесса калькирования обусловлена многими составляющими, главная из которых – наличие разных народов и народностей [Сабиева, Мисяченко, 2019: 148].

Среди топонимов гидронимы представляют собой самый статичный разряд ономастической лексики, самый древний пласт в любой региональной топонимии. Одним из источников формирования русских гидронимов на территории Северо-Казахстанской области является калькирование гидронимов тюркского происхождения. В процессе калькирования казахско-русского взаимодействия в номинации гидрографических объектов стоит отметить первичность казахских наименований. Среди такого типа калькирования наблюдается разнообразие форм. Далее приводим примеры данных наименований в разрезе районов, представленного региона (Северо-Казахстанской области).

казахская основа + русские аффиксы:

<i>Первоначальная казахская форма</i>	<i>Калькированная русская форма (с аффиксами)</i>
Айыртауский район	
озеро Айыртау	озеро Аиртау чик
сухая река Жумангул	сухая река Жумангул ка
река Каргасай	река Каргасай ка
озеро Туржан	озеро Тржан ское
Есильский район	
болото Кесер	болото Кесер як
озеро Кошегул	озеро Кочегул ка
болото Кунтай	болото Кунтаев ское
болото Сарыман	болото Сарман ское
озеро Тарбагай	озеро Тарбагай ка
Жамбылский район	
болото Бримжан	болото Бримжан кино
болото Дос	болото Досов ское
озеро Макай	озеро Макай кино
озеро Муканай	озеро Муканай кино
болото Сайдар	болото Сайдарово во
болото Шагынбай	болото Шагомбай кино

	Кызылжарский район	озеро Жабагытское озеро Карабалка озеро Кызылово болото Турумбаево болото Шашмурка
озеро Жабагыт озеро Карабалык озеро Кызыл болото Турумбаев болото Шашмурын		
	Мамлютский район	болото Кутымбаево болото Нурумово озеро Озеково озеро Сабурово озеро Шайганово озеро Шашмурино
болото Кутымбай болото Нурым озеро Озек озеро Сабыр озеро Шайтан озеро Шашмурын		
	Тимирязевский район	озеро Сегизлиное
озеро Сегиз		
	Район Шал Акына	озеро Байболатово озеро Датбаево озеро Койкельдинское
озеро Байболатов озеро Датбай озеро Койкельды		
переосмысленные казахские названия получили русскую форму:		
<i>Первоначальное казахское название</i>		<i>Калькированное русское название</i>
	Айыртауский и Тайыншинский район	
река Шагалалы		река Чаглинка
	Жамбылский район	озеро Кронбие болото Хутулю
озеро Куренбие болото Кутылу		
	Тимирязевский район	озеро Косэрон
озеро Косорен		
	Район Шал Акына	соленое озеро Тарангул
соленое озеро Торангылык		
в гидронимах-словосочетаниях подвергаются калькированию всё словосочетания, при этом они должны быть понятны, либо их содержание можно передать одним словом:		
<i>Первоначальное казахское название</i>		<i>Калькированное русское название</i>
	Жамбылский район	озеро Большой Чабак озеро Большой Султан болото Малый Чабак
озеро Улькен Шабак озеро Улькен Султан болото Киши Шабак		
перевод атрибутивной часть гидронима, указывающей на величину, объем, форму и другие признаки (полукальки):		
<i>Первоначальная казахская форма</i>		<i>Калькированная русская форма</i>
	Аккайынский район	озеро Большие Токуши озеро Малые Токуши
озеро Улькен Токушы озеро Киши Токушы		
	Айыртауский район	горько-соленое озеро Большой Косколь соленое озеро Малый Кошколь озеро Уак-Камышное
горько-соленое озеро Улькен Косколь соленое озеро Киши Косколь озеро Уаккамысты		

	Есильский район	озеро Большой Коржынколь озеро Большой Тарангул
озеро Улькен Коржынколь озеро Улькен Торангылык		
	Жамбылский район	озеро Большие Шарпалы озеро Большое Каракога озеро Большое Сулыкты болото Большой Ақиешей озеро Большой Ащыколь болото Большой Кайранколь озеро Большой Каракамыс озеро Большой Чабак озеро Малые Сулыкты озеро Малые Шарпалы болото Малый Ақиешей озеро Малый Ащыколь озеро Малый Каракамыс болото Укуйкины кочки
озеро Улькен Шарпылы озеро Улькен Каракога озеро Улькен Сулыкты болото Улькен Ақиешей озеро Улькен Ащыколь болото Улькен Кайранколь озеро Улькен Каракамыс озеро Улькен Шабакты озеро Киши Сулыкты озеро Киши Шарпылы болото Киши Ақиешей озеро Киши Ащыколь озеро Киши Каракамыс болото Уки		
	Район М. Жумабаева	болото Большой Имаш озеро Большой Курымбай
болото Улькен Имаш озеро Улькен Курымбай		
	Мамлютский район	озеро Большое Сургулы болото Большой Жамбулат озеро Большой Колдобан болото Верхний Балык
озеро Улькен Сиргели болото Улькен Жанболат озеро Улькен Кольтабан болото Жогаргы Балык		
	Тайыншинский район	болото Большой Беркут болото Малый Беркут
болото Улькен Буркит болото Киши Буркит		
	Тимирязевский район	озеро Большие Сюлюкты озеро Большой Жамбатыр озеро Малые Сюлюкты болото Малые Шошкалы болото Малый Кайранколь
озеро Улькен Сулыкты озеро Улькен Жамбатыр озеро Киши Сулыкты болото Киши Шошкалы болото Киши Кайранколь		
	Район Шал Акына	озеро Малый Косколь
озеро Киши Косколь		

Проведенное исследование показывает, что, несмотря на различие славянского и тюркского мировосприятия, наблюдается ряд сходств в наименованиях гидрографических объектов разных языков. Кроме того, исследование основ имен собственных с точки зрения отражения в них реалий позволяет получить сведения о национально-культурных особенностях мироощущения разных этносов.

Анализ исследуемого материала показал, что значительное количество наименований объектов водных ресурсов Северо-Казахстанской области (рек, озер, болот, ручьев и др.) калькируется или заимствуется в русский язык из тюркских языков.

Таким образом, анализ гидронимического материала Северо-Казахстанской области показал, что для русских гидронимов казахского происхождения характерно сохранение основы казахского названия, к которому присоединяется русский словообразовательный формант, понимание семантики казахского названия и на этой основе образование чисто русского гидронима. Проведенное исследование гидронимической системы Северо-Казахстанской области позволяет сделать вывод о том, что калькирование является достаточно продуктивным способом образования наименований водных объектов. Данным способом образован 6% всех русских гидронимов региона.

Список литературы

1. Бекпатшаева, Г.Ж. Топонимы в сфере русско-казахского двуязычия / Г.Ж. Бекпатшаева // Актуальные проблемы филологии. Вып. I. Усть-Каменогорск, 1993. – 97 с.
2. Жучкевич, В.А. Общая топонимика: Учеб. пособие / В.А. Жучкевич. 3-е изд., перераб. Минск: Высш. школа, 1980. – 288 с.
3. Сабиева, Е.В. Семантический способ образования тюркских топонимов Северо-Казахстанской области / Е.В. Сабиева, С.В. Мисяченко // Вестник Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова. 2019. № 2. С. 147–154.
4. Сультавьяев, О.А. О русских топонимах с тюркской основой / О.А. Сультавьяев // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. – С. 262–267.
5. Мадиева, Г.Б. Научная, народная и кабинетная этимология астионимов (на материале названий городов Республики Казахстан) / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун, Г.А. Борибаева // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. – С. 140–161.
6. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

***

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГИДРОНИМОВ БИЯ, ПЕЯ, БИЙ, БЕЙ, ПИЙ-ХЕМ, О́ОН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

С.Б.Сарбашева

Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск)

Аннотация: В статье рассматриваются широко распространенные в Западной Сибири гидронимы Бий, Бия, Пея, Бей, Пий-хем, О́он. Этимологию наименований исследователи интерпретируют по-разному: при установлении ареала географического названия особое внимание уделяется фонетическим особенностям лексики как языка современных этносов, проживающих на данной территории, так и языка этносов-предшественников, которые и образуют многослойность, рождая загадки и народные трактовки. Материалы статьи позволяют сделать вывод, что названия рек, вопреки распространенному мнению, могут быть раскрыты через тунгусо-маньчжурские языки.

Ключевые слова: юг западной Сибири, топонимика, этимология, фонетика, номинация, мотивированность, тюркские языки, язык туба, тунгусо-маньчжурские языки.

В статье рассматриваются гидронимы Бий суу / Бия (река Бия, Республика Алтай, г. Бийск, Алтайский край), Пея (река Пея, Тайшетский район, Иркутская область, Тернейский район Приморский край), Бей (река Бея, Бейский район, Республика Хакасия), Пий-хем (река Пий-хем, Республика Тыва), Эне (река Енисей), О́он (второе название реки Бия). Гидронимия представляет собой многослойные пласты, отражающие историю ранних насельников и освоение региона, поэтому в поисках этимологии отдельных топонимов были использованы словари языков алтайской семьи (тюрко-монгольские, тунгусо-маньчжурские). Задача расшифровки этимологии данного гидронима пока не решена, поэтому существуют разные интерпретации наименования, так как по сравнению с другими топонимическими разрядами наименования рек сохраняют архаичные субстратные элементы, ведь вода является основным источником жизни человека. Все древние поселения людей сосредоточены по две стороны реки, с водой связаны духовная и хозяйственная жизни, рождающие мифы, начиная с сотворения земли из водных глубин, легенды, рассказы, обычаи, обряды, благопожелания, запреты и т.д.

Климат Горного Алтая благоприятен для проживания и всегда привлекал внимание человека для ведения скотоводческого хозяйства отгонным способом, с обширными пастбищами для выпаса, свободными от снега, не требующими заготовки пропитания на зиму, ведения охоты и рыбалки, запас

питьевой воды, собирательства орехов и растений, служащие и как лекарственное средство. Здесь пересекались и смешивались разные этносы, языки и культуры, которые адаптировались, ассимилировались, процветали и оказывались забытыми. О формировании современного населения Западной и Южной Сибири в результате длительного процесса взаимодействия трех различных по происхождению групп популяций: древнеевропейских, монголоидных и уралоидных – позволяют говорить результаты анализа краниометрических данных, отмечает в своей работе В.Моисеев [Моисеев 1999: 108]. Интересными являются его сведения о кетском, самодийском происхождении некоторых топонимов Сибири, которые могут помочь в пояснении этимологии некоторых единичных топонимов Южной Сибири. Исследования дадут возможность «определить по данным контактных явлений, на каких территориях и в каких хронологических рамках локализовались этнические группы, бывшие носителями пратюркского и ранних праязыков отдельных групп», считает А. В. Дыбо [Дыбо 2007: 5].

При анализе топонимов Южной Сибири О. Т. Молчановой выявлено, что часть наименований является тюркскими, но предстоит исследовать большой пласт топонимов, отнесенных к монгольским и самодийским (кетским) языкам. По мнению исследователя Сибири А. П. Дульзон, топоним можно считать принадлежащим данному народу, если основа слова и все его части полностью разъясняются из этого языка, и нет оснований считать это слово переводом (калькой) термина, употреблявшегося народом-предшественником на той же территории или в местах прежнего проживания этого народа [Дульзон 1964: 246–257]. Пространство, на котором удается зафиксировать присутствие “уральского” антропологического компонента в различной степени выраженности, охватывает значительную территорию севера Евразии; в Азии занимает практически всю Западную Сибирь (ханты, манси, ненцы, тобол-иртышские, за исключением аялыньских, томские и барабинские татары, чулымцы и, может быть, кеты) и частично Северный Алтай (телеуты, тубалары), считает А. Моисеев [Моисеев 1999: 109]. Интересен тот факт, что сложное по своему этническому составу и истории, современное население Турочакского, Чойского и Майминского районов Республики Алтай неоднозначно и в отношении языка: как и в тубаларском, в кумандинском и чалканском языках сохранились многие древние элементы языков этнических субстратов, отраженных в трудах Н.А. Баскакова [Баскаков 1965], И.Я. Селютиной [Селютина 2000], Н.А.Мандровой [Мандрова 1986], Н.А.Кирсановой [Кирсанова 2003]. Все группы северных алтайцев (туба, куманды, чалканду), проживающие на исследуемой территории, по антропологическим данным – смешанного происхождения, сложного в этническом отношении и в отношении языка, это не могло не отразиться в гидронимии, которые связаны либо с геологией (цвета и структура почвы, использование в быту камня и глины), определением местности с преобладающей съедобной растительностью, либо где протекает вода, целебность источников, характеристика реки (быстрая, тихая, полноводная, мелкая, чистая, с примесью, опасные участки с быстрым течением или болотистость), наличие какого-либо вида животного в окрестностях и, конечно же, рыбы. Следует отметить, что территория северного Алтая, Тувы, Хакасии, Кемеровской области, где проживали древние насельники, названа ими по наличию в нем определенного вида рыбы, и, скорее всего, было основным занятием жителей, но утрачены в языках современных этносов, населяющих эту территорию, что подтверждает гипотезу о пути миграции тунгусов из Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурской автономной области на Север, приблизительно с таянием ледника, названия их сохранились в языке современных эвенков.

При установлении ареала и этимологии географического названия, важную роль играют фонетические особенности лексики как языка современных этносов, проживающих на данной территории, так и языка этносов-предшественников, которые образуют многослойность топонимов, рождая загадки этимологии и народные трактовки.

Например, названия таких рек, как Адамчулен (левый приток Кондомы бассейна реки Томь), Адаксы (н.п. Усть-Колзасского сельсовета Таштагольского района Кемеровской области), Средний Ада (приток Абакана в Хакасии), Адалар-Аалы (система Белого Июса, Хакасия), Ада, Адак-Суу / Одох-су (п.п. Абакана), Адак-Карасу, Адак суу (Турочакский район Республики Алтай), имеют

разные народные этимологии, но материал показывает, что связаны они с наличием преобладающего в водах вида рыбы *ааде* ‘калуга’, который является эндемиком (занесена в Красную книгу), ареал распространения – Западная Сибирь, относится к классу лучеперых рыб, отряду осетрообразных, что также является более приемлемым объяснением значения названия (*одоры* – название рыбы в языке туба, в тунгусских языках *ааде* ‘калуга’) [ЭРС 1958: 18].

Наряду с типичными, образованными по названию ихтиофауны рек, следует рассматривать и происхождение гидронима Бий суу/ Бия (река Бия, Республика Алтай, г. Бийск, Алтайский край), Пея (река Пея, Тайшетский район, Иркутская область, Тернейский район Приморский край), Бей (Бейский район Республики Хакасия), Пий-хем (река Пий-хем, Республика Тыва). В языке эвенков *лею* – это сорога [ЭРС 1958: 333], она относится к виду лучеперых рыб, из семейства карповых, называют ее плотва, тарань, плотица. Сорога/плотва в нашей стране распространена довольно широко, в сибирской части России и на Урале носит название – *чебак/чабак*, водится в реках, впадающих в Северный Ледовитый океан, водоемы Урала, бассейны рек Черного, Азовского морей кроме Крыма, системы рек Аральского моря, речные бассейны Горного Алтая, Байкал. В языке современных этносов больше распространено название *чебак / чабак*.

О наличии в реках Бий суу/ Бия (река Бия, Республика Алтай, г. Бийск, Алтайский край), Пея (река Пея, Тайшетский район, Иркутская область, Тернейский район Приморский край), Бей (река Бея, Бейский район, Республика Хакасия), Пий-хем (река Пий-хем, Республика Тыва) чебака/чабака, сороги/плотвы свидетельствуют сайты рыбаков и туристов: Бия (Бий суу, *бий* ‘господин’, суу ‘вода’), правая составляющая реки Обь, левая – Катунь. Бия – река, богатая рыбой. Здесь водятся не только привычные жителю Центральной Европы лещи, язи, плотва, налимы и судаки. Большой Енисей (Бий-Хем) – река в Республике Тыва, правый исток реки Енисей. Бий-Хем в переводе на русский означает ‘большая река’. У города Кызыл сливается с Каа-Хемом, образуя Улуг-Хем, являющийся фактическим началом Енисея. Ихтиофауна: хариус, пескарь, ленок, плотва. Бея (Пии) – река в южной части Южно-Минусинской котловины, правый приток р. Абакан. В низовьях Бея имеет широкую долину, выходя в неё через всхолмленную часть Койбальской степи (широкие гряды с невысокими крутыми склонами, т.н. «Бейские щеки»). Ихтиофауна: хариус, пескарь, плотва.

Достаточно большую водную артерию, которая берет начало в Телецком озере Республики Алтай, Бию местные жители называют Пий суу, Бий суу, Бийнин суузы и вторым «своим названием, по-нашему» – *Öн*. Гипотеза о самодийском би/бе ‘вода, река’ имеет место быть, но почему тубалары, чалканцы, кумандинцы из двух названий считают «своим» вариант *Öн*, не имеющий объяснения значения на родном языке? Возможно, это тот же известный термин кетского и эвенкийского *ёган* ‘большая вода’. Отличительной чертой языков северных этносов Горного Алтая является слабость артикулируемого язычкового звука “г” в финальной и в медиальной позициях с последующим выпадением согласного и стяжением вокального комплекса или слиянием в дифтонг по огубленному варианту *ао, ау, оу* и, вполне вероятно, *ён* – это стяженный вариант от *ёган* ‘вода’. Ведь все реки назывались древним населением ‘большая’ или ‘мелкая’ с апеллятивом *суу, жул, кем, кан* ‘вода’. А.Дульзон отмечает, что в районе Средней Оби имеется топоним Ай ёган/Ай-ёган, который раскрывается как чисто хантыйский ай ‘маленький’, ёган ‘река’, он противопоставляется названию Елле-ёган ‘большой’ ёган ‘вода’, находящейся поблизости названию реки Лена, произошедшей от эвенкийского Елюенэ ‘большая река’ [Дульзон 1964: 246–257].

По мнению А. Малолетко, как считает большинство исследователей, Енисей получил своё имя от тунгусского Йоандези «большая река». У ненцев есть название Енасе ‘большая вода’, у других народов Сибири по меньшей мере еще десяток имен как близких по звучанию к слову «Енисей», так и весьма далеких [Малолетко 2008].

Данная гипотеза нуждается в дальнейшем изучении, необходимо проанализировать топонимы и гидронимы Сибири в сравнительном плане. Гидронимы Сибири имеют древние названия, скорее всего, названные народом-предшественником, так как современные языки не могут

пояснить значение, мотивированность связана либо с преобладающей растительностью, либо с наличием какого-либо вида рыбы в воде, и, скорее всего, рыболовство было основным занятием жителей. Собранный и проанализированный материал показал, что на данной территории оставили след представители тунгусо-маньчжурской языковой семьи, возможно, в период бытности единого языка алтайской языковой семьи, так как сохранены архетипы корней слов, что могут подтвердить и лингвистические и этнографические исследования.

Список литературы

1. Моисеев, В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии / В.Г. Моисеев. СПб., 1999.
2. Дыбо, А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период / А.В. Дыбо. Москва: Вост. лит., 2007. – 222 с.
3. Дульзон, А.П. Топонимика Западной Сибири как один из источников ее древней истории / А.П. Дульзон // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964.
4. Баскаков, Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы / Н.А. Баскаков. М., 1965.
5. Селютина, И.Я. Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование) / И.Я. Селютина. Якутск, 2000.
6. Мандрова, Н.А. Консонантизм языка чалканцев (по экспериментальным данным) / Н.А. Мандрова // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986. – С. 72–74.
7. Кирсанова, Н.А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным) / Н.А. Кирсанова. Новосибирск, 2003.
8. Василевич, Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. – 803 с.
9. Источник: <https://moreprodukt.info/rechnye-ryby/plotva-ona-zhe-sorozhka>
10. <https://fb.ru/article/227010/biya-reka-opisanie-gornyiy-altay>
11. Малолетко А. «Обь» – и «вода», и «душа», и «мать» // Аргументы и факты. Томск. 2008, 30 января. № 5 (353). URL: http://tomsk.aif.ru/issues/353/9_01

Исследования

1. Молчанова, О.Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Том I. Щецин, 2018.
2. Бутанаев, В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995.
3. Боргояков, М.И. Этюды по топонимике Хакасии // Уч.записки ХакНИЯЛИ. Вып. 18. Абакан, 1973.
4. Шабалин, В.М. Краткий топонимический словарь Кемеровской области <https://ok.ru/dk?cmd=logExternal&st.cmd=logExternal&st.sig=54uvRKkKutefsymMr8qtaAgYRKU7jK706E-p8r-R4kn4&st.link=http%3A%2F%2Fstomatologo.ru%2Ftajni-imen-zemli-kuzneckoj-kratkij-toponimicheskij-slovar-kem.html&st.name=externalLinkRedirect&st.tid=67853080174733>
5. Алтайские этимологии: Сб. науч. тр. / отв. ред. В.И. Цинциус, Л.В. Дмитриева. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. – 225 с.
6. Бурыкин, А.А. Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов // Российская тюркология. 2016. №2 (15). – С. 13–24.
7. Каксин, А.Д. О специфике части гидронимов на территории Хакасии (остаточное влияние субстратных языков) // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2017. №5 (66). – С. 355–357.
8. Каксин, А.Д. Тюркская и нетюркская гидронимия Хакасии // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2017. №4 (65). – С. 289–291.
9. Кызласов, Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Выпуск VII. Абакан, 1959. – С. 70–92.
10. Мурзаев, Э.М. Тюркские географические названия. М.: Изд-во вост. лит., 1996. – 253 с.
11. Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану. Томск, 1881. – 95 с.
12. Розен, М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. унта, 1986. – 205 с.

13. Сунчугашев, Р.Д. Топонимия Хакасии / Науч. ред. И.В. Кормушин. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2009. – 198 с.
14. Хабтагаева, Б. Об алтайских элементах в енисейских языках // Acta linguistica petropolitana. Труды ИЛИ РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. XI. Ч. 3: Исследования по монгольским языкам / Отв. ред. П.О. Рыкин. СПб.: Наука, 2015. – 861 с.

***

ОБ ИСТОРИИ СЕЛА ЗАМЬЯНЫ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)

Д.А. Сусеева

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются история села Замьяны на основании материалов Национального архива Республика Калмыкия. Анализируются письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши астраханскому губернатору Н.А. Бекетову.

Ключевые слова: Замьяны, нойон Замьянг, Н. А. Бекетов, тодо бичиг, Убаши.

В Астраханской области есть село Замьяны, которое раньше, до революции, называлось станицей Замьяновской. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона дается следующая информация об этой станице: «Замьяновская станица, в Астраханской губ., в урочище, в 68 верстах от Астрахани, на правом берегу р. Волги; основана в 1764 г.; терпела большие неудобства от сыпучих песков, вследствие чего перенесена на новое место в 1838 г...».

В Интернете сообщается: «Замьяны – село в Енотаевском районе Астраханской области, является административным центром Замьянского сельсовета. Расположено на правом берегу Волги. Население – 1494 (2010). Казачья станица Замьяновская была основана в 1764 году в рамках проекта по распространению оседлости и земледелия в Калмыцкой степи, а также в целях охраны торгового пути вдоль Волги. Идея перехода калмыков к оседлым поселениям была выдвинута хошеутовским нойоном Замьяном. Замьян находился в ссоре с калмыцким ханом Дондук-Даши. Враждебные отношения сложились у него также и с преемником Дондук-Даши, наместником ханства Убаши. Его желание поселиться оседло было продиктовано стремлением уйти из подчинения калмыцкому хану. Просьбу Замьяна поддержал астраханский губернатор Н. А. Бекетов, лично докладывавший дело Замьяна в Коллегии иностранных дел в 1764 году. Коллегия иностранных дел решила удовлетворить просьбу Замьяна об оседлом его поселении, но от широкой пропаганды оседлости рекомендовала воздержаться. Замьяна с подвластными ему калмыками было решено поселить на правом берегу Волги в урочище Крымский затон, в 60 верстах выше Астрахани. В целях обеспечения успеха этого мероприятия, Коллегия посчитала целесообразным поселить по соседству с Замьяном русских, которые должны были оказывать непосредственную помощь оседлым калмыкам в их хозяйственных делах. Свои соображения Коллегия иностранных дел изложила в специальном докладе Екатерине II, которая утвердила его 5 июля 1764 года. В 1770 году было завершено строительство постоянного оседлого дома для Замьяна, возле которого поселилось более 60 подвластных ему калмыцких семейств».

На сайте администрации муниципального образования «Замьяновский сельсовет» указана тоже дата, когда был решен вопрос об образовании станицы Замьяновской: «21 августа 1764 года Сенатом был утвержден доклад Астраханского губернатора Бекетова об учреждении на правом берегу Волги пяти новых казачьих станиц, в том числе Замьяновской, которую в быту часто называли Замьянской. Это место стало называться Замьян-городок в честь калмыка Замьянга, рядом с хотоном (хотон – калмыцкое название поселения) которого поселились казаки. Местом для поселения было выбрано урочище в 60 верстах от Астрахани...»

Вместе с тем, говоря об истории станицы Замьяновской, необходимо учитывать, видимо, и те документы, касающиеся ее истории, которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. А таких документов много.

Рассмотрим здесь один из таких документов, а именно, письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши от 4 числа месяца лошади (апрель) года огненной свиньи (1761 года) в адрес астраханского губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова. Это письмо свидетельствует о том, что вопрос об оседлости и строительстве деревянного дома для нойона Замьянга решался задолго до 1761 года. Письмо написано по-калмыцки (на *тодо бичиг* «ясное письмо») [НАРК. Ф.36. Оп.1. Д. 383. Л. 90]. Текст состоит из 22 строк. Первые две строки – обращение к губернатору: *Йеке импраатирийцийин итегелтей үйилечи хосбодин гинарал майор кабилар айдархани / губерни губернаатор Никито Апунас учи Бекетобту бичибэ* «Ее императорского величества деятелю господину генерал-майору кавалеру астраханской губернии губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову обращаюсь (букв. пишу) я».

Основное содержание письма дается на 18 строках. На 21 строке письма – печать и подпись наместника Калмыцкого ханства Убаши: *Танду инаги күсегчи Убаши* «Вам желающий быть другом Убаши». На 22 строке указана дата написания письма: *һал һахай жилийин мөрин сарайин 4 ду бичибэ* «написано в год огненной свиньи в месяц лошади 4 дня».

Это письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши, полученное Н.А. Бекетовым, астраханским губернатором, 1 мая 1761 года, имеет русский перевод. Письмо наместника Калмыцкого ханства Убаши действительно подтверждает то, что он был против того, чтобы нойон Замьянг стремился к оседлому образу жизни. Вот что он пишет Н.А. Бекетову: *Письмо ваше от 1 апреля / я получил, коим изволили писать/ об отмене переправкою улуса вла/дельца Замьяна на луговую сторо/ну для представляемых от вас/ резов, изъясненных к вам/ от него, Замьяна, что он вам/ словесно изъяснился. При строе/нии ему казенного дома в мино/вание с казенной стороны из/лишнего расхода в ношении к тому/ лесов и других материалов/ вспоможение намерен он/ употребить своих людей, а при/ том некоторым прикажет/ и плотничному мастерству обучаться, а паче де всего как оной/ улус будет находиться один/ коих от непорядочных посту/пков воздержать некому, на которое сим в ответ сообщ/аю как уже по прозьбе Зам/нга о построении ему казенного дома высочайшей гдрни повелено/ дано и что он безденежно к той/ домовой работе употребит/ хочет своих несколько кал/мыков с тем конечно казне/ хотя сделает хорошую помощь, однако ж как высочайшею /ее императорского / величества грамотою пре/поручено всего калмыцкого на/рода правительство мне/ и определенным во учрежденном / в силе указа зарге судьям/ для кочевья улусов места за благо/временно назначать, по/чему ему и было приказано пе/реходить на луговую сторону, и в силу того нашего определения/ ныне он переправится или / нет остается в его воли/ чтоб ему в том дозволить прилич/ности ненахожу, а ежели он/ Замьян кого из улусных своих/ калмыков находит к то/му заспособных то может/ он оставит бездомовых/ что же изволите наупоминать/ неспособность замьянговым/ улусом на луговой стороне без/ его замьянгова пребывания / на сие вам изъяснить имею/ что оные ево улусы когда он/ и далее нынешнего да и долго/ времянно в отлучки находился/ препоручены были зайсангам / которые добропорядочное пра/вление свое имели, почему и ныне / оные улусы им же преполучить можно/ при том: изволите же на/ поминать что велено ево/ Замьянга в особливом раз/суждении содержать, я не при/знаюсь чтоб ему Замья/нгу от меня прежде какая не/справедливость показана бы/ли да и впредь правом проти/вного ничего ему делать не/хочу хотя же и велено во особ/ливом разсуждении ево содер/жать только при всем том/ для дружества в противно/сть законов упущения сде/лать будет невозможно / вашего приятства сниска/тель Убаши, у письма печать. Переводил переводчик Андрей Воронин [НАРК. Ф.36. Оп.1. Д. 383. ЛЛ. 89, 89 об., 91].*

Источники

1. НАРК. Ф. 36. Оп.1. Д. 383. Л. 90.
2. НАРК. Ф. 36. Оп.1. Д. 383. Л. 89, 89 об., 91.

ОЙКОНИМЫ КАЛМЫЦКОГО РЕГИОНА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С.М. Трофимова

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются ойконимы калмыцкого региона, которые представлены основными пластами: калмыцкий, русский, тюркский, возникшие в результате длительного исторического взаимодействия этих трех этносов. Ойконимы представлены в составе таких тематических групп, как неживая природа, живая природа и человек и человеческая деятельность.

Ключевые слова: ойконимы, калмыцкий регион, калмыцкий пласт, русский пласт, тюркский пласт.

Ойконимия, как известно, обозначает совокупность наименований населенных пунктов той или иной территории и соответственно представляет большой научный интерес для исследования. Как пишет Е.М. Поспелов: «Географические названия относятся к числу важнейших памятников культуры. Созданные на разных языках, в разное время, они отражают всю многовековую историю человечества: природные условия его существования, материальную и духовную жизнь в их непрерывном развитии» [Поспелов 1998: 3]. Ойконимы населенных пунктов являются одним из важных признаков национального самосознания и фиксируют территорию того или иного этноса, проживающего в данный исторический момент или когда-то проживавших на ней.

В настоящее время по материалам переписи населения 2010 г. на территории Калмыкии проживает более 92 наций и народностей. Формирование ойконимии в Республике Калмыкия обусловлено прежде всего тесным общением калмыков с инациональными группами. Здесь можно выделить по крайней мере три основных пласта ойконимов: калмыцкий, русский и тюркский, поскольку данные пласты возникали в результате длительного исторического взаимодействия этих трех этносов на территории евразийского пространства.

Следует отметить, что калмыки свыше 400 лет назад после переселения в Поволжье из Джунгарского ханства, где они активно взаимодействовали с инациональными группами, вступили здесь в тесный контакт не только с русскими, но и с ногайцами, казаками, с тюрками Северного Кавказа, а также с крымскими татарами, с которыми имели тесные этнические, культурно-хозяйственные и языковые контакты. Все эти вопросы непосредственно касаются проблемы сложения пластов ойконимии калмыцкого региона и требуют к себе пристального внимания лингвистов. Этим и объясняется большая научная значимость и актуальность данной проблемы.

Как считают исследователи ономастики, в сложении пласта ономастикона калмыцкого региона можно выделить следующие периоды: «...ранний (до 1917 г.), отражающий естественно-природные особенности окружающей действительности, связанной в основном с кочевым образом жизни, названиями – ориентирами на огромном ономастическом пространстве Евразии; средний (до 1943 г.) – коренное обновление ономастики, в частности топонимики, отражающей идеи советской власти до депортации калмыков в Сибирь; современный (с 1957 по наше время) – реабилитация калмыцкого народа и восстановление в правах не только автономии республики, но и старых географических названий» [Монраев 2017: 4-5]. Это, в свою очередь, наложило своеобразный отпечаток на всю систему калмыцкого пласта ойконимов.

Учитывая особенности ойконимов калмыцкого региона, все ойконимы могут быть разделены на следующие тематические группы. Объединяя ойконимы, предполагается представить их в составе следующих тематических групп: а) неживая природа, б) живая природа, в) человек, человеческая деятельность [Рассадин 2018: 5], поскольку одной из способностей ойконимов является то, что они запечатлевают в себе с помощью языка месторасположения того или иного объекта относительно реальной действительности и все события, которые происходят в жизни данного общества.

Ойконимы первой группы отражают специфику и особенности географического ландшафта, дают характеристику рельефа определенной местности, водных объектов, разнообразие растительного мира. Таким образом, всё природное богатство небольшой степной территории калмыцкого региона, включая возвышенности, низменности, курганы, бугры, водоемы, родники, колодцы, находят свое отражение в калмыцком пласте ойконимов. К ойконимам данной группы относятся названия, образованные от гидронимов, связанных с вкусовыми качествами воды, например, *Амтя-Уста* (досл.: с вкусной водой), *Гаиун Булг* (досл.: горький родник), с цветообозначением, например, *Хар-Булак* (досл.: черный родник), *Цаган-Усн* (досл.: белая вода), *Алтн Булг* (досл.: золотой родник), *Бор Нур* (досл.: серое озеро), *Хар Усн* (досл.: черная вода), по месту расположения, например, *Теегин Нур* (досл.: озеро в степи). Среди водоемов *худук* «колодец» занимает особое место. Большая часть территории калмыцкого региона была богата *худуками*. Согласно данным В.М. Горяйнова и П.Ф. Данилевича их «... в республике насчитывается около 3000» [1964: 5], что в свою очередь было связано со спецификой номадного хозяйства калмыков. В.А. Никонов говорит о роли *худуков* у кочевников [1965: 114], об этом же пишет и В.Э. Очир-Горьяев [1983; 1988]. Названия *худуков*, как правило, связаны с его хозяином, например, *Манжсин худг* (досл.: колодец Манджи), *Очрин худг* (досл.: колодец Очира), *Ончкин худг* (досл.: колодец Ончки), *Лижсин худг* (досл.: колодец Лиджи), *Эрмялин худг* (досл.: колодец Эрмяли) и *Нарн Худук* (досл.: солнечный колодец) др.

Названия ойконимов, отражающие рельеф местности, например, *Ут Сала* (досл.: длинная балка), *Балковский* (поселение находится в балке), ландшафт, например, *Шорва* (досл.: солончак), ойконимы, образованные по названию растительного мира, например, *Бургуста* (досл.: вербный), *Кегульта* (досл.: терновниковый), *Утта* (досл.: ивовый), *Модта* (досл.: с деревьями) и др., ойконимы, обозначающие страны света, например, *Северный*, *Южный*, *Западный*, *Восточный* и др.

К **ойконимам второй группы** относятся те ойконимические единицы, которые обозначают живую природу, дают представление о животном мире, например, *Ялмта* (досл.: с тушканчиками), *Чонта* (досл.: с волками), пресмыкающиеся, например, *Могата* (досл.: со змеями), птиц, например, Воробьевка и др.

Ойконимы третьей группы несут информацию о человеке и его деятельности. Данная группа является одной из многочисленных, поскольку она составляет ойконимы антропонимического происхождения, например, *Городовиковск*, *Джалыково*, *Хомутниковский*, *Матросово*, *Кировский*, *Калинский*, *Уманцево*, *Бембишево*, *Кануково*, *Чапаевский*, *Чкаловский* и др., ойконимы-этнонимы, например, *Зюнгар*, *Джеджикины*, *Манджикины* и др., ойконимы, обозначающие части тела человека, например, *Чолун-Хамур* (досл.: каменный нос), *Хар Толга* (досл.: черная голова), *Эвдег* (досл.: изгибающийся “колени”), *Зунда Толга* (досл.: сто голов) и др.

На территории Калмыкии ойконимы по своему языковому происхождению принадлежат к следующим языковым группам: монголоязычные названия: а) калмыцкие; б) общемонгольские; славяноязычные названия: а) русские; б) украинские, мало отличные от русских; тюркоязычные названия.

Тюркоязычный пласт ойконимов на территории Калмыкии является одним из древнейших. Одним из древних тюркских народов, проживавших на современной территории, были ногайцы, которые жили здесь до прихода калмыков из Джунгарского ханства, более 400 лет назад, о чем говорилось выше. Тюркоязычными в Калмыкии являются ойконимы: *Кара-сол*, *Яикуль*, *Хар-Булак* и др. Существуют ойконимические параллели между тюркскими и калмыцкими языками, например, тюрк. *булак*, калм. *булг* «родник», тюрк. *кудаг*, калм. *худг* «колодец», тюрк. *котон*, калм. *хотн* «хлев, загон», тюрк. *аймак*, калм. *ээмг* «район, округ», тюрк. *салаа*, калм. *сал* «развилка», тюрк. *кара*, калм. *хар* «черный», тюрк. *сара*, калм. *шар* «желтый» и т.п.

Калмыцкий язык относится к группе северо-монгольских языков. Большинство калмыцких слов имеют общие корни с халха-монгольскими словами, поскольку калмыцкая ойконимия в своей основе имеет общемонгольский характер. Различие между калмыцким и халха-монгольским языками и соответственно ойконимами в фонетике и лексическом составе, например, х.-монг.

чулуу (чулуун), калм. чолун «камень», х.-монг. ногоон, калм. ноһан «трава», х.-монг. хөх, калм. көк «синий», х.-монг. адаг, калм. адг «устье реки» и т.п.

Формирование русских ойконимов на территории Калмыкии связано с социально-экономическими процессами, что обуславливает смешение русских и калмыцких ойконимов, так, например, происхождение русских географических названий различное: название ойконима зависит от ландшафта и рельефа местности – *Садовое, Виноградное, Степной, Балковский, Черноземельский, Прудовый* и др.; названия, перенесенные из русских мест, часто это связано с прежним местом жительства: *Ульяновское, Эсто-Хагинка, Немко-хагинка*; особую группу образуют ойконимы, посвященные выдающимся личностям: *Пушкинское, Калининский, Джальково, Березовский* и др.; ойконимы, выражающие эмоциональные чувства: *Обильное, Плодовитое, Сладкое, Передовой, Солнечный* и др.

Исходя из этого, можно сказать, что ойконимия несет важную информацию о культурно-исторических традициях, особенностях материальной культуры калмыцкого региона, отражает объективный мир, этнические отношения.

Список литературы

1. Горяйнов, В.М. Подземные воды Калмыкии / В.М. Горяйнов, П.Ф. Данилевич. Элиста, 1964.
2. Монраев, М.У. Топонимия Калмыкии / М.У. Монраев. Элиста: КалмГУ, 2017. – 150 с.
3. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. М., 1965. – 114 с.
4. Очир-Горяев, В.Э. Монгольские названия колодцев / В.Э. Очир-Горяев // Проблемы монгольской филологии. М., 1988.
5. Очир-Горяев, В.Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках / В.Э. Очир-Горяев // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.
6. Поспелов, Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М.: Русский словарь, 1998. – 372 с.
7. Рассадин, В.И., Трофимова, С.М. и др. Калмыцко-русско-казахский словарь общеупотребительной лексики. Элиста: Изд-во Калм. уни-та, 2018. – 136 с.

***

МИКРОТОПОНИМИКА В БЕЛАРУСИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. Шклярник

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, филиал «Институт языкознания им. Якуба Коласа» (Минск, Беларусь)

Аннотация. В статье характеризуется ситуация с диссертационными исследованиями по микротопонимике в Беларуси, перечисляются существующие библиографии по белорусской ономастике, отмечается отсутствие полного свода работ по теме. Кратко описывается созданная электронная библиография по белорусской микротопонимике, указываются критерии включения в нее публикаций, приводятся некоторые статистические данные.

Ключевые слова: микротопоним, Беларусь, диссертация, библиография, область, район.

В конце XX – начале XXI в., по мнению украинского ономаста С.А. Вербича, «заметно активизировались исследования, посвященные изучению славянской микротопонимии» [Вербич 2021: 352]. Комплексный обзор соответствующих работ действительно свидетельствует о большом объеме сделанного по теме. Обращает на себя внимание и количество диссертационных исследований: только на Украине с 2001 по 2020 г. было защищено десять кандидатских диссертаций по микротопонимике [Повідомлення УОК, вып. 3, 4, 5; Вербич 2021: 353, замеч.], еще над

пятью велась работа [Повідомлення УОК, вып. 1, 2]. Однако не во всех славянских странах названия мелких географических объектов исследуются сегодня настолько активно и массово. Исключением в этом плане является, например, Беларусь. По информации, полученной нами в декабре 2021 г. на филологических (языковедческих) кафедрах университетов Бреста, Витебска, Гомеля, Гродно, Могилева, Мозыря и Минска, никто из имевшихся на тот момент аспирантов и докторантов не работал над диссертационным исследованием по микротопонимике. Не велась работа над диссертациями, посвященными названиям мелких географических объектов, и в академическом Институте языкознания им. Якуба Коласа. Поэтому, анализируя сделанное в данном направлении белорусскими учеными, говорить приходится только о диссертационных исследованиях, подготовленных ранее.

Начало профессионального изучения названий мелких географических объектов в Беларуси связывается с именем отечественного лингвиста Е.М. Адамовича: первая кандидатская диссертация, один из разделов которой посвящен микротопонимам [Адамович 1966], и первая монография о таких лексических единицах [Адамович 1971] были подготовлены именно им. В целом же за почти 60 лет в Беларуси было защищено 14 кандидатских (работы Е.М. Адамовича, Т.Н. Олиферчик, Т.Н. Богоедовой, Н.А. Богомольниковой, В.М. Емельянович, А.А. Ивановой, И.Л. Копылова, Е.М. Катановой, О.И. Копача, В.П. Лемтюговой, О.В. Мицкевич, А.М. Прищепчик, Н.Р. Смаль, В.А. Шклярника) и одна докторская (работа А.Ф. Рогалева) диссертация, в которых микротопонимы выступают основным, одним из основных или дополнительным объектом исследования, изданы десятки монографий и словарей, опубликованы сотни статей и подборок названий мелких географических объектов. Вместе с тем авторы обзорных публикаций по теме обычно ограничиваются или перечислением фамилий исследователей и крупных собраний микротопонимов [Мезенка 2000; Лемцюгова 2004; Капылоў 2018], или указанием защищенных диссертаций [Мезенка 2014], не давая полной картины сделанного. Одной из причин этого можно считать отсутствие полного библиографического справочника по белорусской ономастике наподобие подготовленного в Польше (8 томов, охватывающих публикации с XVIII в. по 2015 г.) или на Украине (охватывает публикации со второй половины XIX в. по 2000 г.) [Укр. ономастика 2013]. Изданный в 2016 г. в Витебске библиографический указатель «Беларуская анамастыка (2000–2015 гг.)» [Мезенка 2016] является первой, но далеко не полной (по крайней мере, в случае с разделом «Літаратура па беларускай тапаніміцы») попыткой создания такого справочника в Беларуси, причем всего за 15-летний период.

Библиография по белорусской ономастике за другие годы, неизбежно дублируясь, представлена в следующих тематических публикациях: 1807–1960 гг. – «Беларуская анамастыка (Матэрыялы да бібліяграфіі)» М.Я. Грынבלата [Грынблат 1960]; 1812–1965 гг. – «Бібліяграфія ўсходнеславянскай анамастыкі» М. Кондратюка [Kondratiuk 1997]; 1825–1991 гг. – соответствующие разделы в четырех выпусках библиографического указателя «Беларускае мовазнаўства» [Беларус. мовазнаўства 1967: 317–326; Беларус. мовазнаўства 1980: 243–262; Беларус. мовазнаўства 1993: 351–380; Беларус. мовазнаўства 2004: 333–376]; 1918–1980 гг. – три выпуска библиографического указателя «Ономастика» [Ономастика 1976, 1978, 1984]; 1955–1991 гг. – указатели работ по белорусской ономастике в 8-м выпуске издания «Повідомлення Української ономастичної комісії» [Працы па беларус. анамастыцы 1970] и четырех выпусках сборника «Беларуская анамастыка» [Бірыла 1977, 1981, 1985, 1992].

Если сопоставить охваченные приведенными публикациями периоды, то окажется, что библиографического указателя работ по белорусской ономастике за 1992–1999 гг. вообще не существует. Отдельные публикации за этот период доступны в учебных пособиях и учебниках по ономастике, подготовленных преподавателями Витебского государственного университета им. П.М. Машерова [Мезенка 1997; Беларус. антрапанімія 2009: 221–246; Беларус. ономастика. Топонимия 2012: 193–251; Ономастика Беларусі. Антропонимия 2017: 315–383; Ономастика Беларусі. Топонимия 2018: 255–309]; в издании «Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі» [БСЭ 2002] и его расширенной электронной версии [Электронная Энцыклапедыя]; в базе данных

«Беларускае мовазнаўства» (локальны ресурс Цэнтральнай навуковай бібліятэкі ім. Якуба Коласа НАН Беларусі, ахоплвае работы, выдадзеныя з 1996 па 2010 г.); в бібліяграфічнай падборцы, касаючайся даследавання топанімічнага прастранства Брэстчыны [Леванцэвіч 2018], і др.

Апісаная сітуацыя, як было адзначана вышэй, услажняе ацэнку даследаванага ў вобласці беларускай ономастыкі ў цэлым і беларускай мікротопанімікі ў частасці. Сапраўды, ні прафесійныя даследчыкі, ні іншыя зацікаўленыя асобы не валодаюць поўнай інфармацыяй аб тым, колькі мікротопанімаў уведзена ў навуковы абарот і прааналізавана, у якіх раёнах краіны і ў якой ступені такой матэрыял сабраў. Прымаючы ўвагу на значнасць ацэнкі наработанага фанду назваў мелкіх географічных аб'ектаў, калектыв выканаўцаў навукова-даследчай работы «Мікратапанімічны лінгваландшафт Беларусі» (дагавор з БРФФІ № Г19-078 ад 02.05.2019, навуковы кіраўнік – В.А. Шкляр, тэрмін выканання – 2019–2021 гг.) пачаў сярод іншага стварэнне электроннай бібліяграфіі па беларускай мікротопаніміцы. Пасля завяршэння праекта работа па поўненні гэтай базы публікацый была працягнута. Для агульнага выкарыстання яна выстаўлена ў Інтэрнэце па адрасе <https://microtop.philology.by/>.

Па стане на сакавік 2022 г. створаная бібліяграфія налічыла 520 пазіцый. Хролагічны дыяпазон – 1959–2021 гг. На гэтым этапе ўлічваліся толькі тэ работы, якія апублікаваны на тэрыторыі Беларусі, змяшчаюць лакалізаваны матэрыял (г. е. абавязкова ўказана па крайняй меры раён(-ы)) і ўключаюць тры і больш назваў мелкіх географічных аб'ектаў. Публікацыі, прысвечаныя разгляду топанімаў з архіўных крыніц і помнікаў пісьменнасці (работы І.Л. Копылова, О.В. Міцкевіч і др.), у базу не ўносіліся. Акрамя таго, не ўлічваліся работы па гісторыі (напрыклад, [Поболь 1974]) і крыніцы фальклорна-этнографічнага характара (напрыклад, [Дучыц 2011]), якія часам таксама змяшчаюць мікротопанімы.

Электронны фармат бібліяграфіі дазваляе прадбачыць наступныя палі для ўнесенага сведзення: 1) агульная інфармацыя аб публікацыі (аўтар, назва і г. д.); 2) вобласць(-ы), адкуль прадставлены матэрыял; 3) раён(-ы), адкуль прадставлены матэрыял; 4) тып работы (кніга, артыкул і пр.); 5) каментарый.

Наяўнасць у створанай базе палей «Вобласць» і «Раён», па якіх можна ажыццяўляць выбарку публікацый, дазваляе ацаніць зробленае ў вызначаных раёнах і выявіць месціны, дзе назваў мелкіх географічных аб'ектаў сабраны ў недастатковай колькасці і/або не даследаваны. Згодна з праведзенымі падлікамі, у найбольшай ступені ў разглянутых публікацыях прадставлена мікротопанімія Брэстскай (25 %), Гомельскай і Могілеўскай вобласцей (па 23 %), у найменшай – Віцебскай (6 %). У дзясятку раёнаў Беларусі, мікротопанімія якіх прадставлена ў найбольшай колькасці публікацый, уваходзяць Столінскі (70), Жыткавіцкі (60), Пятрыкаўскі (47), Камянецкі, Мозырскі, Гродзенскі (па 45), Маларыцкі (43), Лунінецкі (41), Брэстскі (40) і Глускі (38). Раёнаў з менш за дзесяць работамі налічылася 42, што складае прыкладна трэцюю частку краіны і амаль не можа лічыцца дастатковым для рэпразентацыі нацыянальнага мікротопанімнага фанду. Атрыманыя лічбы і выстаўленыя ў Інтэрнэце электронныя бібліяграфіі, як здаецца, дапамогуць скаардынаваць далейшую работу па зборы і даследаванні назваў мелкіх географічных аб'ектаў Беларусі. Абавязковым прадстаўляецца таксама апублікаванне сабраннага матэрыяла (у мясцовай форме, з абазначэннем ударэння, указаннем аб'ектаў і лакалізацыяў) для яго ўвядзення ў навуковы абарот.

Спісак літаратуры

1. Адамовіч, Е.М. Топанімія і мікротопанімія Случчыны: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. нав. / Е.М. Адамовіч. – Мінск, 1966. – 20 с.
2. Адамовіч, Я.М. Мікратапанімічныя назвы / Я.М. Адамовіч. – Мінск: Выш. шк., 1971. – 112 с.
3. Беларуская мовазнаўства: бібліягр. паказальнік (1966–1975) / АН БССР, Фундам. б-ка; рэд. М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 352 с.

4. Беларуская мовазнаўства: бібліягр. паказальнік (1976–1985) / АН Беларусі, Цэнтр. нав. б-ка; нав. рэд. А.І. Падлужны. – Мінск: ЦНБ АН Беларусі, 1993. – 559 с.
5. Беларуская мовазнаўства: бібліягр. паказальнік (1986–1991) / НАН Беларусі, Цэнтр. нав. б-ка; Ін-т мовазнаўства; нав. рэд. В.П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 484 с.
6. Беларуская мовазнаўства: бібліягр. указальнік (1825–1965 гг.) / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; Фундам. б-ка; рэд. Л.М. Шакун. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 416 с.
7. Беларуская антрапанімія: вучэб. дапаможнік / Г.М. Мезенка (нав. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: ВДУ, 2009. – 254 с.
8. Беларускія слоўнікі і энцыклапедыі: бібліяграфія / Беларус. ін-т навукі і мастацтва; склад.: В. Кіпель, З. Саўка. – Нью-Ёрк; Менск: БНІМ, 2002. – XXXVIII, 568 с.
9. Беларуская ономастыка. Топанімія: вучэб. пазіцыя / А.М. Мезенка [і др.]; пад агул. рэд. А.М. Мезенка. – Мінск: Элайда, 2012. – 260 с.
10. Бірыла, М.В. Працы па беларускай аномастыцы (1955–1975). Бібліяграфічны ўказальнік / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская аномастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; рэд. М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – С. 181–196.
11. Бірыла, М.В. Працы па беларускай аномастыцы. Бібліяграфічны паказальнік (1986–1991) і дапаўненні да бібліяграфіі (1979–1985) / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская аномастыка: зб. арт. / АН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; Рэсп. тапанімічная камісія; рэд. В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – С. 164–172.
12. Бірыла, М.В. Працы па беларускай аномастыцы. Бібліяграфічны ўказальнік (1976–1978 гг. і дапаўненні да бібліяграфіі 1955–1975 гг.) / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская аномастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; рэд. В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – С. 196–210.
13. Бірыла, М.В. Працы па беларускай аномастыцы. Бібліяграфічны ўказальнік (1979–1985) і дапаўненні да бібліяграфіі (1972–1978) / М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова // Беларуская аномастыка: зб. арт. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства; рэд. М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – С. 145–149.
14. Вербіч, С.О. Рэц. на кн.: Valentová I. Lexika slovenský terénnych názvov (Konšercia lexiko-grafického spracovania). Bratislava: SAP, 2018. 220 s. / С.О. Вербіч // Студіі з ономастыкі та етымалогіі. 2019–2020. – Київ: [б. и.], 2021. – С. 352–360.
15. Грынблат, М.Я. Беларуская аномастыка (Матэрыялы да бібліяграфіі) / М.Я. Грынблат // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. – 1960. – Вып. VII. – С. 227–243.
16. Дучыц, Л.У. Сакральная геаграфія Беларусі / Л.У. Дучыц, І.Я. Клімковіч. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 384 с.
17. Капылоў, І.Л. Мікратапанімія беларускага Паазер'я як важная крыніца гісторыка-культурнага ландшафту рэгіёна / І.Л. Капылоў // Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы даследавання: сб. навуц. артыкулаў / М-во адукацыі Рэсп. Беларусь, Віцеб. гос. ун-т; Смол. гос. ун-т; Беларус. рэсп. фонд фундам. дасл.; Ономастычная камісія. Міжнарод. камітэта славістаў; сост.: А.М. Мезенка [і др.], пад навуц. рэд. А.М. Мезенка. – Віцебск: ВГУ, 2018. – С. 96–99.
18. Леванцэвіч, Л.В. Тапанімічная прастора Брэстчыны ў навуковых даследаваннях / Л.В. Леванцэвіч, Н.Р. Якубук // Учыныя запіскі УО «ВГУ імя П.М. Машэрава». – 2018. – Т. 25. – С. 129–136.
19. Лемцюгова, В.П. Беларуская аномастыка. Дасягненні і перспектывы / В.П. Лемцюгова // Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі: матэрыялы II Міжнарод. навуц. конф. «Славянская ономастыка ў арэальным, етымалогічным і хролагічным аспектах» (Гомель, 11–12 лістапада. 2004 г.) / Гомел. гос. ун-т; отв. рэд.: Р.М. Козлова. – Гомель: ГГУ, 2004. – С. 107–115.
20. Мезенка, Г.М. Беларуская аномастыка (2000–2015 гг.): бібліягр. паказальнік / Г.М. Мезенка. – Віцебск: ВДУ, 2016. – 172 с.
21. Мезенка, Г.М. Беларуская аномастыка: нав. дапам. для студэнтаў універсітэтаў / Г.М. Мезенка. – Мінск: Выш. шк., 1997. – 119 с.
22. Мезенка, Г.М. Беларуская аномастыка як аб'ект дысертацыйных даследаванняў пачатку XXI стагоддзя / Г.М. Мезенка // На хвалі мовы: да 90-годдзя з дня нараджэння акадэміка М.В. Бірылы: матэрыялы

- Міжнар. навук. канф. (Мінск, 10–11 верас. 2013 г.) / НАН Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовы і літ.; Беларус. дзярж. пед. ун-т; навук. рэд.: В.П. Русак, В.Д. Старычонак. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – С. 192–197.
23. Мезенка, Г.М. Сучасная беларуская анамастыка / Г.М. Мезенка // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2000. – № 1. – С. 131–140.
  24. Ономастика Беларусі. Антропонимия: учебник / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – 398 с.
  25. Ономастика Беларусі. Топонимия: учебник / А.М. Мезенко [и др.]; под ред. А.М. Мезенко. – Минск: РИВШ, 2018. – 320 с.
  26. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971–1975 гг. с приложением за 1918–1962 гг. / АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; сост.: Б.А. Малинская, М.Ц. Шабат, отв. ред.: Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. – М.: [б. и.], 1978. – 302 с.
  27. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1976–1980 гг. / АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; сост.: Б.А. Малинская, М.Ц. Шабат, отв. ред.: Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. – М.: ИНИОН, 1984. – 266 с.
  28. Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год / АН СССР, Ин-т науч. информации по обществ. наукам; сост.: Б.А. Малинская [и др.], отв. ред. Н.В. Подольская. – М.: [б. и.], 1976. – 206 с.
  29. Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) / Л.Д. Поболь. – Минск: Наука и техника, 1974. – 424 с.
  30. Повідомлення Української ономастичної комісії. Нова серія. – Київ, Луцьк, 2012–2020. – Вып. 1–5.
  31. Працы па беларускай анамастыцы (1955–1968 гг.) (бібліяграфічны ўказальнік) // Повідомлення Української ономастичної комісії. – 1970. – Вип. 8. – С. 39–48.
  32. Українська ономастика: бібліогр. покажчик / НАН України, Ін-т укр. мови; уклад.: С.О. Вербич [та ін.]. – Київ: ТОВ «КММ», 2013. – 364 с.
  33. Электронная Энциклопедия. Библиография [электронный ресурс] // URL: <http://slounik.org/biblio> (дата обращения: 01.04.2022).
  34. Kondratiuk, M. Bibliografia onomastyki wschodniosłowiańskiej do roku 1965 włącznie / M. Kondratiuk. – Białystok: Wyd-wo Filii Uniw. Warszawskiego, 1997. – 295 s.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ УРБАНОНИМИКИ И ГОРОДСКОГО ОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

***

АРТИЭРГОНИМЫ МУЗЕЕВ Г. ЯРОСЛАВЛЯ

М.А. Афанасьева

Средняя школа № 80 с углубленным изучением английского языка (Ярославль, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена анализу одному из разновидностей эргонимов — артиэргонимам. В работе рассматриваются особенности наименования современных ярославских музеев. Автор определяет общие закономерности образования таких названий, описывает признаки, лежащие в основе номинации.*

Ключевые слова: *ономастика; эргоним; артиэргоним; музеи Ярославля; номинация.*

Современное городское ономастическое пространство вызывает большой интерес у ономастологов. Собственные наименования различных организаций, разного рода предприятий

и учреждений составляют значительную группу городских объектов. За последние десятилетия произошли серьезные изменения в политической и экономической сферах жизни общества. Подобные перемены привели к развитию туристического бизнеса. Стали появляться новые предприятия, организации и учреждения, возникла потребность в присвоении им названий.

В ономастике собственное имя предприятия, учреждения или организации принято обозначать термином *эргоним*. В «Словаре русской ономастической терминологии» дается следующее определение *эргонима*: «Разряд онима. Собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 183].

Сравнительно недавно в ономастике появился новый термин — *артиэргоним* — «собственное имя организации, осуществляющей деятельность в области искусства (живописи, графики, музыки, кино и так далее), в том числе название музея, галереи, выставочного зала, театра, кинотеатра и других» [Разумов 2012: 49].

Первые работы, посвященные исследованию данного подраздела эргонимов, появились во 2-й половине XX века. В 1969 г. С.А. Копорский проанализировал особенности номинации кинотеатров [Копорский 1969: 24–30], в 1973 г. в журнале «Русская речь» была опубликована статья М.Н. Морозовой «Названия культурно-бытовых учреждений» [Морозова 1973: 54–59].

Спустя почти сорок лет учёные возвращаются к изучению артиэргонимов. В 2000-е гг. к анализу данной группы онимов обратился Р.В. Разумов [Разумов 2010: 147–153], проследивший эволюцию названий кинотеатров. Также эргонимы в сфере искусства рассматривали Р.М. Амирова [Амирова, 2011] и Л.В. Бармина [Бармина 2012: 33–45]. Других работ, исследующих артиэргонимы, в российской ономастике на сегодняшний день нет.

В связи с ростом числа музеев и появлением разнообразных форм музейных учреждений, возникла необходимость в их систематизации. Однако всеобъемлющей классификации не создано до сих пор, так как «она невозможна из-за постоянно меняющихся условий деятельности музеев» [Мягтина 2011: 9].

В современном музееведении выделяется несколько классификаций. При анализе артиэргонимов учреждений г. Ярославля мы ориентировались на типологию музеев по их профилю, так как она является универсальной и представляет больший интерес для исследования.

По своему статусу музеи г. Ярославля делятся на следующие большие группы, почти каждая из которых имеет подгруппы: 1. Исторические: *общеевропейские (2); военно-исторические (2)*; 2. Художественные: *изобразительных искусств широкого профиля (2); художественные монографические (1); выставочные залы (я выделила) (1)*; 3. Искусствоведческие: *театрального искусства (1); фотоискусства (1); мемориальные (2)*; 4. Естественно-научные (2). 5. Комплексные (1)

Среди артиэргонимов первой группы мы отметили 4 музея, названия которых так или иначе связаны с историей. К общеисторическим относятся *Музей истории г. Ярославля, Музей ратной истории*, а к военно-историческим — *Музей боевой славы, Военно-исторический музей*.

Вторая группа названий включает в себя три подгруппы. К музеям изобразительных искусств относятся *Ярославский художественный музей* и *Музей современного искусства*, в которых помимо картин можно увидеть произведения скульптуры, графики и т.п. В качестве художественного монографического музея мы отметили *Российский музей эмальерного искусства*. Также в Ярославле есть выставочные залы. В этой категории мы выделили один объект — *Ярославский Союз художников*.

Среди группы искусствоведческих музеев, несомненно, стоит упомянуть *Музей театра им. Ф.Г. Волкова* — первого русского профессионального театра. К музеям фотоискусства относится *Музей фотографии*. Данную подгруппу еще можно обозначить как «искусствоведческие монографические». В качестве мемориальных музеев мы выделили *Мемориальный дом-музей Л.В. Собинова* и *Мемориальный дом-музей Максима Богдановича*. Оба деятеля искусства имеют

непосредственное отношение к Ярославлю. Л.В. Собинов родился здесь, его именем названо музыкальное училище. М.А. Богданович – белорусский поэт – жил в одном из домов 2 года и подготовил к изданию единственный прижизненный сборник стихов, который принес поэту славу.

Ярославль может считаться не только историческим и культурным, но еще и научным центром, поэтому в типологии музеев мы также выделили группу по естественно-научному профилю. Среди учреждений данной категории мы отметили два наиболее популярных: *Музей занимательных наук Эйнштейна* и *Культурно-просветительский центр имени В.В. Терешковой*.

К комплексным музеям относится *Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник* — самое старинное учреждение, входящее в список обязательных к посещению мест.

В отдельную группу можно вынести интерактивные музеи, с каждым годом набирающие популярность. На наш взгляд, они создаются с целью привлечения туристов, а также для разнообразия культурного отдыха самих ярославцев. В эту группу входят следующие музеи: *Музей «Музыка и время»*, *Музей-театр «Алёшино Подворье»*, *Интерактивный музей здоровья*, *Шоу-макет Золотое кольцо*, *Кутюр-шоу Медвежий Угол*.

Музей «Музыка и время» – первый частный музей, был открыт в ноябре 1993 года фокусником и коллекционером Джоном Мостославским. По артиэргониму можно подумать, что на экскурсии расскажут об истории музыки, но это не так. Музей знакомит с историей часов и музыкальных инструментов, а сотрудник на время становится актёром. Здесь также можно устроить фотосессии и потрогать экспонаты руками, что определённо нравится посетителям.

Музей «Алёшино Подворье» содержит в названии ключевой фрагмент – *театр*, тем самым намекая посетителям на особый формат экскурсии. Кроме этого, гости заранее понимают и тематику представления — фольклор, героем которого является богатырь Алёша Попович.

Интерактивный музей здоровья также несёт всю необходимую информацию в своём названии. Данное учреждение пользуется успехом как среди детей, так и среди взрослых. Тема здоровья в общем и здорового образа жизни в частности является актуальной в наши дни, а музей даёт возможность прикоснуться (в прямом и переносном смысле) к этой проблеме и улучшить свои знания в доступной форме.

В 2019 году в Ярославле открылся интерактивный музей, содержащий в своём названии уже новый элемент – *шоу*. В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» даётся следующее определение: «шоу — ‘Яркое сценическое представление <...>, рассчитанное на массового зрителя и насыщенное разного рода зрелищными эффектами’» [Ефремова 2005]. *Шоу-макет Золотое кольцо* был создан по заказу бизнесменов из Ярославля и представляет собой художественные образы городов, входящих в Золотое кольцо России. Ярославцы с удовольствием посещают этот музей, так как в нём предоставляется возможность самостоятельно запустить механизм, всего лишь нажав кнопку.

В Ярославле есть музеи, посвященные предметам, профессиям, историческим личностям, но лишь в 2020 году в дату 1010-летия города появляется *Кутюр-шоу «Медвежий угол»*, главным героем которого становится символ Ярославля – медведь. За 10 лет (статуя медведя была установлена в предыдущий юбилей города) у жителей сложилась традиция наряжать символ на тему государственных праздников и других памятных дат. В музее представлена коллекция одежды мини-копий памятника бронзовому медведю. Также в заведении можно сфотографироваться, продегустировать мёд и даже записать песню.

Проанализировав артиэргонимы музеев г. Ярославля, мы пришли к выводу, что данный тип учреждений представляет для анализа большой интерес, так как с развитием бизнеса меняется и цель создания подобных заведений. Частные музеи постепенно вытесняют государственные, появляются новые формы организации культурного досуга населения. Развитие группы названий музеев будет продолжаться, поэтому, несомненно, нужно продолжать дальнейшие исследования.

Список литературы

1. Амирова, Р.М. Татарская эргонимия города Казани: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.М. Амирова. Казань, 2011. – 23 с.
2. Афиша: сайт. 1999. URL: <https://www.afisha.ru/yaroslavl/> (дата обращения: 17.03.2022)
3. Бармина, Л.В. Название театра: номинативный и стилистический аспект / Л.В. Бармина // Вестник МГЛУ. 2012. № 22. – С. 33–45
4. Должен увидеть: сайт. 2022. URL: <https://must-see.top/> (дата обращения: 19.03.2022)
5. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф. Ефремова. 2-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2005. – 636 с.
6. Копорский, С.А. О лексико-семантических особенностях наименований (названий кинотеатров) / С.А. Копорский // Мысли о современном русском языке / под ред. В.В. Виноградова. М.: Просвещение, 1969. – С. 24–30.
7. Культура.РФ: сайт. 2013. URL: <https://www.culture.ru/> (дата обращения: 17.03.2022)
8. Морозова, М.Н. Названия культурно-бытовых учреждений / М.Н. Морозова // Русская речь. 1973. № 6. – С. 54–59.
9. Мягтина, Н.В. Профильные группы музеев : учеб. пособие для студентов / Н.В. Мягтина. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011. – 212 с.
10. Негосударственные музеи Ярославской области: информационный справочник / сост. Н.А. Заболотская, Л.Я. Смирнова. 2-е изд., доп. Ярославль, 2012. – 157 с.
11. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
12. Портал органов государственной власти Ярославской области: сайт. 2010. URL: <https://www.yarregion.ru/> (дата обращения: 21.03.2022)
13. Разумов, Р.В. К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии / Р.В. Разумов // Ономастика Поволжья: матер. XIII междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 46–51.
14. Разумов, Р.В. Названия кинотеатров в современном русском языке / Р.В. Разумов // Слово, созвучное времени: сб. статей памяти С.А. Копорского. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2010. – С.147–153.
15. Tripadvisor: сайт. 2022. URL: <https://www.tripadvisor.ru/> (дата обращения 19.03.2022).

***

ОСОБЕННОСТИ УРБАНОНИМИИ МАЛОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е.А. Казнина

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)

Аннотация. В статье анализируются наименования линейных и точечных объектов, которые существуют в топонимическом пространстве городов Ярославской области. Искусственная номинация преобладает при присвоении названий улицам, площадям и т.д., что говорит о наличии разных мотивов для появления наименований. На основе выявленных сходств и различий были определены основные особенности урбанонимикона городов области.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, годоним, агороним, ойконим, ономастическая система, искусственная номинация.

При описании урбанонимии города необходимо учитывать различные факторы, которые влияют на её формирование и дальнейшее развитие. Естественная и искусственная номинации имеют свои примеры в ономастических системах городов. На данном этапе процесс искусственной номинации выходит на первый план, проявляется это в целенаправленном и рациональном производстве новых языковых единиц [Голомидова 1991, Шакирова 2012]. Урбанонимы «содержат сведения о народах, их взаимосвязях, историко-культурной специфике развития, общественных запросах,

языковой картине мира и исторических перипетиях» [Бекасова 2016: 22]. Такого же мнения придерживается Г. С. Суюнова: «Номинации внутригородских объектов отражают социокультурные процессы, происходящие в городе на протяжении его истории» [Суюнова 2016]. В отличие от других имён собственных, топонимы отражают коллективное сознание людей, проживающих на определённой территории, что не может не сказаться на схожести тенденций к формированию и развитию топонимического пространства города [Бекасова 2016: 22].

А. С. Щербак говорит о «топонимическом пространстве», формирующемся из тех имён собственных, которые «употребляются жителями того или иного региона в тот или иной период» [Щербак 2013: 243]. Поэтому рассмотрение урбанонимов городов Ярославской области поможет выделить особенности, характерные для этого «топонимического пространства».

Элементы, составляющие «топонимическое пространство», становятся знаками, которые «несут в себе некие сообщения» и объединяются «друг с другом на семантическом уровне благодаря принадлежности к городскому пространству» [Питина 2017: 84].

Для анализа ономастических систем городов Ярославской области мы обратились к схеме, которая была предложена Ю.А. Качалковой [Качалкова 2013]. Ономатолог исследует все топонимы современного Екатеринбурга, а так как это крупный город, то удаётся выделить различные принципы номинации. Изучение ономастических систем провинциальных городов даёт возможность увидеть в организации городского пространства традиционные принципы номинации, однако некоторые способы номинации требуют внимательного рассмотрения. Так, ономастиконы городов Ярославской области включают большое количество онимов, которые имеют свои особенности. В ходе исследования были рассмотрены топонимические пространства Гаврилов-Яма (далее – Гав-Ям), Данилова (Дан), Любима (Люб), Мышкина (Мыш), Переславля-Залесского (Пер-Зал), Пошехонья (Пош), Ростова (Рост), Тутаева (Тут) и Углича (Угл). Не обращались к Ярославлю и Рыбинску, так как города имеют большое количество урбанонимов, поэтому ономастические системы этих городов будут иметь свои особенности, отличные от небольших городов.

Мемориальные названия составляют первую группу, которая является самой многочисленной. Большинство названий этой группы появилось после 1920-х гг. Исключениями становятся названия в честь городов России (ул. Вологодская (Дан, Люб), ш. Московское (Рост) и др.) и Ярославской области (ул. Рыбинская (Гав-Ям, Пош), ул. Даниловская (Люб, Пер-Зал, Пош) и др.), а также гидрообъектов, находящихся в населённых пунктах (ул. Которосльская (Гав-Ям), пер. Волжский (Мыш) и др.). Помимо того, что онимы являются посвящениями, они же призваны указать и на направление по отношению к другому топообъекту. Топоним *Ярославль* встречается в онимических системах всех городов с некоторыми модификациями (ул. Ярославская, пер. Ярославский, ш. Ярославское и др.). Только в Любиме есть улица, которая образована от названия города – ул. Любимская. Еще одна особенность ономастической системы заключается в том, что встречается всего одно название в честь региона – ул. Донская (Тут).

Наименования-посвящения конкретным лицам разнообразны. Отантропонимные урбанонимы встречаются во всех городах. Посвящения деятелям революционного движения, партийным и государственным лидерам наблюдаются в топонимическом пространстве городов: ул. Ленина (Гав-Ям, Дан, Люб, Мыш, Тут, Угл), ул. Володарского (Гав-Ям, Дан, Люб, Пер-Зал, Пош, Рост), ул. Кирова (Гав-Ям, Дан, Рост, Тут, Угл), ул. Урицкого (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Рост, Угл), ул. Луначарского (Гав-Ям, Люб, Тут, Угл) и др. Таким образом, названия-посвящения указывают на исторические фигуры. И так как революция была основана на определенных идеях, в названиях улиц были увековечены имена известных представителей международного революционного движения: ул. К. Маркса (Гав-Ям, Люб, Рост), ул. К. Любкнехта (Гав-Ям, Люб, Мыш, Рост), ул. Р. Люксембург (Гав-Ям, Люб, Тут), ул. Бебеля (Гав-Ям, Рост) и др.

Посвящения деятелям культуры также есть на карте области. Названия часто повторяются, это объясняется тем, что некоторые писатели, поэты и литературные критики внесли большой вклад в культурное развитие страны. Фамилия *Гоголя* включена в названия линейных

внутригородских объектов в пяти городах (Гав-Ям, Пер-Зал, Пош, Рост, Угл), ещё в пяти городах встречаются ул. Некрасова (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Рост, Угл), ул. Островского (Гав-Ям, Дан, Рост, Угл), ул. Пушкина (Гав-Ям, Пер-Зал, Угл), ул. Лермонтова (Гав-Ям, Рост, Угл). Реже в названиях можно встретить фамилии других деятелей культуры: ул. Герцена, ул. Белинского, ул. Достоевского, ул. Добролюбова, ул. Радищева, ул. Тургенева и др.

Среди советских поэтов самым популярным оказывается В. Маяковский, на карте городов встречается пять ул. Маяковского (Гав-Ям, Пер-Зал, Пош, Рост, Угл), а среди прозаиков – М. Горький, чьё имя находит отражение в годонимии Гаврилов-Яма, Мышкина и Пошехонья.

Имена зарубежных деятелей культуры отсутствуют в урбанонимии маленьких городов Ярославской области, полагаем, что их фигуры не имеют значения для культурной жизни этих населённых пунктов.

Одним из важных аспектов жизни человека является наука, поэтому имена выдающихся людей также включаются в ономастические системы городов: ул. Ломоносова (Гав-Ям, Дан, Рост), ул. Менделеева (Дан), пер. Менделеева и пл. Менделеева (Пер-Зал), ул. Мичурина (Гав-Ям, Рост), ул. Пирогова (Гав-Ям), ул. Павлова (Гав-Ям, Угл) и др. Однако отметим, что подгруппа немногочисленная.

Посвящения покорителям воздушного пространства есть в нескольких городах области: ул. Чакалова (Гав-Ям, Пош, Угл), ул. Осипенко (Пош, Тут), ул. Семенишина (Пош), ул. Гагарина (Гав-Ям, Мыш, Пер-Зал, Пош), ул. Комаров (Гав-Ям). Меморативы появляются обычно в честь уже умерших людей, однако в двух городах есть ул. Терешковой, ныне живущей уроженки Ярославской области.

Великая Отечественная война изменила жизнь горожан, именно поэтому для жителей городов важны имена героев, участников военных действий. В основном это посвящения в честь жителей Ярославской области: ул. Толбухина (Гав-Ям, Тут), ул. Панишина (Гав-Ям), ул. Разведчика Петрова (Пер-Зал), ул. Романенко (Угл) и др.

Помимо посвящений местам и людям, есть посвящения социальным группам и институтам: посвящения различным профессиям (ул. Машиностроителей (Гав-Ям), ул. Механизаторов (Гав-Ям, Угл), ул. Мелиораторов (Дан, Мыш), ул. Строителей (Гав-Ям, Люб, Мыш, Пер-Зал, Пош, Тут) и др.; посвящения социальным институтам и организациям (ул. Депутатская (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Рост), ул. Комсомольская (Гав-Ям, Дан, Люб, Мыш, Пер-Зал, Пош, Рост, Тут, Угл), ул. Советская (Гав-Ям, Дан, Люб, Мыш, Пер-Зал, Пош, Рост, Тут) и др.

Посвящения социально-возрастным группам представлены несколькими наименованиями: ул. Молодежная (есть во всех городах, кроме Тутаева), ул. Пионерская (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Рост), пер. Пионерский (Пер-Зал, Угл), проезд Пионерский (Рост), ул. Школьная (Люб, Мыш), пер. Школьный (Пер-Зал), ул. Юности (Тут) и ул. Студенческий городок (Угл). Улицы могут быть посвящены различным областям человеческой деятельности: ул. Спортивная (Гав-Ям, Дан, Рост, Угл), ул. Трудовая (Гав-Ям, Пер-Зал), ул. Текстильная (Гав-Ям), ул. Кооперативная (Люб, Пер-Зал). Примечательно, что есть посвящения областям человеческой жизни, которые на данный момент устарели: ул. Ямская, пер. Мельничная.

Названия в честь памятных дат и вех отечественной истории также есть на карте городов, почти все они связаны с революционной деятельностью и деятельностью советской власти: ул. Октябрьская (Гав-Ям, Люб, Пер-Зал, Пош, Рост, Угл), ул. Первомайская (Гав-Ям, Дан, Люб, Пер-Зал, Пош, Рост, Угл), ул. Февральская (Гав-Ям, Рост, Угл), ул. Юбилейная (Дан, Люб, Рост, Тут) и др. Великая Отечественная война оставила серьёзный след в истории страны, поэтому на карте городов появляются посвящения в честь победы в войне: ул. Победы (Гав-Ям, Пер-Зал, Угл), ул. 9 Мая (Рост), проспект 50-летия Победы (Пош), пл. 60-летия Победы (Мыш). Отличаются от общего количества наименований ул. 8 Марта (Гав-Ям, Рост) в честь Международного женского дня, ул. 12 Июня (Гав-Ям) в честь Дня России, а также ул. 12 Декабря (Угл) в честь Дня Конституции Российской Федерации.

Данная группа наименований отличается разнообразием имён собственных, входящих в неё, однако имеет общее – стремление увековечить важные исторические фигуры, деятельность людей, памятные даты и т.д.

Вторая группа урбанонимов – собственно дескриптивные названия – представлена набором имён собственных, которые повторяются во многих городах.

Улицы получали свои наименования относительно смежного антропогенного топообъекта. Самые типичные годонимы и агоронимы: ул. *Железнодорожная* (Гав-Ям, Дан, Люб, Пер-Зал, Рост, Тут, Угл), ул. *Садовая* (Гав-Ям, Дан, Люб, Пер-Зал, Пош, Рост, Тут), ул. *Заводская* (Дан, Люб, Пер-Зал, Пош, Угл), ул. *Вокзальная* (Гав-Ям, Пер-Зал, Рост, Угл), ул. *Загородная* (Дан, Мыш, Пош, Рост, Угл) и ул. *Парковая* (Дан, Пер-Зал, Тут, Угл). Однако наблюдаем урбанонимы, которые представлены в единственном варианте: пер. *Усадебный*, ул. *Карьерная*, проезд *Базарный*, ул. *Дачная*, ул. *Деповская* и др.

К этой подгруппе относятся названия в честь религиозных объектов: пер. *Федоровский* (по наименованию монастыря, Пер-Зал), ш. *Варницкое* (Троице-Сергиев Варницкий монастырь, Рост), ул. *Казанская* (Казанско-Преображенская церковь) и др. В Угличе обнаруживаем пл. *Успенскую*, названную по собору, который был уничтожен. Здесь можно отнести это название и к посвящениям, так как увековечивается память о религиозном объекте.

Урбанонимы, появившиеся относительно смежного природного объекта, также имеют типичные названия. Самыми частотными являются названия: ул. *Полевая*, ул. *Лесная*, ул. *Речная*, ул. *Заречная*, ул. *Луговая*, ул. *Набережная*. Наименования из подгруппы *стороны света* обнаруживаем в пяти городах области (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Рост, Угл). Все стороны света представлены в названиях Гаврилов-Яма и Переславля-Залесского. Описанию функции объекта отводится небольшое место в пространстве городов, в нескольких из которых представлено только одно наименование: пер. *Дорожный* (Гав-Ям, Мыш) и ул. *Дорожная* (Пош). В Данилове и Переславле-Залесском есть пер. *Дорожный* и ул. *Дорожная*.

Описание качеств и свойств объекта происходит через форму объекта (пер. *Кривоколенный* (Пер-Зал), пер. *Косой* (Тут)), особенности рельефа (ул. *Овражная* (Гав-Ям, Пер-Зал), ул. *Камневая* (Угл)), тип почвы (ул. *Песочная* (Угл)). Также сюда отнесены урбанонимы, указывающие на особенности застройки и местоположения в жилом массиве: ул. *Окружная* (Мыш, Рост), пер. *Дальний* (Пер-Зал), ул. *Ближняя* (Тут), ул. *Средняя* (Тут), ул. *Кольцевая* (Угл)). Ономастическое пространство городов Ярославской области составляют линейные объекты, которые сообщают об очередности застройки, чаще всего такие улицы маленькие, вероятно, поэтому им присваиваются повторяющиеся названия. Особенно характерны подобные названия для Переславля-Залесского (ул. *Новая*, ул. *1-я Ямская*, *1-й Вельковский проезд* и др.), Ростова (ул. *1-я Железнодорожная*, пер. *2-й Ярославский*, ул. *4-я Полевая* и др.) и Углича (ул. *1-я Высоковольтная*, *Новый проезд*, пер. *2-й Пролетарский* и др.). Для других населённых пунктов это непродуктивный способ номинации, в них представлено от одного до четырёх наименований.

Большое количество собственно дескриптивных названий является примером естественной номинации, так как характеризуют линейный объект.

Третья группа – условно-символических названий – разнородна по своему составу. Идеологемы советской эпохи появлялись на карте города для того, чтобы укрепить существовавший политический режим. Ул. *Пролетарская* есть в семи из девяти исследованных городов: Гаврилов-Яме, Любиме, Переславле-Залесском, Пошехонье, Ростове, Тутаеве и Угличе. Идеи, которые были ключевыми, также отражаются в ономастических системах городов: ул. *Свободы* (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Пош, Угл), пер. *Свободы* (Угл), пл. *Свободы* (Пош); ул. *Мира* (Гав-Ям, Дан, Мыш, Пер-Зал, Рост), ул. *Гражданская* (Дан, Люб, Угл), ул. *Рабочая* (Дан, Рост). Труд – важная составляющая жизни человека, поэтому на карте городов представлены ул. *Труда* (Рост) и ул. *Трудовая* (Гав-Ям, Пер-Зал). Несмотря на то что эта эпоха ушла, годонимы-идеологемы продолжают существовать в ономастическом пространстве городов. Тот факт, что они повторяются в нескольких городах, указывает на то, что они были важны, так как формировали отношение к политическому режиму.

На данном этапе становятся популярными названия, которые имеют положительную семантику: ул. *Зеленая* (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Тут), пер. *Зеленый* (Пош), ул. *Дружбы* (Рост)

и пер. *Дружбы* (Мыш), ул. *Надежды* (Тут), ул. *Солнечная* (Мыш, Пош, Тут). Образы растительного мира включаются в ономастические системы городов: ул. *Сосновая* (Гав-Ям, Дан, Пер-Зал, Рост, Угл), ул. *Березовая* (Люб, Пер-Зал), пер. *Рябиновый* (Пер-Зал), ул. *Липовая* (Тут), пер. *Цветочный* (Пош) и др. Они также несут в себе положительную коннотацию и сообщают о растениях, которые растут рядом с линейным объектом.

Единичные названия представляют другие подгруппы, образованные от периодов времени: времен года (ул. *Весенняя* (Пер-Зал, Тут)) и месяцев (пер. *Майский* (Пер-Зал), ул. *Апрельская* (Тут) и др.). В Переславле-Залесском обнаруживаем наименования, образованные от названий минералов (ул. *Селитровская*), материалов (ул. *Кирпичная*) и связанные со сферой быта (ул. *Новый быт*).

Исследуемый материал показывает, что группа условно-символических наименований городских объектов представлена в основном идеологемами Советской эпохи, однако, на наш взгляд, ономастические системы могут расширяться, благодаря урбанонимам с положительной семантикой, которые привлекают внимание горожан.

Таким образом, нахождение сходств и различий в составе названий городов дало возможность определить особенности ономастических систем городов Ярославской области. Описаны лишь основные характеристики топонимического пространства, которое требует более детального изучения и анализа.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. К проблеме универсалий урбанонимов провинциальных городов / Е. Н. Бекасова // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2016. №13. – С. 22–30.
2. Голомидова, Н. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации / Н. В. Голомидова // Номинация в ономастике. 1991. С. 5–11.
3. Качалкова, Ю. А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) / Ю. А. Качалкова // Вопросы ономастики. 2013. – С. 88–104.
4. Питина, С. А. Урбанонимы как маркеры городского пространства / С. А. Питина, Г. В. Урванцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. – С. 84–86.
5. Разумов, Р. В. Ономастическая ситуация в дореволюционных системах урбанонимов провинциальных городов Ярославской области / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. 2019. – С. 97–103.
6. Суюнова Г. С. О критериях классификации урбанонимов Павлодаре / Г. С. Суюнова // Научный результат: сетевой журнал. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. – С. 58–64.
7. Шакирова, Т. В. Определение понятий естественное и искусственное в качестве сопутствующих характеристик процесса номинации / Т. В. Шакирова // Молодой ученый. 2012. № 6. – С. 289–291.
8. Щербак, А. С. Концептуальных мир топонимического пространства Тамбовского края (на материале Женевского района) / А. С. Щербак // Вестник Тамбовской университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 9. – С. 243–248.

***

НАЗВАНИЯ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ В ИСТОРИИ

В.С. Картавенко

Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

Аннотация. В статье представлены названия некоторых городских объектов Смоленска, выявлена мотивация наименований, раскрыта история возникновения названий. Внутригородские названия, или урбанонимы, представляют собою урбанонимическое пространство, в котором с течением времени происходят постоянные изменения, нередко случаются переименования, связанные с теми или иными историческими событиями.

Ключевые слова: топоним; урбаноним; урбанонимия; история языка; годоним; агороним; хороним городской; экклезионим.

Среди обширного топонимического пространства в последние десятилетия стало выделяться и активно изучаться урбанонимическое пространство, т.е. совокупность урбанонимов. Урбаноним – «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в т. ч. агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская 1988: 139]. Следовательно, урбанонимами являются такие, например, названия: ул. Зеленый ручей, площадь Молоховская, Свирская церковь, Покровская гора, Королевский бастион, Соборный холм, Никольские ворота и т.д.

Одним из древнейших памятников Смоленска являлся *Мономахов собор*, получивший свое название по имени Владимира Мономаха, который заложил его в 1101 году. Согласно Ипатьевской летописи, «в се же лето Владимир заложил церковь в Смоленске, святое Богородице камянуепискупью». Холм, на котором находился Мономахов собор, стали называть также *Мономаховым холмом*.

Достраивал собор смоленский князь Ростислав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, и только в 1150 году собор был освящен. Простоял собор до 1611 года, когда после 20-месячной осады города полякам удалось захватить Смоленск и взорвать собор. По другой версии, собор взорвали защитники города и сами погибли вместе с ним: «И то зелье зажгоша и людей всех побивша кои в той церкви быша». В разрушенном соборе поляки хотели устроить костел, но не смогли. Отстроить собор не удалось, так сильно он был разрушен.

Строительство нового *Свято-Успенского собора* (Собора Успения Пресвятой Богородицы) длилось почти сто лет, с 1676 года по 1772 год. С тех пор Успенский собор Смоленска – один из красивейших архитектурных ансамблей города, его украшение и памятник героической истории. А холм стал называться *Соборным холмом*.

Среди известных 29 домонгольских храмов на территории России в Смоленске сохранилось три храма.

Одной из самых ранних считают *церковь Петра и Павла*, она была построена в 1146 году при Ростиславе Мстиславиче. Часто к официальному названию церкви добавляют «на Городянке». Это значит, что церковь была построена на берегу небольшой речки *Городянки*, позже спрятанной в трубу, так как рядом была проложена железная дорога.

В 1173–1176 гг. была построена церковь Иоанна Богослова. Смоленским князем в это время был Роман Ростиславич – сын Ростислава Мстиславича. Церковь имеет и народное, неофициальное название – «на *вражках*», то есть «на *овражках*». Это экклезионим объясняется тем, что местность, где располагается церковь, вся изрыта оврагами, ручьями.

От первоначальной постройки мало что сохранилось. Церковь перестраивали в XVIII веке, часть окон была замурована, церковь сильно пострадала в Великую Отечественную войну. Но сохранились стены, которые были возведены более восьми веков назад.

Третьим архитектурным памятником домонгольского времени является *церковь Михаила Архангела*, построенная в конце XII века, известная также под названием *Свирская*. Это название можно объяснить тем, что смоленские князья происходили из Северной земли [Писарев 1894: 51]. Слово подверглось изменениям и вскоре превратилось в название *Свирская* (известна была и *Свирская слобода*).

Помимо храмов, церквей и монастырей, многое об истории города могут рассказать так называемые слободы, или городские хоронимы, которых в древнем Смоленске было достаточно много: *Свирская слобода*, *Кловка*, *Варяжская слобода*, *Немецкая слобода*, *Армянская слобода*, *слобода Рачевка*, а также *Доницина*, *Смядынь*, *Тетеревники*, *Садки*.

Названия слобод отразили связи смолян с другими народами и землями. По великому торговому пути «из варяг в греки» через Смоленск по Днепру проплывали многочисленные торговые суда из чужеземных стран. На месте *Немецкой*, *Варяжской слобод* не только были расположены постоянные дворы для «гостей», но там же находились склады, жилые дома купцов и даже католические

церкви. Позже на месте *Немецкой слободы* появилась *Немецкая улица*, которая затем была переименована в *Славянскую*. Там же, где когда-то располагалась *Варяжская слобода*, в конце XX – начале XXI вв. появилось кафе «Варяжская слобода» – своеобразная переключка времен.

Проживали в древнем Смоленске и армяне, сохранились названия *Армянская слобода*, *Армянская улица* (сейчас это улица Соболева, которая тянется на много километров вдоль Днепра), а также известна была *Армянская набережная*.

Урочище *Смядынь* с одноименной речкой в Смоленске стало широко известно в 1015 году, когда здесь, на *Смядыни*, был убит князь Глеб (ранее на реке Альте у Переяславля убили его брата Бориса). Вскоре на этом месте была построена церковь в честь святых братьев Бориса и Глеба, а затем возник Борисоглебский монастырь [Картавенко 2009, 4: 98–100]. Название этого места – *Смядынь* – вызывало и до сих пор вызывает споры среди ученых. Его сравнивали со словом *смердячий* «сильно пахнувший» [Андреев 1961: 25; Махотин 1981: 10]; объясняли с помощью слов, обозначающих цвет воды (коричневый, темный) [Фасмер 1986–1987, 3: 684]; соотносили с балтийскими корнями [Топоров 1982: 28].

Слобода *Рачевка* считается одной из древнейших и известнейших слобод города, располагалась она в восточном предместье. Свое название слобода получила от речки *Рачевки*, название же *Рачевка* связывают с глаголом *рачить* «ловить раков». Кстати, этот глагол с указанным значением до сих пор употребляется в современных смоленских говорах, а также известны и повсеместно распространены существительные *рачатник* в значении «место в водоеме, где водятся раки», *рачевка* «место в реке, где водятся раки» [Словарь смоленских говоров 1974–2005, 9: 124].

О том, что слобода *Рачевка* была в древности крупным торговым, административным, культурным предместьем города, свидетельствуют археологические раскопки, в результате которых были найдены остатки разрушенных храмов домонгольского периода. Самым интересным и большим являлся, по-видимому, *Собор на Протоке* с его древними фресками (фрагменты которых хранятся в музеях Санкт-Петербурга и Смоленска), построенный еще в конце XII века и разрушенный в XIV–XV вв. Историки полагают, что при этом храме служил Авраамий Смоленский.

Доницина, или *Донская слобода*, находилась западнее речки *Городянки* и тянулась вдоль Днепра, в ней проживали донские казаки, прибывавшие на службу для охраны западных рубежей. Название слободы и объясняется этим обстоятельством. Сама слобода исчезла, но на ее месте еще долго сохранялись *Донские улицы и переулки*.

В настоящее время в Смоленске широко известен микрорайон *Кловка* и *улица Кловская*. Само место и его название существуют в городе издавна. Изначально *Кловкой* называли довольно полноводную речку, впадавшую в Днепр, которая со временем обмелела и превратилась в небольшой ручеек. С.П. Писарев, смоленский историк XIX века, полагает, что название речки связано с процессом замыкания, запираания (на речке была плотина, построенная для задержания воды в искусственном озере) [Писарев 1894: 28]. Возможно, название можно объяснить древнерусскими словами *клокотати* «бурлить, клокотать», *клокотъ* «шум, грохот» [Словарь древнерусского языка, 4: 221]. Слова *клокот* «клокотание, бурление», *клокотати* в значении «клокотать, бить ключом, бурлить» с многочисленными параллелями представлены и в словаре М. Фасмера [Фасмер 1986–1987, 2: 252–253].

Местность *Садки* располагалась, по-видимому, в Заднепровье. Историки полагают, что там находились великокняжеские угодья. Слово *садки* могло обозначать в древности «небольшие сады», «водоемы для разведения и содержания рыбы», «помещения и загоны для содержания птиц». Какое из значений послужило для возникновения названия *Садки*, сейчас сказать трудно. Современный развивающийся жилой район в Заднепровье и в наши дни носит название *Садки*.

Тетеревники также находились в Заднепровье, «Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске», датированная 1136 годом, свидетельствует: «За рекою тетеревник с женою и з детми» [Щапов 1976: 144]. Это были угодья для тетеревиной охоты на правом берегу Днепра.

Одним из интереснейших названий площадей (агороним) в городе Смоленске является название *Молоховская* (сейчас – *площадь Победы*, ранее – *площадь Смирнова*). Площадь получила свое название по названию *Молоховских ворот* Смоленской крепостной стены. К сожалению, ворота не сохранились до настоящего времени (были разрушены французами при отступлении).

Молоховские ворота получили свое название от наименования *Молоховской волости*, которая, в свою очередь, была названа по речке *Молохве* (*Молоховке*, *Молофе*). На речке были построены мельницы, молотившие зерно. Следовательно, название связано со словами *мелью*, *молоть*, *мельница* [Фасмер 1986–1987, 2: 597].

Существовали в городе и так называемые концы. «Термин конец, служивший для обозначения административно-территориальной единицы определенных древнерусских городов, в XVI в. начинает употребляться для называния линейных объектов» [Белорусская... 2012: 87]. В Смоленске были известны *Пятницкий* (на западе) и *Крылошанский* (*Крылошевский*) (на востоке) концы, получившие свои названия от башен Смоленской крепостной стены. *Пятницкий конец* и *Пятницкая башня* обязаны своими названиями древней церкви *Пятницы*. *Крылошанский конец* и *башня* были названы так по названию священнослужителей – клириков (позже слово изменилось, и название приобрело произношение *Крылошанский*). *Пятницкий* и *Крылошанский концы* занимали достаточно большие территории: «Пятницкий конец, очевидно, примыкал к окольному городу Ростислава и включал торг. Он, следовательно, был главным и самым заселенным. Судя по топографии местности, он, по-видимому, охватывал все низинное пространство на правом и левом берегах Пятницкого ручья и доходил до востока до основания Соборной горы. Крылошанский конец занимал всю низину над Днепром на левом берегу Рачевки и, возможно, заходил и на правую сторону, где есть церкви домонгольского времени на Большой и Малой Рачевках, в Окопном переулке и т. д. Имевший, возможно, свою пристань, но удаленный от торгового Крылошанский конец был заселен менее интенсивно, чем Пятницкий, и в XV в. там еще были пустопорожные места» [Алексеев 1980: 151].

Есть некоторые данные и о третьем конце – *Ильинском*, который располагался на Ильинском ручье.

Линейные объекты обозначало, среди других слов (улицы, переулки, проулки, большак, го-стинец и др.), и слово *линия*, заимствованное через посредство немецкого и польского языков из латинского языка. До настоящего времени в Смоленске существуют улицы: *2-я Линия Красноармейской слободы* и *3-я Линия Красноармейской слободы*.

Итак, урбанонимы города Смоленска – названия внутригородских объектов – это, наряду с материальными памятниками культуры (археологическими, историческими, литературными), такие же памятники, только нематериальные. Они аккумулируют в себе традиции, опыт, память русского народа, черты его менталитета.

Список литературы

1. Алексеев, Л.В. Смоленская земля в XI–XIII вв. / Л.В. Алексеев. М.: Наука, 1980. – 264 с.
2. Андреев, И.В. История вокруг нас / И.В. Андреев. Смоленск: Смолен. кн. изд-во, 1961. – 236 с.
3. Белорусская ономастика. Топонимия: учеб пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ.ред. А.М. Мезенко. Минск: Элайда, 2012. – 260 с.
4. Картавенко, В.С. Смядынь: загадка названия / В.С. Картавенко // Русский язык в школе. 2009. № 4. – С. 98–100.
5. Махотин, Б.А. К живым истокам / Б.А. Махотин. Смоленск: Моск. рабочий, Смол. отд-ние, 1989. – 127 с.
6. Писарев, С.П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске (историко-археологическое исследование в связи с историей Смоленска) / С.П. Писарев. Смоленск, 1894. – 300 с.
7. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1988. – 192 с.
8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV): в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988.
9. Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск: СГПУ, 1974–2005.

10. Топоров, В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе / В.Н. Топоров // Балтославянские исследования. М.: Наука, 1982. – С. 5–28.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. 2-е изд., стер. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.
12. Щапов, Я.Н. Древнерусские княжеские уставы X–XV вв. / Я.Н. Щапов. М.: Наука, 1976. – 240 с.

***

Онимическая ситуация в русских городах в начале XXI в.

Р.В. Разумов

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей онимической ситуации в урбанонимии начала XXI в. Автор анализирует особенности юридической регламентации процесса присвоения имен собственных, тех проблем, которые существуют в деятельности топонимических комиссий. В статье приводятся требования к новым урбанонимам, зафиксированные в муниципальных правовых актах различных городов Российской Федерации. Автор отмечает необходимость унификации топонимического законодательства страны, выработки единых подходов к присвоению внутригородских названий.

Ключевые слова: ономастика; социоллингвистика; социономастика; городской ономастикон; онимическая ситуация; урбаноним.

Начало XXI века ознаменовалось появлением целого ряда пограничных направлений, в которых для исследования имен собственных стали привлекаться данные других наук: психологии, культурологии, социологии, когнитивистики и т.д. Одним из них стала *социономастика*, в задачи которой входит анализ влияния изменений в обществе на развитие онимических систем.

Одним из ключевых в социоллингвистике является термин *языковая ситуация* – «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Словарь 2006: 266]. По аналогии с данным термином в ономастике был предложен термин *онимическая ситуация* [Majtán 1979]. Под ним мы понимаем модель социально-функционального распределения и иерархии имен собственных, сосуществующих и взаимодействующих в пределах определенного политико-административного и культурного ареала в тот или иной исторический период, а также тех социальных установок, которых придерживаются в отношении этих имен собственных члены соответствующих языковых и речевых коллективов.

Целью статьи является анализ онимической ситуации в русской урбанонимии начала XXI века. В рамках настоящей публикации мы затронем один из аспектов данного вопроса – особенности юридической регламентации процесса присвоения имен собственных, тех проблем, которые существуют в деятельности топонимических комиссий.

В настоящее время процесс формирования урбанонимических систем не регулируется федеральным законодательством. Названия внутригородских объектов не подпадают под действие Федерального закона «О наименовании географических объектов», поскольку они не отнесены к географическим объектам, под которыми понимаются «существующие или существовавшие относительно устойчивые, характеризующиеся определенным местоположением целостные образования Земли: материки, океаны, моря, заливы, проливы, острова, горы, реки, озера, ледники, пустыни и иные природные объекты; республики, края, области, автономные области, автономные округа; города, в том числе города федерального значения, и другие населенные пункты;

районы, административные районы, аймаки, кожууны, национальные районы, улусы, волости, поселковые советы, наслеги, сельские советы, национальные сельские советы, сельские округа, сомоны, станичные округа и другие административно-территориальные образования (административно-территориальные единицы); железнодорожные станции, морские порты и речные порты, аэропорты» [О наименовании]. Как видим, урбанонимы в этом перечне отсутствуют.

В Российской Федерации продолжают действовать отдельные положения Указа Президиума ВС РСФСР «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР» [О порядке] в части, не противоречащей современному российскому законодательству. Следует отметить, что в реальности они не реализуются из-за ликвидации упомянутых в тексте документа органов власти. Показательно, что в современной российской практике не функционирует следующая норма данного закона: «32. Присвоение имен государственных и общественных деятелей административно-территориальным единицам и населенным пунктам, предприятиям, учреждениям, организациям и другим объектам может производиться только посмертно и лишь в исключительных случаях в целях увековечения памяти особо выдающихся государственных, общественно-политических деятелей, защитников Родины, героев труда, деятелей науки и культуры по ходатайствам государственных и общественных организаций, трудовых коллективов и граждан» [О порядке]. Очевидно, что указанное положение не противоречит современному российскому законодательству, в нем отсутствует упоминание не существующих в настоящее время органов исполнительной и законодательной власти, т. е. оно, вероятно, продолжает действовать. Несмотря на это в урбанонимии страны зафиксированы единичные случаи создания прижизненных меморативов: в 2008 г. *проспект Победы* в Грозном был переименован в *проспект имени В.В. Путина* [Горбаневский 2010: 7], в 2015 г. *улица Эсперанто* в Казани стала *улицей Нурсултана Назарбаева* [Голомидова 2018: 52].

Действующие Федеральные законы практически не содержат единых норм, регламентирующих общие принципы присвоения названий во всех городах Российской Федерации. Все это приводит к существенным расхождениям в области создания урбанонимов на территории различных регионов страны. Так, муниципальные правовые акты часто не совпадают в требованиях к присвоению внутригородским объектам имен и фамилий известных людей. Приведем примеры некоторых формулировок, регламентирующих порядок их создания:

«4.2. При обсуждении вопросов о наименовании (переименовании) территорий в честь выдающихся личностей предпочтение следует отдавать выдающимся личностям, чья деятельность заслуживает широкого признания, внесшим значительный вклад в становление и развитие г. Казани, Республики Татарстан. <...> 4.5. В целях объективной оценки вклада выдающихся личностей в становление и развитие г. Казани и Республики Татарстан обращения с предложениями об увековечении памяти выдающихся личностей принимаются по истечении одного года со дня смерти указанных в обращении личностей, за исключением случаев, когда такое присвоение рекомендовано Президентом Республики Татарстан, Мэром г. Казани, Казанской городской Думы» [Положение Казани];

«Присвоение имен выдающихся государственных и общественных деятелей и других имеющих особые заслуги перед городом, краем и государством лиц производится посмертно, как правило, не ранее десяти лет со дня смерти указанных деятелей (лиц)» [Положение Красноярск];

«Присвоение объектам имен, фамилий выдающихся личностей может производиться только по истечении 20 лет со дня смерти выдающейся личности. До истечения указанного в настоящем пункте срока может быть увековечена память Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, Героев Российской Федерации, Героев Труда Российской Федерации, почетных граждан Санкт-Петербурга, а также граждан Российской Федерации, награжденных орденом Славы трех степеней или орденом Трудовой Славы трех степеней, орденом Святого апостола Андрея Первозванного, орденом “За заслуги перед Отечеством” I степени, орденом “За заслуги перед Отечеством” II степени, орденом “За заслуги перед Отечеством” III степени или орденом “За заслуги перед Отечеством” IV степени» [Положение Санкт-Петербурга].

Как видим, срок, в течение которого запрещается увековечивать память об известных людях, колеблется в разных городах в диапазоне от одного года до двадцати лет. В некоторых населенных пунктах существующие временные ограничения могут быть отменены в том случае, если подобная инициатива будет исходить от органов федеральной или региональной власти. Очевидно, что подобные расхождения в топонимической практике на территории одного государства являются недопустимыми, поэтому, на наш взгляд, требуется унификация местного законодательства, выработка единых подходов по присвоению названий в населенных пунктах. Решить данную проблему могла бы разработка типового Положения о наименовании внутригородских объектов, введение соответствующих положений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

На постсоветском этапе развития урбанонимических систем присвоение названий осуществляется номинативными актами, принятыми местными муниципалитетами или исполнительными органами власти, т. е. все новые названия возникают в результате процесса искусственной номинации. Требования к создаваемым урбанонимам прописаны в муниципальных правовых актах конкретного населенного пункта, при этом степень их проработки может заметно отличаться. Проведенный нами анализ положений об адресации, наименовании и переименовании объектов 18 городов Российской Федерации (Архангельска, Великого Новгорода, Владивостока, Владимира, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Костромы, Красноярска, Москвы, Рыбинска, Рязани, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Томска, Тулы, Ярославля) позволил выделить следующие основные требования к новым названиям:

1) присвоение наименований топонимическим объектам производится с учетом исторических и культурных традиций муниципального образования, его географических и градостроительных особенностей;

2) наименование объектов осуществляется с учетом функционального назначения, местоположения, основных топонимических ориентиров и наименований других объектов в данной местности, исторических особенностей местности;

3) присваиваемое топонимическому объекту наименование не должно быть идентичным либо схожим до степени смешения с наименованием другого объекта, расположенного на территории одного и того же населенного пункта в границах муниципального образования;

4) присваиваемые топонимическим объектам наименования должны отвечать словообразовательным, произносительным и стилистическим нормам современного русского литературного языка;

5) название топонимического объекта должно органически включаться в существующую городскую топонимическую систему; при именовании новых улиц не допускается образование топонимов, нарушающих исторически сложившуюся топонимическую систему населенного пункта;

6) название объекта должно быть мотивированным и заключать в себе необходимый объем топонимической и пространственно-ориентированной информации.

Перечисленные основания зафиксированы в муниципальных правовых актах большинства городов нашей страны практически в идентичных формулировках, отличия в них очень редки и не являются существенными.

В настоящее время предварительную экспертную оценку предложений о наименовании или переименования объектов осуществляют специальные комиссии, для обозначения которых не существует единого варианта названия. В проанализированных нами документах они могут быть обозначены как *городская комиссия по топонимике* (Кемерово), *комиссия по наименованию и переименованию муниципальных объектов* (Волгоград), *комиссия по топонимике* (Иваново, Элиста), *комиссия по топонимике и увековечиванию памяти выдающихся событий и личностей в городе* (Смоленск), *межведомственная комиссия по наименованию объектов улично-дорожной сети* (Ярославль), *топонимическая комиссия* (Омск, Рязань) и др. Как видно из приведенных наименований, функционал подобных органов может выходить за пределы рассмотрения предложений о наименовании объектов.

Топонимические комиссии рассматривают поступившие от граждан варианты новых названий или предложения о возвращении старых онимов, отклоняют или рекомендуют урбаноним для утверждения, поэтому большую роль играет кадровый состав данного совещательного органа, соотношение в нем чиновников, депутатов и ученых. Проведенный нами анализ состава топонимических комиссий 29 городов Российской Федерации показывает, что наибольшее представительство в них имеют чиновники (252 человека, 46,75%): заместители глав администраций, сотрудники департаментов и управлений градостроительного надзора, архитектуры, культуры, образования, транспорта и связи, директора муниципальных предприятий, а также представители депутатского корпуса (77 человек, 14,28%). Широко представлены в данном совещательном органе историки (37 человек, 6,86%) и местные краеведы (18 человек, 3,34%), сотрудники музеев (25 человек, 4,45%), филологи (23 человека, 4,27%), архитекторы (20 человек, 3,71%), ветераны (16 человек, 2,97%) и представители различных общественных организаций (16 человек, 2,97%). К сожалению, филологи представлены далеко не во всех рассмотренных нами составах топонимических комиссий (они отсутствуют в 12 городах, 41,38%), что является существенным недостатком, поскольку в задачи данного органа входит оценка соответствия предлагаемого названия словообразовательным, произносительным и стилистическим нормам современного русского литературного языка.

Топонимические комиссии рассматривают поступающие в органы местной власти обращения граждан и организаций по наименованию или переименованию объектов. Предложение по созданию названия может внести любой гражданин Российской Федерации, в том числе и тот, кто не является жителем того населенного пункта, в котором создается урбаноним, а также органы государственной или законодательной власти, общественная, коммерческая или некоммерческая организация, политическая партия и т.д.

Основной поток обращений связан с увековечиванием памяти о людях, чье имя, по мнению заявителей, заслуживает присвоения улице, площади или какому-либо другому городскому объекту. Авторы большинства подобных инициатив не рассматривают другие формы сохранения памяти о человеке: открытие мемориальной доски, установка бюста или скульптурной композиции, открытие именной аудитории, учреждение стипендии и т. д. Все это обусловлено сформировавшимся в советский период истории страны мемориальным урбанонимическим стереотипом: если имя человека присвоено городской улице, то, следовательно, о нем будут помнить.

При создании урбанонимов членам топонимических комиссий необходимо понимать, какие требования предъявляют горожане к вновь создаваемым названиям. Ответ на этот вопрос могут дать обсуждения на различных интернет-форумах, результаты социологических опросов. Последние, на наш взгляд, являются более предпочтительными, поскольку они проводятся по специальным методикам, позволяют получить репрезентативную палитру мнений разных социальных и возрастных групп. Как показывают наши наблюдения за онлайн-опросами и дискуссиями, они часто не совпадают с реальной картиной мнений. К сожалению, местные власти редко прибегают к подобным исследованиям, хотя именно они позволяют выстроить грамотную урбанонимическую политику.

Исследование и изучение особенностей онимической ситуации в различных населенных пунктах нашей страны – актуальная задача, стоящая перед российскими ономастологами. Как показывают приведенные нами примеры, анализ юридической практики создания названий позволяет судить о тех требованиях, которые предъявляет к нему современное общество. В настоящее время существует потребность в унификации топонимического законодательства страны, выработки единых подходов к присвоению внутригородских названий.

Список литературы

1. Голомидова, М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы / М.В. Голомидова. // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. – С. 36–61.
2. Горбаневский, М. В. Преданная Победа / М.В. Горбаневский // Миръ імєнь і названь. 2010. № 44 (март 2010 г.). – С. 7.

3. О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 17.08.1982 г. [Электронный ресурс] // URL. : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=5xVE7wS4CXHY6Kli3&cacheid=45217AA2CD6E496EA75F81593EF5D2EF&mode=splus&rnd=vT7rA&base=ESU&n=1820#yamE7wSUrnX4h4NS1> (дата обращения: 12.01.2022).
4. Положение Казани – Положение о комиссии по топонимике муниципального образования города Казани: Приложение № 1 к постановлению Мэра г. Казани от 18.12.2015 г. № 182 [Электронный ресурс] // URL.: <https://docs.cntd.ru/document/432841099> (дата обращения: 12.01.2022).
5. Положение Красноярска – О порядке наименования и переименования внутригородских объектов в городе Красноярске, увековечения памяти граждан и исторических событий на территории города Красноярска : Решение Красноярского городского Совета от 14.10.2015 г. № В-130 (с изменениями на 16.06.2021 г.) [Электронный ресурс] // URL.: <https://docs.cntd.ru/document/432909987> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Положение Санкт-Петербурга – Порядок и правила присвоения наименований элементам улично-дорожной сети (за исключением автомобильных дорог федерального значения), элементам планировочной структуры, территориям зеленых насаждений общего пользования, расположенным на территории Санкт-Петербурга : утвержден постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 24.08.2015 г. № 737 (с изменениями на 19.05.2021 г.) [Электронный ресурс] // URL.: <https://docs.cntd.ru/document/822405130> (дата обращения: 12.01.2022).
7. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М. : Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
8. О наименованиях географических объектов: Федеральный закон № 152-ФЗ : [Принят Государственной Думой 17 октября 1997 года : Одобрен Советом Федерации 3 декабря 1997 года] [Электронный ресурс] // URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17122/ (дата обращения: 12.12.2021).
9. Majtán, M. Toponymum a onymická situácia // Jazykovedný časopis. 1979. Roč. 30. Č. 1. – S. 40–43.

***

ЭТНОУРБАНОНИМЫ В ЯЗЫКОВОМ ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

А.П. Рассадин, В.Н. Ильин

*Институт истории и культуры региона, Центр стратегических исследований
Ульяновской области (Ульяновск, Россия)*

Аннотация. В контексте локальной истории и культуры анализируется многовековое развитие этнических урбанонимов в языковом пространстве города Ульяновска, начиная с появления первых уличных названий и заканчивая процессом современной номинации.

Ключевые слова: национальный вопрос; этнический урбаноним; классификация; языковое полиэтническое пространство города; ассимиляция; лояльность; взаимовлияние; идеология.

Общеизвестно, что национальный вопрос является одним из самых чувствительных в общественно-политическом развитии России. Особенно он актуализировался в последние десятилетия, благодаря убыстрённому развитию городской среды. Как отмечает современный исследователь, города исторически выполняли и «продолжают выполнять функцию центров консолидации наций», а «интенсивная миграция различных этнических групп в масштабах бывшего СССР» создаёт в городах «смешанное национальное население», оформляясь в своеобразные этнокультурные общности. [Галлямов 1996: 7].

Полиэтническая специфика языковой среды может быть исследована на разных уровнях, в том числе в границах топонимической карты города.

Сразу оговоримся, что мы не преследуем цель раскрыть эту тему на глобальном географическом материале, он поистине безграничен и требует кропотливой статистической выборки, а также опоры на своеобразие каждого региона, его нередко многовековую историю и культуру.

Полиэтническая урбанонимия *Москвы* и *Петербурга* отличается от полиэтнической урбанонимии *Казани* или *Уфы*, небольшой *Калуги* или крупного *Красноярска*. Город Ульяновск (в прошлом *Симбирск*), как объект нашей публикации, не исключение. В этой связи обращение к локальной полиэтнической топонимии в её прошлом и настоящем кажется нам необходимым этапом в накоплении и предварительном осмыслении фактического материала, который пока остаётся недостаточно изученным.

Но в начале определимся с термином, вынесенным в заглавие статьи. Общеизвестной и единой классификации урбанонимов на сегодняшний день не существует, поэтому она требует отдельного рассмотрения и уточнения. На наш взгляд, этноурбаноним можно выделить как подвид урбанонима: собственного имени любого внутригородского топографического объекта, образованного от имени нарицательного для обозначения этноса (этнонимы), либо фамилии, в той или иной степени отражающей этническую принадлежность носителя (антропонимы), а также от любого другого онима, который своим происхождением тесно связан с историей и развитием того или иного национального языка и его диалектными особенностями.

Насущность выделения этноурбанонимов в отдельную группу вызвана тем, что урбанонимы, если брать в целом, могут быть образованы от онимов с иной, неэтнической семантикой: производственной-хозяйственной (например, ул. *Металлистов*, *Пищевиков*, *Молочный переулок* и т.д.), природно-ландшафтной (улицы *Крайняя*, *Южная*, *Плодовая*, *Садовая* и др.), символической (улицы *Павших героев*, *Мира*, *Культуры* и т.п.), календарно-праздничной (улицы *8-ого марта*, *30-летия Победы*, *1-ого Мая*) и т.д.

Самым большим по объёму разделом урбанонимистики является годонимия – названия линейных городских объектов, улиц, переулков, набережных и т.д. Со дня своего основания и на протяжении нескольких веков *Симбирск* был небольшим городом, вообще обходившемся без уличных наименований. Как отмечает В. Никонов: «В описи Симбирска 1678 г. указаны 600 дворов и ни одной улицы. В приходно-расходной книге г. Симбирска 1667 г. встречаем единственное название улицы, поименованной по реке *Свияга*: «на горе в свияжской улице». Вот обычные адреса из этой книги: «на горе от наугольной городской башни, что у вала», «что на другой стороне улицы против микиткиной харчевни» – сама улица безымянна» [Никонов 1969: 227].

Как пишет П.Л. Мартынов, первые аншлаги появились в Симбирске в 1840 году [Мартынов 1898: 86]. После разрушительного пожара 1864 г. и получения Высочайше утверждённого 23 октября 1866 г. плана Симбирска Губернское Правление 9 марта 1867 г. вторично предписало Городской Думе «изготовить и прибить где следует ярлыки, обозначающие названия улиц и площадей» [Дело Симбирской Городской Управы 1866–1868], тогда же появилась нумерация домов и составлена ведомость всех владельческих мест.

Симбирск был заложен в 1648 году в виде крепости на юго-восточной границе русского государства для защиты колонизированных земель от набегов степных кочевников. Первыми горожанами стали казаки и стрельцы, а население хотя и не было мононациональным (с учётом коренных жителей края – мордвы, татар и чувашей), но со значительным перевесом славянских переселенцев. Тем не менее, даже став со временем губернским городом, *Симбирск* и территориально, и по составу населения менялся незначительно. Так, по переписи 1897 года в *Симбирске* проживало 43 298 жителей обоего пола, из них более двух третей – русских, исповедующих православие. [Большая энциклопедия 1904: 378].

Территориально изменился город только в середине XX века, когда во время Отечественной войны 1941-1945 гг. сюда из западных и центральных регионов страны были эвакуированы многие промышленные предприятия, а также в конце 1960-х годов, в период подготовки празднования 100-летия со дня рождения своего уроженца – В.И. Ульянова-Ленина и активного градостроительного развития левого берега Волги. На сегодняшний день точных данных по этническому составу Ульяновска нет. Утвердительно можно сказать лишь одно: русское население продолжает доминировать (например, по данным всесоюзной переписи 1989 года к русским причислили себя

486201 горожан). При этом город, как и область, остаётся полиэтническим образованием, с различной динамикой национального состава. По итогам переписи 1989 года ульяновский этнограф Л.П. Шабалина составила в процентном соотношении таблицу этих изменений [Из этнической истории Ульяновской области 1993: 53].

Годы	Русские	Татары	Мордва	Чуваши	Украинцы	Белорусы	Другие
1897	67,4	9,3	13,0	10,3	-	-	-
1939	79,0	7,2	7,7	0,8	-	-	0,6
1959	77,7	8,7	6,6	5,3	0,8	0,2	0,6
1970	76,0	10,0	5,7	6,4	0,9	0,3	0,7
1979	74,8	10,5	5,1	7,3	-	-	-
1989	72,8	11,4	4,4	8,3	1,3	0,3	1,7

Из приведённой таблицы становится более понятным доминирование на топонимической карте города урбанонимов, производных прежде всего от слов, понятных русскому большинству, и малочисленность, а на первых порах практически отсутствие названий, имеющих иные языковые корни и этническую основу. Но могло ли быть по-другому, когда домовладельцами часто становились люди с русскими фамилиями, а основной конфессией симбирян было православие. Отсюда и названия – *Беляевский* или *Ивановский* переулок, *Глазовая* улица, *Голубковский* проезд, улицы *Всехсвятская*, *Владимирская*, *Александро-Невская* и т.д., и т.п.

Если продолжить ретроспективный обзор, то мы увидим, что в «этническом» смысле лишь отчасти «повезло» татарам и, как это не покажется на первый взгляд странным, полякам. Татарское население издавна проживало на *Лосевой* улице (ныне улица *Федерации*), которая тянулась на север в сторону *Казанского* тракта. В этом же районе татарами были открыта мечеть и начальная школа. На склоне оврага реки *Симбирки* возникли дома татар, впервые официально отмеченные на городском плане 1843 года, и соответственно *Татарский* переулок. В последующие годы название варьировалось: улица *Малая Татарская* (1866 г.), улица *Татарская* (1898-1925 гг.) и существующее ныне улица *Нижнетатарская* (после 1925 г.). Причём, за всё время не менялись ни местоположение улицы, ни её относительно небольшие размеры.

Интересно, что в истории города никогда официально не существовали ни *Большая Татарская* улица, ни *Верхняя Татарская* улица, хотя, если следовать устной молве, сами татары неофициально именовали улицу *Лосевую Верхнетатарской* или *Верхней улицей* («Югарэ урам») по аналогии с *Нижнетатарской* или *Нижней* улицей («Түбэн урам»). Выскажем предположение, что решающую роль в появлении этих этноурбанонимов сыграло компактное поселение татар, а другие коренные народы – мордва и чувашы – были рассеяны в разных районах *Симбирска*.

Не менее любопытно и происхождение названия *Панской* улицы (ныне *Энгельса*) и рядом располагавшегося *Панского* переулка. Эти этноурбанонимы возникли после появления в *Симбирске* летом 1663 года поляков, взятых в плен в бою под *Смоленском* в ходе русско-польской войны между Московским государством и Речью Посполитой (1653-1667 гг.) [Мартынов 1898: 382]. Пленных поселили в так называемой *Панской* слободе, позднее преобразованной в улицу. Впервые название появилось на городском плане 1780 года и просуществовало до 1918 года. В обыденной речи, по ассоциации с польскими пленными, встречался и устный вариант этноурбанонима – улица *Польская* [Засодимский 1901: 180]. К сожалению, все эти первичные этноурбанонимы утрачены. Одной из самых старых центральных улиц города не только не возвращено её историческое название, но местными властями принято весьма спорное решение поделить улицу на два отрезка: одна половина сохранила наименование – *Энгельса*, другая – поименована в память о местном святом *Андрее Блаженном*.

Следует подчеркнуть, что в отличие от современных «новаций» в области номинации, в ряде случаев, противоречащих здравому смыслу, наименования прошлого были свободны от произвола отдельных чиновников и демонстрировали исключительную терпимость к более ранним иноязычным топонимам (финно-угорским, тюркским и даже монгольским), с которыми столкнулись

русские переселенцы. *Инза, Тереньга, Чердаклы, Вешкайма, Мелекесс, Карсун, Цильна* и т.д. Список может быть продолжен названиями урочищ, деревень, водных объектов. У непосвящённого человека может даже сложиться впечатление об Ульяновской области как о регионе, преимущественно населённом неславянскими народами

Показательно, что никто, вплоть до 1924 года, когда умер В.И. Ульянов-Ленин, не покушался на переименование нерусского астионима *Симбирск* (в изначальной форме **СиНбирск**). Как правило, переселенческие названия прикреплялись к новообразованным объектам (*Подлесное, Луговое, Суходол* и др.), старые же названия оставались неизменными, либо меняли своё звучание, в соответствии (как в случае с названием *Симбирск*) со сложившимися нормами русской речи. Неславянские топонимы ассимилировались и становились своими в речевом обиходе не только русского сельского населения, но и городского.

Все или почти все ульяновцы ассоциируют сейчас названия *Инзенской* или *Мелекесской* улиц с широко известными в области топонимами *Инза* или *Мелекесс*. Эти названия стали настолько привычными, что мало кто задаёт себе вопрос об их этническом колорите. Как никто, в позапрошлом веке, вряд ли задумывался над тем, откуда появились ныне утраченные этноурбанонимы с национальным диалектным корнем «*курмыш*». В буквальном переводе с чувашского языка – «выселок», «хутор». В XIX веке в Симбирске официально существовали Курмышская улица, 1, 2 и 3 переулки *Курмышские*, в русской неофициальной речи бытовавшие в уменьшительно-ласкательной форме – *Курмышок* или *Курмышки*.

Параллельно шёл и другой процесс, когда национальные общности впитывали названия с русской основой и делали их своими, например, ассимилировав наименование небольших поселений, на отшибе – *Бутырки*. Этот топоним был распространён на Русском Севере и в Центральной России, в частности, в Московской и Рязанской губерниях. Вместе с русскими переселенцами он «прижился» в *Симбирске*. *Бутырками* в городе назывались подгородные слободы, что соответствовало их удаленности от основной городской застройки. В *Симбирске*, а затем в *Ульяновске*, существовали районы *Старые Бутырки* и *Новые Бутырки*. В начале 1950-х годов они были переименованы в улицы *Старосвияжский пригород* и *Новосвияжский пригород*. Такое взаимовлияние обогащало все языки города, прежде всего русский язык, демонстрируя лояльность в национальных отношениях и ни в коем смысле не принижая историю и культуру разных народов.

Серьёзные трансформации в языковом полиэтническом пространстве Симбирска-Ульяновска произошли в начале XX века, когда в номинацию стала активно вмешиваться Советская власть, одушевлённая идеей пролетарского интернационализма и фактически разрушая естественно сложившуюся систему этнически мотивированных наименований. С топонимической карты города были стёрто большинство урбанонимов, отражающих специфику места и колорит местных наречий.

Главным образом эта тенденция затронула названия улиц, образованных от антропонимов. Так, в конце 1918 года, ко дням октябрьских торжеств, Президиумом Губисполкома было за один день переименовано 37 улиц и площадей. На карте появились улицы евреев *Ф. Лассалья* и *К. Маркса* (Германия), *Фридриха Адлера* (Австрия), *Л. Троцкого*, *М. Урицкого*, *М. Володарского*, немцев – *Ф. Бебеля*, *К. Либкнехта*, *Ф. Энгельса*, французов – *Ж.-П. Марата* и *М. Робеспьера*.

В числе кандидатов на увековечивание в названиях улиц и в дальнейшем фигурировали общественные и государственные деятели самых разных национальностей. Впрочем, этническая специфика фамилий не играла в этих случаях определяющей роли, и в разряд этноурбанонимов подобные политизированные названия могут быть отнесены лишь формально. Главным аргументом были политические убеждения и преданность человека порученному делу. При этом новейшие названия, подчинённые политической конъюнктуре, могли как одномоментно возникнуть, так и одномоментно исчезнуть. Например, в Ульяновске до 1953 года существовали переименованные по известным причинам целых две улицы *Л. Берия*, улицы *В. Молотова* и даже *Трофима Лысенко*, известного своими гонениями на учёных-генетиков.

Начиная с 60-х годов, номинация шла по пути расширения географий фамилий. И если появление улиц Героя гражданской войны, азербайджанца *Г. Гая*, или большевика, литовца *И. Варейкиса*, было в какой-то мере оправдано их связями с Симбирском, то этого никак нельзя сказать о немце *Э. Тельмане*, поляке *В. Воровском*, венгре *Дьюла Варга* или итальянцев *Сакко и Ванцетти*.

Такой поражающий воображение экстенсивный размах политизированных интернациональных урбанонимов сменился со временем периодом их резкого сужения. Новые названия были ориентированы не на иностранные, и как видим, иногда весьма экзотические фамилии представителей дальнего Зарубежья, прославившихся заслугами перед международным рабочим и коммунистическим движением, а на уроженцев Симбирска-Ульяновска или имеющих к нему какое-то отношение, а также граждан СССР. Появились и очень редкие исключения, как например, памятник и улица, названные в честь вьетнамского государственного деятеля *Хо-Ши-Мина*.

Миграционные потоки в *Россию* из стран бывшего *Советского Союза* привели к появлению в городе крупных диаспор: азербайджанской и армянской (площадь и улица государственного деятеля *Г. Алиева*, улица *Н. Нариманова* и др.). В Ульяновске сейчас существуют улицы, названные в честь представителей и других некоренных национальностей: из Грузии (улица летчика *Т. Анакидзе*), из Дагестана (улица моряка-подводника *М. Гаджиева*) и др.

Оживилась деятельность национально-культурных объединений и коренных народов Ульяновска. Их деятельность во многом способствовала появлению в полиэтническом пространстве города урбанонимов, происходящих от мордовских (сквер имени просветителя *А. Юртова*), чувашских (улица академика *И. Корнилова* и др.) и особенно татарских антропонимов (улицы кавалера трех орденов Славы *Ф.Ю. Динеева*. (в решении ошибочно указано *Динаев*), педагога и журналиста *З.Х. Кадыри*, милиционера *И.А. Нуртдинова*., актёра и режиссёра *Б.Ш. Тарханова*, Героя России, вертолётчика *Р.М. Хабибуллина* и др.). Сложно прогнозировать, насколько приживутся эти новые названия на топонимической карте города. Анализ развития ульяновских этноурбанонимов показывает, что языковое полиэтническое пространство города на протяжении столетий не оставалось неизменным. В процессе неоднократной трансформации одни названия закреплялись в речевой практике, другие по разным причинам утрачивались.

Ещё труднее предугадать, насколько качественно и количественно изменится городская полиэтническая урбанонимия, ведь процедура номинации продолжает находиться под жёстким контролем власти и часто бывает обусловлена складывающейся общественной конъюнктурой, а не языковыми особенностями и этническим составом местности.

Список литературы

1. Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С. Н. Южакова [и др.]. Т. 17. Санкт-Петербург: Просвещение, [1904]. – VIII, 791 с., [40] л. ил.
2. Галлямов, Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки / Р.Р. Галлямов. Уфа: Гилем, 1996. – 200 с.
3. Дело Симбирской Городской Управы «О вновь составленном проектированном Плана на город Симбирск». 10 января 1866 г. – 22 февраля 1868 г. // Гос. архив Ульяновской области, ф. 144, оп. 1, д. 80.
4. Засодимский, П.В. Поволжье от Симбирска до Царицына / П.В. Засодимский // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1881-1901. Т. 8, ч. 1. – С. 176–193.
5. Из этнической истории Ульяновской области. Краткие очерки. Ульяновск: Ульяно. обл. газет. изд-во, 1993. – 64 с.
6. Мартынов, П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования: систематический сб. исторических сведений о г. Симбирске / П.Л. Мартынов. Симбирск, 1898. – 400, V с.
7. Никонов, В.А. Названия улиц в Симбирске-Ульяновске / В.А. Никонов // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. – С.226–234.

САМАРСКИЕ ОЙКОДОМОНИМЫ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА

Т.П. Романова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
(Самара, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются семиотические параметры собственных наименований жилых комплексов в аспекте трансляции городской идентичности и формирования образа городского пространства. Проведенное нами исследование массива самарских ойкодомонимов показало количественное преобладание топомотивированных именованных. Основной функцией этих собственных имен является рекламное продвижение объектов недвижимости на потребительском рынке, которое осуществляется, главным образом, за счет наиболее актуальной для потребителя геолокационной семантики. Другие мотивы номинации реализуются значительно реже.

На формирование положительного имиджа города оказывает влияние как само использование этого нового класса онимов, так и реализуемый в Самаре ансамблевый принцип номинации ЖК в соответствии с репрезентацией доминирующих тем городской идентичности: «Самара – город-курорт» и «Самара космическая».

Ключевые слова: ономастика; городское онимическое пространство; урбаноним; ойкодомоним; названия жилых комплексов; рекламное имя; имидж территории.

Названия жилых комплексов – наиболее многочисленная группа ойкодомонимов, одного из разрядов рекламных урбанонимических номинаций, активно развивающегося в современной России. «С позиций современного маркетинга территорий урбанонимы оцениваются как информационно-коммуникационный ресурс, значимый для формирования и продвижения имиджа локации» [Голомидова 2017: 185].

В массиве ойкодомонимов Р.В. Разумов и С.О. Горяев выделяют две группы именованных на основании «включенности / невключенности в существующий урбанонимический ландшафт и, шире, «урбанонимический имидж» района, города, региона». «Включенными» считаются «имена собственные, имеющие хотя бы косвенное отношение к месту расположения объекта <...>: от прямого указания на адрес жилого комплекса до выражения региональной идентичности» [Разумов, Горяев 2018: 82]. Главным признаком ойкодомонима как одного из видов урбанонимов авторы считают его топографичность – способность указывать расположение объекта на карте города.

Т.П. Соколова также приходит к выводу, что «Основной в именовании ЖК Москвы следует признать тенденцию метонимической номинации, именно адресная, ориентирующая функция названия ЖК становится определяющей» [Соколова 2010: 366]. В большинстве случаев в названии на основании смежности закрепляется ориентирующий компонент – имя городского объекта, рядом с которым располагается ЖК.

Рассмотрим массив самарских ойкодомонимов, составляющий 175 названий, собранный в 2021–2022 гг. путем личных наблюдений, а также посредством анализа ресурсов сети Интернет-сайтов, предлагающих квартиры в новостройках на сервисе Яндекс. Недвижимость [Купить квартиру...] и раздел «Новостройки» в базе данных ЦИАН [ЦИАН].

На основании проведенного нами семиотического анализа собственных имен самарских ЖК можно отметить, что в их составе преобладают ойкодомонимы, мотивированные местом расположения, так или иначе «включенные» в контекст локации. Это прямые и условно-символические топомотивированные номинации, а также ансамблевые тематические номинации, мотивированные знаками региональной идентичности. Значительно меньше названий мотивированы визуальными характеристиками объекта недвижимости и ценностными символами адресата. Рассмотрим перечисленные группы подробнее.

1. Прямо мотивированные топографические номинации

Прямая топографическая мотивировка ойкодомонима реализует идею точной локализации объекта на карте города. Наиболее однозначно она воплощается в дескриптивных номинациях, которые соответствуют официальному адресу дома.

Некоторые описательные адресные номинации с термином ЖК представляют собой ситуативные собственные наименования, которые служат для индивидуализации объекта в определенном контексте, но за его пределами таковыми не являются: ЖК «в переулке Саратовский»; ЖК «в границах улиц Антонова-Овсеенко, Блюхера и Советской Армии»; ЖК «в границах улиц Ставропольская / Нагорная / Пугачевская / пер. Ташкентский»; Апартамент-комплекс «по ул. Арцыбушевская / ул. Льва Толстого». Их ситуативный проприальный статус подчеркивается написанием в кавычках.

В описательных номинациях используется развернутая структура, эксплицитно включающая термин «дом»: «Дом на Лысенской», «Дом на Троицкой», «Дом на Тухачевского», «Дом у Загородного», «Дом у Космопорта», «Дом у Самолета».

Имплицитно термин «дом» представлен в трех эллиптических моделях:

1) (Дом) предлог на + название линейного объекта: «На Владимирской», «На Волгина», «На Запорожской», «На Корабельной», «На Московском», «На Проспекте Карла Маркса», «На Проспекте Кирова», «На Пятой просеке», «На ул. Волжская/Кольцевая», «На Фадеева», «На 18 км.»;

2) (Дом) предлог у + название ориентира: «У парка»;

3) (Дом) + название линейного объекта + цифровой индекс (номер дома): «Антонова-Овсеенко 3», «Димитрова 74 А», «Фестивальная 5 А».

Интересно отметить, что в Самаре используется еще одна эллиптическая модель – определение (дом), которая, однако, не отражает мотив пространственной ориентации: «Академический», «Видный», «Родной», «Семейный», «Студенческий», «Уютный», «Центральный», «Ялтинский».

Собственное имя ЖК может буквально повторять название линейного объекта: «Ботанический», «Верхняя Полевая», «Вилоновская / Садовая», «Мечникова», «Революционная», «Часовая», «Победа», «Просека 5», «9 просека», «3 авеню» (обыгран термин «просека»); название места расположения дома одноименные микрорайоны дали названия ЖК «Крутые ключи», «Соколы горы» (Соколы горы), «Центральный» (в центре); цифровое название квартала: «21 квартал», «311», «120 квартал».

2. Косвенно мотивированные топографические номинации

В достаточной степени локально закрепленными оказываются ойкодомонимы, образованные в результате трансформации названия улицы или другого пространственного ориентира: «Аврора» (ул. Авроры), «Ленинский» (ул. Ленинская), «Лесная поляна» (ул. Лесная линия), «Москва» (на Московском шоссе), «Маркс» (пр. Карла Маркса), «Маяковский» (ул. Маяковского), «Панова Парк» (ул. Панова), «Печёра» (ул. Печерская), «Рассвет-Ракита» (Ракитовское шоссе); два стилизованных под Интернет-адрес ойкодомонима образованы от названия улиц: «Гастелло.РФ» (ул. Гастелло), «Желябово.РФ» (ул. Новожелябовская).

Метонимические номинации отражают именованные известных пространственных ориентиров: «Ладья» (монумент «Ладья»), «Аквариум» (ТЦ «Аквариум»), «АМГРАД» (КРЦ «Амбар»), «Госуниверситет» (Самарский университет), «Ильинская Плаза» (пл. Ильинская), «Звезда» (КРЦ «Звезда»), «Арена Парк» (стадион «Самара-Арена»), «Новый металлург» (завод «Металлург»), «Современник» (ДК «Современник»), «Сосны» (ул. Сосновская), «Октябрьский» (р-н Октябрьский). Рядом с одноименными парками располагаются ЖК: «Парк Металлургов», «Парк Победы», «Олимпия-парк».

Ойкодомонимы могут сохранять исторические названия утраченных ориентиров «Ипподром» (рядом со снесенным ипподромом), «Сокол» (на месте завода «Сокол»).

Следует отметить также и другие способы описания места расположения ЖК: в историческом центре находятся «Исторический квартал» и «Старый город»; жилой район, южнее города Самары, получил название «Южный город».

3. Тематически мотивированные ансамблевые номинации

Жилой квартал «Город мира» включает жилые комплексы: «Москва», «Париж», «Рим», там же находится офисный центр «Лондон».

Тема Волги является главной в имидже Самары, которую жители и туристы воспринимают, прежде всего, как «город на Волге». Расположенные в непосредственной близости к реке ЖК, получают связанные с ней имена: «Волга» (в 100 метрах от Волги); «Волжские высоты», «Волжские огни» и «Волжские паруса»; названия, так или иначе связанные с водной тематикой: «Адмирал», «Арго», «Бриг», «Бриг-3», «Волна», «Ладья», «Две реки» (на Сухой Самарке), «Парус», «Фрегат», «Остров» и «Островок», «River House» – «речной дом». Сюда же стоит добавить и другие «волжские» названия, ЖК «Волгарь» (на месте совхоза «Волгарь»), «Волжский» (в пос. Волжский), «Приволжский» (по названию микрорайона), «ЭкоГрад Волгарь».

Волжскую тему можно рассматривать как наиболее яркое проявление более общей, экологической тематики, которая отразилась в линии позиционирования Самары как «города-курорта». В связи с этим актуальны названия, отражающие природу локации: «Березовая аллея», «Город солнца», «Жигулевская Долина», «Журавли», «Изумрудный», «Изумрудный город», «Лесная поляна», «Пять бульваров», «Соколы горы», «Солнечная долина», «Сосны», «Тихое место», «Яблоко», «9 озер», «Green park».

В аспекте позиционирования города Самары активно развивается также и космическая тематика. В связи с этим стоит отметить ансамбль номинаций ЖК, который формируется вокруг площади имени главного конструктора «ЦСКБ-Прогресс» Д.Н. Козлова, где расположен музейно-выставочный центр «Самара Космическая», на фасаде которого установлен монумент ракете-носителю «Союз». Подобные ракеты, выпускавшиеся в нашем городе, вывели на орбиту не только первый искусственный Спутник Земли, но и пилотируемые космические корабли, в том числе корабль Юрия Гагарина. В непосредственной близости от площади находятся ЖК «Ракета», «Спутник», «Звезда», «Галактика», в некотором отдалении строится 4 корпуса ЖК «Королёв» (рядом с ТОЦ «Вертикаль»). К этому стоит добавить наличие в Самаре других названий ЖК, связанных с космической семантикой: «Атмосфера», «Космолёт» (рядом с моллом «Космопорт»), «Орбита», «Горизонт», «Созвездие».

Рассмотренные нами названия ЖК характеризуют топоидентичность объектов, адресно привязанных к локации, включенных в урбанонимический ландшафт, в то время как ансамбли номинаций, тематически связанных с пространственными ориентирами, репрезентируют основные линии имиджирования города Самары.

4. Другие основания отобъектной мотивировки

Намного меньше названий мотивированы визуальными характеристиками объектов номинации. Так, ЖК «Твинс» и «Самара Твинс» состоят из двух корпусов; «Степ Грин Хаус» – ступенчатый, хотя и не зеленый; номинация ЖК «Преображенский Двор» соответствует ретро-стилю архитектуры; «Радужный-люкс» имеет радужную расцветку; красный цвет фасада отражают названия «Красный дом», «Красная звезда».

Преимущества, которые предоставляет дом потребителю, отражает термин *Апарт-комплекс* «по ул. Арцыбушевская / ул. Льва Толстого»; особенности проектов – «Артхолл», «Болгарский дом», «Дом студий», «Расвет-Премиум», «Клубный дом», «Статус. Клубный дом»; возможности панорамного вида – «Панорама», «Портал Билдинг».

Только две номинации самарских ЖК отражают эргонимы застройщиков: «Пик», «Радамира».

5. Оценочная мотивировка номинаций ЖК

Ряд номинаций демонстрирует статусность ЖК, соответствующую амбициям адресата: «Пять звезд», «Аристократ», «Император», «Фаворит», «Чемпион»; называют место, где живут боги: «Аркадия», «Олимп», «Жизнь на высоте», «Седьмое небо»; соотносятся с престижными европейскими топонимами: «Европейский квартал», «Ливерпуль», «Москва», «Париж», «Рим».

В качестве названий ЖК используются номинации, отражающие историко-культурные ценности адресата: «Александровский двор», «Боярский двор», «Гранд Империяль», «Империяль», «Камелот», «Пушкинский», «Куйбышев». Контрастируют с ними названия, подчеркивающие новизну объектов недвижимости: ЖК «Новая Самара», «Новая Тверская», «Новый металлург», а также «Новая Заря», «Новая высота», «Премьера».

И наконец, собственных имена ЖК представляют собой традиционно используемые в ономастике символы понятий, положительно оцениваемых адресатом: «Акварель», «Весна», «Восход», «Капитал», «Кристалл», «Логика», «Майский», «Надежда», «Радуга», «Рассвет», «Рекорд», «Старт», «Унисон».

В результате проведенного нами семиотического анализа самарских ойкодомонимов обнаружено 53,7 % топомотивированных именованных. Номинации, мотивированные другими характеристиками называемого объекта и ценностными символами адресата, составляют 46,3 %.

Собственные имена ЖК представляют собой особый тип рекламных собственных наименований, основной функцией которых является рекламное продвижение объектов недвижимости на потребительском рынке, которое осуществляется, главным образом, за счет наиболее актуальной для потребителя геолокационной семантики. Само использование этого нового класса онимов в пространстве локации свидетельствует об ее инновационной продвинутой и оказывает влияние на формирование положительного имиджа города.

Реализуемый в Самаре ансамблевый принцип номинации ЖК облегчает запоминаемость имен и геолокации домов на основании общей тематики и одновременно служит для репрезентации доминирующих тем городской идентичности: «Самара – город-курорт» и «Самара космическая».

Список литературы

1. Купить квартиру в новостройке в Самаре [электронный ресурс] // URL: https://realty.yandex.ru/samara/kupit/novostrojka/?nosplash=1&utm_content=title&from=wizard.newbuilding&utm_source=wizard&utm_campaign=newbuilding (дата обращения: 21.01.2022).
2. ЦИАН. Квартиры в новостройках (ЖК) в Самаре [электронный ресурс] // URL: <https://samara.cian.ru/povostroyki/> (дата обращения: 21.01.2022).
3. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. – С. 185–203.
4. Разумов, Р.В. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Научный диалог. 2018. № 9. – С. 76–97.
5. Соколова, Т.П. Тенденции эргонимической номинации / Т.П. Соколова // Ономастика Поволжья: сб. матер. XII Междунар. науч. конф. Казань, 2010. – С. 364–367.

***

О ГОДОНИМАХ – ПОСВЯЩЕНИЯХ МУСТАЮ КАРИМУ

Р.А. Шаяхметов

независимый исследователь (Уфа, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются названия улиц, посвященных башкирскому писателю Мустаю Кариму. Таких топонимов обнаружено около 75, преимущественно на территории Республики Башкортостан. Такие годонимы могут формировать культурный ландшафт с преобладающей семантикой 'писатель'; 'имя-символ башкирской культуры'.

Ключевые слова: псевдоним, культурный ландшафт, топонимический ландшафт.

Линейных объектов, посвященных памяти писателя Мустаю Карима (20.10.1919 – 21.9.2005), в общей сложности обнаруживается в 75 населенных пунктах. Более 70 из них в Башкортостане

и имеют второе название на языке башкир; они относимы к микротопонимии, в которой башкирский язык представлен опосредованно через транскрипцию национальных фамилий, реалий [Русско-башкирский словарь-справочник, с. 5].

Наиболее частотен (49 штук) годоним *улица Мустая Карима* (башк. *Мостай Кәрим урамы*, единичная транслитерация на русский – *Мостай Кәрим урамы* – в г. Октябрьский). Годоним *улица М. Карима* (башк. *М. Кәрим урамы*) встречается 20 раз; остальные (*переулок Мустая Карима*; *улица им. [ени] Мустая Карима*; *переулок М. Карима*; *улица Карима* (?)) единичны (см.: Приложение 1). Элементов улично-дорожной сети в разбираемой группе годонимов всего два: *улица* и *переулок*; нет среди них объектов протяженных (*шоссе, магистраль, тракт*); связанных с историческим развитием уличной сети (*спуск, проулок, тупик*). Теоретически ожидаемо распространение годонимов *бульвар / проспект / площадь Мустая Карима*.

Онимный компонент годонима *Мустая Карима* / единич. *Карима* находится в одном семантическом ряду ‘прославленный писатель/поэт’ с: *Пушкина* (около 170 улиц и т.п. в Башкортостане), *Мажита Гафури / Гафури* (≈ 160 в РБ, ≈ 200 по бывшему СССР), *Тукая / Габдуллы Тукая* (≈ 90 в РБ, ≈ 470 в Татарстане, всего в России ≈ 670), *Горького / редк. Максима Горького* (≈ 85 в РБ) и др. В этом семантическом поле годонимов названия улиц-переулков памяти Мустая Карима по времени самые поздние; их появление зачастую вписывалось в уже имеющийся топонимический ландшафт, намного реже – в формирующийся.

Географический термин – один из двух семантических компонентов каждого топонима; второй собственно сам оним. То и другое при возрастании частотности словоупотребления сокращается в речи и на письме. Аббревиация годонима *улица Мустая Карима* > *ул. М. Карима* > *Карима* («Я на Карима» – фраза по телефону о своем местонахождении на именной улице) происходит по закону речевой экономии. Здесь мы видим почти полную потерю онима с мотивирующей составляющей. Подобно сокращается псевдоним *Мустай Карим*, как в ряде официальных документах (хотя требуется полное именование), так и в бытовом употреблении. Тут две причины. 1) Псевдоним представляет, как правило, целостное наименование, где важен каждый знак. 2) В случае перехода упрощенного онима *М. Карим, Карим* в урбонимию теряется мемориальная информация; возможна семантическая двойственность. Так, в пос. Нарышево г. Октябрьский есть *улица Карима*; в честь бывшего председателя совета общественности (Решение Октябрьского городского Совета депутатов Республики Башкортостан от 27.12.2001 № 17/8). В г. Салават *улица Карима* в новом микрорайоне Спутник требует дополнительных усилий для выяснения причин его именованья. Специалисты считают, что «номинации внутригородских объектов по персоналиям должны обязательно состоять из имени и фамилии или вспомогательного слова и фамилии» [Русско-башкирский словарь-справочник, с. 4].

Сущность топонима – географическое положение / характеристика места; но в годонимах-посвящениях закладывается семантическая связь с именем, с родом деятельности человека. Имя с обложки книг, а не из паспорта, становится мотивирующим в топонимах-посвящениях Мустаю Кариму, ставших, таким образом, вторыми производными от паспортного имени. *Каримов Мустафа Сафич*, а не *Мустай Карим*, был удостоен высшего звания СССР «Герой Социалистического Труда», ордена «Салават Юлаев», избирался делегатом съездов КПСС, Верховного Совета РСФСР и БАССР. Именование башкортостанских улиц в память о Мустае Кариме – часть процесса формирования особого пласта культурного ландшафта, связанного с увековечением памяти народного поэта Башкортостана Мустафы Сафича Каримова (Мустая Карима). Выделим в Указе Президента Республики Башкортостан от 17.01.2006 № УП-9 характерные для обозначенного процесса события: «1. Правительству Республики Башкортостан: присвоить имя Мустая Карима Национальному молодежному театру Республики Башкортостан и средней общеобразовательной школе с. Кляшево Чишминского района; установить памятник Мустаю Кариму в столице Республики Башкортостан; 2. Предложить: Совету городского округа город Уфа Республики Башкортостан присвоить

имя Мустая Карима одной из улиц г. Уфы; администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан установить мемориальную доску с барельефом народного поэта на доме по адресу: г. Уфа, ул. Энгельса, 5; администрации муниципального района Чишминский район Республики Башкортостан благоустроить памятные места, связанные с именем народного поэта Башкортостана».

Рассмотрим формирование культурного ландшафта с улицами имени Мустая Карима в четырех мегаполисах.

Уфа, столица Башкортостана. Совет ГО г. Уфа, опираясь на президентский указ от 17 января 2006 г., 24 мая того же года решил: «переименовать улицу Социалистическую, расположенную в Ленинском и Советском районах города, в улицу Мустая Карима». Со временем улица стала притяжением культурной тематики ‘Мустай Карим’. Здесь, на пересечении улиц Кирова и Мустая Карима, появилась площадь и сквер им. Мустая Карима.

Казань, столица Татарстана. Постановлением Исполкома г. Казани от 07.03.2019 в возводимом жилом комплексе «Салават Купере» получили имена новые линейные объекты, формируя культурный ландшафт: «улица Мустая Карима – Мостай Кәрим урамы» («имя башкирского советского поэта, писателя и драматурга, народного поэта Башкирской АССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Каримова Мустафы Сафиевича»), «проспект Ильгама Шакирова – Илхам Шакиров проспекты» («в честь выдающегося представителя татарской музыкальной культуры, народного артиста Российской Федерации Шакирова Ильгама Гильмутдиновича»), «улица Альфии Авзаловой – Элфия Авзалова урамы» («в честь советской и российской татарской певицы, народной артистки Татарской АССР, заслуженной артистки РСФСР Авзаовой Альфии Авзаловны»).

Алматы, экс-столица Казахстана. Из законодательного акта, вступившего в силу 29 декабря 2018 года: «... акимат города Алматы ПОСТАНОВЛЯЕТ и маслихат города Алматы VI-го созыва РЕШИЛ: 1. Переименовать: ... по микрорайону «Первомайский» [сейчас – *Кемел. Р. III*] Жетысуского района города Алматы... улицу Э. Молдагулова [Улица А. Молдагуловой. *Р. III*] – в улицу Мұстай Кәрім». Подчеркнем: в названии алматинской улицы *литературное имя* Мустая Карима – фронтовика, фронтового корреспондента, Героя Социалистического Труда сменило имя девушки-снайпера, Героя Советского Союза (1944, посмертно) Элия Нурмухамбеткызы Молдагулова (русск. Алия Нурмухамбетовна Молдагулова) (25.10.1925 – 14.01.1944).

Москва. Несколько проектируемых проездов в Даниловском районе Южного административного округа были объединены в улицу Мустая Карима в январе 2018 года согласно Постановлению Правительства Москвы в канун столетия Мустая Карима и Республики Башкортостана. Обратим внимание: имя писателя и имя республики стоят в одном семантическом ряду. На Нагатинской набережной сформировался небольшой топонимический кластер (пр. Лихачева, ул. Мустая Карима, ядро – пр. Андропова, с 1984 г.) с потенциалом дальнейшего роста.

Улицы-посвящения могут стать точкой формирования культурного ландшафта не только в мегаполисах. Во исполнение вышеуказанного Указа Совет МР Чишминский район 1 декабря 2006 г. принял решение «1. переименовать часть улицы Трастовой ... рабочего поселка Чишмы, присвоив наименование “улица Мустая Карима“. 2. Переименовать улицу Школьную села Кляшево, присвоив наименование “улица Мустая Карима“». Таким образом, на малой родине Народного поэта после появления мемориальных улиц начался создаваться кластер объектов: *МБОУ СОШ имени Мустая Карима по ул. М.Карима, д.13* и *музей-усадьба Мустая Карима* по тому же адресу. К сожалению, этот процесс не дошел до логического завершения; музей ликвидирован.

11 мая 2007 года Совет муниципального района Мелеузовский район решил «объединить улицы Промкомбинатскую и Яковлева города Мелеуза, присвоив новой улице наименование улицы Мустая Карима». К переименованной улице примыкает ул. Пушкина, параллельно идет ул. Мажита Гафури, вблизи проходит ул. Достоевского, ул. Библиотечная. Нахождение этого

топонимного кластера возле местных зон притяжения (парк имени Ю.А. Гагарина, побережье р. Белая, лыжная база), транспортная доступность (автомагистральная ул. Береговая), в том числе городским общественным транспортом; наличие двух гостиниц и профилактория, позволяет видеть возможность проектирования здесь локальной туристической достопримечательности пешей доступности типа «литературный квартал», с дальнейшим приумножением его культурных компонентов.

Особо стоит выделить нижеследующую ситуацию, со слиянием в единое семантическое пространство двух этнических разных культурных ландшафтов.

Под Стерлитамаком, экс-столицей Башкирии, есть русское село Загородный и татарская деревня Байрак, фактически являющиеся одним селением. С одним на двоих реестром улиц (годонимией), без повторяющихся названий. В Загородном улица Мустая Карима находится у кадастровой границы двух населённых пунктов. Будучи более поздней по времени появления, она расширила «литературный квартал» в д. Байрак с улочками Ахматовой, Булгакова, Бунина, Гайдара, Гумилева, Есенина, Лескова, Пастернака, Цветаевой и стала связующей с улицами Габдулы Тукая, Мажита Гафури, Рами Гарипова, Пушкина.

Возможны и внутригородские мотивы появления улиц имени Мустая Карима, без формирования хотя бы топонимного кластера. Так, совет ГО г. Октябрьский 24 мая 2012 переименовал ул. N 16 в 40 мкр. в ул. Мустая Карима со следующим обоснованием: «имя народного поэта Башкортостана известно каждому со школьной скамьи, его многогранное творчество – поистине достояние республики. Мустай Карим неоднократно приезжал в наш город. В статье «Носящий имя революции» Мустай Карим написал о нашем городе: «Наш Октябрьский... С особым волнением произношу я эти два слова, имея при этом в виду не только наш молодой город нефтяников...». Жизнь и творчество Мустая Карима служат бесценным источником гражданского и духовного совершенствования и для детей и молодежи нынешнего поколения горожан. Его книги кровно близки нам, так как затрагивают самые насущные, самые коренные, глобальные проблемы нашего времени». Более кратко обосновано решение Совета ГО г. Нефтекамск от 18.12.2008: «присвоить имена лиц, имеющих выдающиеся достижения перед городом Нефтекамском и Республикой Башкортостан, новым улицам...: улица Мустая Карима – в микрорайоне 23». Для сравнения: 17.06.2008 было решено «присвоить новым улицам микрорайона индивидуальной жилой застройки Телецентр г. Бирска следующие названия: Победы, Башкортостана, Строительная, Мустая Карима».

Итак, полная, трехчленная модель (или часть) официального имени *Каримов Мустафа Сафич* в топонимах не зафиксирована. Годонимы, названные в память о выдающемся башкирском писателе *Мустае Кариме*, подавляющим образом (примерно 70 из 75) находятся в Башкортостане. Годонимы-посвящения за пределами Башкирии выступает символом всего башкирского народа, его культуры. Годонимы становятся (или имеют потенциал становления) частью топонимического кластера и культурного ландшафта с преобладающей семантикой ‘писатель’; ‘имя-символ башкирской культуры’. При увеличении частотности городского топонима возможна десемантизация онима и потеря его онимообразовательной мотивации.

Список законодательных актов

1. О переименовании улиц города Алматы. Совместное постановление акимата города Алматы от 29 декабря 2018 года № 4/605 и решение внеочередной XXXIX сессии маслихата города Алматы VI созыва от 28 декабря 2018 года № 300.
2. Постановление Исполнительного комитета г. Казани от 07.03.2019 №777 «О наименовании улиц в жилом комплексе “Салават Купере”».
3. Постановление Правительства Москвы от 16.01.2018 N 7-ПП «О присвоении наименований линейным транспортным объектам города Москвы и внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 24 июня 2008 г. N 564-ПП».

4. Решение Совета городского округа г. Нефтекамск Республики Башкортостан от 18.12.2008 № 2–08/07 «О наименовании новых улиц в микрорайонах 23 и 25–б г. Нефтекамска Республики Башкортостан».
5. Решение Совета городского округа г. Октябрьский Республики Башкортостан от 24.05.2012 № 31 «О наименовании улиц в городском округе город Октябрьский Республики Башкортостан».
6. Решение Совета городского округа г. Уфа Республики Башкортостан от 24.05.2006 № 11/7 «О переименовании улицы Социалистической в улицу имени народного поэта Башкортостана Мустая Карима».
7. Решение Совета муниципального района Бирский район Республики Башкортостан от 17.06.2008 № 520 «О наименовании новых улиц в микрорайоне индивидуальной жилой застройки “Телецентр” г. Бирска».
8. Решение Совета муниципального района Мелеузовский район Республики Башкортостан от 11.05.2007 № 205 «О воссоединении улиц Промкомбинатской и Яковлева города Мелеуза и переименовании новой улицы в улицу имени Мустая Карима».
9. Решение Совета муниципального района Чишминский район Республики Башкортостан от 01.12.2006 № 102 «О переименовании улиц населенных пунктов муниципального района Чишминский район».
10. Указ Президента Республики Башкортостан от 17.01.2006 № УП-9 «Об увековечении памяти народного поэта Башкортостана Мустафы Сафича Каримова (Мустая Карима)».

Список литературы

11. Русско-башкирский словарь-справочник названий улиц городов Республики Башкортостан / РАН. Уфим. науч. центр. Ин-т истории, яз. и лит., АН Респ. Башкортостан ; [Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Суфьянова Н.Ф.]. – Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. – 309 с.

Приложение 1. Список годонимов-посвящений Мустаю Кариму в Республике Башкортостан (на 1.02.2019 г.)

улица Мустая Карима: с. Аскарново, с. Красная Башкирия, с. Ташбулатово, д. Таштимерово, с. Янгельское (Абзелиловский р-н); с. Архангельское, д. Заря, д. Максим Горький (Архангельский р-н); с. Аскино, д. Кшлау–Елга (Аскинский р-н); с. Старобалтачево (Бакалинский р-н); с. Языково (Благоварский р-н); с. Старосубхангулово (Бурзянский р-н); с. Ивано-Казанка, д. Тюлько-Тамак (Иглинский р-н); с. Калтасы, с. Краснохолмский (Калтасинский р-н); с. Караидель, д. Юлдашево (Караидельский р-н); с. Кармаскалы, с. Прибельский, д. Сахаево (Кармаскалинский р-н); с. Кушнареново (Кушнареновский р-н); с. Красная Горка (Нуримановский р-н); с. Малояз, с. Мурсалимкино (Салаватский р-н); с. Елимбетово (Стерлибашевский р-н); с. Мариинский, с. Загородный (Стерлитамакский р-н); д. Кудашево, с. Учалы (Учалинский р-н); с. Жуково, д. Шамонино (Уфимский р-н); с. Акъяр, с. Бурибай, д. Исянгильдино (Хайбуллинский р-н); рп. Чишмы, с. Кляшево, с. Шингак–Куль (Чишминский р-н); города Белорецк, Бирск, Ишимбай, Мелеуз, Нефтекамск, Октябрьский, Сибай, Учалы, Уфа, Янаул.

переулок Мустая Карима – с. Ахуново (Учалинский р-н).

Вариант улица им.[ени] Мустая Карима – с. Новобелокатай (Белокатайский р-н).

Вариант переулок им.[ени] Мустая Карима – не обнаружен (теоретически возможен).

Неполное литературное имя: Улица М.Карима – с. Старый Сибай (Баймакский р-н); г. Баймак, с. Бакалы (Бакалинский р-н); с. Инзер (Белорецкий р-н); с. Буздяк (Буздякский р-н); с. Красноу-сольский (Гафурийский р-н); с. Новопавловка (Зианчуринский р-н); с. Ямансаз (Зилаирский р-н); с. Иглино, с. Акбердино, с. Тавтиманово (Иглинский р-н); с. Нижнеяркеево (Илишевский р-н); с. Мраково (Кугарчинский р-н); с. Чесноковка (Уфимский р-н); д. Акташево, д. Комсомольск, с. Татыр-Узьяк (Хайбуллинский р-н).

переулок М.Карима – с. Уральск (Учалинский р-н).

улица Карима – г. Салават.

переулок Карима – не обнаружен.

***

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РУССКОЙ ЗООНИМИИ

Е.Н. Варникова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Вологодский филиал (Вологда, Россия)*

Аннотация. В статье рассматриваются приемы и средства создания языковой игры в русской зоонимии. Они используются при образовании как отдельных кличек и их производных, так и зоонимических микросистем, синхронных и диахронных. Описание игровых приемов и средств дается по уровням системы языка.

Ключевые слова: русский язык, ономастика, зоонимия, языковая игра, ономастическая игра, функции зоонимов.

При описании приемов языковой игры в ономастике (ономастической игры) предметом анализа исследователей обычно являются антропонимы как наиболее изученный ядерный класс онома, характеризующийся высокой степенью информативности с точки зрения антропоцентрической парадигмы современного языкознания. Чаще всего ономастическое имятворчество рассматривается на материале прозвищ, что обусловлено их функциональной спецификой, экспрессивностью и устно-разговорной сферой употребления [Гридина 1996; Боброва 2016; Федотова 2019 и др.]. Другие классы собственных имен тоже начинают исследоваться в этом отношении [Голомидова 2012; Замалетдинова 2016 и др.]. Зоонимы к их числу, к сожалению, не относятся.

Данная статья посвящена анализу некоторых приемов и средств языковой игры в зоонимии. В работе используются материалы и результаты исследований по русской зоонимике, личная картотека автора, а также зоонимические факты, извлеченные из художественной литературы, массовой печати и интернет-ресурсов.

Как показывает анализ собранного материала, языковая игра в зоонимии возникает при образовании не только отдельных кличек и их производных, но и зоонимических микросистем, синхронных и диахронных. Приемы и средства создания языковой игры очень разнообразны. Рассмотрим их последовательно по уровням системы языка.

На фонетическом уровне отмечаются такие приемы, как протеза, созвучие и рифмовка. Протеза используется при назывании животных, которые появляются на смену ушедшим: тойтерьер *Барни* – «до него был *Арни*», кошка *Брыська* – дочь *Рыськи*. Иногда в подобных случаях клички создаются по принципу метаграммы: *Роська* – «до нее была *Рыська*, *Роська* – внучка *Рыськи*». На основе созвучия образуются микросистемы зоонимов: собаки *Бим* – *Бом*, *Трэк* – *Трак*, кошки *Рыська* – *Брыська* – *Роська*. Созвучие используется также при создании кличек животных, персонажей литературных произведений, по антропонимическим моделям: коты *Василий Васильевич* (Е.И. Чарушин), *Иван Иванович* (С.А. Золотцев). В «реальной» зоонимии такие образования тоже встречаются: коты *Семён Семёныч*, *Тимон Тимоныч*, *Тихон Тихоныч*, *Филипп Филиппыч* (созвучны имена и «отчества» котов, при этом «отчества» могут отражать реальное родство: *Филя* – сын *Фили*). Зоонимические микросистемы могут создаваться и посредством рифмовки их элементов: собаки *Белка* – *Стрелка*, *Ветерок* – *Уголёк*, *Тиль-Тиль* – *Митиль*, кошки *Матрёшка* – *Картошка*, лошади *Авось* – *Небось*.

Графические приемы языковой игры (нестандартная реализация графической формы слова, нарочитое нарушение действующих орфографических правил, совмещение элементов одного языка, но разных хронологических пластов, смешение кириллической и латинской графики и пр.), отмеченные, например, в никнеймах и эргонимах [Голованова 2009: 60–62; Голомидова 2012: 72; Замалетдинова 2016: 13], в зоонимии не фиксируются. По-видимому, это объясняется тем, что клички

животных употребляются преимущественно в устной речи. В письменной форме они используются в официальных документах (каталогах выставок, журналах бонитировки и пр.), где игра, во-первых, неуместна, во-вторых, она затрудняла бы идентификацию животных. Совмещение букв и цифр, отмеченное в официальной гиппонимии и кинонимии, не является языковой игрой. Это способ передачи родства лошадей и собак: лошади *Атласный II* – сын *Атласного I*, *Лебедь 1-й* – *Лебедь 2-й* – *Лебедь 3-й* – *Лебедь 4-й*, *Подарок II* – сын *Подарка I*, *Ширяй 2-й* – сын *Ширяя*; собаки *Журишка IV*, *Легенда II*, *Нора VIII*, *Тиран II* и др. В устной речи цифровые определители не употребляются.

К словообразовательному уровню относятся игры с уменьшительными производными, создание окказиональных зоонимов, производство слов путем соединения русских и иноязычных компонентов, образование зоонимов по антропонимическим моделям, эхо-прием, обратное словообразование, аббревиация, а также построение микросистем зоонимов по одной словообразовательной модели. Почти все эти приемы языковой игры применяются в процессе использования зоонимов в речи при образовании их модификатов (деминутивов и – реже – пейоративов).

Игры с уменьшительными производными проиллюстрируем на примерах фелинонимов: кот *Кекс* – деминутивы *Кексюшка*, *Кексяра*, *Кексярочка*, *Кекс-Кексс-Кексссс* (с кличкой совмещается слово подзыва для кошек); кот *Филипп Ностальжи Бьюти* (паспортное имя включает в себя кличку и название питомника) – модификаты имени (образуются от домашней клички и употребляются в процессе общения с животным): *Филя*, *Филька*, *Филечка*, *Филёк*, *Филюшка*, *Филёныш*, *Филища*, *Филипуська*, *Филипусина*, *Филипусица*, *Филипух*. Как видно, в число производных входят и окказионализмы *Филёныш*, *Филипусина* и *Филипух* – первый создан по аналогии с нарицательным существительным *детёныш*, второй – по модели единичных существительных, третий по структуре напоминает имя героя сказки А. Милна «Винни-Пух и все-все-все». Среди зоонимических модификатов нередко отмечаются окказионализмы с суффиксом *-онок/-ёнок*: кот *Барсик* – *Барсёнок*, кот *Рыжик* – *Рыжонок*, собака *Тузик* – *Тузёнок* и др.

Образование модификатов от антропозоонимов, производных от иноязычных по употреблению имен, осуществляется с помощью русских суффиксов. В качестве примеров приведем клички собак декоративных пород: *Абигейл* (официальное имя) – гипокористики *Бига*, *Бигуша*, *Бигушка*; *Адель* – *Аделя*, *Аделька*, *Аделюшка*; *Алан* – *Аланчик*; *Али* – *Алиша*; *Альфред* – *Фредди*, *Фреддик*, *Фред*, *Фредя*, *Фредюша*, *Фредюшка*, *Фредька*; *Арчибальд* – *Арчи*, *Арчик* и др. То же наблюдается в кличках кошек: *Бонифаций* – *Боня*, *Бонимушечка*; *Нельсон* – *Нельсик*, *Нельсяшка*; *Семюэль* – *Семчик*. И напротив, при образовании модификатов от антропозоонимов, в основе которых лежат русские по употреблению имена, могут использоваться иноязычные элементы (форманты, финали, а также корни, которые ведут себя как суффиксоиды): кот *Кузя* – *Кузенька*, *Кузень*, *Кузелло* (ср. араб. *Отелло*), *Кузенбах* (ср. герм. *Оффенбах*); кошка *Марфа* – производные *Марфуша*, *Марфушка*, *Марфушенька*, *Марфильда* (ср. герм. *Матильда*); кот *Тишка* – *Тишенька*, *Тишуля*, *Тишунчик*, *Тишвард* (ср. герм. *Эдвард*). Иноязычные аффиксы участвуют и в образовании модификатов традиционных русских фелинонимов: кошка *Бусинка* – производные *Буся*, *Бусильда*; кошка *Маркиза* – *Маркизишина*, *Маркизетта* (ср.: итал. *Джульетта*); кошка *Муська* – *Муся*, *Мусенька*, *Мусильда*. Иногда такие образования становятся официальными именами: кошки *Басильда* (*Бася*, *Басенька*, *Баська*), *Мусильда*.

По антропонимическим образцам создаются модификаты зоонимов неименного (неантропонимического) происхождения: кот *Марсианин* – производные *Марся*, *Марсик*, *Марсенька*, *Марсюша*, *Марселло*; кот *Фокс* – *Фоксик*, *Фоксюша*; собака *Жулька* – производные *Жуля*, *Жулечка*, *Жулюшка*, *Жулице*, *Жулиана* (ср. *Татьяна*); собака *Карат* – производные *Каратка*, *Каратик*, *Карашиа*, *Караха*, *Каратион* (ср. *Родион*); пес *Туман* – *Туманка*; пес *Шарик* – *Шаричек*, *Шаруня*, *Шароня*; конь *Вопрос* – *Вопроска* и др. Среди модификатов нередко встречаются дериваты, соответствующие по структуре русским фамилиям: кот *Кузя* – производные *Кузяка*, *Кузякин*, *Кузя-Зюзя*, *Зюзька*, *Зюзькин*; кот *Тучка* – *Тучкарь*, *Тучкарик*, *Тучкарёв*; пес *Грозный* – *Гроз*, *Грозька*, *Грозькин*. Официальные клички могут иметь форму отчеств и фамилий: кот *Кузьмич*, кот *Мурыч* (герой детской радиопередачи), кот *Матроскин* (кличка героя мультипликационного фильма «Каникулы

в Простоквашино» (1980 г.) Э. Успенского и В. Попова стала одной из популярных в «реальной» зоонимии). Отмечаются также образования по формуле «имя + “отчество”» (они имеют подчеркнуто шуточный характер): кошка *Анфиса – Фиса*, «иногда *Анфиса Ивановна*», кошка *Марфа Петровна*, кошка *Мурка Барсиковна* (персонаж детской радиопередачи), кошка *Мотя – Матильда Вильгельмовна*, кошка *Пушинка – Пульхерия Львовна*, кот *Кеша – Иннокентий Татьянович* (по имени женщины, спасшей кота), собаки *Ерофей Ёжикович*, *Ерофей Фениксович*, *Инга Петровна*, *Тори Хичкоковна* (по кличке отца *Хичкок*), она же *Тори Цверизовна* (отец из питомника *Цвериз*) и др. Выбор средств для создания таких кличек и степень стилизации под антропонимические модели могут зависеть от профессиональных интересов и компетенций номинаторов: *Хина Марковна* и *Бром Исаевич* – собаки А.П. Чехова, врача по профессии; *Тихон Васильев сын Махряковых* *Кякша Рваное Ухо Мордолоб* – кот *Тишка* лингвиста Л.П. Михайловой (именование создано по древнерусской антропонимической модели).

Реже встречаются другие приемы, в частности, так называемые эхо-конструкции, состоящие из рифмующихся созвучных слов: кот *Кузя-Зюзя*, кошка *Марфушенька-Душенька*, кот *Филя – Филя-Простофиля* («когда теряется в незнакомой обстановке»), кот *Рыжик – Жулик-Рыжулик* («когда ласкается и просит, чтобы погладили»). Отметим также случаи обратного словообразования: кошку *Белку* называют *Белой*, *Пушинку* – *Пушиной*, корову *Зорьку* – *Зорей*, лошадь *Волынку* – *Волыной*, *Таганку* – *Таганой*. Крайне редко фиксируются зоонимы-аббревиатуры: кот *БЧК* – *Большой чёрный кот*, кошка *КВД* – была найдена и подобрана около здания *кожно-венерологического диспансера*. В силу своей необычности такие образования воспринимаются как шуточные, занимательные. Эти эффекты усиливаются при игровой расшифровке аббревиатур: петух *Суп* – *Самый умный петух*.

Клички, составляющие зоонимические микросистемы, могут создаваться по одной и той же структурно-семантической модели: коровы *Августина – Декабрина – Октябрина – Сентябрина – Февралина – Январина*; *Белоха – Бурёха – Красноха – Пестроха – Пятноха – Черноха*; *Белоголовка – Белогубка – Белоножка – Белопашка – Белорожка*; собаки *Кора Дарлинг – Кэт Дарлинг*; *Мисс Эвелин – Мисс Перивинк*; *Дези-Успех – Джемма-Успех*; *Принц Ге де Монплеизир – Принц Жа де Монплеизир*; *Докучай Порецкий – Догоняй Порецкий – Затевай Порецкий* и др.

Морфологические игровые приемы в зоонимии в сравнении со словообразовательными не столь многообразны. Отметим лишь вынужденное изменение родовой принадлежности кличек, обусловленное ошибочным определением пола животных: кошка *Василиса* – «думали, котик *Вася*, оказалась кошечка»; кот *Мусик* – «брали кошку *Муську*, а это кот»; кошка *Филиппина* – «кот *Филя* оказался кошкой – переименовали, получилась *Филиппина*»; собака *Шарина* – «брали *Шарика*, оказалась *Шарина*».

Лексические приемы и средства создания языковой игры отмечаются как в отдельных кличках, так и в зоонимических микросистемах. В отдельных зоонимах обычно обыгрываются переносы на основе метафоры и синекдохи, явление антонимии, а также несоответствие имен животных их видовым или породным характеристикам. Зоонимические микросистемы строятся на основе различных связей нарицательных слов и прецедентных имен, от которых образованы клички.

Метафорические номинации широко представлены в зоонимах разных видов. Чаще всего они отмечаются среди кличек, отражающих внешние признаки животных (цвет шерсти, размер, степень упитанности и пр.), особенности нрава и поведения и др. Например, кошки и коты белого (или преобладающего белого) цвета могут иметь имена *Айсберг* (*Айс*), *Кефир*, *Мелок*, *Метель*, *Сметана*, *Снежа*, *Снежка*, *Снежинка*, *Снежок* и др. Многие зоонимические метафоры строятся на устойчивых сравнениях русского языка: *белый как мел* [Огольцев 2001: 347], *белый, как (словно, точно) сметана* [Огольцев 2001: 607], *белый, как снег* [Огольцев 2001: 610–611]. Клички-метафоры, как правило, экспрессивны, выразительны. Приведем несколько примеров зоонимов, отражающих размер, форму и степень упитанности животных: кот *Батон* – «он рыжий и толстый, как батон», кот *Бегемотик*, кот *Беляш*, кошка *Боча*, кот *Пончик*, кот *Пуфик*, кошка *Тучка*, кот *Штрудель*, такса *Сосиска*, такса *Чемодан* и др. Такие номинации, очевидно, заслуживают особого рассмотрения.

Переносы на основе синекдохи отмечаются в зоонимах, образованных от соматической лексики: собака *Лапка*, кошки *Лапа*, *Ушки*, *Хвостик*. Зоонимы-соматизмы в современных кличках кошек и собак имеют отчетливо выраженный уменьшительно-ласкательный характер. Подобные номинации в исторических кличках лошадей, очевидно, не являются экспрессивными, игровыми: лошади *Копыто*, *Лодышка*, *Нога*, *Нос*. На наш взгляд, они могут быть связаны с какими-либо внешними признаками животных – особенностями окраса или физическими недостатками.

В качестве зоонимов, отражающих те или иные свойства животных, могут использоваться слова с не соответствующим этим свойствам или прямо противоположным значением: собака породы йоркширский терьер носит кличку *Нежная Жоржетт*, что не соотносится с ее нравом и поведением: «Вот уж оторва так оторва. Весь участок в ямах, мышей и других грызунов ловит. В дырку забора вылезла, у соседей цыплят передушила» [Иржины заметки]; собака породы лабрадор редкого черного окраса имеет кличку *Вайт* (англ. White ‘белый’), домашнее имя *Вася*.

Особым приемом языковой игры в зоонимии является, как было отмечено выше, несоответствие имен животных их видовым и/или породным характеристикам. Этот прием строится на нарушении норм мышления и языка и используется при наделении животных одного вида кличками, типичными для другого вида: кошка *Бурёнка*, кот *Буцефал*, кот *Джек*, кот *Мухтар* (ср.: название серии коротких рассказов Г. Остера «Котенок по имени Гав»), собака *Барсик*, собака (волкодав) *Пушок*, кошка *Милка*, собака *Милка*, корова *Мурка*, лошадь *Мурка*, корова *Дамка*, корова *Найда*, корова *Жучка*, коза *Зорька*, теленок *Тузик*, поросенок *Тузик* и др.

На достижение эмоционального, экспрессивного эффекта нацелено создание зоонимических микросистем, основанных на различных системных отношениях, присущих апеллятивной лексике: антонимических: жеребец *Сухан* – мерин *Жиряк*, синонимических: коровы *Вьюга – Пурга*, ассоциативных: собаки *Промак – Осечка*, тематических: собаки *Апельсин – Мандарин* и др. Активную роль в образовании зоонимических микросистем играют прецедентные имена: собаки *Адам – Апель – Каин*, *Герда – Кай*, коровы *Зита – Гита*, *Рамона – Ракек*, козлята *Чук* и *Гек*, кошки *Чип – Дейл*, *Том – Джерри* и др. См. об этом подробнее: [Варникова 2017].

Использование синтаксических единиц – словосочетаний и предложений – для номинации животных, в целом не характерное для русской зоонимии, чаще отмечается в официальных кличках породистых лошадей и кошек: лошади *Ах Какая*, *Большая Удача*, *Весенняя Краса*, *Задушевный Друг*, *Кинь Грусть*, *Непобедимый Молодец*, *Хороший Парень*; кошки *Большой Триумф*, *Жаждающий славы*, *Королевич Елисей*, *Солнечный Зайчик* и др. Такие номинации имеют не только эмоционально-экспрессивный, но и рекламный характер, что, безусловно, важно в ситуациях конкурсов, соревнований, выставок. Однако клички, созданные на базе синтаксических единиц, встречаются также в исторической и литературной зоонимии: кобыла *Подтигуз*, собаки *Кабысдох* (И.М. Меттер), *Сутрапьян* (В.И. Белов).

Таким образом, спектр приемов и средств создания языковой игры в русской зоонимии весьма широк. Он охватывает все уровни языковой системы, за исключением графического, что обусловлено преимущественно устной сферой употребления кличек животных. Разнообразие словообразовательных игровых приемов и средств связано с вокативной, эмоциональной и экспрессивной функциями зоонимов. Лексические приемы и средства создания языковой игры в зоонимии отражают тесную связь онома и апеллятивов.

Список литературы

1. Актёры хвостатые [электронный ресурс] // URL.: <http://www.kuklachev.ru/actors/tail/> (дата обращения: 23.09.2016).
2. Белов, В.И. Плотнички рассказы // Он же. Собр. соч. в 7 томах. Т. 2. / В.И. Белов. М.: Классика, 2011. – С. 127–190.
3. Боброва, М.В. Языковая игра в современных прозвищах жителей Пермского края / М.В. Боброва // Уральский филологический вестник. Вып. 2. Екатеринбург, 2016. – С. 38–49.

4. Варникова, Е.Н. К вопросу о системности русской зоонимии / Е.Н. Варникова // В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол.: Е.Л. Березович (отв. ред.), Т.Н. Дмитриева, Н.В. Кабинина и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 133–146.
5. Видели видео [электронный ресурс] // URL.: <http://www.1tv.ru>shows/videli-video> (дата обращения: 18.06.2021).
6. Газета полезных предложений «Городокъ+» [электронный ресурс] // URL.: <http://www.gazeta-gorodok.ru> (дата обращения: 18.06.2021).
7. Голованова, Е.И. Имя пользователя персональным компьютером как объект полипарадигмального анализа // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: матер. междунар. науч. конф. / [под ред. Е.Л. Березович]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 60–62.
8. Голомидова, М.В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные бренды / М.В. Голомидова // Лингвистика креатива: Коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – С. 63–72.
9. Гридина, Т.А. Имена собственные как база языковой игры (на материале отфамильных прозвищ в речи школьников) / Т.А. Гридина // Русский язык в школе. 1996. № 3. – С. 51–55.
10. Замалетдинова, Л.Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Р. Замалетдинова. М. 2016. – 25 с.
11. Золотцев, С.А. Камышовый кот Иван Иванович: История его жизни и смерти / С.А. Золотцев. // Роман-газета. 2001. № 4. – 48 с.
12. Каталог международной выставки кошек. 21–22 сентября 2013 г. Череповец. Череповец, 2013. – 28 с.
13. Каталог международной выставки кошек. 19–20 апреля 2014 г. Череповец. Череповец, 2014. – 31 с.
14. Каталог международной выставки кошек. 08–09 ноября 2014 г. Вологда. Вологда, 2014. – 40 с.
15. Канал «Иржины заметки» / Яндекс Дзен // URL.: <http://zen.yandex.ru>... (дата обращения: 16.07. 2021).
16. Меттер, И.М. Дамка // Он же. Встречи и расставания / И.М. Меттер. Л.: Сов. писатель, 1984. – С. 135–140.
17. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2001. – 800 с.
18. Переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. // Российский государственный архив древних актов, ф. 196, оп. 1, д. 129.
19. Романова, Т.П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Т. П. Романова. Воронеж, 1988. – 22 с.
20. Рядченко, Н.Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 77–84.
21. Федотова, Т.В. Ассоциативно-деривационные стратегии языковой игры в прозвищах современной молодежи // Филологический класс. 2019. № 3 (57). – С. 81–85.
21. Чарушин, Е.И. Избранное / Предисл. И. Бродского / Е.И. Чарушин. Киров: Киров. обл. гос. изд-во, 1950. – 176 с..
22. Щетинин, Л.М. Клички лошадей / Л.М. Щетинин // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Школа-Пресс, 1994. – С. 107–114.

***

ЗООНИМИКОН КОННОСПОРТИВНОГО ДИСКУРСА

А.А. Гарькуша

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ российских и британских зоонимов конноспортивного дискурса – кличек породистых лошадей (иппонимов). Показано место иппонимов в системе имен собственных. Представлена тематическая классификация, которая показывает зависимость выбора кличек породистых лошадей от культурно-исторических

условий. Представлен сопоставительный анализ способов номинации иппонимического пространства.

Ключевые слова: зоонимикон; конноспортивный дискурс; иппоним; тематическая группа; способы номинации.

Изучением кличек животных занимается особый раздел ономастики – зоонимика. Данный раздел ономастики изучает принципы нейминга животных, происхождение, изменение, географическое распространение кличек, а также структуру и развитие зоонимических систем. Зоонимикон – совокупность зоонимов определенного класса, объединенных общими принципами и способами номинации. Зоонимикон конноспортивного дискурса составляет клички породистых лошадей (иппонимы), которые имеют определенную структуру и видоизменяются, исходя из различных факторов (исторических промежутков, правил именования, географии). Исследования зоонимики носят междисциплинарный характер и находятся на стыке социолингвистики, лингвокультурологии, ономастики. По сравнению с другими ономастическими разрядами зоонимика менее разработана. Конноспортивный дискурс тоже представляет собой обширное поле для изучения: ввиду своей динамичности появляются новые виды конного спорта, меняются правила, которые и приводят к языковым изменениям.

Официальные иппонимы занимают в зоонимии особое положение, существенно отличаясь от большей части других видов кличек животных по характеру мотивации, уровню индивидуализации животных, стилистической окраске, продуктивности способов словообразования [Романова 1991: 3].

С развитием конного спорта в XVIII веке Англия стала считаться первой страной, где впервые начали регистрировать клички лошадей. Древняя традиция разведения верховых лошадей привела к специальным канонам в их именовании: стремлению к благозвучным кличкам, содержащим букву из имени отца или матери [Леонович 2015: 101].

В России присвоение породистым лошадям кличек на начальном этапе развития коневодства не было регламентировано, и, начиная с XIX–XX века, данный процесс был преобразован в норму. Стоит отметить, что раньше в России клички лошадям давали исходя из их предназначения, образа. Сегодня официальные иппонимы менее эмоционально окрашены по сравнению с прошлым периодом, преобладает формальный подход к подбору кличек.

Сейчас у каждой чистопородной лошади в России, которая находится в личном владении человека, есть паспорт Всесоюзного научно-исследовательского института коневодства. Данный документ несет всю необходимую информацию о лошади: происхождение, кличка, возраст, порода, описываются отметины, дается полная информация о родителях и номер тавро. В Великобритании паспортизация лошадей также обязательна и имеет свои особенности и запреты.

Данный аспект позволяет нам сделать вывод о том, что у иппонимов есть определенное сходство с одним из самых значительных пластов ономастической лексики – антропонимов. Как отмечает Н.Г. Рядченко, у антропонимов, как и у иппонимов, существуют границы нейминга, которые нельзя нарушать при именовании [Рядченко 1984, 21]. У антропонимов данные ограничения регламентированы конституцией Российской Федерации, у иппонимов – ВНИИ коневодства.

С целью определения мотивированности зоонимов конноспортивного дискурса мы проанализировали регламентированные иппонимы крупнейших конных заводов России и Великобритании, а также племенные книги 1953 и 1987 годов.

В результате ономазиологического анализа 416 зоонимов русского конноспортивного дискурса было выявлено 12 тематических групп кличек лошадей, в основу которых положены два принципа номинации: идентифицирующий и символический (далее приводятся в порядке частотности).

Идентифицирующие иппонимы прямо указывают на какие-либо качества лошади: характер (*Верный, Либерал*); отличительные черты внешности (*Белый* – по окрасу, *Звезда* – по отметине на основании лба у лошади); время рождения (*Август, Суббота, Ночь*).

Символические иппонимы не имеют прямой связи с объектом номинации. Имя часто выбирается путем подбора из энциклопедического словаря слов, в состав которых входят инициалы отца и матери. Символические иппонимы образованы от: названий драгоценных металлов и камней (*Неофита, Изумруд*); названий других представителей фауны (*Горностай, Бобрик*); названий природных явлений (*Смерч, Молния, Радуга*); антропонимов как старых русских имен (*Фекла, Захар*), так и имен иноязычного, античного, книжного происхождения (*Аид, Персефона, Березина*); топонимов (*Амур, Байкал, Франция*); астронимов (*Орион, Андромеда, Нептун*); названий, относящихся к музыке (*Нонет, Бемоль, Капелла 24*); названий конкретных предметов с предполагаемым символическим значением (*Морзянка* – способ передачи сообщений с помощью азбуки морзе, *Индиго, Ливрѳя*); должности, титула, чаще благородного (*Легионер, Программист*).

В результате ономастического анализа 310 зоонимов британского конноспортивного дискурса было выявлено 16 тематических групп, идентифицирующих и символических.

Британские идентифицирующие иппонимы более разнообразные, выделяется несколько тематических групп: половая принадлежность (*Daring Boy, Miss Scotland*); семантическая связь с кличками родителей (*Bold Ruler + Lady Be Good = Disciplinarian; Festive + Coronation Day = Flags Flying*); предполагаемое или действительное качество животного, в особенности его нрав (*Fast Motion, Realistic Brave Lad*), отличительные черты внешности (*Moorland Snow Queen*).

К идентифицирующим мы относим также, во-первых, хвалебные клички, связанные с понятием царственности, величия (*Majesty, Claremont Queen, Black Regent*) или с вероятностью выигрыша, с золотом, богатством, деньгами (*English Gold, High Award, Just a Chance*); во-вторых, парные клички упряжных лошадей, как правило, фонетически созвучные (*Time and Tide, Might and Main, Pride and Prejudice*).

Символические британские иппонимы образованы от названий природных явлений (*Twilight Son*); топонимов (*Balaton, Nayifah*); названий, относящихся к музыке (*All That Jazz*); антропонимов, в том числе иноязычного, книжного происхождения (*Annaliese, Mayson, Estrilda*); названий конкретных предметов или с предполагаемым символическим значением (*Turkish Candle, Flag of Honour*); должности или титула (*Perfect Kossack, Golden Samurai*); названий представителей фауны (*Tadorna, Bartramia, Branta, Red Kite*).

Иппонимическая лексика британского и российского конноспортивного дискурса достаточно неоднородна, в ней присутствуют различные способы образования, которые отличаются в зависимости от временного периода и культуры именования.

И.В. Крюкова выделяет следующие способы номинации, характерные для периферийных имен собственных: 1) лексико-семантический (онимизация, трансонимизация); 2) словообразовательный (аффиксация, субстантивация, аббревиация, словосложение); 3) лексико-синтаксический; 4) фонетический; 5) комплексный (в основном сочетание аббревиации и словосложения) [Крюкова 1997: 169–170].

Лексико-семантический способ предполагает создание новых имен собственных на базе нарицательных существительных (онимизация) или имен собственных других классов (трансонимизация). Как правило, это однословные названия.

Среди иппонимов, созданных путем онимизации, выделяются клички, образованные от абстрактных существительных (*Истина, Счастье, Freedom, Happy*) и конкретных (*Запись, Олимпиада, Радуга, River, Guitar*) и от заимствованных слов, в том числе экзотических, малоизвестных (*Гекатомбеон, Караджа, Rajasinghe, Naifah*).

Иппонимы, созданные путём трансонимизации, образованы от антропонимов (*Василий, Шакира, Тамара, Estrilda, Annaliese*), мифонимов (*Персефона, Березина, Дриона*), топонимов (*Амур, Байкал, Витим, Balaton, London*).

В русской иппонимии преобладают существительные и субстантивированные прилагательные, однако в британском иппонимическом пространстве существует «полная онимическая свобода» [Coates 2014: 6]. В составе британского конноспортивного дискурса могут быть:

прилагательные (*Jeweled, Patriotic*); фразы с прилагательными (*Chilledtothebone, Oh So Spicy*); восклицания (*Diddums, Hip, Hooray*); словосочетания существительных (*Classy Strike*); императивы (*Act Your Shoe Size, Reset to Fit*); глаголы (*Accumulate*); глагольные фразы (*Ain't Talkin'*); предложения (*My Body is a Cage, Only You Maggie, Humor Me Rene*) [Coates 2014: 7].

Лексико-синтаксическим способом созданы названия-словосочетания (*Пряная Брусника, Калина Красная, Черный Ворон, Moorland Snow Queen, My Luck Runs North*)

Словообразовательным способом образованы иппонимы, созданные путем словосложения, суффиксации и аббревиации: словосложение – *Быстролет, Ветрогон, Долгогрив, Одноглаз*; суффиксация – *Гнедко, Старко*; сокращения – *Agim* – от сокращенного нарицательного существительного Агитация. Данный способ представлен только в российском конноспортивном дискурсе.

Комплексным способом созданы иппонимы, сочетающие разные способы номинации, а также иппонимы, включающие цифровые обозначения или специальные знаки: *Розмарин 2012* (год рождения жеребца), *Радуга Терск, Loot 28, Majesty 2015*.

При сопоставлении иппонимов российского и британского конноспортивного дискурса выявлены следующие различия:

1) В Великобритании процесс официального нейминга вариативнее, в него включены семантические ассоциации с именами матери и отца, мотивированность кличек (хвалебные, по половой принадлежности, указывающие на особенности лошади) наиболее частотна, чем в России.

2) Тематические группы, которые схожи по значению, имеют разную частотность в российском и британском конноспортивном дискурсе. Так, у русских иппонимов наиболее репрезентативная группа – указывающие на характер лошади, а у британских – указывающие на половую принадлежность.

3) У британских иппонимов отмечается характерная частотность «двойного имени».

Анализ иппонимов, относящихся к разным временным периодам, показал, что 1) современные иппонимы, по сравнению с поздними периодами, более строго подчиняются регламенту, который существует в обеих лингвокультурах; 2) современный нейминг расширен и усложнен, больше структурно-семантических модификаций различных слов, присутствуют редкие слова.

4) Способы номинации в британском и российском конноспортивном дискурсе отличаются тем, что лексико-синтаксический способ образования преобладает в Британии. Комплексный способ менее частотен, на основании этого мы можем сделать вывод о том, что в Британии владельцы лошадей реже добавляют в кличку своей лошади дополнительную информацию о рождении, заводе и т.д. Словообразовательный способ распространён в российской иппонимии, что может быть связано с большей активностью суффиксальных образований в русском языке, однако в качестве британских кличек лошадей используют не только существительные и прилагательные, но и глаголы. Лексико-семантический способ образования британских иппонимов наиболее схож с русскими иппонимами.

Таким образом, иппонимы отражают меняющиеся со временем номинативные предпочтения носителей неблизкородственных языков и культур.

Список литературы

1. Крюкова, И.В. Основные номинационные процессы в периферийной зоне ономастического пространства / И.В. Крюкова // Ономастика Поволжья: Матер. VII конф. по ономастике Поволжья. Волгоград: Перемена, 1997. – С. 168–173.
2. Леонович, О.А. Введение в англоязычную ономастику: учебное пособие / О.А. Леонович. М.: КДУ, 2015. – 250 с.
3. Романова, Т.П. Основные семантические компоненты иппонима и структура иппонимического поля / Т.П. Романова // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 151–157.
4. Рядченко, Н.Г. Из наблюдений над русской зоонимией / Н.Г. Рядченко // Русская ономастика. Одесса, 1984. – С. 55–63.

5. Coates, R. We are surrounded by onymies: relations among names, nametypes, and terminological categories / R. Coates. // Names in Daily Life: Proceedings of the XXIV ICOS International Congress of Onomastic Sciences. Barcelona: Generalitat de Catalunya, 2014. – P. 6–13.

***

АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ КЛИЧЕК У СОБАК ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОХОТНИЧЬИХ ПОРОД

А.Р. Мельникова, О.С. Попцова, Т.В. Шеремета
Пермский институт ФСИИ России (Пермь, Россия)

Аннотация. В статье проведен анализ распространенности кличек среди собак охотничьих пород, выведенных в России: русская пегая гончая, русская псовая борзая, русско-европейская лайка. Предпринята попытка установить различия при присвоении кличек охотничьим собакам, различающихся по породным признакам. В результате исследования установлено, что при номинировании собак, принадлежащих к данным породам, имеются некоторые отличия, выражающиеся в использовании определенных лексических категорий.

Ключевые слова: охотничьи породы; киноним; кличка; зоонимы; зоонимика; распространенность.

Наименование животных относится к наиболее древнему пласту человеческой лексики. Но и современный мир трудно представить без животных, которые очень плотно вошли в нашу жизнь и контактируют с человеком практически везде: дома, на улице и в дикой природе. Потребность и необходимость совместного сосуществования с животными породила прозвища (клички), которые составили огромную часть лексики и, несомненно, обогатили и оживили ее.

Зоонимы, используемые как имена собственные, присваиваемые собакам и щенкам и используемые для подзыва и общения с животным, появились в самом начале одомашнивания и называются кинонимы. На современном этапе кинонимы оформлены в самостоятельный класс зоонимики и заслуживают отдельного изучения [Дорогайкина 2019: 53–66].

Клички собак занимают большую часть огромного ономастического пространства. В профессиональной лингвистической среде они получили название кинонимы и часто являются объектом исследования. Учитывая роль собаки в развитии человеческой цивилизации, можно считать это заслуженной данью сообщества ученых этим прекрасным существам.

Принято считать, что кличка – это шутовское, конспиративное или жаргонное имя, прозвище собаки. В современном собаководстве присвоение кличек собакам (щенкам) возведено в ранг целого искусства. В культуре племенного собаководства не принято давать животным «народные клички» (Шарик, Тузик, Дружок), для породистых собак подбирают модные, красивые клички, которые отражают статус и соответствуют вкусу и мировоззрению владельца. Существуют также определенные требования для присвоения имен собственных чистопородным собакам, подробно изложенные на официальном сайте Российской кинологовической Федерации (РКФ). Эти правила касаются использования букв из кличек родителей, длины клички, благозвучия, применения транскрипции и некоторые другие аспекты.

В структуру Российской Кинологовической Федерации входят три основных федераций: любительского, служебного и охотничьего собаководства. Федерация охотничьего собаководства была образована раньше других в силу того, что изначально собаки имели важное прикладное значение в жизни человека, помогая ему охотиться. Еще в начале XVIII века в Российской Империи начали оформляться первые большие породные группы охотничьих собак, которые впоследствии стали основой отечественных. В нашей стране выведено значительное число охотничьих пород, но национальным достоянием и предметом гордости русских любителей охоты, пожалуй,

можно назвать три основные породы: русская пегая гончая, русская псовая борзая, русско-европейская лайка.

При присвоении кличек собакам охотничьих пород в России сложились давние традиции, которые прочно сохраняются до настоящего времени. Несмотря на некоторые различия номинирования собак в зависимости от породной принадлежности чаще всего охотничьим собакам принято давать клички, отражающие их охотничьи характеристики, особенности поведения и внешний вид. Современные исследователи отмечают изменения в зоонимической лексике в сторону усложнения имен собственных, отказа от старых, привычных кинонимов *Тузик, Жучка, Барбос, Пират*, при этом кличкам чаще всего отводится роль чисто декоративная, позволяющая хозяину выгодно выделиться среди других собаководовладельцев [Дубова 1980: 145–149]. Все реже клички обращены на функциональность животного, его внешние данные, продуктивные показатели и особенности поведения; в городе практически не встречаются *Бимки, Найды, Лады, Трезоры и Полканы*, но очень часто можно услышать, как собак подзывают *Маффин, Бакс, Барселона, Жозефина, Майбах*.

Между тем, еще более полувека назад, В.И. Казанский, видя такую же ситуацию, писал: «Конечно, могут быть очень удачными и совершенно новые клички, лишь бы они были звучные, красивые и удобопроизносимые [Казанский 1966: 166].

Породы охотничьих собак значительно отличаются друг от друга по внешнему виду и по своим функциям в охоте. Гончие собаки предназначены для выслеживания дичи по запаховому следу в лесу и ее дальнейшего загона до изнеможения или выгона на охотника. Зачастую гончие сопровождают дичь громким лаем, который охотники часто называют песней, причем у разных собак песня различаются. Гончих чаще всего принято называть в соответствии с их голосами. Клички присваивают в зависимости от громкости, тембра и высоты голоса.

Охота с борзыми отличается тем, что происходит на открытых пространствах, в основном на быстро движущуюся, достаточно крупную дичь (зайцы, лисы, волки, олени). При спуске своры собак часть животных загоняет и ограничивает подвижность дичи, а остальная часть группы «забирает» добычу. Для борзых подбирают клички, отражающие быстроту, зоркость и ловкость этих собак. Техника охоты борзых привела к появлению кличек *Догоняй, Загоняй, Заборка*.

Лайки же являются более универсальными в охоте, они способны выслеживать и выгонять дичь на охотника, подобно гончим, и забирать ее, действуя как борзые. Лайки способны работать в лесу и на открытых пространствах, в одиночку или в стае. Им подбирают клички, которые отражают их внешние характеристики, а также такие качества охотника, как скорость, выносливость и силу. Клички лаек обычно короткие, звучные.

В исследовании учитывались только клички, зарегистрированные в базе данных по охотничьему собаководству. Временной отрезок для исследования кличек находился в пределах 1980–2020 гг.

Для удобства подсчета исследуемый массив кличек распределили по 13 классам, выделив основные принципы наименования: 1. Признаки голоса; 2. Признаки нрава, темперамента, характера собаки; 3. Скоростные и охотничьи (обоняние, слух и т.п.) характеристики; 4. Внешние признаки (экстерьер); 5. Топонимы, ойконимы, урбанонимы; 6. Фиктонимы (имена литературных героев, мифологических персонажей, героев мультфильмов и кинокартин); 7. Наименования природных явлений, погодные и климатические термины; 8. Лексемы, характеризующие социальный статус, роль, положение человека в обществе, профессия, национальность; 9. Фитонимы (названия растений и ботанические термины); 10. Зоонимы (названия животных и птиц, зоологические термины); 11. Аппеллятивы (слова любой части речи, не являющиеся онимами); 12. Клички, которые невозможно однозначно идентифицировать.

В результате исследования установлено, что для каждой породы свойственны свои, преобладающие категории происхождения кличек. Для *русской пегой гончей* – это признаки голоса (50 вариантов); аппеллятивы (25 вариантов) и признаки нрава, темперамента, характера собаки (22 варианта). Для борзых на лидирующих позициях находятся клички, характеризующие социальный статус, роль, положение человека в обществе, профессию, национальность (37 вариантов); аппеллятивы

(33 варианта) и фитонимы (30 вариантов). Преобладающие категории наименования для лаек – это лексемы, характеризующие социальный статус, роль, положение человека в обществе, профессию, национальность (64 варианта); топонимы (50 вариантов) и антропонимы (49 вариантов).

По преобладающей категории кличек можно судить о назначении породной группы собак, а также о предпочтениях владельца при выборе клички животному. Рассмотрим подробнее каждую категорию.

Для *гончих* преобладающей категорией является категория «Характер подачи голоса», что свидетельствует о том, что голос для гончих является отличительным признаком, имеющим большое практическое значение, поэтому хозяева обращают на него особое внимание. Это выражается в присвоении гончим кличек, произошедших от названий музыкальных инструментов (*Альт, Баян, Гобой, Волторна* (в ориг.) и других, связанных с музыкой терминов (*Нота, Смычок*)). Например, клички *Бас, Басило* свидетельствуют о низком глубоком голосе собаки, *Скрипка* же, наоборот, говорит о высоком мелодичном голосе. Также часто клички характеризуют характерную для собаки манеру лая: клички *Плакун и Плакса* указывают на лай плачущий, с жалобными нотками; *Заливай* – частый, залиvistый лай; *Шумило, Гудок, Шумейка, Раскат* – лай громкий, звонкий, гулкий; *Звонок* – пронзительный, звонкий, высокий. Профессиональные эксперты, описывая голос гончих, приводят следующие характеристики: «Фигурный, певучий, меняющийся по тональности, с короткими залиvчиками» (о русской пегой гончей по кличке *Рубишка*) или «Голос двойной с явно выраженным подголоском» (о русской гончей *Лазе*) [Губин 2007: 146]. В нашем исследовании в категории «Признаки голоса» были выделены следующие клички: а) **кобелей** (выжлецов): *Бас (41), Басило (3), Баритон, Баян, Бренчало, Будило (2), Выплач, Гудок (3), Гобой (103), Громило, Гул (5), Звонок, Заливай (62), Камертон (2), Набат, Плакун (3), Раскат (56), Ревун, Рыдало, Рыдай (103), Рыкало, Рожок, Сигнал, Соловей (2), Топило (1), Трубоч (7), Шумило (2), Фагот (1)*; б) **сук** (выжловок): *Альта (40), Арфа, Волторна, Гармошка, Громушка, Грохотушка, Заливка (17), Звонка (23), Крикуша, Лютня, Нота (3), Певка, Песня, Пискаля, Плакса (5), Симфония, Скрипка (28), Соната, Спевка (4), Флейта (9), Шумиха, Шумка (47)*.

Всего установлено 50 вариаций кличек, в том числе 28 для кобелей и 22 для сук.

Во вторую категорию по распространенности вошли аппеллятивы: а) **клички кобелей** (выжлецов): *Аргон, Бой (36), Волнуй (4), Задор (86), Катай (12), Марс (2), Пагон, Погон, Карат, Рап, Рогдай (17), Удар, Упор*; б) **клички сук** (выжловок): *Альфа (104), Басня, Вега (18), Гонка, Сказка (19), Орда, Отрада, Смычка, Шахта, Чарка, Удача, Фишка*.

Третья, наиболее распространенная категория кличек, – это «Признаки нрава, темперамента, характера собаки»: а) **клички кобелей** (выжлецов) *Бой, Буян (50), Бугай, Бушуй (125), Водило, Заграй (63), Злодей, Играй (4), Карай (113), Потешай*; б) **клички сук** (выжловок): *Будишка (2), Бандурка (2), Доборка (4), Забава, Забавка, Знайка (2), Кутишка (2), Кутерьма, Пройда, Потешка (2), Тревожка (2), Тропишка, Травка (8), Шельма (57), Шнырка*.

Самыми распространенными кличками для сук были *Тайга (185), Лада (162), Альфа (104)*; для кобелей – *Бушуй (125), Карай (113), Гобой (103), Рыдай (103)*. У гончих, единственных из исследуемых пород, лидируют по распространенности рабочие характеристики, свойственные породе – подача голоса.

В породе *русская псовая борзая* более отчетливо просматривается синтез современной моды и исконно русских традиций. В этой группе чаще всего встречаются клички двойные, сложно-составные, с заводскими приставками. Борзых часто называют традиционными «породными» кличками, добавляя к ним прилагательные, которые подчеркивают индивидуальность самой собаки, какого-либо ее признака или уникальность клички как таковой. Например: *Краса Ненаглядная, Витязь Черный, Душечка-Злата, Королева Марго, Снежинский Доброслав, Мудрец Русская Вольница, Держи Ветер*. Кличка *Ветер* встречается чаще других. Всего установлено 254 упоминания как в единственном числе (*Ветер*), так и в сочетании с прилагательными (*Северный Ветер, Осенний Ветер, Веселый Ветер*), а также и более сложные конструкции (*Цауберхафт Вольный Ветер*

Агат; Донских Стеней Победитель Ветер). Для сравнения: среди лаек эта кличка использовалась 13 раз, лайкам ее присваивали только 4 раза. Следующие по распространенности клички борзых зафиксированы у кобелей: *Сокол (47) и Орел (32)*; у сук самыми распространенными кличками были *Тайна (22), Пальма (16), Тайга (11) и Найда (11)*, то есть достаточно популярные и привычные клички для собак.

Интересны клички, выделенные в категорию «Скоростные и охотничьи (обоняние, слух и т.п.) характеристики», среди них чаще других встречались такие клички кобелей (выжлецов), как: *Бой (3), Докучай, Дерзай (9), Зверь (5), Играй (15), Коротай (8), Летай (9), Поражай (3), Полет (22), Разбой (38), Свиреп (8), Терзай (15)*; у сук отмечены клички *Быстра (13), Быстрина Русский Ветер, Лайка (2), Летка (2), Нагла (10), Отвага (6), Растерзайка, Терзайка (3), Уловка (5), Шустра (12)*.

Борзых сук (выжловок) чаще, чем в остальных породах, называют женскими именами, в особенности русскими: *Аглая, Анфиса, Аксиныя, Акулина, Аниска, Аннушка, Ариадна (3), Венера, Диана, Катя, Лайма, Мира, Найда (11), Ника (5), Соня, Полина, Полюшка, Харита*.

Достаточно часто борзых называют фитонимами: а) клички **кобелей** (выжлецов): *Анис (3), Багульник (3) Зверобой (5), Вереск, Вересковый мед*; б) клички **сук** (выжловок): *Анчарка, Астильба, Астра (12), Березка душенька, Брусника (3), Ветка (4), Ветка сирени, Верба (8), Ежевика (3), Земляника (2), Калина (7), Калинка (14), Княженика, Лаванда (2), Малина (5), Медуница (2), Мята (3), Пальма (16), Польша (9), Полянка (19), Ромашка (3), Сирень, Таволга (3), Черника (3), Ягодка*.

Распространенность других вариантов кличек в группе борзых собак гораздо меньше, чем в категории зоонимов (23 варианта): а) клички **кобелей** (выжлецов): *Аргамак, Беркут (24), Вепрь, Волк, Ворон (5), Змей (3), Кречет (11), Лебедь (12), Орел (32), Сокол (47), Ястреб (4)*; б) клички **сук** (выжловок): *Акула (3), Белка (23), Голубка (20), Гюрза (4), Змейка (17), Лебедка, Волчица (4), Кайра (2), Кобра (8), Лиска, Сайга, Чайка (32)*.

В породе борзых достаточно много кличек сук феминного образования, образованных при помощи флексии -а: *Буяна, Быстра, Нагла, Саяна, Снега, Шустра*. В других исследуемых породах наличие таких кличек единичное: например, у лаек – *Бима и Ханта*, у гончих – *Альта, Бэста*.

Наиболее интересные, на наш взгляд, результаты анализа кличек лаек русско-европейской породы. Наиболее распространены в породе клички лексемы, характеризующие социальный статус, роль, положение человека в обществе, профессию, национальность (64 варианта): а) клички **кобелей** (выжлецов): *Абрек (16), Барин (10), Барон (63), Басмач (3), Бек (15), Бес / Бесик (20), Вампир, Варяг (5), Вогул /Вагул (2), Волгарь (2), Гарсон, Герой (3), Граф (41), Грек-Разбой, Гусар (4), Дикарь (2), Дружок (29), Зур (20), Красавчик, Кайсак, Каюр (25), Ковбой (2), Корнет (3), Корсар, Кум (4), Кумир (8), Лорд (21), Мажор (3), Матрос (2), Маркиз (8), Монгол (7), Пират (49), Принц (4), Сват, Солдат, Тунгус (44), Хан (126), Эмир-Хан, Хант (8), Хант Тишка, Хантер (11), Цыган (30), Цыган Мишка, Эмир (12)*; б) клички **сук** (выжловок): *Дама (4), Дива (4), Егоза (10), Жрица, Зурга (4), Краса, Красавица (2), Кума (16), Кукла (30), Маркиза (2), Мисс-Оланд, Прима (11), Ханта (6), Царица, Царевна, Цыганка (2), Шельма (69)*.

Топонимы имеют второе по значимости место: а) клички **кобелей** (выжлецов): *Амур (133), Алтай (113), Алдан (24), Арбат (4), Аян (43), Байкал (169), Вайгач, Вижай, Виллюй (3), Герат (3), Дунай (34), Енисей (7), Ингур (14), Кряж (7), Казбек (6), Кумай, Норд (54), Очер, Саян (97), Север (26), Тустар, Урал (3), Ямал (14)*; б) клички **сук** (выжловок): *Анга, Вена (2), Волга (17), Гайва (4), Дельта (5), Женева (2), Кама (37), Камчатка, Конда, Лайда (9), Лима, Ойра (12), Ойра-Бара, Рица (8), Руза, Селенга, Тайга (10), Тропка, Тропа, Угра, Урма, Чара (247), Чула, Чуна, Шилка, Эрна, Юта*.

В третьей категории клички-антропонимы (49 вариантов): а) клички **кобелей** (выжлецов): *Гай (100), Гордей, Джек (27), Джой (16), Дик (164), Джим (2), Зурган (4), Колчак (2), Кучум (118), Любим, Мамай (12), Мишка (5), Музгар (22), Ральф (3), Рой (57), Рюрик, Тоби (2), Тобиас / Тобик*

(7), Усман (2), Фредди, Фред, Урхан (3), Югай (4); б) клички сук (выжловки): Алиса (15), Анастасья, Ева (32), Варя (10), Венера, Дана (2), Джесси (3), Динка, Илга (4), Ирза, Лада (3), Лайма (69), Майка (37), Марго (11), Марта (72), Найда (3), Нора (81), Рада, Роза (6), Рула, Сильва (24), Тайда, Тайка (16), Ханна (8), Чултан (2).

При подробном рассмотрении можно сделать вывод, что лаек заводят различные социальные группы людей, которые при наименовании своего питомца выбирают разнообразные кинонимы. Часть из них является сложными и благозвучными, а другая часть звучит просто, обыденно. При анализе распространенности традиционных народных кличек среди поголовья русско-европейской лайки выяснилось, что эти клички не только не утратили своего значения, но и довольно часто присваиваются собакам. Например, *Бой* зарегистрирован 171 раз, кличка *Дик* зафиксирована 164 раза, *Бим* встречается 108 раз, *Жучка* и *Тобик* упоминаются по 7 раз, *Бимка* – 5, *Тузик* – 4, *Полкан* – 1. У кобелей чаще других встречались клички *Дик* (164), *Буран* (147), *Байкал* (169), *Амур* (133), *Кучум* (118), *Алтай* (113). Наиболее распространенной кличкой для сук была *Чара* (264 раза), затем *Белка* (210), *Айка* (158), *Ночка* (116).

При этом борзых совсем не называли этими кличками, а у гончих эти кинонимы единичны. Значительная распространенность среди кличек лаек географических названий свидетельствует о традициях коренных народов Севера, Урала и Сибири, которые внесли большой вклад в развитие данных пород в России.

Таким образом, собак различных охотничьих пород часто называли в соответствии с направлением их использования, места проживания, использовали имена людей и наименования предметов, природных явлений, географических объектов, а также наименования растений и животных. При этом клички внутри рассмотренных классов хотя и имеют достаточно ощутимые отличия и различаются преобладающими вариантами, в целом сохраняют схожесть и подчеркивают единое направление использования (охота). Клички борзых более сложные, отличаются помпезностью и благозвучием, чтобы подчеркнуть благородное происхождение собаки и статус владельца.

Список литературы

1. Губин, П.М. Полное руководство ко псовой охоте / П.М. Губин. Одесса: Печатный дом, 2007. – 146 с.
2. Дорогайкина, Е.М. Зоономинации как объект лингвистического исследования / Е.М. Дорогайкина, Т.Г. Игнатьева. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2019. – С. 53–66.
3. Дубова, Н.Г. Некоторые особенности кличек охотничьих собак / Н.Г. Дубова // Вопросы ономастики. Вып. 14: Собственные имена в системе языка. Свердловск: [УрГУ], 1980. – С. 145–149.
4. Казанский, В.И. Гончая и охота с ней / В.И. Казанский. М.: ФиС, 1966. – 166 с.

***

МОТИВАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ЗООНИМИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НОМИНАТОРА

Т.В. Федотова

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина (Краснодар, Россия)

Аннотация. В статье делается попытка структуризации мотивационных аспектов с позиции принципов номинации при формировании зоонимического пласта ономастической лексики. Исходя из того, что любой процесс номинации предполагает определенную номинативную ситуацию, были выявлены конкретные признаки номинативной ситуации, которые учитываются в процессе имянаречения и формируют интенции номинатора. Делается вывод, что отражение реального мира, зафиксированное в языковых единицах (зоонимах) дает некоторое представление о взаимодействии человека и окружающей среды.

Ключевые слова: зооним; мотивация; номинативная ситуация; картина мира.

Рассмотрение любой ономастической системы, и в частности зоонимической, с позиций познавательной и отражающей деятельности сознания человека исходит в первую очередь из понимания, что зоонимия – это прежде всего результат вторичной лексической номинации, а именно «отображение действительности и отнесение смыслового (понятийно-языкового) содержания наименований к обозначаемым объектам» [Телия 1977: 129]. Такая позиция в результате и отражает взгляд на действительность с позиции номинатора, т.е. формирует его картину мира в отдельно взятом аспекте.

Термин «картина мира» был введен Л. Вайсбергером, который писал: «В языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка» [Цит. по Радченко: 1997: 250]. В современной лингвистике картина мира представляет собой некий образ, отражающий характерологические аспекты мира с позиции носителей языка и являющийся результатом всей духовной активности человека. Иначе говоря, картина мира находит свое отражение в знаковых формах. И данная позиция очень ярко проявляется в такой сфере имянаречения, как зоонимия.

Как известно, ономастические единицы анализируются лингвистами с позиции теории обозначения (в противопоставлении с теорией значения), определяющей связь предмета и значения, т.е. ономастиологический подход. В этом смысле наиболее убедительна точка зрения Е.С. Кубряковой: «С позиции говорящего основное в порождении речи – найти надлежащую языковую форму для выражения мысли и ее содержания» [Кубрякова 2008: 34].

Для выявления мотивационных признаков в процессе создания зоонима, мы исходили из того факта, что акт номинации – это формирование определенных образов как результат как перцептивного познания, так и сознательного отражения окружающей среды.

Разнообразие мотивационных признаков при создании зоонимического пространства ономастической лексики есть результат сформировавшейся национальной специфики мышления, а также выбора имядателем «психически релевантных для носителей языка ассоциативных связей языковых знаков» [Гридина 2011: 219].

Мотивология на современном этапе в качестве основного использует принцип антропоцентризма. Это связано с тем, что исследование мотиваций в процессе создания языковых единиц должно учитывать языковое сознание носителя языка. Данная позиция соответствует тому принципу, что именно носитель языка устанавливает рациональность / нерациональность связи звучания и значения слова (наличие / отсутствие мотивированности слова, его внутренняя форма, аспект мотивации, полимотивация слова) [Федотова 2018].

Если соотнести понятие мотивологии и картины мира, то можно заметить, что, как и языковая, ономастическая (зоонимическая) картина мира отражает результаты психической рефлексии человека от взаимодействия с окружающей средой. Единственное отличие заключается лишь в том, что зоонимическая картина мира создается не только в результате вторичной номинации, но и как совокупность языковых единиц в новой для них функции, объединяющей лингвистические и экстралингвистические мотивы возникновения зоонима.

Иначе говоря, можно сделать вывод о соотносительности таких понятий, как зоонимическая система и зоонимическая картина мира, так как и в том, и в другом случае речь идет о системе определенных представлений человека о мире, его приоритетах в процессе номинации представителей животного мира.

Сфера зоонимов на современном этапе характеризуется полисемантической и даже некоторой хаотичностью. Но в любом случае процесс номинации в указанной сфере можно свести в некую структуру мотивационных признаков, принципов номинации, тем самым представив элемент картины мира номинатора, что и выступает целью данного исследования.

Для анализа был взят в качестве «рабочего» термин «зооним», который считается традиционным в работах лингвистов, понимаемый как лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и как метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения эмоционально-оценочной характеристики человека, эталонным носителем

которого для языкового сознания людей выступает определенный представитель фауны» [Каналаш 2009: 94]. В качестве базы исследования явился словник из 700 единиц (зоонимов), полученных с помощью анкетирования студентов 1–2 курсов Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина, на основе чего был определен набор признаков номинативной ситуации, которые формируют интенции номинатора в момент создания зоонима.

1) Экстерьер и поведение животного – основной мотивационный признак, который отражает отношение номинатора к своему питомцу и цель номинации: индивидуализация (чтобы имя звучало), выделение черт поведения, окрас, размер и т.д.: «кот *Рыжик* (окрас), собака *Капитан* (окрас), кот *Дымчик* (окрас), собака *Тигр* (окрас), кот *Босс* (хмурый взгляд), собака *Граф* (красивый экстерьер), кошка *Злата* (ярко-желтые глаза), кот *Зайчик* (большие уши серого цвета), кот *Зефир* (белый и пушистый), собака *Мальши* (маленький), кот *Шустрик* (очень подвижный), собака *Жужа* (веселый характер)», собака *Ириска* (цвет карамели), Миша (рычит, как медведь), кошка *Ада* (черный окрас), кот *Кастрюлька* (часто гремит), кот *Персик* (окрас), кот *Ржавый* (оранжевый окрас) и т.п. [Федотова 2018: 27].

Как видно из примеров, номинатору важно через имя показать свое отношение к питомцу и в то же время отразить в имени важные, с точки зрения, номинатора, признаки. Важным моментом выступает и тот факт, что, приобретая животное, как правило, для ребенка, номинатор дает ему возможность самому придумать имя питомца. А детям, в свою очередь, наиболее важными признаками являются как раз цветовые, экстерьерные и поведенческие признаки животного: *Рыжик*, *Пушок*, *Жора* (от *обжора*), *Соня* (от *засоня*) и т.п.

2) Совсем другой взгляд на имя проявляется у взрослых номинаторов. Имядатель задумывается, в первую очередь, о том, как имя будет восприниматься окружающими (друзьями, знакомыми, соседями и т.д.). В данном случае кличка выступает неким статусным элементом, отсюда и соответствующие имена: ирландские (*Альфред*, *Брайт*), английские (*Мерлин*, *Арчибальд*, *Патрик*, *Честер*), скандинавские (*Бертруда*), немецкие (*Томас*) и др.

Это своеобразная дань моде в использовании заимствованной лексики, которая есть не что иное, как, по мнению В.Г. Костомарова, «галопирующая американизация нашей жизни, в самом деле, очевидна повсюду...» [Костомаров 1999: 139].

3) Кроме того, зоонимы могут отражать область предпочтений, интересы имядателя. Номинатору в данном случае абсолютно не важна рефлексия окружающих на имя его питомца. Он проводит свою ассоциативную связь с понравившимся героем фильма, мультфильма, сериала и т.п., и выбираемое имя, безусловно, имеет свою положительную коннотацию с точки зрения номинатора.

Как правило, в качестве имядателей выступают подростки и более старшие школьники: сериал «Физрук» – *Фома*, сериал «Мерлин» – кот *Эмрис*, м/ф «Крысолов» – кошка *Маха*, сериал «Спартак» – собака *Крикс*, сериал «Звездные войны» – собака *Лея*, х/ф «Холодное сердце» – собака *Эльза*, сериала «Гарри Поттер» – кот *Рон*, м/ф «Про домовенка Кузю» – кот *Кузя*, сериал «Сверхъестественное» – кот *Кастизель*, м/ф «Король-лев» – кот *Симба*, м/ф «Маугли» – собака *Багира* и т.п.

3) Еще одним элементом, формирующим наше представление о картине мира имядателя, выступает влияние зоонимического стереотипа. Можно сказать, что данный фактор присущ всем интенциям номинатора, так как в основе процесса номинации находится признак, ориентированный на представление о типичности данного имени в конкретном культурно-языковом социуме / социальной группе» [Васильева 2013: 23] и, соответственно, с частотностью употребления.

Безусловно, наиболее часто к стереотипным зоонимам прибегают дети, что говорит о влиянии фактора возраста при выборе онима. В то же время для индивидуализации имени на фоне других существующих кличек животных номинатор, в первую очередь, ориентируется на уже существующие имена, с высокой частотностью употребления, чтобы выбрать «свое», отличительное имя. Кроме того, направленность имядателя в процессе номинации на определенную рефлексю, перцептивный эффект у окружающих также основывается на знании зоонимических стереотипов. И наоборот, если имядатель стремится избежать стереотипного имени для некоторой его индивидуализации, он тем самым проявляет свой языковой вкус как носителя русской лингвокультуры.

Справедлива в этом отношении точка зрения Е.С. Кубряковой, что «акт номинации представляет собой речемыслительный акт, в протекании которого не может быть выключено промежуточное звено: когнитивное, отражательное, концептуально-логическое или образное, но деятельностное, т.е. свидетельствующее о включенности подлежащего наречению объекта (или совокупности объектов) в деятельность и жизнь человека» [Кубрякова 2008: 37].

Таким образом, отражение реального мира, зафиксированное в языковых единицах (зоонимах) дает некоторое представление о взаимодействии человека и окружающей среды. Исходя из проведенного анализа, можно отметить такие ключевые позиции в отражении картины мира в сфере зоонимов: фонетический аспект (имя приятно для слуха номинатора); культурологический аспект (интересы номинатора); зависимость от рефлексии окружающих; влияние стереотипов в назывании и т.д. Языковая (зоонимическая) картина мира выступает в качестве части «образа мира» и в то же время является важной составной частью общей концептуальной модели мира в голове человека.

Список литературы

1. Васильева, Н.В. Ономастические стереотипы и прецедентные имена: к соотношению понятий / Н.В. Васильева // Язык. Общество. Сознание. Казань: Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2013. – С. 12–25.
2. Гридина, Т.А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры / Т.А. Гридина // Политическая лингвистика. 2011. № 1. – С. 219–223.
3. Каналаш, О.П. Двойственный аспект зоонима в лингвокультурологии / О.П. Каналаш // Lingua mobilis. 2009. № 5. – С. 91–94.
4. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 320 с.
5. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. М., 2008. – 160 с.
6. Радченко, О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. Т. 1. М., 1997.
7. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований) / под ред. Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой. М., 1977. – С. 129–221.
8. Федотова, Т.В. Универсальность зоонимов в аспекте отражения картины мира человека / Т.В. Федотова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 3. – С. 23–28.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ И АПЕЛЛЯТИВНО-ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

***

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОНИМА ХАВРОНЬЯ – ОТ АНТРОПОНИМА К АПЕЛЛЯТИВУ

О.А. Васильева

Филиал Военного учебно-научного центра военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Сызрань, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о трансформационных изменениях онима Хавронья. Ономастическая единица изучается в рамках исследования ономастической лексики, номинирующей животных класса 'свинья', которая входит, с одной стороны, в качестве микрополя в ономастическое поле зоонимов, с другой стороны, формирует ономастическое поле зоонимов с гиперсемой 'свинья'. На примере словарных статей, документальных и художественных

текстов делается вывод о переходе лексической единицы *Хавронья* из ономастической лексики в апеллятивную.

Ключевые слова: оним; зооним; литературный зооним; ономастическое поле; коннотация; апеллатив; трансоимизация.

Оним *Хавронья* изучается нами в рамках исследования ономастической лексики, номинирующей животных класса 'свинья', которая входит, с одной стороны, в качестве микрополя в ономастическое поле зоонимов, с другой стороны, формирует ономастическое поле зоонимов с гиперсемой 'свинья' [Васильева 2019]. Поле состоит из 100 ономастических единиц, представленных 1) ономастическими единицами реального зоонимикона (80 единиц, номинирующих 198 особей); 2) литературными зоонимами (7 единиц); 3) зоонимами теледискурса (7 единиц); 4) зоонимами, обладающими вторичной номинацией (6 единиц), употребленных в более чем 500 контекстах. За основу взята структура ономастического поля, описанная В.И. Супруном. Учёный выделяет центр поля, который включает в себя ядро и околядерное пространство; и периферию, имеющую зональную структуру [Супрун 2000: 11].

Изучаемый нами зооним входит в ближнюю периферию ономастического поля с гиперсемой 'свинья'. С точки зрения бытования зоонимов ближней периферии выделяются субзоны «литературные зоонимы» и «телевизионные зоонимы». В толковом словаре Г.Н. Скляревской под субзонами понимается часть какой-либо зоны, отличающаяся некоторыми признаками [Скляревская 2006]. К субзоне «литературные зоонимы» относим ономастические единицы, представляющие собой имена персонажей литературных произведений. Субзона «телевизионные зоонимы» формируется зоонимами мультипликационных фильмов, анимационных сериалов, телевизионных передач [Васильева 2019]. Рассматриваемый в статье оним *Хавронья* относится к литературным зоонимам.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании трансформационных изменений ономастической единицы *Хавронья* в сторону апеллатива.

Нами проанализированы словарные статьи в 10 лексикографических источниках: З.Е. Александровой (2011), В.И. Даля (1981–1982), Т.Ф. Ефремовой (2000), С.И. Ожегова (2006), Е.С. Отина (2006), Н.А. Петровского (1966), Е.П. Сеничкиной (2008); А.В. Суперанской (2005), Д.А. Ушакова (1940), М. Фасмера (1987), а также документальные материалы, относящиеся к XVIII веку. В Отчёте земской управы Гдовского уезда (1871), а также в материалах Николае-Радовицкого монастыря (1873) находим упоминание имени *Хавронья* в качестве антропонима, что позволяет говорить о том, что в XVIII веке указанная ономастическая единица входила в ономастикон христианских имён [Васильева 2019].

В Отчёте земской управы Гдовского уезда 1872 г. мы встречаем упоминание о крестьянке *Хавронье* Васильевой: 42 8 68 *По удостоверению Узьминскаго Волостнаго Старшины, Михайлова умерла въ 1871 году и имущества после ея смерти никакого не осталось. 18 Хавронья Васильева, крестьянка дер. Омута* (Отчёт земской управы Гдовского уезда за время с 1-го августа 1871г. по 1-е августа 1872 г. Доклады управы. – Смета и раскладка уездных земских повинностей на 1873 год). В материалах Николае-Радовицкого монастыря оним *Хавронья* также встречается в качестве женского имени: *Солотчинскаго монастыря крестьянка изъ села Новоселойиъ Хавронья Леонтьева не видала три года; ию стоя на молениі предъ образомъ чудотворца въ Радовицкомъ монастыр, на литургии, стала видеть* (Николае-Радовицкий монастырь. Автор: Владимир) [Васильева 2019].

Д.В. Кузьмин анализирует формы христианских имён, перешедших в ономастикон карельского этноса. Учёным отмечается, что после принятия христианства в 1227 г. карелы «восприняли большое количество христианских имён, которые со временем были переработаны в соответствии с фонетическими и морфологическими нормами карельского языка» [Кузьмин 2016: 56]. Одним из христианских имён, перешедших, по наблюдениям Д.В. Кузьмина, в карельский ономастикон, является имя *Феврония*, которое в карельском языке приобретает форму *Houri* [Кузьмин 2016: 65], наблюдается приём паронимической аттракции (сближение сходных по звучанию слов родного

и неродного языков [Панькин, Филиппов 2016]), что свидетельствует о популярности антропонима *Феврония* (*Хавронья*) в период, предшествующий XVIII веку. Из данных примеров можно сделать вывод, что примерно до 19 века имя *Хавронья* входило в традиционный ономастикон христианских имён [Васильева 2019].

В произведениях художественной литературы XVIII века оним *Хавронья* употребляется в качестве антропонима (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка» 1831–1832 гг.; А.П. Сумароков «Рогоносец по воображению» 1772 г.; П.А. Федотов «Усердная Хавронья» 1882 г.). Приведём пример из басни П.А. Федотова «Усердная Хавронья», в которой антропонимом *Хавронья* обозначается персонаж в образе служанки одного из богатых домов:

Хавронья и на этот раз

Всё поняла за истинный приказ,

Хоть очевидно,

Для сада будет преобидно (П.А. Федотов. Усердная Хавронья) [Васильева 2019].

Е.С. Отин в Словаре коннотативных собственных имён также приводит несколько примеров употребления онима *Хавронья* в качестве антропонима: *Лука с Хавроньей лишь только в брак вступил, в минуту зачал жить огромно и богато* (Хвостов Д.И. из эпиграммы 1799 г.); *Вот с прислугой, с скотницей Хавроньей по углам шептаться ваше дело* (Островский А. Н., Невежин П.М. Блажь). Отмечается использование антропонима *Хавронья* и в прозе XX века: *На крыльце с клюкой или ухватом в руках появлялась Хавронья, бойкая крупная баба* (Шукшин В.М. Любавины) [Отин 2006: 394].

В словарях русского языка оним *Хавронья* трактуется по-разному. Трактовка онима *Хавронья* как антропонима наблюдаем в словарях В.И. Даля (1981–1982), Н.А. Петровского (1966), А.В. Суперанской (2005). Н.А. Петровский и А.В. Суперанская рассматривают имя *Хавронья* как производное от древне-церковного имени *Феврония* [Суперанская 2005: 442] или его вариантов *Феврония*, *Февронья* [Суперанская 2005: 442; Петровский 1966: 214]. В словаре коннотативных собственных имён Е.С. Отина ономастическая единица *Хавронья* определяется как утраченный русским именником народно-разговорный вариант старинного женского имени *Февронья* от *Феврония* [Отин 2006: 394]. Если в Словарях личных имён оним *Хавронья* трактуется как просторечная форма имени *Феврония*, то В. И. Даль уже дополняет эту характеристику указанием на то, что имя обозначает свинью: *ХАВРОНЬЯ*, искаж. имя, Февронья. Свинья. Отдали *Хавронью* за Ховрина сына [Даль 1981–1982: 540]; Е.С. Отин относит оним *Хавронья* к коннотативным именам собственным. В словарях З.Е. Александровой (2001), Т.Ф. Ефремовой (2000), Д.А. Ушакова (2006), М. Фасмера (1987) оним *Хавронья* представлен как апеллатив *свинья ХАВРОНЬЯ*, -и, род. мн. -ний, жен. (разг. шутол.). То же, что свинья (в 1 знач.). Вывалялась в грязи, как х. [Ожегов, Шведова 2006: 859]; *Хавронья* – свинья [Александрова 2001; Ушаков 1940; Фасмер 1987]; Т.Ф. Ефремова представляет оним *Хавронья* как кличку свиньи [Ефремова 2000]. Е.П. Сеничкина (Иванян) трактует оним *Хавронья* как «эвфемизм, образованный от типичной клички свиней», отмечая при этом этимологию имени («просторечное звучание имени Февронья») [Сеничкина 2008: 441].

В рамках исследования ближней периферии ономастического поля с гиперсемой 'свинья' нами рассматривался вопрос о коннотативности литературных зоонимов [Васильева 2018]. Исследование строилось на основе теории коннотативных онимов Е.С. Отина, который отмечает нарастающую тенденцию вовлечения имен собственных в процессы вторичной номинации в памятниках письменности, произведениях словесного творчества и многочисленных актах речевой коммуникации [Васильева 2018: 88]. Учёный отмечает, что добавочные значения (коннотации) приобретаются онимами под влиянием различных экстралингвальных и собственно языковых факторов [Отин 2003: 55]. Способность онимов «накапливать» референтные коннотации ввиду их востребованности в различных речевых ситуациях сближает, по мнению Е.С. Отина, имена собственные с именами нарицательными.

Коннотативные собственные имена занимают срединное положение между абсолютными онимами и апеллативами, поэтому, по мнению Е.С. Отина, их можно обозначить термином

«мезолексы» (в переводе с греч. яз. – «промежуточный»). Мезолексы могут оставаться коннотативными онимами с устойчивой либо переменчивой структурой либо утрачивать свои референтные коннотации, возвращаясь в разряд имен собственных либо превращаясь в отконнотативные апеллятивы с отсутствующей мотивацией [Отин 2003: 57].

В рамках классификации коннотативных онимов Е.С. Отин определяет их типологию, исходя из следующих признаков: 1. Обычность – необычность. 2. Семантический состав. 3. Ширина распространения. 4. Степень «продвинутости» коннотативных онимов в сторону апеллятивов. 5. Репродуктивные возможности (участие или неучастие в процессах деривации и трансонимизации) [Отин 2003: 57].

Оним *Хавронья* включен в словарь коннотативных собственных имен Е.С. Отина. Ученый относит рассматриваемую единицу к узуальным коннотативным антропонимам с интралингвальной коннотацией и широким диапазоном известности. Ученый отмечает, что в современной речи коннотация утрачена. Коннотоним *Хавронья* обозначает непривлекательную, простоватую (чаще полную) и недалекую женщину [Отин 2006: 394]. Реализацию коннотативных свойств онима *Хавронья* наблюдаем в произведениях художественной литературы: *Он почему-то тотчас же сердился на неё: – Тупорылая хавронья! Что ты можешь понимать* (М. Горький. Супруги Орловы). В приведенном примере коннотоним *хавронья*, графически представленный в форме апеллятива, дополняется эпитетом «тупорылая», который носит грубо просторечный характер и указывает на пренебрежительное отношение Григория Орлова к жене. Сочетание просторечного эпитета с коннотонимом *хавронья* сопровождается вопросом-восклицанием: «Что ты можешь понимать?». Таким образом, через коннотоним *хавронья* М. Горький передает отношение Г. Орлова к жене, Матрене как существу недалекому, приземленному [Васильева 2018: 89].

Степень «продвинутости» в сторону апеллятивов анализируется с точки зрения «живой» и «угасшей» коннотемной структуры [Отин 2003: 59]. Коннотоним *Хавронья* является «угасшим», так как «смысловые и эмоционально-экспрессивные обертоны» [Отин 2003: 59] данного онима существовали только в прошлом (XVII–XVIII вв.). Е.С. Отин выделяет два вида апеллятивов, образованных от коннотонима *Хавронья* в результате полной деонимизации: 1) апеллятив, обозначающий домашнюю свинью [Отин 2006: 394–395]: *Грязна наша хавроньюшка, грязна и обжорлива; все жрет, все мнет, об углы чешется, лужу найдет – как в перину прет, хрюкает, нежится. Рыло у хавроньюшки не нарядное: в землю носом упирается, рот до ушей; а уши, словно тряпки, болтаются; на каждой ноге по четыре копыта, а ходит – спотыкается. Хвост у хавроньюшки винтом, хребет – горбом; на хребте щетина торчит. Жрет она за троих, толстеет за пятерых; зато ее хозяйки холят, кормят, помоями поят; а вломится в огород – поленом прогонят* (К. Ушинский. *Хавронья*); 2) апеллятив, обозначающий грязную, неухоженную домашнюю свинью [Отин 2006: 394–395]: *За орудие спасибо! – протянула Лие липкие миску и ложку. – Вымыла б, хавронья, – брезгливо скривилась Санька. – Ничего. Молодая – к реке слетает, – ответила Ганя* (В. Корнилов. *Девочки и дамочки*).

Оним *Хавронья* участвует в процессах трансонимизации. Общая схема процесса трансонимизации выглядит следующим образом: СИ1→КО→СИ2, где СИ – имясобственное; КО – коннотативный оним. Трансонимизация рассматриваемых единиц является абсолютной (безаффиксной), межвидовой [Васильева 2018: 89]. СИ1 *Хавронья* (антропоним) → КО *Хавронья* (неопрятная женщина) → СИ2 *Хавронья* (зооним) → отзоонимный апеллятив *хавронья* (свинья) [Отин 2006: 395].

Таким образом, наблюдается переход лексической единицы *Хавронья* из ономастической лексики в апеллятивную. Примеры употребления онима *Хавронья* в качестве имени становится возможным только в области литературной зоонимики, используется для именованья свиней в литературных произведениях. Промежуточное положение единицы *Хавронья* между онимом и апеллятивом позволяет говорить о коннотации имени, связанной с апеллятивом *свинья*. Семантическая структура имени следующая: денотативный макрокомпонент – гиперсема ‘свинья’; коннотативный компонент – эмоциональный; микрокомпоненты – ассоциативный, этимологический.

Список литературы

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
2. Васильева, О.А. Ономастическое поле зоонимов с гиперсемой ‘свинья’ / О.А. Васильева. Уфа, 2019. – 215 с.
3. Васильева, О.А. Литературные и телевизионные зоонимы в аспекте теории коннотативных онимов / О.А. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12(90). Ч. 1. – С. 87–90.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4 / В.И. Даль. М.: Русский язык, 1982. – 683 с.
5. Кузьмин, Д.В. Христианские имена карелов / Д.В. Кузьмин // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. №2. – С. 56–86.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс; Мир и Образование, 2006. – 976 с.
7. Отин, Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. 2003. № 2. – С. 55–72.
8. Отин, Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. М.: А Темп, 2006. – 440 с.
9. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имён / Н.А. Петровский. М.: Сов. энцикл., 1966. – 384 с.
10. Панькин, В.М. Языковые контакты [электронный ресурс]: краткий словарь / В.М. Панькин, А.В. Филиппов. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. – 159 с. // URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364374> (дата обращения 01.01.2019).
11. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
12. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имён / А.В. Суперанская. М.: Эксмо, 2005. – 544 с.
13. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. Волгоград, 2000. – 122 с.
14. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Г.Н. Складаревская, Е.Ю. Валулина, И.О. Ткачёва [и др.] / под ред. Г.Н. Складаревской. М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
15. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ГИИНС, 1940. – 1499 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 4 / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. – 864 с.

***

БАНКОНИМЫ АЗЕРБАЙДЖАНА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р.Ю. Габибли

Бакинский государственный университет (Баку, Азербайджан)

Аннотация. В статье рассматриваются собственные наименования банковских продуктов и услуг – банкони́мы, приводится их классификация на основе различных принципов. Материал исследования показывает, что банкони́мы играют важную роль в обогащении ономастической лексики азербайджанского языка. Проведенное исследование позволяет уточнить позицию банкони́мов в ономастической системе, выявить специфические особенности в номинации банковских продуктов и услуг. Полученные результаты будут способствовать в дальнейшем более глубокому изучению банкони́мов.

Ключевые слова: банконим; банковский продукт; банковские услуги; ономастическая система; номинация; ономастическая лексика.

Мировую экономику невозможно представить без банковского сектора, так как банковская сфера является одним из ведущих, стимулирующих направлений экономики любой страны. Банковский сектор считается одной из важнейших сфер для развития рыночных отношений, составляющих основу нормальной, эффективной деятельности рыночного механизма. Поэтому развитие

данной области считается приоритетным, так как влияние кредитного и финансового механизма определяет уровень развития экономики страны в целом. Основательные перемены, происходящие в последнее время в банковском секторе Азербайджана, оказывают влияние и на другие отрасли экономики. Понятно, что основная задача банковского сектора заключается не только в оказании услуг клиентам, но и, по возможности, в их привлечении. Банки являются экономическими субъектами, создающими будущие доходы и позволяющими развивать их.

Цель исследования заключается в анализе названий банковских продуктов и услуг, используемых в банковской системе Азербайджана. Данный вопрос не привлекался к исследованию в азербайджанской ономастике. Несмотря на то, что в общем языкознании имеют место некоторые исследования, связанные с этим вопросом, тем не менее, в целом он все еще не нашел решения, так как они, вошедшие в данную категорию, обозначаются в этих работах термином «банконим» [Жилина 2016 (а); Жилина 2016 (б); Жилина, Мезенко 2015]. Однако термин «банконим» можно использовать и как «названия банков». Отметим, что банконимы, как названия банковских продуктов и услуг, рассматриваются в исследованиях еще и как вид прагматонимов и идеонимов. Отнесение банконимов к прагматонимам мотивируется тем, что банковская сфера предлагает потребителям большое количество нематериального продукта, который относится к так называемой категории товара [Жилина 2016 (б): 128]. Рассмотрение их как вида идеонимов увязывают с отнесенностью к умственной деятельности человека, так как названия банковских продуктов появляются в результате умственного творчества специалистов [Жилина 2016 (а): 309]. Однако наименования данной категории обладают специфическими качествами, поэтому не совпадают полностью ни с прагматонимами, ни с идеонимами.

При осуществлении банками своей деятельности формируются взаимоотношения с клиентами. Данные отношения реализуются на основе ряда принципов. Характер этих отношений зависит в первую очередь от качества предложенных банком клиенту услуг и продуктов. Чем лучше и удовлетворительнее для клиента будет качество продуктов и услуг, тем выше станет доверие клиента к банку, а это приведет к повышению авторитета, рейтинга банка.

Банковский продукт является видом банковской деятельности, характеризующимся определенными целями, особенностями предложения, который можно реализовать на рынке. «Банковский продукт – это результат деятельности банка, выступающий в виде товара, который поступает на банковский рынок для продажи клиентам. К числу банковских продуктов можно отнести различные векселя, чеки, начисляемые банком проценты, депозитные счета, сертификаты (например, инвестиционные) и т.д.» [https://spravochnik.ru/bankovskoe_delo/bankovskie_produkty_i_uslugi/].

Услуги возникают при непосредственном контакте между банком и клиентом и носят в основном нематериальный характер. Многие банковские услуги зачастую зависят друг от друга. Порой для использования клиентом одного из видов услуг возникает необходимость использования других банковских продуктов.

Предмет деятельности банков зависит именно от банковских продуктов и связанных с ними услуг. Банковский продукт состоит из материально оформленных услуг. «Банковская услуга – это любая реализуемая банком операция по обслуживанию клиента. Стоит отметить, что в большей части банковские продукты носят первичный характер, а банковские услуги – вторичный» [https://spravochnik.ru/bankovskoe_delo/bankovskie_produkty_i_uslugi/].

Прежде чем обратиться в банк, клиенты стараются получить информацию о его продуктах и качестве обслуживания. В этом контексте один из основных вопросов заключается в доведении банками в полном объеме до общественности сведений, правильно отражающих их деятельность. С другой стороны, банки проводят политику, направленную на повышение качества своих продуктов и услуг, управление качеством также направлено на надлежащее выполнение банками обязательств перед клиентами.

Роль банковской системы в развитии рыночной экономики страны определяется взаимоотношениями, налаженными между банками и их клиентами, различными банками, а также формированием рынка банковских услуг, процентной политикой и иной деятельностью банков.

Отношения между банком и клиентом меняются в рамках современного маркетинга. Если прежде банк предлагал набор стандартных банковских продуктов, то сегодня он постоянно должен разрабатывать новые виды услуг для конкретных групп клиентов – крупных фирм, малых предприятий, отдельных категорий физических лиц и пр. Одна из целей банковского PR заключается в постоянном привлечении новых клиентов» [https://banco.az/az/news/muasir-bankciliqda-pr-texnologiyala].

Банки расширяют предложения, связанные с новыми видами услуг для уже имеющихся клиентов. Люди, обращающиеся в банк с целью осуществления конкретных операций, всегда выступают в качестве потенциальных покупателей различных видов услуг. Поэтому наименования предлагаемых банками продуктов и услуг выстраиваются по различным принципам.

Принцип, основанный на предназначении банковского продукта и услуги для конкретной группы клиентов: *Детский накопительный, Детский сберегательный депозит, Кредит на образование, Кредит для пенсионеров, Кредит для всех, Наличный кредит для вкладчиков, Кредитный лимит для вкладчиков, Кредит повторным клиентам, Вклад Корпоратив (корпоративным клиентам).*

Принцип, показывающий конкретную цель банковского продукта и услуги. Банки предлагают удобные и выгодные способы хранения и накопления сбережений, услуги и продукты для своих клиентов, вкладчиков: *Беспроцентный аванс, Кредит под зарплату, Кредит на рефинансирование, Кредитный лимит на карту, Потребительский кредит наличными, Депозит Капитал, Ломбардные ссуды, кредит Возможно, Автокредит, кредит Профессиональный.*

Банки предлагают специальные пакеты для облегчения работы предпринимателей и снижения их банковских расходов. Пакеты объединяют в себе комплексные услуги, призванные удовлетворить основные потребности реальных и потенциальных клиентов в обслуживании или для поддержки бизнес-требований. Рассмотрим данные банконимы: *Standard, Standard+, Привилегированный, Premium, Premium+.*

Большинство среди этих банконимов составляют названия продуктов, предлагаемых для приобретения недвижимости и создания бизнеса: *Кредит На выплату заработной платы, Кредит Поддержка экспорта, Агро кредит, Кредит Оборотный, Кредит Мгновенная поддержка партнеров, Кредит Рефинансирование бизнеса, Инвестиционный кредит, Кредит для фермеров, Кредит для малого бизнеса, Внутренний ипотечный кредит, Накопительный ипотечный кредит, Кредит на недвижимость, Государственная ипотека, Государственная социальная ипотека.*

Принцип, показывающий характер банковского продукта и услуги: *Вклад Манат, Вклад Динамик, Накопительное страхование жизни, Продукт Проценты на текущий счет, Услуга Персональный менеджер, Услуга консьержа, Услуга Индивидуальный подход.*

Принцип, основанный на увязывании банковского продукта и услуги с определенным временем. Некоторые продукты и услуги фокусируют внимание потенциальных клиентов на конкретном временном промежутке предложения продукта. Банковские продукты и услуги, создающие условия для увеличения средств путем размещения в банке той или иной суммы на определенный срок, преследуют цель привлечения внимания потенциальных клиентов. К образцам банконимов, позволяющих больше заработать в определенный срок, относятся: *Срочный, Вклад Бессрочный, Срочный выбор на 5 лет, Весенний шанс.*

Принцип, основанный на качестве банковского продукта и услуги. Каждый банк, применяя самый передовой опыт и новшества, удобными способами предлагает клиентам услуги в широком ассортименте и руководствуется их удовлетворенностью, старается стать близким партнером и постоянным консультантом клиентов в реализации их пожеланий и целей. Предлагая клиентам более удобными способами высококачественные продукты и услуги, банк становится основным участником в реализации их конечной цели и пожеланий. А это означает, что банк не только является посредником в получении финансовых услуг, но и становится важной частью жизни клиентов в удовлетворении их конечных потребностей. Важнейший тезис, определяющий основной принцип работы банков, заключается в следующем: «Обеспечение конкурентного

превосходства путем превращения качественного обслуживания в основной критерий». С этой целью по принципу, основанному на качестве банковских продуктов и услуг, были созданы различные банкноты: *Прогресс, Классик, Удобный, Свободный, Прогрессив*.

Принцип, основанный на объеме банковского продукта и услуги. Для поддержки малого и среднего предпринимательства, а также развития сельского хозяйства банки предлагают агро- и микрокредиты. Банкноты, показывающие объем продукта и услуги: *Микро бизнес кредиты, Микро- и Агрокредит*.

Принцип, основанный на связи банковского продукта и услуги с определенной организацией. Банки создают своим клиентам возможности для срочных переводов в иностранной валюте в режиме реального времени. В этом контексте привлекают внимание банкноты, отражающие сотрудничество с системами срочного перевода денег: *Золотая корона, Western Union, AccessTransfer, UPT, ManatExpress, Contact, Granat, Unitransfer, Barat*.

Это проявляется и в наименованиях карт, выданных такими банками. Карты связаны как с самим банком, так и международными карточными системами: *Mugan Junior (Muganbank), UPI Gold, Mastercard Debit Standard PayPass, VISA Classic PayWave, UnionPay Classic, iCard, VISA InternetCard, Mastercard WebCard, Espresso (Expressbank), BirKart Cashback, BirKart Umico, BirKart Miles, VISA Gold, Mastercard Gold, Mastercard World Elite, Mastercard Platinum, VISA Platinum, VISA Infinite, Bolkart Gənc Debet, Bolkart Ailə Debet, Bolkart Gold Debet, Bolkart Diamond Debet, Bolkart Business, İşkart Business Mastercard, İşkart Business VISA Platinum*.

Принцип дифференциации в предложении банковского продукта и услуги. Некоторые банки предлагают частным предпринимателям и юридическим лицам, занимающимся мелкой и средней предпринимательской деятельностью, различные льготные банковские и небанковские услуги. К банкнотам, возникшим на основе принципа дифференциации и обозначающим данные услуги, относятся: *Клуб Предпринимателей, Клуб друзей*. Привлекают внимание также названия соответствующих данным услугам банковских продуктов – локальных карт: *Бриллиантовая карта Клуб друзей, Золотая карта Клуб друзей, Серебряная карта Клуб друзей, Клуб QayğıCash, Кредит Первый (для лиц без кредитной истории), Я клиент Рабитабанка*.

Применение в банковском секторе ИТ-продуктов и услуг. На современном этапе на основании договоров, заключенных между банками и потребителями, осуществляется услуга электронного банкинга – э-банкинга. Эта услуга, приносящая банковской деятельности наибольший доход, представляет собой электронизацию процессов и операций в результате применения к традиционной системе банкинга самых последних новшеств техники и технологии, замещение традиционного банкинга посредством компьютеров, интернета, банкоматов.

«Услуга электронного банкинга – ведение банковских операций и / или получение сведений по соответствующему счету путем обеспечения пользователю дистанционного входа с помощью соответствующего программного обеспечения, метода электронной аутентификации и средств коммуникации;

услуга интернет-банкинга – это услуга Э-банкинга, которая обеспечивается посредством каналов связи через электронные приборы без установки специального программного обеспечения;

услуга мобильного банкинга – это услуга Э-банкинга, которая обеспечивается посредством каналов мобильной связи (GSM, CDMA, 3G, HSPA+, WiFi, LTE и пр.) через мобильные приборы (мобильный телефон, планшет, компьютер и пр.) с установкой или без установки специального программного обеспечения» [Azərbaycan Respublikasında elektron bankçılıq xidmətlərinin...].

Э-банкинг оказывает большое влияние на банковскую систему и межбанковскую онлайн-конкуренцию. С изменением банковских технологий с каждым днем все больше пользователей присоединяется к услугам э-банкинга. Это услуги двух видов: «Услуга Э-банкинга информационного характера основана лишь на получении пользователем сведений. Посредством данной услуги банк информирует потребителей о банковском счете, проведенных операциях, а также о своих

продуктах и услугах. Услуга Э-банкинга операционного характера позволяет потребителям совершать платежи, перечислять средства со счета, проводить конвертационные операции и пользоваться другими банковскими услугами» [E-bankçılıqda ən çox aparılan əməliyyatlar hansılardır?].

Применяемые в банках э-услуги (InternetBank) позволяют клиентам дистанционно управлять текущими, сберегательными, кредитными счетами и проводить банковские операции, например: в услуге *InternetBank* – функция “Tracking”, программа *Bizon*, предоставляющая возможность осуществлять банковские операции по мобильному телефону в онлайн-режиме, *DostBank* – *Мобильный банкинг*, карта, созданная для предложения предпринимателям из числа физических лиц услуг удобного банкинга, – *Kartmanebiz, Sahibkart* (бизнес-клиентам), *Sahibkart Payware, Sahibkart Mastercard Paypass, услуга интернет-банкинга Клиент Bank, услуга R@ndevu* и пр.

Анализ банковских продуктов и услуг показывает, что исследование лексических единиц, используемых в их наименовании, является одним из актуальных вопросов. Классификация банкнот на основе различных принципов выявила, что они обладают интересными семантическими особенностями. Материал исследования показывает, что банкнотам принадлежит важная роль в обогащении ономастической лексики азербайджанского языка. Проведенное исследование поможет уточнению позиции банкнот в ономастической системе, выявлению специфических особенностей номинации банковских продуктов и услуг, более глубокому изучению банкнот в дальнейшем.

Список литературы

1. Azərbaycan Respublikasında elektron bankçılıq xidmətlərinin göstərilməsinə və bu xidmətlər üzrə təhlükəsizliyin təmin olunmasına dair Metodoloji Rəhbərlik [электронный ресурс] (Методологическое руководство относительно оказания услуг электронного банкинга в Азербайджанской Республике и обеспечения безопасности по данным услугам) // URL: <https://uploads.cbar.az/assets/8cb29465e5296d432d8816487.pdf> (дата обращения: 24.01.2022).
2. E-bankçılıqda ən çox aparılan əməliyyatlar hansılardır? [электронный ресурс] (Какие операции проводятся в Э-банкинге больше остальных?) // URL: <https://banco.az/az/news/e-bankçılıqda-en-cox-aparilan-emeleyatlar-hansilardir> (дата обращения: 24.01.2022).
3. <https://banco.az/az/news/muasir-bankçılıqda-pr-texnologiyala>
4. https://spravochnick.ru/bankovskoe_delo/bankovskie_produkty_i_uslugi/
5. Жилина, И.К. Банкноты: прагматоним или идеоним // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. статей. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016а. С. 307–310.
6. Жилина, И.К. Структурные особенности банкнот Республики Беларусь // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXI (68) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов: в 2 т. Т. 1. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016б. – С. 128–129.
7. Жилина, И.К., Мезенко А.М. Банкноты как объект ономастических исследований // Вестн. Владимир. гос. ун-та. Сер.: Соц. и гуманитар. науки. Владимир, 2015. – С. 62–69.

***

АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ ТОПОНИМА КРЕМЛЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА REUTERS)

Е.Д. Кириллова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается апеллятивная топонимия Кремль в публикациях англоязычного информационного агентства Reuters за период 2018–2022 год. Особое внимание уделяется вопросам прецедентности и когнитивным механизмам перспективизации и дефокусирования.

Ключевые слова: апеллятивная, топоним, массмедийный дискурс, прецедентное имя, когнитивные механизмы

В русле ономастических исследований актуальным является вопрос перехода имен собственных в имена нарицательные. Данный процесс является дискуссионным и среди исследователей встречаются разные названия процесса. Среди них можно отметить семантическое словообразование, деонимическую деривацию, ономизацию, апеллятивацию, конверсию, деонимизацию, ономастическую деривацию, фразеологическую деривацию [Бугуева 2009].

Процесс апеллятивации в языке может проходить как естественным, так и искусственным путем. Естественный способ деонимизации протекает постепенно и может быть неполным (например, имя Ева сохраняет как прямое, так и переносное значение). Искусственный же способ – «целенаправленный и преднамеренный», такой переход одномоментен. Примеры: слова Ньютон как единица массы, Кюри как единица радиоактивности и Ом как единица сопротивления становятся омонимичны именам собственным Ньютон, Кюри, Ом. Кроме того, возможно образование словосочетаний с этими именами собственными (закон Ома, закон Ломоносова-Лавуазье), что перемещает выражение, в составе которых есть номинативная единица, в «иные лингвистические условия – в ряды терминологических сочетаний и номенклатурных обозначений» [Рыжова, Кокорина, Филончик, Ратина 2013].

Номинативное слово переходит в разряд семантически значимых при обогащении его интеллектуальной информацией. Такая энциклопедическая информация содержится в названиях всемирно известных объектов, что позволяет им функционировать в системе языка.

Большую роль в изучении ономастической номинации играют ассоциативные связи имен собственных. А.В. Суперанская утверждает, что ономастические ассоциации превосходят круг ассоциаций нарицательных имен за счет индивидуальных ассоциаций индивида. А в ситуации, когда исторические, политические, бытовые и прочие коннотации связываются у всего коллектива с именем, оно может превратиться в имя нарицательное [Суперанская 1973: 285].

Е.С. Отин также пишет о сближении некоторых имен собственных, насыщенных энциклопедической информацией, с именами нарицательными. Исследователь дает название таким единицам «мезолексы», так как подобные коннотативные собственные имена занимают срединное место в ряду абсолютных онимов и апеллятивов. По мнению ученого, такие мезолексы могут оставаться коннотативными собственными именами с устойчивой или переменчивой смысловой структурой продолжительное время. В иных ситуациях подобные единицы становятся именами собственными, утрачивая коннотации, либо превращаются в отконнотонимные апеллятивы, в которых отсутствует мотивация.

Вслед за А.В. Суперанской Е.С. Отин акцентирует важность употребляемости и распространенности коннотативных онимов. Он делит их на узуальные и окказиональные. В свою очередь узуальные коннотативные онимы подразделяются еще на два больших разряда интралингвальных, бытующих в одном языке, и интерлингвальных, распространенных в двух и более языках.

Семантический объем и характер составляющих смысловой структуры также различен в коннотативных онимах. Они могут подразделяться на моноконнотемные и поликоннотемные. К первым относятся такие собственные имена, как, например, Алтай, коннотация которого 'богатое во всех отношениях место' неизменна [Отин; 2003].

Поликоннотемные онимы в свою очередь делятся на коннотативные онимы, смысловая структура которых включает в себя несколько референтных коннотаций, более или менее близких по смыслу, и на коннотативные онимы с различными коннотациями [Отин; 2003]. Такие апеллятивизированные единицы содержат более одного значения в своей семантической структуре, иными словами имеют лексико-семантические варианты. Как отмечает Д.Н. Шмелёв, «в зависимости от лексического окружения (контекста, ситуации) слово как бы поворачивается разными гранями присущей ему семантики» [Шмелёв 1990].

А.А. Кудрявцева также обращается к теме имен собственных, перешедших в класс имен нарицательных. Исследователь называет такие апеллятивизированные единицы прономинантами, но различает случаи, когда прономинант уже является частью лексической системы языка и когда

он еще является узуальным словом в индивидуальном значении или «семантическим окказионализмом». Однако, по мнению А.А. Кудрявцевой, прономинантами могут становиться не любые онимы, а только прецедентные имена и в таком случае употребление апеллятивизированной единицы в тексте относится также к проявлению явления интертекстуальности [Кудрявцева 2015].

Апеллятивация – это процесс вторичной номинации на базе имен собственных. Согласно мнению Е.Ю. Шестаковой, переход имени собственного в имя нарицательное происходит на разных языковых уровнях: на словообразовательном уровне данный процесс характеризуется десемантизацией имен собственных и употреблением их в качестве словообразовательной единицы. На морфологическом уровне можно отметить употребление артиклей с именами собственными. На уровне словосочетания они имеют свойство нарушать сочетаемость. Процесс апеллятивации находит выражение также на уровне высказываний, когда имя собственное приобретает окказиональные значения благодаря ближайшему и дальнейшему окружению.

В рамках когнитивного направления процесс апеллятивации отражает познавательные процессы в сознании человека. Получение и обработка большого количества информации способствует созданию новых знаний, которые зачастую основаны на уже существующих явлениях. Сущность вторичной номинации состоит в использовании уже имеющихся лексических средств в новой для них функции наречения. В качестве такого мыслительного процесса может рассматриваться концептуальная деривация, обеспечивающая формирование нового смысла (концепта) в результате реинтерпретации уже вербализованного знания [Бабина 2012].

Концептуальная деривация – это комплексный процесс, включающий в себя как вторичную концептуализацию, так и вторичную категоризацию. Формирование новых смыслов осуществляется за счет когнитивных моделей и при помощи когнитивных механизмов, к которым относятся перспективизация, дефокусирование, соединение, развитие и достраивание [Бабина 2012].

Когнитивный механизм перспективизации выдвигает на первый план отдельные характеристики апеллятива. Особенность перспективизации заключается в том, что выделение определенных характеристик часто носит временный характер и зависит от контекста. Процесс дефокусирования предполагает наоборот подавление полностью или частично малозначимых характеристик апеллятива. Как правило, механизмы перспективизации и дефокусирования действуют одновременно [Ирисханова 2010].

Особый интерес в вопросе процесса апеллятивации представляют имена собственные, которые в первую очередь являются прецедентными именами, формирующими когнитивную базу носителей языка и способствующими структурированию знаний о мире [Демьянков 2003].

Прецедентные феномены включают в себя определенное представление или отображение действительности, которые знакомы носителю той или иной культурной общности и все отсылки понятны и доступны без дополнительного разъяснения. В зависимости от культуры и менталитета набор этих феноменов будет отличаться.

Прецедентные феномены являются прецедентными для отдельного социума, для нации или могут считаться универсальными, то есть свойственными разным культурам. В своих работах В. В. Красных выделяет три типа прецедентных феноменов: социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные

Согласно теории Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.В. Багаевой, выделяют следующие виды прецедентных феноменов: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание [Красных 1997].

Поскольку прецедентные феномены считаются отличительными признаками общения между представителями той или иной лингвокультуры, то их изучение может способствовать выявлению культурно-ценностных ориентиров, а также описанию менталитета представителей этой общности.

В рамках нашего исследования мы предлагаем рассмотреть особенности апеллятивации прецедентного имени Kremlin в англоязычном массмедийном дискурсе. В качестве источника публикаций мы будем использовать информационное агентство Reuters.

Согласно Cambridge Dictionary топоним Kremlin определяется как ‘a group of buildings in Moscow that is now the centre of government of Russia, or the Russian government itself. In the past, the Kremlin also meant the government of the Soviet Union’ [https://dictionary.cambridge.org/].

Таким образом, в семантике топонима можно выделить следующие характеристики: а) группа зданий в центре Москвы, б) правительство РФ, в) правительство СССР в прошлом.

В результате исследования нами было собрано 65 примеров употребления прецедентного имени в новостных статьях информационного агентства Reuters за период с 2018 по 2022 год. Топоним Kremlin встречается как самостоятельная лексическая единица, обозначающая правительство РФ (70 %), так и в качестве словосочетаний *Kremlin spokesman* (12 %), *the Kremlin critic* (6 %), *anti-kremlin* (6 %), *the Kremlin cup* (3 %).

В качестве прямого значения ‘группа зданий в центре Москвы’ топоним Kremlin встречается дважды, что составляет 3 % от всей выборки:

Large crowds gathered in European capitals for spectacular firework displays that lit up the skies over landmarks like Big Ben in London, the Arc de Triomphe in Paris, the Parthenon in Athens and the Kremlin in Moscow.

В данном примере прецедентное имя, обозначающее культурно значимое здание в столице РФ, сопровождается упоминанием аналогичных прецедентных имен, имеющих историческую ценность в других лингвокультурных сообществах.

Словосочетание *the Kremlin Cup*, встречающееся в нашей подборке дважды, является названием профессионального теннисного турнира, проходящего в Москве с 1990 года. Интересной является история создания данного соревнования. Турнир был организован при поддержке швейцарского бизнесмена, любителей спорта и властных структур. Роль органов власти в создании и продвижении мероприятия, а также место проведения в Москве могут говорить о том, что название турнира “*The Kremlin cup*” при помощи когнитивного механизма перспективизации выдвигает на первый план сразу два значения топонима: ‘группа зданий в центре Москвы’ и ‘правительство СССР’:

World number four Daniil Medvedev said on Wednesday that he would return to action in Vienna next week after pulling out of the ongoing Kremlin Cup in Moscow due to exhaustion.

Основная часть выбранных контекстов представляет топоним Kremlin в качестве апеллиатива, обозначающего правительство РФ.

Рассмотрим следующие примеры:

The Kremlin did not say what exactly the ministers would discuss, but Moscow has previously signaled it would like to see more countries joining efforts to balance global oil markets.

В данном примере характеристика «правительство РФ» в результате когнитивного механизма перспективизации выдвигается на первый план и репрезентирует топоним Kremlin как политический орган России, ответственный за принятие решений.

The Kremlin declined to comment on whether there was a risk of confrontation between Russia and NATO.

В данном контексте прецедентное имя также в результате перспективизации выделяет характеристику «политический орган РФ», а значения ‘группы зданий, расположенных в центре Москвы’ и ‘правительство СССР’ дефокусируются и уходят на второй план.

Russian prosecutors on Tuesday said they had asked a court to strip an opposition-minded couple of their parental rights over their one-year-old son after they took him to an unauthorized anti-Kremlin protest in Moscow last month.

В последнем примере апеллиативация прецедентного имени сопровождается морфологической деривацией. При помощи механизма перспективизации на первый план выдвигается значение «правительство РФ», и лексическая единица *anti-Kremlin* становится синонимична значению *antigovernmental*.

В результате нашего исследования было выявлено, что массмедийный контекст информационного агентства обуславливает перспективизацию значения «политический орган РФ» топонима Кремль.

Список литературы

1. Астафьева И.А. От прецедентного имени к апеллиативу // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 4 (13).
2. Бабина Л.В., Паршина Е.О. Когнитивные основания апеллиативов, образованных от имен собственных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3.
3. Бугуева Н.В. Отантропонимическая семантическая деривация (на примере немецкого языка) // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. № 6.
4. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.
5. Ирисханова О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. дом Тамб. гос ун-та, 2010. – С. 78–93.
6. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. 1997. Вып. 2.
7. Кудрявцева А.А. Полисемантическая апеллиативизированной единицы как один из признаков ее вхождения в систему языка // Известия ВГПУ. 2015. № 3 (98).
8. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. 2003. № 2. – С. 55–72.
9. Рыжова С.В., Кокорина С.В., Филончик О.А., Ратина Н.В. Роль деонимизации в процессе обогащения лексического состава языка // Фундаментальные исследования. 2013. № 6–1. – С. 199–202.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973.
11. Шерстюкова Е.В. Апеллиативация имен собственных личных как способ вторичной номинации / Е.В. Шерстюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). – С. 169–171.
12. Шмелёв Д.Н. Полисемия / Д.Н. Шмелев // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл. 1990.
13. Cambridge Dictionary : [site] / Cambridge University Press. – Cambridge, 1999 – URL: https://dictionary.cambridge.org (usage date: 01.04.2022).

***

ИМЕНА ФИКЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ

О.В. Курничева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация Статья посвящена анализу прецедентных имен фикциональных персонажей мультипликационного дискурса, которые в постсоветский период (начиная с 1991 года по настоящее время) приобрели или изменили переносные социально-оценочные значения. Цель проводимого исследования состоит в том, чтобы показать, что данная категория онимов является эффективным инструментом социальной оценки в современной массовой коммуникации, а также изучить воздействие, оказываемое этими именами собственными в качестве средства социальной оценки, в связи с приобретенными или изменившимися коннотативными смыслами.

Ключевые слова: фикциональный персонаж, постсоветский период, коннотация, социальная оценка, прецедентное имя, мультипликационный дискурс.

В рамках нашего исследования анализируются имена самых популярных фикциональных персонажей мультдискурса, последний, по нашим наблюдениям, является одним из источников прецедентности для современных русскоязычных СМИ. Вслед за Г.Г. Слышкиным, мультдискурс мы определяем как особый жанр кинодискурса [Слышкин 2004: 41]. В свою очередь

Е.Г. Нешкова, размышляя о природе изучаемого типа дискурса, пишет, что мультипликационный дискурс, «определяемый как результат взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса предполагаемых реакций зрителя и текста анимационного произведения, является собой сложное образование, в котором интертекстуальность прослеживается на всех уровнях организации текста» [Нешкова 2017: 56]. К сожалению, существует не так много исследований, посвященных мультдискурсу (Канукова 2016; Нешкова 2017), и еще меньше научных работ, направленных на изучение и анализ роли имен фикциональных персонажей мультдискурса как средства социальной оценки.

Для анализа роли имен собственных в анимационном дискурсе обратимся к ключевой терминологии исследования. Выбор термина *фикциональность* по отношению к рассматриваемым онимам не случаен. Впервые он был предложен немецким филологом В. Шмидом. В своей работе «Нарратология» исследователь трактует *фикциональность* как то «обстоятельство, что изображаемый в тексте мир является фиктивным, вымышленным, <...> однако это «симуляция без отрицательного характера, выдумка, в которой отсутствует момент ложности и обмана» [Шмид 2003: 22–23]. В подтверждение излагаемой точки зрения В. Шмид добавляет: «вымышленные единицы отличаются от реальных не каким-либо тематическим или формальным признаком, а только тем незаметным, невидимым свойством, что они не существуют или не существовали в реальности» [Там же: 32]. Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что фикциональный персонаж – это любой вымышленный герой кино- или мультипликационного фильма, литературного произведения.

Для исследования были отобраны 12 прецедентных фикциональных имен западной анимационной индустрии, прочно закрепившихся в массовом языковом сознании носителей русского языка в постсоветском периоде: *Бивис и Баттхед*, *Каспер*, *Микки Маус*, *Покемон*, *Рапунцель*, *Симпсоны*, *Скрудж Макдак*, *Телепузики*, *Том и Джерри*, *Черепашки Ниндзя*, *Чип и Дейл*, *Шрек*.

Источником текстового материала работы послужили контексты употребления этих имен, зафиксированные в «Национальном корпусе русского языка» (художественный и публицистический подкорпусы) [НКРЯ, 2022] и он-лайн версиях современных российских журналов и газет. Всего было проанализировано 183 контекста употребления данных имен за период с 1990 года по настоящее время. Эти прецедентные имена собственные приобрели или изменили переносные социально-оценочные значения за время постсоветского периода, т.е. стали использоваться в качестве метафор или сравнений для характеристики разнообразных явлений современной российской действительности.

Не все перечисленные онимы имеют одинаковую степень узнаваемости, однако мы можем с уверенностью утверждать, что анализируемые нами фикциональные имена собственные относятся к числу имен-глобализмов, так как они стали известны не только в обозначенном языковом коллективе, но и далеко за его пределами, кроме того они «характеризуются частотной воспроизводимостью в речи» [Крюкова 2020: 241], что позволило им прочно закрепиться в языковом сознании носителей русского языка в постсоветскую эпоху.

Под постсоветской эпохой в данном случае подразумевается «этап в истории России, который охватывает хронологические рамки с 1990 г. по настоящее время и характеризуется глубоким кризисом в социально-политической и духовной жизни в первое десятилетие, что связано с радикальной сменой власти и общественного строя, и относительной стабилизацией ситуации в дальнейшем. Иными словами, постсоветский период – это время становления нового российского государства с начала распада СССР (1990–1991 гг.) до наших дней» [Крюкова 2020а: 33]. Выбранный для изучения временной отрезок представляет особый интерес для исследователей еще и вследствие того, что в это время происходила трансформация ценностных установок, что было обусловлено следующими факторами: социальные перемены, возрождение идеологического и политического плюрализма, провозглашение свободы слова, отмена цензуры.

Итак, вследствие рухнувшего железного занавеса у россиян появилась возможность смотреть иностранные киноленты и мультфильмы, слушать зарубежную музыку: все это оказало

существенное влияние на мировоззрение граждан, в связи с чем имена персонажей мультфильмов стали активно употребляться в речи, постепенно приобретая статус прецедентных, что позволяет нам говорить об этих онимах как инструменте социальной оценки. По мнению В.В. Сутужко, социальная оценка представляет собой «результат усвоения системы штампов и шаблонов массового сознания, зачастую она является продуктом мифологизированного сознания и стереотипизации мышления» [Сутужко 2004: 18]. Несмотря на то, что социальная оценка считается существенным элементом ценностной картины мира, в то же самое время она не является постоянной величиной. О.В. Врублевская высказала следующую точку зрения: «социальная оценка может подвергнуться переоценке и трансформироваться в новую оценку или приобрести иную форму. Подобные процессы характерны для последних нескольких десятилетий в связи со сменой политической (идеологической), экономической, социально-культурной ситуации в нашей стране» [Врублевская 2019: 133]. Таким образом, полагаем, что в связи с вышеизложенным необходимо уделить особое внимание изучению прецедентных имен мультдискурса, которые в этот период приобрели или изменили переносные социально-оценочные значения, т.е. стали использоваться в качестве метафор или сравнений для социально-оценочной характеристики субъектов и объектов действительности.

Анализ полученного материала выявил, что в основе социальной оценки, реализуемой посредством прецедентных имен фикциональных персонажей мультдискурса, может лежать социальная оценка по личным качествам, оценка по внешности, а также в отдельную категорию можно выделить общую социальную оценку анимационного фильма. Рассмотрим подробнее каждый из видов оценки на примерах.

Фактором, способствующим переносному употреблению прецедентного имени, выступает оценка по личным качествам, которая ориентирована на отличительную черту характера. К примеру, оценка, выражаемая прецедентным именем *Скрудж Макдак*, позволяет снискать объекту репутацию расчетливого и жадного человека.

Если ты замечаешь, что в твоей жизни раз за разом появляются скупые мужчины, посмотри на себя со стороны: может быть жестами, мимикой, поведением ты подаешь сигналы, которые позволяют этим мужчинам приблизиться? И остаться с тобой надолго? Ведь наверняка у каждой из нас есть хотя бы одна приятельница, рядом с которой сам Скрудж Макдак не решился бы проявить скардность [О жадных гусарах замолвите слово... // «Лиза», 2005, № 2].

Интересно отметить, что прецедентное имя *Скрудж Макдак* выражает противоположные оценки качеств. С одной стороны это скупой человек, а с другой – трудолюбивый человек, который смог всего добиться сам благодаря своей бережливости. В данном случае прецедентное имя реализует свой оценочный потенциал, выступая в виде одного из членов сравнения.

На перилах крыльца подвешен биржевой колокол. Его Стерлигов сохранил так же, как дядюшка Скрудж свой первый заработанный цент. Только Герман в свои 23 года одним ударом медного языка сразу выбил миллионы... [Московский комсомолец, 13.01.2006]

В современной массовой коммуникации широко распространено метафорическое использование имен собственных фикциональных персонажей (*Симпсоны*, *Покемоны*, *Телепузики*, *Бивис* и *Баттхед*) для обозначения в переносном значении ограниченных и глупых людей.

Чем быстрее на смену безыдейным Шрекам и прочим Покемонам придут Иваны-царевичи и Василисы Прекрасные, тем больше будет в стране детей с нашим культурным кодом [Аргументы и факты, 14.10.2015]. *Беседа явно не клеится. Возникает ощущение, что говоришь с Бивисом & Баттхедом в одном лице. На все вопросы Кими отвечает односложно и неэмоционально, с невероятно кислой физиономией, зевая, глядя куда-то в сторону* [Формула, 15.02.2002]. *Уроды редкие. Барт и Гомер Симпсоны в кубе. Так что примеры у меня перед глазами почти круглосуточно* [О. Гладов. Любовь стратегического назначения, 2000–2003]. *Давайте хотя бы в детских головах не разрушать образы хороших и правильных персонажей. А то ведь вырастут какие-нибудь телепузики* [Комсомольская правда, 24.05.2002].

Еще одним фактором, способствующим неденотативному употреблению прецедентного имени, выступает оценка по внешнему виду. «*Ребята, я впервые видел премьеру, когда Шрек пришел на «Шрека»!*» [Труд, 09.06.2010]

Яркий внешний вид фикционального героя делает персонаж легко узнаваемым по дифференциальным признакам, а его имя обретает переносное значение. В данном случае Шрек ассоциируется с продюсером Иосифом Пригожиным, который внешне его напоминает. При этом в качестве дифференциального признака может выступать не только весь внешний облик героя, но и какая-то одна выразительная черта. К примеру, длинные волосы Рапунцель являются такой отличительной особенностью. «*Мисс Россия – 2012» учится в Московском университете путей сообщения на юридическом факультете. За длину волос ее называют русской Рапунцель*» [Кривое зеркало, 13.12.2012].

Исходя из представленных практических примеров, анализ прецедентных имен показал, что некоторые из них приобрели только одно устойчивое переносное значение, как *Рапунцель* 'длинноволосая девушка' или *Шрек* 'лысый мужчина', в то время как за другими закрепилось несколько переносных значений. Это позволяет говорить об однозначных прецедентных именах и многозначных прецедентных именах мультдискурса. Активное употребление имен персонажей мультипликационного дискурса способствует тому, что они становятся многозначными и приобретают несколько переносных значений. Например, *Микки Маус*, который ассоциируется не только с вымышленным персонажем, ставшим символом нации, маленьким героем, оказавшимся хитрее других, но и с кем-то, кто внешне напоминает его самого. *Вадим Леонидович был костляв, долговяз, с ярко-черными, залезанными волосами и крупными, как у Микки-Мауса, залысинами* [М. Елизаров. Библиотекарь, 2007]. *Медвежонок с очень большими, как у Микки-Мауса, ушами упирается всеми имеющимися лапами* [Коммерсант, 24.12.2009].

Еще одним видом социальной оценки является общая характеристика всего анимационного проекта через образное употребление имени фикционального героя. У «*Ну, погоди!*» есть шанс стать новым «*Томом и Джерри*» в мире [Известия, 30.04.2020]. А с утра или вечером – «*Спокойной ночи малыши!*», – никаких *Симпсонов!* [Комсомольская правда, 18.03.2005]. *Что же с культурой для детей? Черепашки-ниндзя! <...> Дикий абсурд детского кича сегодня – не ошибка, не признак низкой квалификации. Это – шприц с ядом, вводимым в будущее России* [С. Кара-Мурза. Антисоветский проект, 2002].

В сознании носителей русской лингвокультуры персонажи *Том и Джерри* ассоциируются с самым популярным мультфильмом, в то время как герои *Симпсонов* и *Черепашек Ниндзя* – с вредными и опасными для детей анимационными фильмами.

Подводя итог исследованию, отметим, что, в целом, значение имен собственных в постсоветский период недооценено и требует более детального изучения в связи с тем, что, во-первых, они оказывают огромное влияние на формирование общественного сознания и восприятие происходящего, а во-вторых, состав этих имен собственных неоднороден, так как некоторые имена утрачивают свои переносные значения (снижение прецедентности или ее полная утрата), а некоторые наоборот приобретают новые смыслы. Все это позволяет изучаемым именам быть легко узнаваемыми и давать оценочные представления о типичных чертах, свойственных описываемому объекту.

Список литературы

1. Врублевская, О.В. Прецедентные антропонимы политического дискурса как средство социальной оценки / О.В. Врублевская. // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). – С. 132–139.
2. Канукова, А.Л. Особенности репрезентации языковой личности в мультипликационном пространстве (на материале мультсериалов «Винкс» и «Бен 10: инопланетная сверхсила»): дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Канукова. Нальчик, 2016. – 168 с.

3. Крюкова, И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: монография / И.В. Крюкова, О.В. Врублевская, О.В. Кирпичева. Волгоград: Перемена, 2020а. – 199 с.
4. Крюкова, И.В. Имена-глобализмы в русской лингвокультуре: механизмы развития переносных значений / И.В. Крюкова // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. – С. 241–255.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 21.02.2022).
6. Нешкова, Е.Г. Функционирование интертекстуальных включений в американском мультипликационном дискурсе (на примере мультипликационного сериала «Тимон и Пумба») / Е.Г. Нешкова. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. – С. 56–59.
7. Слышкин, Г.Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. Москва: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
8. Сутужко, В.В. Социальная оценка как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В.В. Сутужко. М., 2004. – 28 с.
9. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 311 с.

***

СРЕДСТВА ПРАГМАТИЗАЦИИ НАЗВАНИЙ КИНОФИЛЬМОВ

Т.А. Корнейчук

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация: Определяется место названий кинофильмов в системе имен собственных. Проводится ономастический анализ названий русских кинофильмов. Выявляются основные средства прагматизации названий русских кинофильмов.

Ключевые слова: ономастика, прагматическая лингвистика, оним, гемероним, фильмоним, способы номинации, средства прагматизации.

В связи с тем, что киноиндустрия начала активно развиваться только к концу двадцатого века, названия фильмов как объекты ономастики практически не исследовались. К ономастическому изучению названия кинофильмов первой привлекла Е.В. Кныш [Кныш 1992]. Она ввела в научное употребление термин *фильмоним* и проанализировала названия советских художественных фильмов, снятых за период с 1918 по 1990 год.

Фильмонимы представляют отдельный разряд имен собственных и занимают отдельное место в ономастическом пространстве. Ономастическое пространство понимается как общелингвистическая категория, то есть как система ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности; в этом случае можно говорить об ономастическом пространстве как об абсолютной (полной) дедуктивной (обязательной для всех языков) лингвистической универсалии [Крюкова 2004: 27]. В рамках понятия «ономастическое поле» В.И. Супрун [Супрун 2000] и Н.В. Подольская [Подольская 1978] выделяют группу идеонимов, к которым и относятся названия кинофильмов. Идеонимы принадлежат к периферийной части ономастического поля, в состав идеонимов включаются такие единицы, как артионимы, библионимы и гемеронимы. И.В. Крюкова относит гемеронимы к рекламным именам, для которых характерна прагматическая направленность. Автор расширяет традиционное понятие гемеронимов, включая в него все названия средств массовой информации, в том числе «радио-, теле-, видео-, кинохроникальные программы» [Крюкова 2004: 32]. Таким образом, фильмонимы мы рассматриваем как вид гемеронимов.

Цель данной работы – выявление средств прагматизации русских кинофильмов. Говоря о средствах прагматизации, имеем в виду языковые средства, способные оказывать воздействие на потенциального адресата. При анализе средств прагматизации каких-либо групп рекламных имен исследователи исходят из понятия способ номинации. Это прием структурно-грамматического представления принципа номинации, способ создания новых наименований. Такой подход используется, к примеру, в исследовании М.М. Сулейман, посвященном названиям телепередач [Сулейман 2017]. Однако прагматический потенциал названий кинофильмов еще не стал предметом подобного анализа.

Материалом нашего исследования послужили 250 названий русских кинофильмов, полученные путем сплошной выборки из интернета.

Ономастиологический анализ показал, что к основным способам номинации для русских кинофильмов относятся лексико-семантический, лексико-синтаксический и словообразовательный. Каждый способ номинации определяется различными средствами прагматизации.

Лексико-семантический способ применительно к именам и названиям предполагает создание новых онимов с помощью трансонимизации и онимизации, которые являются средствами прагматизации. Лексико-семантический способ использовался при номинации 44% проанализированных русских названий кинофильмов.

Н.В. Подольская под термином трансонимизация определяет переход онима одного разряда в другой. Способ трансонимизации довольно часто имеет отражение в образовании имен собственных [Подольская 1978]. Таким образом, имена собственные переходят в разряд фильмонимов. Для образования гемеронимов используются онимы других разрядов, хорошо знакомые потенциальному адресату. Одни из них образованы от широко известных топонимов: «Крым», «Кандагар», при этом особое внимание адресата привлекают топонимы с измененной орфографией, например, «Килиманджара». Другие образованы от антропонимов: «Анна», «Любка», «Василиса» – распространенные русские имена, «Поддубный», «Довлатов», «Распутин» – фамилии известных личностей, а также от библионимов: «Пассажир из Сан-Франциско», «Похороните меня за плинтусом», «Дубровский». Такие названия помогают адресату предугадать содержание кинофильма, повествующего об определенном месте события, биографии известной личности или указывать на имя главного героя.

Под онимизацией понимается переход имени нарицательного в имя собственное и его дальнейшее становление и развитие в любом классе онимов [Подольская 1978]. Такими фильмонимами являются: «Салют-7», «Лед», «Молот», а также названия с сохранением старой русской орфографии, которая передает информацию о времени действия: «Адмирал», «Батальон». Стоит отметить, что данная группа может делиться на подгруппы в соответствии с частями речи.

Кроме того, при онимизации прослеживается заимствование из других языков. В лингвистическом словаре Т.В. Жеребило заимствование понимается как процесс и результат перехода из одного языка в другой слов, грамматических конструкций, морфем, фонем [Жеребило 2010]. Примеры фильмонимов, образованных от заимствованной лексики, многочисленны: «Элефант», «Сатисфакция», «Селфи», «Стритрейсеры», «Собибор». Используются преимущественно заимствования из английского языка, что свидетельствует о влиянии англоязычной культуры на русскую. При этом авторы названий, включающих заимствования, не всегда используют кириллицу, с целью оказания прагматического воздействия на адресата они выбирают комбинированное написание латиницей и кириллицей: «All Inclusive, или Все включено», «Duxless», «Пролюбофф», «Золушка».

К феномену онимизации относятся также названия, которые образованы от фразеологизмов: «Легко на помине», «Одной левой», «Сирота казанская» и др. Фильмы с такими названиями в основном ориентированы на российского потребителя, так как крылатая фраза делает название узнаваемым и близким по духу.

Суть лексико-синтаксического способа состоит в организации названий на основе свободного словосочетания [Гак 1977]. В данную группу, которая составляет 54% всех фильмонимов,

входят названия в виде словосочетаний с сочинительным типом связи и подчинительным типом связи, а также предложения. Сочинительные словосочетания-названия являются немногочисленными. Например, фильмонимы «Все и сразу», «Скалолазка и Последний из седьмой колыбели».

В подчинительных словосочетаниях осуществляется три типа связи между их компонентами: согласование, управление и примыкание. Однако названия с типом связи примыкание не представлены среди отобранных единиц. К названиям-словосочетаниям с согласованием, в котором при изменении главного слова изменяется зависимое, относятся: «Брестская крепость», «Грозные ворота», «Последний богатырь». Также встречается управление, например, такие названия, как «Мы из будущего», «День радио», «Мешок без дна» и др. Такие названия обычно указывают на ключевое событие в фильме.

Широко используются различные типы предложений в качестве названий. Среди названий кинофильмов чаще всего встречаются названия повествовательного типа: «Географ глобус пропил», «Я худею», «Все умрут, а я останусь». Также встречаются части сложноподчиненных предложений: «Как я стал русским», «Когда цветет сирень», «О чем молчат девушки», «О чем еще говорят мужчины». Распространены предложения побудительного характера, которые обладают наибольшим прагматическим потенциалом: «Мама, не горюй», «Похороните меня за плинтусом», «Гуляй, Вася!»; а также эмоционально окрашенные восклицательные предложения: «С Новым годом, мамы!», «Горько!», «На море!». Кроме того, встречаются названия, которые состоят из двух предложений, как восклицательных «Счастья! Здоровья!», «Я не такой! Я не такая!», так и повествовательных номинативных «Гагарин. Первый в космосе», «Александр. Невская битва».

Словообразовательный способ предусматривает использование при создании названий кинофильмов различных приемов изобретения новых слов. Словообразование включает в себя процессы аффиксации (образование новых слов от основ существующих слов при помощи добавления аффиксов (суффиксов и префиксов), аббревиации (способ, характерный для имен существительных путем соединения начальных (редко иных) элементов слов (обычно словосочетаний), а также словосложения (образование сложных слов, путем соединения в одно слово двух или нескольких основ) [Розенталь 1985]. Среди русских названий встречаются названия, образованные способом суффиксации: «Duxless», «Пролюбофф» и префиксации: «Нелюбовь». А также представлен процесс словосложения: «Околофутбола». Данная группа имеет самый низкий процент названий (2%), но они являются наиболее прагматически маркированными.

Анализ позволил заключить, что ведущим способом для русских названий кинофильмов является лексико-синтаксический. Авторы кинофильмов прибегают к использованию универсальных средств прагматизации, таких как предложение и словосочетание. Создание данным способом многокомпонентных названий говорит о стремлении передать содержание и основную идею фильма, а использование восклицательных предложений настраивает на диалог с потенциальным адресатом. Названия, созданные лексико-семантическим способом посредством трансонимизации, помогают адресату предугадать содержание кинофильма. Названия, созданные способом онимизации, могут представлять собой фразеологизмы, а также заимствования, написанные как кириллицей, так и латиницей. Они оказывают особое прагматическое воздействие на адресата. Также использование англоязычных заимствований в названиях кинофильмов показывает влияние англоязычной культуры на русскую. Немногочисленные названия, созданные словообразовательным способом, отличаются своей аттрактивностью. Использование различных средств прагматизации имеет национально-культурную специфику. Очень часто в качестве названия выступают топонимы, антропонимы или библионимы, хорошо известные носителю русского языка и культуры, вызывающие определенные ассоциации эмоционально-оценочного плана.

Список литературы

1. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков): учеб. пособие / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

- Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
- Кныш, Е.В. Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: дисс... канд. филол. наук / Е.В. Кныш. Одесса, 1992. – 191 с.
- Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И.В. Крюкова. Волгоград, 2004.
- Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. М.: Наука, 1978. – 199 с.
- Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь. М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
- Сулейман, М.М. Средства прагматизации названий российских и британских телепередач / М.М. Сулейман // Филология и человек. 2017. № 4. – С. 171–177.
- Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000.

***

ПОЭТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЯЗЫКЕ КИНО

Ф.Н. Мустафаев

Институт языкознания имени Насими НАН Азербайджанской Республики (Баку, Азербайджан)

Аннотация: Ономастические единицы широко используются в языке кино. Поэтическая ономастика – одна из новых и ещё недостаточно исследованных областей лингвистики. Она включает изучение названий кинофильмов, имён героев, наименование мест, где происходят события.

Ключевые слова: ономастика; топонимы; антропонимы; лексика, стилистика.

Собственные имена являются обязательным компонентом кинотекстов. Рассмотрим они-мы, используемые в художественных фильмах, снятых на киностудии «Азербайджанфильм» с 1962 года по 2004 год. В некоторых из них используются имена фантастических персонажей и мест: *Гигант, Дракон, Изумрудная птица, Дым, ветер Себа, Тьма, Рай* и др. Приведём диалог из фильма «В стране странных демонов» (1977):

Сахиб: – Если я покину свою гору, равнину, родник, то я стану Гигантом, Драконом, потом превращусь в Изумрудную птицу и буду бродить в небесах.

Гариб: – Ай-хай! Везде есть и сад, и огород, и гора, и вода. На Гиганта, Дракона ещё посмотрите. До свидания, я пошёл.

В фильме «Оазис между огнями» (1977) также используются подобные имена:

Амир Томар: – Эй, Хюсю, видишь, да: с одной стороны Дым, с другой – ветер Себа. В другой же стороне и Тьма, и Рай.

В кинотекстах обнаруживается использование названий животных в качестве прозвища для создания отрицательного образа персонажа: *Гурд, Гузу, Аслан, Шакал, Джанавар* и др. Так, в фильме «Удар сзади» (1977) героя зовут *Гурд Джабраил* ‘Матерый Волк Джабраил’:

Гюндюз Керимбейли: – Согласно проведённым исследованиям, обнаружены разные улики и доказательства. Из начального анализа стало известно, что в убийстве Ахмед Гамарли обнаруживаются следы преступления Гурд Джабраила.

В кинофильме «Боль в молочном зубе» (1987) отрицательный образ одного из персонажей подкрепляется прозвищем Джанавар ‘Волк’:

Саттар: – Ну что, не закончила причёсывать свою правую сторону?

Сона: – Сейчас закончу, а Селим где?

Саттар: – Вместе с Джанавар Керимом, – сказали».

В художественном фильме «Сказка о старом дубе» (1984) обыгрываются два имени Аслан ‘Лев’ и Намаз ‘Молебен’ для создания образов героев:

Младший брат: – У нас есть несколько недостатков, дядя Аслан! Дядя Намаз говорит, что из-за нехватки древесины дом остался недостроенным.

Старший брат: – Теперь просто с благодарностью дело не идёт. Держи руку в кармане.

Для сатирической и юмористической выразительности в фильме может искажаться форма имени, как, например, в диалоге из художественного фильма «В царстве нефти и миллионов» (1982):

Лютвели-бей: – У Шафги (Шафиги) охладели руки и ноги, беспомощно сидит.

Багир: – Бей, по мне, лучше нанять новых работников.

В художественном фильме «Гачаг Наби» (1980) имя Махмуд произносится как Мамуд, оно употреблено с прозвищем Кока Ала:

Селим-бей: – Кока Ала Мамуд (Махмуд) поселился в этой части деревни.

Наби: – Глупец, зачем нам вовремя не сообщил?

В диалоге из фильма «Большая поддержка» (1962) используется в самостоятельном употреблении отчество Керим оглу ‘сын Керима’:

Салман: – Керимоглу тоже говорит о том, что и ты.

В фильмах к личным именам часто добавляются прозвища: *Гатыр* ‘Мул’, *Деве* ‘Верблюд’, *Яланчи* ‘Лгун’, *Ишак* ‘Осёл’, *Довшан* ‘Заяц’ и др. Фильм «Гатыр Мамед» (1974) получил название по имени и прозвищу главного героя. В фильме «Сбрызнул улицы водой» (2004) встречается именная формула *Довшан Гасым*:

Халил: – Дай Бог осенью Довшан Гасым обручится. Сообщи, отпросишься на несколько дней и придёшь.

Бахман: – Гаги знает об этом?

В фильме «Газелхан» (1991) употреблено прозвище *Яланчи* у героя Сабзали:

Гаджибаба Гусейнов: – Около ручья Яланчи Сабзали говорил, что на вечере мейханы обязательно должна быть водка.

В фильме «Сказка о старом дубе» (1984) используется прозвище *Ишак* ‘Осёл’:

Нурджаббар: – Правильно говоришь, Ишак Мухтар говорил, что даже сухая ветка дуба равна золоту.

Для обозначения места действия фильма, предполагаемых поездок или воспоминаний о них в фильмах используются различные топонимы и оттопонимические дериваты: *Муган, Талыстан, Мингячевир, Газах, Карабах, Лянкорань, Кур, Москва, африканский, индийский* и др. В фильме «Гачаг Наби» (1980) встречается такой диалог:

Селим-бей: – Прошу прощения, бей, поздно узнал. Но никуда не сможет убежать. Один, к тому же пешиком.

Тележник: – Брат, кажется, ничего не попало в руки? Говорят, на просторах Карабаха бывают хорошая косуля, фазан.

В художественном фильме «В царстве нефти и миллионов» (1982) отмечен диалог:

Джалил: – Говоришь, со своими тебе будет сложно?

Лютвели-бей: – Да, обрати внимание, ты уже хозяин, нужно понимать. Где Балаханы, где Москва...

Встречаются также прилагательные, образованные от топонимов:

Бахман: – Ещё когда такая возможность попадёт нам в руки? Не упорствуй.

Халил: – Ну ладно тебе, это всё-таки не африканские, не индийские степи (фильм «Сбрызнул улицы водой», 2004).

Салман: – Калантар, поздравляю, этим летом муганские степи зацветут (фильм «Большая поддержка», 1962).

Встречается в фильмах название самой крупной реки Закавказья Куры. *Когда папа с винтовкой на плече в руках с куропаткой, которую поймал над Курой, открыв ворота, вошёл во двор, Керим всё ещё был дома, он около шкафа с зеркалом дремал, приклонившись к шкафу* (фильм «Боль в молочном зубе», 1987).

Автор сценария художественного фильма «Бурная Кура» (по-азербайджански «Dəli Kūg»), используя омоним гидронима в значениях ‘переполненная, разрушающая всё на своём пути’, усилил идею произведения и уровень воздействия на зрителей

Итак, в языке азербайджанского кино активно используются антропонимы и топонимы, обладающие богатыми стилистическими характеристиками, благодаря которым кинотекст помогает зрителям понять идею авторов.

Список литературы

1. Гурбанов А. Азәрбајҹан ономастикасы. Бақы, 1986. – 115 с.
2. Qurbanov A. Azərbaycan onomalogiyasının əsasları. I cild. Bakı: Nurlan, 2004. 339 s.
3. Qurbanov A. Azərbaycan onomalogiyasının əsasları. I cild (2 cildə). Bakı, 2019. 280 səh.
4. Qurbanov A. M. Azərbaycan onomalogiyasının əsasları. II cild. Bakı, Nurlan, 2004.

***

О КАРОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ, КАРОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И КАРОНИМАХ

С.Ю. Рычков

капитан III ранга запаса, независимый исследователь (Одинцово, Россия)

Выражаю искренню признательность за методологические советы проф. И.В. Крюковой. Ответственность за выводы лежит исключительно на авторе статьи.

Аннотация: В статье приводятся документы, содержащие названия кораблей, массив которых образует каронимическое пространство, рассматриваются примеры каронимических систем и подсистем, а также указано место каронимов в ономастиконе.

Ключевые слова: кароним, каронимическое пространство, каронимическая система, каронимическая подсистема, ВМФ РФ.

Памяти моего деда Федора Ивановича,
директора сельской школы, посвящается.

Известный российский ономастолог В. А. Никонов утверждает: «Каждое название одновременно и отличает называемый объект от других, и объединяет его с однородными. Названия никогда не существуют в одиночку, они всегда соотношены друг с другом» [Никонов 1965: 33]. Корабли имеют названия (каронимы), являющиеся признаком цивилизационного выбора пути развития стран, идеологии, религии [Рычков 2020: 82]. Десятками тысяч они отражены в документах Китайского классификационного общества (中國船級社), Регистра Ллойда (Lloyd's Register of Shipping); Государственного судового реестра и пр. Наличие огромного массива имен собственных определяет существование каронимического пространства.

Изучение каронимов, выявление каронимического пространства (КП), каронимических систем (КС) и подсистем (КПС) позволит «определить системные отношения в ономастической лексике, выявить структурно-семантические и функциональные свойства, общие для всех имен» [Крюкова 2017: 170].

Нами выявлена КС, состоящая из прецедентных имён, перешедших из антропонимов, топонимов и апеллятивов в разряд каронимов: *Borodino / Бородино* (29 ед.) [Рычков: 2020: 91],

Кутузов / Kutuzoff (24 ед.), *Платов / Platoff* (18 ед.), *Казак / Cossack* (33 ед.), *Багратион* (15 ед.), *Napoleon* (132 ед.), *Bessiers, Berthier* и др. Всего 274 корабля входят с мая 1813 г. до наших дней в эту общую для 22 стран КС.

Эти же прецедентные единицы присваиваются иным объектам. Название *Бородинская* носят улицы в 30 городах РФ, Украины, Белорусии, а также бульвар, мост, переулки в девяти городах РФ. Именем *Бородино* названы астероид, гостиница, город и села в России, Казахстане, Украине, Беларуси, США (штат Нью-Йорк); железнодорожная станция, два озера, подводная возвышенность в Атлантике, и др., музыкальные произведения и пр. Улицы *Дениса Давыдова* имеются в двух городах РФ. Память об Отечественной войне 1812 года хранят топонимы *Багратионовск, Кутузово, Платов, Bessiers* (коммуна во Франции), *Napoleon* (6 комонимов в США в штатах Арканзас, Индиана, Кентукки, Огайо, Миссури, Северная Дакота); подводные горы *Бонопарта, Кутузова, Багратиона*; острова *Кутузова*, атоллы *Кутузова*, бухта *Кутузова*, мыс *Кутузова*, мысы *Кутузова* на Аляске и в Бристольском заливе [Ельчанинов 2016]. Эти имена отражены в названиях музыкальных произведений: марши *Князь Багратион, Князь Кутузов* (композитор В.В. Лейсек), мелодия *Miss Platoff's wedding* (композитор John Chambers). Именем атамана Донского казачьего войска Матвея Ивановича Платова назван аэропорт в Ростове-на-Дону. Отмечены также антропозоонимы – клички скаковых лошадей *Platoff* и *Miss Platoff* (в честь дочери М.И. Платова Марии). Известны также названия торта и коньяков: *Наполеон* и *Багратион*.

Номинации этой КС существуют в наши дни: десантные катера ВМФ РФ *Атаман Платов, Иван Карцов, Лейтенант Римский-Корсаков, Мичман Лермонтов, Денис Давыдов; Бородино* (3 ед.), *Кутузов* (2 ед.), *Казак* (4 ед.), *Платов* (6 ед.), *Багратион* (2 ед.), *Денис Давыдов* (2 ед.), *Генерал Ермолов, Генерал Раевский*, корабли *Bessières, Berthier* и *Napoleon* (36 ед.). Последний кароним имеет различные вариации: *Napoleon le Grand, Le Bonaparte, Canot Imperial de Napoleon Ier, Invincible General Bonaparte, Invincible Napoleon, Le Bonaparte and Brillante, Napoleon the First, VOS Napoleon, TB Napoleon 16* и др.

В России первые в мире винтовые речные теплоходы с дизельным двигателем, построенные с 1911 по 1917 годы, носили название *Бородино* [Шубин 1927]. Они эксплуатировались в водном бассейне Волги. Многие из судов этой серии позже были переименованы: *Бородино* (*Тов. Раскольников, Тов. Микоян, Бородино*); *Двенадцатый год* (*Год Октябрьской революции, Семнадцатый год*); *Багратион* (*Память тов. Маркина, Князь Багратион*); *Царьград* (*Урицкий*); *Великий князь Николай Николаевич (Ленин)*; *Царь Михалил* (*Киев, 25 Октября*). Теплоходы этой серии погибли в 1942-1943 годах во время Сталинградской битвы: *Фельдмаршал Кутузов* (*Красноармеец*), *Цесаревич Алексей* (*Инженер Корейво, Красная Латвия, М. Томский, Ильич*), *Король Альберт* (*Карл Либкнехт*), *Вадим Аршаулов* (*Волга, Лев Троцкий, Академик Тимирязев*). Тогда же погиб и теплоход *Иоанн Грозный* (*Петроград, Фридрих Адлер, Память Парижской коммуны, Парижская коммуна*). Последний теплоход этой серии *Князь Багратион* находится ныне на берегу близ Судака.

В КС Военно-Морского Флота России, состоящего из оперативно-стратегических (Северный, Тихоокеанский, Черноморский, Балтийский флота) и оперативных (Каспийская флотилия, Средиземноморская эскадра) объединений, входят:

1. Атомные подводные лодки (АПЛ) с баллистическими ракетами серии *Дельфин*: *Верхотурье, Екатеринбург, Тула, Брянск, Карелия, Новомосковск*.
2. АПЛ с крылатыми ракетами серии *Гранит*: *Мурманск, Иркутск, Белгород, Волгоград*.
3. Многоцелевые АПЛ серии *Щука-Б*: *Вепрь, Самара, Пантера, Волк, Магадан, Леопард, Тигр, Кашалот*.
4. Дизель-электрические ПЛ серий *Варшавянка, Палтус* и *Лада*: *Святой Николай Чудотворец, Комсомольск-на-Амуре* (автор проходил практику на АПЛ *50 лет Комсомольска-на-Амуре*), *Краснокаменск, Могоча, Нурлат, Усть-Камчатск, Усть-Большерецк, Ярославль*,

Санкт-Петербург, Липецк, Владикавказ, Магнитогорск, Калуга, Новороссийск, Ростов-на-Дону, Старый Оскол, Краснодар, Великий Новгород, Колпино, Можайск, Дмитров, Волхов. Эти каронимы представлены агеоантропонимом и астионимами.

5. Госпитальное и опытовое суда, морской танкер, десантный корабль, сухогрузный транспорт: *Енисей, Лена, Бира, Селигер, Иртыш, Алагез*. Вторичные каронимы, мотивированные потапонимами.

6. Суда поисково-спасательной службы ВМФ РФ (корабли I-го ранга): *Александр Пушкин, Игорь Белоусов, Коммуна* (в строю с 1913 г.), *ЭПРОН*.

7. Гидрографические суда ВМФ: *Азимут, Гигрометр, Гидролог, Глобус, Зенит, Компас*. Названия мотивированы терминами, названием профессии и др.

КС ВМФ РФ – это совокупность каронимов, мотивированных различными разрядами онимов, соотнесенных с их размещением на двух океанах и четырех морях, а также частично с рангами и классами военных кораблей, т. е. «в зависимости от их основного оружия и предназначения» [КУ ВМФ 1978: ст. 4].

В общую КС ВМФ РФ входят названия объектов береговой и космической инфраструктуры, обеспечивающей функционирование кораблей по назначению: портов и военно-морских баз (*ЛенВМБ, Полярный, Видяево, Гаджиево, Западная Лица, Тартус*); спутниковой навигационной системы (*Глонасс*); маяков (*Мудьюгурский, Астафьева, Вайдагубский* и др.) [Комарицын 2001]; узлов связи с кораблями и АПЛ (*Вилейка* [ФЗ-60 1996]); глобального радионавигационного обеспечения (*Loran-C, Decca*); объектов, снабжающих корабли запасными частями и принадлежностями (НИИ *Рубин, Завод Дагдизель, Титан-Баррикады* и др.); военно-морских учебных заведений: Военно-морская академия имени адмирала флота Советского Союза *Н.Г. Кузнецова*, имеющая филиалы, названные в честь *С.О. Макарова, Петра Великого*. Все эти онимы свидетельствуют об обширной связи названий в КС в «совокупности однотипных единиц, связанных закономерными отношениями» [Беляева 2009: 112].

Кароним выгравирован на закладной доске [ВМС 1990: 145], помещаемой при строительстве в закладные конструкции корпуса. Закладная доска – это «свидетельство о рождении», которое, являясь неотъемлемой частью корабля, сопровождает его «весь жизненный цикл» [Зайцев 2016: 40]. На русском флоте с 1872 по 1949 годы на ленточках бескозырок матросов было нанесено название корабля [ВМС 1990: 46].

Корабельный устав ВМФ определяет, что «в соответствии с боевой организацией корабля мичманам, старшинам и матросам присваиваются боевые номера, которые заносятся в таблицу нумерации личного состава. Боевой номер состоит из трех частей: первая часть (цифра или буква) указывает в какой боевой части (службе) находится мичман, старшина или матрос согласно расписанию по боевой тревоге; вторая часть (одна, две или три цифры, указывают номер боевого поста; третья часть (две цифры) определяет принадлежность к боевой смене; первая цифра обозначает номер боевой смены; вторая цифра – порядковый номер мичмана, старшины или матроса в смене. Боевым сменам присваиваются следующие цифры: первой боевой смене – 1,5,7; второй боевой смене – 2,4,8; третьей боевой смене – 3,6,9 [КУ ВМФ 1978: ст. 19]. «Мичманы, старшины и матросы получают книжку *Боевой номер*, в которой указываются их место и обязанности по всем корабельным расписаниям, а также номера закрепленного за ними личного оружия, противогаза, которые сдаются при увольнении на берег и возвращаются при сдаче увольнительной записки» [КУ ВМФ 1978: ст. 21].

Таким образом, наряду с имеющимися ФИО, записанными в документе – *военном билете ВС России*, который военный моряк обязан иметь при себе и на берегу, и на корабле, он получает эквивалент своему имени и фамилии – *Боевой номер*, записанный в документе – *книжка Боевой номер*.

Морское дело изложено во многих десятках документов, в том числе утвержденных международными конвенциями: *Руководство по борьбе за живучесть подводной лодки ВМФ СССР*,

Руководство по борьбе за живучесть надводного корабля, Международные правила предупреждения столкновения судов в море – документ, «регламентирующий важнейшие вопросы безопасности мореплавания» [ВМС 1990: 242] и являющийся показательным элементом морского «институционального дискурса» [Крюкова 2017: 181].

Итак, в ономастическом пространстве существует КП, в нём каронимы образуют КС и КПС, элементы которых мотивированы различными разрядами онимов (антропонимами, гидронимами, топонимами и пр.), а также апеллятивами. Они соотносятся с их размещением на соответствующих театрах военных действий (океанах, морях, водных бассейнов крупных рек) и частично с рангами и классами кораблей.

Список литературы

1. Беляева, М.Ю. Система и системность в ономастике: к постановке проблемы / М.Ю. Беляева. // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3. – С. 112–114.
2. Военно-морской словарь. М.: Воениздат, 1990. – 511 с.
3. Ельчанинов, А. И. Память об Отечественной войне 1812 года на карте мирового океана как объект наследия: российские имена и события / А.И. Ельчанинов // Журнал Института наследия. 2016. [эл. ресурс] // URL.:<http://nasledie-journal.ru/ru/journals/92.html> (дата обр.: 02. 05. 2021 г.)
4. Зайцев, Ю.М. Корабли Тихоокеанского флота в закладных досках / Ю.М. Зайцев. // Военно-исторический журнал. 2016. № 10. – С. 40.
5. Ильина, И. И. Лексико-семантическая и структурная характеристика каронимов (на материале названий волжских пароходств): Автореферат дис. <...> канд. филол. наук / И.И. Ильина. Самара, 1998. – 26 с.
6. Крюкова, И.В. Теория и практика ономастических и дериватологических исследований / И.В. Крюкова. // Периферийные разряды ономастики. Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2017. – С. 169–183.
7. Комарицын, А.А. Маяки России (исторические очерки) / А.А. Комарицын. СПб: ГУНиО МО РФ, 2001. – 518 с.
8. Корабельный устав Военно-морского флота СССР. М.: Воениздат, 1978. – 416 с.
9. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. М.: Наука, 1965. – 179 с.
10. Рычков, С.Ю. Прецедентные онимы в каронимике: память о Бородинском сражении в названиях кораблей / С.Ю. Рычков. // Лингвокультурология. Екатеринбург: УрГПУ, 2020. № 14. – С. 81–94.
12. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М.: Наука, 1973. – 360 с.
13. Федеральный закон от 27.05.1996. – № 60–ФЗ. Гарант+.
14. Шубин, И.А. Волга и волжское судоходство / И.А. Шубин. М.: Транспечать, 1927. – 992 с.

***

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ КАЛМЫКИИ)

О.В. Салынова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация. Статья посвящена изучению прецедентных феноменов, а именно прецедентных имен в рекламных текстах Калмыкии. Автор рассматривает применение прецедентного имени в качестве воздействующей функции рекламного текста на потребителя. В статье приведены примеры универсально-прецедентных и национально-прецедентных имен, подчеркивается, что последние являются наиболее частотными в анализируемых рекламных текстах. Автор отмечает, что искусство как источник прецедентных феноменов является наиболее частотным в рекламных текстах Калмыкии.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, прецедентное имя, прецедентный феномен, универсально-прецедентное имя, национально-прецедентное имя.

Современные исследователи достаточно подробно изучают рекламу и признают ее значительное влияние на жизнь современного общества: реклама воздействует на массовое сознание. Применяя средства массовой коммуникации в качестве носителей, реклама предстает как развивающаяся по собственным законам и правилам мощная самостоятельная структура, а рекламные тексты становятся объектом повышенного внимания.

Рекламный текст имеет собственный набор языковых средств выразительности, объединяющих объект рекламы с некоторой ценностью с помощью художественных средств, среди которых особой популярностью пользуются прецедентные феномены. Обращение к прецедентным феноменам служит для привлечения внимания адресата к тексту рекламы. Поэтому создатели рекламы стремятся создавать такие тексты, которые привлекут внимание потребителей, применяют различные языковые ресурсы. Повышенное внимание аудитории к рекламному тексту является основной причиной приобретения прецедентного характера рекламным текстом. Эффективное употребление прецедентных феноменов в рекламных текстах делает эти тексты прецедентными. Применение прецедентных рекламных текстов доказывает формирование культуры рекламы, потому как, являясь лингвокультурными универсалиями, прецедентные тексты составляют когнитивный компонент национально-культурного наследия [Салынова 2015: 88–89].

Рекламные тексты, будучи составляющей массовой культуры, подвержены воздействию различных текстов, вступая с ними в межтекстовые связи и накапливая их смысл. Апелляция к иному тексту в значительной степени расширяет семантическое поле рекламного текста. Изучая вопросы применения ресурсов прецедентности и функционирования прецедентных феноменов, ученые не ограничиваются рамками только текста и прибегают к функциям прецедентных феноменов в дискурсе [Салынова 2015: 89].

Прецедентные феномены выступают в качестве функции воздействия рекламного текста, в то время как сигналами прецедентности являются прецедентные источники и прецедентные единицы, формирующие состав прецедентных феноменов в рекламном дискурсе. Употребляемые в рекламном тексте прецедентные феномены отличаются разнообразием: прецедентные имена и прецедентные высказывания являются вербальными феноменами, а прецедентный текст и прецедентная ситуация – вербализуемыми прецедентными феноменами. Отсылка к последним осуществляется обычно через символы, в роли которых выступают прецедентные имена и прецедентные высказывания [Куликова 2010: 334]. Применение прецедентных феноменов, отсылающих к знакомым событиям, доказывает стремление авторов рекламных текстов оперировать теми представлениями, которые понятны и важны для потенциальных покупателей в ценностном отношении [Салынова 2015: 89].

В данной статье рассмотрены прецедентные имена в рекламных текстах Калмыкии. Прецедентное имя определяется В.В. Красных как индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, прецедентным (н-р, *Теркин*, *Печорин*), или с прецедентной ситуацией (н-р, *Иван Сусанин*). Прецедентное имя представляет собой сложный знак, при применении которого в коммуникации выполняется обращение не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени. Прецедентное имя обычно состоит из одного или нескольких элементов, обозначая при этом одно понятие [Красных 2002: 48].

Прецедентные имена, в отличие от имён собственных, обозначают конкретных людей, события, места и образуют класс индивидуальных имён. Индивидуальными именами называют «телезные», или «воплощённые», имена собственные [Гудков 1997: 118–119]. Важно отметить, что статусом прецедентных обладают те индивидуальные имена, которые входят в когнитивную базу, т.е. «инвариантное представление обозначаемого ими “культурного предмета” является общим для всех членов лингвокультурного сообщества и воспринимается как образец тех свойств, которыми обладает целая группа объектов, и которые не теряют при этом своей индивидуальности». Д.Б. Гудков подчеркивает, что прецедентные имена отображают систему эталонов культуры общества и задают определенную ценностную шкалу и парадигму социального поведения [Гудков 1997: 126].

Прецедентное имя содержит дифференциальные признаки и атрибуты. В коммуникации при применении прецедентного имени возникает апелляция к набору дифференциальных признаков прецедентного имени. Дифференциальные признаки представляют собой систему определенных характеристик, посредством которых данный предмет отличается от других. Дифференциальные признаки прецедентного имени могут содержать в себе характеристику предмета по внешности и характеру, актуализироваться через прецедентную ситуацию. Таким образом, можно признать полисемичность как одно из важных качеств прецедентного имени. Атрибуты представляют собой определенные компоненты, тесно связанные с прецедентным именем, достаточные для его обозначения. Детали одежды, черты внешности, принадлежащие денотату (н-р, цилиндр и бакенбарды Пушкина) можно рассматривать в качестве атрибутов, которые вызывают прямые ассоциации с денотатом.

Употребление прецедентного имени как имени-символа считается одним из вариантов функционирования прецедентного имени в процессе коммуникации. Следует отметить, что прецедентное имя выступает в качестве символа, если необходимо обращение к прецедентному тексту или прецедентной ситуации. В.В. Красных как пример приводит прецедентное имя *Хлестаков*, которое можно использовать для актуализации прецедентного текста «Ревизор» или для обращения к прецедентной ситуации, описанной в прецедентном тексте [Красных 2002: 84].

В ходе исследования прецедентных имен в рекламных текстах Калмыкии выявлены универсально-прецедентные и национально-прецедентные имена. Ярким примером национально-прецедентного имени является прецедентное имя *Джангар*, которое достаточно часто применяется в названиях спектаклей, мероприятий и рекламных текстах. В рекламном тексте *Международного фестиваля сказителей «Эпосы мира на земле потомков Джангара»* наблюдается употребление прецедентного имени *Джангар* и изображение богатыря Джангара с копьем на коне. В афише спектакля *«Песнь о Джангаре и его богатырях»* также изображен богатырь Джангар с мечом на коне.

Джангар, главный герой калмыцкого народного эпоса, является ханом великой державы. Джангар и его двенадцать богатырей наделены лучшими качествами: силой, храбростью, умением владеть оружием. Имя собственное *Джангар* является прецедентным именем, поскольку связано с широко известным текстом, относящимся к разряду прецедентных. Народный эпос «Джангар» известен каждому представителю калмыцкого народа, т.к. неразрывно связан с историей и культурой калмыцкого народа и известен далеко за пределами республики. Важно подчеркнуть, что изучение эпоса начинается еще в начальной школе [Салынова 2015: 90].

Отдельное внимание стоит уделить рекламному тексту Национального музея республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова об *открытии IV сезона Этнохотона «Бумбин Орн»*. Страна Бумба (Бумбин Орн) обладает прецедентным характером, т.к. в народном эпосе «Джангар» действие развивается в сказочной стране Бумба, стране вечного счастья и благополучия, стране, где люди уважают друг друга. В рассматриваемом примере важно отметить применение невербального компонента *девушки в калмыцком национальном костюме*, который является объектом многих рекламных текстов Калмыкии. Это объясняется тем, что костюм выступает в качестве своеобразного символа этнической идентичности [Бакаева 2008; Батырева 2006: 65].

Среди проанализированных примеров можно выделить афишу юбилейного вечера *«След на земле»*, посвященного 80-летию Эмбы Манджиева. В тексте афиши применяется прецедентное имя *Эмба Манджиев*. Имя этого артиста известно большинству жителей Калмыкии, так как Эмба Манджиев, заслуженный артист РСФСР и Калмыцкой АССР, был солистом Государственного ансамбля песни и танца «Тюльпан», прославил Калмыкию и познакомил народы СССР с калмыцкой культурой и танцами, внес огромный вклад в развитие и сохранение калмыцкой культуры [Салынова 2015: 90]. Еще одним подтверждением прецедентного характера имени *Эмба Манджиев* является создание детского ансамбля «Герел», которая носит имя Эмбы Манджиева.

В рекламных текстах Калмыкии частотным является изображение Белого старца (*Цахан аав*). В калмыцкой культуре Белый старец считается Хозяином земли, Хозяином года, Хозяином

времени. В отличие от других монгольских народов, в первый день нового года калмыцкий народ отмечал праздник Хозяина года, считалось, что в этот день Белый старец наделял весь народ годами жизни. В иконографии Белого старца изображают в виде старца с белыми волосами и белой бородой, в чем можно наблюдать двойное значение прилагательного *белый* – как священный, святой и как светлый [Жуковская 1988: 159].

В афише музыкально-хореографического спектакля «*Пушкин и калмычка*» ансамбля «Ойраты» применяется изображение великого русского поэта А.С. Пушкина. Прецедентный характер имени *Пушкин* не вызывает сомнений, так как имя А.С. Пушкина знакомо многим жителям России и мира, а его произведения являются обязательными для изучения в школьной программе. При упоминании имени А.С. Пушкина многие вспоминают его сказки, романы «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «У лукоморья дуб зеленый...» (отрывок из поэмы «Руслан и Людмила») и многие другие произведения. По произведениям А.С. Пушкина ставят спектакли и снимают фильмы не только в России, но и во всем мире. Более того, 6 июня, день рождения А.С. Пушкина, является Днем русского языка. Все это доказывает прецедентный характер имени *Пушкин*.

В рассматриваемом примере используется еще один прецедентный феномен – *калмычка в национальном костюме*. Нами уже отмечалось, что, наряду с вербальными прецедентными феноменами, для достижения цели рекламного сообщения широко применяются и невербальные прецедентные феномены. Данный факт характерен и для рекламных текстов Калмыкии [Салынова 2013: 62–64].

Имя А.С. Пушкина является особенным для калмыцкого народа. Калмыки, их история, культура и быт нашли отражение в творчестве великого писателя. А.С. Пушкин хорошо был знаком с историей калмыцкого народа, непосредственно общался с калмыками, был гостем калмыцкой семьи в степной кибитке. Кроме того, А.С. Пушкин написал стихотворение «Калмычке», в котором описывает свое знакомство с ней, ее красоту, характер: Прощай, любезная калмычка! ...

В рассматриваемой афише также упомянуты известные деятели искусств: Морис Равель, Жорж Бизе, Петр Чонкушов, Петр Надбитов. Морис Равель и Жорж Бизе – прославленные композиторы, написавшие всемирно известные произведения «Болеро» и «Кармен», что подтверждает прецедентный характер данных имен и относит их к числу универсально-прецедентных. Петр Чонкушов, первый профессиональный композитор Калмыкии, является заслуженным деятелем искусств, именем которого названо Элистинское училище искусств и проспект, на котором находится училище. Петр Надбитов является первым балетмейстером Калмыкии, заслуженным деятелем искусств, художественным руководителем Государственного театра танца Калмыкии «Ойраты». *Петр Чонкушов* и *Петр Надбитов* являются примерами национально-прецедентных феноменов известных любому среднему представителю лингвокультурного сообщества и входящих в национальную когнитивную базу. В данном примере наблюдается употребление универсально-прецедентных и национально-прецедентных феноменов в одной афише.

В рекламном тексте *На приеме у доктора Хауса – вечеринка в ресторане «Эльдорадо»*, наблюдается применение прецедентного имени *Доктор Хаус* из всемирно популярной медицинской драмы «Доктор Хаус». Стоит отметить, что на афише изображен Хью Лори, сыгравший главную роль в сериале. Таким образом, наблюдаем визуальное средство, дополняющее прецедентный ряд.

Рассмотренные прецедентные имена (*Джангар, А.С. Пушкин, Морис Равель, Жорж Бизе и др.*) относятся к субсфере искусств, в которую входят литература, музыка, кино. Это подтверждает, что субсфера искусств как источник прецедентных феноменов является одной из наиболее частотных в рекламных текстах Калмыкии.

Прецедентные феномены выполняют важную роль в сохранении и представлении культурной информации, в них воплощаются и материализуются ключевые концепты национальной культуры и национального сознания. Прецедентное имя выполняет воздействующую функцию рекламного текста, в котором находят применение национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены.

Список литературы

1. Бакаева, Э.П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика / Э.П. Бакаева. Элиста: Герел, 2008. – 189 с.
2. Батырева, С.Г. Народно-декоративное искусство калмыков XIX – начала XX вв. / С.Г. Батырева. Элиста: Джангар, 2006. – 160 с.
3. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д.Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. статей. М., 1997. – С. 116–129.
4. Жуковская, Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н.Л. Жуковская. М.: Наука, 1988. – 196 с.
5. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Куликова, Е.В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов / Е.В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. – С. 334–340.
7. Салынова, О.В. О калмыцкой национально-прецедентной символической в русскоязычном рекламном дискурсе / О.В. Салынова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. – С. 62–64.
8. Салынова, О.В. Языковая презентация рекламы (на материале рекламных текстов Калмыкии) / О.В. Салынова // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №10 (1). – С. 88–92.

***

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МИЛИТАРИОНИМАХ

А.А. Соколова, Н.А. Фатеева

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень, Россия)

Аннотация. *Статья посвящена онимам военной сферы. Внимание исследователей приковано к однословным онимам, которые являются фразеологизмами. Рассматривается компонентный состав фразеологических милитариионимов, модели построения и их продуктивность. Решается проблема правописания фразеонимов. Ставится вопрос о необходимости выделения отдельного ономастического направления – (военной) фразеологической ономастики.*

Ключевые слова: *милитариионимы, фразеонимы, синонимические ряды, правописание имён собственных.*

В современной ономастике уделяется внимание широкому кругу проблем, как то: семантика онимов, их компонентный состав, роль имён собственных в тексте, исторические процессы в ономастике и другие. Одним из наименее изученных направлений в ономастической науке является фразеологическая ономастика. В настоящее время во фразеологической ономастике оним рассматривается как компонент фразеологизма, исследуется его роль в составе фразеологической единицы (О. Ольдингер, В. Ловяникова, Г. Обручева, Ю. Волошин), но не рассматривается оним как целостный фразеологизм, поэтому возникает необходимость заполнить соответствующий пробел.

Наше внимание приковано к онимам военной сферы, и замечено, что среди однословных милитариионимов существуют как свободные словосочетания, так и фразеологизмы: *Киевская оборонительная операция 1941 – Киевский котёл, Курская битва – Огненная дуга, Белорусский выступ – Белорусский балкон* и др. Фразеологические онимы, на наш взгляд, можно рассматривать как самостоятельные единицы языка – фразеонимы: *Ледовое побоище, Рельсовая война, Сталинградский котёл, Дикая дивизия* и др.

Такие единицы обладают «признаками устойчивости, семантической целостности (принципиальной невыводимости общего значения из суммы значений составляющих фразеологизм

компонентов), сверхсловности (наличия в структуре одной единицы минимум двух знаменательных или незнаменательных слов), раздельнооформленности, воспроизводимости» [Лебединская 1987: 3], а также метафоричности и экспрессивности: фразеонимы «служат не только для номинации, но и для характеристики явлений, в них может быть заложена оценка» [Жуков 1986: 45].

Высокая употребляемость фразеологических милитаризмов в художественной литературе и периодике говорит о том, что рассматриваемые единицы языка представляют собой отдельный класс во фразеологической ономастике, требуют описания и исследования.

Значительный пласт составляют милитаризмы – свободные словосочетания, имеющие фразеологические аналоги: *Курская битва – Курская дуга – Огненная дуга*. Милитаризм *Курская битва* номинирует «одну из решающих битв Великой Отечественной войны в районе Курского выступа по срыву крупного наступления немецко-фашистских войск и разгрому стратегической группировки противника» [ВЭС 2007: 392]: *Сражался в боях под Ленинградом и Воронежем, в Курской битве, участвовал в форсировании Днепра, освобождении Киева и всей Украины* (В. Рябчук). *Одновременно изменили покрой гимнастерки, кителя, шинельных петлиц, но процесс переодевания войск, как водится, затянулся, и в Курской битве участвовало немало солдат и офицеров, донашивавших старые гимнастерки* (П. Липатов).

Милитаризм *Курская битва* не является фразеологизмом, поскольку в нём нет оценочной характеристики, эмоциональной окраски и образности. *Курская дуга* – фразеологический оним, имеющий два значения: 1) название места битвы (топоним): *Достаточно посмотреть по работам, где кто погиб: излучина Днепра, Сталинград, Курская дуга – можно карту сражений составлять* (И. Щербакова). *В разгаре была знаменитая битва на Курской дуге, обозначившая перелом в дальнейшем ходе войны* (Р. Ахмедов). В топонимическом значении фразеологизм *Курская дуга* образует синонимическую пару со свободным словосочетанием *Курский выступ*: *Гитлер не сумел прорвать наш фронт на Курском выступе летом 1943 года* (В. Вишневский). 2) название самой битвы (хрононим): *Курская дуга, бои при форсировании Днепра и освобождение Киева – всё это он прошёл*. (Г. Попов, Н. Аджубей).

Благодаря ассоциативно-культурному фону фразеоним *Курская дуга* может использоваться в современных текстах с целью оценки происходящих событий: *Это – наша Курская дуга, доведённое до финала дело* (И. Нефедов). *«Алеппо – это как Курская дуга в сирийской войне, поворотный момент», – сказал депутат Национальной службе новостей (НСН)*. www.lenta.ru, 2016. *У Дуги не было прикрытия, он понял, что, если не прикроет себя сам, будет ему Курская дуга* (В. Черкасов).

В третьем ониме рассматриваемого синонимического ряда – *Огненная дуга* – оценочное значение усиливается: *Курскую битву также называют сражением на Огненной дуге – всё из-за важнейшего значения этой операции и кровопролитных боёв, которые забрали сотни тысяч жизней*. Warspro.ru. *Курская битва, получившая впоследствии по праву в публицистике название «Огненная дуга», вошла в военную историю в качестве не только одной из крупнейших битв Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом* (Г. Ипполитов).

На наш взгляд, замена компонента *курская* на компонент *огненная* связана с необходимостью передачи особой напряжённости военного исторического события. Экспрессивность фразеонима *Огненная дуга* позволяет ему переходить из одних разрядов онимов в другие, оставаясь в рамках межразрядной общности милитаризмов: *Танковое шоу «Огненная дуга» приглашает вас на грандиозную военно-историческую реконструкцию в честь 75-летия Курской битвы*. lenta.ru, 2018. *Диорама «Огненная дуга» в полной мере передаёт всю масштабность Прохоровского сражения и героизм советских воинов* (Т. Юсупов). *84 года назад родился Юрий Николаевич Озеров, кинорежиссёр, народный артист СССР; главная работа – киноэпопея «Освобождение» в шести фильмах: «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин», «Последний штурм»*. РИА Новости, 2005. *Издательство «Звонница-М» <...> награждено дипломами и грамотами <...> за свои патриотические книги «Сталинградская эпопея», «Огненная дуга» и т. д.* Московский комсомолец, 2016.

Одной из наиболее продуктивных моделей возникновения фразеологических милитаризмов является адъективно-субстантивное сочетание с компонентом *котёл*: *Данную стратегическую ситуацию использовало немецкое командование, которое решило окружить Курский выступ и превратить Курскую дугу в «курский котёл»* histerl.ru.

В период Второй мировой войны операции на окружение были основой военного стратегического искусства Вермахта. Котёл – это калька с немецкого. Котёл (военный жаргон) – территория с имеющимися на ней войсковыми соединениями, линия фронта вокруг которой замкнута противником, что означает полное окружение этих войск, попадание их в кольцо неприятельских войск («попасть в котёл» – попасть в (полное) окружение) [Академик. Эл. рес.]. В публицистике *котёл* утратил свою жаргонную окраску. Из очерка В. Гроссмана: *Шёпотом поговаривали о громадном белорусском «котле»*. *Гадали о направлении ударов* (В. Гроссман. Бобруйский котёл). Благодаря публицистике, операции на окружение стали номинироваться в языке фразеологическими милитаризмами: *Киевская оборонительная операция 1941 – Киевский котёл, Бобруйская операция 1944 – Бобруйский котёл, Демянская (наступательная) операция 1942 – Демянский котёл* и т.д.

В формировании таких единиц принимают участие относительные прилагательные, обозначающие отношение к месту действия. Имя прилагательное в составе исследуемых единиц преобразует своё индивидуальное лексическое значение и привносит во фразеоним ту сему, которая делает это значение собственно характеризующим: *Минский котёл, Дюнкеркский котёл, Хайлигенбайльский котёл, Барвенковский котёл, Гайтоловский котёл* и др.: *Лето 1941-го. После разгрома основных сил советского Западного фронта в Белостокском и Минском котлах немецкие войска рвутся к Москве*. Вести, 2015. *Это была катастрофа, после которой Гитлер и Вермахт так и не смогли очухаться – «сталинградский котёл» снился им до конца войны*. Комсомольская правда, 2003. *Впервые Красная армия смогла остановить стремительное продвижение фашистов в глубь страны, к Москве, а уже весной 1942 года два корпуса доселе непобедимого Вермахта оказались в окружении, вошедшем в историю как «Демянский котёл»*. Известия, 2015. *Разве забудешь безмолвный Донбасс сорок третьего года, разбитые города Белоруссии и знаменитый Бобруйский котёл, где на много километров сплошным навалом, друг на друге – искорёженные немецкие танки, орудия, бронетранспортеры, машины*. К. Ваншенкин. Армейская юность.

В настоящее время по аналогии с периодом Второй мировой войны операции на окружение стали называть *котлами*: *Дебальцевский котёл, Иловайский котёл, Горловский котёл, Марьинский котёл, Бахмутовский котёл* и др.: *В Бахмутовском котле ополченцы разрушили переправу карателей через Северский Донец*. Крымские новости, 2014. *И даже мукачевскую 128-ю горно-пехотную бригаду после потерь, понесённых при выходе из Дебальцевского котла, теперь приходится пополнять за счёт призывников из Львовской, Тернопольской и Черниговской областей*. Взгляд. Деловая газета, 2015.

В результате анализа употреблений выявлено, что нет единообразия в написании фразеологических милитаризмов («Гайтоловский котёл», «сталинградский котёл», Бахмутовский котёл, бобруйский «котёл», Киевский «котёл»). Как показывают примеры, проблемным является написание прописной буквы и употребление кавычек. Поскольку значение 'окружение' для слова *котёл* являлось «особым, необычным» [Розенталь 1994: 327], заключение его в кавычки было вполне оправданным. Но на сегодняшний день это слово полностью адаптировалось в языке в указанном значении. Более того, оно (значение) зафиксировано в толковых словарях русского языка. Следует исключить условность исследуемых наименований и отнести их к реальным собственным именам.

К реальным собственным именам относятся составные названия, не являющиеся условными. В таких названиях все входящие в их состав слова употребляются в своём прямом значении. При этом все или почти все слова, составляющие наименование, являются именами нарицательными, а всё название в целом – именем собственным [Суперанская 1965: 31].

Реальные собственные имена и условные наименования различаются прежде всего синтаксической сочетаемостью. Ср.: *Большой театр, Театр сатиры, Театр на Юго-Западе* – это реальные собственные имена, в них присутствует синтаксическая сочетаемость. Но: театр «Современник», театр «Школа современной пьесы» – условные наименования, не сочетающиеся синтаксически с родовым словом [Грамота.ру. Эл. рес.]. Трудно представить такое условное наименование с родовым словом, как *окружение «Дебальцевский котёл»*. Следовательно, фразеологические милитариины с компонентом *котёл* относятся к реальным собственным именам. По данным «Грамота.ру», кавычками такие названия не выделяются; в них пишется с прописной буквы первое слово.

Кроме того, правила русской орфографии регламентируют написание имён собственных: «В названиях исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников с прописной буквы пишется первое слово, напр.: <...> Бородинское сражение, Куликовская битва» [Правила 2009: 176]. Следовательно, исследуемые фразеологические милитариины, подчиняясь правилам русской орфографии, должны писаться, во-первых, с прописной буквы и, во-вторых, не выделяться кавычками, а именно: *Гайтоловский котёл, Сталинградский котёл, Бахмутовский котёл, Бобруйский котёл, Киевский котёл* и пр.

Следует отметить, что адъективно-субстантивная модель является продуктивной для образования фразеологических милитариинов в целом, но с разной мотивацией: *Странная война (Сидячая война), Зимняя война, Ледяной поход, Брусиловский прорыв (Луцкий прорыв), Белорусский балкон, Рамушевский коридор, Витебские ворота, Полярная дивизия, Дикая дивизия, Железная дивизия* и др.: *Об обыске мне до этого рассказывала Тося Городисская, её брат Петя ушёл в Ледяной поход и погиб где-то на Кубани* (М. Шишкин. Венерин волос). *Так бывало во времена всех – удачных и неудачных – крупных операций, образцом которых был и оставался Брусиловский прорыв* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед). *Полагаю, что для Красной армии Зимняя война сыграла такую же роль, как война с Японией для Русской императорской армии накануне Первой мировой войны*. lenta.ru, 2017.

Все адъективно-субстантивные фразеологические милитариины являются реальными собственными именами без родового слова, поэтому должны писаться с прописной буквы без кавычек. Но эта проблема остаётся нерешённой в современной художественной литературе и публицистике.

Условные наименования занимают своё место в ряду фразеологических милитариинов: *наступательная операция «Малый Сатурн», операция «Полярная звезда»* и др. Такие фразеологизмы («Малый Сатурн», «Полярная звезда»), приобретают своё милитарииновое значение благодаря «сопутствующему» категориальному существительному или адъективно-субстантивному словосочетанию, обозначающему родовое понятие: *Участок для будущего комплекса выbran в Верхнемамонском районе, где в 1942 году проводилась наступательная операция «Малый Сатурн», сыгравшая большую роль в битве за Сталинград*. lenta.ru, 2014. *Видя реальное положение дел, в марте 1943 года командование принимает решение прекратить операцию «Полярная звезда»*. Санкт-Петербургские ведомости, 2018.

Наряду с адъективно-субстантивной моделью фразеологических милитариинов существуют генитивные модели: *Матч смерти, Битва народов, Дорога жизни* и др.: *Битва народов, которая должна была решать судьбы их, протекала с огромными жертвами, нося поистине истребительный характер* (А. Деникин. Очерки русской смуты). *Мало кто знает, что по этому коридору в осаждённый город было доставлено 75 процентов всех грузов – оставшуюся четверть дала знаменитая ладожская Дорога жизни* (Д. Каралис. Забытая страница блокады?). *Бабий Яр, футбольный Матч смерти, голод и жажда не сломали киевлян и одесситов за два года последующей оккупации*. Vesti.ru, 2020.

Фразеонимы могут быть построены по адъективно-субстантивной и генитивной моделям, могут служить как реальными, так и условными наименованиями. Любой фразеологический милитариин составляет единое ономастическое понятие, значение которого складывается из суммы значений компонентов.

Итак, в милитарииновом пространстве, наряду с онимами – свободными словосочетаниями, существует значительный пласт фразеологических онимов, объём, характер, разнообразие, специфика и высокая употребляемость которых говорит о необходимости выделения самостоятельного направления ономастической науки – (военной) фразеологической ономастики.

Список литературы и источников

1. Академик. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://dic.academic.ru>
2. ВЭС 2007 – Военный энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. – 1024 с.
3. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков. М.: Высшая школа, 1986. – 158 с.
4. Лебединская, В.А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка / В.А. Лебединская. Челябинск: ЧГПИ, 1987. – 80 с.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. – 432 с.
7. Розенталь, Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации / Д.Э. Розенталь. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1994. – 368 с.
8. Справочно-информационный портал «Грамота.ру» [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://gramota.ru>
9. Суперанская, А.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий / А.В. Суперанская // Орфография собственных имен. М.: Наука, 1965. – 150 с.

***

ОНИМЫ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ДИСКУРСА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ М.М. Сулейман

Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Аннотация. В статье исследуется категория нормы в телевизионном дискурсе, а именно в названиях российских телесериалов и скетч-ком. Особенности современного телевизионного дискурса включают в себя разного рода прагматические, социальные факторы, помогающие сделать вывод о культурной составляющей исследуемых нами имен и соотносённости их с нормами литературного языка. Названия телесериалов и скетч-ком в статье рассматриваются с позиции способов номинации, а также выявляется количество названий, находящихся за пределами так называемой «языковой нормы».

Ключевые слова: языковая норма, телевизионный дискурс, гемероним, способ номинации, жаргон, сленг.

Телевидение сегодня по праву признаётся одним из наиболее влиятельных видов средств массовой информации (СМИ). Все, даже самые незначительные изменения в жизни общества, находят свое отражение в телевизионном дискурсе, который все еще остается малоисследованной областью. В лингвистике понятие «дискурс» многогранно и многозначно. В общем смысле дискурс может быть рассмотрен как процесс языковой деятельности. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что часто дискурс «связывают с такой активностью в языке, которая соответствует особенной языковой сфере и обладает уникальной лексикой. Кроме того, дискурс продуцируется по определенным правилам синтаксиса и с конкретной семантикой» [Кубрякова 2003: 5–10].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» Н.Д. Арутюнова представляет более детальное толкование понятия дискурс, где это уже «связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, ...рассматриваемый как целенаправленное, социальное

действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [Арутюнова 1990: 136].

Современные лингвисты также определяют дискурс, как сложное коммуникативное явление, которое включает, помимо текста, экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для его понимания. Таким образом, в нашем исследовании под телевизионным дискурсом мы будем понимать определенные условия использования языковых единиц имядателем в среде СМИ с целью воздействия на адресата.

Первое, с чем сталкивается любой зритель в телевизионном дискурсе, это название телепередачи или телесериала, которое является уникальным кодом, что позволяет отнести эти названия к разряду имен собственных, а именно считать их гемеронимами, т.к. они способны выделять единичный объект из ряда подобных, а также обладают двуплановой семантикой (ономастическое и дономастическое значение), изменяемостью и принадлежностью к языку рекламы [Сулейман 2018: 7]. Кроме того, гемеронимы можно отнести к разряду рекламных имен, т. к. они выполняют две основные функции любого рекламного имени: аттрактивную и суггестивную [Крюкова 2004: 170].

С совершенствованием телевидения, совершенствуются и различные паттерны создания названий для телевизионных продуктов. В этой связи следует обратиться к понятию «норма» и реализации данной категории в телевизионном дискурсе. Л.А. Крысин, говоря о норме подчеркивает, что она может быть рассмотрена в широком смысле, как «средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других (арго, говоры и др.)» и в узком смысле, как «результат кодификации языка», где кодификация основана на общепринятых способах использования языковых единиц определенного языка (грамматика и нормативные словари), тесным образом связана с литературным языком и противопоставлена его нелитературным формам: жаргону, диалекту и просторечиям. Именно такое толкование нормы в узком смысле является актуальным для нашего дальнейшего анализа названий телесериалов и скетч-ком [Крысин 2005].

Номинация телесериалов происходит разными способами, но И.В. Крюковой были описаны так называемые «универсальные» способы номинации рекламных имен, которыми пользуются маркетологи или режиссеры для наименования сериалов: лексико-семантический, лексико-синтаксический и словообразовательный. Далее мы представим анализ 108 названий российских телесериалов и скетч-ком с позиции данных способов и определим их соответствие / несоответствие языковой норме.

1. *Лексико-семантический способ* представлен таким приемом, как трансонимизация, которая предполагает переход имени из одного ономастического разряда в другой [Подольская 1978: 152].

В проанализированном нами материале мы обнаружили следующие примеры трансонимизации: *Мажор, Ольга, Чикатило, Чики, Вышибала, Гусар, Екатерина, Маньячелло, Карпов, Дылды, Псих, Сваты, Вангелия* и др.

Среди данных примеров мы отметили названия, которые отличаются использованием жаргона, что является проявлением отклонения от нормы литературного языка. Например, телесериал *Вышибала*, в котором используется разговорный жаргонизм и обозначает он ‘охранника ночного клуба, бара, ответственного за пропускной режим, а также удаление пьяных и скандалящих посетителей’ [Википедия: вышибала]. Или телесериал *Маньячелло*, где в качестве названия используется просторечное слово, что придает этому названию с одной стороны ужасающий характер (маньячелло, как гиперболизированная форма маньяка-убийцы), с другой стороны – некоторый юмористический подтекст (любовник, ловелас). В названии телесериала *Чики* можно встретить сленговое слово, нацеленное на молодежную аудиторию с целью демонстрации тенденции заимствований, которые приобретают широкую популярность в русском языке. Данный сленгизм образован от английского слова *chick*, которое переводится, как ‘цыпочка’, что означает ‘привлекательная и легкомысленная девушка, не следующая общепризнанным моральным ценностям’ [Словари: chick].

Нами была отмечена закономерность, что имядатели преднамеренно включают эмоционально-оценочные языковые единицы, не соответствующие языковой норме, в названия телесериалов. Например, телесериал *Дылды*, в котором четко прослеживается оценочная коннотация отрицательного характера. Сленговое слово ‘дылда’ относится к ‘высокому, несладко сложенному человеку’, чаще всего используемое в качестве обидного обращения и стоит в одном синонимическом ряду с такими просторечными наименованиями, как ‘балбес, верзила, дубина’ [Глосум: дылда]. Вероятно, это делается для того, чтобы привлечь потенциального телезрителя экспрессивностью и эмоциональностью названия, ведь тематика данных телесериалов не всегда отражает негативные коннотативы названий.

Также, лексико-семантический способ представлен приемом онимизации, в процессе которой имена нарицательные переходят в имена собственные, не изменяя форму слова: *Везет, Жуки, Короче, Бывшие, Фитнес, Метод, Регби, Отпуск, Измены, Восьмидесятые, Триада, Бригада, Оттепель, Корабль, Другие, Светофор, Ералаш, Деффчонки* и др.

Из перечисленных выше названий есть яркий пример использования жаргона воровской среды. Речь идет о названии *Жуки*, которое характеризует главных героев телесериала. Само по себе слово ‘жук’ нейтрально по коннотации и не вызывает каких-либо неприятных ассоциаций, но как только данная лексема попадает в разряд жаргонных наименований, оно приобретает отрицательную коннотацию и рассматривается, как ‘ловкий человек, плут’ [Википедия: жук]. Этот пример ярко демонстрирует тот факт, что любая языковая единица может при переходе из одного пласта лексики в другой приобрести черты, которые будут противоречить нормам литературного языка и добавлять слову определенную эмоциональную окраску.

Также мы нашли интересный пример жаргонного названия сериала *Деффчонки*. Преднамеренное включение разговорного слова ‘деффчонки’ с орфографическими ошибками направлено на молодого зрителя, а конкретно женскую половину аудитории, вероятно, для того, чтобы проиллюстрировать некоторую стилизацию под, так называемый, «гламурный» молодежный сленг.

Таким образом, среди проанализированных названий, образованных лексико-семантическим способом, только 30% составляют жаргонизмы и сленгизмы, что мы рассматриваем как отклонение от литературной нормы русского языка. Маркетологи, вероятно, только начинают использовать данные языковые нарушения норм в названиях телесериалов, чтобы следовать моде и быть ближе к молодой аудитории.

2. Следующим, не менее распространенным способом номинации сериалов, является *лексико-синтаксический способ*, который предполагает использование словосочетаний или предложений.

Нами были выделены следующие примеры названий, образованные данным способом: *Жена олигарха, Полицейский с рублевки, Трудные подростки, Реальные пацаны, Ментовские войны, Девушки с Макаровым, Закон каменных джунглей, Домашний арест, Лучшие, чем люди, Выжить после, Классная школа, Непосредственно Каха, Настя, соберись, Папины дочки, Вы все меня бесите, Лондонград: знай наших!* и др.

Среди данных названий нам также удалось выявить случаи использования сленга и жаргона. Остановимся подробнее на анализе самых интересных примеров. Телесериал *Реальные пацаны* сочетает в себе два жаргонизма: ‘реальные’, который характеризует авторитетных и известных парней, уважающих своих друзей, заступающихся всегда за них, и ‘пацаны’, использующийся в отношении мальчика или молодого человека мужского пола. Очевидно, что включая в название такие просторечия, обладающие явно положительной коннотацией, создатели целенаправленно влияют на мужскую половину аудитории и побуждают ее к просмотру телесериала. Что немало важно, тематика телесериала очень соответствует названию и рассказывает историю о «простых парнях с района», которые пытаются справиться с бытовыми трудностями повседневной жизни [Википедия: реальные пацаны].

Также среди названий, образованных лексико-синтаксическим способом, часто можно встретить сочетание «жаргон + нейтральное слово», например, такие названия, как *Жена олигарха*, где

первое слово простое нарицательное существительное, а второе является жаргонизмом, которым характеризуют очень богатого и влиятельного мужчину; *Ментовские войны*, где жаргон ‘ментовский’, представляющий слово с негативной коннотацией, описывающий человека, служащего в полиции, соединяется связью согласования со стилистически нейтральным словом ‘война’. Отдельно хотелось бы выделить названия *Вы все меня бесите* и *Настя, соберись!*, в которых используются стилистически окрашенные сленгизмы: ‘бесишь’, выражающий особую степень раздраженности, и ‘соберись’, выражающий сосредоточенность и готовность перейти к активным действиям. Данные названия привлекают потенциального зрителя своей экспрессивностью.

Проанализировав названия, образованные лексико-синтаксическим способом, мы выявили 26,8% названий, которые включают в себя жаргон или сленг. В данном случае нарушения языковой нормы предопределены тематикой телесериалов и их отнесенностью к бытовой действительности потенциального телезрителя. Подобные названия передают информацию о главных персонажах или тематике сериала, поэтому, возможно, включение разговорных элементов в названия делают их более аутентичными и привычными для телезрителя.

3. *Словообразовательный способ* также часто используется при номинации телесериалов. В данный способ входят приемы: аббревиация и аффиксация.

В числе проанализированных нами рекламных имен можно выделить следующие названия, образованные аббревиацией: *Физрук*, *ИП Пирогова*, *Пицценок*, *Родком* и др. Ярким примером нарушения языковой нормы в числе этих рекламных имен является название скетч-кома *Физрук*, где сленговое слово – это производное от ‘руководитель по физической культуре’. Можно предположить, что данные названия составлены согласно экономии языковых средств, ведь для лучшего запоминания название должно быть ярким и экономичным.

Также в анализируемых нами названиях часто встречается аффиксация, а точнее суффиксация: *Молодежка*, *Содержанки*, *Подкидыши*, *Психологини*, *Бородач*, *Манекенищица*, *Братаны* и др.

Особый интерес в данной группе названий телесериалов вызывает сериал *Братаны*. Изменяя литературное слово ‘брат’ путем добавления к нему суффикса *-ан-*, имядатель превращает данную литературную языковую единицу в разговорно-сниженное сленговое слово, которое используется преимущественно среди молодежи.

По результатам проведенного анализа в словообразовательном способе нам удалось выявить только 14,7% названий, которые содержат жаргон и сленг.

По названиям сериалов, проанализированных с позиций языковой нормы, можно судить о предпочтениях, интересах и вкусах людей, относящихся к тому или иному лингвокультурному сообществу. Телевидение, как средство массовой коммуникации, – наиболее действенная форма эффективной трансляции и хранения информации о культурном наследии. Оно создает образцы культурных ценностей, осуществляет межличностное и межсоциальное взаимодействие и оказывает влияние на формирование культурного дискурса. В России большинство названий соответствует норме литературного языка, однако есть названия телепередач, включающие жаргонизмы и сленгизмы, что является нарушением нормы. Однако данные названия обладают сильным прагматическим потенциалом и чаще всего используются при номинации молодежных телепередач, что подчеркивает запросы данной возрастной группы.

Список литературы и источников

1. Кубрякова, Е.С. О типах дискурсивной деятельности / Е.С. Кубрякова // Вестник МГЛУ. 2003. Выпуск 478. – С. 5–10.
2. Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. – С. 136.
3. Сулейман, М.М. Названия российских и британских телепередач: ономастиологический и прагмалингвистический аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.М. Сулейман. Мытищи, 2019. – 25 с.

4. Крюкова, И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности / И.В. Крюкова. Волгоград: Перемена, 2004. – 286 с.
5. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. Москва: Наука, 1978. – 198 с.
6. Крысин, Л. Языковая норма и речевая практика [электронный ресурс] // URL.: <https://strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-norma-i-reshchaya-praktika> (дата обращения: 26.03.2022).

***

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ И ОТОНОМАСТИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ОХОТНИЧЬЕЙ ЛЕКСИКЕ ПРИКАМЬЯ

О. А. Теуш

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Аннотация. В статье освещаются диалектные лексические единицы охотничьего лексикона Прикамья. Рассматриваются ономастические и отономастические наименования, этимологически и ономастиологически интерпретируются лексемы с неясной внутренней формой. Особое внимание уделяется случаям аттракции апеллятивов и собственных имен.

Ключевые слова: гидроним; этноним; апеллятив; охота; лексика; русский язык.

Одним из наиболее крупных поволжских регионов является Прикамье – территория, прилегающая к реке Кама. Одним из древнейших традиционных занятий жителей этого региона издавна была охота на диких животных и птиц. Охота велась как активным (с использованием оружия), так и пассивным (с применением ловушек) способами. Это вспомогательное по отношению к земледелию и животноводству занятие получило распространение среди всех народов, живущих в Прикамье – русских, коми-пермяков, татар, башкир, удмуртов, марийцев.

Лексикон охотников богат и специфичен: он формировался на протяжении веков, изменялся в зависимости от трансформации окружающей среды, совершенствования технологий, способов и орудий охоты. Корпус лексем, связанных с охотничьей деятельностью в Прикамье, отражен в «Охотничьем словаре Прикамья» [ОСП]. Составители указывают: «Охотничий словарь представляет собой особый тип знания о природной среде, об отношении к ней человека, выражает специальную охотничью картину мира, ключевые понятия которой лексически маркированы» [ОСП, 89].

Лексема *охота* ‘поиски, выслеживание зверей, птиц с целью умерщвления или ловли’ имеет праславянское происхождение: является табуистическим названием, производным от глагола **xotěti* (русс. *хотеть*), имеющим по модели образования параллель в немец. *Weidmann* ‘охотник’ при *sich weiden* ‘наслаждаться’ [ТСРЯ, 604]. В свою очередь, глагол *xotěti* ‘иметь желание, намерение (делать что-нибудь); стремиться к чему-нибудь, желать осуществления, получения чего-нибудь’ связан родством с глаголами *xvatáti* ‘брать резким, быстрым движением руки’ [ТСРЯ, 1061] и др.-русс. *хытити* ‘схватить’ [ТСРЯ, 710]. Синонимична по значению лексема *промысел* ‘занятие охотой, добычей зверя, птицы, рыбы’ – дериват глагола *промыслити* ‘обдумать, позаботиться; достать, промыслить’ [ТСРЯ, 758], приставочного производного от *мыслити* (< праслав. **mysliti* от и.-е. **mēudh-/*mūdh-* ‘стремиться к чему-либо, страстно желать’) [ТСРЯ, 469]. Таким образом, внутренняя форма лексем со значением ‘охота’ указывает на то, что в славянской и позднее в русской культуре охота воспринималась как деятельность, не связанная с настоящими потребностями, являющаяся дополнительным и приносящим удовольствие занятием.

В лексиконе охотников Прикамья, специфичном и содержательно разнообразном, имеется большой пласт лексем отономастического происхождения. Они встречаются как при номинации

объекта охоты, так и при назывании компонентов ситуации охоты, необходимых для этой деятельности предметов.

Объектом охоты являются птицы и промысловые животные. Шутливым названием вальдшнепа стало *валюш*, *валюш*, *валюшка*, *валя*, *валюш* ‘вальдшнеп’ [ОСП, 107], которое заимствовано из немец. *Waldschnepe* ‘вальдшнеп’, букв. ‘лесной кулик’ [ТСРЯ, 72]. Безусловно, заимствование подверглось аттракции к личному женскому и мужскому имени *Валя*.

Летняя белка называется *петрówka* [ОСП, 207], поскольку период активности этого животного летом начинается с конца июня – дня (25 июня), который по наивным представлениям является днем солнцеворота. Этот день в народном календаре номинируется *Пётр-поворот* и *Пётр-солнцеворот* («С Петра-поворота солнце поворачивает на зиму») [Некрылова 2009: 297-298].

Составители «Охотничьего словаря Прикамья», интерпретируя лексему *егорка* ‘лось в возрасте до года’ [ОСП, 81], пишут, что «можно лишь предполагать, что имя Егор, применительно к людям в народной среде ассоциирующееся с наивностью и простотой, было взято за основу как упрощенная народная форма имени *Георгий* (лосята всегда доверчивы, всегда следуют за мамкой)» [ОСП, 81]. На наш взгляд, возможна и иная интерпретация: лосята рождаются весной в период, который в ряде диалектов связан с днем Егория Вешнего (23 апреля по старому стилю) и именуется *егорьевская неделя* [СРНГ 8, 317]. В номинации молодого лося может отражаться связь с этим временным отрезком.

Один из ключевых принципов, которыми руководствуется охотник, – нанесение минимального вреда животному миру. В охотничьем лексиконе Прикамья ‘промахивающийся при стрельбе охотник’ называется *мазэпа* [ОСП, 176]. Эта лексема, с одной стороны, может рассматриваться как образование от просторечного *мазать* ‘делать промахи в стрельбе’ [ТСРЯ, 424]. С другой стороны, лексема *мазэпа* может соотноситься с прецедентным именем – фамилией известного военного и политического деятеля, национального героя Украины Ивана Степановича Мазепы, гетмана Войска Запорожского. Этот человек, имевший блестящее образование, владевший восьмью языками, являвшийся князем Священной Римской империи, в истории известен тем, что вступил в тайный сговор с шведским королем Карлом, в результате чего шведское войско вошло в Малороссию (прежнее название Украины). Этим определяются отрицательные коннотации, возникающие при использовании этого прецедентного имени.

Успешность деятельности охотника во многом зависит от отношений с хозяином леса – лешим. В говорах Прикамья леший именуется *Адам Адамович*. «Адам Адамович звали лесного. Это в сторону Кировской области он жил, в лесу. Лесной, надо ведь дружить. Не дружишь, так не дает ничего. Сам приходит лесной-то – домой, и в лесу встречается» [ОСП, 94]. В наименовании лешего использовано имя человека, являвшегося, по библейскому сказанию, первым на земле, и благодаря прецедентному имени эта характеристика (первый) распространяется на лешего, указывая на его статус в природном мире. Растение (трава мандрагора), именуемое в диалектах Прикамья *адамова голова*, которое, благодаря соотношению с наименованием лешего, воспринималось как магическое, приносящее удачу охотникам, «использовалось рыболовами и охотниками для окуривания сетей, силков, ружей» [ОСП, 87]. Специальный ‘маскировочный охотничий костюм’ оценивается жителями Прикамья как сделанный под образ лешего и так и именуется – *леший* [ОСП, 170].

Поскольку охота невозможна без использования оружия, в речи охотников Прикамья сложилась целая система наименований ружей, боеприпасов и ножей. В современном мире производство оружия – это самостоятельная отрасль промышленности. В целом ряде стран производство охотничьего оружия имеет давнюю традицию. Это оружие экспортируется в страны мира, в том числе, в Россию. Среди охотников Прикамья импортное оружие номинируется по стране-производителю или названию предприятия, производящего оружие в этой стране.

‘Ружье бельгийского производства’ имеет название *бельгиец* [ОСП, 99], производное от названия страны *Бельгия*, которое, в свою очередь, возникло как образование от имени кельтского племени *белги* [Агеева 1990: 167].

С давних времен крупнейшим производителем оружия, в том числе охотничьего, является Турция. Турецкое оружие считается очень качественным и ценится среди охотников. Одно из ружей именуется *турка* ‘кремневое старинное ружье с витыми, гранчатыми и круглыми стволами крупного калибра’ [ОСП, 259]. Охотники Прикамья используют также современное турецкое оружие – *алтай* ‘полуавтоматическое охотничье ружье’ [ОСП, 94], имеющее официальное наименование *Akkar Altay*. Это оружие поставляется в Россию компанией AKKAR Silah Sanayi, существующей с 1989 г. и производящей оружие для турецкой армии и полиции. Название горного кряжа *Алтай*, созвучное наименованию оружия, также может иметь тюркское происхождение, ср. тюрк. *al* ‘высокий’ [Фасмер 1, 72] и тур. *dağ* ‘гора’ [Фасмер 4, 11].

Лидером в оружейной отрасли является Италия (итал. *Italia*). Оружие – одна из крупнейших областей экспорта в этой стране. Образцы, поступающие в Россию, номинируются *итальянец*, *итальянка* ‘ружье итальянского производства’ [ОСП, 145] (*итальянец* < итал. *italiano* [Фасмер 2, 145]). Очевидно, речь идет об оружии марки «Beretta», выпускаемом итальянской компанией «Fabbrica d’Armi Pietro Beretta Gardone», существующей еще с 16 в. Свое имя компания получила в 1526 г. в честь основателя – оружейника Бартоломео Беретта из Гардоне-Валь-Тромпия (Ломбардия), который работал по заказу от арсенала Венеции. До конца 17 в. «Beretta» производила только военное оружие, однако в начале 18 в. новый владелец компании принял решение о производстве стволов для охотничьих ружей. В настоящий момент объем производства компании «Beretta» исчисляется миллионами экземпляров. Представительства «Beretta» работают во многих странах мира и в том числе в России, где осуществляет свою деятельность подконтрольная «Beretta Holding» компания ООО «Русский Орел», продающая продукцию «Beretta» на российском рынке.

Еще одним представителем оружейной промышленности в Италии является компания «Benelli Armi S.P.A.», основанная в 1967 г. и находящаяся в г. Урбино. Компания производит высококачественные винтовки и дробовики, предназначенные как для военных, так и для охотников. В диалектах Прикамья самозарядное ружье, производимое фирмой «Бенелли» именуется в соответствии с названием завода-изготовителя *бенелли* [ОСП, 99]. По созвучию с личным именем *Беня* (фамильярное от *Борис*) ружье в охотничьей среде имеет названия *бэня*, *бенелька*.

Одной из старейших и наиболее известных в своей области фирм Англии является Holland & Holland (в русской передаче «Холланд и Холланд» или «Голланд и Голланд», «Голланд-Голланд»). Этот производитель охотничьего оружия имеет штаб-квартиру в Лондоне, специализируется на выпуске дорогостоящего штучного оружия и престижных охотничьих аксессуаров. Фирма была основана в 1835 г. в Лондоне Гаррисом Холландом (англ. *Harris Holland*), является поставщиком британского королевского двора. Основатель фирмы был любителем оружия и охоты, сам участвовал в соревнованиях по стрельбе. С 1851 г. предприятие начало выпускать охотничьи ружья. Охотники Прикамья называют ружье английского производства *голланд* [ОСП, 121] в соответствии с торговым знаком производителя.

Вариантом передачи на русский язык английской фамилии *Barkley* стало наименование *барклай* ‘прибор для снаряжения патронов’ [ОСП, 96].

Из европейских производителей оружия одним из наиболее почитаемых является Германия. В городе Зуль в 1751 г. Лоренцем Зауэром была основана оружейная компания «J. P. Sauer und Sohn GmbH (Sauer & Sohn)». В речи охотников оружие этой фирмы носит названия *зауэр*, *завер*, *заур* ‘модель производимого в Германии ружья’ [ОСП, 140].

В том же немецком городе Зуль еще в 18 в. появилась небольшая оружейная мастерская, которую выкупили в 19 в. братья Леба и Моисей Зимсоны и преобразовали в 1856 г. в завод, который стал заниматься выполнением оружейных госзаказов: производил стволы, штыки и шомполы. Через некоторое время к основной деятельности добавился заверченный цикл изготовления винтовок. После Второй мировой войны завод «Simson & Co» оказался на территории Германии, находящейся под контролем СССР, поэтому оружие завода получило распространение в России.

Диалекты Прикамья сохранили память об этой эпохе в наименовании *зімсон* ‘ружье-двустволка немецкого производства’ [ОСП, 143].

Кажущаяся производной от названия одного из российских регионов (республики Крым (< тур., крым.-тат. *курт* ‘ров, вал’ [ТСРЯ, 385])) лексема *крѳмка* ‘старинное одноствольное кремневое патронное ружье’ [ОСП, 160] является чешской по происхождению. Разработчиком этого оружия был чешский оружейник Сильвестр Крнка. Его винтовка, названная по фамилии конструктора этого оружия, была принята на вооружение в Российской Империи в 1869 г.

Совершенно правомерно составители «Охотничьего словаря Прикамья» считают, что ‘пуля с углублением в донце для наворачивания войлочного пыжа’ названа *жакан* по имени конструктора Якана (Литва) [ОСП, 131]. Литовский вариант имени – *Яканис*. Эта пуля применяется при охоте на крупного зверя (например, медведя), так как обладает усиленным останавливающим действием. Иное название такой пули – *турбинка* [ОСП, 259]. Охотники поясняют: «*Турбинка с наклонными рѳбрами, считается, что в полете она устойчивее, потому что вращается*» [ОСП, 259].

Менее пригодной для охоты, используемой преимущественно для стрельбы по мишеням, считается *люман* ‘штампованная пневматическая пуля с круглой или острой головкой’ [ОСП, 176]. Лексема, называющая пулю, является результатом деонимизации названия компании «Люман», расположенной в городе Луганск.

Одним из наиболее известных видов оружия для охотников считается *бердана*, *берданка* ‘вид охотничьего гладкоствольного ружья (обычно об однозарядной одностволке)’ [ОСП, 99]. Это охотничье оружие было создано на основе винтовки, разработанной американским инженером Х. Берданом во второй половине 19 в. [ОСП, 99-100]. Первоначально винтовка Х. Бердана состояла на вооружении российской армии. Поскольку русские офицеры выявили ряд недостатков в конструкции, они внесли 25 усовершенствований в это оружие. Именно поэтому берданку в США называли *Russian musket*.

В США во второй половине 19 в. компанией «Winchester Repeating Arms Company» была разработана винтовка, которая хоть и не была принята на вооружение в армии, но стала очень популярной в качестве охотничьего оружия и оружия самообороны. Фирма названа по имени основателя – О.Ф. Винчестера (сер. 19 в.). [ОСП, 111]. Имя этой винтовки послужило основой для номинации охотниками Прикамья «магазинных винтовок или карабинов» лексемой *винчѳстер* [ОСП, 111]. Охотничье оружие, созданное в России, наиболее распространено.

Самым древним российским огнестрельным оружием охоты является ‘карабин Мосина, облегченная винтовка с укороченным стволом’, имеющий диалектное название *мосинка* [ОСП, 181]. С.И. Мосин разработал это оружие в 1889 г., и уже в 1891 г. винтовка была принята на вооружение Русской императорской армии. Та же винтовка получила название *трѳхлинейка*, связанное с калибром ствола в три линии (линия – устаревшая мера длины, равная одной десятой дюйма, т. е. 2,54 мм).

На базе винтовки С. И. Мосина тульский конструктор П. Н. Фролов разработал оружие, называемое в диалектах его именем: *фрѳловка* ‘дробовое одноствольное ружье на базе трѳхлинейной винтовки’ [ОСП, 265].

Лидером в производстве охотничьего оружия в современной России считается Ижевский механический завод, который имеет торговую марку «ИЖ». Обиходными названиями ружей этого завода являются *ижак*, *ижик*, *ижѳвка* [ОСП, 144].

В 2000 г. конструктор Ижевского механического завода К. Е. Евсеев разработал самозарядное гладкоствольное ружье МР-153, которое в диалектах Прикамья в результате озвучивания аббревиатуры, воспринятой как русская, именуется *эмѳрка* ‘ружье ижевского производства марки «МР» («mechanical plant»)» [ОСП, 277]. Та же аббревиатура, озвученная по-русски, под влиянием разговорного *мурка* ‘кошка’ [ТСРЯ, 466] стала источником наименования *мурка* ‘полуавтоматическое самозарядное ружье Ижевского производства’ [ОСП, 182]. Аббревиатурным по происхождению является и собирательное *эмѳ* ‘тульские ружья марки «МЦ»’ [ОСП, 277]:

название марки связано с именем организации-разработчика и расшифровывается как «Модель «Центрального конструкторско-исследовательского бюро»».

С 1960 г. на Ижевском машиностроительном заводе производился охотничий карабин «Барс», названный по имени одного из наиболее опасных хищников и получивший ласковое название *барсик* [ОСП, 97]. Оружие было разработано А. И. Нестеровым, предназначено для охоты на животных средних размеров, таких как сайгак, косуля, сурок или волк. Та же модель номинации (ср. *рысь* ‘хищное млекопитающее семейства кошачих с очень острым зрением’ [ТСРЯ, 846]) отражена в *рыська* ‘охотничий карабин «Рысь»’ [ОСП, 234]. Номенклатурное название карабина – РМО-93 (ружье магазинное охотничье 1993 г.).

Конкурентом Ижевского механического завода в области производства оружия является Тульский оружейный завод. По названию завода номинируется охотничье ружье: *тулка* ‘охотничье ружье производства Тульского оружейного завода’ [ОСП, 259].

Аббревиатурой, образованной от названия завода является *ТОЗ*. В среде охотников используется номинация *тозик* ‘ружье «ТОЗ» тульского производства’ [ОСП, 255]. Это ружье (ТОЗ-34 – двуствольное охотничье ружье, предназначенное для промысловой и любительской охоты) разработано конструктором-оружейником Н. И. Коровяковым в 1964 г. и заслужило в 1965 г. награду (золотую медаль) Лейпцигской ярмарки. Ружье имеет несколько модификаций с точки зрения отделки (чеканка, гравировка, инкрустация): подарочное, сувенирное, штучное, улучшенное. На основе этой модели охотничьего ружья разработан в 1975 г. штуцер ТОЗ-55 «Зубр», название которого продолжает ряд имеющихся в номинации оружия зоомоделей (ср. *зубр* ‘крупный дикий лесной бык, сходный с бизоном’ [ТСРЯ, 283]).

Наиболее известным оружейным продуктом, производимым на Тульском предприятии, является снайперская самозарядная винтовка Ф. В. Токарева. На ее основе разработана самозарядная винтовка Ф. В. Токарева охотничья (СВТ-О) – охотничий карабин, допускающий ведение огня только одиночными выстрелами. Эта винтовка в лексиконе охотников именуется *сѳетка* [ОСП, 238]. Номинация возникла в результате языковой игры: соотношения аббревиатуры СВТ с широко распространенным женским именем.

Специально для охотничьего оружия старшим научным сотрудником отдела испытаний Тверского института вагоностроения О. Б. Рубейкиным была разработана пуля, которую именуют *рубѳйка* ‘пуля для гладкоствольного ружья в специальном контейнере, на крупного зверя; пуля Рубейкина’ [ОСП, 232]. Эта пуля при дистанции стрельбы 30 м. пробивает металлическую пластину толщиной в 6 мм. вместе с врубленным в нее деревянным диском; предназначена для охоты на крупных животных (медведя, лося, кабана). Для снаряжения патронов в 50-х годах 20 в. был разработан прибор *диана* [ОСП, 127]. Названием прибора стало имя римской богини охоты Дианы (латин. *Diana*).

В арсенале охотника обязательным элементом был промысловый нож. В Прикамье использовали *самсоновский нож* ‘двусторонней заточки охотничий нож-кинжал работы мастера Е. Самсонова (г. Тула)’ [ОСП, 191]. Е. П. Самсонов был кустарем, жил и работал на окраине г. Тула, являлся поставщиком Императорского общества охоты. На ножах, которые он изготовил, имелось авторское клеймо.

Незаменимым помощником охотника является специально обученная собака. В номинации охотничьих собак отражается связь с тем регионом, где выведена порода: *западно-сибирка* ‘западно-сибирская лайка’ [ОСП, 138]; *ирландец* ‘ирландский сеттер’ [ОСП, 145]; *русско-европѳйка* ‘русско-европейская лайка’ [ОСП, 233]; *сибиряк* ‘западно-сибирская лайка’ [ОСП, 240].

Поскольку охота проводилась и в сложных погодных условиях, необходимым элементом снаряжения был ‘непромокаемый комбинезон с сапогами’ – *вейдерсы*, *вейдерса* [ОСП, 107], название которого производно от англ. «*Waders*» – фирма, выпускающая охотничье снаряжение.

Для перемещения в пространстве современные охотники используют автомобили. Наибольшей популярностью пользуются машины, производимые на Ульяновском автомобильном заводе

(УАЗ) – *у́азик, у́азка* ‘внедорожник производства Ульяновского автозавода’ [ОСП, 261]; *пáтрик* ‘частый у охотников автомобиль «УАЗ Патриот»’ [ОСП, 204]. Последнее наименование является результатом аттракции к имени *Патрик*.

Из импортируемых автомобилей для передвижений применяют ‘дизельный внедорожник Tucson южнокорейской компании «Hundai»’, который называют *тушкáн* [ОСП, 260]. Название марки машины адаптировано через сближение с лексемой, номинирующей грызуна с длинными задними ногами и длинным хвостом, живущего в степях, в пустыне (литер. *тушкáнчик*, < тюрк., ср. чагат. *tauškan*, тур. *taušan* ‘то же’ [ТСРЯ, 1009]).

Ориентация в окружающем пространстве осуществляется с помощью *джипи́эски* – ‘прибора GPS для определения местоположения по спутниковой системе’ [ОСП, 126]. Русское название прибора – передача звучания английской аббревиатуры.

Список литературы

1. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий / Р.А. Агеева. М., 1990. – 256 с.
2. Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома / А.Ф. Некрылова. СПб., 2009. – 768 с.
3. Список словарей и источников
4. ОСП – Охотничий словарь Прикамья / И. А. Подюков, А. М. Белавин, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Усолье, 2018. – 284 с.
5. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
6. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. 1175 с.
7. Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

***

НАЗВАНИЯ ЛУЖ В КОСТРОМСКОЙ МИКРОТОПОНИМИИ

Е.В. Цветкова

Костромской государственной университет (Кострома, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются апеллятивные названия луж в костромских говорах и созданные на их основе микротопонимы. Обращается внимание на проприальные наименования как луж, так и иных объектов, образованные от слова лужа и от других географических терминов.

Ключевые слова: топонимия; микротопонимия; костромская микротопонимия; костромские говоры; названия луж; географическая терминология.

Основой для образования микротопонимов становятся многие географические термины, в том числе довольно часто и обозначающие мелкие формы рельефа (формы нанорельефа, карликового рельефа). Относятся к разряду такой интересной для исследования лексики, отражающей народное видение окружающего мира, и названия луж, отличающиеся многочисленностью и разнообразием в русских народных говорах.

Слово *лужа*, имеющее в современном русском языке значения ‘углубление на поверхности земли со скопившейся водой’, ‘жидкость, пролитая на поверхность, разлившаяся по поверхности’, входящее в состав известного фразеологизма *сесть в лужу* – ‘оказаться в глупом, неловком положении, потерпеть неудачу’ [БТСРЯ: 507], в говорах известно также в значениях ‘ложбина, заполненная дождевой водой’ (Волог.), ‘сырое болотистое место’ (Ряз., Саратов.), ‘болотце’ (Пск., Перм., Урал.), ‘небольшое озеро, озерко’ (Ряз., Арх.), ‘запруда, прудок’ (Ряз.), ‘залив реки’ (Смол.), ‘участок сенокосного луга (на низком месте)’ (Пск.), ‘береговые камни с прогалинами между ними

на озёрах Курганской области’ (Пск.), ‘яма, заполненная водой’, ‘мокрое болотное место’ и т. п. [СРНГ, 17: 180–181; Даль, 2: 271; Мурзаев: 215–216 и др.]. Многочисленны его производные (*лужа, лужица, лужина, лужина, лужина, калужина, калужина, лужавина, калужка, калужина* и др.), обозначающие не только лужи, но и другие объекты, и иные местные географические термины, также отличающиеся широким спектром значений (см. об этом, например, [СРНГ, 17: 180–181; СРНГ, 12: 367–368; Толстой 2011: 229–241; ЭССЯ, 16: 217–220; Васильев 2001: 96–104, 191–203]), которые называют тоже различные объекты, однако имеющие сходство: всё это разного вида углубления с водой, сырые и заболоченные места, а также каким-либо образом связанные с ними, имеющие отношение к ним объекты. Исследование такой лексики представлено в труде о славянской географической терминологии Н.И. Толстого, часть одной из глав которого посвящена термину *яма*, чаще всего являющемуся обобщающим, родовым, нередко заменяющим видовые термины [Толстой 2011: 229–241]. В этих, как их называет автор, семасиологических этюдах приводится «ряд полесских терминов, связанных с семемами: ‘яма – искусственно выкопанное углубление’, ‘яма – выбоина’, ‘яма – лужа’ и т. п.» [Толстой 2011: 230]. Географический термин *лужа*, наряду с другими терминами нанорельефа, рассматривается как отражение диалектной языковой картины мира (см. об этом, например, [Бурко 2014: 169–170]).

Семантика рассматриваемой лексики в говорах в определённой степени высвечивает её «историю». Слово *лужа*, как отмечается в ЭССЯ, имеет надёжную этимологию: праслав. **luža* (< **lugja*) родственно лит., лтш. и др. словам со значениями ‘трясина, болото; лужа’, ‘вязкая грязь’, ‘слой студенистой массы, покрывающий зарастающие озера’, ‘плохая, слякотная погода’ и др.; продолжает и.-е. **leu-g-* ‘тёмный; болото’ [ЭССЯ, 16: 218–219]. Этимология же слова **kaluža* не является бесспорной: существует мнение, что оно образовалось из префикса (местоименной приставки) *-ка-* и слова *luža* или из словосложения форм **kolo- luža*; за исходный этимон принимается и «слово *kalъ* ‘грязь’ с суффиксальным образованием в виде пейоративов **-uga, *-uga* и парных с ними **-’uža, *-uža*» [ЭССЯ, 16: 218–219; Фасмер, 2: 529; Толстой 2011: 240]. Н.И. Толстой обращает внимание на то, что «термин **kal’uža* – общеславянский с устойчивым основным значением, с достаточно широкой амплитудой семантического колебания, в отдельных локальных зонах» [Толстой 2011: 238].

Лужи, временные микроводоёмы, классифицируют в соответствии с генезисом субстрата (природные, антропогенные, природно-антропогенные), по источникам их наполнения (дождевые, талые, паводковые, поливные, сбросовые), по времени существования и динамике колебаний водного объёма (кратковременные, долговременные, долговременные пульсирующие, текущие), по физическим свойствам субстрата (грунтовые, изолированные), по характеру протекающих в них химических и биологических процессов (химически инертные, химически трансформированные, биологически трансформированные), по особенностям их морфологии (мелкие, мелководные, глубокие) [Безносков, Суздалева, Митяева 2013: 85–87]. Некоторые характеристики луж в определённой степени находят отражение как в апеллятивных их названиях (например, в отдельных костромских говорах небольшая лужа имеет названия *лужа, калужа, лужица, калужа, лужинка, калужинка, лужочка*, большая лужа – *лы́ва, ля́га, лужевина*, глубокая лужа – *боча́г, боча́жина, ля́га*, глубокая грязная лужа – *калужина*, стоячая лужа на дороге или в поле – *ляди́на* и т. п.), так и в микротопонимии (например, костромские микротопонимы: большая лужа *Лы́ва* – Мантур., глубокая лужа *Боча́г* – Антроп., глубокая лужа *Буера́к* – Антроп.).

В говорах Костромской области лужей называют как яму с водой, так и небольшой водоём, болото, низкое сырое место, заболоченное место и т. п.: *В лужах после реки, как сошла, головки барахтались / К лесу-то туда низина, лужа сплошная. Как плешь образовалась. Ничего не вошло* – Калинин Судисл.; *Что за трава-то тут в экой луже нарастёт? Особенно в сырой-то год* – Екатеринбург Кады́ск.

В костромской микротопонимической системе слово *лужа* послужило основой для образования названий луж (так именуют лужи, чем-либо напоминающиеся, выделяющиеся среди других

объектов; обычно это лужи, которые не просыхают или просыхают ненадолго, заметно мешают людям или, наоборот, каким-либо образом используются ими), например: *Бáбки Фíнина лúжа* / *У бáбки Фíны лúжа* / *Фíнина лúжа* – Калинин Судисл. (эта большая, никогда не пересыхающая лужа на дороге названа по имени пожилой женщины, напротив дома которой она находится; *Бабки Финина лужа совсем большая после дождей-то стала*), *Большáя лúжа* (По Большой луже после дождя босиком всегда бегали – Екатеринбург Кадыйск.), *Бéлая лúжа* / *Жёлтая лúжа* (Жёлтая лужа – лужа перед Гореловым болотом. Название своё получила по цвету воды. Иногда её называют также Белой лужей – Медведки Сусан.; *А вода в Белой луже не белая, а тёмная* – Сусанино Сусан.). Название лужи может становиться наименованием места её расположения, например: *Белая лужа* – лужа, *Белая лужа* – болотина рядом с Сидоровским болотом, ближе к Судиславскому району – Сусанино Сусан.). Чаще это микропонимы, образованные на основе сочетания географического термина и слова-характеристики лужи (по связи с человеком, с другими объектами, по характерным особенностям: цвету, размеру и т. д.).

Имеются в костромском крае микропонимы со словом *лúжа*, называющие и объекты другого вида (содержащие лужи; своего рода подобие луж): водоёмы и места на них и рядом с ними, низменные, заболоченные места. Это названия мест на реке и рядом с ней: оставшийся от реки водоём *Лúжа* (Раньше была река. Теперь осталась часть её в виде большой лужи / Весной в Луже бывает много щурят / В Луже вода теплее – Никулино Мантур.), место на реке около д. Тетерино *Бáбья лúжа* (Место на реке Бабья лужа есть / В Бабьей луже вчера Ванька закупаля – Тетерино Буйск.), омут *Белолúжье* (Омут Белолужье на реке есть – Георгиевское Межев.); названия озёр, болот: озеро *Корóвья лúжа* (Коровья лужа – небольшое озеро. Получило своё название от того, что вблизи находился коровий выгон, откуда коровы ходили на водопой – Шарьин.), озеро, болото *Бáбья лúжа* (Бабья лужа – это место, где раньше было озеро, а сейчас болото / В Бабьей луже мы раньше бельё полоскали – Боково Буйск.); названия прудов: *А́ннина лúжа* (Раньше в Анниной луже бельё полоскали, купались, а ноне всё ряской затянуло... / Пруд был выкопан в восьмидесятых годах рядом с домом одной женицины по имени Анна. Жители деревни называли пруд Анниной лужей – Томилово Вохом.), лугов, покосов: луг *Сóнцкая лúжа* (Сонцкая лужа – недалеко от деревни-то / В этом лугу в середине находится большая лужа, которая не пересыхает – Федоровское Чухлом.), покос *Теля́чья лúжа* (Сенокос Телячья лужа находится недалеко от деревни Костома / На Телячьей луже в этом году хорошая трава выросла – Галич Галич.), лесов: *Бéлая лúжа* (Белая лужа лес есть. Токо я не была, не знаю где, слыхала токо – Судиславль Судисл.), низменных мест: низина *Подлúжье* (Низина эта находится вблизи деревни Голочелово. Там много луж – Понизье Антроп.).

В говорах Костромской области для обозначения луж, кроме слова *лúжа*, используются его производные и иные местные географические термины, называющие обычно также и другие виды объектов: *лúжина*, *лужина* (Лужин-то дождём налило! – Кадый Кадыйск.; *После дождя много лужин бывает* – Суховерхово Кологр.), *лúжня* (Вон опять какие лужни налило! – Ошурки Судисл.), *лúжевина*, *лужевина* (Лужевин после дождя на дороге ещё много – Калинин Судисл.), *калúжа*, *калájа* (Придётся резиновки вам обувать: калуж много после дождя-то – Ченцово Сусан.; *Гли-ко, робёнок-от Санькихи в калуже баландается! Не глядит она совсем за им!* – Луптюг Октябр., *Дождём большие калажи налило* – Бор Остров.; *Эта калажа всё лето не просыхает* – Лом Судисл.), *калúга*, *калájа* (На той калуге я телят пошла – Остров.), *калúжинна*, *калúжина*, *калájина*, *калájина* ('глубокая, грязная яма, лужа'; *Давеча поскользнулась да и упала в калижину. Теперь дома сижу, сушусь.* – Чухлом.; *Свинью выпустила, а она в калужине разлеглась, дак еле её оттоль выгнала* – Усолье Мантур.; *Ночью мороз был, вон калужина замёрзла* – Лом Судисл.; *В лесу, бывало, пить захочешь, через платок из калужины и нахлебаешься* – Гущино Межев. *Бегать по калужинам после дождика – первое удовольствие!* – Кологр.), *баралúжина* (На дороге баралужина – ни пройти ни проехать – Самылово Макар.), *лúва* (Вон ливы какие на дороге, а вы без сапогов – Векса Галич.; *Через ливу-то стала переходить – полные сапоги начерпала* – Забегаево Октябр.; *Там через ливу-то доска перекинута* – Гущино Межев.),

лúва (Старики раньше лужи лывами звали – Знаменка Мантур.; *Эку лыву у крыльца дождем налило!* – Гнездниково Солиг.; *Хватит вам по лывам-то шлёпать!* – Абросимово Нейск.; *Коли после дождя по лывам пузыри плавают – дак знай: грибов много будет* – Николо-Шанга Шарьин.), *лúвина* (По всей дороге лывины огромные, всё лето стоят – Солиг.), *лúга* (Целый час дождик лил, потом везде ляги были – Николо-Шанга Шарьин.; *В ляге головастики полно* – Матвеево Парф.), *лядúна* (Видать, дождик был, вон лядин-то сколько – Парф.; *Рано пахать: лядин в поле много* – Татарское Нерехт.) *бочажúна* (Бочажинной и большую лужу называют – Калинин Судисл.), *лúнка*, *лúночка* (К утру мороз ударил, все лунки замёрзли – Кужбал Нейск.; *Какой утром мороз: луночки все замёрзли* – Буйск.), *прудóвина* (С весны-то в огороде прудовину наливает, воду берём – поливать – Елегино Буйск.), *бакалэ́я* (Мне через эту бакалею не перейти – Номжа Нейск.), *болóто*, *болóтвина* (Хоть бы доску бросили – такая-то болотвина коло дому – Елегино Буйск.) и др. *Калужей*, *калажей*, *калугой*, *калагой* называют также болото, топь, *калужинной* – яму, впадину, заполненную водой, *прудовинной* – яму с водой, омут, *ливой* – канаву с водой, *лывой* – низину, сырое, заболоченное место, небольшой водоём, *лывинной* – глубокую колею с водой на дороге, *лягой* – низину, низкое, болотистое место, *баралужинной* – яму, канаву с водой, *болотвинной* – низкое, болотистое место, грязь, *бочажинной* – яму, глубокое место в реке и т. д. (например: *Пошёл по ягоды да чуть в калуге-то не утоп* – Макар.; *Нет, дальше калуги мы не ходили, боялись больно* – Парф.; *Дороги-то у нас плохие, все в лывинах* – Макар.; *Клюквы-то на ляге много нонче было* – Сусан.; *В сухое лето грибы по лягам собираем* – Солиг.; *Ручей перегородят, образуется прудовина, бочаг такой глубокий* – Чухлом.).

Находим определённое соответствие этому и в микропонимии, например: пруд *Лúжица* (Лужица – пруд у пятиэтажного дома на улице Солнечной, очень мелкий – Фоминское Галич.), сенокосный луг *Лужáвина* (Сырой он – Буйск.), болотистое место в лесу *Лужевина* (Небольшое это болотистое место в лесу / Лужевина-то летом просыхает – Костр.), большая лужа *Лúва* (Лыва – большая лужа в Поповском лугу / Нынче лето-то сухое, нали Лыва пересохла – Лядина Мантур.), лужа, заболоченное место *Лúва* (Он сегодня коров в Лыве пасёт, трава там хорошая – Вохом.; *Перед Третьим полем Лыва летом высыхает. Тамока и черника, и брусника растёт* – Октябр.), заболоченное место, лужа *Грязи* (Грязи – место заболоченное и большая, никогда не высыхающая лужа на дороге к Андобе, перед бором на берегу – Медведки Сусан.), глубокая лужа *Буерáк* (Глубокая лужа это, яма – Палкино Антроп.), глубокая лужа *Бочáг* (Бочаг – глубокая лужа, или можно сказать, что маленький пруд. Образовалась от разлива реки – Палкино Антроп.). Как видим, диалектоносители сами определяют вид объекта, называя не только лужу, но и яму (как общее название всех углублений), пруд, заболоченное место и др.

Вызывают интерес образные микропонимы, являющиеся названиями луж: лужа около бывшего колбасного цеха в городе Нее *Колбáска* (Колбаска никогда не засыхает) – номинативное сближение связано с предприятием и с производимой на нём продукцией (продукты питания), а также и в некоторой степени и с внешним видом лужи; лужа в городе Нерехте *Вене́ция* (Она всегда остаётся посередине улицы и не высыхает) – вторичный топоним, образован на основе связи с внешним миром (страноведение), по «сходству» с итальянским городом на воде, как его называют, «проявление определённого направления образного отождествления» [Рут 2008: 94].

Наиболее многочисленными, как показывают имеющиеся у нас материалы, являются микропонимы, образованные на основе слова *лúжа* и его производных. Распространены такие названия по всей территории Костромской области.

Образ лужи находим в фольклорных произведениях костромского края, например: *Сколько раз я обходила калужину, эту грязь. На какого на бессовестного дролю нарвалась* (Судисл.). *Положил старик старушицу в калужину: «Ты лежи, старушица, не глубока лужица»* (Кадыйск., Судисл. и др.). *Долго ли, коротко ли шёл он по лесам, по болотам, по калужам...* (Кадыйск.). А таким предстаёт пространство и находящиеся в нём лужи в рассказах диалектоносителей об обыденной жизни, в их воспоминаниях о прошлом: *Около школы есть пруд,*

его так Школьным и называют. А рядом с ним Болото. Как пойдёшь к пруду, так сразу готовься: на Болоте поскользнуться ничего не стоит. Там лужа всегда, грязь-то скользкая, упасть в три счёта можно (Сидоровское Красн.). Не красились раньше, ничо не было. Побежишь в клуб, в луже умоешься (Берендеево Нерехт.). Жили-то плохо. Одежды мало было, обувки тожо не было. Уж в школу пошли – сабоги. Сабоги де бы по калужине вёсной резиновые, да мы их снимём, а то начерпам да изорвём. По калужине-то пройдем, там наденём. А уж настудим ноги-то, не настудим – наплёвать (Захарово Красн.). Ср. с рассказами, содержащими микропонимы: Коло Бабки Фининой лужи осторожно идти надо. Там и пройти-то сейчас надумаешься. Упадёшь – выкупаешься. И завалить ведь её никак не получается (Калинки Судисл.). По Большой-то луже бегать любили. И после дождя, и в дождь. Я как-то даже и упала в неё. Вот ужас-то был! (Екатеринкино Кадыйск.).

Микропонимия, которая «рисует, передает образ физического пространства» [Климкова 2007: 186], представляет названия луж в разнообразии их семантики, в их связи с другими географическими терминами, подтверждая, дополняя, иллюстрируя информацию об апеллятивах, послуживших основой для её образования.

Список литературы

1. Безносков, В.Н. Классификация временных микроводоёмов (луж) и их экологическое значение / В.Н. Безносков, А.Л. Суздалева, Ю.Д. Митяева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. 2013. № 4. – С. 85–88.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Бурко, Н.В. Наименования объектов нанорельефа как отражение диалектной языковой картины мира (на материале орловских говоров) / Н.В. Бурко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 165–173.
4. Васильев, В.Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки) / В.Л. Васильев. Великий Новгород, 2001. – 255 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. В 4 тт. Т. 2. СПб.: Диамант; Золотой век, 1999. – 784 с.
6. Климкова, Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климкова; науч. ред. И.А. Ширшов. Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
7. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. М.: Мысль, 1984. – 466 с.
8. Рут, М.Э. Образная номинация в русской ономастике / М.Э. Рут. М.: ЛКИ, 2008. – 192 с.
9. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л./СПб., 1965–2019.
10. Толстой, Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Н.И. Толстой; отв. ред. С.Б. Бернштейн. Изд. 3-е. М.: ЛИБРИКОМ, 2012. – 360 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. // Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. В 4 т. 2-е изд., стер. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. – 672 с.

Список сокращений в названиях районов Костромской области

Антроп. – Антроповский.	Макар. – Макарьевский.	Парфен. – Парфеньевский.
Буйск. – Буйский.	Мантур. – Мантуровский.	Солиг. – Солигаличский.
Вохом. – Вохомский.	Межев. – Межевской.	Судисл. – Судиславский.
Галич. – Галичский.	Нейск. – Нейский.	Сусан. – Сусанинский.
Кадыйск. – Кадыйский.	Нерехт. – Нерехтский.	Чухлом. – Чухломский.
Кологр. – Кологривский.	Октябр. – Октябрьский.	Шарьин. – Шарьинский.
Костр. – Костромской.	Остров. – Островский.	
Красн. – Красносельский.	Павин. – Павинский.	

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ОНОМАСТИКА

***

УЧАСТИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В МОДЕЛИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Л.М. Бражник

Набережночелнинский государственный педагогический университет
(Набережные Челны, Россия)

Аннотация. В статье рассмотрен феномен имени собственного как единицы поэтического мышления О. Мандельштама. Под пером автора онимные лексемы в пространстве критической статьи «Слово и культура» функционируют как средства словесной выразительности, которые транслируют смыслы, адресованные к читателю.

Ключевые слова: оним, антропоним, художественное мышление, рекуррентность онима, аллюзия, реминисценция, метонимичность антропонимов, деонимический адъектив.

Замечания исследователей о том, что специфика языка мандельштамовского художественного произведения заключается в индивидуальности языка и слога писателя и что все формы отражения действительности проходят через фильтр авторского замысла, настолько правильны, что стали общими местами во многих работах мандельштамоведов.

Изучение критического наследия О. Мандельштама показало, что значимой деталью его поэтической критики являются имена собственные. Они (имена), входя в содержание теоретико-поэтических текстов, способствуют упорядочению теоретических раздумий автора о литературе и поэзии. Из этого также следует, что онимная лексика является фактом теоретико-художественных размышлений Мандельштама. Анализируя коммуникативный поэтический дискурс Мандельштама, полагаем, что необходимо расширить область изысканий и сместить акцент исследований в лингвистический аспект, при этом необходимо осуществить не только лексикографирование онимных единиц, но и определить лингвопсихологический потенциал имён собственных, введённых автором в тексты критических статей.

Задача нашего исследования – выделить лингвопсихологическую линию в изучении проприальной лексики мандельштамовской эссеистики. Приоритетным, безусловно, должен быть лингвистический аспект. Лингвистика имени может активно взаимодействовать с психологической стороной онима. В этом случае следует учитывать фактор ситуации – фактор говорящего (поэта) и фактор (читателя) собеседника. Необходимо исследовать точки пересечения ономастики и психолингвистики, поскольку психолингвистика использует лингвистический материал и лингвистические методы изыскания (исследования) [Сахарный 1989: 89].

Для рассмотрения онимной лексики в лингвопсихологическом аспекте необходимо определить, что считать в имени *лингва*, а что – *психо*. Эта концепция позволит консолидировать две дисциплины – ономастику и психолингвистику, что будет способствовать прогрессу ономатологии. Включение ономастики в парадигму лингвистических наук дает основание языковые уровни онима считать *лингва*, а *психо* – авторскую мысль, переданную в определенном контексте или ситуации общения с участием онима. Такие предположения можно сделать, если вслед за Л. С. Выготским признать, что «...отношение мысли к слову есть живой процесс рождения мысли в слове...» [Выготский 1999: 317]. «Смысл слова представляет собой совокупность всех психологических факторов, возникающих в нашем сознании благодаря слову» [Выготский 1999: 242].

Достаточно информативной в этом аспекте для ономатолога является критическая эссеистика Мандельштама, которая транслирует суждения автора, обращенные к читателю (собеседнику). Известно, что Мандельштам говорил: «Мы – смысловики» (цитируется по М. Полякову

из вступительной статьи к сборнику «Слово и культура») [Мандельштам 1987: 4]. Как художник слова Мандельштам принадлежал и принадлежит своему времени и отражает в своем прозаическом творчестве идейно-эстетические тенденции, формирующиеся в данный период в литературе. Именно мандельштамовская мысль организует теоретико-поэтическое пространство статей, группирует все их элементы с помощью имён собственных.

Металогическая речь Мандельштама в одноимённой статье «Слово и культура» насыщена онимной лексикой. Например, в структуру первых строк эссе входит деонимический адъектив: *Трава на петербургских улицах – первые побеги девственного леса, который покрывает место современных городов. Эта яркая, нежная зелень, свежестью своей удивительная, принадлежит новой одухотворенной природе.* А дальше автор вводит в текст топоним, являющийся источником апелляции: *Воистину Петербург самый передовой город мира. Не метрополитеном, не небоскребом измеряется бег современности: скорость, а веселой травкой, которая пробивается из-под городских камней* [Мандельштам 1987: 39]. Анализируемый фрагмент текста представляет собой развернутый сравнительный оборот, в семантизации которого принимает участие оним *Петербург* в функции субъекта, являющийся одновременно объектом сравнения. Наряду с оттопонимным именем прилагательным проприальная единица, по-видимому, отражает предмет мысли Мандельштама о литературе. Позволим себе предположить, что Мандельштам имел в виду, называя *Петербург* передовым городом, новые литературные направления и течения, которые зарождались в Петербурге и сравнивались автором с травой на петербургских улицах. Сделать подобные выводы помогает название статьи (библионим) *Слово и культура*, которое вводит адресата (собеседника) в круг мировоззрения адресанта дискурса. *Петербург* в эссе не точка на карте, а место, где происходят перемены в культурном пространстве зарождающегося нового государства.

В следующий фрагмент статьи критик включает мифоним *Психея*, который конструктивно оказывается в позиции обособленного определения, а вернее приложения, по-новому характеризующего предмет мысли мастера слова: *Наша кровь, наша музыка, наша государственность – все это найдет свое продолжение в нежном бытии новой природы, природы-Психеи* [Мандельштам 1987: 39]. В приведённом фрагменте синтаксическая позиция широко известного мифонима и его энциклопедическое значение позволяют интерпретировать интенции автора, направленные к читателю, а именно: будущее искусства и государства он (автор) видит в духовности.

Дальнейшие размышления Мандельштама о слове и культуре также сопровождаются включением в металогическую речь эссеиста антропонимов, составляющих мировой культурный фонд: *Революция в искусстве неизбежно приводит к классицизму. Не потому, что Давид снял жатву Робеспьера, а потому, что так хочет земля* [Мандельштам 1987: 40]. Энциклопедическая информация используемых личных имён *Давид* (в функции субъекта суждения) и *Робеспьер* (в функции генитива) отсылает подготовленного читателя к общеизвестным историческим и политическим фактам, фигурантами которых были носители, воплощенных имён. В именах художника (известно, что *Давид* находился рядом с *Робеспьером* в Конвенте) и влиятельного политического деятеля Великой французской революции, используемых поэтом, обнаруживаются компоненты аллюзивного характера. В них в контекстном окружении прочитывается намёк на то, что Робеспьера «поглотила» революция, и начался возврат к вечным ценностям, как не старался политик построить светлое будущее Франции.

Этому авторскому суждению о возврате к классической литературе и его мировоззренческих предпочтениях вторит рекуррентность (повторяемость) онимов в структуре последующего анализируемого контекста: *Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл* [Мандельштам 1987: 41]; *Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер* [Мандельштам 1987: 41]. Функция онимов в приведённых примерах прозрачна и понятна. Метонимическое употребление антропонимов указывает

на творческое наследие классиков литературы, а также на нежелание Мандельштама уходить в своем творчестве от классических традиций.

Генитив онима *Катулл* семантизирует мандельштамовский перифраз, например: *Серебряная труба Катулла мучит и тревожит сильнее, чем любая футуристическая загадка* [Мандельштам 1987: 41]. Автор имел в виду, говоря о *серебряной трубе Катулла*, поэзию античного лирика. Также сравнение её с *футуристической загадкой* отсылает подготовленного читателя к модернистскому течению футуристов, которое Мандельштам не принимает и гневно критикует в своих статьях.

От компетентного читателя не ускользнет и другая информация, переданная с помощью онима: *Когда любовник в тишине путается в нежных именах и вдруг вспоминает, что это уже было: и слова, и волосы, и петух, который прокричал за окном, кричал уже в Овидиевых тристихах, глубокая радость повторенья охватывает его ...* [Мандельштам 1987: 41]. В приведённом примере антропоним в функции адъектива называет известное собрание писем в пяти книгах, написанных элегическим дистихом древнеримским поэтом Овидием. Онимные ресурсы влияют на суждения индивидуума, выполняя суггестивную функцию, и собеседник воспринимает ту интерпретацию, которую хотел отобразить автор статьи.

Кроме внутритекстовых онимных повторов, Мандельштам употребляет еще один прием вовлечения личного имени в свой коммуникативный дискурс. Это прием использования реминисценций. В следующем примере онимная аллюзия понимается как реминисценция, т.е. отсылка не к тексту, а к некоторому событию из жизни другого автора, которое, безусловно, узнаваемо. Примером реминисценции служит введение имени русского поэта эпохи Просвещения: *Как трубный глас звучит угроза, нацарапанная Державиным на грифельной доске. Кто поднимет слово и покажет его времени?* [Мандельштам 1987: 42]. Автор имел в виду незавершенное стихотворение Г.Р. Державина «На тленность» (1816). Известно, что автограф этого стихотворения, написанного на грифельной доске, хранится в ИРЛИ [Мандельштам 1987: 279]. Синтаксическая позиция антропонима *Державин* в структуре обособленного определения транслирует также суждения Мандельштама об искусстве, поэтическом творчестве и предназначении поэта, которое уточняется риторическим вопросом.

Далее у Мандельштама читаем: *Слово – Психея. Живое слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещь, милое тело* [Мандельштам 1987: 42]. Мифоним *Психея* в позиции составного именного сказуемого выполняет функцию сравнения. Но в этом контексте налицо не только сравнение и внутритекстовый повтор с онимом *Психея*, анализируемый выше, но и отождествление, которое определено позицией предиката. Для поэта слово живой организм, который олицетворяется с душой, дыханием.

В подтверждение вышесказанному мастер слова продолжает: *Синтетический поэт современности представляется мне не Верхарном, а каким-то Верленом культуры. Для него вся сложность старого мира – та же пушкинская цевница* [Мандельштам 1987: 43]. В приведённом фрагменте статьи Мандельштам использует антропонимы *Верхарн* и *Верлен* в функции сравнительного оборота. Таким образом энциклопедическая информация онимов транслирует суждения Мандельштама о зарождающихся современных формах в литературе. Эстетические предпочтения мастера слова, безусловно, связаны с именем великого мастера французского символизма – Верлена, основоположника литературного импрессионизма, поскольку Верхарн был пролетарским поэтом. Выразительность сравнения усиливается деонимическим адъективом, образующим метафору. Так, характеризуя представителей современной поэзии, он (автор) под *пушкинской цевницей* подразумевает символ поэтического вдохновения, поэтического дара и классической литературы, который сообщает читателю о культурно-исторических ориентирах поэта.

Исследование эссе «Слово и культура» обнаружило антропоцентричность его онимного пространства, которая отражает специфику художественного мышления автора как субъекта

литературы. Имена собственные являются своеобразным средством связи автора и собеседника (читателя) и каналом трансляции мандельштамовской мысли о мире литературы. Оним, введенный в текст эссе Мандельштамом, является не только средством моделирования художественного мышления критика, но и ключом к пониманию его художественного мышления.

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь. / Л.С. Выготский. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
2. Мандельштам, О.Э. Слово и культура: Статьи / О.Э. Мандельштам. М.: Сов. писатель, 1987. – 320 с.
3. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л.В. Сахарный. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 184 с.

***

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ КАРТИНА ПОВЕСТИ Б. ВАСИЛЬЕВА «ЛЕТЯТ МОИ КОНИ»

А. А. Бурченкова

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации
им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются виды и роль онимов в художественном произведении Бориса Васильева. Анализируются особенности ономастического пространства в автобиографической повести «Летят мои кони». В статье делается вывод о том, что онимы выполняют несколько функций в повести: они выражают идею и основной пафос произведения, отражают отношение автора к событиям, месту и героям.

Ключевые слова: оним; антропоним; топоним; этноним; катойконим; ономастическое пространство; автобиография.

Художественный мир литературного произведения представляет собой закодированное, наполненное символами, знаками пространство. Иногда автор делает это специально, создавая аллюзии на различные исторические события, другие художественные произведения, иногда это получается бессознательно, но в любом случае художественное пространство произведения требует к себе пристального внимания.

Ранее мы уже обращались к творчеству Бориса Васильева и исследованию антропонимов в повестях «А зори здесь тихие» и «Завтра была война» [Бурченкова 2020; Бурченкова 2021].

Повесть «Летят мои кони...» была написана в 1982 году, она носит автобиографический характер, описывает детские и юношеские годы писателя, которые заложили нравственную основу его личности. В этой книге Борис Васильев не только вспоминает свое детство, город, семью, друзей, но и размышляет над важными жизненными и философскими проблемами. Данное произведение помогает понять истоки творчества писателя, его характер, и имеет большое значение для понимания истории его родного города, нашей страны, русской ментальности и нашей современности. В реалиях современных мировых событий повесть «Летят мои кони» особенно актуально звучит, потому что напоминает о многонациональности нашей страны, ее великой истории, культуре, о борьбе со зверствами фашизма.

При анализе ономастической картины повести мы выделили самые крупные группы онимов: антропонимы, топонимы, этнонимы и катойконимы.

Антропонимы: Борис / Боря / Боренька – 18/5/1 (количество употреблений); Янсен – 16; Эля – 9; Коля, Николай Плужников – 8; Зюйд-Вестов – 5; Карл – 3; Александр Трифонович Твардовский – 3; Борис Николаевич Полевой – 3; Альдона – 3; Лопатин – 2; Мойшес – 2; Урлауб – 2; Анна Самойловна Берзер – 2; Матвеевна – 2; Алексеева (пани Алексеева, артистка

Алексеева) – 2; Рен Педаяс – 2; Костантиади – 2; Мария Александровна Морева – 2; Саша – 1; Антал – 1; Янек – 1; Фатима – 1; Моня (Мойшес) – 1; Метек Ковальский – 1; Ковальски – 1; Хана – 1; Самойло – 1; Тойво Лахонен – 1; Павловы – 1; Лидия Чарская – 1; Исаковский – 1; Данилевский – 1; Сергей Иванович – 1; Сергей Ларионов – 1; Сергей Никитин – 1; Пржевальский – 1; Михаил Шеин – 1; Князь Потемкин – 1; Глинка – 1; Нахимов – 1; Коненков – 1; Козьма Прутков – 1; Л. Агранович – 1; Олег Громославцев – 1; С.Листов – 1; Колофидин – 1; Сазонова – 1; Зельдин – 1; Сошальский – 1; Сомов – 1; Акимов – 1; Погодин – 1; Семен Ефимович Димант – 1; Борис Иванович Равенских – 1; Михаил Александрович Ульянов – 1; Марк Анатольевич Захаров – 1; Иштван Иглоди – 1; Василий Кочубей – 1; Герцен – 1; Олег Павлович Табаков – 1; Князь Муромский Глеб – 1; Святополк Окаянный – 1; Федор Конь – 1; Том Соьер – 1; Екатерина Вторая – 1; Искра – 1; царь Борис – 1; Царевич Иоанн Антонович – 1; Александр (Лопатин) – 1; Григорий (Лопатин) – 1; Капитолина (Лопатина) – 1; Изидор Григорьевич Винокуров – 1; Мария Лазаревна Озерова – 1; Кирилл Рапопорт – 1; Михаил Ершов – 1; Пушкин – 1; Тургенев – 1; Достоевский – 1.

Топонимы: Смоленск – 26; Днепр – 6; Блонье – 4; Смоленская крепость – 3; Воронеж (река, город) – 2; Брестская крепость – 2; Декабристов улица (Никольская) – 2; Варяжская улица (Краснофлотская) – 2; Лопатинский сад – 2; Покровская гора – 2; Смядынь – 2; Русь – 2; Таганка – 2; Московское великое княжество – 1; Париж – 1; Молоховские ворота – 1; Рига – 1; Суздаль – 1; Сечь Запорожская – 1; Энгельса улица – 1; Большая Советская улица – 1; Литва – 1; Гнездово – 1; Комиссаржевской улица – 1; Королевский бастион – 1; Соборная гора – 1.

Этнонимы: русский – 7; поляк, поляки – 4; цыгане, цыган – 4; татары (татарин, татарчата) – 3; венгр, венгры – 3; кривичи – 2; евреи – 2; грек, греки – 2; славяне – 1; литовцы – 1; латыш – 1; эстонец – 1.

Катойконимы: смоляне, смолянин – 5; москвичи – 1; тверяки – 1; ярославцы – 1.

По количественному составу наибольшую группу составляют антропонимы. Самые распространенные по количеству употреблений в тексте 5 антропонимов – Борис (это имя главного героя), Янсен – фамилия доктора, Эля – имя мамы автора, Зюйд-Вестов – псевдоним автора, Коля, Николай Плужников – друг Бориса.

Первый антропоним понятен – повесть автобиографическая, значит в ней часто звучит имя самого автора, к нему обращаются те или иные персонажи повести. Другие два антропонима – Янсен и Эля – принадлежат людям, которые оказали наибольшее влияние на формирование внутреннего мира автора, его нравственных ценностей.

Остальные антропонимы можно разделить на три группы: первая – имена и фамилии соседей Бориса, его земляков, друзей (пани Ковальски, мадам Костантиади, мадам Урлауб, мадам Алексеева, цыган Самойло, Метек Ковальский, дядя Сергей Иванович, девочка Альдона, Моня Мойшес, дядя Янек, тетя Фатима, Матвеевна, венгр дядя Антал, цыгане Коля и Саша, Рен Педаяс, бабушка Хана, немец дядя Карл, доктор Янсен, ломовой извозчик Тойво Лахонен), вторая – фамилии государственных деятелей, сыгравших важную роль в истории Смоленска и России (Лопатин (бывший губернатор Смоленска), Князь Муромский Глеб, его брат Борис, Святополк Окаянный, Федор Конь (зодчий Крепостной стены), Екатерина Вторая, генеральный судья Сечи Запорожской Василий Кочубей и его помощник Искра, царевич Иоанн Антонович, царь Борис, путешественник Пржевальский, воевода Михаил Шеин, князь Потемкин, адмирал Нахимов, композитор Глинка, скульптор Коненков), третья – писатели, театральные деятели (актеры, режиссеры), с которыми пересекался писатель Борис Васильев в своей творческой деятельности (Герцен, Пушкин, Тургенев, Достоевский, Колофидин, Сазонова, Зельдин, Сошальский, Сомов, Акимов, Погодин, Димант, Равенских, Ульянов, Захаров, Иглоди, Твардовский, Полевой и другие).

Следующая по численности группа – это топонимы. В ней самый распространенный топоним – Смоленск. Это город детства, город, в котором автор родился и прожил основную часть

своей жизни. Относится к этому месту как древнему, историческому и географическому центру, месту, где мог найти себе приют любой человек независимо от его национальности. В повести постоянно подчеркивается многонациональность жителей Смоленска. Такое толерантное отношение жителей города друг к другу, гостеприимство и доброжелательность объясняются историей и географией Смоленска.

Город превращают в плот история с географией. Географически Смоленск – в глубокой древности столица могущественного племени славян-кривичей – расположен на Днепре, вечной границе между Русью и Литвой, между Московским великим княжеством и Речью Посполитой, между Востоком и Западом, Севером и Югом, между Правом и Бесправием, наконец, потому что именно здесь пролегла пресловутая черта оседлости. История раскачивала народы и государства, и людские волны, накатываясь на вечно пограничный Смоленск, разбивались о его стены, оседая в виде польских кварталов, латышских улиц, татарских пригородов, немецких концов и еврейских слободок. И все это разноязыкое, разнобожье и разноукладное население лепилось подле крепости, возведенной Федором Конем еще при царе Борисе, и объединялось в единой формуле: ЖИТЕЛЬ ГОРОДА СМОЛЕНСКА. Здесь победители роднились с побежденными, а пленные находили утешение у вдов; здесь вчерашние господа превращались в сегодняшних слуг, чтобы завтра дружно и упорно отбиваться от общего врага; здесь был край Ойкумены Запада и начало ее для Востока; здесь искали убежища еретики всех религий, и сюда же стремились бедовые москвичи, тверяки и ярославцы, дабы избежать гнева сильных мира сего. И каждый тащил свои пожитки, если под пожитками понимать национальные обычаи, семейные традиции и фамильные привычки. И Смоленск был плотом, и я плыл на этом плоту среди пожитков моих разноплеменных земляков через собственное детство [Васильев: 2].

О детстве напоминают Борису Васильеву следующие топонимы – Днепр, с которым связаны и исторические события, и личные воспоминания автора; *Блонье* (сквер в центре города) – «заболонье», то есть наиболее укрытое место крепости, куда не долетали стрелы штурмующих и где прятались женщины и дети во время осад города [Васильев: 5]; *Смоленская крепость* как хранительница исторических событий и место детских развлечений. С воспоминаниями о детстве в Смоленске связаны также топонимы: *улица Декабристов (Никольская), Варяжская улица (Краснофлотская), Лопатинский сад, Покровская гора, Смядынь, Молоховские ворота, Большая Советская улица, Гнездово, Королевский бастион, Соборная гора.*

Камни Смоленской крепости, кривая Варяжская улица древнего города, само название его, старый дуб на Покровской горе, Гнездовские курганы и воздух Смоленска питали меня историей, и я чувствовал ее и любил, еще не ведая, что это богиня, а не только наука [Васильев: 4].

Самое важное место – *Покровская гора*, там находился дом писателя, там он родился и провел свое детство в окружении бедных, но добрых, трудолюбивых людей разных религий и национальностей. *Мы снимали домик на Покровской горе; в нем я родился, а почтовый адрес его тогда писался так: «Покровская гора, дом Павловых». Напротив, через овраг, почти осеня домик ветвями, рос огромный дуб. <... > Могучий дуб, под сенью которого мирно уживались русские и поляки, евреи и цыгане, татары и венгры: не по этой ли причине и спилили тебя проклятые наци? [Васильев: 3].*

Топонимы: *Сечь Запорожская, Литва, Московское великое княжество, Русь, Суздаль* – встречаются при описании исторических событий, которые повлияли на судьбу города Смоленска. С театральными постановками произведений автора связаны топонимы *Рига, Таганка*. О юности, взрослении, которое пришлось на военное время, напоминают онимы *Воронеж* (река, город), *Брестская крепость, улица Энгельса, улица Комиссаржевской улица.*

Следующая группа онимов – этнонимы. Самый употребительный из них – *русский*, что вполне понятно, город находится в России и наибольшая часть его населения – русская. Представители

всех национальностей перемешались в Смоленске из-за многочисленных бедствий, войн, испытаний, выпавших на долю родного города, который гостеприимно принимал всех сирых и убогих. Из катойконимов чаще всего употребляется оним *смоляне*, причем автор упоминает его с гордостью, когда говорит о своих знаменитых земляках.

В повести также встречаются другие онимы, но они не многочисленны. К хремотонимам можно отнести название памятника – *Памятник-часовня героям 1812 года*. Он является напоминанием о Великой отечественной войне 1812 года и роли Смоленска в ней, а также место детских забав автора. Встречаются в повести два хрононима – *Великая отечественная война, Гражданская война*. Гражданскую войну прошел отец Бориса, она сильно повлияла на его характер и мировосприятие так же, как Великая отечественная война 1941–1945 гг. определила судьбу самого писателя. Можем увидеть в тексте и один экклезионим – *Преображенская церковь*, но о нем упоминается вскользь, то есть это место не оказало большого влияния на становление личности автора.

Как связано название текста с ономастической картиной повести? В повести есть только один зооним *Азиатка* – кличка лошади, которая употребляется дважды. С Азиаткой встретился Борис в 1941 году, когда попал в кавалерийскую школу. Он очень привязался к ней, но при бомбежке Азиатку очень сильно ранили и ее пришлось пристрелить – это событие произвело на писателя очень тяжелое впечатление. Но на страницах произведения очень много воспоминаний о лошадях. Автор воспринимал лошадь как помощника в нелегкой борьбе за существование, к которому человек относился со справедливой добротой, с детства привыкая делить с ним кусок хлеба. Он считал, что животные облагораживали человека, делая его не просто добреньким, но требовательным, как к себе самому. Кони – это и воспоминания о детстве писателя, и помощники его трудовой и боевой жизни, и годы, которых осталось немного: *Ах, как быстро летят мои кони!.. [Васильев: 36].*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что ономастическая картина повести отражает основную идею автора – формирование личности человека начинается в детстве благодаря окружению – не только людям, но и городу с его историей, географией, улицами и зданиями, хранящими в себе воспоминания о важных исторических событиях и судьбах. И главное, что заложили в характер Бориса Васильева мама, доктор Янсен, разнонациональные соседи и друзья детства, – уважение к другим национальностям и религиям, толерантность, доброта и готовность прийти на помощь любому человеку, любовь к своей родине и ответственность за свои поступки и чужие жизни. Город как плот, как спасение незащищенных людей всех религий и национальностей со своими памятниками, улицами, деревьями, рекой как свидетелями войн и других бедствий тоже формировал личность писателя – жителя Смоленска, гражданина и патриота своей страны, – такой вывод позволяет нам сделать ономастическая картина повести.

Список литературы

1. Ахметова, М.В. Катойконимы в локальной печати конца XX – начала XXI вв. (случай Твери) / М.В. Ахметова // Slovene = Словене. International Journal of Slavic Studies. 2018. Т. 7. №1. – С. 308–336.
2. Бурченкова, А.А. Антропонимы в повести Б. Васильева «А зори здесь тихие» / А.А. Бурченкова // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: Матер. междунар. конф. / отв. ред. И.А. Королева. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. – С. 21–28.
3. Бурченкова, А.А. Антропонимы в повести Бориса Васильева «Завтра была война» / А.А. Бурченкова // Ономастика Поволжья: матер. XIX Междунар. научной конф., посвященной 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В. И. Даля / науч. ред.: Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун; сост.: П.А. Якимов. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С.303–308.
3. Васильев, Б.Л. Летят мои кони... // <https://mybook.ru/author/boris-vasilev/letyat-moi-koni/read/>
4. Городецкая, Е.И., Левашов, Е.А. Названия жителей // Русские названия жителей : Словарь-справочник. М.: АСТ, 2003. – 363 с.

ОНОМАСТИКОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Ю. И. КРАШЕВСКОГО «ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ СЛУЦКИХ КНЯЗЕЙ»

С. Ф. Бут-Гусаим

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина (Брест, Беларусь)

Аннотация: В статье проанализирована национально-культурная специфика компонентов ономастического пространства исторической повести Ю.И. Крашевского «Последняя из слущких князей». Рассмотрены коннотации социальности и национально-культурной специфики собственных личных имен. Выявлены этимологическая семантика фамилий, тематические группы прозвищ – носителей информации об истории знаменитых родов Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Проанализированы «фоновые» онимы, участвующие в формировании хронотопа произведения.

Ключевые слова: оним; поэтоним; антропоним; личное имя собственное; фамилия; прозвище; топоним.

Поэтонимикон художественного произведения на историческую тему отражает состояние национального именослова на определенном этапе истории общества. Для современной литературной ономастики насущным является изучение национально-культурной специфики именослова художественных произведений. Проблема отражения в поэтонимиконе человека – представителя определенной культуры, эпохи, особого менталитета – становится все более актуальной в лингвистике.

На протяжении последних десятилетий в белорусскую литературу вернулись произведения многих писателей прежних эпох, которые жизнью и творчеством связаны с нашей страной, но писали по-польски или по-латыни. В их книгах отражены события, происходившие на белорусских землях, описаны жизнь, быт и культура белорусов. К таким авторам относится Юзеф Игнатий Крашевский – самобытный писатель, основатель польского национального романа, автор многочисленных повестей и романов, из них около сотни – исторических.

В повести «Последняя из слущких князей» правдиво показана своеобразная «тройная война» из-за слущкой княжны Софьи Олелькович между представителями двух магнатских родов Великого княжества Литовского – Криштофом Радзивиллом и Еронимом Ходкевичем. Ю.И. Крашевский в этом произведении базировался на исторических источниках и с предельной точностью воссоздал события, происходившие в Вильно в конце 1599 – начале 1600 года.

Главное имя произведения – заголовок «Последняя из слущких князей» – относится к идейно-характеристическому типу. Ю.И. Крашевский рассказывает историю наследницы знаменитого рода великих князей Литвы. Последняя из рода Олельковичей – воинов, полководцев, политиков – умерла молодой, не познав радости любви и материнства. Рассказ о судьбе знаменитой семьи, которая веками жила в Беларуси и всегда была предана своей земле, завершается словами монахов на усыпальнице Олельковичей: «И что же осталось после этих знаменитых людей? Несколько исписанных золотом камней, горстка пепла и костей и немного людской памяти...» – «А разве этого мало? Разве мало одной памяти, если она продлевает жизнь тому, кого не стало? Чего вы хотите большего от нашего мира, и что больше он может дать?» – «Вечный им покой и величайшая святость в лучшем из миров!» [Крашевский 2009: 328].

Рассказывая об истории Олельковичей, автор вспоминает имена знаменитых деятелей прошлого – онимы-ретроспекции: королей Сигизмунда II Августа, Стефана Батория, Владислава IV, Ягайло, князей Ольгерда, Гедимина, Витеня, Олельки и его потомков.

К именам-современникам (они соответствуют основному времени развёртывания действия исторической повести) относятся прозвания знаменитых шляхетских родов: князей Острожских, Сангушек, Вишневецких, Корецких, Рожинских, Горских, Соломорецких, Пузыней, Радзивиллов, Глебовичей, Головчинских, Ходкевичей, Мнишков, Сапег, Зеновичей.

Герои книги носят христианские имена иноязычного происхождения, заимствованные из греческого: Криштоф (греч. ‘тот, кто чтит Христа’ [Борис 2010: 31]), Александр (греч. ‘защитник людей’ [Борис 2010: 13]); Иероним (от греч. ‘священное имя’ [Борис 2010: 23]); Тереза (греч. ‘охотиться, ловить’ [Борис 2010: 69]); Юрий (от греч. Георгий ‘земледелец’ [Борис 2010: 50]); Софья (греч. ‘мудрость’ [Борис 2010: 68]), Николай (греч. ‘победитель народов’ [Борис 2010: 34]), древнееврейского языка: Томаш (др.-евр. ‘близнец’ [Борис 2010: 44]), Адам (др.-евр. ‘красный человек, земля, почва’ [Борис 2010: 12]), Ян (др.-евр. ‘Божья милость’ [Борис 2010: 51]), Мария (др.-евр. ‘возлюбленная, желанная’ [Борис 2010: 64]).

На страницах книги (в выдержках из древних документов) использованы языческие имена, которые долгое время сохранялись в славянском именослове: Витовт (балтск. ‘вести народ’) [Борис 2010: 21], Ягайло (балтск. ‘хороший ездок’) [Борис 2010: 45].

Адаптируясь к звуковому строю и грамматической системе старобелорусского языка, календарные имена иноязычного происхождения образовывали разговорные формы. Они представлены в ономастиконе исторической повести, являясь носителями коннотации национально-культурной специфики: За здоровье вашей жены пани Екатерины и вашей прекрасной дочери Настасьи, всего вашего рода! [Крашевский 2009: 161]; Посмотрите, – обратилась торговка Марыся к вратарнику – какой-то бедный молодой человек молится перед иконой нашей Богоматери и плачет! [Крашевский 2009: 238]. Выразителями коннотации национально-культурной специфики являются и формы звательного падежа: Приветствую, пане Станиславе! Что случилось? [Крашевский 2009: 156]; Заодно попробуем что-либо выведать от него, пане Адаме [Крашевский 2009: 164].

Репрезентантами коннотации социальности являются использованные в репликах героев повести Ю.И. Крашевскому присущие средневековому этикету апеллятивы пан (пани), князь (княгиня) в сочетании с личными именами – показатели высокого статуса представителей шляхты: Плохи, наверное, наши дела, пане Матей, когда уже в городе, в самом центре, строится крепость [Крашевский 2009: 187]; Бывшая детская привязанность князя Януша исчезла [Крашевский 2009: 310].

Коннотацию церковности представляют в повести православные и католические варианты имен в сочетании с апеллятивом отец – формы именования священников и монахов: «Уже немолодой, немного сгорбленный, высокого роста, отец Прокопий выглядел как священник-рыцарь» [Крашевский 2009: 317]; «У нас в коллегииуе ничего нового, – ответил отец Ян» [Крашевский 2009: 310].

Форма имени-поэтонима – показатель характера и тональности межличностных отношений. Интересными в этом смысле являются наблюдения за употреблением личных имен в повести Ю.И. Крашевского. Князь Януш Радзивилл, который женился на Софье Олелькович ради богатого приданого, избегает употреблять имя жены, не любит Софью, не сочувствует молодой женщине, которая заболела из-за одиночества и равнодушия мужа. И только во время последней встречи супругов перед ее смертью оживают человеческие чувства и в диалоге князя и княгини Радзивиллов впервые на страницах произведения употребляются их имена:

– Вот даже и сейчас, даже сейчас ты не можешь посидеть возле меня, не поговоришь со мной, как раньше... Всегда холодный Януш... Твоя душа не со мной...

Этот упрёк, первый в их жизни, разволновал Януша, он задрожал; вид Софьи поразил его. Теперь эти несколько слов, сказанных так ласково, это прикосновение тронуло его душу. Самоуверенность, жадность на минуту оставили его сердце, он видел перед собой Софью своего детства, Софью, которую любил братским сердцем, прежде чем там поселилась жажда наживы.

Он преклонил колени перед ней, взял ее руку и заплакал.

Софья увидела это, засияла радостью, расцвела, она не верила своим глазам:

– О, как же я несправедливо роптала на судьбу! – воскликнула она. – Господь милостив, он подарил мне перед смертью такие минуты! Спасибо тебе, Боже! Мне будет сладко умирать, Януш, ты еще помнишь о Софье, ты, может, помянешь её в своих молитвах! [Крашевский 2009: 310].

В XVI веке в Великом княжестве Литовском использовались отчества (патронимы), восходящие к древнему именованию, которым называли человека по именам его предков по мужской линии.

Такие формы использовались в высших слоях общества и не только идентифицировали личность, но и утверждали статус наследника богатого и влиятельного рода: *Нынешний Виленский воевода пан Радзивилл, имеющий сына Януша, женился на дочери князя Константина Васильевича Острожского* [Крашевский 2009: 169], *Софья была сестрой князя Симеона, отца князя Юрия, который является отцом нашей Софьи Юрьевны Олелькович, служкой княжны* [Крашевский 2009: 168].

В XVI веке знатные роды в Речи Посполитой имели **фамилии** – официальные именованья, передаваемые в наследство и указывающие на принадлежность человека к определенной семье. Часть фамилий-поэтонимов образована от форм канонических личных имен. Писатель-историк рассказывает о происхождении фамилии и о родословной семьи **Олельковичей**: *Софья Слуцкая происходила из старинного рода князей Олельковичей, которые вели свою родословную от внука великого князя литовского Ольгерда – Олельки (Александра) Владиславовича. Он воевал с татарами, участвовал в Грюнвальдской битве, подписал договор после войны Великого княжества Литовского и Польши с орденом крестоносцев* [Крашевский 2009: 166]. Формой канонического имени **Ходко** (от **Федор**) мотивирована фамилия магнатов **Ходкевичей**: *На стенах комнат висели портреты предков, начиная от Ходки, от которого вели свой род Ходкевичи* [Крашевский 2009: 188]. В основе фамилии **Корецкий** личное имя **Корец** «один из вариантов имени **Карп** (в переводе с греческого языка ‘плод’)» [Лемтюгова 2018: 178]. В основе фамилии **Хомец** личное имя **Хома** (каноническое **Фома**). Заимствовано славянами из древнееврейского языка, в переводе означает ‘близнец’. Суффикс *-ец* выполняет функцию выражения родственных связей [Лемтюгова 2018: 576]. Фамилии представителей шляхетских родов мотивируются языческими именами. Фамилия **Петкевич** образована от языческого имени **Петко** ‘пятый по счету’, указывающего на порядок рождения ребенка в семье [Бирилло 1965: 342]. В числе фамилий героев повести выделяются оттопонимические, образованные от названий поселений, правителями которых были представители знати, например, **Острожские**.

Средством характеристики и оценки персонажей – реальных исторических личностей – являются употребленные в повести **прозвища**. Описанием внешности и интеллектуальных способностей одного из приближенных Януша Радзивилла Томилы Томиловича является прозвище **Дубина**: *Томилу Томиловича при дворе прозвали Дубина, ведь он и вправду был могуч и крепок, как дуб, к тому же – тугодум* [Крашевский 2009: 182].

Смысловая нагрузка коллективного прозвища **Рад-живилы**, мотивированного значением белорусского глагола **живить** ‘обеспечивать чем-н. необходимым для существования, деятельности, развития; быть для чего-н. источником существования, деятельности, развития’ [Толковый словарь белорусского языка 1996: 201], раскрывается в контексте повести: *Шляхта вообще была морально испорченной. Пожалуй, вся она стала равнодушной к моральной оценке своих поступков, не служила тому, к чему была призвана, а слепо шла за хозяевами, которые ее поили, кормили и использовали в своих целях. Радзивиллы называли шляхту *szarkq* і *rarqk* – шапка и кашка, что означало братскую дружбу и богатый стол; вот такая шляхта и оставила заметный след в истории их рода. Князь Николай Радзивилл, постоянно повторял, что он называет Радзивиллов не иначе как **Рад-живилы*** [Крашевский 2009: 211].

Значительное место в ономастике исторической повести занимают так называемые «фоновые» онимы. Созданию исторического колорита способствуют употребленные в контексте повести устаревшие топонимы, которые были рассмотрены в соотношении с современными названиями. Семантическим археонимом является топоним **Литва**, который употребляется в значении ‘древнее государство, занимавшее земли между сегодняшними Новогрудком, Молодечно, Минском, Слонимом’. Фонетико-словообразовательные археонимы **Вильня** и **Троки** отличаются от современных наименований **Вильнюс** и **Тракай** особенностями звучания и словообразовательными аффиксами. Исторонимы – наименования объектов, исчезнувших с политической и географической карты, напр.: **Слуцкое княжество**, **Копыльское княжество**, **Речь Посполитая**, **Великое княжество Литовское**, **Курляндия**, **Инфлянты**.

В рассказе о роде Олельковичей использованы также эргонимы (**Орден Святого Базыля** ‘униатский орден базилиан’, **Трибунал** ‘высшее судебное учреждение в Великом княжестве Литовском’), геортонимы (**Белая неделя** ‘первая неделя после Пасхи у католиков’, **день Божьего Тела** ‘католический религиозный праздник, отмечается 22 июня’), библионимы (“**Хроника Бельского**”, “**Хроника Матей Стрейковского**”), документоним (**Статут Великого княжества Литовского**). Набожность персонажей повести передается благодаря употреблению в их речи имен Бога, святых, персонажей Священного Письма, наименований икон и др.: *Будем уповать на Бога, на то, что у нас такого еще не было, что не пойдет брат на брата, как Каин* [Крашевский 2009: 254]; *Бог терпеливо ждет, но будем надеяться, что истинная вера, вера чистого Священного Писания, победит идолопоклонников* [Крашевский 2009: 184]; *Над дверью кельи висела икона Святого Ксаверия, небесного покровителя ректора* [Крашевский 2009: 217]. Защитницей жителей Вильно XVI века, атмосфера которого была пронизана распрями, спорами и отсутствием согласия, была Остробрамская икона Божией Матери: *Уже в те времена икона Остробрамской Божией Матери была в большом почете у молящихся здесь людей, которые шли сюда со своими бедами и горем. Богоматерь со скрещенными на груди руками возвышалась над головами горожан и, казалось, притягивала к себе обиженных и плакала над ними* [Крашевский 2009: 237].

Историческая повесть Ю.И. Крашевского характеризуется стилистически мотивированным использованием ономастических единиц, передающих факты истории древнего рода Олельковичей. Важнейшими чертами ономастического пространства произведения писателя-историка является широкое использование имен реальных исторических личностей, а также соответствие смысловой нагрузки и форм именования героев словообразовательным типам и моделям антропонимикона XVI века. Культурно-историческую функцию выполняют в повести «фоновые» онимы (топонимы, теонимы, эргонимы и др.), выражающие пространственно-временные отношения и отражающие мировоззрение автора и персонажей произведения.

Список литературы

1. Барыс, С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны / С. Барыс. Мінск: Медысонт, 2010. – 124 с.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія : Прозвішчы, утвораныя ад апеялыўнай лексікі / М.В. Бірыла. Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Крашевский, Ю.И. Король в Несвиже. 1784; Последняя из слуцких князей / Ю.И. Крашевский; пер. с пол. языка и коммент. М. Кенько. Минск: Худ. лит., 2009. – 335 с.
4. Лемтюгова, В.П. Корни наших фамилий = Карані нашых прозвішчаў / В.П. Лемтюгова, И.О. Гапоненко. Минск: Звязда, 2018. – 672 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / І.М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск: БелЭн, 1996. – 784 с.

***

НАРУШЕНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ КОНВЕНЦИЙ В ТЕКСТАХ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СТРАТЕГИИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ А.А. Брыкова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. В статье описаны разные случаи нарушения ономастических конвенций в области антропонимики и зоонимики, отмеченные в текстах детской литературы 20–30-х гг. прошлого века. Показано, что в речи взрослых, в том числе повествователей-взрослых, подобные приемы имеют целью показать неконичность онима, в первую очередь зоонима, и сложную связь онимов и иерархической структуры общества, если речь идет об антропонимах. В речи детей примеры нарушения конвенций свидетельствуют скорее о слабой мотивированности акта

именования, а также становятся способом показать важность знаний базовых правил коммуникации, во избежание ошибок референции и коммуникативных неудач.

Ключевые слова: детская литература; ономастикон; антропонимы; зоонимы; ошибки референции; коммуникативные неудачи.

Ономастикон детской литературы, вне зависимости от рода и жанра этой литературы, принято рассматривать с позиции ее просветительской функции, отмечая традиционность антропонимов и зоонимов, которые позволяют сделать художественное пространство произведения более привычным для читателя-ребенка, познакомить его с основными правилами речевого этикета и социальной иерархии [см., например, Бардакова 2009].

Не оспаривая этот в целом правильный тезис, в представленной статье мы хотим особо рассмотреть случаи осознанного нарушения ономастических конвенций, которые довольно часто встречаются в произведениях авторов 20–30-х гг. XX в. – Е. Шварца, Д. Хармса, Н. Олейникова, А. Введенского и др., многие тексты которых печатались в ленинградских журналах «Чиж» и «Еж», бывших широко доступными детям старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

Указанный период крайне важен для становления канонов современной детской литературы, так как был периодом формирования новых литературных традиций, отражающих изменившуюся историко-культурную ситуацию. Появлялись новые жанры, осмыслялись допустимые границы литературной преемственности, менялся речевой этикет, важным элементом которого были и онимы. В этих условиях случаи нарушения ономастических конвенций представляются интересными и с прагматической, и с онтолингвистической точек зрения, так как позволяют судить и о специфике акта номинации как такового (через призму детских ономастических ожиданий в том числе), и о специфике эстетики детской литературы – в просветительском и художественном ключе.

Нарушение ономастических конвенций в проанализированных текстах не были частотны, хотя встречались как в речи героев-взрослых, так и в речи героев-детей и отличались довольно большим разнообразием языковых приемов. Здесь стоит отдельно оговорить случаи имплицитного повествования, когда имена героев становятся известны читателю-ребенку благодаря повествователю. В этих случаях примеры нарушения ономастических конвенций рассматривались как элемент взрослой речевой стратегии – взрослого-автора и взрослого-повествователя. Последнее становится возможным благодаря наличию в текстах особых маркеров «взрослого» повествования – прямых или косвенных обращений к читателю, например, а также благодаря элементам хронотопа, позволяющим сделать вывод, что повествователь – взрослый (как, например, в рассказе Д. Хармса «Профессор Трубочкин», действие которого происходит в редакции «Чижа», а саму историю, очевидно, рассказывает один из его сотрудников [Хармс 1997: 155–166]).

Случаи нарушения ономастических конвенций в речи детей и взрослых встречались в основном при употреблении зоонимов и антропонимов, частотность которых в текстах детской литературы значительно выше частотности других видов онимов. Выше частотность употребления зоонимов и антропонимов и по сравнению с текстами «взрослой» литературы, в силу чего они приобретают более высокую сюжетную значимость, особенно если речь идет о рассказах и повестях.

Так, в речи детей особый интерес представляют случаи именования референтов-животных одной группы онимами, характерными для представителей другой группы, объединенных в рамках одного гиперонима. Например, в повести Е. Шварца «Приключение Петьки Доценко и гуся Барбоса» главный герой называет гуся кличкой, традиционно закрепленной за собакой. Несмотря на то, что выбор такого непривычного для гуся имени мотивируется тем, что гусь кусается и ходит за главным героем, как собака [Шварц 1932: 7–8; 10–11], пример представляется показательным, так как сам факт возможности нарушить привычное для ребенка правило именования становится

способом понять конвенциональность языкового знака, особенно актуальную в случае имен собственных, связанных с референтом, но не с понятием.

Похожий пример находим в повести А. Введенского «О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке», где указанная конвенция нарушается трижды – два раза в области зоонимов, один – при использовании хрематонима:

*У девочки Маши была собака, кошка и кукла. Собаку звали **Петушок**, кошку – **Ниточка**, а куклу – **Елизавета Петровна**. <...>*

Собаку она назвала Петушком потому, что петухи кричат громче всех, а собака Петушок лает ещё громче петухов.

Кошку она назвала Ниточкой потому, что нитки бывают белые и чёрные, а у кошки Ниточки спинка была чёрная, а животик белый – вот Маша и назвала кошку Ниточкой.

А куклу она назвала Елизаветой Петровной потому, что у Маши была одна знакомая тётя Елизавета Петровна [Введенский 1956: 9–10].

Как видно из примера, здесь допускаются не только замены внутри одной тематической группы (животные – животные), но и внутри разных (животное – предмет), а также игра с этикетными вариантами имени (в случае с куклой Елизаветой Ивановной). Объяснение выбора именно таких имен для собаки, кошки и куклы, в свою очередь, вновь демонстрирует очевидно слабую мотивированность самого акта именования, так как признак, явно или ассоциативно положенный в основу онима, может быть почти случаен.

Что касается антропонимов, то их употребление в речи детей встречается не только применительно к игрушкам, что в целом ожидаемо, в силу их антропоморфности, но и применительно к животным. Здесь о своеобразном нарушении конвенций можно говорить в первую очередь в случае текстов сказок.

Использование антропонимов в сказочных жанрах – давняя традиция, легитимированная установкой на всю ту же антропоморфность героев сказок о животных, однако в тех примерах, которые были обнаружены в исследованном материале, речь шла либо о нетрадиционных героях (муравей Андрей, например) либо об именовании привычного для сказки героя именем, в рамках фольклорной традиции ему не свойственным (медведь Петя):

Один мальчик рассказывал детям сказку (он её, наверно, сам придумал). Маша остановилась возле него и тоже стала слушать.

*– Жил-был в муравейнике муравей, – рассказывал мальчик. – Звали муравья **Андрей** [Введенский 1956: 62].*

Примечательно то, что приведенные примеры взяты из несамостоятельных сказочных текстов, а из сказок, вставленных в тексты реалистических повестей. Авторами этих сказок выступают герои-дети, поэтому нарушение ономастических конвенций можно трактовать двояко: с одной стороны как признак изменения канонов сказочного жанра, встраивающегося в изменившийся же культурный контекст, с другой стороны, как маркер смены нарратива – перехода из области реалистического повествования в область повествования сказочного.

В речи взрослых также встречаются примеры нарушения конвенций в области зоонимики, которые вновь демонстрируют неиконичность онимов, но используют для этого междометия и псевдослова: *Жила была очень умная собака. Звали ее **Бубубу** [Хармс 1997: 180]; **Крокодил** во весь опор помчался за Макаром и разом схватил несчастную **Ве-ме-ту-си-кату-ли-хату (по-русски, Жучку)** [Олейников 1929, 6: 34].*

Одновременно с этим последний пример из текста Н. Олейникова показывает, что конвенциональность имени не означает обязательно его отрыва от традиции, причем традиции культурно ориентированной. Это, с одной стороны, свидетельствует об усложнении акта номинации, так как предполагает возможность именования одного и того же референта двумя онимами, с другой – демонстрирует, что для каждого языка существуют свои ономастические традиции, обнаруживающие точки пересечения (возможность условного перевода онима с языка на язык).

Что касается языковых приемов, связанных с использованием антропонимов, то они в целом схожи с приемами, обнаруженными в области зоонимики, но обладают явно иной прагматической нагрузкой, так как антропонимы больше зоонимов связаны с внеязыковой реальностью. Если нарушение конвенций в зоонимике следует трактовать в первую очередь с точки зрения специфики имен собственных как языковых единиц лексикона, и лишь потом как маркеров той или иной традиции, то в случае с антропонимами необходимо учитывать сложную иерархическую структуру человеческого общества, и, как следствие, большой набор правил речевого этикета.

Показательно, что собственно языковые приемы при использовании антропонимов встречались только в речи взрослых, например, в стихотворении Д. Хармса, где главного героя зовут то Амадей Николай Фарадон, то Николай Амадей Фарадон [Хармс 1997: 51]. Несмотря на то, что в русской традиции последовательность элементов антропонима – имя – отчество – фамилия – регламентирована только с точки зрения стилистики, последовательность элементов имени, если оно двойное, нарушаться не может, во избежание ошибок референции и возникновения ситуаций референциальной неопределенности. Нарушение этой конвенции в стихотворении Хармса, по-видимому, является одним из признаков абсурдистской эстетики, для которой неопределенность ситуации становится ключевым элементом.

Помимо собственно языковых приемов, в речи героев-взрослых (повествователей-взрослых) встречаются и случаи нарушения этикетных конвенций, встраивающие антропоним в сложную социальную иерархическую систему. Например, при использовании двойных номинаций к одному референту, отражающих разные роли референта:

Музыканты забренчали,

Люди в зале замолчали.

Посмотри на Арлекина-Кольку!

Вот он с Ниной-Коломбиной

Пляшет польку [Хармс 1997: 14].

Подобные примеры, на наш взгляд, могут быть отнесены к нарушению ономастических конвенций, так как разные антропонимы здесь появляются в одном контексте, т.е. уравниваются в своем коммуникативном и стилистическом статусе.

То же можно наблюдать и при использовании в качестве однородных официальных имен и прозвищ или только фамилий и только имен и отчеств: *Палкарлыч подошёл к котлу и начал выкрикивать имена. – Иван Мухин! Нина Вережкина! Фекул Карпузов! <...> Громкоговоритель! Громкоговорителем звали Сережу Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух... [Хармс 1997: 107–108]; На шум в редакцию Чижя собрались люди со всего издательства. Пришли: водопроводчик Кузьма, и типограф Петров, и переплетчик Рындаков, и уборщица Филимонова, и лифтер Николай Андреич, и машинистка Наталья Ивановна [Хармс 1997: 163–164].*

Последний пример можно назвать нарушением ономастической конвенции лишь отчасти, потому что он в целом отражает реальное состояние ономастической системы, в ее восприятии детьми, в окружении которых, особенно в устном общении, одних людей принято называть только по имени, других – по имени и отчеству, а третьих – по фамилии (использование всех трех элементов антропонима характерно для относительно искусственных письменных и устных речевых жанров). Одновременно с этим подобное употребление онимов вновь возвращает нас к вопросу об иконичности / неиконичности имени собственного, которое, в отличие от имени нарицательного, не связано с понятием, а значит, «не принадлежит» референту. Особенно хорошо это видно в случаях ошибок референции, встреченных в речи детей, где герои-дети называют взрослых случайными антропонимами: *Дадут [полетать на самолете – А. Б.], – сказал Колька, – у меня там знакомый авиатор. – Знакомый? А как его зовут? – спросил Петька. – Очень просто – Павел Иванович, – сказал Колька. <...> Колька же постоял-постоял и снова сказал: – Здравствуйте, Павел Иванович. Авиатор посмотрел тогда сначала на Петьку, потом на Кольку, а потом*

сказал, почесывая одной ногой другую ногу: – Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю [Хармс 1997: 117–119].

Подобные коммуникативные неудачи, в свою очередь, хорошо демонстрируют не только и не столько правила речевого этикета, сколько несвязанность антропонима и референта, невозможность, даже гипотетическую, приписать человеку (в отличие от животного, например) того или иного имени, и, как следствие, необходимости узнавать и запоминать личные имена.

Таким образом, случаи нарушения ономастических конвенций в текстах детской литературы 20–30-х гг. позволяют говорить о том, что просветительская функция ономастикона детской литературы выходит за пределы традиционных представлений об онимах как маркерах жанра или героя и способностей создания исторической достоверности, упрощающей читателям-детям знакомство с сюжетом. Случаи использования нетрадиционных онимов или нарушения правил именования как животных, так и людей встречаются и в речи героев-взрослых, и в речи героев-детей, однако в речи взрослых (в том числе в речи повествователя-взрослого) обнаруживаются более сложные языковые приемы, которые позволяют, в первую очередь, понять неиконичность онима, слабую мотивированность самого акта номинации, во всяком случае применительно к зоонимам. Нарушение ономастических конвенций при использовании антропонимов имеют целью продемонстрировать как базовые принципы коммуникации (случаи нарушения последовательности элементов имени, способные привести к ошибкам референции), так и социальную структуру общества, которую антропонимы так или иначе отражают.

В речи детей, напротив, нарушение ономастических конвенций становится маркером выхода за границы базовых требований именования, за границы жанрового канона, что, в случае антропонимов, может привести к коммуникативным неудачам. Подобным приемам можно приписать не только и не столько эстетическую, сколько метаязыковую функцию, потому что даже в случае отсутствия метапоказателей они апеллируют в том числе к языковым ожиданиям читателя-ребенка, заставляя осмыслять тот или иной оним и ситуации его использования в языковом ключе.

Список литературы

1. Бардакова, В.В. Ономастикон русской детской литературы / В.В. Бардакова // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. – С. 17–19.
2. Введенский, А.И. О девочке Маше, о собаке Петушке и о кошке Ниточке / А.И. Введенский. М.: Детгиз, 1956. – 128 с.
3. Олейников, Н. Макар Свирепый в Африке / Н. Олейников // Еж: Ежемесячный журнал для детей младшего школьного возраста. 1929. № 6. – С. 34–36; № 7. – С. 30–32.
4. Хармс, Д.И. Полное собрание сочинение. Том 3: Произведения для детей / под ред. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. – 351 с.
5. Шварц, Е. Приключение Петьки Доценко и гуся Барбоса / Е. Шварц // Чиж: Ежемесячный журнал для детей младшего возраста. 1932. № 6. – С. 8–11; № 7–8. С. 10–12; № 9–10. С. 10–12; № 11–12. – С. 10–12; 1933. № 1. – С. 10–12; № 2–3. – С. 10–12.

***

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЛИРИКЕ Г. АДАМОВИЧА

А.Н. Верещагина, О.Н. Верещагина

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны (Ярославль, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей функционирования имен собственных в лирических произведениях Г. Адамовича. Приводится классификация онимов, выделяются группы имен собственных, относящиеся к ядру ономастического пространства.

Ключевые слова: лирические произведения, топоним, антропоним, ономастическое пространство.

Изучение творчества автора предполагает обращение к различным аспектам. Особый интерес представляет отражение мировоззрения поэта (писателя) в созданных им произведениях: сюжете, образах, языке. Предметом нашего исследования стали имена собственные в лирике Г. Адамовича. При анализе мы не рассматривали переводы, так как в них оказывают взаимное влияние друг на друга автор исходного текста и переводчик. В проанализированных стихотворениях были выявлены следующие группы имен собственных (163 слова общим количеством словоупотреблений 311): теонимы, наименования символов веры и христианских праздников, библионимы, мифонимы, названия жанров литературных произведений, кароним, идеонимы, астронимы, обозначения абстрактных понятий, топонимы, антропонимы.

Употребляемые в лирических текстах Г. Адамовича теонимы относятся к одной религии – христианству. В стихотворениях встречаются такие лексемы и словосочетания, как *Бог* (22), *Боже* (2), *Господи* (2), *Господь* (2), *Отче наш* (1), *Царь* (1), *Царь Христос* (5). Многие из указанных теонимов употребляются в составе устойчивых сочетаний. Так, *Бог* используется в составе сочетаний *Бог с ними* (1), *милостью Бога* (1), *видит Бог* (1), синонимичных выражений *Бог вест* (2) и *Бог знает* (1); *Боже* в сочетании *Боже мой*; *Господь* в *храни Господь*, *Господь наказал* (варианты выражений «храни Бог», «Бог наказал»). Наряду с вышеперечисленными встречаются и сочетания лексемы *Бог* с прилагательными: *Бог милосердный* и *оставленный Богом*, синонимичное выражению «забытый Богом». В контексте поэтических произведений Г. Адамовича Бог, с одной стороны, представляется всемогущим, милосердным, способным подарить человеку счастье, отпущение грехов и освобождение от душевных мук (*Кто-нибудь умоляет Бога / Прощение дать и блаженство* [Адамович 2015: 137]; *Теперь уж скоро нам придут помочь // Милостив Бог!* [Адамович 2015: 150]). С другой стороны, Бог предстаёт также и судьёй, встреча с которым заставляет лирического героя задуматься о том, достойной ли была его жизнь (*Там, на суде, – что я отвечу Богу / Когда настанет мой черед?* [Адамович 2015: 139]). Таким образом, вера даёт человеку правильные жизненные ориентиры, а неверие карается вечными муками (*Не знал и не верил в Бога // Так, видно, мне суждено / Но ветер принес тревогу / В высокое мое окно. <...> И дорога вьется из ада / Через пыльные облака // А рекам уж нет истока / И воздух – тяжелый свинец // Я стою у высоких окон / И знаю: это конец.* [Адамович 2015: 116]).

С прописной буквы пишутся и образованные от теонимов прилагательные *Божеский* (1), *Божий* (1), *Господний* (1), *Христов* (1) и местоимение *Твои*, используемое при обращении к Богу. Перечисленные выше особенности функционирования в стихотворных текстах Г. Адамовича наименования Бога, адъективов и местоимения передают отношение поэта к религии.

Немногочисленные по составу группы онимов, также относящихся к христианской религии, включают названия символов веры (*Распятые* (1), «*Спаситель на водах*» (1), *Угодник* (1)), церковных праздников (*Успеные* (1), *Второе* (1), *Пятница* (1)) и библионимы (*Иуда* (1), *Саломея* (1), *Богородица* (1), (1)). При этом среди библионимов один представляет собой перефразистическое выражение (*Врагиня ада*), подчеркивающее противопоставленность Богоматери и «лукавого», ее роль спасительницы (*Помоги, Врагиня ада / От лукавого уйди!* [Адамович 2015: 110]).

Достаточно большую категорию представляют собой мифонимы, называющие персонажей греческой мифологии, германско-скандинавского, кельтского эпосов: *Аяксы* (1), *Гудруна* (2), *Елена* (2), *Изольда* (3), *Муза* (4), *Орфей* (1), *Тристан* (1), *Хлоя* (1), *Эвридика* (1). Один мифоним служит заглавием стихотворения (*Зигфрид* (1)). Такой круг имен позволяет говорить об интересе поэта к определенным культурам.

Отдельные имена собственные образуют небольшие группы. Онимы в составе этих групп употребляются в текстах один раз. К таким лексемам относится наименование жанра литературных произведений *Tristia* (скорбные элегии), кароним «*Лузитания*», идеонимы «*Коль славен*», *Марсельеза*, «*Очи черные*». Названия музыкальных произведений способствуют созданию определенного образа. Так, гимн «Коль славен» ассоциируется у лирического героя с родиной, сама мысль о возвращении в которую, пусть и невозможном, делает его счастливым (*Когда*

мы в Россию... колышется счастье в бреду / Как будто «Коль славен» играют в каком-то приморском саду [Адамович 2015: 76]). *Марсельеза* связана с образом Наполеона Бонапарта (*и знамена / Под звон победоносной Марсельезы / Поникли до земли / <...> И невдалеке / Увидел человека я. Под ним / Ступал неторопливо белый конь / <...> Но он / Был в сером сюртуке и треугольной / Потертой шляпе...* [Адамович 2015: 140–141]). Музыка отражает внутреннее состояние персонажа. Не случайно влюбленный герой поэмы «Вологодский ангел» поет романс: *будто веселее Алеша стал // Подойдет вдруг, поцелует, говорит, что жить хорошо / А однажды – и вспомнить дивно! – «Очи черные» он запел* [Адамович 2015: 182].

В лирических произведениях упоминаются и космические тела, такие как *Венера* (3) и *Млечный путь* (1). Причем астроним *Венера* имеет варианты употребления: *Венера-звезда* и *звезда-Венера*. Венера в произведениях Г. Адамовича становится спутницей одиночества, предзнаменованием близкой гибели лирического героя. (*Царица неба – Венера, <...> Я спросил: «царица / Ты зачем посетила лагерь?» // Но безмолвно она глядела / За холм, и мне показалось, / Что вестницы смерти смотрят / Так на воинов обреченных.* [Адамович 2015: 136]; *Ты останься со мною, грусть, / И белая Венера-звезда, / А людей не хочу... Пусть / И они забудут меня* [Адамович 2015: 171]).

Как имена собственные функционируют в текстах названия абстрактных понятий: *Верность* (1), *Добро* (1), *Надежда* (1), *Слава* (1). Думается, что небольшое количество словоупотреблений обусловлено ролью данных понятий в конкретном тексте.

Одну из самых больших групп имен собственных в лирических произведениях Г. Адамовича представляют топонимы (53 общим количеством словоупотреблений – 91): *Адмиралтейство* (2); *Альпы* (1); *Акрополь* (1); *Америка* (1); *Арколь* (1); *Архангельск* (1); *Архипелаг* (1); *Аустерлиц* (1); *Афины* (2); *Балтийское море* (1); *Брест* (1); *Бродвей* (1); *Вавилонские стены* (1); *Валаам* (1); *Варишава* (1); *Ватерло* (1); *Версаль* (1); *Волково успокоенье* (1); *Вологда* (1); *Волхов* (1); *Днепр* (1); *Елисейская арка* (1); *Елисейский поля* (1); *Енисей* (1); *Исландский берег / брег* (2); *Кавказ* (1); *Кирилловский родник* (1); *Китай* (1); *Кремль* (3); *Летний сад* (1); *Любань* (1); *Манчжурья* (1); *Марна* (1); *Монмартр* (1); *Москва* (8); *Нева* (6); *Ниагара* (1); *Новгород* (1); *Норвегия* (2); *Париж* (5); *Петербург* (3); *Псков* (1); *Рейн* (2); *Россия* (11); *Русь* (2); *Сена* (1); *Сибирь* (2); *Скалы Елены* (1); *Тале* (2); *Троице-Сергий* (1); *Троя* (2); *Углич* (1); *Kufsteiner Platz* (1). Наиболее часто в текстах употребляются топонимы *Москва*, *Нева*, *Париж*, *Россия* (менее употребителен вариант *Русь*). Большое количество повторов позволяет говорить о важности этих образов в творчестве автора, что обусловлено его вынужденной разлукой с родиной. Примечательно, что лексема *Петербург* встречается в текстах только 3 раза. Однако в стихотворениях упоминаются урбанонимы и гидронимы, ассоциирующиеся с городом. Из перечисленных выше слов и словосочетаний два называют города, которые связаны одновременно с происходившими в действительности историческими событиями и теми, о которых речь идет в мифах (*Троя*) и Библии (*Вавилонские стены*). Еще одной специфической чертой является то, что наименования объектов могут носить описательный характер (*Вавилонские стены* – Вавилон; *Волково успокоенье* – Волковское кладбище в Санкт-Петербурге; *Исландский берег / брег* – Исландия; *Скалы Елены* – остров Святой Елены). Причем таким образом названы различные по масштабу пространства: город, страна, остров, внутригородской объект. Употребляемые в текстах топонимы создают своего рода «карту», на которой представлены не только разные государства, но и разные континенты. При этом и среди топонимов в целом, и среди урбанонимов в частности преобладают европейские и русские наименования (*Адмиралтейство*, *Акрополь*, *Бродвей*, *Версаль*, *Волково успокоенье*, *Елисейская арка*, *Елисейские поля*, *Кремль*, *Летний сад*, *Монмартр*, *Троице-Сергий*, *Kufsteiner Platz*). Интересно, что посредством топонимов поэт не только очерчивает определенные территории, но и отграничивает временные отрезки, относящиеся к периодам от Древней Греции до XX века.

Три топонима встречаются в заглавиях текстов. Из них два называют реально существующие объекты (*Воробьевы горы*; *Марсово поле*), один заимствован из пьесы Г. Ибсена (*Росмергсгольм*). Интересно, что урбанонимы в заглавиях, называющие части Москвы и Санкт-Петербурга, играют

роль точки, с которой лирический герой смотрит на город (*Я вижу город в голубой купели / Там белый Кремль – замоскворецкий стан / Дым, колокольни, стены, царь-Иван / Да розы и чахотка на панели // <...> Лежит Москва* [Адамович 2015: 134]) или начинает своё движение (*Сияла ночь // Налево над рекой / Остановился мост ракетой белой // О чем нам говорить? Пойдем со мной / По рюмке коньяку, да и за дело* [Адамович 2015: 158]). В свою очередь *Росмерсгольм* не только обозначает место, где происходят события, описываемые в тексте, но и является своеобразным маркером: заголовок отсылает читателя к произведению, герои которого страдают из-за любви, вины и в конце концов погибают, бросившись с моста в водопад. Один топоним встречается в эпиграфе *Sulmo mihi patria est* (Город родной мой – Сульмон [Адамович 2015: 577]), предваряющем текст, в котором упоминается Москва – город, где родился поэт.

Интересно, что в стихотворных текстах Г. Адамовича встречаются 20 прилагательных, образованных от топонимов, общим количеством словоупотреблений 22: *американский* (1), *балтийский* (1), *вологодский* (1), *германский* (1), *греческий* (1), *закарпатский* (1), *замоскворецкий* (1), *италийский* (1), *корнуэльский* (1), *ладожский* (1), *лондонский* (1), *московский* (1), *мюнхенский* (1), *невский* (3), *персидский* (1), *петербургский* (1), *рязанский* (1), *троянский* (1), *турецкий* (1), *халдейский* (1). Они используются поэтом для указания на принадлежность к определенной стране, городу, территории. Прилагательные могут сочетаться с существительными, называющими местность, предмет, человека, животное, мероприятие (*закарпатские поля, московская губерния, италийские дали, троянские суда, греческая лира, сноба лондонского, мюнхенский пир, корнуэльские лебеди*).

Атропонимикон лирики Г. Адамовича включает имена как реально существовавших людей, так и вымышленных персонажей. К первой подгруппе относятся 56 слов и словосочетаний общим количеством словоупотреблений 61: *Абрамыч* (1), *Августа Филипповна* (1), *Александр* (1), *Байрон* (1), *Бахрах* (1), *Баязет* (1), *Блок* (1), *Вера Васильевна* (1), *Владимир Андреич* (1), *Волков* (1), *Гингер* (1), *Гоголь* (1), *Гомер* (1), *Гончарова* (2), *Государь* (1), *граф фон-дер Пален* (2), *Грибоедов* (1), *Григ* (1), *Дмитрий* (1), *Дюбарри* (1), *Дюпон* (1), *Жорж Бизе* (1), *Игорь* (1), *Игорь Демидов* (1), *Демидов* (1), *Император* (1), *Кавальери* (1), *Калишевич* (1), *Клеопатра* (1), *Кобецкий* (1), *Колька* (1), *Кропоткин* (1), *Кулишер* (1), *Кутырина* (1), *Ладинский* (1), *Ленин* (1), *Лермонтов* (1), *Ляля* (1), *Маккензен* (1), *Марина* (1), *Марк Александрович Алданов* (1), *Осоргин* (1), *Павел* (1), *Присманова* (1), *Пушкин* (1), *Ратнер* (1), *Сарач* (2), *Седых* (1), *Ступницкий* (1), *Тангейзер* (1), *Хасаниды* (1), *царь-Иван* (1), *Чайковский* (1), *Червинская* (1), *Шальнев* (2), *Шекспир* (1), *Эразмус* (1). Перечисленные выше именованные используются для обозначения деятелей истории, культуры, современников Г. Адамовича и живших задолго до него. Поэт не придерживается определенного способа называния лиц, применяя различные сочетания: имя; фамилия; имя + фамилия; имя + отчество; имя + фамилия + отчество; титул + имя; титул + фамилия. В списке особо выделяются нарицательные существительные, перешедшие в собственные и указывающие на титул (*Государь, Император*). При этом из контекста читатель понимает, о каком персонаже говорит автор: *Николай II (Крушение русской державы / И смерть Государя, и Брест / Наследникам гибнущей славы / Нести тяжелее, чем крест*. [Адамович 2015: 231]) и Наполеон Бонапарт.

Подгруппа именованных вымышленных персонажей содержит 18 лексем и словосочетаний количеством словоупотреблений 85: *Алексей* (1), *Алеша* (33), *Анна* (2), *Беляр* (6), *Ваня* (2), *Воздвиженская попадьа* (1), *Вронский* (1), *Всадник* (1), *Гамлет* (1), *Ильина* (5), *леди Макбет* (1), *Мария* (1), *Ороль* (7), *Павел Синельников* (1), *Павел* (1), *Пелагея Львовна* (19), *Царь-девица* (1), *Шемаханская царица* (1). При этом поэт не только создает собственных героев (*Беляр, Ороль, Алеша, Пелагея Львовна*), но и включает в свои произведения персонажей из русской (*Всадник, Анна, Вронский, Шемаханская царица*) и европейской литературы (*Гамлет, леди Макбет*). Высокая частотность употребления имен *Алеша* и *Пелагея Львовна* связана с многократным повторением их в самом большом поэтическом произведении Г. Адамовича – поэме «Вологодский ангел». Интересно, что среди вымышленных персонажей только Пелагея Львовна названа

по имени и отчеству, что, возможно, должно указывать на возраст героини и ее отношения с сыном. Из созданных автором внесценических действующих лиц одно именуется через объект, в котором проживает / к которому относится (*Воздвиженская попадьа*). При этом в лексическое значение антропонима привносятся негативные коннотации, создается сниженный образ, вызывающий иронию (*Да и Пелагея Львовна не умнее сына была / Не в гимназии училась – у Воздвиженской попадьи*. [Адамович 2015: 182]).

Одно и то же лицо в рамках стихотворного текста может иметь варианты обозначения. Примеры такой вариативности встречаются в обеих подгруппах антропонимов: *Игорь Демидов / Демидов, Павел Синельников / Павел и Алеша / Алексей*. Последний из приведенных примеров позволяет автору подчеркнуть различия в отношении к одному и тому же персонажу: любовь матери (*Алеша*) и отчужденность соседей (*Алексей*).

Антропоним используется и при обозначении принадлежности, при этом от имени собственного образовано притяжательное прилагательное (*Верино царство, Приамовы стада*). В одном случае посредством словосочетания создается метафора (*Чуть Вера Васильевна выпорхнет в двери / Сейчас же и Шальнев в ту самую дверь // Была Клеопатра // Была Кавальери // По Шальневу Верино царство теперь* [Адамович 2015: 223]), во втором случае называется конкретный предмет. В текстах также использовано относительное прилагательное, образованное от имени собственного *нобелевский (нобелевский конкурент)*.

При анализе лирических произведений не входили в подсчет имена собственные, употребляемые в эпиграфах (*А. Блок* (1), *Ин. Анненский* (1), *Овидий* (1), *Пушкин* (2)), посвящениях (*Анна Ахматова* (1), *В. Ф. С.* (1), *Георгий Иванов* (1), *З. Г.* (1), *Н. Р. С.* (1)), заглавиях (*Вагнер* (2), *Ирина Одоевцева* (1), *М. Ц.* (1)). В посвящениях при обозначении адресатов стихотворений отсутствует упорядоченность: лицо названо по имени и фамилии или указываются только инициалы. Также нет единства и в случае, когда антропоним выполняет роль заголовка или его части: употребляются только фамилия, имя + фамилия или инициалы. В стихотворении, названном «Памяти М. Ц.», в заглавии скрыта информация о том, кому посвящает свои слова поэт, но в самом тексте имя адресата названо: *Поговорить бы хоть теперь, Марина!* [Адамович 2015: 239].

Проведенный анализ показывает, что в ономастическом пространстве лирических произведений Г.В. Адамовича выделяется несколько групп, при этом ядром являются топонимы и антропонимы. Преобладание среди имен собственных, относящихся к данным группам, номинаций реальных географических объектов, реальных людей отражает стремление поэта воссоздать наиболее важные для него образы, быть как можно более точным при описании событий прошлого и современного ему настоящего, создать ощущение реалистичности изображаемого.

Список литературы

1. Адамович, Г. В. Собрание сочинений: В 18 т. Т. 1: Стихи, проза, переводы / Вступ. статья, сост., подгот. текста. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Дмитрий Сечин, 2015. – 640 с.

***

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ПАРЕМИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ)

Е.В. Генералова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-42008 «Пословицы и поговорки как культурный феномен языковых реформ Петровского времени (ретроспектива и перспектива)».

Аннотация. В статье рассматривается функционирование географических названий в паремиях Петровской эпохи; дается общая характеристика материала, его классификации

по различным параметрам, делаются выводы о специфике использования топонимов в пословицах рубежа XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: топоним; пословица; поговорка; Петровская эпоха; лингвокультурология; ономастика; паремнология.

Использование имен собственных во фразеологизмах и паремиях – активно обсуждаемая исследователями тема: в работах М.Л. Ковшовой, В.М. Мокиенко, О.В. Ломакиной и др. описываются функции и состав онимов в разных типах устойчивых выражений, лингвокультурологическая составляющая таких единиц, проводится сопоставительный анализ фразеологизмов пословиц и поговорок, содержащих имена собственные, в различных языках. Исследователи подчеркивают особую роль топонимов в пословицах: «топоним несет в себе характер самобытности, в нем помимо исторических, территориальных и природно-географических особенностей условий жизни народа, отражается национальный менталитет, запечатленный в традициях, обычаях, фольклоре» [Путова 2008: 117].

Настоящая статья продолжает тему функционирования онимов в пословицах Петровского времени [Генералова 2021] и посвящена описанию специфики использования географических названий в паремиях в истории языка. В статье ставится задача общей характеристики материала, его классификации по различным параметрам и изучения специфики использования топонимов в пословицах рубежа XVII–XVIII вв. Пословицы изучаются по самому раннему из дошедших до нашего времени сборнику пословиц и поговорок, а именно «Рукописному сборнику пословиц, поговорок и присказок Петровского времени», помещенному в «Старинном сборнике русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий» П.К. Симони [Симони 1899: 172–216]; анализируемое собрание сам П.К. Симони на основе рассмотрения рукописи датирует следующим образом: «составляться наш сборник начал за несколько лет до 1700 года и закончен был около 1730 года» [Симони 1899: 168].

В сборнике пословиц раннепетровского времени из собрания П.К. Симони зафиксировано 38 паремий, содержащих географические названия. Это относительно незначительная часть от общего количества пословиц (38 из 2755): немногим более 1 процента (1,4%), т.е. такой тип пословицы нельзя назвать распространенным. Следует отметить, что паремий, содержащих топонимы, существенно меньше, чем паремий с антропонимами (ср. антропонимы включены в 206 половиц сборника), т.е. географические названия – менее распространенный в пословицах разряд имен собственных, чем, в частности, личные имена.

Состав входящих в паремии Петровского времени топонимов является достаточно пестрым и включает разные виды географических названий: названия городов (зафиксированы в 19 паремиях) (*Москва, Тула, Кашира, Калуга, Киев, Новгород, Астрахань, Азов, Смоленск, Архангельский город, Ярополь, Афины*), водных объектов (зафиксированы в 6 паремиях) (*Волга, Ока, Дунай*), стран (зафиксированы в 5 паремиях) (*Русь, Персида, Египет, Италия*), областей (зафиксированы в 7 паремиях) (*Запороги, Крым, Сибирь*), гор (зафиксированы в 2 паремиях) (*Фавор, Афон*), сторон света (зафиксированы в 1 паремии) (*Азия, Африка*), улиц (зафиксированы в 1 паремии) (*Арбат*). Некоторые пословицы включают не один, а несколько географических названий: *Азовь не о сте глазов а Крымь не кривь; Азовь был славень, Смоленскъ страшен, а Вилна дивна; Гуси летять с Руси, а сароки в Запороги; Тула зипуны здула а Кошира в рагожи обишла; Новь городъ нижней сосед Москвь ближнй; Волга плыт долго, а Дунай широко*. В нескольких паремиях топоним соседствует с антропонимом: *Мажеть Климъ телегу, гдѣтъ в Крым по рѣпу, Пловеть Фома по Волге будет онъ не в долге*. Есть частотные в паремиях топонимы: *Волга* (зафиксирован в 4 паремиях), *Крым* (зафиксирован в 4 паремиях), *Москва* (зафиксирован в 3 паремиях).

Среди топонимов большинство обозначают географические объекты на территории России, преимущественно в средней полосе и в Поволжье (*Москва, Тула, Кашира, Калуга, Новгород, Астрахань, Волга*), но есть и более удаленные (*Азов, Крым, Сибирь*). В меньшинстве топонимы,

называющие географические объекты за границами России (*Афины, Египет, Персида, Фавор, Афон*). Набор этих географических названий очень ярко демонстрирует антропоцентричность языковой картины мира: русские паремии Петровского времени отражают геополитическую ситуацию рубежа XVII–XVIII вв., частотными являются топонимы, называющие территориально, экономически и культурно значимые для жителя России этого периода объекты.

Исследователями предлагались различные классификации топонимов с учетом роли этих единиц в паремиях и, соответственно, пословиц, включающих географические названия, с точки зрения семантики. М.А. Бредис и О.В. Ломакина, рассматривая пословицы с географическим компонентом на широком сопоставительном языковом материале, выделяют по особенностям функционирования в пословицах «топонимы как символы и мерило значимости и длительной богатой истории; топонимы как образ цели, пункта назначения; топонимы и их характеристики в связи с богатством и деньгами» [Бредис, Ломакина 2018: 118]. Убедительной представляется подробно разработанная семантическая классификация пословиц с географическим компонентом, предложенная И.Н. Путовой на основе анализа русских и испанских паремий [Путова 2008]; в настоящей статье для содержательного анализа паремий, включающих топонимы, за основу взята именно эта типология.

Среди паремий с географическими названиями отчетливо выделяются следующие группы:

1) паремии, актуализирующие особенности природно-географической среды: *Новь городъ нижней сосед Москвь ближнй; Астраханъ далеке а Сибирь и дале того; Архангельскои городъ всему морю воротъ; Волга плыт долго а Дунай широко;*

2) паремии, отражающие качественную (пусть, как правило, и субъективную) характеристику топообъекта: *Азия Африки честнѣе а августъ марта теплѣе; Живучи на Москвь пожить и в тоскъ; Москва что доска. спать широка да везде гнетет; Азовь не о сте глазов а Крымь не кривь; Азов был славень, Смоленскъ страшен, а Вилна дивна; Большой в дому, что хань в Крыму; Гонецъ из Крыму что таракан из дыму; Жить в Крыму, что суме в дыму; Казакъ въ Запорогахъ что пень при дорогахъ; Афонъ гору познать кому в пору;*

3) паремии, актуализирующие факты материальной культуры, характерные для определенного населенного пункта: *Мажеть Климъ телегу, гдѣтъ в Крым по рѣпу; Абаса в Персиде краса; Жить в обиде что со львом в Персидѣ; Египетъ пшеномъ Италия виномъ; Астраханъ арбузами а мы гологузами; Ерополь со льномъ а мы с полотномъ; Москва стоит на болотъ а ржи в нѣи не молотят; Кошира в рогожи насъ обишла а Тула в лапти обула; Тула зипуны здула а Кошира в рагожи обишла;*

4) паремии, в которых отражается история народа: *Рано Татаромъ на Русь ити: Новь городъ щекочот в поезду гхатъ не хочотъ;*

5) паремии, в которых географический компонент связан с другими элементами пословицы созвучием, случайной рифмовкой: *Два брата с Арбата; Афины уже что авины; Пловеть Фома по Волге будет онъ не в долге; Гулял млад вниз по Волге да набрель смерть вниз невдолге.*

Можно видеть, что наиболее многочисленными являются вторая и третья группы; в этих паремиях ярко проявляются национальная и историческая лингвокультурологическая составляющая. Это было отмечено уже в одной из первых научных работ, посвященных публикации П.К. Симони. В рецензии на сборник, вышедшей в «Известиях Отделения Русского языка и словесности императорской Академии наук» в 1900 г., П.А. Ровинский называет эту отчетливую национально-культурную ориентированность паремий Петровского времени «физическим кругозором русского человека»: «из русских местностей Москва вспоминается с точки зрения эксплуатации ею внутренней России: *Живучи на Москвь пожить и в тоскъ; Москва что доска, спать широка да везде гнетет...* О Великом Новгороде отзывается так, намекая на его бывшую непокорность Москве: *Новь город щекочот в поезду ехатъ не хочотъ ... Жить в Крыму что в сумъ в дыму и Гонецъ из Крыму, что таракан из дыму* указывает на далеко не добрые отношения к нему, и он [Крым] имеет большую силу, поэтому говорится: *Большой в дому, что хань в Крыму*» [Ровинский 1900: 303]. Действительно, «физический кругозор русского человека»

ощущается чуть ли не в каждой паремии. Так, существенная роль, которую сыграл в становлении русского военно-морского и торгового флота Архангельск (первоначально: *Архангельский город* – топоним расчлененно-описательного типа, именно в таком виде он зафиксирован в самом первом дошедшем до нас сборнике пословиц), описана в паремии *Архангельскои городъ всему морю воротъ*. Свободолюбие и особая история Новгородской республики своеобразно отмечена в пословице *Новъ город щекочот в поезде ехать не хочотъ*. В пословице *Астрахан далеке а Сибирь и дале того* отражены такие события, как Астраханский поход и освоение Сибири Ивана Грозного; в пословице *Азовъ не о сте глазов а Крымъ не кривъ* содержится указание на Азовские (1695 г., 1697 гг.) и безрезультатные Крымские (1687 г., 1689 г.) походы Петра I. В пословице *Азовъ былъ славень Смоленскъ страшень а Вилна дивна* описаны важные события XVII в.: Азовское осадное сидение (1637–1641 гг.), русско-польская война середины XVII в., окончательное присоединение Смоленска 1654 г.

Использование имен собственных во фразеологизмах, поговорках, пословицах нередко обусловлено рифмовкой, случайным созвучием имени собственного и какого-либо имени нарицательного, далеко не всегда находящегося с онимом в обусловленной смысловой связи. Эта особенность в первую очередь характерна для пословиц, включающих антропонимы: см. *Нашему Мине начасоно в спине: Насидътся Володе в колодъ; Наш Гришка не беретъ лишка*. Но паремий, в которые в соответствии с этим принципом (по созвучию) включены географические названия, значительно меньше, именно в процентном соотношении. Нельзя не согласиться с исследователями, подчеркивающими, что «ценность пословиц с компонентами-топонимами обусловлена тем, что топонимы представляют собой не только географические реалии, но и явления культуры, отражённые в языке» [Бредис, Ломакина 2018: 118], «онимы особенно ярко и памятно выполняют в паремиях и идиомах важнейшую культурно-языковую функцию – быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку» [Ковшова 2019: 7].

Таким образом, специфика использования географических названий в паремиях заключается в том, что эти названия имеют не обобщенно-стереотипную (как антропонимы), а конкретную географическую и историческую отнесенность и за счет этого обладают яркой национальной и культурологической окраской. В отличие от антропонимов в паремиях онимы не подвержены варьированию и не имеют уменьшительных форм. Существенно, что используются географические названия в пословицах по принципу содержательности, а не случайной рифмовки и созвучия, т.е. в большинстве случаев отражают реальные, существенные для носителя языка соответствующей эпохи признаки географического объекта. Яркую историческую и национальную специфику функционирования географических названий в паремиях демонстрируют пословицы Петровской эпохи, входящие в самый ранний из известных для русского языка сборник пословиц.

Список литературы

1. Бредис, М.А. Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) / М.А. Бредис, О.В. Ломакина // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2018. № 4(64). – С. 118–129.
2. Генералова, Е.В. Имена собственные в паремиях Петровской эпохи / Е.В. Генералова // Ономастика Поволжья: матер. XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. – С. 317–320.
3. Ковшова, М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М.Л. Ковшова. М.: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
4. Путова, И.Н. Топоним в составе испанских и русских паремий / И.Н. Путова. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2008. № 9. – С. 117–124.

5. Ровинский, П.А. Рецензия на кн.: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб., 1899. / Ровинский П.А. Известия Отделения Русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1900. Т.V. Кн. 1. – С. 290–314.
6. Симони, П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / П.К. Симони // Сб. ОРЯС. Т. 66. № 7. СПб: тип. Импер. Акад. наук, 1899. – 216 с.

***

АНТРОПОНИМЫ В РАССКАЗЕ Г. ДУБОВОГО «УВЕРТЮРА К ПЛАЧУ КУКОЛ»

Т.В. Демидович

*Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
(Москва, Россия)*

Аннотация. Военный публицист Г. Дубовой в своих книгах стремится передать атмосферу реальности происходящего, в связи с чем наполняет свои произведения подлинными фактами и позывными реальных людей, бойцов. В статье рассматриваются антропонимы в рассказе «Увертюра к плачу кукол», анализируются их особенности; рассматривается аспект отражения через антропонимы характеров персонажей.

Ключевые слова: антропонимы; художественный текст; персонаж; позывной; Российско-украинская война; Г. Дубовой; военный корреспондент.

Русская литература невозможна без военной темы. Актуальна она и в наши дни: до сих пор продолжается военный конфликт между Россией и поддерживаемыми ею республиками ДНР и ЛНР и Украиной. Который год продолжает кровоточить рана Русского мира, гибнут мирные люди, разрушаются дома, школы в обороняющихся республиках. Сегодня хрононим *Российско-украинская война*, по всей видимости, уже вытесняет одно из центральных прецедентных имен второй половины XX века – хрононим *Великая Отечественная война*. Так ли это, покажет время.

Как правило, еще во время боевых действий начинается фиксация происходящих событий в виде оперативных военных очерков, первых военных рассказов, а сегодня – и в виде статей, роликов и постов в социальных сетях. «За эти годы появился целый пласт уникальной литературы о народно-освободительной войне, её героях и жертвах» [Чудинова].

Одним из произведений о спецоперации на Украине является рассказ Геннадия Васильевича Дубового «Увертюра к плачу кукол». В нем нет глубокого анализа происходящих событий, но есть простая солдатская правда и жизнь на поле боя. «Корреспондент» не стал изобретать велосипед, описывая войну. Именно поэтому здесь так много правды, только правды, истины, простых человеческих эмоций, что снайперски отражают сию часть человеческого бытия» [Котенок].

Ономастическое пространство рассказа репрезентировано антропонимами, соответствующими реальному ономастикону, так как Дубовой стремится к «соответствию выбираемых онимов исторической правде, реальной жизни, что связано с главным законом художественного творчества – правдивым, верным, убедительным изображением человека в его взаимосвязях с окружающим миром» [Рогалев 2021: 4]. В «Увертюре к плачу кукол» мы наблюдаем исключительно прямоговорящие антропонимы, к которым относятся позывные главных героев произведения: *Большой*, *Вандал*, *Артист* и *Корреспондент*: *Мы – временный командир **Большой**, самый юный боец ополчения **Вандал**, водитель **Артист** и я, **Корреспондент**, – базировались на территории брошенного владельцем (участником госпереворота в Киеве) мясокомбината* [Увертюра к плачу кукол 2017: 244]. Все вышеперечисленные онимы встречаются и в других произведениях Дубового, что также говорит о реальности ономастического пространства произведения. Например, позывной *Артист* встречается в интервью Дубового «Военкор не нужен. Геннадий Дубовой:

боец с фотоаппаратом и видеокамерой» и в книге «Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы», где также можно встретить и антропоним *Большой*.

Неофициальные антропонимы, к которым относятся прозвища и позывные, наравне с официальными, довольно часто дают непосредственную, рационально-логическую характеристику своим носителям. Так, в очерке Дубового «Позывной “Корреспондент”» читаем о том, как ведет себя водитель, оказавшийся в засаде: – *У меня огнестрел! – орет Артист и тут же получает кулаком по башке от сидящего сзади Малого: – Рули, ... раненый, в морге не лечат!»* [Позывной «Корреспондент» 2017: 99]. *А вечером оказалось, что пуля прошила на излете дверцу машины, ткнулась Артисту в голень и скатилась в ботинок.* Здесь, можно предположить, переносное значение слова *артист* – ‘притворщик’. Стоит обратить внимание на апеллятивы в контексте: *орет, по башке.* Артистом называют также человека, достигшего мастерства в своем деле. Возможно, этот человек – очень хороший водитель. О себе Дубовой говорит прямо: *водитель из меня был никакой, ни сдать назад и рвануть резко вперед я не мог...* [Увертюра к плачу кукол 2017: 255].

Поведение водителя характеризует еще один пример: *Увы. Сразу за ближним блокпостом авто глохнет, а над нами – да-да, снова вспыхивает «люстра». Укрываясь от осколков, ныряем за бетонные блоки. Артист (с того момента уважаемый мной безгранично) вдруг вскакивает на блок и в почти солнечном сиянии нескольких осветительных ракет жестом семафорит Карачуну могучий русский фак. И преспокойненько, помахивая шприцем, топает под осколками к измученному абстиненцией корейскому рысаку* [Позывной «Корреспондент» 2017: 98]. Этот эпизод наглядно свидетельствует о том, что прямоговорящие имена имеют прозрачную основу с определенным оценочным зарядом, что им свойственны прямая, однозначная и экспрессивная семантика, а также очевидная стилистическая маркированность. Видимо, неслучайно этому бойцу дан такой позывной: часто прозвища даются на основании особенностей, отмечаемых в поведении человека. Подобно как Дубовому дан позывной «Корреспондент» на основании рода его занятия, хотя сам Геннадий Васильевич позиционирует себя как бойца, о чем неоднократно говорит в своих интервью и хрониках.

Антропонимы могут указывать на внешний облик героя или его внутреннюю сущность, сигнализируют о стереотипах поведения и моральных качествах, подчеркивают происхождение и социальное положение действующего лица. Внешний облик *Большого* довольно полно отражается через его позывной: *Бывший штангист, низкорослый, угловатый, с широченными плечами и узкой талией, стянутой кожаным ремнем со звёздочкой на пряжке. На внешней стороне левой ладони вытатуирован ярко-красный на пугающе белом якорь морпехов, на пальцах правой – скандинавские руны* [Увертюра к плачу кукол 2017: 245]. Помимо этого, Дубовой употребляет в описании командира слова с положительной семантикой. В рассказе также встречается довольно интересное описание *Большого*: *Там, в тёмном коридоре мясокомбината злой арлекин в снежных перчатках» (так бойцы называли Большого за свирепый нрав и пятна вителиго на лице, шее и руках), выстроив у стены приехавших за мясом тыловигов, орал* [Увертюра к плачу кукол 2017: 245]. По мнению некоторых исследователей, имя и сама фигура Арлекина вышли из «адских» сцен средневекового театра. По версии других, Эллекен – чернолицый посланник дьявола, гигант в маске с дубинкой, бродящий по окрестностям с группой демонов, преследующих проклятые души злых людей, чтобы препроводить их в ад.

Прямоговорящие антропонимы даются как положительным персонажам, так и отрицательным. Так, в рассказе присутствует некий Рисовальщик. Он одет в черную форму, объясняя это трауром по погибшему отцу. Именно Большой разоблачает Рисовальщика и выгоняет его из отряда, после того как находит и вслух зачитывает дневниковую запись последнего, в которой говорится о том, что простой художник «не способен выйти за пределы добра и зла, а значит не может стать в искусстве выше всех <...> что он [Рисовальщик] хотел именно такого озарения, которое возвысило бы его над другими мастерами живописи» [Логвинова]. Интересно, что Рисовальщик называет художником не себя, а Корреспондента. Сам же Рисовальщик приехал на войну за озарением,

так как, по его словам, *только в момент смерти невинного человека, ребёнка, взору способного видеть незримое открывается то, что нас ждёт в ином мире. Я должен это увидеть, говорит он, – тогда я смогу изобразить то, перед чем померкнут картины предшественников* [Увертюра к плачу кукол 2017: 251]. На наш взгляд, Дубовой неслучайно называет так персонаж, так как ‘рисовальщик’ владеет искусством рисунка, является специалистом по рисованию карандашом, ‘художник’ же – это человек, который работает творчески, он – творец, создатель.

Неслучайно в рассказе подобрана и цветовая гамма. Рисовальщик одет во все черное: *Очередная мина легла на порог в семи метрах от нас, за спиной от выряженного во всё чёрное новичка* [Увертюра к плачу кукол 2017: 244]. «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова дает такое определение глагола ‘вырядиться’: «разг. Одеться излишне нарядно, экстравагантно или несообразно погоде, обстоятельствам и т.п.» [Кузнецов 2000: 181]. Слово имеет разговорно-сниженную окраску. Черный цвет одежды присутствует, на наш взгляд, вполне обоснованно. В словаре Кузнецова находим следующие значения прилагательного ‘черный’: «не вызывающий одобрения, предосудительный; низкий, коварный, подлый», «мрачный, безрадостный, связанный с тягестями жизни», «по суеверным представлениям: чародейский, колдовской, магический, связанный с нечистой силой», «очень плохой, крайне отрицательный», «злостный, низкий, коварный» [Кузнецов 2000: 1474]. Рисовальщик – «торговец чужой жизнью, inferнальный коллекционер озарений, вцепляющийся мертвой хваткой в косичку убитой девочки; прячущий в сумке механизм, вырванный из куклы; рисующий умопомрачительно-совершенные гравюры. Казалось бы, это красота, но она безбожна, потому что холодна и беспощадна к изображаемому, и поэтому вызывает у Корреспондента негативные эмоции» [Логвинова].

Есть в рассказе персонаж – отважный волонтер и мать-героиня Людмила – с позывным *Дед Мороз*: *Это неожиданно проснулась Настя. Кукла. Убиенной в Славянске на праздник Троицы пятилетней девочки. У неё было две любимые куклы. Одну положили с нею в гроб, а вторую сюда, на передовой рубеж принесла волонтер Людмила, позывной – Дед Мороз* [Увертюра к плачу кукол 2017: 249]. Более подробно об этой самоотверженной женщине Дубовой рассказывает в «Рыцарях Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы», в том числе и о том, как Людмила вылезла из окопа и, несмотря на работу вражеских снайперов, примотала проволокой куклу Настю к арматуре бетонного блока с наружной стороны блокпоста:

Семёновка, начало июня, лютая жара, третий час длится плотный миномётный обстрел базы Моторолы.

– *Корреспондент, там за тобой Дед Мороз пришёл.*

– *Брат Артист, какой Дед Мороз? Тебя контузило?..*

– *Контузило. Но не до галлюцинаций. Иди, сам посмотри.*

Вылезая из блиндажа. Через дорогу другой блиндаж, из него кто-то машет красной тряпкой: сюда. Влетаю.

– *Так я и думала, что Корреспондент Моторолы – это ты. Не узнаёшь? А я тебя знаю. Вместе обладминистрацию штурмовали, и прокуратуру, и телецентр, и СБУ.*

Выпускает из крепчайшего объятия, надевает красный свисающий до груди колпак с бело-синим бубоном. На футболке надпись: «Дед Мороз за мир и правду!» Широкая в цыганском стиле юбка, рваные босоножки [Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы 2017: 101].

Дед Мороз – единственный персонаж в рассказе, у которого есть имя. Людмила – ‘милая людям’, нежная, красивая. Если посмотреть на значение имени, то увидим, что женщина, носящая это имя, всегда находится в гуще событий, она активна и общительна. Находим этому подтверждение в книге «Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторолы»: *Людмила доставляла продукты, готовила еду и разносила защитникам Русской весны на баррикады. Где-то нашла костюм Деда Мороза и, неожиданно то тут, то там появляясь с бутербродами и чаем, поздравляла: «С Новым годом, родненькие! С годом избавления от оккупантов. Будет у нас своё,*

новорусское государство, победим!» <...> На всех блокпостах между Донецком и Славянском её любили и ждали. «Дед Мороз подарки привёз! Дай расцелую!» <...> [Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторола 2017: 101].

В данной статье стоит упомянуть еще один антропоним – позывной Моторола, упоминаемый практически во всех очерках и рассказах Дубового: *Гостиницу «Метелица», базу знаменитого командира Моторолы, разрушили в нуль – и нас, мотороловцев, группками разбросали по всему посёлку* [Увертюра к плачу кукол 2017: 244]. Свой позывной *Моторола* командир противотанкового подразделения получил в армии, где служил связистом. Вероятно, по аналогии с Motorola – ‘связь’, ‘сотовый телефон’. По воспоминаниям Дубового, Моторола был «абсолютно бесстрашен, быстр, умён: молниеносно просчитывал любую ситуацию и принимал единственно правильное решение <...> Снаружи, по форме, Моторола выглядел как рейнджер из голливудского блокбастера, а внутри, по содержанию – русский православный витязь» [Легендарный Моторола].

Дубовой называл командира также *мотором*, вероятно, по аналогии ‘двигатель, приводящий в движение бойцов своего батальона’: *Мотор встретил меня, взял документы, затем пристально посмотрел мне в глаза, затем опять в документы и опять в глаза.* [Андриенко]. *А вообще он был в этом плане очень чуткий и умный, именно природно-умный, и мгновенно просекал, кто перед ним. У него была невероятно-развитая интуиция, способность мыслить панорамно, а еще он постоянно учился. При этом он, как Гиви, как и Викинг, всегда был непосредственно в самой гуще событий, сам вел своих бойцов в бой* [Там же].

Корреспондент не очень любит снимать войну на камеру: «То, что мы видим, когда смотрим видеосюжеты о войне – это отблеск отблесков. Это такое жалкое подобие происходящего, что просто утрачиваешь всякий интерес к дальнейшей съемке. Можно еще выразить это словами, если есть литературные данные, но с камерой выразить ничего не возможно» [Русский Солдат Вечной Войны 2017: 408]. У Геннадия Дубового эти данные несомненно есть, благодаря чему мы знаем о героях Донбасса, их позывные и имена. Критики высоко оценивают произведения бойца-военкора. Его рассказы и очерки – это художественно оформленные документы войны на Украине. Для своих текстов автор выбирает антропонимы, соответствующие исторической правде, реальной действительности. Все это определяет активизацию интереса к языковым особенностям произведений Дубового.

Список литературы

1. Андриенко, Ю. Геннадий Дубовой: «Украине вскоре напомнят, каким может быть настоящий ответ» // Комсомольская правда. – 2019, 11 мая [электронный ресурс] // URL.: <https://www.donetsk.kp.ru/daily/26974/4033569/?ysclid=l48dxbq1q1183754777> (дата обращения: 11.06.2022).
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Военкор не нужен. Геннадий Дубовой: боец с фотоаппаратом и видеокамерой, Интервью // «Свободная пресса», 21 сентября 2014 года [электронный ресурс] // URL.: <http://svpressa.ru/society/article/98741/?mrat=1> (дата обращения: 15.05. 2022).
4. Дубовой, Г. Легендарный Моторола // Завтра: газета. – 2014, 21 июня [электронный ресурс] // URL.: <http://zavtra.ru/content/view/legendarnyj-motorola/> (дата обращения: 15.05. 2022).
5. Дубовой, Г. Позывной «Корреспондент» / Г.В. Дубовой // На переднем крае. Битва за Новороссию в мемуарах ее защитников / Сост. Е.В. Семенова. – М.: Традиция, 2017. – С. 91–103.
6. Дубовой, Г. Русский Солдат Вечной Войны / Г.В. Дубовой // Добровольцы. Век XXI. Битва за Новороссию в портретах ее героев / Сост. Е.В. Семенова. М.: Традиция, 2017. – С. 405–425.
7. Дубовой, Г. Рыцари Новороссии. Хроники корреспондента легендарного Моторола / Г.В. Дубовой. М.: Книжный мир, 2017. – 320 с.
8. Дубовой, Г. Увертюра к плачу кукол / Г.В. Дубовой // Выбор Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. Луганск: Большой Донбасс, 2017. – С. 244–257.

9. Котенок, Ю. Рыцари Новороссии // Сегодня.Ру – 2017, 10 января [электронный ресурс] // URL.: <https://www.segodnia.ru/content/183364> (дата обращения: 15.05. 2022).
10. Логвинова, И.В. Красота как мера духовности в рассказе Геннадия Дубового «Увертюра к плачу кукол» [электронный ресурс] // URL.: <https://od-novorossia.livejournal.com/2220808.html?ysclid=l48de7q1bk576071571> (дата обращения: 11.06. 2022).
11. Рогалев, А.Ф. Литературная ономастика: практическое пособие / А.Ф. Рогалев. Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины, 2021. – 46 с.
12. Чудинова, Г. Свободный выбор Донбасса: Рецензия на альманах «Выбор Донбасса» // Российский писатель [электронный ресурс] // URL.: <https://rospisatel.ru/chudinova-sbornik.htm> (дата обращения: 11.06.2022).

***

ОТРАЖЕНИЕ В ИМЕНИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ В.И. БЕЛОВА «ЧАС ШЕСТЫЙ»)

Н.В. Комлева

Вологодский государственный университет (Вологда, Россия)

Аннотация: Работа посвящена изучению имён персонажей в трилогии В.И. Белова «Час шестой». Трилогия представляет собой жизнеописание трагических судеб жителей Русского Севера в период коллективизации начала XX века. Книгу составляют три романа: «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», жанр которых автор сам называл хроникой. На примере имён двух персонажей рассмотрены авторские приёмы создания «говорящего» имени. Изменение модели именованности или осмысление внутренней формы имени становится ключом к пониманию духовного пути литературного героя.

Ключевые слова: литературная ономастика, имя в тексте, приём «говорящих» имён.

Имена собственные, как известно, являются одними из единиц, участвующих в построении основных категорий художественного текста. В субъектной организации произведения «точки зрения» автора-повествователя на своих персонажей могут выражаться в введении имени в текст, стилистической окраске имени персонажа, характеристике персонажа с точки зрения других действующих лиц; чтобы показать эволюцию своего героя, автор меняет «точки зрения» на него [Успенский 1970].

Системные связи внутри антропонимической подсистемы трилогии В.И. Белова осуществляются за счёт особой коннотации в субъектной организации произведения личных имён ключевых персонажей. Особая оценка, смысловая и стилистическая маркированность имён заложена в текст, а иногда и подтекст, следующими приёмами: 1) трансформацией, «развитием» моделей именованности некоторых персонажей на протяжении всех трёх романов (*Пашка Пачин* > *Павел Рогов*); 2) «включением» доантропонимического значения имени (*Вера*, старик *Никита*), его звукообраза (*соплюны* – *Сопроновы*) или стилистически модифицированной формы (*Палашка*) в оппозиционный характер точек зрения на персонажа; 3) актуализацией пограничного статуса персонажа, определяющего функционирование его имени как компонента сразу нескольких оппозиций с «переменной» оценкой по признаку «своего» или «чужого» (*Лузин*, *Сопронов*); 4) подчёркнутой «статичностью», полным отсутствием «развития» моделей именованности персонажей «чужого» лагеря (*Меерсон*, *Скачков*).

Одним из центральных образов в трилогии является образ дороги, и всех персонажей произведения по большому счёту можно разделить на тех, кто движется вперёд по пути поиска самого себя, совершает нравственное перерождение, и на тех, кто такого духовного движения лишён: *герои, развивающиеся духовно – герои статичные*. В этом отношении к статичным персонажам

могут быть отнесены все представители новой власти. «Статичным» персонажам противопоставлены герои, *развивающиеся духовно*. В трилогии есть два персонажа, роль которых в понимании общей идеи всего произведения трудно переоценить. Это отец *Николай Перовский* и бывший дворянин *Владимир Прозоров*.

Лишённый избирательных прав, бывший ольховский дворянин *Владимир Сергеевич Прозоров* объявлен «чуждым элементом», члены коммуны выселили его во флигель, а сами обосновались в хозяйском доме. Хотя все деревенские его несколько сторонятся, но всё-таки относятся с уважением, о чём свидетельствует обращение к нему в прямой речи персонажей исключительно по имени и отчеству: *Всем заправлял Митька Усов по прозвищу Паранинец*. <...> Коммуна совсем захирела, когда сельхозбанк отказал в очередном кредите. В пустом доме размещался один *Митька с семейством, он кое-как содержал двух коров и лошадь. Прозоров жил по соседству с Митькой. По утрам он приходил к Митьке за молоком, закуривал с ним табаку и иногда рассуждал: – Ты, Дмитрий, почему меня в коммуны не принял? Я бы вам пригодился, я агрономию знаю. – Я-то, Владимир Сергеевич, принял бы, – смущался Усов. – Но вот как народ? Не признают они чуждого элемента. – Да разве я виноват, что я дворянин? – Виноват. Прозоров разводил руками [Белов (1): 195-196].*

Образованный, интеллигентный *Прозоров* называет собеседника полной формой имени – *Дмитрий*. Автор не даёт никаких пояснений относительно биографии *Митьки Усова*, но его прозвище *Паранинец* говорит о том, что рос он, вероятно, без отца: *Паранинец* по имени матери – *Параня (Прасковья)*. Видимо, потому и уважают односельчане *Прозорова*, что относится он ко всем людям без заносчивости или озлобления, а искренне и с уважением.

Судьба *Прозорова* – одна из ключевых сюжетных линий трилогии В.И. Белова. В юности он ведь был как раз очень прогрессивно мыслящим человеком, посещал марксистский кружок и знал также юного Якова Меерсона и его раскрепощённую сестру Женю: *Скачков встал и прикрыл распахнутую дверь. Но Прозоров, оглянувшись, все же увидел, как по коридору прошел третий член чрезвычайной тройки, Яков Меерсон. Разумеется, это был он. Тот самый близорукий и рыжий, красневший без всякого повода гимназист. Брат черноглазой веселой Жени, с которой он, Прозоров, лежал когда-то в траве, за околицей уездного городка. «Какие странные метаморфозы...» – думал Прозоров. – Впрочем, чего же тут странного? Прошло около двенадцати лет» [Белов (1): 319].*

Автор неслучайно наделяет этого героя фамилией с такой яркой внутренней формой – *Прозоров* от *прозревать*: с одной стороны, он один из немногих, кто понимает всё происходящее, с другой стороны, он не смог предвидеть свою собственную судьбу – что из прогрессивно настроенного юноши он превратится в стареющего дворянского отпрыска – «контру».

Владимир Прозоров проходит в трилогии свой путь духовно-нравственного развития. Как и все персонажи трилогии, пострадавшие в той или иной степени от новой власти, он томится от бездействия и рад возможности трудиться: *За пределы родного уезда его выслали без суда и несколько месяцев содержали в Архангельске. Затем он физически трудился на лесных разработках и дослужился до звания «советского десятника», построил в дальнем лесопункте подвесную дорогу и, уже как специалист, был отозван обратно в Архангельск [Белов (2): 26].*

Снова оказавшись через полтора года в тюрьме по нелепому обвинению во вредительских связях с шахтинскими спецами, *Прозоров* испытывает ощущение нравственного обновления, «странное душевное облегчение». Он вспоминает беседы со своим новоприобретённым другом доктором Преображенским: *Резкость, откровенность и новизна докторских рассуждений поначалу пугали. Но чем чаще приходил Преображенский, чем больше они говорили, тем раскованней чувствовал себя с этим человеком Прозоров. Доктор преображал всех, с кем общался, он как бы оправдывал собственную фамилию... [Белов (2): 29]. Владимир Сергеевич не может понять, чем вызвано ощущение его душевного равновесия: «Преображенский и мое преображение, – опять подумалось Прозорову. – Да, фамилии что-то значат» ... [Белов (2): 30].*

В отношении к этим персонажам В.И. Белов, безусловно, использует приём говорящих фамилий: *Владимир Сергеевич* вспомнил сейчас и многозначную реплику старого нормировщика, тоже из административно-высланных, какого-то бывшего управляющего: «У вас, **Владимир Сергеевич**, очень удачная фамилия. Я бы на вашем месте тут не сидел. Эх!» – «А что?» – недоумевал **Прозоров**. «Что? А вот что... Ну-ка, возьмите да распишитесь». Удивленный **Прозоров** расписался на газетном клочке. Счетовод взял карандаш и подставил к четвертой букве палочку. И, оглянувшись, молча вышел из бревенчатой будки, где происходила вся эта сцена. **Прозоров** сразу все понял. Да, достаточно одной этой палочки, чтобы уехать куда-нибудь за тысячу верст, быть на свободе и жить нормально! Но это значило стать не **Прозоровым**, а **Проворовым**... Отречься от самого себя, от всех своих предков, безмолвно взвизгивающих из глубины российской истории на него, **Владимира Прозорова**, и на все, что происходило в стране?... Нет, жизнь под чужим именем представлялась ему отвратительной и потому никому не нужной... [Белов (2): 30-31].

В тюрьме *Прозоров* читает в газете большую статью Сталина «Год великого перелома» и ловит себя на мысли, что не верит ни единому слову: *Что за чушь! Опять все выглядело шиворот-навыворот. Во-первых, страна уже была самой хлебной. Во-вторых, именно коллективизация оставит, уже оставляет страну без хлеба, в этом для него не было никаких сомнений. Что это? Вероятно, он, Прозоров, является свидетелем и даже участником грандиозной мистификации. Да, да, он был статистом необъятного по масштабам спектакля, проводимого на просторах России, среди развалин еще совсем недавно великого государства. Но кто дирижирует всей этой свистопляской? Кто покори́л страну? [Белов (2): 36].*

Владимир Сергеевич начинал понимать, что он живёт в этом мире, сошедшем с ума: *Время клубилось. Иногда оно отделялось от реального мира, но какая же это реальность? Реальностей не существовало. Был абсурд. И, как думал Прозоров, видимость иерархии в действиях новой власти только обманывала: логика там также отсутствовала. Иначе зачем же они уничтожают уже и сами себя? [Белов (2): 39].*

Итак, не сломленный духом *Прозоров* выбирает путь сохранения своей личности в нравственно-духовном аспекте, он не бежит, изменив фамилию, не пытается сражаться с новой властью: **Прозоров** еще успел в то лето построить на *Вайгаче* полдюжины средневековых землянок, куда ГПУ селило заключенных геологов и топографов. Дальше и сам он, и память о нем исчезли. *Набухшая слезами и окропленная кровью, насквозь пропитанная народным потом канцелярщина навеки похерила имя **Владимира Сергеевича Прозорова** [Белов (2): 363].*

Ещё один персонаж, который проходит путь духовного роста и обновления, это поп *Рыжко*, то есть отец *Николай*. Номинативная цепочка имени персонажа выглядит так: *Коля Перовский – поп Рыжко (Рыжко, поп-прогрессист) – отец Николай – батюшка – Николай Иванович – Перовский*. В первый роман трилогии персонаж вводится с помощью номинаций *отец Николай* и *поп Рыжко*: *За столом же человек шесть мужиков играли в карты. Отец Николай, которого называли просто поп Рыжко, – громадный, красный – тасуя колоду, перекрывая все звуки, гудел своим по-бычьему нутряным басом [Белов (1): 115].* Далее повествователь знакомит читателя со своим героем: *Отец Николай* знал, что его зовут в деревне **Рыжком**, а некоторые – **попом-прогрессистом**. Первое прозвище он терпеть не мог, а вторым званием открыто гордился. *Шибановские старики, прознавшие о его новейших взглядах, немало спорили, когда нанимали попа. Кое-кто говорил, что такого попа нельзя и близко пускать к приходу. <...> Только дело решили вовсе не старики, а бабы. Когда отец Николай, делая пробную обедню, вышел из царских врат и начал службу, то от первых же звуков его могучего и красивого баса стекла в церковных окнах задребезжали. Галки, как рассказывали позднее, с криком снялись с куполов. Не зря еще в бытность свою в досточтимом и древнем граде Вологде отца **Николая** лично знал сам преосвященнейший **Алексий**, епископ Вологодский и Тотемский. Владыка был милостив к тогдашнему семинаристу **Коле Перовскому** – сыну бедного псаломщика заштатной усть-сысольской церквушки.*

Только все это было так давно, что совсем забылось. **Отец Николай** переменил за свою жизнь много приходов, ездил даже на войну, будучи полковым священником, а вот теперь судьба привела его в деревню Шибаниху [Белов (1): 126-127].

В романе «Кануны» номинация *Рыжко* (*поп Рыжко*) (14 раз) хоть и заметно уступает номинации *отец Николай* (119 раз), но всё-таки довольно часто встречается и в авторской речи, и в прямой речи других персонажей. В романе «Год великого перелома» номинация *Рыжко* встречается всего лишь один раз в речи автора, где он будто напоминает читателю, кто этот рыжебородый возчик: *Параска бросилась к свекрови и сыну. Она совсем позабыла про возчика. Но поп Рыжко и сам тотчас забыл про нее* [Белов (2): 63]. И в последнем романе трилогии, когда отца Николая уже и в живых нет, его однажды вспоминают Евграф Миронов и Иван Нечаев: – *А помнишь, Анфимович, как поп Рыжко с пуга-то сорвал? – спросил Нечаев* [Белов (3): 465].

В романе «Кануны» *отец Николай* предстаёт в комических ситуациях, он и в карты играет, и выпить не прочь, в духе времени становится попом-прогрессистом, то есть обновленцем, утратившим веру. В романе «Год великого перелома» *отец Николай* уже совсем другой человек. Страдания людей, которые он пропускает через своё сердце, заставляют возродиться его душу. Теперь он испытывает жгучее чувство стыда за своё прошлое. Когда на допросе Райберг спрашивает отца Николая, действительно ли он верит в Бога, бывший *поп Рыжко* отвечает ему: – *Не верил, когда служил! Ныне властью духовной не облечен, но верую. За грехи и великое бесчестье Земли готов пострадать. Ибо есть Бог милующий, но Он же и наказующий!* [Белов (2): 70]. Отец Николай уже в глаза обличает своих палачей: – *Покажите мне правую вашу руку в зеркале! Видите? Там ваша правая стала левой! Вот в чем разница! – Голос Перовского гудел, набирался силы, в дверь заглядывали. – Вы антихристы, перевертыши! Вы обратное отражение живых и верующих! Потому вы и мертвы пребудете из века в век...* [Белов (2): 71].

В тяжелейших условиях заключения *отец Николай* ничего не боится, не впадает в уныние. Он по-прежнему весел, но уже не пьяным весельем, а духовной радостью. Смелые речи и поведение Перовского вызывают ненависть к нему чекиста Ерохина, от его пули и погибает *отец Николай*.

Судьбы двух героев трилогии схожи: на формальном сюжетном уровне они из «прогрессивно мыслящих» (поп-прогрессист *Рыжко* и прогрессивно настроенный юноша *Владимир*) превращаются в «контру», но на глубинном, сакральном уровне они проходят сложнейший путь становления личности человека, рождаются заново духовно. И возможно, то обстоятельство, что их духовное перерождение происходит в столь чудовищных условиях (*Прозоров* сам не может понять, отчего в тюрьме ему так хорошо и светло на душе), позволяет видеть в этих персонажах трилогии воплощение надежды автора на спасение человека, на то, что когда-нибудь всё вернётся на круги своя.

Таким образом, в номинации двух ключевых персонажей своего произведения В.И. Белов использовал как классический приём «говорящих» фамилий (*Прозоров*, *Преображенский*), так и приём значимой трансформации модели именования персонажа (*поп Рыжко* > *отец Николай Перовский*). Осмысление внутренней формы имени персонажа, а также наблюдение изменения модели именования становится ключом к пониманию духовного пути литературного героя.

Список литературы

1. Белов, В.И. (1) Кануны // Белов В.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Повесть. Роман. М.: Классика, 2011. – 512 с.
2. Белов, В.И. (2) Год великого перелома // Белов В.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4: Романы. М.: Классика, 2011. – 616 с.
3. Белов, В.И. (3) Час шестый // Белов В.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4: Романы. М.: Классика, 2011. – 616 с.
4. Успенский, Б.А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б.А. Успенский. М.: Искусство, 1970. – 224 с.

***

ТОПОНИМЫ ЛЕНИНГРАД, ПЕТЕРБУРГ, ПИТЕР В РОМАНЕ Д.И. РУБИНОЙ «МАНЬЯК ГУРЕВИЧ»

Н.В. Ланге

Смоленский государственный медицинский университет (Смоленск, Россия)

Аннотация. В статье проводится анализ топонимов Ленинград, Петербург, Питер в романе Д.И. Рубиной «Маньяк Гуревич». Коннотативный фон данных онимов включает и эмотивно-оценочные, и культурологические, и исторические, и краеведческие компоненты, что подтверждает мысль об ономастичности прозы писателя.

Ключевые слова: Д.И. Рубина; оним; топоним; коннотативное созначение онима; ономастический текст.

Прозу Дины Ильиничны Рубиной смело можно назвать ономастическим текстом. Этому способствует насыщенность онимами и их мотивированность. Все онимы развивают вторичные коннотативные созначения, ни одно имя у Рубиной не случайно. Помимо антропонимов, как ярких характеристик героев, в произведениях писателя имеют особое значение топонимы. Каждый сюжет повестей и романов автора происходит в определённом месте. Неслучайно в одном из интервью, посвящённом экранизации произведений писателя, Дина Ильинична, когда задали вопрос, нравится ли ей экранизация романа «Синдром Петрушки», ответила: «...сам фильм не имеет к моему роману никакого отношения. А уж что касается выбора города для съёмок <фильм снимался в Петербурге – Л.Н.В.> – о чём вы говорите, если в «Синдроме Петрушки» нет Праги! Нет Львова, нет Израиля... А есть только Санкт-Петербург – я его очень люблю, но это не кукольный город» [Рубина 2017]. Мы уже посвятили ряд работ топонимам в различных романах Д.И. Рубиной: описали коннотативные созначения топонима Венеция в повести «Высокая вода венецианцев» и рассказе «Снег в Венеции», топонимов Вена, Одесса и Алма-Ата в трилогии «Русская канарейка», топонима Ташкент в романе «На солнечной стороне улицы», топонимов Вязники и Нововязники в трилогии «Наполеонов обоз». В данной статье рассмотрим коннотативные созначения топонимов Ленинград, Петербург, Питер в романе «Маньяк Гуревич».

Переходя к анализу топонима, хочется вновь обратиться к одному интервью писателя, где Дина Ильинична говорит о Петербурге: «Санкт-Петербург, Ленинград был городом моего первого свадебного путешествия. Это невозможно забыть: блуждания с любимым человеком, этот пароходик, Павловск. Это было в период белых ночей и было невероятно. Это наложило некий знак на всю жизнь. Для меня всегда приезд в Питер – немножко чудо» [Рубина 2016]. Вот таким городом, который невозможно забыть никогда, становится Петербург в романе «Маньяк Гуревич».

Роман «Маньяк Гуревич» – новое произведение писателя, издательство «Эксмо» опубликовало его только в 2021 году. Это роман о смешном, где-то нелепом, добром, порядочном, сентиментальном, но иногда очень смелом, решительном, и очень от этого настоящем, человеке, психиатре по профессии, Семёне Гуревиче, его петербургском советском детстве, его учёбе в Педиатрическом, работе на скорой, а потом психиатром (это потомственная профессия – мать и отец Гуревича были врачами), а после – эмиграции в Израиль, где он постоянно вспоминает своё питерское прошлое, оно дорого ему, и всё, что было – смешное и грустное – навсегда останется важнейшей частью его жизни. И получается, что роман становится книгой о Петербурге.

Петербург давно стал героем русской литературы. Ещё в 1984 году в Тартуском государственном университете вышел сборник трудов учёных «Семиотика города и городской культуры. Петербург», в который включены уникальные исследования действительно великих филологов и лингвистов Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Д.С. Лихачёва, М.Л. Гаспарова и других, посвящённые как раз явлению, которое мы называем в своей статье коннотативным созначением

топонима Петербург. В предисловии к изданию Ю.М. Лотман пишет, что Петербург в данных исследованиях рассматривается как текст, а с другой стороны, как механизм порождения текстов [Лотман 1984: 3]. Этот тезис в полной мере соответствует и нашему исследованию. Интересные замечания по поводу «двополюсности» Петербурга в русской литературе и соответственно в русском сознании (причём понятие русский здесь вненационально, оно относится к людям, имеющим русский менталитет – именно так, кстати, как и у Д.И. Рубиной в романах) делает В.Н. Топоров: «На одном полюсе признание Петербурга единственным настоящим (цивилизованным, культурным, европейским, образцовым, даже идеальным) городом в России. На другом – свидетельства о том, что нигде человеку не бывает так тяжело, как в Петербурге» [Топоров 1984: 6–7]. Эта «двополюсность» присутствует и в восприятии Петербурга героем романа. Интересны в этом плане аллюзии на известное стихотворение О.Э. Мандельштама «Ленинград». Герой, давно уже живя в благополучном Израиле, в собственном доме с лимонными деревьями в саду (такой образ благополучия), находит старые фотографии, которые возвращают его в то время, когда были живы дедушка и бабушка, и дед Сеня занимался любительской фотосъёмкой: «И вот заветный кадр, выхваченный дедом из невесомых мгновений радости: задними лапами белка стоит на заснеженной дорожке, передними оперлась на коленку Сени и внимательно смотрит – выбирает угощение на его протянутой ладони» [Рубина 2021: 259]. И этот счастливый момент приводит к воспоминаниям о дороге домой после случившегося счастья: «Ну, выбирай же, выбирай, забавница: нам надо спешить, возвращаться домой; вдоль дорожек и чугунной ограды уже затеплились маслянистые фонари» [там же]. Однако ощущение счастья, маслянистые фонари по дороге домой напоминают известное стихотворение О.Э. Мандельштама: «Как это хорошо, как точно у Мандельштама: рыбий жир фонарей. Рыбий жир – его в детском саду ежедневно давали перед обедом в глубокой алюминиевой ложке» [там же]. Мы помним, что с помощью этого образа у Мандельштама создаётся образ зловещего безжалостного Ленинграда 30-х годов, когда человек живёт в постоянном страхе. У Рубиной же этот «рыбий жир» воспринимается как какая-то неотъемлемая часть советского детства и через годы вспоминается без обычного детского отвращения, потому что с высоты пройденной жизни понимаешь, что было много других, более серьёзных проблем, чем ложка рыбьего жира. Так, несмотря на культурную связь времен, восприятие деталей, описывающих город, меняется с отрицательного на положительное.

Если вновь обратиться к отрывку из интервью Д.И. Рубиной о Петербурге, то можно заметить, что в пределах одной фразы писатель использует как синонимичные разные названия города: Санкт-Петербург, Ленинград, Питер. В романе «Маньяк Гуревич» также фигурируют все три названия, хотя речь идёт только про советский период (герои эмигрируют в Израиль в 1990 году, как и сама Дина Ильинична Рубина). Реже всего в романе используются слова *Петербург* и *петербургский*. Петербург – 1 раз, петербургский – 3 раза; при этом все контексты указывают на особое величие и элитарность города. Один из одноклассников Сени – Валерий Трубецкой. «Валерий Трубецкой, ни больше ни меньше», – пишет автор, передавая мысли главного героя. – «Боже мой! Везёт же людям с фамилиями: родиться Трубецким, и где – в *Петербурге!*» [Рубина 2021: 57]. Так, происходит развитие такой семы в коннотации онама: «Петербург – город элиты, старых дворянских родов». Прилагательные «петербургский» в контексте романа становятся качественными, указывают на величественность, масштабность архитектуры города: «Дом старый, *петербургский*. Этаж пятый, значит, по высоте – как девятый»; «...в мощную стену старого *петербургского* дома»; «...вошёл в прихожую квартиры в старом *петербургском* доме» [Рубина 2021: 99, 132, 166].

Слова *Питер* и *питерский* употребляются тогда (Питер – 2 раза, питерский – 6 раз), когда писатель не имеет в виду определённый исторический период, связанный с другим названием города, а говорит о вневременных особенностях Петербурга. Так, например, у Сени Гуревича – «питерская душа», душа интеллигента, умеющего ценить красоту, кроме того, душу патриота, оказавшегося в чужом краю: «Эти сосновые перелески нежили и усмиряли его *питерскую* душу»

[Рубина 2021: 196]. Опять же, об особенной величественной архитектуре города: «Да и лестница там – смех один, два пролёта. Это вам не наш парадный *питерский* ранжир» [Рубина 2021: 180]. Или, например, когда автор говорит об особенностях общественного устройства города, то употребляет название Питер: «В *Питере* частная жизнь человека всегда более замкнута и оберегаема, чем, например, в Москве, – на уровне инстинктивном: экономия тепла в теле» [Рубина 2021: 68]. Однако иногда Питер и Ленинград (слова *Ленинград*, *ленинградский*, *ленинградец* используются 30 раз) являются синонимами, просто *Питер* более личное название, показывает особые отношения героя с городом. Так, говоря о холодном климате Петербурга, Д.И. Рубина употребляет слова и «питерский», и «ленинградский». Причём особым образом этот климат оказывает влияние и на характер, и на поведение человека: «Зима всё же – противоестественное время года. Особенно в *питерских* широтах. Мозг дремлет, не желает подчиняться колебанию суток. Желает спать, как медведь, и проснуться с первыми клейкими листиками в Ботаническом саду»; «*Ленинград* всегда был городом голодным и холодным...»; «*Ленинград*, вообще-то, город тяжёлый и вязкий в плане э-э-э...эмоциональном. Люди мы странные и смурные, на свинцовом ходу... Резкий ветер с Невы, дождь или снегопад за шкирку – всё это общительности не способствует» [Рубина 2021: 101, 12, 68]. Интересно, что Ленинград вообще вспоминается потом Сене Гуревичу «сквозь метельную взвесь» [Рубина 2021: 98]. И хотя *Ленинград* и *ленинградский* наименее подвержены коннотативным наполнениям (чаще всего эти слова используются просто для названия города как места действия или входят в состав каких-то топонимических и иногда даже гастрономических реалий: *ленинградский* общепит, *ленинградская* портниха, *Ленинградский* университет, пельмени «*Ленинградские*»), есть контексты, в которых и эти слова приобретают дополнительные коннотации. Они указывают и на приверженность ленинградцев традициям: «На Старый Новый год, который в *Ленинграде* всегда все отмечали...» [Рубина 2021: 46]; и на особую интеллигентность ленинградцев: «Лектор был из *ленинградских интеллигентов*. Тип узнаваемый...» [Рубина 2021: 82]; и на их жизнестойкость, связанную с блокадными годами: «...выслушал очередную богатую *ленинградскую судьбу*, с блокадой в центре души и памяти» [Рубина 2021: 166]; причём эти блокадные годы, суровость климата сделали ленинградцев людьми мужественными и жёсткими: «Чего Гуревич на дух не переносит, так это местный восточный рахат-лукум в каждой фразе: вот это самое «душа моя!» <...> Нет! Никогда и никто не заставит Гуревича, *урождённого ленинградца*, человека сдержанных чувств, обратиться к незнакомому человеку с этим дурацким сиропом на устах!» [Рубина 2021: 235]. Для героя Ленинград также символ далёкой, оставленной в прошлом жизни, символ молодости: «А ещё он отлипнуть не мог от этого многолюдного общества потому, что разом припомнил свой личный рождественский вертеп – бесконечное количество фигур и лиц, живых и усопших, святых и не очень, трезвых и не слишком. Советских, советских людей его *ленинградской юности*...»; «Бывало, бывало лето в его *ленинградской жизни*» [Рубина 2021: 104, 98].

Отношение героя к Ленинграду, Петербургу, Питеру, коннотативный фон, который присутствует в этих топонимах, можно определить исходя и из перифрастических описательных элементов. Так, этот город называется «родным» городом, «лучшим городом на свете», «городом музеев», «великим и прекрасным городом на Неве»; «городом ... детства» [Рубина 2021: 30, 30, 92, 166, 225]. Это город, воспоминания о котором помогают жить. Так, когда у друга детства Семёна, Тимура, эмигрировавшего в Штаты, погибает сын, Сеня «каждый день выводит Тимура на прогулку по любимым местам, среди которых главные – любимые, конечно же, – на Петроградке» [Рубина 2021: 253]. Это подробно описанное в книге путешествие (Пошли на Малый проспект!... Или двинем через Троицкий мост... Дальше идём? Через Марсово поле, по Садовой, мимо Инженерного замка к Невскому...) происходит по телефону, в памяти героев, а не наяву. Это виртуальное путешествие по городу детства возвращает героя к жизни. Семён и сам часто вспоминает исторические и культурные реалии, связанные с городом детства, места, где гуляли с дедом Сеней или с папой, особенности ландшафтного

пейзажа города, вещи советского быта (*лампа Ардеко*, например), которые были у многих в квартирах. И получается, что тот город детства, «в котором он рос когда-то, целёхонький и звонкий, как ледяная вода Одереза, как танцующие сосны, объятые морозной пылью, как всё ещё живая белочка из Павловского парка» продолжают жить «на какой-то немыслимо нежной планете» [Рубина 2021: 260].

Таким образом, в романе топонимы *Ленинград, Петербург, Питер* предстают в традиционном для русской культуры двополярном образе: с одной стороны, это город детства, великий, красивый город, с множеством родных герою мест, город интеллигентов и русской культуры, величественной архитектуры, город, где соблюдаются исконно русские традиции; с другой стороны, это заснеженный суровый город, голодный город, в котором условия жизни диктуют некоторую обособленность друг от друга, люди, живущие в городе, объединены «ленинградской судьбой», далеко не лёгкой, для них невозможно открыть душу первому встречному. Однако именно эта суровость формирует характер, жизненную стойкость, помогает выжить даже в самых тяжёлых: от блокады до эмиграции. А воспоминания о городе не просто помогают жить, они являются смыслом жизни, помогают преодолеть удары судьбы.

В эфире программы «Утро в Петербурге» Дина Ильинична Рубина призналась, что город на Неве для нее – «чуть-чуть горячая ностальгия по молодости» [Рубина 2016]. Эти личные эмоции, безусловно, отразились при создании образа города. Многоплановость топонимов *Ленинград, Петербург, Питер*, умение расширять семантическое наполнение топонима эмоциональными, оценочными, культурными, историческими, краеведческими компонентами, позволяющими городу становиться действующим лицом произведения, в очередной раз говорят об особой ономастичности текстов писателя.

Список литературы

1. Дина Рубина: «Все писатели сумасшедшие» [электронный ресурс] // URL.: <https://myslo.ru/city/people/interview/dina-rubina-vse-pisateli-sumasshedshie> (дата обращения: 29.03. 2022).
2. Дина Рубина. Маньяк Гуревич. М.: Эксмо, 2021. – 203 с.
3. Дина Рубина рассказала о любви к Петербургу и воспитании юных читателей [электронный ресурс] // URL.: <https://topspb.tv/news/2020/12/15/dina-rubina-rasskazala-o-lyubvi-k-peterburgu-i-vozpitanii-yunyh-chitatelej/> (дата обращения: 01.04. 2022).
4. Лотман, Ю.М. От редакции / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1984. – С. 3.
5. Топоров, В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 664. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1984. – С. 4–29.

***

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ КОМЕДИИ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

М.Ч. Ларионова

Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Россия)

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100347-2.

Аннотация. Имя персонажа в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» сближается с понятием «культурный термин» и содержит свернутую мнемоническую программу, которая актуализируется в сознании читателя. Экзистенциальный смысл пьесы можно схематически сформулировать как столкновение жизни и смерти. Это во многом определяет собственные имена героев

пьесы: растительно-витальные, как у Раневской, Гаева и Фирса, и демонологически-мортальное, как у Лопахина. Фамилия Симеонова-Пищика восходит к театру Петрушки. Собственные имена персонажей комедии не только характеризуют их, не только вписываются в общий смысл пьесы, но и служат аргументом в характеристике ее жанровых свойств, а также одним из способов создания чеховского подтекста.

Ключевые слова: имя; Чехов; «Вишневый сад»; традиция.

В художественном произведении нет ничего случайного. Это аксиома для всякого филолога. Тем более не может быть случайным имя, которым наделён персонаж. Принципы такого наименования разнообразны. Имя может определять тип героя и выражать авторское отношение к нему. *Простаковы* и *Скотинины* – это отрицательные герои, а *Правдин, Милон, Стародум* и *Софья* – положительные. В этом Д. И. Фонвизин ещё вполне классицист. Но вот уже у А. С. Грибоедова «мудрая» *Софья* жестоко обманута подлым и коварным обольстителем. Имя героини приобретает ироническую коннотацию, тогда как характер Молчалина вполне соответствует имени: «на цыпочках и небогат словами». Имена героев Грибоедова, несмотря на их семантическую «прозрачность», становятся средством психологической характеристики. А. С. Пушкин не отказывается от принципа значимости имени, но подчёркивает его литературный характер. *Онегин* и *Ленский*, благодаря своим необычным, оттопонимическим, фамилиям, сопоставлены между собой и противопоставлены сложившемуся в литературе стереотипу. Имя *Татьяна* в романе «Евгений Онегин» не просто отсылает читателя к народной культуре, но и очень точно воспроизводит одну особенность характера героини: «Замечено, что в любовных народных песнях чаще встречается Маша, в трагических – Дуня, Дуняша, в шуточных – Катя, Катюша, Наташа, в грустных – Татьяна» [9: 4].

Обратим внимание: такой смысл имени персонажа раскрывается не в социальном, не в историческом, не в интертекстуальном контексте, а в этнокультурном, иначе говоря, имеет традиционную национальную мотивацию. В этом смысле имя персонажа сближается с понятием «культурный термин», предложенным этнолингвистикой, и содержит свернутую мнемоническую программу, которая актуализируется в сознании читателя. Так происходит даже в случае с произведениями А. П. Чехова, которого, на первый взгляд, меньше всего можно заподозрить в отношении с народной культурой. Известный фольклорист Л. И. Емельянов так и утверждал: есть писатели, «которых <...> трудно поставить в сколько-нибудь конкретное отношение к фольклорным традициям (Гончаров, Чехов, Бунин, Куприн)» [4: 192]. Однако, как показали наши многолетние исследования, основу национальной самобытности А. П. Чехова составляет именно связь с народной культурой.

Экзистенциальный смысл пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» можно схематически сформулировать как столкновение жизни и смерти: жизни, которая не может себя защитить, и смерти, которая вовсе не хочет быть смертью, а хочет быть иной жизнью, но в результате эту жизнь окончательно уничтожает. Это во многом определяет собственные имена героев пьесы: растительно-витальные, как у Раневской и Гаева, и демонологически-мортальное, как у Лопахина.

Если учесть, что действие пьесы происходит под Харьковом, в Малороссии, нетрудно возвести фамилию Любви Андреевны к яблоне – ранету. Дополнительные смысловые нюансы связаны с тем, что это зимний сорт яблонь, что намекает и на возраст, и, в сочетании с именем, на драматическую личную жизнь героини. Фамилия *Гаев* может быть связана с гаем – рощей, дубравой.

«Растительную» природу имеет и имя старого слуги Фирса. Оно ассоциируется с греческим *θύρσος* – деревянный жезл Диониса, бога растительности, увитый плющом и виноградом. Дионис, как известно, умирающий и воскресающий бог, «бог, составляющий причину возрождения, восстанавливающий формы воплощения и принуждающий все, что возникает и рождается, выходить наружу» [8: 169]. Ещё более отчетливые ассоциации с плодородием приобретает это имя в контексте заговора: «И как тот рог не гнется, не ломится от моего вязу, так бы и у меня,

раба Божия, ... **фирс** (выделено мной. – М. Л.) не гнулся, не ломился против женския плоти» [1: 33], – где *фирс* включается в один семантический ряд с деревом и мужской оплодотворяющей силой. Фирс «устарел», как устарел и неплодоносящий сад. Поэтому автор и оставляет его умирать в любимом им доме и саду, а не в больнице, среди чужих и равнодушных людей. Как писал Б.И. Зингерман, «тема утрат и расставаний срачивается в этой комедии с темой обретения и встречи, бесконечной смены времен года и смены поколений – с предчувствием чуда, вечного чуда обновления жизни, как в мифе об умирающем и вновь рождающемся Дионисе» [6: 383].

Этнокультурно насыщена и фамилия Лопихина. Обращение всего к двум, но очень авторитетным источникам это подтверждает. Речь идёт о «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля и «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. У Даля читаем: «Лопастый <...> род водяного, <...> проклятые люди, нетерпеливо ожидающие светопредставления; они тайком проказят» [3: 266]. Вероятно, с этим словом этимологически связано и другое, тоже «водяное»: *лопасть* – это часть весла. Возможен и другой ассоциативный ряд: *лопата* – «предмет для копки, выгребу» [3: 266], *лопатник* – «землекоп, работник с заступом» [3: 267], то же, что могильщик. Есть еще слово *лопать* – «разрывать от напору изнутри, трескаться. *Обруч, струна лопнула* (выделено мной. – М.Л.) <...>» [3: 267]. *Лоп* у Фасмера – «некрещеный младенец» [13: 517], *лопань* – «колодец на болоте» (ср.: *лопастый* – водяной у Даля), *лопарь* – «неверующий, еретик», *лопастый* – «домовой» [13: 518] – всё нечистая сила. Слово *лопать* М. Фасмер связывает с «криком совы» [13: 519]. На реплику Лопихина Гаев отвечает предположением, что кричит цапля. «Или филин...» – добавляет Петя [14: 224]. Филин – это птица ночи, он связан со смертью, обладает демоническими свойствами [2: 568–586]. Существовала примета: если филин кричит, говорили: «хозяина выживает» [5: 162]. Именно это, будто против своей воли, делает Лопихин, в образе которого большинство чеховедов отмечает отсутствие «личной заинтересованности в разорении Раневской» [12: 17].

Симеонов-Пищик – этот персонаж в силу своего периферийного положения в комедии редко привлекал внимание исследователей. Фамилия его вызывающе фольклорна. Первая её часть ассоциируется со сказкой «Семь Симеонов», особенно учитывая дублирующееся имя Борис Борисович (двух Симеонов мы уже имеем). Вторая же часть фамилии – Пищик – прямо восходит к театру Петрушки, где специальное приспособление для создания писклявого, высокого голоса говорящего за Петрушку кукольника называлось *пищик*. Двойную фамилию этот персонаж имеет лишь в афише, в тексте везде обозначен просто *Пищик*. Он не принимает участия в движении сюжета пьесы, общая драма обходит его стороной, он представляется случайным персонажем, статистом. Однако он образует свой, особый, внутренний сюжет, сюжет в сюжете, связанный с сюжетикой и поэтикой театра Петрушки. В первом действии он советует Раневской: «Не надо принимать медикаменты, милейшая... от них ни вреда, ни пользы... Дайте-ка сюда ... многоуважаемая. (*Берет пилюли, высыпает их себе на ладонь, дует на них, кладет в рот и запивает квасом.*) Вот! *Любовь Андреевна (испуганно)*. Да вы с ума сошли! *Пищик*. Все пилюли принял. *Лопихин*. Экая прорва. *Все смеются*. *Фирс*. Они были у нас на Святой, полведра огурцов скушали... (*Бормочет.*)» [14: 208].

Этот нарочито-фарсовый эпизод направлен на то, чтобы рассмешить присутствующих, разрядить напряженную обстановку предстоящей продажи усадьбы, но одновременно, в «петрушечном» контексте, он отсылает к сценке «Петрушка и доктор» и характеризует Пищика как проказника, трикстера. А трикстер, как известно, действует на переломе эпох. Это «не только и не просто насмешник. Часто он сам вызывает насмешку, это своего рода “мифологический дурак”» [7: 31].

Но реплики Пищика содержат не только мотив театра Петрушки. Третье действие открывается его рассказом о лошади, от которой «будто древний род наш Симеоновых-Пищиков происходит». И после слов Трофимова, что в его фигуре есть что-то лошадиное, Пищик добавляет: «Что ж ... лошадь хороший зверь... Лошадь продать можно...» [14: 229]. Среди основных сцен

традиционной комедии о Петрушке А. Некрылова называет покупку лошади и испытание её, лечение Петрушки, сцену с невестой [11: 95]. Есть в репликах Пищика и брачный мотив: «Очаровательнейшая Шарлотта Ивановна... я просто влюблен...» [14: 231]. И даже мотив «Петрушка и музыкант»: «Хороший человек, но плохой музыкант», – называет его Шарлотта [14: 231].

Пищик – любитель рассказывать всякие небылицы. Его речь (как и фамилия Симеонов-Пищик) стилистически многопланова, в ней высокое соседствует с низким, серьезное с комическим, причём в пределах одной фразы или реплики, что является характерной чертой стилистики народной драмы, ее трагифарсового характера. Речь Пищика изобилует народными выражениями, прибаутками, характерными для жанров ярмарочного фольклора: «пропадай моя телега, все четыре колеса...» [14: 204], «попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй», «голодная собака верует только в мясо» [14: 229] и др. Использование приёмов народной комической речи отличает язык Петрушки. Пищик вносит в пьесу стихию народного праздника, он единственный герой пьесы, который в обстановке всеобщих потерь не теряет, а приобретает. Даже Лопихин, становясь владельцем сада, разрывает человеческие связи с Раневской, Гаевым, Варей. Пищик же никогда не теряет надежды: «Вот, думаю, уже все пропало, погиб, ан, глядь, – железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили. А там, гляди, еще что-нибудь случится не сегодня-завтра...» [14: 209]. Он такой же неунывающий оптимист, как Петрушка, которого в конце каждого представления съедает собака, утаскивает баран или черт, но это никого не пугает. Как говорится в одной кукольной пьесе: «Кончилось дело. Петрушку собака съела. Одно кончается – другое начинается» [10: 263]. В следующем представлении Петрушка явится перед зрителями живой и невредимый. Вот и с Пищиком произошло событие не менее удивительное и фантастическое, чем воскресение Петрушки: «Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину... (! – М.Л.)» [14: 249]. Это вполне в духе философии, которой придерживается Пищик и его фольклорный прообраз: прыгать с крыши и в этом вся задача!

Пищик выпадает из линейного времени жизни и помещается в циклическое время пьесы, что вселяет надежду на возрождение и обновление. Жизнь не кончается, даже если личные обстоятельства человека входят в противоречие с природной цикличностью. В «Вишнёвом саде», как заметил Б. И. Зингерман, «тема утрат и расставаний срачивается <...> с темой обретения и встречи, <...> вечного чуда обновления жизни, как в мифе об умирающем и вновь воскресающем Дионисе» [6: 383].

Таким образом, собственные имена персонажей не только характеризуют их, не только вписываются в общий смысл комедии, но и служат аргументом в характеристике её жанровых свойств, закрепляя тему жизненного круговорота, смены смерти рождением, а также являются одним из способов создания чеховского подтекста, образуя своего рода скрытые микросюжеты.

Список литературы

1. Абрамян Л. А. Беседы у дерева. Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 272 с.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. Москва: Индрик, 1997. – 912 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. Москва: Русский язык, 1979. – 779 с.
4. Емельянов Л. Н. Методологические вопросы фольклористики. Ленинград: Наука, 1978. – 206 с.
5. Заянчковский И. Ф. Животные, приметы и предрассудки. Москва: Знание, 1991. – 256 с.
6. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. Москва: Наука, 1988. – 521 с.
7. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. Москва: Наука, 1987. – 270 с.
8. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. Москва: Учпедгиз, 1957. – 620 с.
9. Медриш Д. Н. Поэтика русской народной лирической песни: Метод. рекомендации. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1989. – 20 с.
10. Народный театр / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Ф. Некрыловой, Н. И. Савушкиной. Москва: Совет. Россия, 1991. – 541 с. (Библиотека русского фольклора. Т. 10).

11. Некрылова А. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. – 254 с.
12. Полоцкая Э. А. «Вишнёвый сад»: Жизнь во времени. Москва: Наука, 2003. – 381 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Терра-Азбука, 1996. – 672 с.
14. Чехов А. П. Вишнёвый сад // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 13. Москва: Наука, 1978. – С. 195–254.

***

ИНТЕРТЕКСТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОНИМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА М.Е. Ляпидовская

Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются различные способы актуализации интертекстового потенциала антропонима. Проанализированы конструкции прилагательное + антропоним, где прилагательное выступает в качестве проводника интертекстового антропонима. Также рассмотрены антропонимы в составе сравнительного оборота, который является наиболее частотной конструкцией, вводящей интертекстовые отсылки.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, антропоним, интертекстовый потенциал, актуализаторы интертекстовости, сравнительный оборот.

Лингвистический термин «интертекстовый антропоним» указывает на наличие межтекстовых (деривационных) связей, закрепленных за именем собственным, отражает цитатный характер данных единиц, а также их связь с исходными вербальными и невербальными претекстами. Антропонимы, имеющие связи с другими текстами, обладают значительным семантическим потенциалом, богатой «культурной памятью», поскольку «помнят» свои предыдущие употребления в других текстах и, следовательно, приносят в новый текст различные смыслы, идущие от предыдущих употреблений.

Стоит отметить, что в силу социальных и культурных изменений интертекстовые антропонимы, включенные в когнитивную базу языковой личности писателя, могут не осознаваться средним носителем языка как прецедентные имена: современный читатель может не знать источник интертекстового антропонима и те когнитивные смыслы, которые вкладывает в него автор текста. Особенно это касается эпистолярного жанра, поскольку автор писем всегда обращается к конкретному читателю, видит в нем достойного собеседника и ждет от него понимания.

Как правило, интертекстовые антропонимы в художественных произведениях связаны со вторичными текстами, а не с их первоисточниками. Так, в романе Н.С. Лескова «Обойдённые» источником интертекстового антропонима стала баллада В.А. Жуковского «Эолова арфа», созданная на базе оссиановских поэм: *Могучий Орсал не повел ни усом, ни ухом: равнодушный, как вольтерьянец, к суду божескому, он знает не хотел ни о каком суде человеческом* (Обойдённые). В романе «Обойдённые» имя героя баллады приводится неточно: у В.А. Жуковского «могучий Ордал».

В этом же романе имена *Наль* и *Дамаянти* выступают как имена-символы любящих супругов: *Это был Наль, разлученный со своей Дамаянти; это было воплощение идеи духа, для которого немые все песни земли, который знает другие песни и полон томительного желания снова услышать их памятные звуки* (Обойдённые). *Я знаю, что я хороша, и вы мне этим не польстите. И вы тоже ведь очень... этаким интересным Наль, тоскующий о Дамаянти...* (Обойдённые). *Наль и Дамаянти* – герои поэмы В.А. Жуковского «Наль и Дамаянти», написанной по мотивам древнеиндийской поэмы «Махабхарата».

В тексте-реципиенте интертекстовый антропоним может сопровождаться паспортизацией (не всегда точной), своеобразными оговорками, указывающими на претекст того или иного ономастического включения. Так, в романе «На ножах» Лесков указывает на источник образного сравнения с антропонимическим компонентом, деривационной базой которого является открытое письмо А.И. Герцена «Бруты и Кассии III отделения (Письмо к русскому послу в Лондоне)»: *Так, увезу, как бородатую Прозерпину, если тебе нравятся герценовские сравнения. Мы уедем с тобой от всех здешних напастей...* (На ножах).

В качестве актуализатора интертекстовых связей может выступать и отрицание: *Я правда не Печорин, но я равнодушен к жизни* (На ножах). *Не Молчалин он, а я не Софья Павловна* (Обойдённые).

Лексические актуализаторы интертекстовости представляют собой элементы содержательной структуры исходного текста, которые выносят на первый план смыслы, стоящие за интертекстовым антропонимом: *Но что бы вы думали? – ведь не один простосердечный ветхозаветный Аммос, собирая ягоды, вдруг стал пророчествовать, – и мой Кириак мне напроорочил, и его слова «да запретит тебе Христос» начали действовать* (На краю света). Амос – библейский пророк, был пастухом и собирал ягоды, когда Бог приказал ему пророчествовать: *И отвечал Амос и сказал Амасии: я не пророк и не сын пророка; я был пастух и собирал сикоморы. Но Господь взял меня от овец, и сказал мне Господь: «иди, пророчествуй к народу Моему, Израилю»* (Книга пророка Амоса 7: 14–15). Интертекстовое включение имеет следующую структуру: ядро – Аммос, актуализаторы интертекстовости – *собирал ягоды, пророчествовать*.

В качестве актуализаторов интертекстовости могут выступать также единицы словообразовательного уровня. Например, в романе «Некуда» маркиза де Бараль, либералка, принимающая у себя в салоне недовольных властью, названа *Баралихой*. Прототипом маркизы де Бараль послужила графиня де Салиас (писательница Евгения Тур), которую Н.С. Лесков фамильярно называл *Салиасихой*. Прозвище персонажа создается по той же словообразовательной модели, по которой было образовано прозвище графини де Салиас. Способ словообразования в контексте романа становится аллюзивной отсылкой к имени реального исторического лица, то есть актуализирует интертекстовый потенциал ономастической единицы. Здесь антропоним выступает как отсылка не к тексту, а к реальному историческому персонажу.

Ещё один пример актуализации интертекстовых связей за счёт словообразования интертекстового антропонима: *Так уж если взятие Трои, судьба Елены и гнев Зевеса беспрестанно перемешивались с рассказами о геройских попойках Атридовичей, так как же уж теперь-то, в наши времена, водке не играть первенствующей роли, когда все наши главные капиталисты именно водкою-то и разжились?* (По винному вопросу). Атриды – потомки мифического Атрея, Агамемнон и Менелай, герои греческих преданий эпохи Троянской войны. Отчество Атридовичи образовано от полного имени Атридпри помощи суффикса *-ович*. Это одна из продуктивных моделей образования русских отчеств. Подобного рода окказионализмы «в типичной для Н.С. Лескова манере «язвительной сатиры» высмеивают поощряемую правительством откупную систему, упростившуюся в России во второй половине XIX века» [Головачева 2015: 256].

Ещё один пример интертекстового потенциала антропонима – латинизированное имя героя *Фебуфис* в романе «Чёртовы куклы», которое дословно переводится как «сын солнца». Феб – одно из имен Аполлона, бога солнца, поэзии, искусства. В образе Фебуфиса воспроизведены некоторые черты портрета и характера К.П. Брюллова, а также отдельные факты его биографии. Сперва герой соответствует образу, стоящему за именем, но затем обнажается внутреннее несоответствие имени, «образа – маске, что и позволяет воспринимать Фебуфиса в низком, комическом плане, несмотря на его претензии обратного порядка» [Шелаева 2013: 113].

Показателем интертекстовости антропонима могут быть так называемые слова-сопроводители, которые вносят дополнительные смысловые компоненты в семантику антропонима, а также служат сигналами перенесения антропонима в другую когнитивную систему, в другое

когнитивное пространство, например: *Каин бесприютный, старгородский Робинзон, новый Вадим* (Вадим – герой поэмы В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев Старинная повесть в двух балладах»), *Фигаро нетленный, восторженная Норма* (персонаж оперы В. Беллини «Норма»), *русская Титания, медицинский Гамлет, институтский Малек-Адель* (герой романа французской писательницы Марии Коттен «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов»), *уездный Отелло, местный Репетилов, новый Лафайэт, новый Диоген, русский Шатобриан*. Слово-сопроводитель может выступать в несвойственном ему значении, например, *сермяжный Голиаф*, где **сермяжный** – ‘сделанный из сермяги’, **сермяга** – ‘толстое, грубое некрашеное крестьянское сукно’ [Полный церковно-славянский словарь].

В своих письмах Н.С. Лесков часто использует прием обыгрывания антропонима в сочетании с определителями для создания сатирической оценки современников. Так, сочетаемость популярных имён детских повестей с определителем **вечные** указывает на негативную оценку Лесковым детских повестей Щепиной: *Почему К<атерине> В<ладимировне> не написать томика два о борцах за русскую народность на окраинах России? Я уверен, что если бы Вы ей надумили, как с этим обойтись, то это были бы произведения далеко более интересные и полезные, чем вечные Петеньки и Оленьки детских повестей невысокой пробы* (письмо И.С. Аксакову).

Еще один пример подобного употребления антропонима: *Это просто какой-то литературный Агасфер: тому сказано: «иди», а этому: «пиши», и он пишет, пишет, и за что ни возьмется, все опошлит* (письмо И.С. Аксакову). «Какой-то литературный Агасфер» – сатирическая номинация В.П. Мещерского, писателя и публициста, издателя-редактора журнала «Гражданин». Имя Агасфер вводится с целью создания в письме иронии, приближающейся к сарказму, что усиливается за счет лексем-сопроводителей *какой-то, литературный*. Агасфер – ‘иерусалимский сапожник, который прогнал Иисуса Христа, изнемогавшего под тяжестью креста на пути к Голгофе и отдохавшего у его дома. В наказание Агасфер был лишен возможности умереть, обречен на вечные странствия, по слову Иисуса: «Я отдохну, но ты будешь ходить, пока я не возвращусь» [Мокиенко 2010: 31]. Комический эффект усиливается за счет сравнения двух несопоставимых ситуации: вечное скитание по миру и литературное творчество Мещерского: *тому сказано «иди», а этому «пиши»*.

Конструкции *прилагательное + антропоним* указывают на основание (признак), который лежит в основе переноса антропонима в новый текст. Однако прилагательное и антропоним могут расходиться по семантическому значению. Например, в письме Л.Н. Толстому поэт, прозаик, драматург и цензор А.Н. Майков назван *гнилозубый Аполлон*: *гнилозубый Аполлон, как I № цензуры иностранной, дал «брату Якову» поручение составить доклад о Ваших сочинениях на англ<ийском> языке*. (письмо Л.Н. Толстому). Подобная номинация является средством выражения негативного отношения Н.С. Лескова к цензору А.Н. Майкову, а комический эффект поддерживается за счёт несовпадения концептуального значения имени и его сопроводителя «гнилозубый». В сознании носителей языка Аполлон – это покровитель искусств, символ красоты.

В публицистическом тексте имя собственное также выполняет оценочную функцию. *Гораздо дороже мнение таких людей, как профессор Вальтер и его почтенные сотрудники, откровенно и честно обнажившие перед русским обществом все возмущающее безобразие русского медицинского управления, колоссальное невежество и корыстолюбие разных Юпитеров громовержцев медицинского Олимпа* (Вопрос о народном здоровье). Антропоним Юпитер реализуется в новом тексте в форме множественного числа, а лексема-сопроводитель «разных» указывает на переход имени из когнитивного пространства римской мифологии в когнитивное пространство нового текста. Все эти приёмы позволяют писателю продемонстрировать свое негативное отношение к медицинскому управлению в России.

Подобное употребление имени используется Лесковым и для описания комической ситуации, в качестве эвфемизма: *Скуки здесь вдоволь, а грубо циничного немецкого разврата еще*

более. *Немецкие Дианы охотятся по лесам, поражая грубый пол своими стрелами, а людей безтолковых бьют зонтиками, что уже и со мною случилось* (письмо М.Г. Пейкер).

В качестве сопроводителя может выступать притяжательное местоимение *наш* либо прилагательное *новый* как характеристика персонажа: *Наш медицинский Гамлет всегда мрачен* (Некуда). *Стоят они даже не ожидая, что к ним придет новый Гедеон, который выжмет перед ними руно и разобьет водонос свой...* (Обойдённые). *Однако наша Юдифь, кажется, начинает кокетничать* (Некуда). *Да, это была новая Далила, глядя на которую наш Сампсон не замечал, как жречески священнодействовавший немец прибрал его ganzakkurat до самого черепа* (Обойдённые). *Где-то мелодически рокотали приветные колокольчики, на звуки которых он готов был спешить, как новый Вадим* (На ножах). Притяжательное местоимение *наш* служит для противопоставления своего и чужого; определитель *новый* подразумевает возможность «повторения и роста тех качеств, которые предидируются субъекту» [Фролова 2003: 72]. Антропоним становится обобщенно-типизированным знаком, эталоном, указывающим на людей, обладающих теми или иными качествами.

Часто конструкцией, вводящей в текст интертекстовую отсылку, оказываются сравнительные обороты, в состав которых входят антропонимы. Анализ произведений Н.С. Лескова показал частотное употребление антропонимов в составе сравнительного оборота. Сравнительный оборот описывает некую стандартную эталонную ситуацию, которая обладает определенным набором дифференциальных признаков. При использовании подобных союзных сравнений с ономастическим компонентом автор обязательно проясняет читателю основание для сравнения. Можно выделить два типа подобных структур.

1. Сложная предикативная структура (сравнительное придаточное). Сравнительное придаточное предложение, включающее ономастический компонент, развивает основное содержание главного предложения, дополняет его семантику. *Пишешь это, будто как Паганини иногда играл: «для кого-то одного в партере»* (Письмо А.С. Суворину).

2. Простая непредикативная структура – собственно сравнительный оборот. Интертекстовый антропоним «втягивает» за собой свои контексты из исходного текста, а в новом тексте происходит лексическая и морфологическая трансформация исходных элементов претекста:

Неужели я буду неблагодарный, как Альфред, которого ряженые солдаты по домам представляют? (Грабёж).

Я не пуцал, а он, как Спиноза, промеж ног проюркнул (Шерамур чрева-ради юродивый).

У нас по дмитровскому рубежу жил еще дворянин Клопиков, который был скуп, как Плюшкин, и так же, как Плюшкин, ходил с ключами, в женской куцавейке и с головою, повязанною женским повойником (Пресыщение знатностью).

Он, как Хлестаков, любил только, чтобы ему оказывали «преданность и уважение, – уважение и преданность» (Некуда).

В ядерную (сравнительную) часть входит интертекстовый антропоним (*Альфред, Спиноза, Плюшкин, Хлестаков*), а на периферии находятся трансформированные элементы претекста, в свою очередь, антропонимический компонент структуры актуализирует инотекстовый характер включения. Данные антропонимы несут когнитивные смыслы, идущие от предыдущих употреблений, а дополнительные значения получают уже в новом тексте.

Подобные лексико-синтаксические конструкции имеют многочленную антропонимическую структуру, то есть включают несколько интертекстовых антропонимов, поскольку появление одной антропонимической единицы неизбежно порождает другие ассоциативно связанные с ней интертекстовые единицы, например *Товий – Рафаил, Илья – Егова, Дафан – Авирон: ...потому что со мною, как с Товием, идет мой Рафаил, который научит меня достать желчь, нужную для просветления мысленных глаз моих* (Детские годы, из воспоминаний Меркула Праотцева). *Я Вас видел в магазине, но видел, как Илья видел Егову – «задняя» Ваша, когда Вы уходили к Зандорку...* (письмо А.С. Суворину). *И земля пожрет тебя, яко Дафана и Авирона, и да восприемлеши проказу Гиезиеву и удушение Иудино* (Заячий ремиз).

Итак, интертекстовые антропонимы – это не просто знаки, указывающие на некую известную ситуацию, событие, происшествие, они сами представляют собой свернутый текст в тексте. Безусловно, антропонимические единицы обладают интертекстовым потенциалом, поскольку сохраняют межтекстовые связи, отсылки к другим текстам, несут определенные когнитивные смыслы. Актуализация интертекстовости реализуется за счет включения антропонима и других единиц претекста в новый текст за счет сравнительных оборотов. Также актуализатором интертекстовости могут выступать различные словообразовательные модели, отрицательные конструкции и слова-сопроводители. Антропонимы, как правило, могут выполнять несколько функций: интертекстовую функцию, демонстрируя связь текстов с духовно-нравственным фоном эпохи, кумулятивную и оценочную.

Список литературы

1. Головачева, О.А. Антропонимы в ранней публицистике Н.С. Лескова. Функциональный аспект. / О.А. Головачева // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований: Сб. матер. междунар. научно-практ. конф., посвящ. 85-летию Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского и 20-летию филиала ун-та в г. Новозыбкове: в 2-х ч. Ч.1. / ред. кол.: В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтов, С.Н. Стародубец. Брянск: Изд. БГУ, 2015. – С. 252–256.
2. Полный церковно-славянский словарь / Сост. свящ. магистр Григорий Дьяченко [электронный ресурс] // URL.: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavyanskij-slovar/18 (дата обращения: 31.03.2022)
3. Фролова, О.Е. Имя собственное в культуре и речи / О.Е. Фролова [электронный ресурс] // URL.: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2003-6/68-72> (дата обращения: 31.08.2022)
4. Шелаева, А.А. О западноевропейских корнях русского романа: плут, шут и дурак в романе Н.С. Лескова «Чертовы куклы» / А.А. Шелаева [электронный ресурс] // URL.: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2013/01/2013-01-26.pdf> (дата обращения: 31.03.2022)
5. Мокиенко, В.М. Толковый словарь библейских выражений и слов / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. М.: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.

***

ЗНАЧИМОСТЬ АНТРОПОЭТОНИМОВ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМЕ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА УГАРОВА «ЗЕЛЁНЫЕ ЩЁКИ АПРЕЛЯ»

И.М. Петрачкова

*Гомельский государственный медицинский университет
(Гомель, Республика Беларусь)*

Аннотация. Статья посвящена изучению значимости антропоэтонимов, функционирующих в постмодернистской драме конца XX века М. Угарова «Зелёные щёки апреля». Проанализировано ономапоэтическое пространство пьесы, выявлена его специфика. Исследован прагматический потенциал проприальных единиц в текстовом корпусе драмы М. Угарова. Установлено влияние выбора ономапоэтических средств на создание пародийно-ироничного авторского контекста, отражающего мировоззрение современного драматурга на историю русской революции и ее вождей. Представлена классификация типов имен действующих лиц, зафиксированных в пьесе исторической направленности. Материалы ономапоэтических изысканий, отраженные в статье, найдут практическое применение в научно-исследовательской и педагогической деятельности литературоведов и лингвистов.

Ключевые слова: постмодернистская драма; антропоэтоним; имя собственное; поэтонимосфера; проприальная единица; суггестивность; прецедентное имя.

Исследование языка современных драматургических произведений представляется нам весьма актуальным направлением при изучении и анализе регулярно появляющихся произведений художественной литературы. Имена собственные (далее ИС) являются значимой составляющей языка любого художественного текста (ХТ), в том числе и сочинений, написанных для современного театра. В этой связи исследование ономапоэтического пространства (поэтонимосферы) пьесы исторической направленности М. Угарова свежо, актуально, поскольку понимание выбора ИС, их информативности, смысловой нагруженности, обусловленности контекстом и стилистикой такого феноменального художественного метода, как постмодернистская драма, позволят читателю / зрителю постичь культурные литературные коды писателя, наиболее глубоко осмыслить творческую концепцию мастера слова.

Цель нашей работы – установление значимости антропоэтонимов в проприальном пространстве исторической пьесы М. Угарова «Зелёные щёки апреля»; определение специфики авторских предпочтений в выборе ИС, присущей творческой манере драматурга. Причем, отметим, что слово ‘значимость’ по отношению к ИС драматургического текста понимается нами многогранно. В данную дефиницию в узком смысле мы вкладываем следующий подтекст: важность, значительность ономапоэтического средства, наличие у него значения, смысла в текстовом корпусе драмы, неслучайность использования автором самого антропоэтонима и его вариантов. В широком понимании значимость проприальной единицы, функционирующей в ХТ, – это совокупность всех возможных реляционных свойств онима как языкового знака, проявляемых им в системе ХТ в отношении к другим знакам, т.е. отношение и взаимодействие ИС с другими знаками в рамках языковой системы художественного контекста (ХК). Таким образом, чтобы установить значимость ИС надо сопоставить номинацию с другими единицами ХТ, а также его идейно-тематическим содержанием и авторской концепцией. Значимость поэтонима, на наш взгляд, реализуется в рамках взаимоограничения потенциала ИС и ХК произведения.

Объектом исследования данной статьи стала «опера первого дня» [Угаров 2019: 143] «Зелёные щёки апреля» (1994 г.), коренным образом отличающаяся от традиционных драм «вампиловского» и «поствампиловского» периодов развития современной русской драматургии. Предметом изыскания являются антропоэтонимы, функционирующие в данном произведении, их значимость как в узком, так и в самом широком понимании этого слова. Статья отражает результаты применения системного подхода к классификации ИС, функционирующих в драматургическом тексте, раскрывает дескриптивный, структурно-семантический, лингвокультурологический, парадигматический, прагматический аспекты их анализа, а также метод количественных подсчётов.

Комплекс всех ономапоэтических средств, используемых художником слова в ХТ драмы, с точки зрения парадигматики условно можно разделить на две группы: *антропоэтонимы* (35 языковых единиц) и «*фоновые*» *номинации* (57 ИС). Все драмы, в том числе и постмодернистские, в основном отличаются антропоцентризмом, поэтому на первый план выходит значимость имен действующих лиц пьесы – антропоэтонимов. Как правило, в данном ХТ они именуют «героев-симулякров», которые сохраняют в себе «копию» оригинала, но это «копия копии», ярко обнаруживающая черты реальных исторических лиц. В этой связи все антропоэтонимы (38 %) драмы подразделяются на вымышленные *индивидуально-авторские* (ИАИ): ИС *сюжетных* персонажей – *Серёжа / Шурупчик, Лёвочка Бунтман, Лисицын, Крупа, Бауэр*, номинации *внесюжетных* (лишь упоминаемых в ХК действующих лиц) – *Ниночка, Вера Карловна, Александр Ипполитович, Кока, Мика, Николай, Василий Алексеевич, фройляйн Лискен* (всего 14 номинаций); и *прецедентные* (аллюзивные) имена (ПИ): большинство из них обозначают *внесюжетных* героев ХК – ИС литературных, сказочных и исторических персонажей *Сандрильона, Гамлет / принц Датский, Офелия, Озрик, Мамай, Ногай, хан Тохта, Вильгельм Телль, Россини, Геслер, Вагнер, генерал Куропаткин, генерал Ноги, Папагено*, отапеллятивные образования, возведенные в ранг ИС, *Первый могильщик, Второй, Гонцы*, но большая семантическая нагрузка отводится все же ИС сюжетных персонажей – *Володя, Надежда*, а также прозвищам-псевдонимам Н. Крупской – *Минога, Рыба* (всего 21 единица).

Яркой отличительной чертой значимости антропонимов в постмодернистской пьесе выступает их суггестивность (от англ. *suggestive* – ‘указывающий’, ‘намекающий на’, т.е. наводящий на размышления [Англо-русский учебный словарь 2006, II: 1063]). Оним называется суггестивным, если он заставляет усиленно работать воображение читателя / зрителя, вызывает яркие эмоциональные переживания, раскрывает новое миропонимание или обновляет старое в пределах ХК пьесы. Действительно, речь в драме идет об известных персонах, чья деятельность повлияла на ход истории и дальнейшую судьбу России. Главный герой пьесы М. Угарова – *Володя Лисицын*, в котором по репликам («Ну-с! А у вас что, *батенька?*»; «Еще меня *картавым* дразнили» [Угаров 2019: 155]), жестам (*Потирает руки* [Угаров 2019: 155]), авторским ремаркам («*маленький, рыжеватый, в смешном и коротком костюме прогулочного фасона*» [Угаров 2019: 147]), речи («*Пг’оцайте, мы были г’ады пг’овести с вами вг’емя!*» [Угаров 2019: 166]) мы с легкостью узнаем легендарного политического деятеля, вождя русской революции Владимира Ульянова (Ленина), находящегося в эмиграции в Цюрихе. К тому же вполне вероятно, что у русского марксиста, спасающегося от преследования царской охраны, там мог быть псевдоним (к примеру, *Лисицын*), поскольку, по свидетельствам историков, у Владимира Ульянова по причине конспирации было более 150 разных имен. Автор демонстративно привлекает внимание читателя / зрителя в ХК к антропонимам. ИС заставляют работать воображение и вызывать целый ряд ассоциаций. Это касается всех разрядов поэтонимов: ИАИ и ПИ, а также «фоновых» номинаций. М. Угаров обыгрывает либо мотивирует номинации в ХК: *СЕРЕЖА*. ...*Зачем вы меня мальчиком называете? Мне уж двадцать один, и меня зовут Сережей. ЛИСИЦЫН (кивая). Володя*. <...> *Я – Володя. А она вот – Крупа*. <...> *СЕРЕЖА. Крупа? Это фамилия такая? КРУПА. Это прозвище. А зовут меня Надеждою*. <...> *ЛИСИЦЫН*. ... *А фамилия моя такая: Лисицын. КРУПА. У меня еще прозвища есть. Минога – раз. Рыба – два. СЕРЕЖА. Но ведь прозвища – это ж совсем детское дело. А вы... ЛИСИЦЫН. Так надо, чтоб прозвище. СЕРЕЖА (осторожно). Вы революционеры?* [Угаров 2019: 155]. По семантической значимости автор использует только метало-гически значимые антропонимы, отражающие образные, переносные или фигуральные значения номинаций действующих лиц (косвенно- и скрытоговорящие ИС) с целью характеристики внешних либо внутренних свойств и качеств персонажей [Петрачкова 2021: 69–70]. Главные действующие лица «оперы первого дня» хорошо узнаваемое семейство Ульянова-Крупской являются носителями метало-гически значимых фамилий-псевдонимов и прозвищ: *Лисицын* отличается хитростью и осторожностью (ср. *лисица, лиса* – перен. ‘о хитром, льстивом человеке’ [Словарь русского языка 1986, II: 186]), прозвище *Крупа*, скорее всего, образовано от фамилии *Крупская* (об этом напоминает внешний облик женщины: *КРУПА же никакая, опывшая, неуклюжая, держится деревянно, так, как будто специально нанята им на роль угрюмого ассистента* [Угаров 2019: 146]). Реально существовавшие прозвища *Минога* (ср. *минога* – ‘водное позвоночное животное с голым угревидным телом’ [Словарь русского языка 1986, II: 273]) и *Рыба* (перен. *Рыба* ‘о вялом, медлительном или холодном, бесстрастном человеке’ [Словарь русского языка 1987, III: 743]) были, вероятно, присвоены *Крупской* как с целью конспирации, так и с учетом внешних составляющих образа Надежды. Действительно, в истории за *Крупской* закрепился тип немолодой грузной женщины, изуродованной базедовой болезнью, которую товарищи по партии часто называли *Рыбой*, *Селедкой*, а муж — *Миногой*. Однако в творчестве писателя суггестивностью обладают не только они, которые имеют «герои-симулякры», но и вымышленные ИАИ, обладающие скрытой, «завуалированной» семантикой. Употребление в ХТ постмодернистской драмы значимого ИС, номинации-вывески, напоминающей фамилию иноязычного происхождения, местного крестьянина, птицелова – *Бауэр*. С немецкого языка апеллятив *Bauer, der (die Bauern)*, возведенный в ранг ИС, переводится как ‘крестьянин’ или ‘фермер’ [Немецко-русский, русско-немецкий словарь 2011: 7], что также, на наш взгляд, содействует реализации авторской концепции, а именно созданию образа типичного представителя немецких крестьян.

Метод количественных подсчетов демонстрирует, что среди антропонимов в приоритете у мастера слова ПИ (60 %). Безусловно, такое преимущество аллюзий отнюдь не случайно. Прагматическая значимость антропонимов, которая возлагается на них, прежде всего, связана

с авторскими возможностями посредством данных языковых единиц лаконично в концентрированном виде исчерпывающе выразить свою концепцию, видение, неординарный взгляд на воссоздаваемые исторические события и знаковых деятелей эпохи, в частности, семейство Ульянова-Крупской. Ведь философский пласт в постмодернистской драме не лежит на поверхности. Модель героя здесь представляет пародию на образцы «оригинала» и отражает современный взгляд на социум, конкретных исторических личностей и их современников. Прибегая к ПИ, М.Угаров подвергает осмеянию стереотипы массового сознания, играет со «сверхтекстами» культуры. Так, автор создает контраст в восприятии личности Ульянова-Ленина, который, с одной стороны, проявляет себя как эстет, восхищающийся великим искусством и постоянно подчеркивающий свою причастность к нему. Вот он неоднократно констатирует факт посещения оперы: *А мы вот только что были в опере, Вагнера слушали* [Угаров 2019: 155]; *А мы только что были в опере, слушали Россини, Вильгельма вашего, Телля* [Угаров 2019: 159]. Но, с другой стороны, тут же М. Угаров обнажает стремление героя развязать гражданскую войну в России («*Пускай внешняя война перерастет во внутреннюю. Отечественная в гражданскую*» [Угаров 2019: 159–160]), создать хаос и беспорядок ради воплощения своей революционной мечты и изменения мироустройства. Более того Крупа и Лисицын смеются над русской историей. Молодой интеллект и патриот Сережа с горечью вспоминает наиболее масштабное сражение под Мукденом, самое кровопролитное во время русско-японской войны, окончившееся победой Японии, на что слышит от Крупы и Лисицына критику и осмеяние в адрес непосредственного участника и командующего этой операцией русского генерала *Куропаткина*: *КРУПА. Не умеешь – не берись! Делай ноги! СЕРЕЖА. Он – герой! Генерал Куропаткин! КРУПА. Герой крикнул «ой!»! ЛИСИЦЫН. Герой командовал козой! Смеются* [Угаров 2019: 157]. С пренебрежением относятся Крупа и Лисицын к исконной тяге русского народа к творчеству, участию в самодеятельности, игре в любительских театрах. Сережа, например, с умилением и восторгом вспоминает проведенные летние вечера на даче и игру в любительских спектаклях, где «*агрономический инженер, интеллигентнейший человек*» *Александр Ипполитович* брал на себя роль режиссера, сам молодой человек играл *Гамлета*, а его возлюбленная *Ниночка Офелию*. Лисицын же раздражен данным фактом и гневно восклицает: *Сволочь ваш агроном! Какого черта он в режиссеры лезет? Роли раздаст? <...> Каждый провизор – любитель и знаток сцены. Каждая барышня, запудрив носик, идет страдать в актрисы. А доктора пишут пьесы. Дикая, гиблая страна. Доктор должен лечить животы, аптекарь толочь порошок, а барышня – беременеть по недосмотру!* [Угаров 2019: 163], тем самым напрочь отказывая русскому человеку в проявлении своего творчества и таланта. При этом, сам Володя, ратуя за профессионализм, восторгается неумелым пением оперной дивы фройляйн *Лискен*, даже не замечая, что та, напротив, по мнению Сережи, «*ужасно фальшивила*» [Угаров 2019: 165]. Так, М. Угаров благодаря взаимодействию ономапоэтических средств (ИАИ и ПИ), номинирующих внесюжетных лиц, и ХК развенчивает идеализированные в официальной культуре имиджи образов Ленина и Крупской. Семейство Ульянова-Крупской, изображаемое в пародийно-ироничном плане, «предстает как знак разрушения» [Гончарова-Грабовская 2003: 28]. Увлечение оперой, скандинавской мифологией, легендарными героями Швейцарии и одновременная демонстрация неуважения к своей истории, деятелям прошлого, русскому быту, традициям, интересам и потребностям людей, известными персонами драмы разоблачает их, показывая истинное лицо вождей мирового пролетариата, абсолютно далеких от чаяний своего народа. Применение вагнеровского, россиниевского именных кодов в ХК драмы используется писателем для того, чтобы противопоставить враждебность большевистской логики и этики миру подлинной культуры, нормам цивилизованности. Так М. Угаров с помощью значимого потенциала ономапоэтических средств отражает современный взгляд на личности Ленина и Крупской, обнажая их «духовную и моральную деградацию» [Гончарова-Грабовская 2003: 41].

Значимость имени в ХК может определять и его структура. Это проявляется в выборе драматургом частотной одокомпонентной модели номинации действующих лиц пьес (фамилия / имя

/ прозвище), реже используется двухчленная форма именования (имя + отчество) при назывании уважаемых лиц старшего возраста (*Вера Карловна, Александр Ипполитович, Василий Алексеевич*). В процессе общения применяется одночленная структура – имя или фамилия (*Серезжа, Лисицын, Володя, Надежда, Ниночка и др.*), прозвище (*Шурупчик, Крупа, Минога, Рыба*), что вполне соответствует избранному художественному методу, отражающему сферу бытовых отношений между людьми. М. Угаров стремится изобразить проявление личности через общение человека с другими людьми в той сфере неформальных отношений, где использование неофициальной формы ИС наиболее употребительно (дружеская беседа, диалог со случайным собеседником и пр.). Следовательно, присутствие вышеуказанных моделей в конечном счёте обусловлено творческой задачей автора пьесы, углом зрения, под которым изображается художественный мир произведений постмодернистской драмы. При использовании русского именослова в сфере неформальных отношений автор активно прибегает к вариативности имен как средству отражения межличностных отношений, а также указания социального статуса героев пьесы. Он использует такие модификаты, как гипокористики (*Володя, Надя, Серезжа, Кока, Мика*) и демиинутивы (*Левочка, Наденька, Надюша, Ниночка, Никоша*), которые указывают на достаточно теплые, близкие связи между персонажами драмы, отражают сферу личностных, бытовых взаимоотношений героев и реализуются в социально-речевой ситуации. Примечательно, что в данном ХК отсутствуют пейоративы и аугментативы. Это придает пьесе настроение позитива и душевности, связанное с передачей доброжелательной атмосферы во время случайной встречи на живописном фоне природы Цюрихского озера русских соотечественников.

Таким образом, антропонимы в постмодернистской драме М. Угарова содержат богатую историко-культурологическую, лингвистическую, и литературоведческую информацию. Значимость ономастической лексики в творчестве М. Угарова подтверждается ХК пьесы. В переходный период становления русской драматургии писатель задействует весь спектр возможностей, которыми обладает ИС. Он использует комплекс суггестивных ономапоэтических средств, позволяющих четко соотносить основных героев драмы с известными историческими личностями. Этому служит применение суггестивных узуальных реалионимов, их прозвищ, личных имен для воссоздания историко-культурного фона, фактов биографии, подбор металогически значимых онимов с целью исчерпывающей обрисовки героев драмы, вариантов личных имен, а также ПИ, эксплицирующих авторский замысел, способствующих формированию содержательно-смысловой структуры произведения, взаимодействующих с другими компонентами текста драмы. Антропонимы обладают одночленной, реже двухчленной структурой, воссоздающей бытовую сферу общения. Выбор внесюжетных ПИ способствует отражению авторской концепции и развенчанию идеализированных имиджей исторических деятелей.

Список литературы

1. Англо-русский учебный словарь Collins COBULD. В 2-х т. Т. 2. Москва: Астрель: АСТ, 2006. – 1500 с.
2. Угаров, М.Ю. Зеленые щеки апреля / М.Ю. Угаров // Гремина, Е.А., Угаров М.Ю. Пьесы и тексты: в 2-х т. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2019. – С.143–168.
3. Гончарова-Грабовская, С.Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века): уч.-методическое пособие: для студентов / С.Я. Гончарова-Грабовская. – Минск: БГУ, 2003. – 70 с.
4. Немецко-русский, русско-немецкий словарь / Сост. А.В. Добряшкина. М.: ВАКО, 2011. – 80 с.
5. Петрачкова, И.М. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова / И.М. Петрачкова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 1. – С. 64–76.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 3. М.: Русский язык, 1987. – 752 с.

***

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА И. П. ШУХОВА «ГОРЬКАЯ ЛИНИЯ»

Е.В. Сабиева, М.Е. Какимова, О.Б. Дедоченко,

Северо-Казахстанский университет им. М.Козыбаева (Петропавловск, Казахстан)

Аннотация. В статье исследуется ономастическое пространство романа И. П. Шухова «Горькая линия». Раскрывается понятие онима, рассматривается происхождение имен собственных в романе «Горькая линия». Дается градация онимов (топонимы, гидронимы, антропонимы, этнонимы, зоонимы). Авторы анализируют их с точки зрения культурной и исторической обусловленности.

Ключевые слова: ономастическое пространство; ономастическое поле; оним; антропоним; топоним; гидроним; этноним; зооним.

В нашем подсознании имеются исторические, культурные, социальные знания, которые оформляются с помощью лексических единиц и указывают на понятие. Данный пласт лексических единиц принято относить к фоновой лексике. А.В. Суперанская считает, что в лексическом фоне личного имени, который чаще всего и составляет национально-культурный компонент его семантики, содержится богатый страноведческий материал [Суперанская 1969: 114].

Семантика личного имени является более сложной, чем план содержания имени нарицательного, потому что имена собственные обладают национально-культурным значением, и оно происходит от истории и культуры народа-носителя языка [Верещагин, Костомаров 2005: 32]. Стоит заметить, что каждое имя собственное выражает не только индивидуальную информацию фонового характера, но и групповую, поскольку онимы не только обладают лексическим понятием, соотносясь с географическими объектами и историческими личностями, но также и им свойственен лексический фон.

Антропонимия, как составная часть ономастики, представляет собой огромный запас фоновых знаний носителей языка и культуры. Именно в данном разряде ономастической лексики отражена история, культура, язык определенного региона и их связь с другими приграничными этносами. По мнению А.В. Суперанской, «включение в антропонимические системы лексем, отражающих различные области материальной и духовной культуры, природу самого человека и окружающих его мест, - постоянно действующий фактор. Но использование этих лексем в разных условиях и в разные эпохи своеобразно» [Суперанская 1973: 76].

Для антропонимов национально-культурный компонент более характерен, чем для других онимов. Антропонимы обладают ярким лексическим фоном, поскольку в них отражаются особые условия жизни, климат, природа, культура. Компоненты лексического фона антропонимов относят его к общей совокупности имен, но с другой стороны, придают конкретному имени индивидуальный облик и наделяют своеобразными характеристиками. Углубленное изучение проблемы значения имени собственного позволяет раскрыть спектр научного поиска и иначе подойти к осмыслению теоретического материала, особенно в области роли имени собственного в художественном тексте.

Всю нашу сознательную жизнь имя играет важную роль. Так, по предположению Т. М. Николаевой, имена собственные имеют особые связи «в ментальности носителей языка», что имеется некая «культурная память» лексем, формирующаяся по своим законам, требующим самостоятельного изучения [Зинин 1980: 189]. Для проникновения в замысел автора важно раскрыть потаенный смысл произведений, рассмотреть жизненный уклад, речь, традиции и культуру людей прошлых поколений.

Творчество русского писателя Ивана Петровича Шухова частично изучалось исследователями, но никто не рассматривал его произведения с точки зрения изучения имени собственного.

Произведения И.П. Шухова изобилуют антропонимами и топонимами, это богатейший материал, который дает возможность наиболее точно, ярко и всеобъемлюще понять его творчество и проанализировать быт и культуру того времени. Для всего творчества И.П. Шухова ключевым понятием становится родное село Пресновка Северо-Казахстанской области – символ «Малой Родины» поэта.

Иван Петрович вырос в микроклимате дружеских межнациональных русско-казахских отношений, что также обусловило мотивированность онимов. Роман «Горькая линия» изобилует яркими антропонимами. Они выступают «...ядерными конституентами в ономастическом поле» [Мадиева, Супрун 2010: 1]. Погружаясь в текст романа, четко видишь яркий образ боевой Машки Байджигит, неугомонного Кирьки Караулова, решительного Егора Павловича Бушуева. Всё это не случайно, нужно очень тонко чувствовать, видеть черты характера и наделять своих героев говорящими именами и прозвищами.

Путём сплошной выборки были отобраны и классифицированы онимы. Проведенный анализ показал, что антропонимы представляют самый многочисленный пласт онимов, представленный в романе И.П. Шухова «Горькая линия». Далее, по степени распространения, следуют топонимы. Менее частотны в романе гидронимы. Исследователи гидронимии редко обращают внимание на речные верховья и истоки, однако эти участки русел были очень значимы для переселенцев, продвигавшихся в иные речные бассейны [Васильев 2019: 1]. Третий пласт составляют предметы культуры, науки и техники, так называемые, ктематонимами или хрематонимами. В романе они встречаются очень редко. Несмотря на малое количество в тексте зоонимов, мы считаем, что они ярко и красочно представляют картину бытования казаков, показывают традиционный уклад жизни, быт, ремесла, хозяйственную деятельность.

Классификация онимов из романа по разрядам

Антропонимы	Топонимы	Гидронимы	Этнонимы	Зоонимы
Андрей Шибалкин	Атбасар	Иртыш	Род Дулат	Пес Бисмарк
Даша Немирова	Верный	Иссык-Куль	Род Кейты	
Евсей Сударушкин	Китай	Ишим		
Егор Павлович Бушуев	Кокшетау	Семиречье		
Пашка Сучок	Петроград	Чаглинка		

Все имена, фамилии и прозвища, в романе реальные. Иван Петрович Шухов не только изучал исторические материалы, а сам являлся свидетелем описываемых событий: «Настолько осязаемо все изображенное им – и краски, звуки и запахи степи, и жилой уют чистых горенок с неизменными комодами в простенках, покрытых кружевными дорожками, с душистой геранью и подзорами никелированных кроватей, и весь камуфляж казачьих гражданских нарядов, военной амуниции и конской сбруи, и образ мысли станичников, их характеры и привычки, их характерные выражения и словечки, а главное – страсти, интересы, помыслы» [Шухов 1974: 8].

Интересными и колоритными, на наш взгляд, являются следующие онимы: **Атбасар** – город, расположенный в Акмолинской области. Основан в 1846 г. как казачья станица; в переводе с казахского, **ат** ‘лошадь’ и **басар** причастие от **басу** ‘топтать’, – станица появилась вблизи скотопробойной дороги, где ранее проходила конная ярмарка. **Байджигит** – прозвище, которое является составным и восходит к двум тюркским словам: **бай**, имеющему значение ‘богатый человек’, ‘землевладелец’, ‘скотовод’, и **жигит** (джигит) – ‘парень, юноша, молодец’. **Есбатыр** – казахское (тюркское) имя образовано от комбинации имён **Ес** – ‘опора’, ‘поддержка’ и **Батыр** – ‘богатырь, герой’. Кокшетау – город в Казахстане с 1895 года. Перевод с казахского – ‘синеватая гора, синегорье’. Салкын – имя переводится как ‘холодный’, в переносном значении – ‘суровый’. Фамилия полковника Шайтанова происходит от слова **шайтан** – в мусульманской мифологии ‘злой дух, дьявол’.

Если мы суммируем все имена собственные, так, по мнению С.И. Зинина, образуется ономастическое пространство [Суперанская 2003: 21]. Если же взять во внимание структурные связи и отношения, то выстроится иерархизированная совокупность онимов, где в центре базируется «личное имя, фамилия», а далее сферично от него располагаются теонимы, мифонимы и зоонимы. На следующем радиусе располагаются топонимы и космонимы, и замыкают эту сферу наиболее удаленные от антропонима – идеонимы и прагмонимы.

Ономастическое пространство может быть разделено на своеобразные секторы, внутри которых выделяются отдельные зоны или поля в соответствии с категориями собственных имен и характером называемых объектов [Никонов 1974: 139].

В.И. Супрун считает, что общее ономастическое направление рассматривает имя собственное разносторонне, определяется специфика имени собственного как языковая категория, подробно описывается структура его значения, степень мотивированности значения антропонимов, а также его способность быть именем собственным [Супрун 2000: 53]. В данном направлении и следует рассматривать функции антропонимов в речи, художественных текстах, языке, виды антропонимов, отличительные признаки имен, прозвищ, псевдонимов.

А. А. Фомин придерживается точки зрения, что художественный текст представляется как ономастическая модель мира со своей структурой, закономерностями и четко выраженной функцией имени собственного [Фомин 2004: 37]. Антропонимы, топонимы, гидронимы и прочие онимы, функционирующие в художественном произведении, могут быть самостоятельным объектом изучения, но если перечисленные онимы объединяются, то они представляют собой ономастическое поле.

Ономастическое пространство формирует в целом ономастическую картину мира, детерминированную миропониманием, мироощущением определенного этноса и является фрагментом языковой картины мира [Николаева 2001: 180]. Все имена, фамилии и прозвища в романе И. П. Шухова «Горькая линия» реальные. Автор не только изучал исторические материалы, но и сам являлся свидетелем описываемых событий.

Проведенный анализ онимов в произведениях И.П. Шухова позволил выделить такие группы антропонимов, как фамилии, имена и отчества (*Егор Павлович Бушуев, Авдей Иванович Лузин*): *Вот азиаты! «Наша да наша!» - раздраженно крикнул Егор Павлович Бушуев* (Шухов, с. 52); фамилии и имена (*Евсей Сударушкин, Алексей Стрепетов*): *И только Евсей Сударушкин продолжал по-прежнему стоять навтыяжку, как в строю* (Шухов, с. 37); имена и отчества (*Олимпиада Викинтьевна, Федор Егорыч*): *Все, как божий день, ясно, Федор Егорыч* (Шухов, с. 435); отчества (*Агафьевна, Романыч*): *Тут же за столом сидела, разливая чай, молчаливая и строгая лицом старуха Егора Павловича Агафьевна* (Шухов, с. 57); фамилии (*Муганцев, Дробышев*): *Засидевшиеся в эту беспокойную ночь в кабинете атаман Муганцев и пристав Касторов тут же и заснули: Касторов – на деревянной софе, накрытой гарусным ковриком, Муганцев – в кресле за письменным столом* (Шухов, с. 438); имена (*Кирька, Оська*): *Кирька был жителем Соколинского края, полухозяином-полубатраком* (Шухов, с. 47); прозвища (*Поединок*): Но тут совсем некстати принесла нелегкая невесть откуда взявшегося *Поединка* (Шухов, с. 43).

Помимо антропонимов в романе И.П. Шухова «Горькая линия» встречаются разные разряды ономастической лексики: макротопонимы (Казахстан, Китай), астионимы (Джезказган), ойконимы (Мулалы, Капитан-Кала), гидронимы (Иртыш, Или). Отмечаются в тексте и вкрапления микротопонимов.

Антропонимы – это самый многочисленный разряд ономастической лексики в романе И. П. Шухова «Горькая линия». Текстовые категории (цельность, связность, завершенность) формируются при взаимодействии антропонимов и других элементов художественного текста. Кроме того, онимы несут не только функцию наименования, но и информируют о своеобразных обычаях этносов, населяющих эту территорию (казахи, русские, татары, немцы, поляки, чеченцы, украинцы и др.), об их мировоззрении, укладе жизни, с их традициями и культурными особенностями,

тем самым формируя авторскую картину мира. Они представляют собой смыслообразующий элемент художественного пространства, содержат в себе закодированную информацию (эпоха, социальный статус литературного персонажа, место действия). Благодаря этому, читатель адекватно воспринимает и интерпретирует идею произведения. Литературные антропонимы выступают в роли ключевых знаков для понимания семантического пространства текста.

Топонимы являются вторым по представленности в романе разрядом ономастической лексики. Их отличает реальность бытования. Они реальны, отображают конкретные исторические места и события.

Ономастика романа «Горькая линия» убедительно свидетельствует о ее реализме, поскольку онимы произведения полностью отражают реальные имена, существовавшие в эпоху И.П. Шухова, а также место действия и социальное положение героев. Более того, данный роман по праву считается самой автобиографичным произведением в творчестве поэта, и его ономастикон – лучшее тому подтверждение. Роман, вместивший в себя все горечи и радости жизни страны, судьбы, отразившие все значимые события в истории народа.

Список литературы

1. Васильев, В.Л. Еще раз о названиях рек Волга, Западная Двина и Днепр / В.Л. Васильев // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. №4. – С. 9–32
2. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
3. Зинин, С.И. Из истории лексикографирования собственных имен художественной литературы / С.И. Зинин // Научн. тр. ТашГУ. 1980. Вып. 629 – С. 83–89.
4. Мадиева, Г.Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Известия ВГПУ. 2010. №6(50). – С. 96–102.
5. Николаева, Т.М. Имена собственные в русской культуре и литературе / Т.М. Николаева. М., 2001. – 398 с.
6. Никонов, В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. М., 1974 – 234 с.
7. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. М., 1973.
8. Суперанская, А.В. Русская антропонимия. К дефиниции понятия / А.В. Суперанская // Аспекты лингвистических исследований. Тверь. 2003. С. 139–148.
9. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
10. Фомин, А.А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы / А.А. Фомин // Вопросы ономастики. 2004. №1.
11. Шухов, И.П. Избранное: в 2-х т. / И.П. Шухов. Алма-Ата, 1974.

***

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТОВ МЕМУАРНЫХ ЭССЕ

Т.А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет (Сургут, Россия)

Аннотация. В статье на материале мемуарных эссе Людмилы Ивониной рассматриваются функции онимов в данных текстах, определяется их роль в репрезентации культурного пространства региона, страны, мира, делается вывод о том, что на примере эссе Людмилы Ивониной мы можем рассматривать языковую картину мира автора-музыканта, в которой отражаются представления о глобальном и локальном, роли конкретных личностей в региональной, российской и мировой культуре, о том времени и той среде, в которой существует представитель данного профессионального сообщества.

Ключевые слова: ономастикон, мемуарные эссе, Людмила Ивонина, сетевая литература, ономастические единицы.

Современная литература, как известно, отличается многообразием жанровых форм, среди которых особое место занимают, как пишет Мария Александровна Черняк, «мемуары и документальные хроники, исторические романы и различные формы автобиографий – жанры, в которых жизнь человека показана на фоне исторического времени» [Черняк 2019: 9]. Справедливо написал по этому поводу Александр Генис: «Исповедь – единственная антитеза вымыслу. Литературная вселенная сжимается до автопортрета» [Генис 1999: 27]. Среди наиболее популярных форматов сетевой литературы, «сетературы», исследователи называют блог-литературу как «комплекс авторских произведений, реализуемых на платформах электронных дневников» [Антонова 2018: 94].

Именно в формате блога существовали изначально и тексты книги Людмилы Ивониной «Мысль, живущая сама по себе». В предисловии к изданию автор признается: «Эта книга состоит из текстов, которые – что уж скрывать – появились в недрах сетевой литературы, то есть текстов, предназначенных для немедленного отклика читателей в социальных сетях» [Ивонина 2021: 19]. И тут же вспоминает строки из пушкинского «Евгения Онегина»: «Как будто нам уж невозможно писать поэмы о другом, как только о себе самом».

Одной из особенностей ономастикона рассматриваемых мемуарных эссе является то, что в нем ярко репрезентируется культурное пространство региона, в котором живет и работает автор (Екатеринбург, Пермь). Ономастическими единицами, образующими его, являются имена: дирижеров, с которыми непосредственно работала автор текстов: *И вдруг дирижёр застывает наверху, Вадим Мюнстер, смотрит на балерину* [Ивонина 2021: 195]; местных актеров и режиссеров: *Чтец нашелся первоклассный, им согласился стать совершенно замечательный человек – Андрей Гарсия, настоящий испанец по матери. Актер и режиссёр* [Ивонина 2021: 175]; звукорежиссеров: *На Пермском радио был великий звукорежиссер Владимир Дмитриевич Рудин* [Ивонина 2021: 183]; оперных певцов: *Итак, была у нас в театре великая певица – Эльвира Михайловна Шубина* [Ивонина 2021: 100].

Достоверность бытовых деталей и сюжетов историй из жизни определяется существованием их внутри уральского ономастического пространства, единицами которого являются: названия гостиниц, в которых приходилось жить автору текстов: *Первая кровать для дочери была составлена из двух кресел в гостинице «Прикамье»* [Ивонина 2021: 247]; названия кафе, ресторанов, магазинов: *После занятий я снова шла к 6 часам в театр, там открывалась столовая, которая, кажется, была от ресторана «Большой Урал» и кормили там очень вкусно* [Ивонина 2021: 140]; *Вернулась с пакетом из «Семьи»* [Ивонина 2021: 39]; названия популярных телепередач: *А я сижу и думаю: тут и шоу «Уральские пельмени» смотреть не надо. Просто по сторонам смотри, и будет тебе весело* [Ивонина 2021: 81].

Макротопоним Урал также представлен в тексте, он связан с репрезентацией не только культурных, но и природных (погодных) концептов: *У нас на Урале гололёд бывает беспрецедентный* [Ивонина 2021: 99].

В текстах воспоминаний много антропонимов, представляющих российское музыкальное пространство. К ним относятся имена и фамилии: дирижеров: *Однажды приехал к нам Владимир Семёнович Богорад – дирижёр, но фаготист* [Ивонина 2021: 108]; *На одном из фестивалей нами должен был дирижировать Геннадий Николаевич Рождественский* [Ивонина 2021: 172]; *Но когда приезжал Фуат Шакирович Мансуров, дирижёр, который всё и всех помнит, он всегда спрашивал «Где Дановская?», намекая на их, видимо, общее в прошлом пространство* [Ивонина 2021: 101]; композиторов: *Как-то после премьеры спектакля Андрея Петрова мы с подругой пристали к Колобову с просьбой подписать программку* [Ивонина 2021: 83]. В ряде случаев имя героя заметки сокращено до инициала: *И я решила непосредственно ознакомить папу со своей работой и повела его на спектакль «Сотворение мира» А. Петрова* [Ивонина 2021: 141]; *Бахфонтан («Бахчисарайский фонтан») – это балет академика Б. Асафьева, который, на самом деле, был очень плодовитым композитором, но известен более как автор*

длиннейших, но очень глубоко научных работ [Ивонина 2021: 168]; музыкантов: *Встреча с Берлинским*, так мероприятие и называлось – творческая встреча, мне запомнилась в основном самой атмосферой, несколькими отдельными выражениями В.А. и абсолютным пониманием сути квартетного искусства, изложенным в какие-то сорок с небольшим минут [Ивонина 2021: 198]; Я ужасно волновалась, потому что играть в унисон с самим **Третьяковым** было ответственно [Ивонина 2021: 104].

Ключевым можно назвать для исследуемых текстов антропоним *Чайковский*, который повторяется в воспоминаниях о разных периодах жизни, но чаще всего – тех эпизодах, которые связаны со службой в театре имени известного композитора: *Вела я как-то спектакль «Иоланта», на гастролях, а спектакль этот, как и многое у Чайковского, достаточно сложен для оркестра* [Ивонина 2021: 143].

Контексты с названиями российских городов, в которых в разное время проходили гастроли автора, позволяют Людмиле Ивониной передать собственную оценку определенных мест, те ассоциации, которые связаны в сознании автора с данными топонимами: *Короче, «забили» мы на удобства и так и дотянули до конца гастролей в прекрасном городе Хабаровске* [Ивонина 2021: 156]; *Так, будучи на гастролях в Сочи, я покупала на почте деревянный ящик для посылок, насыпала туда орехов (фундук, например), укладывала туда 2 бутылки вина, заколачивала крышку гвоздиками на почте и отсылала домой* [Ивонина 2021: 305].

Наряду с этим, воспоминания о гастролях в разных городах и странах позволяют автору погрузить читателя в мировое культурное пространство, ключевыми словами для описания которого служат: названия стран: *Как-то на гастролях в Америке, когда всё время хочется спать, а нужно играть спектакль, я ужасно мучилась и боролась со сном* [Ивонина 2021: 106]; *Несколько раз довелось встречать Новый год в Голландии, и мои сообщения домой были посвящены развенчанию мифа о том, что в Голландии отмечают только Рождество* [Ивонина 2021: 87]; названия зарубежных городов: *Перед этим прошли чудесные гастроли в Амстердаме, где мы скупили всё, что попало на рождественских распродажах (всё по два и три евро), кое-как упаковались и долетели до Москвы* [Ивонина 2021: 89]; имена всемирно известных зарубежных композиторов: *Спектакль закончился. Как всегда у Верди – хроматической гаммой, которую невозможно сыграть* [Ивонина 2021: 98]; *Правда, после того, как Риккардо Мути научил полицейского за три минуты дирижировать «Неоконченную симфонию» Шуберта, я затрудняюсь говорить на подобные темы, но папе тогда я думала, как объяснить* [Ивонина 2021: 142]; названия произведений, написанных этими композиторами: *Когда мы с ней играли «Сурка», то она считала восьмые в аккомпанементе, и как-то всё прошло благополучно* [Ивонина 2022: 149]; имена знаменитых дирижёров и музыкантов: *У меня был цикл концертов, который я назвала так же, как свою любимую пластинку Гидона Кремера: «Романтические миниатюры»* [Ивонина 2021: 201].

Важной составляющей ономастического пространства рассматриваемых текстов являются имена, олицетворяющие эпоху. Автор как представитель данной эпохи не может не говорить: об известных режиссерах определенного времени: *Тогда была эпоха французского кино: Бельмондо, Рекель Уэлч, Мирей Дарк, Жаклин Биссет...* [Ивонина 2021: 134]; о культовых фильмах эпохи: *Вот знаете, что я думаю? Признаться, я об этом думаю давно. Потому что я почти ровесница романа «Солярис»* [Ивонина 2021: 282].

Еще одной важной деталью текстов анализируемых мемуарных эссе являются онимы, принадлежащие к базовым составляющим языковой картины мира русского человека, обучавшегося в советской или российской школе и с детства хорошо знакомого: с русской классикой: *А если вы мне сейчас начнете заливать уши про деменцию, то я скажу вам, что сегодня с утра мама читала мне «Бородино». Наизусть* [Ивонина 2021: 36]; *Как сказал Грибоедов, счастливые часов не наблюдают. Но непонятно мне это* [Ивонина 2021: 25]; *Давненько не брал я в руки шашек», – подумала я голосом Чичикова* [Ивонина 2021: 73]; с великими российскими актерами и их ролями: *Дело в том, что я абсолютно разделяю позицию мамы одного киногероя, озвученную голосом*

Валентина Гафта: «Счастье – это когда Игорь дома [Ивонина 2021: 124]; героями известных советских фильмов и мультфильмов: *А мне, когда я молодая еще была, один дирижёр рассказал, что концертмейстер должен знать правила Чапаева (тактика на картошке, называется): «Где должен быть командир?»* [Ивонина 2021: 197]; *Теперь, когда я начинаю новую жизнь по почтальону Печкину (Игорю Ивановичу, между прочим), то есть «на пенсию перехожу», я понимаю, как это было важно – любить свою работу* [Ивонина 2021: 180].

Еще один важный момент, без которого нельзя рассматривать ономастикон текстов Людмилы Ивониной – созданные ею онимы, названия мемуарных эссе. Здесь использованы и приемы языковой игры, и прецедентные феномены, и многие другие ресурсы языковой личности автора-музыканта. Так, одна из заметок раздела «Семантические пространства» носит название «Соль-Лярис» и отражает оценку автором процессов изоляции и самоизоляции: *Так вот о чём я, так-таки, думаю? Все мы в интернете как будто бы изолированы друг от друга, но на самом деле вовлечены в виртуальное пространство, которое и есть тот самый океан, который придумал Лем* [Ивонина 2021: 282].

В эссе под названием «Дистанционка точка фу» она описывает ситуацию, с которой сталкивается ежедневно и которая сводит на нет все ее допандемийные усилия: *Вы можете настроить ребенку скрипку дистанционно? Я не могу. Прошу папу девочки покрутить колки: «Чуть выше, то есть, от себя! Нет, это много. Хорошо, оставьте. Попробуйте покрутить машинку. Нет, это не машинка. Нужно маленький винтик найти на итучке, на которую натянула струна. Нет, с другой стороны... Ну возле подставки... Делаю паузу* [Ивонина 2021: 47].

Таким образом, онимы являются одними из ключевых слов текстов мемуарных эссе. На примере эссе Людмилы Ивониной мы можем рассматривать языковую картину мира автора-музыканта, в которой отражаются представления о глобальном и локальном, роли конкретных личностей в региональной, российской и мировой культуре, о том времени и той среде, в которой существует представитель данного профессионального сообщества.

Список литературы

1. Антонова, Е.В. Сетевая литература как новая жанровая форма современной литературы / Е.В. Антонова // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе. Лейдермановские чтения. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2018.
2. Генис, А. Иван Петрович умер: статьи и расследования / А. Генис. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
3. Ивонина, Л.Ф. Мысль, живущая сама по себе. Записки, эссе, рассказы / Л.Ф. Ивонина. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. – 554 с.
4. Черняк, М.А. Современная русская литература: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019.

***

БАШКИРСКИЙ ЭПОС «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»: МИФОСЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ НАЗВАНИЙ САКРАЛЬНЫХ МЕСТ, ОРНАМЕНТИКИ, РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Р.А. Султангареева

Центр башкирского фольклора БГПУ им М. Акмуллы (Уфа, Россия)

Печатается при поддержке гранта Главы РБ деятелям культуры и искусства –2022.

Аннотация. Исполнение эпоса по живой памяти в XXI в. – само по себе редкое, феноменальное и исторически значимое явление, так как главный жанр фольклора башкир кубаир давно оскудел в бытовании и исполнительской практике и ему грозит исчезновение. Однако наши

целенаправленные поиски дают свой результат: в личном фонде автора собрано значительное количество видео- и аудиоматериалов с фиксацией живого исполнения эпоса кубаиров, а также народных танцев, песен (йыр), игр. Эти записи дают возможность глубинного прочтения и понимания вербальных компонентов эпоса. На основе новых видеозаписей эпоса «Заятуляк и Хыухылу» в статье комплексно исследованы первородные значения и архетипы слов, названия локусов, орнаментики, раскрыты исконные замыслы мифообразов, сюжетов.

Ключевые слова: эпос; лексика; сакральные слова; Балкантау; мифозамыслы; обряды; семантика; мифоритуал.

Эпос живет, когда сохраняется не только в памяти народа, но и напевно исполняется. Целенаправленные собрания на аудио-, видеоносители дали качественно новый этап фиксации, осмысления башкирского эпоса, а также возможность детального изучения слов, наименований, народных терминов. Известно, что исторически важной находкой для башкирской духовной культуры и истории стала аудио-, видеозапись эпоса «Урал-батыр», сделанная нами в 2010г. в живом напевно-речитативном исполнении от А.М. Усмановой (1930–2015), сказительницы из с. Акъяр Хайбуллинского р-на РБ [Sultangareeva 2018]. Очередной находкой стали видео-, аудиозаписи исполнения эпоса «Заятуляк и Хыухылу» в Давлекановском районе РБ. В печати эпический памятник известен с середины XIX в. и довольно обширно представлена историография научно-теоретического изучения. Тексты эпоса впервые опубликованы в трудах В.И. Даля (1843), Л.С. Суходольского (1858), Р.Г. Игнатъева (1875), теоретически освещены в трудах А. Киреева (1970), Ф.А. Надршиной (2010), Б.Г. Ахметшина (2015), О.В. Ахмадрахимовой (2017), а также Г.В. Юлдыбаевой, подробно осветившей историю собрания и издания эпоса [Юлдыбаева 2015]. Эпос «Заятуляк и Хыухылу» был популярен в народе, учёные-фольклористы, литературоведы во время археографических, фольклорных экспедиций зачастую обнаруживали его в рукописном варианте.

Ареал бытования и исполнения эпоса преимущественно Давлекановский и Альшеевский районы РБ. Записанный М.М. Сагитовым в 1964 году от Б. Валиуллина (дер. Мекешево Давлекановского района РБ) вариант (принят как наиболее полный) опубликован в томе «Башкирское народное творчество» (Уфа, 1972), затем в серии «Эпосы народов мира» на башкирском и в переводе на русский язык (1977). Он издан в 1987 году на русском (БНТ, т. 1) и на башкирском языках (БХИ, т. 3) и на трех языках, включая английский (проект Ф.А. Надршиной, 2010). С середины XX в. сделаны записи более сорока вариантов эпоса в Башкортостане и Оренбургской области РФ. Рукописная версия, в целом совпадающая с версией М. Гафури и основной версией (БХИ 1998), обнаружена нами в 1989 г. в деревне Бурангулово Давлекановского района [Солтангэрэева 2012: 120–129].

Особо значимыми и ценностными находками стали видеофиксации изустно-аутентичного исполнения эпоса «Заятуляк и Хыухылу» от Зулярам Тугашевой-Снегиревой в аудио- (2007) и видеоформатах (2018, 2019) и видеозапись живого исполнения от М.Б. Салимова в 2021 году.

З. Тугашева разучила эпос от своей бабушки Хапазы Калимулловны Тугашевой, прожившей 98 лет (1890–1988 гг.; она уроженка, как и внучка, с. Ново-Аккулаево Альшеевского района). З. Тугашева (1952 г.р.), представитель минского рода, окончила БГУ, работала учительницей башкирского языка и литературы, почетный работник образования РФ, народный сэсэн. Она – единственная сказительница эпоса «Заятуляк и Хыухылу» с сохранением полноты сюжета, напевов, эпических характеристик (связь повествовательного и стихотворного, соблюдение пластических, мелосных компонентов), а также стиливых, языковых, эмоциональных знаков произведения. З. Тугашева сказывала эпос (в течение часа и сорока минут) спокойно, размеренно, при этом голос, жесты, манеры были ярко выразительны, оценочны в передаче ситуаций и образов. В манере ее исполнения эффектны «ышандырып һөйләү» (убедительность сказывания), погружение в сказ («һөйләүенә инеп китеү»), щедрость жестов и пластики (кылануу, күрһәтеү), эмоциональная яркость и искусное умение владеть вниманием аудитории (йәлеп итеү).

Сюжет эпоса совпадает с главным вариантом Б. Валиуллина [БХИ 1998: 178–186]. Особая ценность и значимость варианта в том, что эпос З.Р. Тугашевой повествуется: 1) изустно; 2) в традициях преемственности из уст в уста, из поколения в поколение; 3) с напевами; 4) импровизаторскими решениями. Наиболее выразительные в эмоционально-экспрессивном, чувственно-психологическом плане части эпоса З. Тугашева сказывала в эмоциональном порыве, с напевами, ярко передавала сюжеты о красоте Хыухылу и о внезапно вспыхнувшей любви Заятуляка, искусно показывала телодвижениями процессы ловли зверей, действия персонажей, широту пространства природы, порой меняя голос; отступая от основного повествования, сказывание дополняла собственными комментариями. Две из мелодий имеют кубаирский, т.е. речитативно-напевный стиль. Песня ожидания Хыухылу Заятуляка на горе Балкантау звучала в лирическом стиле.

Обнаружены два напева эпоса «Заятуляк и Хыухылу» – это воспевания горы Балкантау (напевы сцен охоты Заятуляка и его братьев одинаковы) и любовные песни Хыухылу. Будучи свидетелем долговременного слушания живого исполнения башкирского эпоса в XXI веке в аутентичной народной манере, напевной полноте, поделимся ценными замечаниями. Здесь явствуют чувство омовения в чистом роднике вечности, общение с долгожданной ностальгией по дорогом, осознание высокой красоты народной манеры повествования, благозвучия и силы материнского, исконно башкирского языка, умиляют аристократизм и этикет деревенской личности, простота и величие стати сказителя, слезы проступают от осознания того, с каким благом Всевышний дает возможность восхититься! В этом акте действуют Дух, Язык, Память. Вера и Аманат в комплексной специфике творческих приемов мастера и доверительной передаче бесценного в чистые руки. Аудиовизуальный текстовый анализ этого по сути священнодействия – предмет специальных исследований.

Глубоко информативно название горы Балкантау, образ которой во всех версиях и вариантах занимает большое место. Известны на Земле четыре знаменательных горы с названием Балкан: Балканские горы в Румынии и крупнейшая горная система в Болгарии, пересекающая всю страну (западные отроги также на территории Сербии). Данный хребет пересекает Болгарию с запада на восток, разделяя её на Северную и Южную Болгарию. По древнегреческой мифологии влюбленные брат с сестрой были превращены в горы (в античную эпоху они назывались Гем) [Петровский, 1994: 504–526].

Горы с аналогичным названием есть в Туркменистане, Казахстане, в Кунашакском районе Челябинской области РФ (исконные башкирские земли). В памяти жителей этого региона Балкантау – святое место молений и благопожеланий. Название обобщает некие сакральные универсумы осознания Балкан-горы и архаические мифосемантические данности, развившиеся по-разному в различных культурах. Ранее было отмечено, что в названии запечатлена особая сакральность не столько места горы, а понятий «балкан», «балк + ан», бал + кан (канҫ), удержав глубоководные идеологические истоки сложения, реалии из истории Земли, значения «глубокой древности» и священного сияния – «балкыу» [Солтангэрэева 2012: 192–193]. Поиски показали, что в народных знаниях сохранены смыслы «крови, обиталища духов батыров, благословенных предков». Так, по рассказу собирателя и знатока местного фольклора Клары Хамидуллиной (с. Мэжэшево Давлекановского района), под горой захоронены батыры древних времен, а на вершине находится погребение великана-повелителя, хранителя мест. На этом месте люди чувствуют особую силу влияния, энергетические волны. «Гора эта была очень высокой, пока не взорвали ее вершину в 1940-ые годы. Она ведь священная, сильная гора. Раньше здесь совершали многолюдные аяты, молитвы в честь батыров, погибших на больших сражениях, защищая землю. Женщины поднимались для вызывания дождя, благ, произнесения молитв стране. Не только гора, но вся территория благодатна. В эпосе “Заятуляк и Хыухылу” Балкантау означает не только гору, а всю окружающую природу, все леса, поля». Это уточнение К. Хамидуллиной согласуется с мнением, что горами Балкантау в целом называют «места благодати и изобилия этого мира» [Кондыбай 2005: 95].

Бытует у минцев, аборигенов этих местностей, изречение «Балкантауым алда эле» («Мой Балкантау еще впереди»), которое приговаривают, когда переживают трудные времена печалей и неудач, выражая четкую надежду на счастье в будущем. Так, эпос запечатлел идею о Балкантау как священном макаме (место погребения) предков-батыров, энергетически сильном месте счастья, спасения и благословения. Народное высказывание о самоукреплении собственной воли во имя лучших благодней основано на многовековых знаниях о Балкантау как о прообразе, храмовом строении, символе мироздания. Название обобщается как конкретное место, так и материализованная модель священной веры (суфизма), обретения силы Духа и перехода в другой статус. По эпосу – Заятуляк, оказавшись под водой, живет с горячо возлюбленной Хыухылу, но вскоре начинает терять силы, волю, заболевает, тоскуя по родной горе. Узнав об этом, Владыка вод велит дэвам подводным принести подмену горы. Но Заятуляк тотчас развенчивает ложь и добивается возвращения на землю. Балкантау предстает и как храм, локус покаяния, очищения сознания и обрядовое место перехода. Мы полагаем, что название Балкантау за тысячелетия вобрал универсальную семантику обозначения неких астрономических, имеющих особую силу и энергию священных локусов. Здесь проходит граница Добра и Зла, нет места лжи, коварству. Балкантау фокусировал земную сакрализованную точку, табуирование которой восходит к цивилизациям. Все это предстоит изучить с точки зрения географической антропологии и придать Горе статус природного памятника и национального достояния.

В обнаруженной М.Г. Усмановым письменной версии «Туляк и Сусылу» [БХИ 1998: 368–393] гора Балкантау в первый раз появляется перед Заятуляком (под водой) как видение, по совершении им чудодейственной религиозной молитвы Исме Эгзэм (молитва, связанная с названием всех имен Аллаха) и даже конкретизируется ее форма. Балкантау здесь – восьмигранная, с четырех сторон железом, золотом огражденная, с жемчужной вершиной красивейшая гора [БХИ 1998: 379–382]. Такое уточнение неслучайно. Восьмигранность – самый популярный и распространенный знак в башкирской орнаментике. Часто называется «һигез ожмах аскысы» («ключ от восьми раев»). Исламская номинация пришла позднее, но метафора имени узора («ключ от рая») сохранила значение особого могущества и силы этого знака. Узоры – восьмигранники «һигез кускар» («восемь завитков-рогов»), в других названиях «бесэй табаны» (кошачья лапа) и др., широко распространены у всех этнических групп, устойчивее – у курганских, челябинских башкир [Нечвалода 2018: 74]. Восьмиконечная звезда вышивается в хараусах, тастарахна полотенцах, салфетках, фартуках, носовых платочках [Там же: 74, 76, 148]. Гора Балкантау «из восьми сторон с одним вершинным центром» и есть правильная геометрическая форма, сооружение, некий храм (прообраз мира, порядка, веры). Символ (тамга) – самый сильный и емкий информационный код предков и объяснима популярность восьмигранника, вобравшей семантику притяжения плодородия, благ, побед, устойчивости веры во Всевышнего (по свидетельству многих информантов).

Сакральная символика восьмерки – знаковая во всех древних культурах: шумерский Энки съедает восемь видов растений и познает суть Истины, сам создает восемь божеств; восьминогими являются священные кони в русских сказках, также скакун главного бога германо-скандинавской мифологии Один [Кондыбай 2011: 345–347]. Восьмилучевая звезда – символ вечности, выход из мира дольнегов в неподвижную реальность мира горного [Дугин 1999: 422]. Это значение прямо согласуется с сюжетом эпоса (Заятуляк «выводит» из воды тоска по Балкантау). Башкирское изречение «һигез кырлы, бер һырлы» («восемь граней, одна суть») обозначает человека с многими способностями, но одной основной сутью (сильным нравом, характером, талантом, верой и т.д.). В целом, восьмигранность – главный символ суфизма. «Восьмичленный характер суфийского учения символизируется восьмиугольником» [Идрис 1994: 225].

Гора Балкантау – символ родного мира и могущества нравственного учения, стойкости суфийского учения о несокрушимости Духа. Функциональное место сильных в воздействии своем молитв обозначено в конкретных актах: произнося намаз, Заятуляк вызывает засуху, выжигающую жару, от чего умирает много людей [БХИ 1998: 374]. В суфийском учении гнев

недопустим, также породнение с чужим миром, женщиной антимира запретно искони. Осознавший свои ошибки, Заятуляк обращается снова, уже с молитвами покаяния к Всевышнему произносит дога во имя возвращения на землю и получения всех благ с земными людьми; «адэм шэхэрэнэ урнатсан ине!» [БХИ 1998: 379]. Так Заятуляк совершает древний ритуал суфийского аскетизма, противостояния Духа Нафсу (эгоистичная плоть), воли против искушений. В эпизоде представлено очищение верующего через раскаяние как главный постулат суфизма. Видимо, архетипические знания, религиозно-магические реалии горы Балкантау еще живы в Памяти башкирского народа, продолжают существовать в современных ритуалах. Таинство Балкантау фольклоризовано, сакральность ее ритуализуется в современности в ежегодных восхождениях, коллективных произнесениях благопожеланий на Балкантау. До сих пор бытуют обряды вызываний духов победы, благостей, дождя, испрашиваний детей (женщины), силы и стойкости (мужчины).

В символике восьмигранной горы Балкантау удержаны парадигмы храмовой культуры, истоки осознания священности родного мира, также идеологические атрибуты великого суфийского учения о Духе и практик нравственного обновления. Художественно яркие эпитеты, частые и пространные восхваления долин, животного, природного мира горы Балкантау в эпосе «Заятуляк и Хыухылу», таким образом, восходят к высшему культу природного Храма, символа места святых покровителей, ориентира родного локуса и священной территории Всевышнего. Самые красивые, мелодичные и напевные речитации остаются до сих пор устойчивыми в исполнительской практике информантов. В исполнении Зулярам Тугашевой воспевания Балкантау всегда напевны, тексты воспроизводятся в особо эмоционально-чувственной интонации.

Ауызы канлы йылтан күз –	Пасть кровавая, сверкающие глаза-
Бүреһе күп, Балкантау!	Волков много на Балкантау!
Алпан-толпан атлаған	Вразвалку вышагивающих-
Айыуы күп, Балкантау!	Медведей много на Балкантау!
Кыз балалай бизэнгән	Словно дева разукрашенная-
Төлкөһө күп, Балкантау!	Лисиц много на Балкантау!
Һыулап һалған камыштай	Словно ремень намоченный-
Һыузары күп, Балкантау!	Вод много на Балкантау!
Йәйеп куйған баластай	Словно палас так расстелен-
Урманы күп, Балкантау!	Лесов много на Балкантау!

[Солтангәрәева 2021: 141].

Наличие духов хозяев гор – распространенное верование у хакас, алтайцев, якутов, обнаруживает универсумы почитаний и поклонений (жертвоприношения, ритуальные восхождения, умиловительные приношения и т.д.) [Алексеев 2008: 276–277]. Прочно бытовали верования и правила осознания природных богатств гор. Считалось, что Духи гор были владельцами всех гор лесов (эзи) и распорядились всеми зверями и птицами в тайге ими по своему усмотрению. Без разрешения духа хозяина горы охота не удавалась. Таким образом, поэтическое перечисление всех красот и мира Балкантау также восходит к мифоритуальным реалиям.

Конкретику о сакральной чистоте, священности горы дает и текст Эпоса: на вопрос о том, какое же название горы, стражи дворца отвечают, что это дворец Чачдар хана (отца Хыухылу), и это место счастья называется Балкан тау [БХИ 1998: 390]. По приказу Чачдар хана дивы, пэри хотят принести родную гору Балкантау Заятуляка, но не могут найти – оказалось, Всевышний сравнил ее с землей! Здесь на языке эпической метафоры ясно прочитывается таинство Всевышнего и истина о Вере – Создатель сохраняет священное от нечисти, а чистое сознание, веру нельзя обмануть. Потому, когда окружив железом, взгромоздив на пэри приносят большую гору, Заятуляк узнает подмену, обличает нижний мир. Земного человека, заболевшего иссушающей тоской по Балкантау и родной земле, Владыка вод отпускает наверх. Он уже не в силах (по логике мифа и не должен это допускать) держать земного (чужого во плоти) человека в подводном

пространстве. Выход из воды Заятуляка с табуном коней – это не столько дар Герою, сколько торжественные проводы. В космогоническом прочтении – это начало нового Времени, плодородного сезона после временного исчезновения Солнца в темном (зимнем) периоде (в подводном мире).

Восхваления горы Балкантау в эпосе «Заятуляк и Хыухылу» – это не только художественно-эстетический компонент, передающий красоты и широты Природного места. Пространные эпитеты – описания горного ландшафта – сохранили отголоски архаичного ритуала поклонения Духу и хозяину горы, который очень любит, когда восхваляют и поют о ней. До сих пор живы верования о том, что хозяин горы любит пение. Неслучайно Заятуляк проводит этот ритуал в комплексе. Так, во многих версиях он всегда берет думбыру и воспекает Балкантау. Весь звериный, птичий, животный, змеиный, растительный миры перечисляются в возвеличивании Балкантау, представляя в ней сакральную территорию:

Кыска койрок, шәм колак	Хвост короток, уши свечой
Куяны күп, Балкантау!	Зайцев много, Балкантау!
Оя яһар ере күп,	Много мест для гнездовий,
Коштары күп, Балкантау!	Птиц так много, Балкантау!

[БХИ 1998: 197].

Помимо этого Балкантау придается значение национальной ценности, символика духовно-нравственной силы и опоры для человека.

Уң яғымдан терэргә	Для опоры с правой стороны-
Балкантауым бар миңең!	Балкантау мой есть!
Һул яғымдан терэргә	Для опирания с левой стороны
Һыуһылыуым бар миңең!	Хыухылу моя есть!

[БХИ 1998: 197].

Вся траектория передвижений Заятуляка (охота – побег – 40-дневные скачки – погружение в воды Аслыкуля – союз с женщиной из чужой сферы и плоти – отчуждение от родных и родного – обращение к религиозным молитвам – покаяние – возвращение на Землю – становление повелителем-царем Рода – запоздалое возвращение к Женщине и переход в вечный мир, смерть) – это есть сложная многостадийная метафора Солнца и его годового движения. Астрально-календарный миф за много лет творчества сзэнов фольклоризован в образы и сюжеты. В целом, сохраненность мифозамыслов башкирской горы Балкантау в эпосе «Заятуляк и Хыухылу» – сильный аргумент этнической идентичности, территориального паспорта и символ непрерывной преемственности многовековых Традиций на фоне яркого творческого дарования аборигена.

Суфийские религиозные акценты эпоса читаются и в активной роли доброго гения Хызыра (пророка, помощника на суше) [Пәгамбәрләр тарихы 2003: 195]. Он в эпосе действует и как безымянный Старец, и как Хызыр, научивший чудодейственной молитве Заятуляка, который затем выбирается из-под воды (вера спасает из беды и заблуждения). За возжелание породниться с жителями иного мира (водными пэри и водяной дэвой) Туляк наказан разлукой, тоской по родной земле и т.д. Гора Балкантау как маркер поисков истины, устойчивости Духа и ценз намерений избранника фольклоризуется в локус Любви и культа родной Земли.

Качества земного человека Туляка, возможно позднее, и имя его – эпитет одного из могучих покровителей Рода, который прежде чем стать царем, должен был пройти испытания (логика сюжета об этом). В контексте, что древнетюркское «төле», «теле», «тулы», «теле» – это почитаемая птица-тотем – династический каганский символ, лев племен народов, тигр простого народа, владелец гнедого коня, отец хана Ораза, зять хана Баяндур [Кондыбай 2008: 310], гипотетически полагаем, что в образе Заятуляка сокрыт архетип могучего предводителя, царя, уподобляемого Солнцу (в мифах цари – заменители светила на земле). Отсюда мы подходим к тому, что прочтение архетипа образа Заятуляка логично в солярной, космогонической схеме.

Выраженная календарно-астральная основа передвижения Заятуляка – архетипа Солнца в космогоническом прочтении – согласуется с осенним равноденствием. Эпос всегда значителен

и сакрален тем, что не описывает события как в литературе. Потому литературоведческие расшифровки делаются на видимой фабуле текстов. Мифооснова погружения Заятуляка восходит к инициациям. В следующем пласте десакрализации мифа нелогичность погружения и жизни героя в Воде фольклоризуется во «всесильную любовь, ради которой герой готов умереть».

В сказочном эпическом фольклоре типичны универсалии спуска или заточения героев в зинданах (погребках, ямах) – моделях инициационных локусов. В сказке «Алтын кауырһын» («Золотое перышко птицы») герой спускается в яму и наблюдает борьбу своего коня с водяным конем и только после победного ржания (сакральный сигнал) Коня выходит из пропасти (пройдя испытание Духа и тела), далее вершит свои особые деяния [БХИ 1978: 182–184]. В сказке «Алтындуга» герой угодает в яму [Там же: 202], находя место защиты от лютых зверей, также для усиления и перехода на новый статус мужчины. Инициационный переход Алтындуги завершает заключение союза с дочерью дива – женщиной высокого ранга. А это действие само имело инициационно-посвятительные в древности функции [Султангареева 2021: 40–43]. Инициационная семантика ода-риваний отцом Заятуляка, обретение статуса Батыра отмечены Ф.А. Надршиной [ИБН 2009: 349]. Последующее испытание входит в круг более важного значения. Погружение в воду – это архетип сакрально-инициационного переходного ритуала, лишь на позднем этапе развития эпоса обретшее метафору до самоотречения сильной Любви. Между тем, «отречение» Заятуляка восходит к архаическим специализированным ритуалам отчуждения юношей неопитов от родных, матери (уводили в лес, горы, наносили знаки на теле и т.д.) в целях посвящения в класс мужчин.

К этой же теме причастна загадка концепта «юрта в воде», логика которой также расшифровывается в контексте архетипов мифологических реалий. В подводном мире Заятуляк и Хыухылу живут в белой юрте. Исследователями эпизод юрты рассматривался как «своеобразное отражение отголосков древних форм брака, зародившихся в недрах матриархата» [Галин 2003: 107], а так же как «сакральная территория, на которой закладывалось начало семейно-брачных отношений» [История башкирского народа 2009: 348], «мотив зарождения собственности одновременно с возникновением семьи» [Киреев 1970: 82]. Отмечая интерпретации, основанные на литературном, образно-поэтическом прочтении эпизодов, предлагаем мифосемиотическую расшифровку загадки «юрты в воде». Во-первых, земной человек не может жениться на дочери из неземной сферы в прямом смысле. Этот союз явно архетип структуризации особых отношений сфер Человека и Природы (Космоса). Во-вторых, «под водой» не проводится ни один ритуал, связанный с брачным обрядом. В-третьих, у Заятуляка происхождение конкретизируется во всех версиях. Браки, создания семей уже совершены. Заятуляк – сын Чачдар-хана [БХИ 1998: 368], Чингиз-хана [Там же: 366], Миркас-бея [Там же: 390]. Юрта под водой – символ локуса места перехода земного человека в другой уровень самосознания, зеркальная модель мира, место инициации и пограничного единения двух начал Воды и Земли-основного условия гармонии в мире. Ритуальное обновление невозможно устроить на поверхности земли (согласно традициям перехода). Таким образом, в эпосе действует метафора осознания единства и неразделимости, но дуалистичности мира, временно возможном соединении Водного и Земного начал, важных в определенные фазы Природы. Помещение человека в антимире, зеркально повторяющем земной мир, олицетворяет осознание неразделимости миров и этап конкретизации святости кровно-родственной связи Земля-Человек. На этой ступени испытания личность осознает назначенность миссии, неразделимости со своей родиной, Матерью-землей [Солтангәрәева 2012: 192–193]. В эпосе метафоризована идея о зарождении национального самосознания, защиты территорий обитания и любви к своей земле. «Заятуляк и Хыухылу» – астрально-календарный мифоэпос, архаичные пласты которого восходят к структурированию Времени, отношений с водным антимиром, также вбирают культ Солнца, инициации и интронизации правителя, сакральность союза с необыкновенной Женщиной, величие суфийского учения. Архаичные мотивы персонификации Природы, Космоса, Воды, суточных фаз в образах Коней разных мастей, Владыки вод, идеи камня – человека, оживающего от слез, камня – хранителя живых информации запечатлены в варианте М.Б. Салимова.

Список литературы

1. Ахмадрахимова, О.В. Башкирский народный эпос «Заятуляк и Хыхылу»: варианты и литературные версии: дис. ... канд. фил. наук / О.В. Ахмадрахимова. Уфа, 2017. – 167 с.
2. Башкирский народный героический эпос / А.Н. Киреев; отв. ред. М.Г. Рахимкулов. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. – 304 с.
3. БНЭ – Башкирский народный эпос / под ред. А. Петросяна; сост.: А. Мирбадалева, М. Сагитов и А. Харисов. М., Наука, 1977. – С. 55–162, 265–373 – перевод.
4. БНТ – Башкирское народное творчество Эпос. I том. / Предисл. М.М. Сагитова, пер. Г.Г. Шафикова. Уфа: Башкнигоиздат, 1976.
5. БХИ – Башкорт халык ижады. Эпос. III том. / Төз., баш һүз, коммент. авт.-ры Ә.М. Сөләймәнов, Р.Ф. Рәжәпов. Өфө, 1998, 445 б.
6. БХИ – Әкиәттәр, Өсөнсө китап. / Төз. Н.Т. Зарипов, М. Минһажетдинов. Өфө: Башкортосан китап нәшриәте, 1978. 182–184-се бб.
7. Галин, С.А. Башкирский народный эпос / С.А. Галин. Уфа, 2004.
8. Даль, В.И. Башкирская русалка / В.И. Даль // Москвитянин. 1843. № 1.
9. Даль, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Даль. СПб., 1861.
10. Дугин, А. Абсолютная Родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерию Евразии / А. Дугин. М.: Арктогея-центр, 1999. – 752 с.
11. Игнатъев, Р.Г. Устные пересказы, собранные в Троицком, Верхне-Уральском и отчасти Орском уездах Оренбургской губернии / Р.Г. Игнатъев // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Оренбург, 1875.
12. Идрис, Шах. Суфизм. М.: Клышников и Комаров, 1994.
13. История башкирского народа в семи томах. Т. 1. М.: Наука, 2009. – С. 348–399.
14. Петровский, Ф.А. Овидий. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. / Ф.А. Петровский. СПб.: Студия биографии, 1994. – С. 504–526.
15. Киреев, А.Н. Башкирский народный героический эпос / А.Н. Киреев. Уфа, 1970.
16. Кондыбай, С. Казахская мифология / С. Кондыбай. Алматы: Нурлы Алем, 2005. – 272 с.
17. Кондыбай, С. Мифология предказахов: в 3 т. Алматы: СаГа, 2008–2011.
18. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. Академический проект / А.Ф. Лосев. М., 2008. – 303 с.
19. Муқанов, М.Ф. Художественные образы архетипов моделей тюркского мироздания в искусстве современного казахского гобелена / М.Ф. Муқанов, Б.Т. Досжанов, М.Ш. Сулейменов // Наследия Серикбола Кондыбай: новые взгляды на развитие мировой мифологии (к 50-летию ученого, мифолога С. Кондыбай): Матер. междунар. научно-теор. конф. Актау: Экожан. – С. 336–350.
20. Надршина, Ф.А. Башкирский фольклор как исторический источник / Ф.А. Надршина // История башкирского народа: в 7 томах. Т. 1. М.: Наука, 2009. – С. 339–360.
21. Нечвалода, Е.Е. Орнамент счетной вышивки башкир / Е.Е. Нечвалода. Уфа: Китап, 2018. – 210 с.
22. Пәйгамбәрләр тарихы (Текст). Казан, 2003. – 304 б.
23. Потанин, Г.Н. Дочь моря в степном эпосе / Г.Н. Потанин. М., 1892. № 1. – С. 38–69.
24. Башкорт сәсэн мәктәбе / Р.Ә. Солтангәрәева. Өфө, 2012. – 291 б.
25. Султангареева, Р.А. Материнство и девичество в башкирской мифологии и обрядовом фольклоре: истоки, трансформации / Р.А. Султангареева // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. – С. 37–50.
26. Sultangareeva, R.A. Bashkir Epic “Ural-Batyr”: Traditions of Its Modern Recitation and New Projections of Its Archaic Character / R.A. Sultangareeva // Modern journal of language teaching methods. 2018. Т. 8. № 2. – С. 127–138.
27. Суходольский, Л. Легенды о Туляке / Л. Суходольский // Оренбургские губернские ведомости. Уфа, 1858. № 46. – С. 123–126; Вестник Императорского Русского Географического общества. 1858 / ред. В. П. Безобразова. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1858. Ч. 24. № 12. – С. 65–72.
28. Халтаева, Л.А. Космогонические символы 12-летнего охотничьего календаря тюрко-монгольских народов «Плеяды» / Л.А. Халтаева // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Матер. VII Междунар. научно-практ. конф. Бишкек: Алтын тамга, 2019. – 360 с.
29. Хөббитдинова, Н.Ә. Башкорт мифологияһында һыуһылыу образы / Н.Ә. Хөббитдинова // Ватандаш, 2021. № 1. – Бб. 133–142-се.
30. Хуббитдинова, Н.А. Актуальные аспекты изучения проблемы фольклорно-литературных взаимосвязей в башкирской литературе (XIII – начала XX веков): результаты и перспективы исследования / Н.А. Хуббитдинова // Филология и человек. Барнаул, 2016. № 1. – С. 52–68.
31. Шакуров, Ш. Визуальная антропология: пространственное видение и методы изображения человека / Ш. Шакуров // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2007.
32. Юлдыбаева, Г.В. Заятуляк и Хыхылу // Духовная культура башкирского народа / под общ. ред. А.В. Псянчина, отв. ред. Р.А. Султангареева. Т. 1. Уфа: Башк. энцикл., 2018. – С. 47–59.

***

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СТАЛИН В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА «КОВЧЕГ ДЛЯ НЕЗВАННЫХ»

М.А. Фокина

Костромской государственной университет (Кострома, Россия)

Мохаммед Шохра

(Уэд-Фодда, Алжир)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования прецедентного имени Сталин в различных субъектно-речевых планах художественного повествования, раскрывается символический смысл онима, характеризуется его семантическое взаимодействие с другими прецедентными именами, с апеллятивной лексикой и фразеологией в контекстном окружении, определяется роль анализируемого имени в формировании текстовой модальности и экспликации концептуального содержания романа.

Ключевые слова: прецедентное имя; символ; оним; псевдоним; апеллятив; фразеологизм; семантическое поле.

Роман «Ковчег для незваных» (1976) относится к эмигрантскому творчеству известного русского писателя второй половины XX века Владимира Максимова (Льва Самсонова). Прозаик обращается к проблемам власти и личности, нравственного выбора человека в условиях социального влияния политической идеологии и укрепления духовно-религиозных ценностей в сложный период послевоенного времени. В произведении рассказывается о переселении тульских крестьян на Курильские острова. Автор показывает, как простые русские люди преодолевают дальний путь и начинают обживать чужую землю.

Смысловым центром художественного повествования является семантическое поле «Власть», одним из ядерных компонентов которого становится прецедентное имя *Сталин*, символизирующее в романе государственное и политическое могущество страны-победительницы, а также силу и авторитет властного, волевого лидера. Существует много исторических версий происхождения псевдонима *Сталин*. Традиционно имя вождя связывают с апеллятивом *сталь*. В связи с этим обычно вспоминают художественное описание Анри Барбюса из его книги «Сталин» (1936): «Это – железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин – сталь. Он негибем и гибок, как сталь» (цитируется по книге: [Суходеев 2013: 7]). В русском языке определение *стальной* в качестве характеристики человека имеет переносное значение: ‘сильный, крепкий; стойкий, непоколебимый, непреклонный’ [СРЯ 4: 246]. Ср. с названием романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь».

Прецедентное имя рассматривается современными лингвистами как разновидность прецедентных феноменов, значимых для конкретной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер, хорошо известных широкому окружению этой личности, включая её предшественников и современников; обычно обращение к таким феноменам возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2010: 217]. Прецедентным именем является индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или с прецедентной ситуацией; это сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не только к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени [Брилева, Вольская, Гудков 2004: 117].

В романе Владимира Максимова используются имена вымышленных персонажей и реальных исторических лиц. Именование Сталина, одного из героев произведения, осуществляется в нескольких вариантах: *товарищ Сталин*, *Сталин*, *Иосиф Виссарионович*, *Джугашвили*, *Сосо*. Перечисленные антропонимы употребляются в различных субъектно-речевых планах повествования: в художественных диалогах и фрагментах внутренней и несобственно-прямой речи героев, в монологическом слове третьеличного повествователя.

Первое упоминание о Сталине содержится в словах министра, который сообщает молодому и перспективному партийному чиновнику Илье Золотареву о предстоящем визите к первому лицу советского государства:

«— Сегодня... ровно в двадцать один час ноль-ноль минут нас с вами примет, — голос *Министра* пресекается торжественным хрипом, — *товарищ Сталин*. Надеюсь, вы понимаете, — короткая, под прямым углом шея его еще более отвердела, — что это значит?

Новость, на миг жарко сдавив гортань, горячей волной вдарила в голову: он слишком хорошо знал, что это значит... Поэтому предстоящий прием сулил Золотареву не одни лишь радостные перспективы: высота открывалась головокружительная, но бездна под нею и того пуще.

— Такая честь, товарищ Золотарев, не всякому достается... *Товарищ Сталин* зря не позовет... О молодежи тоже думает, о молодых кадрах заботится, перспективу видит...» [Максимов 1994: 21–22].

Прецедентное имя *Сталин* употребляется здесь в сочетании с апеллятивом *товарищ*, что отражает характерную особенность официального речевого этикета советского времени. Советизм *товарищ* 'гражданин в советском обществе' [Мокиенко, Никитина 1998: 602] является яркой приметой лингвокультурной ситуации изображаемой эпохи. Писатель показывает, какой магической силой обладает имя вождя, оно производит сильное впечатление на собеседников: вызывает благоговейное почтение, повергает в страх и волнение. Так создается психологизм повествования, передается диалектика внутреннего состояния героев: *голос Министра пресекается торжественным хрипом; шея его еще более отвердела; новость, на миг жарко сдавив гортань, горячей волной вдарила в голову; высота открывалась головокружительная, но бездна под нею и того пуще*. Автор не указывает фамилию министра, онимом становится апеллятив, называющий его официальную должность: *министр – Министр*. Этот художественный прием еще больше усиливает значимость Сталина на фоне его безымянного подчиненного.

Сталин изображен в романе опытным, мудрым, наблюдательным, хитрым и коварным руководителем, но уже дряхлеющим, уставшим от повседневных забот стариком, всё чаще погруженным в воспоминания молодости. Он давно знает, что его имя наводит ужас и трепет на многих людей: помощников, соратников, друзей и близких, простых советских граждан, даже никогда его не видевших. Сталину это и нравится, и уже раздражает, но он живо представляет неожиданные ситуации, когда какой-либо человек внезапно узнает о том, что он встретил «великого вождя всех времен и народов». Такие обстоятельства развлекают утомленного рутинными делами и скучающего Сталина, он охотно вовлекается в забавную игру, наслаждаясь испугом и внутренней тревогой людей. Бессонной ночью, оторвавшись от изнурительной работы, он мечтает оказаться где-нибудь далеко-далеко и воображает свою встречу с неизвестным человеком:

«Пусть какой-нибудь одинокий путник, такой же уставший от суеты бедолага, как он сам, постучится в эту его теплую, вроде той, что была у него в курейской ссылке, нору и скажет:

– Пусти меня к себе, человеке, мне тяжело одному.

– Входи, – радушно ответит он. – В тесноте – не в обиде, вдвоем веселее.

Путник протиснется к нему и спросит:

– Кто ты, человеке, и как тебя зовут?

И тогда, обычно это поберегалось им напоследок, с присущим ему скромным достоинством он тихо и просто ответит:

– *Сталин*.

«Любопытно, – усмехнулся он про себя, – сразу гостя кондрашка хватит или немного погодя?»

Он даже зажмурился от предвкушения удовольствия...» [Максимов 1994: 40].

Фрагмент романа содержит монологическое слово повествователя с вкраплениями несобственно-прямой речи персонажа, а также воображаемый диалог и внутреннюю речь Сталина. Оним *Сталин* образует самостоятельную реплику героя и не сопровождается ремаркой, что актуализирует эффект внезапности, неожиданности восприятия прецедентного имени, обладающего большой силой коммуникативного воздействия. Во внутренней речи Сталина используется фразеологизм *кондрашка хватит* прост. 'кого-либо может разбить паралич' [ФСРЛЯ 1: 311]. Этот устойчивый оборот передает возможный страх и ужас одинокого путника, не ожидавшего услышать в ответ от неизвестного человека, спрятавшегося в далекой глуши, роковое имя, ставшее символом огромной, неограниченной власти личности, сурово и не всегда справедливо вершившей судьбы целых народов.

Сталину также нравится с легкой иронией цитировать самого себя, ссылаясь в разговоре на собственные высказывания, которые активно пропагандировались в советском обществе, широко употреблялись в публицистических изданиях и различных политических выступлениях:

«— Как говорит русская пословица: делу время, потехе – час. – *Сталин* решительно загасил папиросу в пепельнице. – Посмотрим фильм, товарищи. Хороший фильм знаменитого *Чарли Чаплина*. – Он жестом пригласил их следовать за собой. – *Товарищ Сталин* учит, что в нашей стране, – не скрывая усмешки, он распахнул перед ними боковую дверь, – каждый имеет право на труд, на отдых и на образование.

Подобное приглашение на кинопросмотр считалось с его стороны, как было известно, знаком особого внимания...» [Максимов 1994: 25].

Здесь осуществляется повтор прецедентного имени, соединяющего два субъектно-речевых плана: авторскую ремарку (*Сталин решительно загасил папиросу в пепельнице*) и прямую речь героя, где вождь, усмехаясь, именуется себя в третьем лице (*товарищ Сталин*). Самоирония Сталина выражена также содержанием произнесенной «цитаты», которая передает общеизвестный смысл одного из положений Конституции СССР, гарантирующей основные права и свободы граждан. Воспроизводя очевидную юридическую формулировку, не имеющую явного авторства, Сталин насмешливо демонстрирует свое доминирующее присутствие во всех сферах советской жизни. Наряду с онимом *Сталин* в контексте употребляется прецедентное имя *Чарли Чаплин*. Смысловое взаимодействие двух имен разворачивается в динамике событий с учетом особенностей восприятия разных персонажей. Золотареву, который смотрит фильм вместе со Сталиным, гениальный Чарли Чаплин кажется ничтожным, незначительным на фоне великого вождя: «чуждак в нелепой паре, в котелке и с тростью, попадавший на каждом шагу в самые неожиданные и смешные ситуации»; «чужаку на экране вовсе не весело и... в карусельной веренице его неудач кроется какая-то не подвластная простому смертному закономерность»; «ощущая у себя за спиной присутствие силы, перед лицом которой вещи, события и люди казались уменьшенными до микроскопических размеров, он вдруг увидел, что смеяться здесь... не над чем» [Максимов 1994: 25–26]. Онимы *Чарли Чаплин – Сталин* семантически противопоставляются: *не подвластная простому смертному закономерность – присутствие силы, перед лицом которой...*

люди казались уменьшенными до микроскопических размеров. Текстовая литота преуменьшает талант *Чаплина* и усиливает величие *Сталина*. Московская актриса Кира, знакомая Золотарева, услышав от него рассказ о состоявшемся киносеансе и о том, как после просмотра фильма Сталин прослезился, с профессиональной точностью дает совсем другие характеристики: «Хорошая режиссура... Классический *Станиславский*, ... в большом деле без режиссуры нельзя. Великие люди склонны к театру, артистизм природы сказывается» [Максимов 1994: 27–28]. В её словах упоминается еще одно прецедентное имя, принадлежащее человеку из мира искусства, – знаменитому отечественному режиссеру Константину Станиславскому, разработавшему авторскую систему актерской техники. По мнению Киры, настроенной негативно по отношению к сталинским порядкам, власть сближается с искусством в стремлении к игре, когда необходимо достичь сильного эмоционального воздействия на массы людей с помощью актерских приемов, нередко фальшивых и примитивных в исполнении лицемерных лидеров.

Разоблачению Сталина и его окружения посвящены фрагменты прощального письма белогвардейского генерала Петра Краснова. Обращаясь к внуку Николаю с предсмертными наставлениями, он пишет:

«Вы – молодые – должны сделать выводы из наших ошибок, шапками коммунистов не закидаешь, для борьбы с ними нужны другие средства... Хватит сидеть по заграничным кофейням и ломать копья в пустой междоусобице, пора понять, что корень наших ошибок в нашем общем разброде... В свое время... я написал множество книг, которые пришлись совсем не по вкусу нашим нынешним хозяевам... Можно уничтожить миллионы людей, им на смену народятся новые, народ не умрет, и все переменится, когда придут сроки. Не вечно же будет жить *Сталин и его присные*, умрут и они, придут новые люди и настанут перемены...» [Максимов 1994: 94–95].

В своем письме генерал употребляет неодобрительное именование *Сталин и его присные*, называя вождя и его соратников. Аппеллятив *присные* является по происхождению церковнославянизмом: *присный* – ‘всегдашний, вечный, сущий’ [Даль 3: 443]. В романе субстантивная лексема *присные* приобретает стилистическую сниженность, выражает иронию и употребляется в значении ‘приспешники, помощники’. Негативные характеристики сталинского режима, уничтожающего инакомыслие, независимость свободной личности, создаются также с помощью лексико-фразеологических средств: *шапками не закидаешь*; *пришлись совсем не по вкусу нашим нынешним хозяевам*; *умрут и они*. Устойчивые обороты подвергаются различным структурно-семантическим преобразованиям. Осуществляется переход утвердительной формы в отрицательную, в результате чего фразеологизм приобретает противоположный смысл: *шапками не закидаешь – закидать шапками* прост. пренебр. ‘легко и быстро победить’ [ФСРЛЯ 1: 246]. За счет расширения компонентного состава усиливается семантика фразеологизма: *совсем не по вкусу – не по вкусу* ‘не нравится что-либо’ [ФСРЛЯ 1: 84]. Образное выражение *наши нынешние хозяева* образует контекстуальную синонимию с групповым именованием *Сталин и его присные*.

В контекстном окружении прецедентного имени *Сталин* нередко присутствуют аппеллятивы *хозяин*, *вождь*, *благодетель*, которые используются для описания исторического персонажа: «*Хозяин*, повернувшись к ним спиной, вновь двинулся вдоль кабинета, видно, считая тем самым вопрос исчерпанным»; «Золотарев и раньше краем уха слышал, что *вождь* рыж, рябоват, длиннорук...»; «покойный Лешка Толстой... рассказал ему (знал, чем потрафить *благодетелю*, титулованный льстец!) курьезный случай» [Максимов 1994: 24; 25; 49].

В романе прослеживается смысловая параллель переселения русских людей на Курильские острова с библейским сюжетом о Моисее и сорокалетнем странствовании евреев по пустыне. Произведение содержит цитаты из Библии, где упоминается имя пророка: «И простер *Моисей* руку свою на море»; «и убоился народ Господа, и поверил Господу и *Моисею*»; «Тогда *Моисей* и сыны Израилевы воспели Господу песню сию...» [Максимов 1994: 148]. И если Моисей в итоге спасает свой народ, то государственная затея Сталина рушится: автор показывает в финале романа, как после извержения курильского вулкана многие переселенцы гибнут, спасаются только

двое. Прецедентные имена *Моисей – Сталин* создают в тексте романа семантическую оппозицию: божественная сила – политическая власть.

Таким образом, в романе Владимира Максимова «Ковчег для незваных» прецедентное имя *Сталин* является одной из смысловых доминант художественного повествования. Фамилия-псевдоним партийного вождя, лидера советского общества становится символом сильной, авторитарной власти. Историческая личность Сталина характеризуется в романе неоднозначно: с одной стороны, он изображен как властный и жесткий руководитель; с другой стороны, писатель отмечает его человеческие слабости и душевную ранимость, старческую усталость и немощь, склонность к болезненному и беспощадному анализу событий прошлой жизни, желание произвести неожиданное впечатление на окружающих людей и в то же время способность к самоиронии. Оним *Сталин* семантически взаимодействует с другими прецедентными именами, с аппеллятивной лексикой и фразеологизмами в контекстном окружении. Эти смысловые связи формируют текстовую модальность, передают авторскую позицию и раскрывают концептуальное содержание произведения. Использование библейских образов и советизмов, характеризующих сталинскую эпоху, создает жизненные контрасты: бесчеловечной государственной власти противопоставляются гуманистические духовно-религиозные ценности.

Список литературы

1. Брилева, И.С., Вольская, Н.П., Гудков, Д.Б. и др. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1 / под ред. И.В. Захаренко и др. М.: Гнозис, 2004. – 315 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. Т. 3 / В.И. Даль. М.: ТЕРРА, 1995. – 560 с.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Максимов, В.Е. Ковчег для незваных: Романы / В.Е. Максимов. М.: Воскресенье, 1994. – 368 с.
5. Мокиенко, В.М. Толковый словарь языка Совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
6. Словарь русского языка: в 4 томах / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 4. М.: Русский язык, 1988. – 800 с.
7. Суходеев, В.В. Сталин: Энциклопедия / В.В. Суходеев. М.: Алгоритм, 2013. – 699 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 томах / сост. А.И. Федоров. Т. 1. М.: Цитадель, 1997. – 391 с.

***

ГРЕНАДА И ГРАНАДА В ЛИТЕРАТУРНОМ ОБИХОДЕ КОНЦА 1920-Х ГОДОВ

В.В. Шаповал

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Аннотация. На примере известного поэтического текста (стихотворения «Гренада» М.А. Светлова) и др. произведений предпринимается попытка реконструкции альтернативной трактовки топонима Гренада ‘Гранада’ и производного эргонима (названия гостиницы), актуальной для ближнего круга читателей в контексте художественных интересов и повседневного обихода литераторов Москвы 1926 и последующих лет. Особое внимание уделено участию ромских литераторов в событиях этого периода.

Ключевые слова: внутренний круг читателей; групповое общение; литературная среда; топоним в литературном тексте; эргоним.

Стихотворение М.А. Светлова, написанное в мае и опубликованное в августе 1926 года [Светлов 1926: 3], имеет название *Гренада*. Довольно часто здесь усматривают смешение нетождественных топонимов: *Гренада* (англ. *Grenada* [grɪ'neɪdə]) – островное государство на юго-востоке

Карибского моря; *Гранáда* (исп. *Granada*) – испанский город на юге Андалусии. Между этими географическими паронимами несколько тысяч океанских миль, что было и остается потенциальным препятствием как для красной конницы, так и для кочевых таборов [Шаповал 2020: 199], но не для комсомольской поэзии.

Конечно, досадное недоразумение (*Гренада* вместо *Гранада*) бросало тень на географическую репутацию поэта. По этой причине некоторые даже говорили, что виноват был хозяин гостиницы (о ней ниже), который якобы не был силен в географии, а потому и ввел в заблуждение поэта. Правда, на вывеске гостиницы, вдохновившей поэта, не было указано, что она испанская. М.А. Светлов сам как-то решил, что это про Испанию. Но поэт не был одинок в этом убеждении. Задолго до него А.К. Толстой в своем «Дон Жуане» (1862) сообщал нам, что «от Севильи до Гренады... раздаются серенады...» [Толстой 1969: 59]. Еще раньше, 23/11 декабря 1826 г., А.И. Тургенев употребляет топоним *Гренада* (франц. *Grenade*), говоря о той же испанской провинции [Тургенев 1964: 12]. Этот ряд легко продолжить, но и этого довольно, чтобы понять, что ошибаться в такой компании почетно. Сходство пары топонимов не случайно, первый производят от второго, который, вероятно, восходит к латинскому *granum* ‘зерно’, как и *гран*, *гранат*, *граната*, так и рассматриваемый нами ранее «фальшивый» арготизм *граль* ‘страх < (!) урожай’ [Шаповал 2007: 56; Шаповал 2008: 57].

Сам поэт неоднократно обращался к истории стихотворения в пору завершения творчества. Это важно, что-то он хотел до нас донести. Заметка «История одного стихотворения» [Светлов 1974: 42–46] особенно предметна, там есть точная микрогеография: «В двадцать шестом году я проходил однажды днем по Тверской мимо кино “Арс” (там теперь помещается театр имени Станиславского). В глубине двора я увидел вывеску: «Гостиница “Гренада”». И у меня появилась шальная мысль – дай-ка я напишу какую-нибудь серенаду!» [Светлов 1974: 42]. Собственно, автор идет по Тверской к «Макдональдсу» и, не доходя до угла, заглядывает в арку: «Казалось бы, пустяковая вывеска на гостинице...» [Светлов 1974: 43]. Но название!.. Конечно, «От Севильи до Гренады...», так же? Вообще-то гостиница 2-го разряда на 15 номеров «Гренада» (ул. Тверская, д. 57) принадлежала Моссовету [Вся Москва 1926: 271 (3-й паг.)]. Но кастаньеты уже звучат, не так ли? Через год происходит перепланировка, уплотнение, снижение разряда: 31 комната, III разряд [Вся Москва 1927: 710]. Еще через год по тому же адресу находится уже гостиница «Тверь» («31 комн., III разр.») [Вся Москва 1928: 665]. Любопытно, чем было вызвано переименование. Такую серенаду угробили. Не менее примечательно упоминание серенады в первоначальных планах поэта. Как-то очень прямо перекликается с дон-жуанской рифмой А.К. Толстого: *Гренада – серенада*. Тогда почему «шальная»? Неужели было всё равно какую? Не было ли тут какого-то пари в кругу молодых поэтов?

Пеший маршрут автора, поедущего вскоре обратно домой на трамвае, пролегает близко к дому № 25 по Тверскому бульвару. Здесь, в «доме Герцена», тогда размещались важнейшие литературные объединения [Вся Москва 1927: 370]. Где же еще искать заработка безденежному поэту? Похоже, он и в арку Малого Палашевского поворачивает, чтобы срезать путь.

Звучное название гостиницы было вскоре драматически связано с громким околотитературным «делом трех поэтов», «трех А». Моисей Альтшуллер, Владимир Аврущенко и Венедикт Анохин были рапповцы, из питомцев Серафимовича. 19 марта 1928 г. В. Анохин посылает шутивную записку другому «Серафимовцу» Аврущенко на бланке журнала «Жернов», где он служил литконсультантом и наставляет крестьянских авторов. А еще он шлет детскую книжку с картинками, к которым добавлены зооморфные характеристики друзей: курочка – Аврущенко, уточка – «ленивый и шатающийся Вен. Анохин», «Неукротимый “серафимовский” конек – Моисей Альтшуллер» [Письма 1928: 2 об., 3, 6]. В общем, поэты жили весело, их карьеры шли на подъем, любителей поэзии консультировали тоже регулярно. После вечеринки в гостинице с участием упомянутых литераторов покончила с собой Зинаида Владимировна Исламова (1905–1928), слушательница Высших литературных курсов (ВЛК) [Дуардович 2020].

Студент этих же курсов князь С.М. Голицын писал об инциденте как об одном из поводов для закрытия ВЛК [Голицын 1990: 317]. Судебный процесс шел параллельно с шахтинским в июне 1928 г. [Фрейдин 1996: 179], некоторые заседания проходили не в Мосгорсуде, а в Центральном Доме Комсомола Красно-Пресненского района («Васильевская, 13» [Вся Москва 1928: 216], ныне Центральный дом кино Союза кинематографистов России) и даже в Политехническом музее, что делало суд еще более парадоксально литературным. В тех же самых залах проводил встречи с читателями Маяковский, который, кстати, был в числе предлагавших суду экспертизу творчества «трех А». Процесс по делу о насилии и доведении до самоубийства широко и детально освещался в газетах. Но название гостиницы почему-то нигде не приводилось. Участники вечеринки встретились у памятника Пушкину, который тогда смотрел еще на сквер своего имени. В. Шаламов позже напишет: «Это та самая гостиница “Гренада”...» [Шаламов 2004: 98]. Что подтверждает еще один студент ВЛК Ю. Домбровский [Домбровский 1993: 153].

Вспомним, что стихотворение «Гренада» поначалу не произвело особого впечатления на более статусных коллег [Светлов 1974: 45]. Не исключено, что многим состоятельным литераторам из «дома Герцена» эта недорогая и близко располагавшаяся гостиница в качестве места неформальных встреч была знакома намного лучше, чем таверны Гранады. Изначально идущая от стихов А.К. Толстого серенадность не знала четкой грани между донжуанством и сражением, которые не раз переплетаются и в упомянутом выше тексте: «Много крови, много песней...» и проч. [Толстой 1969: 59]. Смена четырехстопного хорее на двухстопный амфибрахий ускорила ритм, переводя рысь в галоп, испытывающий стойкость и выучку ездока. Но серенадность не могла исчезнуть бесследно, чем может объясняться и завораживающее обаяние стихотворения. Возможно, настороженное отношение к этому глубинному донжуанскому сообщению, довольно откровенно мерцающему через геройский пафос, и было причиной первоначальных сдержанных оценок, снижения расценки на 20% и пояснения «Светлов может писать лучше» [Светлов 1974: 46]. Не так скоро, но слава литературной Гренады диаметрально поменяла восприятие.

«Три А» находились под следствием в тюрьме на Таганке. За ними наблюдал будущий цыганский литератор Михаил Тимофеевич Безлюдский (1901–1977), оказавшийся в то же время в том же месте в роли подследственного. Адрес Столешников пер., д. 11, где жили многие литераторы (например, Муса Джалиль), в одном из договоров с издательством в 1930-е укажет и Безлюдский. В той же 21 квартире жил и Александр Германов, еще один цыганский классик и соавтор Безлюдского по переводу «Интернационала» [Шаповал 2020: 351].

В тюрьме Безлюдский вскоре стал активным автором тюремной газеты (и не прятался за псевдонимом, как многие камерные корреспонденты [Шаповал 2021: 364]). После освобождения он подробно рассказал о том, как учился сочинять стихи и прозу на занятиях литкружка, организованного для арестантов «тремя А» [Безлюдско 1932: 22–23]. Роль Безлюдского в этой истории еще до конца не ясна, однако, весьма вероятно, он имел возможность положительно повлиять на ситуацию с «тремя А» и повлиял. Позже Безлюдский вернулся на литературную орбиту, стал одним из самых успешных цыганских авторов, так что даже после провинциального периода с 1935 по 1941 г. перед самой войной опять имел планы на возвращение в столицу [Шаповал 2020: 5–28].

Но вернемся к *Гренаде*. Эргоним, образованный от топонима, постоянно стремится обновить деривационную привязанность к последнему. Так, поскольку испанская *Гренада/Гранада* имеет свой инвариантный коннотативный образ для говорящих, то гостиница его заимствует. Однако название гостиницы в прессе не фигурировало.

Таким образом, фактом является лишь то, что та самая гостиница в 1928 г. сменила название на менее экзотическое «Тверь». Переименование «Гренады» не было вызвано этой предположительной дискредитацией названия гостиницы громким процессом. Не следует эту смену названия, забегая вперед, оценивать и как отказ от политически актуального топонима, поскольку до настоящих испанских событий было еще далеко, да и тогда Гранада довольно скоро оказалась

в глубине территории, контролируемой республиканцами. Думается, более вероятно другое объяснение. Обновленное название «Тверь» не было единственным. Оно вписывается в волну переименований 1928 г., после которых «Гренада» оказывается в компании гостиниц, получивших политически грамотные или отечественные имена в рамках очередной кампании импортозамещения. Приведем несколько соседних: «Бельгия» > «Интернациональная» (Тверская, 61), «Биарриц» > «Белоруссия» (Тверская, 67), «Бристоль» > «Союзная» (Тверская, 39) [Вся Москва 1926: 271; Вся Москва 1927: 710; но: Вся Москва 1928: 664].

Подытоживая, можно сказать, что для московского литературного мира *Гренада*, понимаемая как испанская *Гренада*, была топонимом с мощным серенадным и опереточным ореолом. Этот ореол не без основания транслировался и на название гостиницы, в которой литераторы из «дома Герцена» устраивали свои неформальные, а иногда и шумные встречи. Далеко не сразу после 1926 года топоним начинает постепенно и избирательно приобретать интернациональное и героическое звучание, исключительно благодаря стихотворению М. Светлова. Возможно, создание нового восприятия топонима было одной из целей пари, к воспоминаниям о котором так исподволь возвращался автор.

Список литературы

1. Анохин, В. Письма Анохина Венедикта к В.И. Аврущенко. 1928. // РГАЛИ. Ф. 2201. Оп. 1. Ед. хр. 85. – 7 л.
2. Безлюдско, М. Мир литературы дром // Нэво дром. 1932. № 7. – С. 22–23.
3. Вся Москва. 1926–1928. М.: Изд. Моссовета, 1926–1928.
4. Голицын, С.М. Записки уцелевшего / С.М. Голицын. М.: Орбита, 1990. – 731 с.
5. Домбровский, Ю.О. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 5: Факультет ненужных вещей. М. Терра, 1993. – 711 с.
6. Дуардович, И. На черную доску, или Юрий Домбровский в архивах ВГЛК (1925–1929) / И. Дуардович // Вопросы литературы. 2020. №3. – С. 213–277.
7. Светлов, М. Гренада / М. Светлов // Комсомольская правда. 1926. 29.VIII. № 198 (381). – С. 3.
8. Светлов, М. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3. / М. Светлов. М.: Худ. лит., 1974. – 480 с.
9. Толстой, А.К. Дон Жуан // Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. Драматические произведения. М.: Правда, 1969. – С. 5–118.
10. Тургенев, А.И. Хроника русского. Дневники 1825–1826 / А.И. Тургенев. М.; Л.: Наука, 1964. – 624 с.
11. Фрейдин, Г. Вопрос возвращения I. О поколении, сохранившем своих ученых: Виктор Шкловский и Роман Якобсон в 1928–1930 // Literature, Culture, and Society In the Modern Age: In Honor of Joseph Frank. Eds. Edward J. Brown, Louis Dumont, Lazar Fleishman, Gregory Freidin, Richard S. Schupbach. Stanford Slavic Studies, Vol. 4, Pt. 2. Stanford, CA., 1992. – P. 177–189.
12. Шаламов, В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / В.Т. Шаламов. М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 1072 с.
13. Шаповал, В.В. О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях / В.Т. Шаповал // Вопросы филологии. 2007. № 1(25). – С. 55–61.
14. Шаповал, В.В. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях / В.Т. Шаповал // Вопросы языкознания. 2008. № 6. – С. 49–77.
15. Шаповал, В.В. «Чтоб землю цыганам?..» / В.Т. Шаповал // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.В. Никульцева. М., 2020. – С. 197–208.
16. Шаповал, В.В. Псевдонимы в цыганской литературе 1928–1938 гг. / В.Т. Шаповал // Ономастика Поволжья. Матер. XIX Междунар. науч. конф. Оренбург, 2021. – С. 360–364.
17. Shapoval, V.V. The books to the illiterate?: Romani publishing activities in the Soviet Union, 1927–1938 / V.V. Shapoval // Social Inclusion. 2020. Т. 8. № 2. – С. 346–357.
18. Shapoval, V.V. Obscure years of Soviet Roma literature (1939–1941) / V.V. Shapoval // Romani Studies. 2021. Vol. 31. No. 1. – С. 5–28.

***

НАИМЕНОВАНИЯ ВИН В ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКЕ А.С. ПУШКИНА И В ДРУГИХ ИСТОЧНИКАХ XIX ВЕКА

Виктор Шетля

Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Аннотация: В стихотворной строке А.С. Пушкина и в других текстах художественной литературы XIX века вино являлось важным атрибутом при описании застолья в дворянских усадьбах, товарищеских посиделок. Вина входили в меню столичных ресторанов, придорожных трактиров и станций. В настоящей статье рассматриваются наименования вин, образованных от географических регионов, на виноградниках и в подвалах которых эти вина вызревали. Отметим разнообразные названия легких винных напитков чаще неотечественного происхождения у авторов указанного времени и в этой связи преобладание заимствованных названий. В нашем случае названия вин от географических названий указывают на межкультурные и межязыковые контакты российских регионов с европейскими странами.

Ключевые слова: заимствование, литературные источники, наименование, русский язык, экзотический, язык регионов.

Перечитывая роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», узнаешь, какие вина предпочитали его персонажи, а может быть, и сам автор. И если не до конца понятно, из какого географического региона происходит вино *Клико* («французское шампанское и бренд») или *Моэта* («французское шампанское с голландским названием»), то для большинства марок по названию можно определить их географическое происхождение. А.С. Пушкин высоко ценил вина из Кахетии и Карабаха, утверждая, что «кахетинское и карабахское стоит некоторых бургонских» [Пушкин 1986, 3: 385]. В романе мы не раз встречаем упоминания о вине. Определенная презрительность к персонажу звучит в следующей строке: «Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам Бургонского и макарони нес» [Пушкин 1985, 1: 9] или же: «утонул в кахетинском вине, как несчастный Кларенс в бочке малаги» [Пушкин 1986, 3: 386].

Юрий Тынянов, автор романа «Пушкин», посвященного жизнеописанию поэта, так описывает посещение Сергеем Львовичем Пушкиным известного на Охотном ряду винного погребка: «Несмотря на ранний час, здесь уже были два знатока, спорившие о достоинствах бургонского и лафита» [Тынянов 1976: 4].

В письме Н.Н. Пушкиной от 2-го сентября 1833 г. можно прочитать следующее: «Отобедали вместе глаз на глаз (Виноват: втроем с бутылкой Мадеры)» [Пушкин 1935: 101]. Эта шутивная запись в тексте дружественного письма характеризует его автора. П.А. Вяземский приводит мнение А.С. Пушкина о вкусах и изменениях в потреблении вин: «Не могу надивиться, отвечал тот (А.С.Пушкин. – В.Ш.), как все изменилось: бывало за обедом и у лучших людей ставили на стол хороший Медок, да и полно; теперь, где ни обедаешь, везде видишь Лафит» [Вяземский 1883: 366].

Впрочем о «споре» двух марок можно узнать прямо и у Пушкина, см.: «Между Лафитом и Клико Лишь были дружеские споры» [Пушкин 1983: 275]. Вот круг тех марок вин, которые в воспоминаниях, упоминаниях так или иначе, прямо или косвенно связаны с именем Александра Сергеевича: *кахетинское и карабахское, бургонское, лафит, медок, мадера*.

Упомянутое катехинское вино встретим также и у М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, А.И. Куприна, авторы по разным причинам называют эту марку. Так, М.Ю. Лермонтов в уста Печерина вкладывает впечатления от пребывания в Пятигорске: «Нигде так много не пьют кахетинского вина и минеральной воды, как здесь» [Лермонтов 1986: 298]; у А.П. Чехова встречаем надпись на визитной карточке: «Князь Агоп Минаевич Обшиашили. Магазин южнобережных и кахетинских вин» [Чехов 1985, 4: 187]; того же порядка сообщение: «грузин-приказчик из магазина кахетинских вин» [Куприн 1912: 383].

Вина из Бургундии в отличие от других названных марок в русской литературе упоминается раньше всех. Так, в путевых заметках Н.М. Карамзина мы находим: «в городе Маконе ... пили самое лучшее бургундское вино. Оно густое, темного цвета и совсем не похоже на то, что у нас в России называется бургонским» [Карамзин 1980: 305]. Отметим разные формы написания этого вина – *бургундское, бургондское, бургонское, бургонь*.

Персонажи А.Н. Островского, И.А. Гончарова не раз упоминают это вино: «[Кучумов:] Дам вам северюгу свежую, ко мне из Нижнего привезли живую, дупелей и такого бургунского, что вы» [Островский 1972: 17]; «ни амбре никакого не получишь, ни кургузого одеяния, ни марго, ни бургонь...» [Гончаров 1980: 308]. Газета наших времен рекомендует после рыбных блюд выпить бургонское вино: «После рыбных блюд – бургонское ...» [МК 1994: 4]. Вероятно, эта последняя запись определяет правильность современного употребления названия марки вина.

Упомянутый в связи с Пушкиным *лафит* (франц. *château Lafitte* [Фасмер 1986: 467] представлял собой по словарям – ‘*фр.* – сорт красного бордосского вина’ [Гавкин 1912: 327]. Вино было широко рекламировано газетами уже в начале XIX века. Пример текста такой рекламы: «Продаются разные вина и водки: шато-лафит» [Известия 1807: 285]. Словарь В. Даля отмечает в словарной статье «Вино», что – «Виноградные вина разделяются на ... *легкие* или *столовые* (сотерн, медок, лафит)...» [Даль 1989: 205].

Вероятно, Н.В. Гоголь видел эту «бездну бутылок», которую и отобразил в тексте произведения: «Бездна бутылок, длинных с лафитом, короткошейных с мадерою...» [Гоголь 1959, 3: 163].

Не случайно П.А. Вяземский везде видел лафит, поскольку оно было в широком употреблении, что и отмечено многими, см.: «Лаврецкий хотел удалиться, но его удержали; за столом генерал потчевал его хорошим лафитом» [Тургенев 1955: 174]; «Что до вина, которое ты пьешь, Лафит, ты получил бы твою бутылку на три дня» [Смирнова 1989: 409]; «Там тот же мягкий бифштекс, тот же лафит, херес и чистая постель как в Европе» [Гончаров 1985: 244]; «А вы угостите лафитом. Тогда не будет скучно» [Чехов 1985, 7: 69].

Газета нашего времени рекомендует: «Ко вторым – бургонское и лафиты» [МК 1994: 4] и тем самым утверждает именно такой стандарт названия в нашем обиходе. Лафиту А.С. Пушкин посвятил стихотворение «Вода и вино»: «Да будет проклят род злодея! Пускай не в силах будет пить Или, стаканами владея, Лафит с цымлянским различить!» (1815 г.)

Таинственный *медок*, который своим названием нетрудно воспринять, как – ‘напиток, настоящий на меду’, ‘медовуха’. В этом значении это название употреблено у М.Н. Загоскина: «Да есть также и малиновый медок – вот тот самый, что ты жаловать изволишь» [Загоскин 1898: 20]. В самом деле *медок* от франц. *médos*, *Médos* представлял собой – ‘красное бордосское вино || из округа того же имени’ [Гавкин 1912: 377]; ‘Сорт столового виноградного французского вина; вино этого сорта’ [БАС, 6: 772]. Французское понимание названия *медок* подтверждается многими, но часто с сомнением о подлинности происхождения вина, см.: «вас жажда томить не будет, вам дадут полбутылки медака (возможного)» [Герцен 1956: 42]; «Портвейн старый Фактори, медок разлива братьев Елисеевых...» [Достоевский 1981: 104]; «Вот только вина было маловато: одна бутылка медаку на всех. ... медаку в этом доме придавалось особое значение и что, стало быть, обходиться с этим напитком надлежало с осторожностью» [Щедрин 1951: 424].

Краткошейные бутылки с *мадерой* или ее разновидности *дрей-мадеры* – ‘сладкое, крепкое белое вино, приготовляемое на острове Мадера’ [Гавкин 1912: 353] встретим у Н.М. Карамзина в его путевых заметках конца XVIII века: «Ростбиф, *потаты*, пудинги и рюмка за рюмкой кларету, мадеры!» [Карамзин 1980: 462] и часто в газетной рекламе начала XIX века. См. текстовой образчик такой рекламы: «Продаются разные вина и водки: мадера, дрей-мадера» [Известия 1807: 285]; «Ост-индская дрей-мадера и мадера» [Известия 1810: 330].

В середине XIX века название вина, как элемент художественного образа, не мог не быть употребленным таким мастером слова, каким был Н.В. Гоголь: «Потом Ноздрев велел принести

бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Мадера, точно, даже горела во рту, ибо купцы, зная вкус помещиков, любящих добрую мадеру, заправляли ее беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки, в надежде, что все вынесут русские желудки» [Гоголь 1959, 5: 79].

Определенную информацию о винах содержит и словарь В.И. Даля, см.: «Виноградные вина разделяются на *крепкие* (мадера, tenerиф, ...)» [Даль 1989: 205]. Упомянутое здесь вино *tenerиф* (от названия испанского острова, входящего в состав Канарских островов) представляло собой ‘виноградное вино, напоминающее мадеру’ [БАС, 15: 275].

Таким образом, приведенные примеры упоминания названий вин в произведениях А.С. Пушкина и в других текстах художественной литературы XIX века указывают на вкусы и предпочтения авторов и их персонажей в выборе данного напитка. Наименования вин, как правило, указывают на регион / страну происхождения винного напитка: неотечественного (зарубежного) и регионального (российского) происхождения. Часто столь экзотические наименования вин, образованные от названий географических регионов, отражают межкультурные и межъязыковые контакты, существовавшие в XIX веке в России.

Список литературы и источников

1. Вяземский, П.А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А.Вяземского. Изд-е графа С.Д. Шереметева. Т. VIII. СПб., 1883.– 528 с.
2. Гавкин, И.И. Краткий словарь иностранных слов. 60-е изд. СПб.; Киев; Харьков, 1912. – 745 с.
3. МК – Московский комсомолец. 1994. № 87. – С. 4.
4. Герцен, А.И. Письма из Франции и Италии / А.И. Герцен // Сочинения в 10 томах / Под общей ред.: В.П.Волгина и др. Т.3. М.: Гос. изд. худ. лит., 1956.– С.5–221.
5. Гоголь, Н.В. Коляска / Н.В. Гоголь // Собрание сочинений в 6 томах. Т. 3. М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. – С. 160 – 172.
6. Гоголь, Н.В. Мертвые души. Поэма / Н.В. Гоголь // Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. – С. 7 – 528.
7. Гончаров, И.А. Обрыв: Роман. / Вступ. статья П. Николаева; Примеч. Л. Гейро. М.: Худ. лит., 1980. – 720 с.
8. Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. / Комм. К.И. Тюнькина. М.: Правда, 1985. – 688 с.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М.: Рус. яз., 1989. – 699 с.
10. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в 4-х ч. с эпилогом. М.: Современник, 1981. – 368 с.
11. Загоскин, М.Н. Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого // Полное собрание сочинений М.Н. Загоскина. Т.2. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольфа, 1898. – 502 с.
12. Известия – Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1807. № 23. – С. 285.
13. Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1810. № 22. – С. 330.
14. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. – 608 с.
15. Куприн, А.И. Яма // Полное собрание сочинений А.И. Куприна. Т.8. Ч.1. СПб.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1912. – С.353–472.
16. Лермонтов, М.Ю. Герой нашего времени // М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М.: Правда, 1986. – С. 197 – 337.
17. Островский, А.Н. Бешеные деньги / А.Н. Островский // Избранные пьесы. Т. 2. М.: Худ. лит., 1972. – С. 5–86.
18. Пушкин, А. С. Письма / под ред. и с исправл. Б.Л. Модзалевского. Труды Пушкинского дома АН СССР. Т. III: 1831 – 1833 г. М.; Л.: Academia, 1935.
19. Пушкин, А.С. Евгений Онегин: Роман в стихах. М.: Сов. Россия, 1983. – 280 с.
20. Пушкин, А.С. Монах // Пушкин, А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.1. М.: Худ. лит., 1985. – С. 7 – 17.
21. Пушкин, А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. // Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1986. – С.370–410.

22. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
23. Смирнова-Россет, А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. – 789 с.
24. Тургенев, И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Библиотека для юношества: Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. М.: Моск. рабочий, 1955. – С.133–290.
25. Тынянов, Ю. Пушкин / Примеч. Б. Костелянца. Л.: Худ.лит., 1976. – 502 с.
26. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т.2. М.: Прогресс, 1986. – 671 с.
27. Чехов, А.П. Визитные карточки // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.4. М.: Правда, 1985.– С.186–187.
28. Чехов, А.П. Припадок // Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.7. М.: Правда, 1985. – С.62–84.
29. Щедрин, Н. (М.Е. Салтыков), Рассказы, очерки («Сборник») // Щедрин Н. (М.Е. Салтыков). Собрание сочинений. Т.8. М.: Правда, 1951. – С.299–489.

ТЕОНИМЫ И МИФОНИМЫ В ЭТНОКУЛЬТУРАХ

***

МИФОНИМЫ В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ БАШКИР

Г.Р. Каримова

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Уфа, Россия)*

Аннотация. Лексика народной духовной культуры башкирского языка, сохранившаяся в фольклоре и письменных источниках, отражает мифологическое сознание и древние верования народа. Поэтому большинство терминов относится к древнейшему словарному фонду языка. В данной статье рассматриваются названия мифонимов погребально-поминального обряда башкир, обозначающих границу жизни – наступления смерти человека.

Ключевые слова: Тәңре Тенгре; Аллах Бог; тенгрианство; мифонимы; письменные источники; древние тюрки.

В основе погребально-поминальных обрядов, традиций народа лежит мифологическое сознание. Участниками погребально-поминального обряда также являются мифологические персонажи. Мифических персонажей погребально-поминального обряда можно разделить на несколько семантических групп: 1) лексика, обозначающая границу жизни человека – наступления смерти; 2) лексика, обозначающая душу; 3) названия потусторонних персонажей и др. В данной статье рассматриваются названия мифических персонажей, обозначающих границу жизни – наступления смерти человека.

Человеку неведом приход смерти, поэтому жизнь человека, час смерти определяется Тәңре, Хозай, Аллах Богом. Тәңре в древности у тюрков было верховным божеством неба со значением “Всевышний, создатель, хранитель, повелитель”. “Тенгри – это исконно тюркское слово, имеющее “только положительное, уважительное ассоциативное значение” [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 564]. Мифический персонаж Тәңре, как и Аллах, Хозай Бог, Всевышний, Творец, определяет границу жизни – наступления смерти человека: Тәңре көнө тарынан да күп. День Бога, больше проса. Кырк йыл кыргын булһа ла, әжәл етмәй үлем юк. Даже если 40 лет будет голод, не наступит смерть, если не наступит час. Ашау – байзан, үлем – хозайзан. Еда от богача, смерть от Бога и др. [Хисамитдинова 2010: 27–34].

В современном башкирском языке слово *тәңре* встречается в следующих словосочетаниях, пословицах и поговорках: *оло тәңре* (высшее божество); *күрише хақы – тәңре хақы* (добрососедские отношения превыше всего; досл. право соседа – право тенгри); *тәкә мөгәзә тәңрегә теймәс* (тенгри неуязвим; досл. козел рогами не достанет до тенгри); *тәңремде кыркма* (позволь надеяться; досл. не режь мой тенгри).

Как отмечает Ф.Г. Хисамитдинова, в башкирской мифологии Тәңре Бог, Аллах, Всевышний, Создатель мира живет на небе и управляет всем. Хотя Тенгри и невидим, но известно, что он мужского пола. Встретившийся с башкирами в начале X века Ибн-Фадлан отметил, что башкиры поклоняются 12 божествам. Из 12 самый великий – *Күк тәңре* Тенгри неба, вместе с другими божествами управляющий миром. Слово Тәңре связан у башкир с древнетюркским периодом. В древнетюркских памятниках слово Тәңре использовалось в значениях Небо, Господь, Бог, Высшие силы. Из памятников известно, что у тюрков высшее существо – *Күк тәңре* Тенгри неба, затем – *Ай тәңре* Тенгри луны, *Йәшен тәңре* Тенгри молнии, *Ел тәңре* Тенгри ветра, *Көн тәңре* Тенгри солнца, *Кот тәңре* Тенгри удачи, благополучия и другие. Божество тәңре у башкир имеет общие корни с божеством *tǎŋri* древних тюрков [Хисамитдинова 2010: 27–34].

В других тюркских языках также употребляется мифоним Тәңре: тур. *tanrı*, аз. *tanrı*, туркм. *taňry*, уз. *taňri*, нуг. *tǎŋri*. тат. *tǎŋre*, кум. *tengeri*, каз. *tǎŋir*, ккалп. *tǎŋir*, кирг. *teŋir*, хак. *tiŋər*, як. *taŋara* [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 564]. Например, в киргизском языке *теңир* имеет два значения: Бог и небо, второе представляет собой наиболее древнее, доисламское значение этого слова в тюркских языках: *Теңир жалгасын!* Благослови тебя господь!; *Теңир урсун!* Накажи его бог! [Киргизско-русский словарь 1965: 24].

Мифоним Тәңре, Тангре, как отмечает якутский исследователь Н.К. Антонов, является сложным словом, образовавшимся от общетюркских слов «танг» – заря и «эр» – муж, воин [Антонов 1971: 124–126]. В памятниках древнетюркской письменности зафиксирован мифоним: *Тәңгри йарлыкаддынын учун, озим кушым бар учун, каган олуртым*. По милости неба и потому, что у меня самого было счастье, стал я каганом (Малая надпись Кюль-Тегина [15, с.27]). *Теңр теңри йаратмыш түрк билге*. Вот речь моя, подобного небу, небом поставленного, тюркского мудрого кагана’ [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 115].

В орхонских каменных надписях запечатлено представление о роли Неба – Тенри, высказанное Билге-каганом по поводу смерти Кюль-тегина: “Человеческие сыны все рождены, чтобы умереть в установленное Небом время”. И поэтому за помощью тюрки обращались к нему, а если обращение было к Земле, то обязательно упоминался и Тенри. Если Тенри мог упоминаться без Земли, то Земля без Тенри – никогда. Тенри считался отцом, Земля – матерью. Подтверждением тому, что главным и единственным богом оставался Тенри, служит также отрывок из караево-балкарского гимна в честь Тенри “Тейри неба – один (единственный, истинный) Тейри / Тейри неба – тот, кто создал землю и небеса / Тот, кто каждый день дарует нам рассвет” [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 564].

В словаре М. Кашгари даны следующие словесные формы Тәңре: Таңри – Аллах, Всемогущий. Он и великий [Кашгари 1960–1963: 29]; *Таңри улук тиркурди* Аллах воскресил мертвых [Кашгари 1960–1963: 602]; *Таңри мани кутгарди* Аллах Всевышний избавил меня от лишений [Кашгари 1960–1963: 612]; *Таңри кули Кулбак* ‘Раб Аллаха Кулбак’ [Кашгари 1960–1963: 29]; *Таңрика табинди* Он поклонился Аллаху Всевышнему [Кашгари 1960–1963: 591]; *Таңри ул йагмур йагитган* Аллах Всевышний ниспосылает дождя [Кашгари 1960–1963: 782]; *Тун – кун таңрика буйнамагил. Куркуб аңар айману уйнамагил*. Днем и ночью молись Аллаху Всевышнему, не заносись. Будь робок и боязлив перед Ним, но в скромности и боязливости не играй перед ним [Кашгари 1960–1963: 1022].

По сравнению со словом *Аллаһ* Аллах (Бог) Тенгри в пассивном употреблении. Причина – в вытеснении исламской религией лексики, связанной с божествами – *тәңреләр*. После

принятия ислама слово Тенри у многих тюркских народов приравнивается к слову Аллах – арабское заимствование. Аллах – высшее мусульманское божество у народов, исповедующих ислам.

Allah Аллах в башкирском языке “донъяны яралткан, уның менән идара иткән юғары зат. бог, Господь. Всевышний”. *Аллага табыныу. Аллага ышаныу. Аллага ялбарыу. Алла белһен мәғлүм тугеллекте белдерә бог знает что. Алла бирһа* (йәки теләһә, бойорһа) Бог даст. *Аллага тапшырыу.* Решиться на что-л. *Алла рәхмәтенә китеу.* Умереть, отправиться на тот свет. *Алла һахлаһын.* Боже упаси.

В качестве синонима употребляют *Аллаһы Тәғәлә, Хозай, Хозай Тәғәлә*. В башкирской мифологии высшее божество, сотворившее мир и человека и управляющее всем и вся, башкиры его считают всемогущим, всеобъемлющим, вечным. По представлениям башкир, Аллах живет на небесах, но видит все. Аллах оберегает, защищает и помогает тем, кто верит и поклоняется Ему, чист душой и идет по праведному пути. Старики говорят, что в мире все происходит только с позволения Аллаха, даже волос с головы человека падает только по воле Аллаха [Хисамитдинова 2010: 27–34].

Таким образом, мифонимы погребально-поминального обряда башкир, сохранившиеся в фольклоре и письменных источниках отражают древние верования народа. Поэтому большинство терминов относится к древнейшему словарному фонду языка. Существование и сохранение самого древнего мифонима *Тәңре* в традициях и в языке народа является задачей дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Антонов, Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка / Н.К. Антонов. Якутск, 1971. – 175 с.
2. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. – Т. VIII. / под редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа, Китап, 2016. – 832 с.
3. Баязитова, Ф.С. Этнокультурная лексика в татарских диалектах сибирского ареала (в контексте обрядовых и мифологических текстов) / Ф.С. Баязитова. Казань, 2010. – 735 с.
4. Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М.: Сов. энцикл., 1965. – 724 с.
5. Кашгари, М. Девону лугат-ит-турк / М. Кашгари Т.1–3. Ташкент, 1960–1963.
6. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования / С.Е. Малов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М., Наука, 2006. – 908 с.
8. Хисамитдинова, Ф.Г. Словарь башкирской мифологии / Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 340 с.

***

ЭПИТЕТ БУДД «БХАГАВАН»:

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА НА КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК

А.В. Менкенов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)*

В. А. Навашева, К. В. Менкенова, А. Н. Манджиева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия)

Аннотация: В статье рассматривается вариативность перевода (переложения) эпитета будд «Бхагаван» со старокалмыцкого языка на современный калмыцкий, которая обусловлена

отсутствием единой терминологии. Актуальность исследования обусловлена тем, что данный вопрос не получил еще исчерпывающего научного анализа. В связи с возросшим интересом к семантике буддийских терминов среди современников возникает необходимость детального анализа теонимов, а также издания русско-калмыцко-ойратского словаря буддийских терминов.

Ключевые слова: эпитет, Бхагаван, буддийская терминология, старокалмыцкий язык, перевод.

Одним из наиболее часто встречающихся эпитетов будд в памятниках древнеиндийской буддийской литературы является *Бхагаван* (букв. «Победоносный»). В современном монгольском языке эпитету Бхагаван соответствует эпитет *ялж төгс нөгчсөн* (Победоносный, Победоносно прошедший) [БАМРС]. По мнению выдающегося советского и российского востоковеда, лингвиста и литературоведа, специалиста по монгольской филологии Н.С. Яхонтовой в старокалмыцком (ойрат-монгольском) языке санскритскому *Bhagavān* соответствуют эпитеты «*ilaḡun tögüsüqsen*» и «*ilaḡun tögüsün üleqsen*» [Яхонтова 1996: 145].

Проблемой современного калмыцкого языка является отсутствие однозначного соответствия терминам, использовавшимся в текстах, составленных на старокалмыцкой письменности «тодо бичиг». В настоящее время авторы переводов (переложений) буддийских текстов, дошедших до нас на старокалмыцком ясном письме «тодо бичиг», используют разные варианты перевода (переложения) исследуемого эпитета на современный калмыцкий язык.

Выдающийся советский и российский калмыцкий литературовед А.В. Бадмаев, один из первых калмыцких ученых, занявшихся переводами буддийских текстов со старокалмыцкой письменности в изданном Калмыцким книжным издательством в 1993 году переводе Ваджрачхедики Праджняпарамиты сутра (калм. полн. Хутгт Таслгч Очр Кемәх ик кәлгнә судр оршв, калм. сокр. Дорж Жодва), также известной на русском языке как Алмазная сутра, использует вариант перевода *Йилһн Төгсн Үлсн* [Алмазная сутра 1993: 6, 8, 10, 16]. В переводе текста «Дхарани Белозонтичной Тары, или Возвышенная Дхарани достижения наивысшей Непобедимой Великой Белозонтичной Отвратительницы, возникшей из ушниши Татхагаты» (калм. *Туунчлн болсна үснрәс һарсн хутгта цаһан шүкртә бусдт эс йилһгдгч (дишлгдгч) ик хәрү хәрүлгч сәәтр бүтсн кемәх тогтал*), изданном Калмыцким Центральным Буддийским монастырем «Геден Шеддуб Чой Корлинг» в 2015 году, исследуемый эпитет переведен А.В. Бадмаевым как *Йилһән Төгссн Үлсн* [Дхарани Белозонтичной Тары 2015: 11, 15-18].

Профессор, доктор философских наук Б.А. Бичеев в переводе Сутры Серца, включенном в издание «Далай лама XIV Тензин Гьяцо Сутра сердца: учения о праджняпарамите», опубликованном в 2008 году «Океаном Мудрости», перевел данный эпитет как *Йилһн Төгсн Үлсн* [Далай-лама XIV 2008: 138-139]. В переводе Сутры Сердца, включенном в сборники, изданные к учениям Далай-Ламы XIV в городе Риге, используется эпитет *Йилһн Төгсн Үлсн* [Далай-лама в Риге 2017: 54-55; Далай-лама в Риге 2018].

Помимо изложенных вариантов в переводе Молитвы принятия прибежища (калм. *Иткл йовулх йосн*), выполненной кандидатом филологических наук Э.У. Омакаевой, изданном в 1995 году, зафиксирован вариант передачи эпитета «Бхагаван», наиболее близкий к монгольскому «ялж төгс нөгчсөн» – *Илаһун төгс нөгүсн* [Омакаева 1995: 129]. Таким образом, в переводах современных авторов мы сталкиваемся как минимум с 4 вариантами перевода эпитета *ilaḡun tögüsün üleqsen*: 1) *Йилһн Төгсн Үлсн*; 2) *Йилһән Төгссн Үлсн*; 3) *Йилһн Төгсн Үлсн*; 4) *Илаһун Төгс Нөгүсн*.

Поэтому представляется целесообразным вначале рассмотреть, как именно воспринимаются предложенные авторами переводы исследуемого эпитета современными читателями. Попробуем перевести на русский язык слово *Йилһн*, используемое в вариантах «*Йилһн Төгсн Үлсн*» и «*Йилһн Төгсн Үлсн*». Аффикс *-н* в слове *йилһн* заставляет предположить читателю, что он имеет дело со слитным деепричастием, образованным от глагола *йилһ*. В свою очередь, глагол

йилхх, согласно калмыцко-русскому словарю, имеет значения: 1) различать, отличать, разделять; 2) обособлять; отделять 3) полит. дискриминировать; подвергать сегрегации 4) с.-х. сортировать; калибровать (семена, зерно), 5) выяснять (вопрос); 6) грам. разбирать. Выдающийся востоковед Б.Х. Тодаева (1915-2014) в Словаре языка ойратов Синьцзяна приводит следующие значения слова *йилхх*: различать, отличать [Тодаева 2001: 147]. Значение «быть победоносным» применительно к глаголу *йилхх* указанными словарями не зафиксировано.

Хотя калмыцкий язык и обособился от халха-монгольского языка, однако генетическое родство между этими языками позволило известному дореволюционному монголоведу А.А. Бобровникову в Грамматике монгольско-калмыцкого языка, изданной в Казани в 1849 году, утверждать, что «нынешний язык калмыков, несмотря на то, что эти племена имели несколько особенное происхождение, и в последний период монгольской истории представляли собою в политическом отношении как бы особый народ, почти не имеет никакого отличия от языка северных монголов» [Бобровников 1849: 5].

В этой связи будет логичным провести сопоставление с монгольским эпитетом *ялж төгс нөгчсөн*. Монгольское слово *ялж* является одной из форм глагола *ялх*: 1) одолеть, возобладать, преодолеть, побеждать, одерживать победу, брать верх; 2) превосходить, отличаться [БАМРС, 1752-1753]. В словаре также зафиксирован близкий к ойратскому *ilaуuku* глагол *ялгух* ‘побеждать, преодолевать, одерживать верх; быть победоносным’ [БАМРС]. При этом зафиксированные в русско-калмыцких словарях значения глагола *йилхх* эквивалентны не монгольскому глаголу *ялгух*, а глаголу *ялгах*, имеющему значения ‘1) различать, отличать; 2) отделять, разбирать обособлять, распределять, сортировать, классифицировать’.

Полагаем, что ключевой целью любого перевода является адекватная (без существенной утраты изначального смысла) передача информации. Одним из ключевых понятий, которыми оперирует теория перевода, является эквивалентность. Советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ С.В. Виноградов (1925-2009) предлагал под эквивалентностью в теории перевода понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе [Виноградов 2001: 18].

Советский и российский лингвист, специалист в области перевода и переводоведения, доктор филологических наук В.Н. Комиссаров отмечал, что эквивалентность перевода заключается в максимальной идентичности содержания текстов оригинала и перевода [Комиссаров 1990: 51]. По мнению автора, в процессе перевода переводчик должен решить сложную задачу поиска и правильного использования необходимых элементов системы эквивалентных единиц, на основе которой создаются коммуникативно равноценные высказывания в двух языках [Комиссаров 1990: 47].

Несмотря на то, что современный калмыцкий язык является прямым потомком ойрат-монгольского языка, с XVII века калмыцкий язык претерпел довольно существенные изменения, включая трансформацию падежных окончаний существительных, изменение произношения отдельных слов, реформу орфографии, результатом которой стало исчезновение редуцированных гласных на письме, и, как следствие, потенциальная невозможность провести различие на письме между глаголами *ilaуuku* и *ilaуaku*. Кроме того, антирелигиозная политика советского государства привела к практически полному исчезновению в устной речи отдельных слов и выражений, использовавшихся для передачи буддийских терминов.

Помимо варианта *йилхн* можно встретить такой вариант перевода слова *ilaуun* как *йилхэн*. В калмыцко-русском словаре слово *йилхэн* является существительным, имеющим значения: 1) отличие 2) полит. дискриминация [Муниев 1977: 277]. Научным методом, предполагающим изучение предметов или явлений путем разложения их на первичные, простейшие элементы, основания, является метод анализа. В этой связи глагол *йилхх* и соответственно существительное

йилхэн, по мнению авторов, также могут быть переведены как «анализировать» и «анализ» соответственно.

Слово *төгсн*, очевидно, производно от глагола *төгсх* со значениями «кончатся, заканчиваться, оканчиваться» [Муниев 1977: 512] «завершиться, закончиться, исполниться» [Тодаева 2001: 265]. Соответственно вариант *Йилхэн Төгсн*, используемый в переводе «Дхарани Белозонтичной Тары, или Возвышенная Дхарани достижения наивысшей Непобедимой Великой Белозонтичной Отвратительницы, возникшей из ушниши Татхагаты», с большой долей вероятности будет воспринят читателем как «Анализ завершивший».

В любом случае замена слитного деепричастия *ilaуun* на существительное *йилхэн* представляется явно неэквивалентной. Обратим внимание, что в калмыцком языке слитное деепричастие обозначает дополнительное действие, одновременно протекающее с действием основного глагола и теснейшим образом связанное с последним, оно вместе с основным глаголом образует единое, как бы неразрывно слитное понятие. Замена же слитного деепричастия *ilaуun* на существительное *йилхэн* существенным образом искажает смысл и затрудняет его понимание читателем.

Еще более спорной является замена в калмыцком тексте, включённом в издание «Дхарани Белозонтичной Тары, или Возвышенная Дхарани достижения наивысшей Непобедимой Великой Белозонтичной Отвратительницы, возникшей из ушниши Татхагаты», в эпитетах «*ilaуun tögüsün üleqsen*» и «*ilaуun tögüseqsen*» двух разных слов «*tögüsün*» и «*tögüseqsen*» [Хутуqtу сауān šükürtü busudtu ülü ileqdeqci eke харin харилаqci oršiboі] на одинаковое *төгсн* [Дхарани Белозонтичной Тары 2015: 11, 15-18].

Причастие *üleqsen* является причастием прошедшего времени и восходит к глаголу *улх* ‘излишествовать, превосходить’ [Муниев 1977: 550]. В сложившейся ситуации возможно несколько вариантов. Самым простым будет полный перевод эпитета с использованием глаголов, знакомых современному носителю калмыцкого языка, к примеру, таких как *дишлх* или *дарх*, однако для религиозных текстов любых религий, имеющих письменную традицию перевода, обычно характерны большой консерватизм и наличие архаичных слов и выражений в сравнении с устной речью. Как правило, наличие в религиозных текстах устаревших слов и форм придает текстам большую степень достоверности (стратегия перевода «Перевод должен читаться как оригинал»).

Еще одним вариантом может стать повторное введение в употребление устаревших слов. Несомненным плюсом этого варианта будет восстановление богатства калмыцкого языка, однако реализация такого варианта возможна лишь при условии соответствующей информационно-разъяснительной работы, в том числе снабжения издаваемых публикаций необходимыми пояснениями в форме сносок или глоссария, прилагаемого к тексту. К сожалению, авторы переводов религиозных текстов, адресованных широкому кругу читателей, нередко игнорируют эту потребность читателя. Так, включенном в изданные к учениям Далай-Ламы XIV перевод Сутры Сердца каких-либо пояснений, адресованных читателю, не содержал [Далай-лама в Риге 2017, с. 54-55; Далай-лама в Риге 2018, с. 48-49].

Помимо изложенного, при реализации второго варианта также требует решения вопрос сохранения устаревших формы аффиксов существительных и прилагательных. К примеру, в переводе Сутры Сердца, сохраняя устаревшие слова, такие как *эйин*, *тейин* и *нуһуд* (последнее слово сохраняется выборочно) в деепричастии «*üleqsen*» заменяется аффикс *-qsen* на *-сн* [Далай-лама в Риге 2017, с. 54-55; Далай-лама в Риге 2018].

В этой связи более обоснованным для перевода эпитета «Бхагаван» с точки зрения использования единой стратегии перевода представляется предложенный Б.А. Бичеевым вариант *Йилхн Төгсн Улгсн*. В случае публикации с сохранением редуцированных гласных резонным также представляется предложенный Э.У. Омакаевой вариант изложения слова «*ilaуun*» как *илаһун*. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости более активной информационно-разъяснительной работы и издания русско-калмыцко-ойратского словаря буддийских терминов.

Список литературы и источников

1. Алмазная сутра – Дорджи Джодва – Сутра о Совершенной Мудрости, рассекающей /тьму невежества/, как молния. На старокалмыцком, калмыцком, русском языках (перевод со старокалмыцкого А. Бадмаева, с санскрита В.П. Андросова). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 157 с.
2. Бобровников, А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка / Соч. Алексея Бобровникова, бакалавра Казан. духов. акад. Казань: Унив. тип., 1849. - VIII, [4], 400, [3] с.
3. Большой академический монгольско-русский словарь. Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: В 4-х т. / [Ё. Баярсайхан и др.] Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001-2002. 2002. - 501, [5] с.
4. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. М.: Изд-во ин-та общ. среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. Далай-лама в Риге 2017. Учения для стран Балтии и России (Место, год издания и количество экземпляров не указаны). – 128 с.
6. Далай-лама в Риге 2018. Учения для стран Балтии и России (Место, год издания и количество экземпляров не указаны). – 136 с.
7. Далай-лама XIV Тензин Гьяцо Сутра Сердца. Учение о праджняпарамите. Элиста: Океан Мудрости. 2008. (Перевод Сутры сердца с ойратского на современный калмыцкий: Б.А. Бичеев). – 144 с.
8. Дхарани Белозонтичной Тары, или Возвышенная Дхарани достижения наивысшей Непобедимой Великой Белозонтичной Отвратительницы, возникшей из ушниши Татхагаты. На калмыцком и русском языках / Переложение с ойратского «ясного письма» (тодо бичиг) на современную калмыцкую графику А. В. Бадмаева; перевод с тибетского на русский язык, примечания и послесловие на русском языке Б.Л. Митруева. Элиста: Калм. Центр. Буддийский монастырь «Геден Шеддуб Чой Корлинг», 2015. – 113 с.
9. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. – 768 с.
10. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. М.: Высш. школа, 1990. – 253 с.
11. Омакаева, Э.У. Хальмг зурха. Мөргүл (Калмыцкая астрология. Молитвы). Элиста: Джангар, 1995. – 178 с.
12. Тодаева, Б.Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна – Шинжэнэ өөрд келнэ толь: (По версиям песен «Джангара» и полевым записям авт.) / Б.Х. Тодаева; Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2001. – 491 с.
13. Яхонтова, Н.С. Ойратский литературный язык XVII века / Н.С. Яхонтова. Москва: Вост. лит. РАН, 1996. – 151 с.
14. Xutuqtu sayān šükürtü busudtu ülü ileqdeqci eke xarin xariulaqci oršiboi,” online in Digital Library for International Research Archive, Item #11373, <http://www.dlir.org/archive/items/show/11373> (accessed April 1, 2022).

***

О НАЗВАНИЯХ БУРЯТСКИХ БАРИСА

В.И. Семенова

Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия)

Аннотация. Добайкальские буряты традиционно остаются приверженцами шаманизма. Как известно, шаманизм – это форма общественного сознания, в основе которого лежит вера в духов, почитание предков, священного огня и Природы. Одним из проявлений шаманизма является культ бариса – установленных вдоль дорог коновязей (сэргэ), отмечающих сакральные места, связанные с различными духами. В статье рассматриваются типы названий бариса.

Ключевые слова: шаманизм; бариса; функции бариса; способы образования названий бариса; типы названий бариса.

Добайкальских бурятов, проживающих в Иркутской области, называют западными, в отличие от восточных, расселенных в Республике Бурятия и Забайкальском крае. В религиозном отношении западные буряты остаются шаманистами. Бурятский шаманизм – это форма общественного сознания и психологии, порожденная, прежде всего, определенными социально-экономическими условиями жизни. Главное и характерное для шаманизма, как и для других языческих, натуральных религий, – поклонение силам природы. Д. Банзаров писал: «Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека и явления того и другого – вот что было источником черной веры» [Банзаров 1997: 31]. Шаманистическое религиозное сознание представляет собой определенную систему идей и взглядов на сверхъестественные силы, природу, общество и человека. В пантеоне божеств шаманиста каждый бог или дух, олицетворяя определенные явления природы или общества, считается их «хозяином», покровителем. Т. М. Михайлов, давая характеристику шаманистическому пантеону, подчеркивает его этническую сторону и выделяет божества «общепурятские, племенные, т.е. почитаемые в рамках расселения племени – булагатов, эхиритов, хоринцев и т.д., территориальные, т.е. распространенные в пределах нескольких родовых общин, улусно-общинные (родовые – В.С.), и, наконец, семейно-личные» [Михайлов 1987: 73–99].

Поскольку наиболее социально активной единицей у бурят были семья и улусно-родовая община, или род, то и религиозные представления людей были тесно связаны с существующими общественными отношениями. Описывая структуру территориально-родственных союзов у северных, т.е. добайкальских бурят, Б. Э. Петри писал: «Каждый род живет совершенно отдельно в своем собственном улусе и кочует самостоятельно, каждый род имеет своего «старшего в роде», отдельную религиозную касту, своих собственных богов-покровителей, которые не почитаются их территориальными родственниками. Тайлага каждый род справляет самостоятельно» [Петри 1924: 18–19]. К родовым божествам относились: родовые онгоны, духи предков рода, духи родовых шаманов и шаманок, души людей этого рода, почему-либо ставших почитаемыми, эжины местностей, занимаемых этим родом, эжины отдельных географических объектов. Как и другим божествам, родовым культам посвящали коллективные и частные молебны. Именно с поклонением духам умерших шаманских предков родовых группировок связаны обрядовые действия на бариса.

В «Бурятско-русском словаре» указаны как устаревшие значения слова *бариса* ‘подношение, дар; (опасное) место (на горных перевалах, где делались подношения духам)’ [1973: 89]. Бариса – это определенные места, связанные с духами умерших шаманов рода (улуса) либо людей, умерших в результате несчастных случаев. После физической смерти их «духи» становятся хозяевами – эжинами местностей – и требуют от сородичей подношений. В этих местах начинают происходить несчастные случаи, например, аварии, дорожно-транспортные происшествия, или люди не могут найти дорогу, подолгу блуждают в знакомых, казалось бы, местах. Тогда кто-то их «знающих», гадатели-үзэлшэн, определяют, что там появился «дух» местности. Все бариса связаны с «духами» определенной родовой группы. Но имен «хозяев» этих бариса, историю появления этих бариса мало кто знает. В большинстве случаев бариса называют по названию села, вблизи которого они расположены. Но довольно часто бурятские улусы носят названия, образованные от соответствующих этнонимов – названий родовых групп, расселенных там.

Сведения об обрядовой практике, связанной с бариса у западных бурят, известны еще с XVIII–XIX века. Так, М. Татаринов сообщает, что, проезжая мимо бариса, принято «жертвовать», бросая табак и закуривая [1958: 21]. Все бариса представляют собой локусы, расположенные вдоль дорог. Одни из них находятся на главных шоссе-дорогах,

другие – на второстепенных дорогах, соединяющих между собой села. Бариса на дорогах находятся обычно перед населённым пунктом, или за селом, на возвышенности, или на перекрестке дорог, или на повороте дороги. На больших трассах места бариса отмечены специальными столбами – сэргэ. На проселочных дорогах бариса могут быть никак не обозначены. Только местные люди знают, что здесь находится тот или иной сакральный локус.

Этнографы, в разное время проявившие интерес к этому бурятскому феномену, отмечали, что количество бариса у бурят «великое множество» [Копылов 1886: 60]. М. В. Хандагурова пишет, что «дорога от села Ахины до пос. Усть-Ордынский, протяженностью 57 км, проходит через населенные пункты Бухтумур, Байтог, Гаханы, Базой. Кроме того, в непосредственной близости от этой дороги когда-то располагались и другие улусы, сегодня уже не существующие. И на этом участке насчитывается 12 бариса» [Хандагурова 2008: 65], «между селами Булуса и Толодой Эхирит-Булагатского района Иркутской области менее 10 км; и по этой дороге и в окрестностях сел известно пять бариса» [Хандагурова 2008: 67], «таким образом, вся сеть главных и второстепенных дорог густо снабжена местами бариса, которые четко связаны с территорией конкретного одного или группы родов» [Хандагурова 2008: 66]. Поэтому точное количество бариса не установлено. На сайте администрации Иркутской области в «Перечне объектов культурного наследия регионального значения, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (ЕГРОКН)», наряду с другими объектами, указано около трех десятков наиболее известных бариса только одного района – Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

Имена шаманов, духам которых поставлены бариса, с течением времени забылись. Местные шаманы, даже зная, предпочитают все же не называть их.

Анализ материалов, собранных нами, позволяет выделить следующие типы названий бариса: 1. Название бариса, образованное от личного имени, как правило, от имени шамана: *Аяхайн бариса* – находится за селом Байтог Эхирит-Булагатского района Иркутской области. Это бариса, называемое по имени знаменитого байтогского шамана *Аяхай*. 2. Названия бариса, образованные от генонимов. Большинство названий бариса относятся именно к этой группе. Но очень часто названия бурятских улусов образованы от названия родовой группы, расселенной в этой местности. Тогда мы наблюдаем процессы трансонимизации: геноним → топоним → название бариса. Приведем примеры бариса Эхирит-Булагатского района: *Айдайн бариса* – Айдайское бариса, бариса шаманских духов рода Айдай; *Абхайн бариса* – Абхайское бариса; *Бухтумэрэй бариса* – Бухтумуровское бариса; *Ишинтын бариса* – Ишинтоевское бариса, *Мингани бариса* (лит. бур. Минганай) – Минганское бариса, *хойбын бариса* – Хойбинское бариса и др. Иногда встречаются бариса, относящиеся к родовой группе, которая сейчас проживает в нескольких десятках километров, например, *Ользоной бариса* – Ользоновское бариса. Современное село Ользоны находится в Баяндаевском районе в 50-ти километрах, на другой трассе. Очевидно, в местности, где расположено Ользоновское бариса, некогда были расселены подроды ользоновцев или находились летники ользоновцев. То же касается *Харануудай бариса* – Харанутское бариса; село Харанут находится в том же Эхирит-Булагатском районе, но далеко от указанного бариса. Необходимо отметить, что и там, где сейчас находятся села Ользоны и Харанут, есть бариса с такими же названиями.

3. Названия бариса, образованные от топонимов. В Эхирит-Булагатском районе у горы *Улан-Зула Толгой* ‘Красная свеча гора’ находится одноименное бариса, которое еще называют *Дайда-Бариса*, от *дайда* ‘земля, ширь, просторы’. *Шэбээн бариса* – Шибейское бариса находится в местности *Шэбээ* от диал. *шэбээ* ‘насыпь, вал, плотина’. Недалеко от деревни Толодой Эхирит-Булагатского района находится бариса *Алайрай дүрбэн төөдэйнүүд* – ‘аларских четыре бабушки’. Бариса установлено в честь «духов» четырех женщин, родом из Алари, вышедших замуж в Толодой. Рассказывают, что все они имели шаманское происхождение и считают их прародительницами местного населения.

В Баяндаевском районе на трассе между селами Люры и Баяндай существует довольно известное бариса – *Бүрүүтын төөдэйн бариса* ‘бариса Бурутской бабушки’, название которого происходит от названия местности *Бүрүүтэ* ‘сумрачный, пасмурный; неясный’. Существует местное предание о том, что там замерзла некая женщина. После смерти ее дух стал «хозяином» этой местности. На основной трассе бариса отмечено специально построенным сэргэ. «Духу» этой бабушки посвящено еще два бариса с такими же названиями. Одно расположено на проселочной дороге между селом Люры (бур. Налюур) и улусом Бохолдой (бур. Боохолдой), еще одно – на второстепенной дороге из Бохолдой в районный центр Баяндай. И здесь они никак не отмечены, но местные люди знают и почитают их.

В двух местах представлено бариса *Хиитайн төөдэйн бариса* ‘бариса Хитской бабушки’. Первое находится на качугской трассе на повороте к деревне Бахай (бур. Баахай), а второе – через несколько километров прямо перед этой деревней. Существует предание о том, что после смерти некую женщину решили хоронить на ее родине. По дороге нужно было проехать несколько деревень. Но, не доехав и до первой деревни, в местности *Хиита* похоронная процессия попала в непогоду. Ливень, град, ветер были настолько сильными, что лошади не смогли двигаться. Тогда сопровождающие похоронили покойницу у подножия ближайшей горы. Дух этой женщины стал требовать пожертвований. По нашему мнению, топоним *Хиита* происходит от *хиш* ‘вихрь’, парн. *хиш халхин* ‘ветер’.

4. Названия бариса, связанные с какими-либо происшествиями. Например, между селами Булуса и Толодой Эхирит-Булагатского района Иркутской области менее 10 км; и по этой дороге и в окрестностях сел известны пять бариса. Наиболее известны два бариса с одним названием, находящиеся на расстоянии нескольких километров друг от друга: одно непосредственно на трассе, а другое на местной проселочной дороге, идущей к Булусе с северо-востока. Они носят название «*Дүрбэн залууни*» – ‘четырёх молодых’, лит. бур. *дүрбэн залуугай*. Местная легенда говорит, что эти «четверо» – духи умерших молодых людей, имевших шаманское происхождение и похороненных на горе *Малан хада* (бур. *малаан хада* ‘лысыя гора’). Однако там они поссорились с духами шаманов, умерших раньше их. Поэтому их *хуури* ‘местообитание’ было перенесено на северо-западную сторону соседней возвышенности.

На трассе Иркутск – Усть-Орда, недалеко от поворота в село Капсал (бур. Хабсал), находится осень известное бариса *Харгын хоёр үбгэд* ‘Дорожных двух старцев’. По преданию, одного звали *Үнгын суутай Монхор*; он был из местности Айдай. Второй *Ботог түргэн халуудар* из местности Дурлай. Оба имели шаманские корни, были друзьями. Но однажды в дороге они поссорились. Ссора закончилась тем, что один из них убил другого и продолжил путь. Убитый же, силой своего шаманского происхождения, поразил молнией отъезжавшего. Попав в иной мир, они предстали перед судом умерших шаманов. Суд их примирил и назначил быть покровителями людей в дороге.

Проезжающие мимо бариса делают подношение, не останавливая машину: или бросают монетку в окно, или отсыпают табак из сигареты, или просто машут кистью руки. В последнее время для этих целей стали возить с собой в машине крупу или мелкие макаронные изделия. Обязательно останавливаются свадебный кортеж или похоронная процессия. Все выходят из машин и совершают возлияние алкоголем, «угощая» духа. Ежегодно в семьях совершают обряд, посвященный своим родовым «старцам и бабушкам», прося покровительства и помощи. Изредка, раз в 10–15 лет, духам бариса проводят общеродовой обряд с жертвоприношением одним-двумя баранами.

Таким образом, можно заключить, что бариса занимают особое место в культовой системе бурят. Тот факт, что подавляющее количество названий существующих бариса образованы от генонимов или топонимов и гораздо реже отражают какое-нибудь происшествие, и почти никогда – личное имя, говорит о том, что традиционному сознанию шаманиста прежде всего важно было локализовать место, «патронируемое» тем или иным «духом».

Список литературы

1. Банзаров, Д. Собрание сочинений / Д. Банзаров. Улан-Удэ: , 1997.– 239 с.
2. Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
3. Копылов, В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят-шаманистов / В. Копылов // Труды православной Миссии Иркутской епархии. Т. 4. Иркутск, 1886. – С. 550–580.
4. Михайлов, Т.М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции / Т.М. Михайлов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – 288 с.
5. Петри, Б.Э. Территориальное родство у северных бурят / Б.Э. Петри. Иркутск, 1924. – 23 с.
6. Татаринов, М. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым / М. Татаринов. Улан-Удэ, 1958. – 77 с.
7. Хандагурова, М.В. Обрядность кудинских и верхоленских бурят во 2-й половине XX века (бассейнов верхнего и среднего течения рек: Куда, Мурино и Каменка) / М.В. Хандагурова. Иркутск: Амтера, 2008. – 267 с.

***

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АЙМАЧНЫХ (ТОКУМНЫХ) ЭТНОНИМОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы происхождения этнонимических названий башкирских родовых подразделений (аймаков, токумов и др.). Все наименования автором условно разделены на две группы. Первую группу составляют названия, восходящие к этнонимам тюркских этносов. К ним относятся такие названия, как *Казах*, *Ногай*, *Киргиз* и др. Ко второй группе относятся этнонимы, связанные с такими нетюркскими народами, как *Калмык*, *Перс*, *Ар* и др. В статье также рассмотрены механизмы проникновения наименований каждой группы этнических образований в этнонимию родовых подразделений башкир.

Ключевые слова: башкирский язык; этноним; родовое подразделение; тюркские этносы; нетюркские народы.

Башкиры являются одним из современных народов России, сохранивших в своей памяти термины, наименования родоплеменной структуры народа, его этнических образований. Судя по материалам XVIII–XIX вв., в родоплеменной структуре башкир исторически выделялось три звена: племя, род и родовое подразделение, которые обозначались терминами *ил* ‘род, племя, объединение племён, родовое подразделение’; *ырыу* ‘племя, род’; *өлкән ырыу* ‘объединение родов’; *аймак* ‘род, круг, родовое подразделение’; *тубә* ‘род, родовое подразделение’; *током* ‘родовое подразделение’ и др. (Кузеев, 2015, 160 - 172). В словарях, научной литературе по этнологии и лингвистике, кроме вышеупомянутых, нашли отражение термины *тамыр* ‘корень, родовое подразделение’; *тармыт* ‘разветвление, родовое подразделение’; *ара* ‘родовое подразделение’; *булкә* ‘родовое подразделение’; *быуын* ‘поколение, колесо, звено’; *ботак* ‘ветвь рода, ветвь, ветка, сук’; *иләу* ‘род, родовое подразделение, муравейник’; *йокан* ‘родня, род, родовое подразделение’; *йолмак / йулмак* ‘порода, потомок, род’; *кус* ‘род, родовое подразделение, рой’; *йорт* ‘род, кочевье, кочевая группа, дом, хозяйство’; *парут* ‘порода, род, родовое подразделение’ и др. (АСБЯ, 2011, 432; АСБЯ, 2012, 864; АСБЯ, 2014, 944; АСБЯ, 2016, 83; БТДһ, 2002, 432; БРһ, 1996, 884; Хисамитдинова Ф.Г., Мухтаров Н.Г., 2021, 148 и др.). Изложенные факты свидетельствуют о разнообразии, богатстве и стойкости терминологии родоплеменной структуры башкир.

Безусловно, ряд терминов в современном башкирском языке перешли в разряд малоупотребляемых, пассивных названий. В частности, такие термины родоплеменной структуры, как *йолмак / йулмак* ‘род, потомок, порода’; *кус* ‘родовое подразделение, род, рой’; *иләу* ‘род, родовое подразделение, муравейник’ в современном башкирском языке употребляются в основном для обозначения потомков, сообщества только тех или иных животных. Ср.: *атайымдың һыйырының йолмағы* ‘порода, потомки коровы моего отца’; *инәһез кус* ‘бездомный рой (о пчелах)’; *зур кырмыска иләу* ‘большой муравейник’ и др.

В башкирском языке хорошо сохранилась не только терминология родоплеменной структуры, но и этнонимия, причём не только крупных этнических групп типа племя, род, но и более мелких образований, а именно родовых подразделений. В частности, в словарях башкирского языка, трудах исследователей, фольклорных текстах нашло отражение более 2 тысяч этнонимов. Башкирская этнонимия в определённой степени изучена. (Кузеев, 1974, 560; Гарипов, 1987, 429; Корнилов, 1971, 298 – 300; 131; Немет Д. 1971, 249-263, Рона – Таш, 1987, 49-59; Хисамитдиновой, 2017, 206 – 210; Сиражитдинов, 2000, 260).

Несмотря на определённую изученность, следует отметить, что не вся башкирская этнонимия нашла отражение в работах исследователей. В частности, если наименования крупных родоплеменных групп башкир рассматривались в научной литературе уже с XVIII в., то названия более мелких этнических образований типа *аймак*, *тубя*, *токум* и др. продолжают оставаться все ещё малоисследованными. Исходя из изложенного, в настоящей статье материалом для исследования стали в основном этнонимы, относящиеся к родовым подразделениям, т.е. аймакам, тубам, токумам и др. Отбор этнонимии родовых подразделений в качестве материала для нашего исследования связан не только со слабой их изученностью, но и массовостью. Действительно, этнонимия родовых подразделений у башкир достаточно богата. Например, нам удалось из словарей, фольклорных, этнографических текстов, материалов исследователей истории и этнографии башкир извлечь около двух тысяч наименований только родовых подразделений. Наличие огромного этнонимического материала, безусловно, позволяет выявить определённые закономерности в формировании данного пласта ономастической лексики. В частности, только массовый материал может пролить свет на происхождение тех или иных этнонимов, содержащих в своём составе этнические наименования отдельных народов, родоплеменных групп и т.д. Так, например, башкирский этноним *калмак*, судя по фольклорным и этнографическим текстам, не всегда может восходить к названию калмыцкого этноса. Источником появления этнонима *калмак* у башкир могли быть и небольшие группы других этносов, которые оставались при миграциях на землях башкир. В башкирском языке, как и в других тюркских языках, лексема *калмак* возводится к основе *кал-* с огузским аффиксом *-мак/мәк* (в кыпчакских языках *-ган/гән*) в значениях ‘оставшийся, остаток, часть ушедшего’. В этом случае только письменные источники и массовый материал могут пролить свет на происхождение того или иного этнонима.

Всю башкирскую этнонимию, восходящую к наименованиям этносов, условно можно объединить в две группы: названия, связанные с тюркскими этносами и названия, связанные с нетюркскими этносами. К группе этнонимов, имеющих отношение к тюркоязычным этносам, относятся названия *казак* ‘казах’, *кыргыз* ‘киргиз’, *төркмән* ‘туркмен’, *һарт / сарт* ‘сарт, узбек’, *каракалпак* ‘каракалпак’, *сыуаш* ‘чуваш’, *төрөк* ‘турок’. Этнонимы, связанные с нетюркоязычными этносами в аймачных названиях башкир представлены наименованиями *тажик*, *тезик* ‘таджик’, *персиян* ‘иранец’, *кызылбаиш* ‘иранец’, *бохар* ‘бухарец или таджик’, *калмак* ‘калмык’, *истәк* ‘истяк’, *сирмеш* ‘черемис’, *эйүкә-калмык* ‘аюка-калмык’, *арлар* ‘удмурт’ и др. Следует отметить, что перечисленные этнонимы как тюркского, так и нетюркского происхождения представлены в составе не одного, а нескольких родоплеменных групп башкир. Так, например, этноним *казак* ‘казах’ зафиксирован в составе названий родовых подразделений таких башкирских родов и племен, как бурзян, усерган, мин и др., ; *һарт / сарт* ‘узбек’ - в этнонимии тамьянцев, айлинцев, табынцев и др. [Сиражитдинов, 1999, 37-38].

Перечисленные и другие этнонимы зафиксированы не только в составе названий родовых подразделений, но и топонимов и антропонимов башкирского языка. Ср.: современные топонимы *Казакорошкан* ‘Казахурушкан’ – название горы в Абзелиловском районе РБ, дословно, гора, где бились с казаками; *Төркмән* ‘Туркменово’ – населенные пункты Баймакского и Туймазинского р-в РБ и др. Причины столь широкого проникновения этнонимов других народов, безусловно, разные. В первую очередь причины этого явления связаны с инкорпорацией отдельных родовых групп или представителей того или иного народа в состав башкир. В качестве примера можно привести легенду о происхождении аймака *кызыл ногай* ‘кизил-ногай’ тамьянских башкир Абзелиловского района РБ. По легенде, кизил-ногайцы в составе племени тамьян являются потомками средневековых ногайцев, которые не захотели уйти со своими ханами на Кубань. Тамьянские аксакалы и бии долго обсуждали вопрос о принятии пришлого рода ногайцев в состав своего племени. Наконец вопрос был решен и, по решению аксакалов, ногайцам были отведены земли по реке Большой Кизил. Эту группу пришлых ногайцев стали называть *кызыл ногай*, т. е. ногайцы с берегов р. Кизил. По легенде, сначала их было мало. Потом ногайцы породнились с тамьянцами, смешались с другими родовыми группами башкир. В результате их стало больше и сегодня они, кизил-ногайцы, живут уже в шести деревнях Абзелиловского р-на. [Полевые материалы, 1994].

Об инкорпорации в состав башкир части средневековых сартов, ногайцев, казахов, калмыков или их отдельных представителей свидетельствуют и материалы шежере, других письменных памятников XVI-XVIII вв. В качестве примера приведем отрывок из документа, опубликованного в “Материалах по истории Башкирской АССР”. Ср.: “Августа в 29 день писана купчая, что продал Ногайской дороги Табынской волости башкирец Кучюк Савельев (Савалеев - Ф.Х.) тое же дороги деревни Сарт тезику (таджику - Ф.Х.). Сабангулу Ишмаметеву пленного своего калмыка Бахуна...” [МИБ, 1949, 88]. Судя по данному документу, относящемуся к 1712 г., в Табынской волости в начале XVIII в. были не только башкирские, но и сартские населенные пункты. Этнический состав сартских деревень тогда был довольно сложным. В них, кроме башкир-сартов, судя по документу, были представлены и другие выходцы из Центральной Азии, конкретно – таджики. Вышеприведенный документ, кроме этого, свидетельствует и о том, что в башкирской деревне Кучука Савалеева проживал пленный из калмыков – Бахун.

Вторая большая группа названий родовых подразделений, судя по фольклорным и письменным источникам, восходит не к этнонимам непосредственно, а отэтнонимическим антропонимам башкир. Судя по современным словарям башкирских антропонимов, этнонимы от названий других народов в основном сохранились в фамилиях и отчествах. Сравните множество фамилий Казакбаевых, Узбековых, Бухаровых, Калмаккуловых, зафиксированных в словаре башкирских фамилий [Төпәев, 2010, 512]. Следует отметить, что этнонимов от антропонимов в XVII-XIX вв. у башкир было гораздо больше. Так, например, только во втором томе «Формулярных списков о службе чиновников Башкирско-мещерякского войска за 1836–1842 годы» зафиксированы башкиры Казаков Асадулла, Казакбаев Ильяс, и др., всего 69 фамилий с основой казак ‘казак’; Нугаев Минлигул, Нугайчурин Губейдулла, и др., всего 12 фамилий; Узбеков Байгунды, Узбаков Аккускар и др., всего 13 фамилий, восходящих к основе узбек и др. [Формулярные списки, 2014, 975, 1013, 1016, 1042]. Что же касается личных имен, активно употребляющихся у башкир в XVII–XVIII вв., то о них материал можно найти в башкирских шежере [родословных] и письменных источниках. Так, например, в записках И. И. Лепехина есть сведения о деревне и коше (летнем стойбище) бурзянского старшины XVIII в. Турхмена Янсеитова [Лепехин, 1772, 105]. Повидимому, с именем этого старшины и связаны названия двух родовых подразделений *төркмән* и наименование населенного пункта Туркменево в Баймакском р-не РБ.

Появление в башкирской ономастике антропонимов, образованных от этнонимов, связано с несколькими факторами. В первую очередь, появление таких имен связано с особенностями брачных

обычаев башкир. Судя по материалам фольклора, межэтнические браки были нередки в башкирском обществе. Так, например, в эпосе “Кузейкурпес” нашли отражение башкиро-казахские, легенде “Сарт- Аптряш” – башкиро-сартские (узбекские), “Шежере башкир племени юрматы” – башкиро-ногайские брачные отношения [БНТ, 1999, 68-125; БНТ, 1999, 138; БШ, 1961, 28]. По сложившейся традиции, невест из других этнических групп башкиры называли “килен из такого-то рода или народа”. Ср. *казак килен* ‘казахская сноха’, *нугай килен* ‘ногайская сноха’, *мишәр килен* ‘мишарская сноха’ и др. Кстати, этот обычай имеет место и сейчас. Ср.: *мәрийә килен* или *мәрийүшкә* ‘русская сноха’, *бүрәт килен* ‘бурятская сноха’ и др. Потомков снохи из других этнических групп башкиры часто называли отэтнонимическими именами. Так появлялись в башкирских деревнях Казакбай, Узбеки и др., от имени которых впоследствии распространились фамилии типа Нагаевых, аймачные или тукумные этнонимы – *казак араһы* ‘аймак казахов’, названия населенных пунктов типа *Калмак* – д. в Абзелиловском, *Һарт* – д. в Дуванском районах Республики Башкортостан [СТБА, 1980, 82-84, 165].

Ряд антропонимов от этнонимов башкирского языка связан с средневековым обычаем барымта, суть которого сводится к набегу на чужие роды и племена с целью захвата скота. Предки башкир, как и другие тюрки-номады, во время барымты обычно уводили скот, женщин и детей, которых впоследствии раздавали участникам набега. Детей башкиры обычно усыновляли и давали им зачастую отэтнонимические имена. Так появлялись в деревнях мальчики по имени Калмак, Төркмән, Һартбай, Бохарбай и др.

Третью группу отэтнонимических антропонимов составляют имена детей – найденышей, которых после межродовых распрей, сражений башкиры привозили домой. В устном народном творчестве башкир зафиксировано множество легенд и преданий об этом. В качестве примера можно привести легенду “Мамыт”, записанную в Зилаирском районе Башкортостана. Ср.: “В старину в ауле Юлдыбаево проживал башкирский батыр Букэт, который сражался с войском Батый-хана. Однажды Букэт захватил мальчика по имени Мамыт и привез его к себе домой. Так как этот мальчик весьма походил лицом на калмака, то и называть его стали калмаком. От Мамыта родился сын. Его также называли Калмаком...” [БНТ, 1987, 135].

Интересно отметить, что во многих башкирских населенных пунктах существуют легенды и предания об их прапрабабушках, привезенных из далеких краев, но не насильно, а по обоюдной любви. В качестве примера можно привести легенду о происхождении аймачного этнонима “татарзар” в тамьянской деревне Шигаево Белорецкого района. По легенде один из их предков служил в Крыму и оттуда привез крымскую татарку. По легенде, молодые очень любили друг друга. И когда пришло время башкиру вернуться домой, девушка бежала вместе с ним на Урал. Так в деревне появилась сноха татар килен. Ее потомков стали называть “татарзар” [Мухтаров 1909-1974].

Аналогичная легенда записана в Зианчуринском районе от представителя родового подразделения башкир – усерганцев “төрөктәр» [Полевые материалы, 1999]. Эти романтические легенды нашли отражение и в художественной литературе. В трилогии башкирской писательницы Гульнур Якуповой есть сюжет о привезенной из Крыма снохе, которую сначала называли *татар килен* ‘татарская сноха’, потом *татар әбекәй* ‘бабушка-татарка’ [Якупова, 2015, 728].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что механизмы проникновения этнонимов других народов в названия родовых подразделений башкир были разные. Часть этнонимов проникала непосредственно, т. е. этнонимы, вошедших в состав башкир отдельных этнических групп или их представителей, становились аймачным (токумным) именем того или иного родового подразделения. Другая часть аймачных имен башкир к этнонимам контактирующих с башкирами этносов имеет опосредственное отношение. Данная группа названий, судя по письменным источникам, восходит в личным именам башкир XVII-XIX вв.

Список литературы

1. АСБЯ, 2011-2016 – Академический словарь башкирского языка. В 10 т. Т.1, Уфа: Китап, 2011, 432; Т. 3, 2012, 944; Т. 4, 2012, 864; Т.6, 2014, 944; Т.7, 2015, 872; Т.8, 2016, 832.
2. БНТ, 1987 – Башкирское народное творчество. Т.2. Предания и легенды. Уфа: Китап, 1987. 576 с.
3. БНТ, 1999 – Башкирское народное творчество. Т.4. Эпос. Уфа: Китап, 1999. – 544 с.
4. БРһ, 1996 - Башкортса-русса һүзлек, М.: Дигора, 1996. 865с.
5. БТДһ, 2002 - Башкорт теленең диалекттары һүзлеге. Өфө: Китап, 2002. 432с.
6. БШ, 1960 - Башкирские шежере. Уфа, 1960. 304 с.
7. Гарипов, Т.М., Кузеев, Р.Г. Башкирские родоплеменные названия и их алтайские параллели / Т.М. Гарипов, Р.Г. Кузеев // Проблема общности алтайских языков. Л: Наука, 1971. С. 214 – 221.
8. Карнилов, Г.Е. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов / Г.Е. Карнилов // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971, С. 298 – 300.
9. Кузеев, Р.Г. Собрание научных трудов. В 7 т. Т. 1. Уфа: Китап, 2015. 360с.
10. Лепехин, И.И. Древние записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг. В 4 т. Т. 2. СПб, 1772.
11. МИБ, 1949 - Материалы по истории Башкирской АССР. В 6 т. Т. 3. М., Л., 1949.
12. Мухтаров, 1909-1974 - Записи краеведа Мухтарова Абдулмена (1909-1974) из д. Шигаево Белорецкого р-на Республики Башкортостан.
13. Немет, 1971 – Немет Д. Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971, С. 249 – 263.
14. Полевые материалы, 1994 - Полевые материалы автора 1994 г. из Абзелиловского р-на Республики Башкортостан.
15. Полевые материалы, 1999 – Полевые материалы автора 1999 г. из Зианчуринского р-на Республики Башкортостан.
16. Рона-Таш А. Иштэк // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 49 – 59.
17. Сиражитдинов Р.А. Башкирская этнонимия. / Р.А. Сиражитдинов. Бирск, 1999.
18. СТБА, 1980 - Словарь топонимов Башкирской АССР, Уфа: Китап, 1980, 200 с.
19. Төпәев, С.Х. Башкорт фамилиялары. Өфө: Китап, 2008. 114 с.
20. Формулярные списки, 2014 - Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещеряцкого войска за 1836-1842 годы. Уфа: ИИЯЛ, 2014. 1072 с.
21. Хисамитдинова, Ф.Г. Этнонимы северо-восточных башкир в топонимии Западной Башкирии / Ф.Г. Хисамитдинова // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 83–97.
22. Хисамитдинова, Ф.Г., Мухтаров, Н.Г. Башкирско-русский словарь обычного права / Ф.Г. Хисамитдинова, Н.Г. Мухтарова. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2021. – 148 с.

ОНОМАСТИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРОЕКТА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ФИТОНАЗВАНИЙ РЕГИОНА В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ШКОЛЫ И ВУЗА

*З.К. Беданоква, А.Н. Абрегов, А.А. Адзинова, Е.А. Сокур
Адыгейский государственный университет (Майкоп, Россия)*

Аннотация: Филологическое направление в региональном инновационном научно – практическом проекте «Многоуровневая модель формирования исследовательских и практических

(трудовых) умений у обучающихся сельских школ Республики Адыгея» состоит из ряда просветительских и образовательных мероприятий, целью которых является совершенствование знаний и умений в области ономастики русского языка, выработка исследовательских навыков по сбору и анализу региональных фитонимов и топонимов, а в конечном итоге воспитание в лучших этнокультурных традициях, знакомство с экологической грамотностью на русском языке.

Ключевые слова: региональные фитонимы и топонимы, лексикографическое описание, лингвокультурологический подход, воспитание.

Одним из важных аспектов в развитии ономастической науки видим в сохранении и изучении региональной ономастики как неотъемлемой части ономастического пространства нашей страны, как культурно-исторического кода кавказского региона. Майкопская ономастическая школа под руководством профессора Р.Ю. Намитковой (с 1998 по 2016 гг.) осуществляла свою деятельность в разных направлениях, отличительной чертой которых была интеграция с активными процессами в современном русском языке, в частности исследование ономастикона произведений современных авторов, различных сфер современной жизни: спорта, индустрии моды [Намиткова 2005]. Но постоянным, неизменным объектом изучения являлись различные виды региональной ономастической лексики. Развивая традиции майкопской ономастической школы, лаборатория лексикологии и региональной ономастики принимает активное участие в региональном инновационном научно – практический проекте «Многоуровневая модель формирования исследовательских и практических (трудовых) умений у обучающихся сельских школ Республики Адыгея». В основе проекта обозначены биоэкологическое, этнокультурное, этнопедагогическое, педагогическое, этнохозяйственное направления работы, опирающиеся на культурно-семантическую уникальность региона Республики Адыгея и направленные на формирование исследовательских, трудовых умений у обучающихся. Проект осуществляется в режиме не только межпредметного взаимодействия субъектов образовательного пространства сельской местности, но и в реализации совместных исследовательских, трудовых проектов с учеными и студентами Адыгейского госуниверситета.

В рамках филологического направления проект нацелен на совершенствование знаний и умений в области ономастики русского и адыгейского языков, выработку исследовательских навыков по сбору и анализу региональных фитонимов и топонимов, знакомство с экологической грамотностью на русском языке и акцентирует внимание на воспитании обучающихся в лучших этнокультурных традициях (русских и адыгских). В целом ономастический компонент в проекте носит краеведческий характер.

Концептуальные задачи проекта основаны на исследованиях в лексикографическом и лингвокультурологическом аспектах: деятельное участие школьников и студентов АГУ в подготовке и создании лексикографического описания топонимической картины Республики Адыгея, учебно-методического руководства к Топонимическому путешествию по карте РА с целью изучения исторически сложившихся и новых названий. Сквозь призму лингвокультурологического подхода осуществляется изучение фитонимов, названий объектов Черкесского сада и регионального растениеводства как компонентов уникальной черкесской культуры земледелия, вызывающей большой интерес не только у аграриев и селекционеров, но и у филологов для изучения ономастикона на русском и адыгском языках.

Детализация осуществления проекта состоит из нескольких позиций:

1. Создание проектной филологической группы из представителей членов лаборатории «Лексикология и региональная ономастика» АГУ, учителей и обучающихся сельских школ РА, составление списка проектной группы.

2. Разработка методических рекомендаций для учителей и руководителей по организации работы со школьниками и проведение обучающего семинара по работе над словарем топонимов для исполнителей из числа учителей и школьников.

3. Экспедиция по сбору фактического материала, формирование картотеки выявленных топонимов: названия населенных пунктов, водных объектов, объектов ландшафта (возвышенности, овраги, ущелья, долины).

4. Обработка, анализ и подготовка печатного варианта лабораторией «Лексикология и региональная ономастика».

5. Создание регионального ономастикона на основе топонимической лексики и словаря названий растений.

Реализация проекта возможна при участии как студентов, так и школьников, которые выполняют разные виды работ в соответствии с подготовкой и достижимостью задач. Так студенты бакалавриата и магистратуры работают в режиме производственной практики, предполагающей исследования в рамках полевых практик. Точнее организуется экспедиция по сбору фактического материала, формирование картотеки выявленных топонимов: названия населенных пунктов, водных объектов, объектов ландшафта (возвышенности, овраги, ущелья, долины). Итоговым мероприятием является организация конференции по результатам работы, систематизация и издание материалов.

Задачи проекта решаются школьниками под руководством учителей поэтапно и направлены на 1) выявление, изучение и описание названий местных (в пределах района проживания) географических объектов (топонимов, микротопонимов); 2) нахождение и систематизацию названий растений (фитонимов), произрастающих на местных территориях садовых и огородных культур на русском и адыгском языке под руководством учителя; 3) организацию республиканской конференции среди школьников, участвовавших в проекте, для анализа полученных результатов и обобщения опыта.

Для планомерной и эффективной работы члены лаборатории лексикологии и региональной ономастики создали методические рекомендации для учителей и макеты рабочих тетрадей для школьников-исследователей. Примерные методические рекомендации к урокам по русскому языку при изучении / повторении раздела *лексикология* включают информацию об основных понятиях ономастики, поскольку в словарный состав русского языка входит обширный класс слов имен собственных, называющих объекты окружающего мира – наименования географических объектов, населенных пунктов и т.п., а изучением таких единиц (собственных имен) занимается специальная наука – ономастика (ономастика в переводе с греческого – «искусство давать имена»). Указано, что в современной ономастике принято выделять различные типы имен собственных, однако объектом изучения избраны *топонимы* – имена земного пространства, среди которых выделяются *оронимы* – названия элементов рельефа (гора Фишт), *хоронимы* – названия любой области, территории (Кавказ), *гидронимы* – названия водных объектов (река Чехрак), среди топонимов выделяется группа микротопонимов (или *ойконимов*) – имен собственных, образованных от названий объектов отдельной местности – полей, оврагов, различных видов растений и т.д.

Учитывая, что топонимические сведения в данном исследовании являются бесценным источником информации об истории и духовной культуре русского и адыгского народов, закодированной в геопространстве окружающей среды, то этот материал может использоваться на уроках русского языка в качестве краеведческого компонента. Несомненно, такая деятельность призвана вызвать интерес со стороны учащихся и способствовать воспитанию бережного, внимательного отношения к истории и культуре своего народа, региона. Другой не менее важный аспект изучения, тесно связанный с геопространством региона, касается окружающей среды, а точнее флоры или растительного разнообразия местности, что позволит также расширить познания учащихся в области биологической науки. Эти исходные данные возможно реализовать в двух основных направлениях работы: 1. Составление микрословаря / словарика топонимов местности с указанием словообразовательного и этимологического компонентов. 2. Составление микрословаря / словарика наименований растений, произрастающих в Кошехабльском районе, с указанием и описанием традиционно выращиваемых на этой территории огородных и садоводческих культур.

Первое направление может быть реализовано путем поэтапного сбора материала по местным ойконимам, оронимам и гидронимам, который впоследствии может быть организован в словарь топонимических объектов района. Такой вид работы предполагает: 1) обращение к лексикографическим источникам, в частности словарям К.Х. Меретукова, Дж.Н. Кокова, Н.К. Костарновой и др., выявление и систематизацию всех топонимов и микротопонимов, относящихся к данной местности [Меретуков 1990, 2003; Коков 2000, 2001; Костарнова 2009]; 2) работа с архивными и статистическими материалами на базе соответствующих учреждений района; 3) применение метода опроса реципиентов из числа старейших жителей района о топонимической картине населенных пунктов и окрестностей; 4) составление картотеки, затем словаря с указанием адыгских вариантов названий, если таковые имеются.

Второе направление предполагает изучение флоры, характерной для данной местности, района, сбор наименований растений, произрастающих в местности, и составление специального фитословаря, в котором будут выделены такие подгруппы, как названия деревьев, названия кустарников, название трав и т.п. Этот вид работы предполагает: 1) изучение биоразнообразия климатической зоны, к которой относится Республика Адыгея на уровне состава растительного мира; 2) изучение словаря фитонимов Северного Кавказа, выявление и систематизацию названий растений, произрастающих в данном ареале; 3) применение метода опроса реципиентов из числа старейших жителей района о традиционно используемых сортах огородных и садоводческих культур земледелия; 4) описание материалов гербария местных растений; 5) составление картотеки, затем словаря с указанием адыгских вариантов названий, если таковые имеются. Для полноценного обеспечения фронта работ по данным направлениям есть возможность предоставления необходимой научной и учебной литературы.

Итогом работы школьников должна послужить картотека топонимов, фитонимов, которые являются словарными материалами. Кроме того, приобретение навыков исследовательской работы, безусловно, поможет учащимся с выбором профессии или сферы деятельности в будущем. Решение проекта обуславливает выполнение социального заказа в области воспроизводства субъектов сельского хозяйства, повышение привлекательности жизни в сельской местности, популяризацию науки, улучшение имиджа работника, связанного деятельностью в агросегменте.

Большое разнообразие топонимов на территории Северного Кавказа является одновременно и свидетельством сохранения языковых особенностей каждого народа и прочного «сплетения» сложившихся культурных традиций. Множество национальностей, проживающих на Северном Кавказе, имеют свою уникальную историю формирования имен собственных, точнее топонимов, которые отражают особенности, как единства, так и различия национальных культур. В этом отношении Северный Кавказ, как полиэтнический регион представляет собой своеобразную модель диалога культур. Негативные воздействия глобализации, проявившиеся в унификации и однообразии, навязывания определенных стереотипов для культур всех народов одновременно сосуществуют с процессами развития национального самосознания, интереса к сохранению самобытных имен собственных, в том числе топонимов.

Список литературы

1. Костарнова, Н.К. Тайны географических названий: словарь географических названий Республики Адыгея и Краснодарского края / Н.К. Костарнова. Майкоп: Магарин О.Г., 2009. – 151 с.
2. Коков, Дж. Н. Адыгская топонимика: в 2 т. Т.1. Нальчик: Эльбрус, 2000. – 488 с.
3. Коков, Дж. Н. Адыгская (Черкесская) топонимика: в 2 т. Т.1. Нальчик: Эльбрус, 2001. – 528 с.
4. Меретуков, К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Прометей, 1990. – 336 с.
5. Меретуков, К.Х. Адыгейский топонимический словарь: под ред. М.А. Кумахова, П.У. Аутлева. 3-е изд., доп. Майкоп: Качество, 2003 – 424с.
6. Намитокова, Р.Ю. Региональная ономастика: Учеб.-метод. пособие. / Р.Ю. Намитокова. Майкоп, 2005. – 70 с.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СЕЛА ПРЯМУХИНО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.М. Ганжина

Тверской государственный университет (Тверь, Россия)

М.Ю. Черненко

Прямухинская средняя общеобразовательная школа (Прямухино, Россия)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможностей использования краеведческого материала в образовательной деятельности в школе – как на уроках русского языка, так и во внеклассной работе. Приводится пример проведения школьного урока-конференции на основе местных ойконимов.

Ключевые слова: образовательный процесс; ойконим; микротопоним; личное имя; прозвище; диалектная лексика; культурно-историческое пространство.

На карте Тверской области село Прямухино занимает особое место. На наш взгляд, это богатейшее культурно-историческое пространство, несущее на себе отпечаток прежних времен, имеет совершенно особую ауру, где буквально во всем ощущается след, оставленный людьми ушедших поколений, что позволяет использовать краеведческий материал в образовательной и воспитательной работе с учащимися. Во второй половине XVIII и в течение всего XIX века имение Бакуниных являлось средоточием интеллектуальной жизни России.

Нам представляется, что для результативного воспитательного воздействия нужен “ключ”, положительный пример конкретных людей, живших на этой земле. Таким “ключом” в образовательном и воспитательном процессе может стать, в частности, тесное взаимодействие с музеем имени дворянского рода Бакуниных, находящимся на данной территории. В процессе изучения русского языка и литературы учащиеся занимаются исследовательской деятельностью, используя имеющийся богатый краеведческий материал, что способствует формированию чувства сопричастности к истории родного края и воспитанию любви к своей малой родине.

Приведем пример использования местных ойконимов на уроках русского языка при изучении лексического материала. После предварительного ознакомления учащихся с основными понятиями ономастики и знакомства с толковыми и ономастическими словарями каждый ученик получил задание подготовить сообщение о происхождении нескольких населенных пунктов Прямухинского сельского поселения (как современных, так и ныне не существующих). При этом дети должны были не только поработать со словарями, но и по возможности провести опрос старожилов, собрать легенды, связанные с происхождением того или иного ойконима.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ о происхождении ойконимов:

ВОВА: Меня заинтересовало происхождение названия деревни *Далёкуши* и деревень, которые находятся рядом, потому что я там часто бываю.

Далёкуши. Название со значением ‘удаленное, более дальнее’. Деревня расположена в петле реки Осуги, в 2,5 км к югу от Прямухина. Употребляется только в форме множественного числа. Есть сведения, что туда ссылали провинившихся в чем-то крестьян.

Дымцево. Сейчас не существует (показывает на карте). Оно образовалось от мужского личного имени *Дым*, *Дымец* в значении ‘дом, двор, семья’ или в значении ‘владелец дома, усадьбы, глава семьи’. Такое имя встречалось в прошлом, например: «Афоня Дым, крестьянин, 1605 год, Арзамас» [Веселовский 1974: 104]. Деревни с таким названием существуют в настоящее время в других районах Тверской области: Краснохолмском, Максатихинском, Сандовском [Воробьев 2005: 125].

Буянцево. Сейчас не существует (показывает на карте). Образовано от мужского личного имени *Буй* / *Буян* / *Буянец*, то есть ‘буйный, беспокойный, грубиян и забияка, задира и драчун’,

или ‘смелый, дерзкий, удалой’, или ‘самонадеянный, кичливый, гордый’ [Даль, 1: 140]. Такое имя и прозвище в прошлом давали нередко – ср.: «Буй Кузмин, 1539; Иван Буйко, крестьянин, 1661» [Тупиков 2004: 68]. Но вполне возможно, что название деревни было связано с ее местоположением: в говорах находим еще одно значение слова *буян* ‘майдан, вокруг открытое, возвышенное место’ [СРНГ, 3: 260].

Венера – поселок, ныне не существующий (показывает на карте). Абстрактное название советского времени. Как говорят старожилы, «мы вечерами сидели в Далёкушах и смотрели, как на востоке восходит *Венера* – вечерняя звезда».

Интересны и более прозаические названия-микротопонимы – например, просто **Глиняные Пруды** в Далёкушах, название говорит само за себя.

ДАША: Дедушка мой живет на хуторе **Шувалов**, с него и начнем. Название образовано от мужского личного имени *Шувал*, или *Шувай*, что значит ‘куль, кулек’ [Ганжина 2001: 575], а еще это десятый месяц мусульманского лунного года – то есть тут существуют две версии происхождения названия.

Опока – сейчас этого населенного пункта на карте нет, но в словаре Даля читаем: *опока* – ‘меловой известняк, белая, сероватая глина для обмазки щелей в избе’ [Даль, 2: 704]. Я думаю, что название было связано с почвой, богатой глинами, а возможно, там когда-то добывали известняк.

Вечерняя Заря – прежде деревня называлась **Новая жизнь**. Как пишет тверской историк В.М. Воробьев, «оба названия современные, не имеют корней в топонимической системе Тверской области. Замена естественного советского названия *Новая Жизнь* на сентиментальное *Вечерняя Заря* труднообъяснима» [Воробьев 2005: 74]. Видимо, среди членов топонимической комиссии были романтики...

Хутор **Вперед** (показывает на карте) – современное название, видимо, возникшее в советское время и вполне типичное для словаря революционной эпохи.

Желодник. По поводу этого названия у меня две версии, и обе связаны с растительным миром. Первая – от *жёлуди*: возможно, тут когда-то росло много дубов. Вторая версия – *желудником* называют конский каштан; это слово встречаем и в словаре Даля: *желудник* ‘дерево дикий каштан’ [Даль, 1: 545]. А он как раз растет у нас на хуторе **Вперед**. Так что, вполне вероятно, название имеет именно такое происхождение.

Хутор **Гурьяновка** – назван по владельцу или основателю по имени *Гурьян* – народная форма от христианского имени *Гурий* [Суперанская 2003: 160].

ВАЛERA: Я житель *Лопатина*, поэтому начну с этого названия. **Лопатино** – от мужского личного имени *Лопата*, которое давалось по фигуре, лицу или роду занятий.

Мытницы – название произошло от слова *мыт*, *мытница*, *мыто*, *мытня* – первоначально ‘пошлина’, затем ‘застава, место сбора податей за торговые сделки и привозные товары’ [Даль, 2: 373]. Наверно, этот пункт был местом уплаты торговой пошлины.

Очень странное и интересное название **Коростково**. Образовано от мужского имени *Короста* ‘покрытый коростой, с больной кожей, шелудивый’. Но возможны и другие объяснения: от *корост* ‘карась’ или *короститься* ‘чваниться, важничать, капризничать, обижаться’ [Воробьев 2005: 190].

Хорлово (карта) – от разговорной формы *Хорло* мужского личного имени *Харитон* ‘осыпающий милостями, щедрый, богатый’, ‘красота, слава, благосклонность’ [Суперанская 2003: 336]. Но и тут возможна еще одна версия: из *харло* ‘хайло, пасть, горло’, *харлать* ‘кричать, горланить, орать’, ‘жилить, оттягивать неправдой чужое’ [Даль, 4: 559].

МАКСИМ: **Богданово** – образовано от мужского личного имени *Богдан* ‘данный богом’. Такое имя давали порой незаконнорожденным детям и подкидышам. Имя встречалось очень часто, потому и фамилия *Богданов* – 18-я в частотном списке первых ста русских фамилий [Унбегаун 1989: 312].

Федорково – от разговорного варианта *Федорко* мужского личного имени Федор ‘дар бога’ [Суперанская 2003: 323]. Интересно, что эти два имени – славянское *Богдан* и греческое *Феодор* – обозначают одно и то же.

Осташково (карта) – от мужского личного имени *Осташко* из греч. *Евстафий* ‘устойчивый, хорошо построенный, уравновешенный, крепкий, здоровый’ [Суперанская 2003: 176]. Возможно, некоторые Осташковы – выходцы из города Осташкова.

ГЕОРГИЙ: **Заовражье** – расположено на правом высоком берегу Волошки, притока Осуги. Рельеф имел большое значение при переходах, нередко затрудняя движение. *Заовраг* ‘овраг’, ‘обрыв у реки’, ‘часть селения за оврагом’ [Даль, 1: 629]. Именно поэтому такой признак – за оврагом – оказался важнейшим при выборе названия.

Каравайцево – от мужского личного имени *Каравай* ‘непечатый, цельный хлеб’, ‘пшеничный хлеб на молоке с яйцами и маслом’, ‘круглый пирог с курицей’ [Даль, 2: 90]. Возможно, так раньше могли прозвать полного, рыхлого человека.

Пекишево – от мужского личного имени *Опекиш* / *Пекиш* ‘всякое печенье, хлебное’, ‘маленькая лепешка из остатков теста, ком’, отсюда переносное значение ‘неженка, пухлячок’ [Даль, 2: 699]. Таким образом, возможно, основателями деревень *Каравайцево* и *Пекишево* были люди, имевшие синонимичные прозвища, данные по внешнему виду.

Шаплово – от прозвища *Шапло* от тверского слова *шаплярый* ‘шепелявый, картавый’ [Даль, 4: 640].

Щёголево – от мужского личного имени *Щёголь* ‘кто любит щеголять нарядом, одеждой, модник, франт, белоручка, чистоплюй’ [Даль, 4: 672].

АНЯ: Я живу в деревне **Пречисто-Каменка**, которая имеет очень древнюю историю. Это название составное: первая часть дана по храму в честь праздника *Успения Пречистой Богородицы*, а вторая – по гидрониму *Каменка*, притоку Осуги. История отражается и в других названиях.

Абабково – как гласит легенда, в районе деревни расположен курган, в котором похоронен монгольский полководец *Абаб*, убитый в битве на *Бараньей горе* (изначально *Браньей горе*, так как там когда-то было поле брани, где бились русские полки с татаро-монголами). Но это народная этимология. Если же рассуждать научно, то, вероятно, ойконим восходит к прозвищу владельца или основателя деревни: в народе *обабком* называли ‘малорослого, тщедушного человека’ [Федосюк 1981: 144] или ‘вялого, плаксивого, боязливого’ [Даль, 2: 565].

Горицы – название связано со словами *гореть*, *гарь* – участок выгоревших лесов, впоследствии заболоченных.

Катушкино – тверской историк В.М. Воробьев в своем словаре пишет: «Этимология не ясна» [Воробьев 2005: 170]. Но можно предположить, что название связано с диалектным *катище* ‘место на берегу реки, куда по зиме свозят бревна, а по весне скатывают на воду для сплава; место свалки и пилки бревен’, ‘береговой склон, по которому скатывают бревна в реку при сплаве’ [Даль, 2: 98]; кроме того, в современных северных говорах одно из значений слова *катить* ‘сжигать лес на месте будущего поля’ [СРНГ 13: 128].

Сырково – скорее всего, связано с корнем *сыр-* ‘мокрая, сырая, влажная почва’ [Даль, 4: 385].

РОМАН: Я живу в деревне **Железово**. Возможно, оно так названо по составу почвы, где много железа, или по цвету почвы (желтоватая, рыжая). А может быть, тут когда-то жили кузнецы...

Мошник – так называют самца глухаря, вылетающего осенью на ягоду, то есть на моховые клюквенные болота. Отсюда, от слова *мох*, и пошло название деревни, которая расположена на левом берегу Каменки, а с востока к ней примыкает обширное болото.

Станция **Бакунино** железной дороги – мемориальное название в честь Михаила Александровича Бакунина, родившегося в усадьбе Прямухино. Сама фамилия *Бакунин* восходит к мужскому личному имени *Бакуня* ‘болтун, говорун, краснобай’ от *бакулить* ‘говорить, пустословить’ [Ганжина 2001: 44], а также ‘обманщик, плут, проныра’ [СРНГ, 2: 64].

Таким образом, подобная работа способствует внимательному и осмысленному отношению к слову, к причинам наименования знакомых с рождения мест, помогает в какой-то мере узнать об их истории; позволяет расширить словарный запас, в том числе с помощью лексики ограниченного употребления (архаизмов и диалектизмов); учит умению сопоставлять факты и делать выводы.

Название *Бакунино* дает возможность в дальнейшем перейти от современности к истории, к *микротопонимам* усадьбы Бакуниных. Вспоминаем, кто такой М.А. Бакунин, какую роль в создании «прямухинской гармонии» сыграл его отец, А.М. Бакунин, чья поэма «Осуга» может служить планом реконструкции усадьбы: настолько подробно в ней всё описано. Несмотря на то, что в создании паркового ансамбля принимали участие несколько поколений знаменитого рода, основателем культурных традиций семьи и создателем, по выражению В.Г. Белинского, «прямухинской гармонии», царившей в усадьбе и ощущавшейся всеми, кто здесь гостил, был именно Александр Михайлович Бакунин, один из самых просвещенных людей своего времени. Такую же гармонию можно наблюдать и в сложившейся в усадьбе системе микротопонимов, отражающих определенное восприятие окружающего мира и отношение к нему, эксплицирующих информацию о ценностных параметрах и установках семьи, обживавшей это пространство. На наш взгляд, именно личность основателя «прямухинской гармонии», его ценностные ориентиры, его жизненные интересы во многом сказались на названиях окружающих объектов, о чем мы уже писали [Ганжина, Черненко 2017].

Это лишь один пример использования краеведческих данных (топонимов и микротопонимов) в учебной и воспитательной работе. Однако имеющийся материал позволяет включать в учебный процесс самые разнообразные формы работы со старшеклассниками. Например, проведение уроков литературы на тему «Лев Толстой и Тверской край» (где используются уникальные свежие материалы, полученные в результате поисково-исследовательской деятельности тверских историков и краеведов). А также проведение интегрированных уроков (русский язык – литература – история), например, урок в девятом классе по теме «Сложные предложения с разными видами связи и их роль в художественном тексте». В качестве материала для исследования на этом уроке учащимся предлагается поэма А.М. Бакунина «Осуга», содержание которой позволяет увидеть личность создателя «прямухинской гармонии», другими глазами посмотреть на тот небольшой кусочек страны, где они живут...

Но, конечно же, самое эффективное и результативное воздействие на формирование внутреннего мира учащихся оказывает внеурочная деятельность. Именно здесь – при умелом руководстве заинтересованного преподавателя – может проявиться творческий потенциал учащегося. В частности, мы в своей деятельности используем следующие формы работы: подготовка школьников к участию в межмуниципальных краеведческих конференциях – г. Торжок, тема «Страницы необыкновенной жизни» (А.А. Бакунин); работа школьной медиастудии «Прямухино»: создание документальных фильмов с использованием краеведческого материала («Птенец гнезда Петрова», «Прямухинская гармония», «Боец невидимого фронта»). Фильмы были представлены на региональных фестивалях детского кинотворчества; подготовка ребят к участию к различным конкурсах, в том числе региональных. Например, в 2018 году литературно-музыкальная композиция «Воспитание нравственных ценностей в семье Бакуниных» (как часть проектного комплекса) заняла первое место в областном конкурсе, посвященном Михаилу Тверскому.

Совсем недавно в процессе преподавания литературы появилось новое направление – подготовка экскурсоводов по музею дворянского рода Бакуниных. Ребятам это очень интересно, именно здесь проявляется их творческий потенциал. Тематика экскурсий разнообразная. Есть темы, давно уже освоенные, в частности: «Представители рода Бакуниных в Крымской войне», «Женщины рода Бакуниных», «Приветим же Бакунину-сестрицу и милосердия приветим в ней сестру!» (Е.М. Бакунина). Некоторые темы находятся в состоянии разработки: «Художники и музыканты рода Бакуниных», «Бакунины и их окружение в войне 1812 года» и др.

Список литературы

1. Веселовский, С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1974. – 384 с.
2. Воробьев, В.М. Тверской топонимический словарь / В.М. Воробьев. М.: Русский путь, 2005. – 472 с.
3. Ганжина, И.М. Словарь современных русских фамилий / И.М. Ганжина. М.: АСТ Астрель, 2001. – 672 с.
4. Ганжина, И.М. Вербализация действительности в микропонимии дворянской усадьбы Бакуниных / И.М. Ганжина, М.Ю. Черненко // Ономастика Поволжья: Материалы XVI Международной научной конференции. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2017. Т. 1. – С. 301–307.
5. Грот, Я.К. Заметка о названиях мест // Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 1. СПб.: Тип. императорской АН, 1885. – 630 с.
6. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1989–1981.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л./СПб.: Наука, 1965–2018.
8. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. М.: Эксмо, 2003. – 544 с.
9. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. М.: Русский путь, 2004. – 896 с.
10. Унбегаун, Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун. М.: Прогресс, 1989. – 443 с.
11. Федосюк, Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь / Ю.А. Федосюк. М.: Дет. лит., 1981. – 239 с.

***

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ф.Ш. Пашаева Юнус, Я.А. Юнус

Кавказский университет (Карс, Турция)

Аннотация. В статье мы раскроем роль собственных имен при изучении русского языка как иностранного, выявим правила грамотного написания и произношения имен на русском языке, а также правила написания и произношения иностранных имен в русском языке. Эти правила часто меняются, они не являются чем-то устойчивым и неменяющимся. При чтении русских произведений на турецком языке мы видим, что имена просто транслитерируются, а сокращенные формы и краткие формы имен, являющихся в русском языке его неотъемлемой частью, не объясняются и не комментируются. В каждом языке собственные имена играют важную роль. Без имени невозможно и общение людей друг с другом в обществе. В любви и в ненависти мы обращаемся к именам. Без собственных имен жизнь в обществе невозможна. Нарисательная функция собственных имен является языковой универсалией. Другой особенностью собственных имен является связь с менталитетом.

Ключевые слова: преподавание русского языка как иностранного, собственные имена, глобализация, коммуникация.

На данном этапе исторического развития весь мир объединен идеей глобализма, и общение между народами приобрело такую форму, что стертые все границы. В такой ситуации иностранные имена собственные легко переходят из одного языка в другой. С именами собственными встречается каждый при знакомстве с новым языком и новым народом, то есть ярким показателем культуры народа становится имя, оно не только содержит в себе назывную роль, но и дает исторические и культурные знания. Мы все используем собственные имена, многие из которых

заимствованы из иностранных языков. При изучении иностранного языка, а мы в дальнейшем будем говорить о русском языке как иностранном, собственные имена становятся важной частью лексики и культуры.

Мы попытаемся раскрыть роль собственных имен при изучении русского языка как иностранного, выявим правила грамотного написания и произношения имен на русском языке, а также правила написания и произношения иностранных имен в русском языке. Эти правила часто меняются, они не являются чем-то устойчивым и неменяющимся. При чтении русских произведений на турецком языке мы видим, что имена просто транслитерируются, а сокращенные формы и краткие формы имен, являющихся в русском языке его неотъемлемой частью, не объясняются и не комментируются.

При переводе художественных произведений необходимо обращать особое внимание на фонетический облик собственных имен, для этого важно знать фонетические законы русского языка, знать законы транскрипции, транслитерации. Важно также знание особенностей исторического развития народа. Так, вопрос, который часто возникает у людей, начавших изучение русской культуры и русского языка, почему так много форм личных имен, направляет нас к истории. Мы объясняем студентам, что до принятия христианства восточные славяне использовали имена из своего языка, значение которых им было понятно. Если сравнивать с турецким языком, то и в восточнославянском языке было такое же использование имен с прозрачной семантикой.

В каждом языке собственные имена играли и играют важную роль. Без имени невозможно и общение людей друг с другом в обществе. В любви и в ненависти мы обращаемся к именам. Без собственных имен жизнь в обществе невозможна. Нарисательная функция собственных имен является языковой универсалией. Другой особенностью собственных имен является связь с менталитетом.

Менталитет определяется как типичное поведение определенного коллектива. Это означает, однако, что менталитет не прямо постижимое, но только проецируется из символических практик, если менталитет материализуется в мышлении, чувствовании, поведении. При этом поведение понимается в широком смысле как поступки, действия, так же и процесс именования как «символическая практика» занимает важную позицию как источник изучения истории менталитета и должен был бы подходить, в особенности потому что человек, занимающийся вопросами истории менталитета, который имеет дело больше всего с феноменом долгой продолжительности существования менталитета.

В межъязыковой коммуникации собственные имена занимают особое место, потому что без них это общение было бы невозможно. В родном языке имена, кроме того, связаны с дономастическим и постономастическим значением, то есть для носителя имеют намного больше значения, чем просто слова, которые остаются без перевода в другом языке. В действительности, имена собственные помогают общению и преодолению барьеров. При переводе имен вся эта экстралингвистическая информация теряется. Одной из главных проблем при переводе является сохранение и передача колорита. Эта проблема очень часто стоит перед переводчиком. «Колорит... это окрашенность слова, которую оно приобретает благодаря принадлежности её референта – обозначаемого им объекта – к данному народу, определённой стране или местности, конкретной исторической эпохе. Благодаря тому, что он, этот референт, характерен для культуры, быта, традиции, – одним словом, особенностей действительности в данной стране или в данном регионе, в данную историческую эпоху, в отличие от других стран, народов, эпох» [Влахов 1980: 114].

Сложности перевода собственных имен связаны с тем, что они обладают богатой экстралингвистической информацией и как словесные знаки имеют три плана значения: дономастическое, ономастическое и отономастическое. Отличительные особенности онимов также накладывают сложности при переводе. Кроме этого, освоить иностранные имена в том или ином языке также вызывает трудности перед переводчиком.

Если используются иностранные имена, то можно говорить о межъязыковой коммуникации, потому что при этом сравниваются, или точнее соприкасаются две культуры. Вся сложность передачи и понимания собственных имен не видят те, кто не занимается филологическим исследованием, потому что прикладным вопросам не придаётся большого значения. В данной работе мы поэтому остановились на прикладных вопросах онимов. При переводе важно понимать реальные противоречия, связанные с функционированием имен в речи и в языке. К сожалению, до сих пор нет точных правил, невозможно по определенным критериям сказать, какое имя переведено верно, а какое нет. Поэтому в статье мы хотели подчеркнуть важность создания этих правил. При анализе имен как в художественной литературе, так и в повседневном языке, мы видим, что наиболее часто применяемым способом является транскрипция.

Список литературы

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / под ред. М.А. Романовой / С. Влахов, С. Флорин. М.: Междунар. отнош., 1980. – 343 с.
2. Супрун, А.Е. Экзотическая лексика / А.Е. Супрун. М.: ФН, 1958. –231 с.
3. Чернов, Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык / Г.В. Чернов // Учёные записки первого МГПИИЯ. Т. 16. М., 1958. – С. 223–228.

***

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАНИЯ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В.В. Робустова, А.С. Коваленко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Аннотация. *Формирование и развитие ономастической компетенции как части межкультурной коммуникативной компетенции представляется необходимым в рамках программ гуманитарных направлений подготовки в университетах. Имя собственное, как языковой знак, выступает средством хранения и передачи в сжатом виде обобщенной информации энциклопедического и собственно лингвистического характера, а прецедентные имена репрезентируют коллективное знание о мире и относятся к коллективным формам интерпретации и оценки этих знаний. В статье представлены эвристические задания, использованные в учебном пособии «Имя в культуре, культура в имени: по следам прецедентной ономастики», основанные на теории множественного интеллекта и позволяющие не только формировать ономастическую компетенцию и развивать творческий потенциал обучающихся, но и реализовать индивидуальную стратегию обучения в вузе.*

Ключевые слова: *ономастическая компетенция, прецедентные имена, эвристические задания, множественный интеллект.*

Включение ономастики как отдельной дисциплины в образовательные программы университетов по гуманитарным направлениям подготовки представляется особенно актуальным в свете вступления в силу с 01 сентября 2024 года нового Перечня направлений подготовки высшего образования (утвержден 01 февраля 2022 г.) – область образования «Гуманитарные науки и языки», укрупненная группа специальностей и направлений подготовки «05. Язык,

общественные коммуникации, медиа и журналистика», наименования направлений подготовки и специальностей: «Языкознание и литературоведение»; «Интеллектуальные системы в гуманитарной среде»; «Фундаментальная и прикладная лингвистика»; «Общественные коммуникации, медиа и журналистика»; «Перевод и переводоведение». Для успешной работы в любой из перечисленных сфер необходимы обширные фоновые знания как для адекватной интерпретации информации с учетом широкого и узкого контекстов, так и для построения собственного дискурса в зависимости от целевой аудитории. Имена собственные представляют собой уникальные языковые знаки, которые характеризуются наличием как языкового (лингвистического), так и неязыкового (энциклопедического) компонентов значения. Способность имен наращивать энциклопедический компонент значения и актуализировать его в различных контекстах подчеркивает необходимость изучения ономастики в целом и прецедентных имен в частности в вузовских программах. Подтверждением тому служит межкаультетский курс «Прецедентные имена в культуре и коммуникации», прочитанный в МГУ имени М.В. Ломоносова в осеннем семестре 2021–2022 учебного года и пользовавшийся большой популярностью у студентов разных факультетов/направлений подготовки.

Различные подходы к изучению прецедентных феноменов в целом и прецедентной ономастики в частности позволяют сформировать ономастическую компетенцию выпускника, которая является частью межкультурной коммуникативной компетенции, входящей в группу компетенций «Коммуникация и межкультурное взаимодействие» как образовательных стандартов Московского университета, так и Федеральных государственных образовательных стандартов поколения 3++. Изучение особенностей функционирования прецедентных имен в различных типах дискурса, анализ заложенной в них социокультурной информации, рассмотрение прецедентного имени с точки зрения реализации ономастического кода культуры в его связке с репрезентацией ценностных установок определенного общества в конкретный исторический период дает возможность развивать прецедентную ономастику как один из ключевых способов формирования указанных выше компетенций. В результате комплексного изучения прецедентных онимов нами было написано учебное пособие «Имя в культуре, культура в имени: по следам прецедентной ономастики», в основу которого мы заложили полимодальный подход к работе с материалом, учитывая возможность формирования и развития нескольких групп универсальных компетенций на его основе (группы компетенций «Научное мышление», «Разработка и реализация проектов», «Командная работа и лидерство», «Самоорганизация и саморазвитие»).

Возможность развития ряда компетенций одновременно реализуется благодаря использованию теории множественного интеллекта Говарда Гарднера, который выделил три значения термина интеллект: «1. Отличительная черта всех человеческих существ (каждый из нас обладает восемью или девятью интеллектами). 2. Качество, на основе которого люди отличаются друг от друга (никакие два человека – даже монозиготные близнецы – не обладают абсолютно одинаковыми интеллектуальными профилями). 3. Способ выполнения человеком определенной задачи с учетом своих интересов («Возможно, у Джо весьма высокий музыкальный интеллект, но я ничего не понял из его интерпретации этой музыкальной пьесы») [Гарднер 2007: 16]. Ученый выделил следующие виды интеллекта: лингвистический или вербально-лингвистический, логико-математический, музыкальный, пространственный или пространственно-визуальный, телесно-кинестетический, межличностный, внутриличностный, натуралистический и экзистенциальный. Учет профилирующих типов интеллекта распространен не только в образовательной среде, но и в направлениях, связанных с исследованием и развитием творческих способностей человека. Именно поэтому мы заложили множество эвристических заданий в наше учебное пособие, что позволило нам не только формировать ономастическую компетенцию, но и развивать творческие способности обучающихся, использовать разные типы заданий с учетом теории множественного интеллекта.

Теория эвристического обучения А.В. Хуторского нацелена на «конструирование учеником собственного смысла, целей и содержания образования, а также процесса его организации» [Хуторской 2003: 9]. Ученый выделяет три группы эвристических методов – оргдеятельностные, когнитивные и креативные, которые отражают соответствующие виды образовательной деятельности: организация, познание, созидание. Эвристическое задание – «учебное задание, имеющее целью создание учеником личного образовательного продукта с использованием эвристических способов и форм деятельности» [там же: 5]. К основным признакам эвристических заданий относятся их открытость (отсутствие заранее известного, шаблонного результата), опора на творческий потенциал ученика (профилирующий интеллект, что способствует как более успешному выполнению задания, так и развитию данных способностей), проблемная постановка задания и ее актуальность в соответствующей области, сочетание универсальности предметной основы задания и уникальности ее восприятия обучающимся. При составлении заданий в учебном пособии «Имя в культуре, культура в имени: по следам прецедентной ономастики» мы опирались на критерии оценки эвристических заданий, разработанные А.В. Хуторским: зажигаемость (степень побуждения обучающегося к выполнению задания через увлекательную форму), эвристичность (развитие творческого мышления, стремление создать что-то новое), образовательная значимость, технологичность (наличие в задании алгоритма или инструментария его выполнения), человекообразность (наличие личностно-значимого смысла в задании, возможность самореализации), практическая значимость.

Приведем примеры использования эвристических заданий в курсе «Прецедентные имена в культуре и коммуникации», которые нашли свое отражение в нашем пособии.

Выберите реально существующую/существовавшую или вымышленную личность, являющуюся знаковой для большого числа представителей русскоязычного лингвокультурного сообщества. Войдите в образ этого человека и покажите его. Отгадайте, кто есть кто в вашей группе.

Придумайте свои варианты для ономастических биномов (в паре должно быть одно название одушевленного предмета, другое неодушевленного). Положите их в коробочку, перемешайте и разыграйте. Напишите биному на попавшуюся тему и оформите литературную газету вашей группы.

Вытяните карточку с указанным видом имени собственного, напишите три–пять примеров прецедентных имен соответствующего типа. Разбейтесь в группы и сочините свою историю, используя написанные вами антропонимы / топонимы / зоонимы / гидронимы и т.д. Карточка из имаджинариума поможет вам с темой.

Какова основная идея, представленная мемом? Используя поисковые системы Google или Yandex, найдите и кратко охарактеризуйте сферы (продукты), в которых встречаются данные прецедентные имена. За счет чего происходит расширение/сужение смыслового потенциала прецедентного имени?

Почему ономастический синквейн стихотворения А.С. Пушкина «Что в имени тебе моем...» представлен именно так? Проведите исследовательский поиск и представьте его интерпретацию.

*Каролина Собаньская.
Киев. Петербург.*

Ржевуский, Лолина. Витт.

Любовь пройдет, останется лишь память.

Клеопатра Невы.

*Выберите одно из своих любимых стихотворений и составьте ономастический синквейн. Представьте его аудитории.

Эвристические задания предполагают как индивидуальную, так и групповую деятельность, давая большую свободу выбора интересующей обучающихся темы и формы представления результата образовательной деятельности.

Задания оргдеятельностного типа используются в качестве дополнения к традиционным заданиям на прочтение или просмотр некоторого текстового или видео фрагмента и понимание его содержания: обучающимся предлагается структурировать самые важные идеи с помощью постеров и ментальных карт. В результате их выполнения студенты учатся выделять главные мысли, находить причинно-следственные связи, пользоваться онлайн ресурсами для создания учебных материалов (*Canva, Mindmeister* и др.).

Работая в парах, обсудите способы визуализации информации. Представьте ключевую информацию, изложенную в тексте, в визуализированном формате. Возможные идеи вы найдете в статье «15 онлайн сервисов для создания блок-схем».

Для выполнения заданий стимулируется использование различных ИКТ-инструментов: создание обучающимися собственного блога на www.mozello.com/ru, посвященного жизни и деятельности одного из ученых; написание сценария, съемка и монтаж короткометражного фильма в программе movavi.ru, создание и проведение опроса онлайн с помощью ресурсов *Googleforms* и *Surveymonkey*. Данные типы заданий не только позволяют разнообразить формы изучения и работы с прецедентными именами собственными, но и формируют информационную компетенцию у обучающихся.

Разбейтесь на группы. Выберите одну из предложенных карточек и напишите сценарий короткометражного фильма, взяв за основу имеющуюся информацию: список действующих лиц, место и время событий. Придумайте название для своего фильма.

Рапунцель, Василиса Премудрая, Снегурочка. XXI в. Офис Google

Баба Яга, Румпельштильцхен, Алладин. I в н.э. Рим

*Снимите и смонтируйте короткометражный фильм по написанному вами сценарию. При выполнении этого задания воспользуйтесь советами из Приложения.

В пособии содержатся и другие творческие задания: создать собственный мем с использованием прецедентных онимов – личных имен деятелей кино и названий фильмов; нарисовать ассоциации, вызванные музыкой, назвать свои картины и организовать художественную выставку и т.д.

Широко применяются игровые задания эвристического характера.

Игра в «данетки». Загадайте название фильма, задача ваших одноклассников – узнать, какой фильм был загадан. Для этого они могут задавать наводящие вопросы, ответом на которые будет «да» или «нет». Выигрывает тот, кто отгадает большее количество фильмов.

*Попробуйте угадать название фильма по эмодзи.

Использование эвристических заданий для развития всех видов интеллекта позволяет успешно формировать и развивать универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции обучающихся различных направлений подготовки. Ономастическая компетенция, под которой мы понимаем способность использовать имена собственные в прямой

и не прямой функции наречения для решения коммуникативной задачи, а также интерпретировать культурно-маркированную информацию, репрезентируемую онимами, представляется одним из индикаторов коллективного интеллекта (термин Ю.М. Лотмана), развитие и сохранение которого представляется одной из ключевых задач современного образования.

Список литературы

1. Гарднер, Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта / Г. Гарднер. М.: Вильямс, 2007. – 512 с.
2. Образовательный стандарт МГУ имени М.В. Ломоносова по направлению подготовки «Лингвистика» <https://www.msu.ru/sveden/eduStandarts/2059/>
3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» (Зарегистрирован 03.03.2022 № 67610) [электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033>
4. Хуторской, А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. М.: Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.

СПИСОК АВТОРОВ

- Абрегов А. Н. – с.384
Агабекова Ж.А. – с.153
Адзинова А.А. – с.384
Асмондьяров В.Н. – с.118
Афанасьева М.А. – с.210
Ахметова М.В. – с. 44
Багомедов М.Р. – с.121
Бакутов В. А. – с. 125
Бардаков А. И. – с. 48
Бардакова В. В. – с. 53
Басангова Т. Г. – с. 130
Бахшиева Т. Л. – с. 9
Беданокова З. К. – с. 384
Беляев А. Н. – с. 132
Беляева М. Ю. – с. 12
Боброва М. В. – с. 59
Борлыкова Б. Х. – с. 135
Бражник Л.М. – с.299
Брыкова А. А. – с. 309
Бубнова Н. В. – с. 138
Бурченкова А. А. – с. 302
Бут-Гусаим С. Ф. – с. 306
Варникова Е. Н. – с. 238
Васильева Н. В. – с. 15
Васильева О. А. – с. 253
Верещагина А. Н. – с. 313
Верещагина О. Н. – с. 313
Волков С. С. – с. 62
Врублевская О. В. – с. 66.
Габибли Р. Ю. – с. 257
Галиуллина Г. Р. – с. 70
Ганжина И. М. – с.388
Гарькуша А. А. – с. 242
Генералова Е. В. – с. 317
Гусейнова А. И. – с. 142
Дамбуев И. А. – с. 146, 150
Данилина Н. И. – с. 18
Дедоченко О. Б. – с. 345
Демидович Т. В. – с. 321
Дубова С. С. – с. 62
Душиньски-Карабаш Х. – с.72
Жаркынбекова Ш. К. – с. 153
Ильин В. Н. – с. 225
Исмаилов Э.М. – с. 76
Казнина Е. А. – с. 213
Какимова М. Е. – с. 194, 345
Каримова Г. Р. – с. 370
Картавенко В. С. – с. 217
Катермина В. В. – с. 77
Кириллова Е. Д. – с. 261
Кирпичева О. В. – с. 265
Кичикова Н. А. – с. 7, 158
Климкова Л. А. – с. 80
Коваленко А. С. – с.394
Козлова Ю. Е. – с. 194
Комлева Н. В. – с. 325
Корнеева А. Х. – с. 161
Корнейчук Т. А. – с. 269
Королева И. А. – с.
Красовская Н. А. – с. 84
Крюкова И. В. – с. 23
Ланге Н. В. – с. 329
Ларионова М. Ч. – с. 332
Лесников С. В. – с. 167
Ляпидовская М. Е. – с. 336
Манджиев Н. Ц. – с. 172
Манджиева А. Н. – с. 372
Матвеев Е. М. – с. 62
Мезенко А. М. – с. 89
Мельникова А. Р. – с. 177
Мельникова Т. Н. – с. 246
Менкенов А. В. – с. 372
Менкенова К. В. – с. 372
Меркель Е. В. – с. 150
Мокиенко В. М. – с. 180
Мустафаев Ф. Н. – с. 272
Мухамадиева Д. М. – с. 113
Мызников С. А. – с. 185
Навашева В. А. – с. 372
Назаров А. И. – с. 92
Никитина Т. Г. – с. 180
Николаев Е. Р. – с. 96
Орлова О. Е. – с. 102
Пашаева Юнус Ф. Ш. – с.392
Петрачкова И. М. – с. 340
Петешова О. В. – с. 190
Попов С. А. – с. 26
Попцова О. С. – с. 246
Разумов Р. В. – с. 221
Рассадин А. П. – с. 225
Робустова В. В. – с. 29, 394
Романова Т. П. – с. 230
Рычков С. Ю. – с. 274
Сабиева Е. В. – с. 194, 345
Сальнова О. В. – с. 277
Сарбашева С. Б. – с. 198
Семенова В. И. – с. 376
Сироткина Т. А. – с. 348
Смирнова А. С. – с. 62
Соколова А. А. – с. 281
Сокур Е. А. – с.384
Сулейман М. М. – с. 285
Сулейманова Р.А. – с. 33
Султангареева Р. А. – с. 351
Супрун В. И. – с. 7, 35
Сусеева Д. А. – с. 202
Теуш О. А. – с. 289
Трофимова С. М. – с. 204
Фатеева Н. А. – с. 281
Федотова Т. В. – с. 250
Фокина М. А. – с. 359
Хисамитдинова Ф. Г. – с.380
Хоронекко С. С. – с. 177
Цветкова Е. В. – с. 294
Цепкова А. В. – с. 106
Черненко М. Ю. – с. 388
Чаукерова Г. К. – с. 113
Шаповал В. В. – с. 363
Шарихина М. Г. – с. 62
Шаяхметов Р. Л. – с. 233
Шеремета Т. В. – с. 246
Шетгэля В. – с. 367
Шехтман Э. Н. – с. 115
Шклярник В. А. – с. 206
Шохра М. – с. 359
Щербак А. С. – с. 41
Юнус Я. А. – с.392
Юсупова А. Ш. – с. 110

Научное издание

ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ

Материалы XX Международной научной конференции
г. Элиста, 5-7 октября 2022 года

Главные редакторы Н. А. Кичикова, В. И. Супрун

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 07.09.2022 г. Формат 60x84/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 46,5. Тираж 500 экз. Заказ № 7639.

Издательство «ПринТерра-Дизайн»
(8442) 23-87-01
mail@printerra.com

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»
400120, г. Волгоград, ул. Чембарская, д. 16
(8442) 90-49-76
www.pr-dvor.ru.